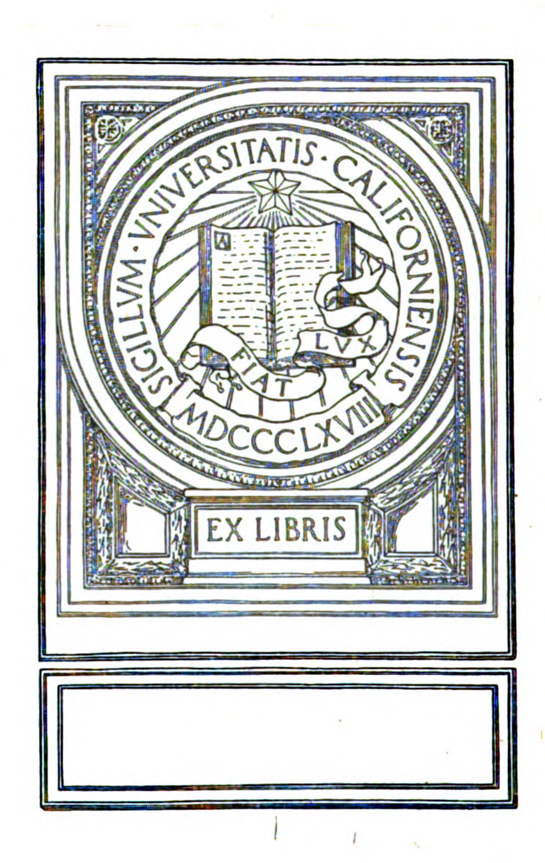
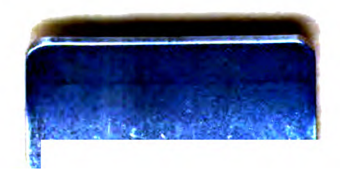

UC-NRLF
$B 603 909

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT
LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XIV-й. № 9-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

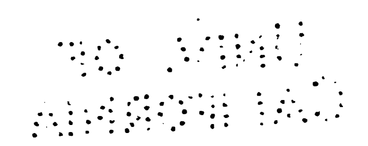
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬ.

1905 г.

С ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 29-го августа 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Государство Россійское созидалось и крѣпло неразрывнымъ единеніемъ Царя съ народомъ и народа съ Царемъ. Согласіе и единеніе Царя и народа великая нравственная сила, созидавшая Россію въ теченіе вѣковъ, отстоявшая ее отъ всякихъ бѣдъ и напастей, и является донынѣ залогомъ ея единства, независимости и цѣлости, матеріальнаго благосостоянія и развитія духовнаго въ настоящемъ и будущемъ.

Въ Манифестѣ Нашемъ, данномъ 26 февраля 1903 года, призывали Мы къ тѣсному единенію всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества для усовершенствованія государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя въ мѣстной жизни. И тогда озабочивала Насъ мысль о согласованіи выборныхъ общественныхъ учрежденій съ правительственными властями и объ искорененіи разлада между ними, столь пагубно отражающагося на правильномъ теченіи государственной жизни. О семъ не переставали мыслить Самодержавные Цари, Наши предшественники.

Нынѣ настало время, слѣдуя благимъ начинаніямъ Ихъ, призвать выборныхъ людей отъ всей земли Русской къ постоянному и дѣятельному участію въ составленіи законовъ, включивъ для сего въ составъ высшихъ государственныхъ учрежденій особое законосовѣщательное установленіе, коему предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Въ сихъ видахъ, сохраняя неприкосновеннымъ основной законъ Россійской Имперіи о существѣ Самодержавной Власти, признали Мы за благо учредить Государственную Думу и утвердили Положеніе о выборахъ въ Думу, распространивъ силу сихъ законовъ на все про-

странство Имперіи, съ тѣми лишь измѣненіями, кои будутъ признаны нужными для нѣкоторыхъ, находящихся въ особыхъ условіяхъ, ея окраинъ.

О порядкѣ участія въ Государственной Думѣ выборныхъ отъ Великаго Княжества Финляндскаго по вопросамъ общихъ для Имперіи и сего края узаконеній будетъ Нами указано особо.

Вмѣстѣ съ симъ повелѣли Мы Министру Внутреннихъ Дѣлъ безотлагательно представить Намъ къ утвержденію правила о приведеніи въ дѣйствіе Положенія о выборахъ въ Государственную Думу, съ такимъ разсчетомъ, чтобы члены отъ 50 губерній и области Войска Донского могли явиться въ Думу не позднѣе половины января 1906 года.

Мы сохраняемъ всецѣло за Собою заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи Учрежденія Государственной Думы, и когда жизнь сама укажетъ необходимость тѣхъ измѣненій въ ея учрежденіи, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному, не преминемъ дать по сему предмету соотвѣтственныя въ свое время указанія.

Питаемъ увѣренность, что избранные довѣріемъ всего населенія люди, призываемые нынѣ къ совмѣстной законодательной работѣ съ Правительствомъ, покажутъ себя предъ всей Россіей достойными того Царскаго довѣрія, коимъ они призваны къ сему великому дѣлу, и въ полномъ согласіи съ прочими государственными установленіями и съ властями, отъ Насъ поставленными, окажутъ Намъ полезное и ревностное содѣйствіе въ трудахъ Нашихъ на благо общей Нашей Матери Россіи, къ утвержденію единства, безопасности и величія Государства и народнаго порядка и благоденствія.

Призывая благословеніе Господне на труды учреждаемаго Нами государственнаго установленія, Мы съ непоколебимою вѣрою въ милость Божію и въ непреложность великихъ историческихъ судебъ, предопредѣленныхъ Божественнымъ Промысломъ дорогому Нашему Отечеству, твердо уповаемъ, что съ помощью Всемогущаго Бога и единодушными усиліями всѣхъ своихъ сыновъ Россія выйдетъ съ торжествомъ изъ постигшихъ ее нынѣ тяжкихъ испытаній и возродится въ запечатлѣнныхъ тысячелѣтнею ея исторіей могуществѣ, величіи и славѣ.

Данъ въ Петергофѣ, въ 6 день августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ*“.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«БЫТЬ ПО СЕМУ».

Въ Петергофѣ.
6-го августа 1905 года.

Учрежденіе Государственной Думы.

I. О составѣ и устройствѣ Государственной Думы.

1. Государственная Дума учреждается для предварительной разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній, восходящихъ, по силѣ основныхъ законовъ, черезъ Государственный Совѣтъ, къ Верховной Самодержавной Власти.

2. Государственная Дума образуется изъ членовъ, избираемыхъ населеніемъ Россійской Имперіи на пять лѣтъ на основаніяхъ, указанныхъ въ положеніи о выборахъ въ Думу,

3. По Указу Императорскаго Величества Государственная Дума можетъ быть распущена до истеченія пятилѣтняго срока (ст. 2). Тѣмъ же Указомъ назначаются новые выборы въ Думу.

4. Продолжительность ежегодныхъ занятій Государственной Думы и сроки ихъ перерыва въ теченіе года опредѣляются Указами Императорскаго Величества.

5. Въ составѣ Государственной Думы образуются Общее Собраніе и Отдѣлы.

6. Отдѣловъ въ Государственной Думѣ должно быть не менѣе четырехъ и не болѣе восьми. Членовъ въ каждомъ Отдѣлѣ полагается не менѣе двадцати. Ближайшее установленіе числа отдѣловъ Думы и состава ихъ членовъ, а также распредѣленіе дѣлъ между отдѣлами зависитъ отъ Думы.

7. Для законнаго состава засѣданій Государственной Думы требуется присутствіе: въ общемъ собраніи—не менѣе одной трети всего числа членовъ Думы, а въ отдѣлѣ—не менѣе половины входящихъ въ его составъ членовъ.

8. Расходы по содержанію Государственной Думы относятся на счетъ Государственнаго Казначейства.

II. О предсѣдателяхъ Государственной Думы и ея отдѣловъ.

9. Предсѣдатель Государственной Думы и его Товарищъ избираются Думою изъ числа ея членовъ на годъ, по истеченіи коего тѣ же лица могутъ быть вновь избираемы. Предсѣдатель, кромѣ указаннаго въ статьѣ 3 случая, исполняетъ свои обязанности впредь до новаго выбора Предсѣдателя. Избранный на послѣдній годъ пятилѣтія (ст. 2) Предсѣдатель исполняетъ свои обязанности до окончанія пятилѣтія. Въ случаѣ отсутствія Предсѣдателя, обязанности его исполняетъ его Товарищъ.

10. Предсѣдатель Государственной Думы всеподданнѣйше повергаетъ на Высочайшее благовоззрѣніе о занятіяхъ Думы.

11. Предсѣдатели отдѣловъ Государственной Думы избираются въ каждомъ отдѣлѣ изъ числа его членовъ на годъ, по истеченіи коего тѣ же лица могутъ быть вновь избираемы.

12. Для соображенія общихъ, возникающихъ относительно дѣятельности Государственной Думы, вопросовъ, подъ предсѣдательствомъ ея Предсѣдателя, состоитъ совѣщаніе, въ составъ коего входятъ Товарищъ Предсѣдателя Думы, предсѣдатели ея отдѣловъ, а равно секретарь Думы и его товарищъ.

III. О членахъ Государственной Думы.

13. Члены Государственнной Думы, при вступленіи въ Думу, даютъ торжественное обѣщаніе, по прилагаемой при семъ формѣ.

14. Члены Государственной Думы пользуются полною свободою сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, и не обязаны отчетомъ передъ своими избирателями.

15. Членъ Государственной Думы можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по распоряженію судебной власти, а равно не подлежитъ личному задержанію за долги.

*

16. Членъ Государственной Думы можетъ отказаться отъ сего званія, заявивъ о томъ письменно Предсѣдателю Думы.

17. Членъ Государственной Думы выбываетъ изъ ея состава въ случаѣ: а) утраты русскаго подданства; б) поступленія на дѣйствительную военную службу; в) назначенія по гражданской государственной службѣ на должность, соединенную съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, и г) утраты ценза, дающаго право на участіе въ выборахъ.

18. Сверхъ указанныхъ въ предшедшей (17) статьѣ случаевъ, членъ Государственной Думы выбываетъ изъ ея состава также и въ случаѣ наступленія обстоятельствъ, указанныхъ въ пунктахъ *а*, *б*, *д*, *е* и *ж* статьи 7 положенія о выборахъ въ Думу.

19. Члнъ Государственной Думы временно устраняется отъ участія въ ея собраніяхъ въ случаѣ: а) привлеченія къ слѣдствію или суду по обвиненію въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ *а* статьи 7 положенія о выборахъ въ Думу или влекущихъ за собою отрѣшеніе отъ должности, и б) объявленія несостоятельнымъ должникомъ—впредь до опредѣленія свойства несостоятельности.

20. Члены Государственной Думы за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, привлекаются къ отвѣтственности въ порядкѣ и на основаніяхъ, установленныхъ для привлеченія къ отвѣтственности за нарушеніе долга службы членовъ Государственнаго Совѣта (учр. Гос. Сов., ст. 105—113).

21. Признаніе члена Государственной Думы утратившимъ это званіе (ст. 17 и 18), а равно временное устраненіе члена Думы отъ участія въ ея собраніяхъ (ст. 19) зависитъ отъ Правительствующаго Сената.

22. Означенныя въ предшедшей (21) статьѣ дѣла возбуждаются въ Правительствующемъ Сенатѣ по сообщеніямъ Предсѣдателя Государственной Думы и разрѣшаются въ первомъ департаментѣ Сената окончательно, по выслушаніи заключенія оберъ-прокурора, большинствомъ голосовъ присутствующихъ сенаторовъ, въ случаѣ же равенства голосовъ—по мнѣнію, принятому сенаторомъ, исполняющимъ обязанности первоприсутствующаго.

23. Члены Государственной Думы на время ея занятій получаютъ суточное изъ казны довольствіе въ размѣрѣ десяти рублей въ день. Сверхъ того членамъ Думы возмѣщаются изъ казны разъ въ годъ путевыя издержки по разсчету пяти копѣекъ на версту отъ мѣста ихъ жительства до С.-Петербурга и обратно.

24. Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями не состоятъ членами Государственной Думы, но могутъ присутствовать въ ея собраніяхъ и давать разъясненія по дѣламъ какъ лично, такъ равно черезъ своихъ товарищей, или начальниковъ отдѣльныхъ частей центральныхъ управленій либо ближайшихъ помощниковъ сихъ начальниковъ, или же другихъ, уполномоченныхъ Министрами и Главноуправляющими, должностныхъ лицъ.

25. Сообщеніе разъясненій въ указанномъ предшедшею (24) статьею порядкѣ обязательно для Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, если Государственная Дума, по Общему ея Собранію или по одному изъ ея отдѣловъ, признаетъ разъясненія необходимыми.

IV. О секретаряхъ Государственной Думы и ея отдѣловъ, канцеляріи Думы и состоящихъ при ней лицахъ.

26. Секретарь Государственной Думы и его товарищъ избираются Думою изъ числа ея членовъ на пять лѣтъ (ст. 2) и исполняютъ свои обязанности впредь до выбора секретаря и его товарища новымъ составомъ Думы.

27. Секретари отдѣловъ Государственной Думы избираются каждымъ отдѣломъ изъ числа его членовъ на пять лѣтъ (ст. 2).

28. Для производства дѣлъ по Государственной Думѣ состоитъ при ней канцелярія.

29. Управленіе канцеляріею Государственной Думы возлагается на секретаря Государственной Думы. Труды ето раздѣляетъ товарищъ секретаря Думы. Въ случаѣ, указанномъ въ статьѣ 3, управленіе канцеляріею Думы возлагается, впредь до избранія секретаря новымъ составомъ Думы, на Государственнаго Секретаря.

30. Исполненіе послѣдовавшихъ со стороны Предсѣдателя Государственной Думы и ея отдѣловъ распоряженій въ видахъ поддержанія порядка возлагается на пристава Думы и его помощниковъ.

31. Приставъ Государственной Думы и его помощники въ числѣ, опредѣленномъ штатомъ, назначаются Предсѣдателемъ Думы.

32. Правила о порядкѣ назначенія и увольненія служащихъ въ канцеляріи Государственной Думы и состоящихъ при ней лицъ, а равно о прохожденіи ими службы, при семъ прилагаются.

V. О предметахъ вѣдѣнія Государственной Думы.

33. Вѣдѣнію Государственной Думы подлежатъ:

а) предметы, требующіе изданія законовъ и штатовъ, а также ихъ измѣненія, дополненія, пріостановленія дѣйствія и отмѣны;

б) финансовыя смѣты Министерствъ и Главныхъ Управленій и государственная роспись доходовъ и расходовъ, равно какъ денежныя изъ казны ассигнованія, росписью не предусмотрѣнныя,—на основаніи особыхъ по сему предмету правилъ;

в) отчетъ Государственнаго Контроля по исполненію государственной росписи;

г) дѣла объ отчужденіи части государственныхъ доходовъ или имуществъ, требующемъ Высочайшаго соизволенія;

д) дѣла о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ непосредственнымъ распоряженіемъ казны и за ея счетъ;

е) дѣла объ учрежденіи компаній на акціяхъ, когда при семъ испрашиваются изъятія изъ дѣйствующихъ законовъ;

ж) дѣла, вносимыя на разсмотрѣніе Думы по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

Примѣчаніе. Вѣдѣнію Государственной Думы подлежатъ также смѣты и раскладки земскихъ повинностей въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не введены земскія учрежденія, а также дѣла о возвышеніи земскаго или городского обложенія противъ размѣра, опредѣленнаго земскими собраніями и городскими думами (пол. зем. учр., ст. 94; гор. пол., ст. 88; пол. общ. упр. гор. С.-Петербурга, ст. 6 и 78).

34. Государственной Думѣ предоставляется возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ (ст. 54—57). Предположенія эти не должны касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными.

35. Государственной Думѣ предоставляется заявлять Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненными по закону Правительствующему Сенату, о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны Министровъ или Главноуправляющихъ, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, коими нарушаются, по мнѣнію Думы, существующія законоположенія (ст. 58—61).

VI. О порядкѣ производствъ дѣлъ въ Государственной Думѣ.

36. Подлежащія обсужденію Государственной Думы дѣла вносятся въ Думу Министрами и Главноуправляющими отдѣльными частями, а также Государственнымъ Секретаремъ.

37. Внесенныя въ Государственную Думу дѣла обсуждаются въ отдѣлахъ ея и затѣмъ поступаютъ на разсмотрѣніе Общаго ея Собранія.

38. Засѣданія Общаго Собранія и отдѣловъ Государственной Думы назначаются, открываются и закрываются ихъ предсѣдателями.

39. Предсѣдатель останавливаетъ того изъ членовъ Государственной Думы, который уклоняется отъ соблюденія порядка или уваженія къ закону. Отъ Предсѣдателя зависитъ объявить перерывъ засѣданія или его закрыть.

40. Въ случаѣ нарушенія порядка членомъ Государственной Думы онъ можетъ быть удаленъ изъ засѣданія или устраненъ на опредѣленный срокъ отъ участія въ собраніяхъ Думы. Членъ Думы удаляется изъ засѣданія по постановленію отдѣла или Общаго Собранія Думы, по принадлежности, а устраняется отъ участія въ собраніяхъ Думы на опредѣленный срокъ по постановленію Общаго ея Собранія.

41. Въ засѣданіи Государственной Думы, по Общему ея Собранію и по отдѣламъ, посторонніе лица не допускаются.

42. Предсѣдателю Думы предоставляется разрѣшать присутствовать въ засѣданіяхъ Общаго ея Собранія, кромѣ засѣданій закрытыхъ, представителямъ повременной печати въ числѣ не болѣе одного отъ отдѣльнаго изданія.

43. Закрытыя засѣданія Общаго Собранія Государственной Думы назначаются по постановленію Общаго Собранія или по распоряженію Предсѣдателя Думы. По его же распоряженію назначаются закрытыя засѣданія Общаго Собранія Государственной Думы и въ томъ случаѣ, когда Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью, предметовъ вѣдомства коего касается дѣло, подлежащее разсмотрѣнію Думы, заявитъ, что оно составляетъ государственную тайну.

44. Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ Общаго Собранія Государственной Думы составляются присяжными стенографами и, по одобреніи Предсѣдателемъ Думы, допускаются къ оглашенію въ печати, кромѣ отчетовъ о закрытыхъ засѣданіяхъ.

45. Изъ отчета о закрытомъ засѣданіи Общаго Собранія Государственной Думы могутъ подлежать оглашенію въ печати тѣ части, опубликованіе которыхъ сочтетъ возможнымъ либо Предсѣдатель Думы, если засѣданіе было объявлено закрытымъ по его распоряженію или по постановленію Думы, либо Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью, если засѣданіе было объявлено закрытымъ вслѣдствіе его о томъ заявленія.

46. Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью можетъ взять обратно внесенное имъ въ Государственную Думу дѣло во всякомъ его положеніи. Но дѣло, внесенное въ Думу, вслѣдствіе возбужденія ею законодательнаго вопроса (ст. 34), можетъ быть взято обратно Министромъ или Главноуправляющимъ не иначе, какъ съ согласія на то Общаго Собранія Думы.

47. Заключеніемъ Государственной Думы по разсмотрѣннымъ ею дѣламъ признается мнѣніе, принятое большинствомъ членовъ Общаго Собранія Думы. Въ этомъ заключеніи должно быть опредѣлительно указано согласіе или несогласіе Думы съ внесеннымъ предположеніемъ. Предлагаемыя Думою измѣненія должны быть выражены въ точно установленныхъ положеніяхъ.

48. Законодательныя предположенія, разсмотрѣнныя Государственною Думою, вносятся съ ея заключеніемъ въ Государственный Совѣтъ. По обсужденіи дѣла въ Совѣтѣ, положеніе его, кромѣ случая, указаннаго въ статьѣ 49, представляется на Высочайшее благовоззрѣніе въ порядкѣ, установленномъ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта, вмѣстѣ съ заключеніемъ Думы.

49. Законодательныя предположенія, отклоненныя большинствомъ двухъ третей членовъ въ Общихъ Собраніяхъ какъ Государственной Думы, такъ и Государственнаго Совѣта, возвращаются подлежащему Министру или Главноуправляющему для дополнительнаго соображенія и внесенія вновь на законодательное разсмотрѣніе, если на это послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе.

50. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Государственный Совѣтъ встрѣтитъ затрудненіе принять заключеніе Государственной Думы, дѣло можетъ быть, по постановленію общаго собранія Совѣта, передано для согласованія мнѣнія Совѣта съ заключеніемъ Думы, въ коммиссію изъ равнаго числа членовъ отъ обоихъ установленій, по выбору Общихъ Собраній Совѣта и Думы, по принадлежности. Въ коммиссіи предсѣдательствуетъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта или одинъ изъ предсѣдателей департаментовъ Совѣта.

51. Согласительное заключеніе, выработанное въ коммиссіи (ст. 50), вносится сперва въ Общее Собраніе Государственной Думы, а затѣмъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Если согласительнаго заключенія не будетъ выработано, то дѣло возвращается въ общее собраніе Государственнаго Совѣта.

52. Въ тѣхъ случаяхъ, когда засѣданіе Государственной Думы не состоится по неприбытію положеннаго числа членовъ (ст. 7), подлежавшее разсмотрѣнію дѣло назначается къ новому слушанію не позднѣе двухъ послѣ несостоявшагося засѣданія недѣль. Если же въ теченіе этого срока дѣло къ слушанію назначено не будетъ или засѣданіе Думы вновь не состоится по неприбытію положеннаго числа членовъ, то подлежащій Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью можетъ, если признаетъ необходимымъ, внести дѣло въ Государственный Совѣтъ для разсмотрѣнія его безъ заключенія Думы.

53. Когда Императорскому Величеству благоугодно будетъ обратить вниманіе на медленность разсмотрѣнія Государственною Думою внесеннаго въ нее дѣла, Государственный Совѣтъ назначаетъ срокъ, къ которому должно послѣдовать заключеніе Думы. Если Дума не сообщитъ къ назначенному сроку своего заключенія, то Совѣтъ разсматриваетъ дѣло безъ заключенія Думы.

54. Члены Государственной Думы объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданіи новаго закона (ст. 34) подаютъ письменное заявленіе Предсѣдателю Думы. Къ заявленію долженъ быть приложенъ проектъ основныхъ положеній предлагаемаго измѣненія въ законѣ или новаго закона, съ объяснительною къ проекту запискою. Если заявленіе это подписано не менѣе, чѣмъ тридцатью членами, то предсѣдатель вноситъ его на разсмотрѣніе подлежащаго отдѣла.

55. О днѣ слушанія въ отдѣлѣ Государственной Думы заявленія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданіи новаго закона извѣщаются Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями, къ предметамъ вѣдомства которыхъ заявленіе относится, а также въ подлежащихъ случаяхъ Государственный Секретарь, съ сообщеніемъ имъ копіи съ заявленія и относящихся къ нему приложеній, не позднѣе, какъ за мѣсяцъ до дня слушанія.

56. Если Министръ и Главноуправляющій отдѣльною частью или же Государственный Секретарь (ст. 55) раздѣляетъ соображенія Государственной Думы о желательности отмѣны или измѣненія дѣйствующаго или изданія новаго закона, то даетъ дѣлу движеніе въ законодательномъ порядкѣ.

57. Если Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью или же Государственный Секретарь (ст. 55) не раздѣляетъ соображеній о желательности измѣненія или отмѣны дѣйствующаго или изданія новаго закона, принятыхъ въ отдѣлѣ, а затѣмъ и большинствомъ двухъ третей членовъ въ Общемъ Собраніи Государственной Думы, то дѣло представляется Предсѣдателемъ Думы въ Государственный Совѣтъ, черезъ который и восходитъ установленнымъ порядкомъ на Высочайшее благовоззрѣніе. Въ случаѣ Высочайшаго повелѣнія о направленіи дѣла въ законодательномъ порядкѣ, ближайшая его разработка возлагается на подлежащаго Министра или Главноуправляющаго отдѣльною частью или же на Государственнаго Секретаря.

58. О сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны Министровъ или Главноуправляющихъ отдѣльными частями, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, въ коихъ усматривается нарушеніе существующихъ законоположеній (ст. 35), члены Государственной Думы подаютъ письменное заявленіе Предсѣдателю Думы. Заявленіе это должно заключать въ себѣ указаніе, въ чемъ усматривается нарушеніе закона и какого именно. Если заявленіе подписано не менѣе, чѣмъ тридцатью членами, то Предсѣдатель Думы вноситъ его на обсужденіе Общаго ея Собранія.

59. Принятое большинствомъ членовъ Общаго Собранія Государственной Думы заявленіе (ст. 58) сообщается подлежащему Министру или Главноуправляющему отдѣльною частью.

60. Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями не далѣе одного мѣсяца со дня передачи имъ заявленія (ст. 59), сообщаютъ Государственной Думѣ надлежащія свѣдѣнія и разъясненія или же извѣщаютъ Думу о причинахъ, по коимъ они лишены возможности сообщить требуемыя свѣдѣнія и разъясненія.

61. Если Государственная Дума большинствомъ двухъ третей членовъ Общаго ея Собранія не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ Министра или Главноуправляющаго отдѣльною частью (ст. 60), то дѣло восходитъ, черезъ Государственный Совѣтъ, на Высочайшее благовоззрѣніе.

VII. О наказѣ Государственной Думы.

62. Подробности внутренняго распорядка въ Государственной Думѣ, предметы вѣдомства и порядокъ дѣйствія указаннаго въ статьѣ 12 совѣщанія, а также обязанности канцеляріи Думы, ея пристава и подвѣдомственныхъ ему лицъ опредѣляются наказомъ, издаваемымъ Думою въ развитіе правилъ сего учрежденія.

63. Означенный въ предшедшей (62) статьѣ наказъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе черезъ Правительствующій Сенатъ.

Приложеніе къ статьѣ 13.

Торжественное обѣщаніе членовъ Государственной Думы.

„Мы, нижепоименованные, обѣщаемъ предъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности членовъ Государственной Думы по крайнему нашему разумѣнію и силамъ, храня вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому и памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи, въ удостовѣреніе чего своеручно подписуемся".

Приложеніе къ статьѣ 32.

Правила о порядкѣ назначенія и увольненія служащихъ въ канцеляріи Государственной Думы и состоящихъ при ней лицъ, а равно о прохожденіи ими службы,

1. Канцелярія Государственной Думы состоитъ изъ дѣлопроизводителей и ихъ помощниковъ, казначея, присяжныхъ стенографовъ и писцовъ. Число служащихъ въ канцеляріи и оклады ихъ содержанія, а равно суммы на вознагражденіе писцовъ и на канцелярскіе расходы, опредѣляются штатомъ.

2. Назначеніе и увольненіе служащихъ въ канцеляріи принадлежитъ секретарю Государственной Думы.

3. На службѣ въ канцеляріи не могутъ состоять лица, не допускаемыя къ выборамъ въ Государственную Думу на основаніи статьи 7 положенія о выборахъ въ Думу.

4) Не могутъ быть принимаемы на службу въ канцелярію: *а*) недостигшіе гражданскаго совершеннолѣтія; *б*) обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ, и *в*) иностранные подданные.

5. Лица женскаго пола могутъ быть допускаемы къ занятіямъ въ канцеляріи только по письмоводству и счетоводству.

6. Дѣлопроизводители канцеляріи и ихъ помощники назначаются изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и пробывшихъ на службѣ государственной или по выборамъ дворянскимъ, земскимъ и городскимъ не менѣе трехъ лѣтъ.

7. Выборъ принимаемыхъ на службу въ канцелярію лицъ зависитъ отъ Секретаря Государственной Думы. Предварительно принятія этихъ лицъ на службу Секретарь Думы входитъ въ сношеніе съ Государственнымъ Секретаремъ, безъ согласія котораго означенныя лица не могутъ быть опредѣлены на службу въ канцелярію.

8. Лица, поступающія на службу въ канцелярію, приносятъ присягу на вѣрность службы, если эта присяга не была ими принесена ранѣе.

9. Состоящимъ на службѣ въ канцеляріи воспрещается участіе въ учрежденіи всякихъ торговопромышленныхъ предпріятій и кредитныхъ установленій или въ управленіи ими, а также всѣ вообще частныя занятія, которыя совѣщаніе, указанное въ статьѣ 12 учрежденія Государственной Думы, признаетъ несовмѣстимыми со службою въ канцеляріи Думы.

10. Изъ числа служащихъ въ канцеляріи доступъ въ засѣданія Государственной Думы имѣютъ, сверхъ присяжныхъ стенографовъ, дѣлопроизводители и ихъ помощники.

11. Служащимъ въ канцеляріи воспрещается разглашать свѣдѣнія, которыя стали имъ извѣстны по служебному ихъ положенію, если свѣдѣнія эти оглашенію не подлежатъ.

12. За нарушеніе служебныхъ обязанностей служащіе въ канцеляріи подлежатъ отвѣтственности на основаніяхъ, установленныхъ для должностныхъ лицъ, состоящихъ на дѣйствительной гражданской государственной службѣ. Права и обязанности начальства сихъ должностныхъ лицъ принадлежатъ, въ отношеніи служащихъ въ канцеляріи, совѣщанію, указанному въ статьѣ 12 учрежденія Государственной Думы.

13. Служащіе въ канцеляріи и ихъ семьи пользуются пенсіями и единовременными пособіями изъ казны примѣнительно къ постановленіямъ общаго устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ по гражданскимъ вѣдомствамъ.

14. Правила, изложенныя въ статьяхъ 3, 4, 8, 9 и 11—13, имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе къ приставу Государственной Думы и его помощникамъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*БЫТЬ ПО СЕМУ*".

Въ Петергофѣ.
6-го августа 1905 года.

ПОЛОЖЕНІЕ
о выборахъ въ Государственную Думу.

I. Общія положенія.

1. Выборы въ Государственную Думу производятся: *а*) по губерніямъ и областямъ и *б*) по городамъ: С.-Петербургу и Москвѣ, а также Астрахани, Баку, Варшавѣ, Вильнѣ, Воронежу, Екатеринославу, Иркутску, Казани, Кіеву, Кишиневу, Курску, Лодзи, Нижнему-Новгороду, Одессѣ, Орлу, Ригѣ, Ростову-на-Дону совмѣстно съ Нахичеванью, Самарѣ, Саратову, Ташкенту, Тифлису, Тулѣ, Харькову и Ярославлю.

Примѣчаніе. Выборы въ Государственную Думу отъ губерній Царства Польскаго, областей Уральской и Тургайской и губерній и областей: Сибирскихъ, генералъ-губернаторствъ Степного и Туркестанскаго и Намѣстничества Кавказскаго, а также выборы отъ кочевыхъ инородцевъ производятся на основаніи особыхъ правилъ.

2. Число членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

3. Избраніе членовъ Государственной Думы по губерніямъ и областямъ (ст. 1, п. *а*) производится губернскимъ избирательнымъ собраніемъ. Собраніе это образуется, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ съѣздами: *а*) уѣздныхъ землевладѣльцевъ; *б*) городскихъ избирателей, и *в*) уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ.

4. Общее число выборщиковъ по каждой губерніи или области, а равно распредѣленіе ихъ между уѣздами и съѣздами устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

5. Избраніе членовъ Государственной Думы отъ указанныхъ въ пунктѣ б статьи 1 городовъ производится избирательнымъ собраніемъ, образуемымъ, подъ предсѣдательствомъ городского головы или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ: въ столицахъ—въ числѣ *ста шестидесяти*, а въ остальныхъ городахъ—въ числѣ *восьмидесяти*.

6. Въ выборахъ не участвуютъ: *а*) лица женскаго пола; *б*) лица моложе двадцати пяти лѣтъ; *в*) обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ; *г*) воинскіе чины арміи и флота, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ; *д*) бродячіе инородцы и *е*) иностранные подданные.

7. Кромѣ указанныхъ въ предшедшей (6) статьѣ лицъ, въ выборахъ не участвуютъ также: *а*) подвергшіеся суду за преступныя дѣянія, влекущія за собой лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, либо исключеніе изъ службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоеніе ввѣреннаго имущества, укрывательство похищеннаго, покупку и принятіе въ закладъ завѣдомо краденнаго или полученнаго чрезъ обманъ имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы послѣ состоявшагося осужденія они и были освобождены отъ наказанія за давностью, примиреніемъ, силою Всемилостивѣйшаго Манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; *б*) отрѣшенные по судебнымъ приговорамъ отъ должности—въ теченіе трехъ лѣтъ со времени отрѣшенія, хотя бы они и были освобождены отъ сего наказанія за давностью, силою Всемилостивѣйшаго Манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; *в*) состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненіямъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ *а* или влекущихъ за собой отрѣшеніе отъ должности; *г*) подвергшіеся несостоятельности, впредь до опредѣленія свойства ея; *д*) несостоятельные, о которыхъ дѣла сего рода приведены уже къ окончанію, кромѣ тѣхъ, несостоятельность коихъ признана несчастною; *е*) лишенные духовнаго сана или званія за пороки, или же исключенные изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ

которымъ они принадлежатъ, и *ж*) осужденные за уклоненіе отъ воинской повинности.

8. Не принимаютъ участія въ выборахъ: *а*) губернаторы и вице-губернаторы, а равно градоначальники и ихъ помощники—въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностей, и *б*) лица, занимающія полицейскія должности,—въ губерніи или городѣ, по которымъ производятся выборы.

9. Лица женскаго пола могутъ предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участія въ выборахъ своимъ мужьямъ и сыновьямъ.

10. Сыновья могутъ участвовать въ выборахъ, вмѣсто своихъ отцовъ, по недвижимому ихъ имуществу и по ихъ уполномочію.

11. Съѣзды избирателей созываются въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, по принадлежности, подъ предсѣдательствомъ: съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ волостей—уѣзднаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, а съѣздъ городскихъ избирателей—городского головы губернскаго или уѣзднаго города, по принадлежности, или лицъ, ихъ замѣняющихъ. Для уѣздовъ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городовъ образуются въ сихъ городахъ отдѣльные съѣзды городскихъ избирателей уѣзда, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго городского головы. Въ уѣздахъ, въ коихъ имѣется нѣсколько городскихъ поселеній, можетъ быть образовано нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ городскихъ избирателей, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, коему предоставляется распредѣлять подлежащихъ избранію выборщиковъ между отдѣльными городскими поселеніями.

12. Въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ участвуютъ: *а*) лица, владѣющія въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія обложенною сборомъ на земскія повинности землею въ количествѣ, опредѣленномъ для каждаго уѣзда въ приложенномъ къ сей статьѣ росписаніи; *б*) лица, владѣющія въ уѣздѣ на посессіонномъ правѣ горнозаводскими дачами въ количествѣ, указанномъ въ томъ же росписаніи; *в*) лица, владѣющія въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія инымъ, кромѣ земли, недвижимымъ, не составляющимъ торгово-промышленнаго заведенія, имуществомъ стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже *пятнадцати тысячъ* рублей; *г*) уполномоченные отъ лицъ, владѣющихъ въ уѣздѣ или землею въ размѣрѣ не менѣе десятой доли количества десятинъ, опредѣленнаго для каждаго уѣзда въ вышеупомянутомъ росписаніи, или инымъ не движимымъ имуществомъ (п. *в*) стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже *одной тысячи пятисотъ* рублей, и *д*) уполномоченные отъ священнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковною землею.

13. Въ Архангельской губерніи съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ не образуются, а лица, имѣющія право участія въ нихъ (ст. 12), причисляются въ каждомъ уѣздѣ названной губерніи къ съѣзду городскихъ избирателей. Въ тѣхъ уѣздахъ Ставропольской губерніи, въ коихъ не имѣется городскихъ поселеній, лица, уплачивающія въ предѣлахъ уѣзда основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія, а также лица, владѣющія въ уѣздѣ торговопромышленнымъ предпріятіямъ (ст. 16, п.п. *в* и *г*), причисляются къ мѣстному съѣзду уѣздныхъ землевладѣльцевъ, который и избираетъ установленное росписаніемъ (ст. 4) отъ этого съѣзда и съѣзда городскихъ избирателей число выборщиковъ.

14. Означенные въ пунктахъ *г* и *д* статьи 12 уполномоченные отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и отъ священнослужителей избираются на предварительномъ ихъ съѣздѣ. Смотря по мѣстнымъ удобствамъ, или созывается одинъ общій для всего уѣзда съѣздъ, или образуется нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ согласно росписанію, установливаемому губернаторомъ. Предсѣдательствованіе на съѣздѣ возлагается на уѣзднаго предводителя дворянства или лицо, его замѣняющее.

15. Число уполномоченныхъ, подлежащихъ избранію на предварительномъ съѣздѣ, опредѣляется количествомъ земли, числящейся за лицами, явившимися на съѣздъ, и итогомъ оцѣночной стоимости другого принадлежащаго имъ недвижимаго имущества, полагая по одному уполномоченному на полный избирательный цензъ, установленный для участія въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ (ст. 12, п.п. *а*, *б* и *в*).

16. Въ съѣздѣ городскихъ избиратей участвуютъ: *а*) лица, владѣющія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для обложенія земскимъ сборомъ въ суммѣ не менѣе *одной тысячи пятисотъ* рублей, или требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ; торговымъ—одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышлен-

нымъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промысловаго налога не менѣе *пятидесяти* рублей въ годъ; *б)* лица, уплачивающія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда государственный квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда и выше; *в)* лица, уплачивающія въ предѣлахъ города и его уѣзда основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія по первому разряду, и *г)* лица, владѣющія въ уѣздѣ торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, указаннымъ въ пунктѣ *а* сей статьи.

17. Въ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей участвуютъ выборные отъ волостныхъ сходовъ уѣзда, по два отъ каждаго схода. Выборные эти избираются волостными сходами изъ числа крестьянъ, принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ данной волости, если къ избранію ихъ нѣтъ препятствій, указанныхъ въ статьяхъ 6 и 7, а также въ пунктѣ *б* статьи 8.

18. Въ Астраханской губерніи образуется, кромѣ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей, одинъ общій съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ Астраханскаго казачьяго войска, расположенныхъ въ предѣлахъ какъ Астраханской, такъ и Самарской и Саратовской губерній. Съѣздъ созывается въ городѣ Астрахани, подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго наказнымъ атаманомъ, и избираетъ положенное по росписанію (ст. 4) число выборщиковъ въ астраханское губернское избирательное собраніе. Въ области Войска Донского и въ губерніи Оренбургской образуется въ каждомъ уѣздѣ, кромѣ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей, на одинаковыхъ съ нимъ основаніяхъ, съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ. Уполномоченные отъ станицъ казачьихъ войскъ Астраханскаго, Донского и Оренбургскаго избираются станичными сборами изъ числа членовъ станичныхъ обществъ войскового сословія, въ числѣ двухъ отъ каждой станицы. Въ губерніяхъ Курляндской, Лифляндской и Эстляндской уполномоченные отъ волостей избираются на общемъ волостномъ сходѣ изъ числа лицъ, входящихъ въ его составъ. Въ Измаильскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи, вмѣсто съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей, образуется съѣздъ уполномоченныхъ отъ сельскихъ общинъ, по одному отъ каждой общины. Уполномоченные эти избираются въ каждой общинѣ общимъ собраніемъ владѣльцевъ надѣльной земли, созываемымъ подъ предсѣдательствомъ примара общины.

19. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ въ избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе участвуютъ: а) лица, владѣющія въ предѣлахъ города на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для обложенія городскимъ сборомъ: въ столицахъ—въ суммѣ не менѣе *трехъ тысячъ* рублей, а въ остальныхъ городахъ—въ суммѣ не менѣе *одной тысячи пятисотъ* рублей; б) лица, владѣющія въ предѣлахъ города требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: въ столицахъ—торговымъ предпріятіемъ перваго разряда, промышленнымъ—одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промысловаго налога не менѣе *пятисотъ* рублей въ годъ, а въ прочихъ городахъ—торговымъ предпріятіемъ одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промысловаго налога не менѣе *пятидесяти* рублей; в) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія по первому разряду, и г) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города государственный квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда и выше.

20. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ, для избранія выборщиковъ въ городское избирательное собраніе, городъ подраздѣляется на избирательные участки, соотвѣтствующіе, по числу и границамъ, дѣленію его на полицейскія части. Распредѣленіе между участками подлежащихъ избранію выборщиковъ производится городскою управою или замѣняющимъ ее учрежденіемъ, соотвѣтственно общей численности населенія въ каждомъ изъ участковъ, и утверждается губернаторомъ или градоначальникомъ, по принадлежности.

21. Если нѣсколько лицъ имѣютъ недвижимое имущество (ст. 12, п.п. *а*, *б* и *в*; ст. 16, п. *а* и ст. 19, п. *а*) въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи, то каждый изъ нихъ считается владѣльцемъ причитающейся на его долю части имущества и согласно сему пользуется правомъ голоса на выборахъ.

22. Въ каждомъ избирательномъ участкѣ, съѣздѣ или собраніи никто не можетъ имѣть болѣе одного голоса.

23. Общій надзоръ за правильнымъ производствомъ выборовъ возлагается,

подъ руководствомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на губернаторовъ и градоначальниковъ, по принадлежности. Имъ предоставляется требовать отъ подлежащихъ мѣстъ и лицъ свѣдѣнія о ходѣ и порядкѣ выборовъ, а равно обозрѣвать выборныя производства и давать указанія къ обезпеченію правильнаго хода выборовъ.

24. Для повѣрки правильности выборовъ и разсмотрѣнія заявленій и жалобъ по дѣламъ о выборахъ учреждаются губернскія и уѣздныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи.

25. Губернскія по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя окружнаго суда, изъ управляющаго казенною палатою, предводителя дворянства уѣзда губернскаго города, предсѣдатели губернской земской или по дѣламъ земскагс хозяйства управы, городскаго головы губернскаго города или лица, его замѣняющаго, одного изъ членовъ окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, и одного изъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по назначенію губернатора.

26. Уѣздныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются, подъ предсѣдательствомъ члена окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, изъ уѣзднаго предводителя дворянства, мирового или городского судьи, по назначенію съѣзда мировыхъ судей или общаго собранія окружнаго суда, по принадлежности, предсѣдателя уѣздной земской или по дѣламъ земскаго хозяйства управы, городского головы уѣзднаго города, податного инспектора и одного изъ земскихъ начальниковъ, по назначенію уѣзднаго съѣзда.

27. Подача заявленій и жалобъ по дѣламъ о выборахъ не останавливаетъ выборнаго производства.

28. Въ мѣстностяхъ, въ коихъ нѣтъ губернскихъ предводителей дворянства, указанныя въ семъ положеніи обязанности ихъ возлагаются на особыхъ лицъ, назначаемыхъ Высочайшею Властью. Обязанности прочихъ должностныхъ лицъ въ семъ положеніи упомянутыя, въ мѣстностяхъ, гдѣ таковыхъ лицъ не имѣется исполняются другими соотвѣтствующими по роду обязанностей должностными лицами.

29. Преступныя дѣянія, совершенныя при производствѣ выборовъ въ Государственную Думу, подлежатъ преслѣдованію и наказанію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и учиненныя при выборахъ сословныхъ и общественныхъ.

II. Объ избирательныхъ спискахъ.

30. Списки лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, составляются и содержатся въ исправности: по съѣзду уѣздныхъ землевладѣльцевъ—уѣздною земскою управою или управою по дѣламъ земскаго хозяйства, а въ мѣстностяхъ, глѣ такихъ управъ не имѣется,—уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ, а по съѣзду городскихъ избирателей—городскими управами или учрежденіями, ихъ замѣняющими.

31. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ списки лицъ, имѣющихъ право участія въ избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе, составляются и содержатся въ исправности городскою управою или учрежденіемъ, ее замѣняющимъ. Лица, имѣющія право участія въ выборахъ въ нѣсколькихъ избирательныхъ участкахъ (ст. 20), включаются въ списокъ того изъ этихъ участковъ, который они сами укажутъ, а если такого заявленія не послѣдуетъ, то включаются въ списокъ того участка, въ которомъ они имѣютъ мѣсто жительства.

32. Въ избирательные списки вносятся лица, кои до составленія подлежащаго списка (ст. 30 и 31) владѣли недвижимымъ имуществомъ или торговопромышленнымъ предпріятіемъ или же уплачивали промысловый налогъ не менѣе одного года, а квартирный налогъ—не менѣе трехъ лѣтъ. При исчисленіи указаннаго срока владѣнія недвижимымъ имуществомъ принимается въ разсчетъ и срокъ владѣнія симъ имуществомъ наслѣдодателя въ восходящей линіи. Лица, желающія участвовать въ выборахъ по недвижимому имуществу ихъ женъ или матерей (ст. 9), обязаны своевременно заявлять о томъ установленію, составляющему избирательный списокъ (ст. 30 и 31).

33. Составленные на основаніи статей 30 и 31 избирательные списки публикуются за шесть недѣль до выборовъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и, сверхъ того, объявляются во всеобще свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ списковъ.

34. Въ теченіе двухъ недѣль со дня опубликованія избирательныхъ списковъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ заинтересованныя лица могутъ подавать жалобы и заявленія о неправильности и неполнотѣ указанныхъ въ статьѣ 30 списковъ—въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію.

35. По разсмотрѣніи избирательныхъ списковъ и поступившихъ жалобъ и заявленій, подлежащая коммиссія объявляетъ лицамъ, подавшимъ жалобы и заявленія, о своихъ по онымъ постановленіяхъ. Измѣненія, внесенныя въ первоначальные списки, публикуются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и, сверхъ того, объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ измѣненій.

36. Послѣ опубликованія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ объ исправленіи списковъ никакія въ нихъ дополненія или измѣненія не допускаются, за исключеніемъ тѣхъ, которыя могутъ послѣдовать въ разрѣшеніе жалобъ, принесенныхъ на постановленіе подлежащей коммиссіи, въ установленномъ статьею 47 порядкѣ.

37. Лица, не внесенныя въ избирательные списки или до начала выборовъ утратившія избирательный цензъ, въ выборахъ не участвуютъ.

III. О производствѣ выборовъ.

1) О производствѣ выборовъ въ избирательныя собранія.

38. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ, для производства выборовъ въ городское избирательное собраніе, образуются въ каждомъ избирательномъ участкѣ (ст. 20) избирательныя коммиссіи въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, приглашаемыхъ городскимъ головою или лицомъ, его замѣняющимъ, изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ. Порядокъ производства выборовъ въ городскія избирательныя собранія опредѣляется правилами, при семъ приложенными.

39. Способъ удостовѣренія личности избирателей и провѣрка ихъ полномочій предоставляется предсѣдателю съѣзда (ст. 3 и 14) или избирательной коммиссіи (ст. 38).

40. Выборы на съѣздахъ производятся закрытою подачею голосовъ, посредствомъ баллотировки шарами, а выборы въ городское избирательное собраніе—закрытою подачею голосовъ, посредствомъ записокъ.

41. Выборщики (ст. 3 и 5) и уполномоченные отъ предварительныхъ съѣздовъ (ст. 14) могутъ быть избираемы только изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ въ томъ именно съѣздѣ или участкѣ, гдѣ выборы производятся.

42. Выборщиками отъ избирательныхъ съѣздовъ, а равно уполномоченными отъ предварительныхъ съѣздовъ, признаются лица, за коихъ подано болѣе половины голосовъ участвующихъ въ съѣздѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ балловъ; въ случаѣ же ихъ равенства—избраніе опредѣляется по жребію.

43. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ выборщиками, избранными въ городское избирательное собраніе, считаются лица, получившія наибольшее въ избирательномъ участкѣ число голосовъ, хотя бы оно и не достигало половины числа участвовавшихъ въ выборахъ; въ случаѣ равенства голосовъ—избраніе опредѣляется по жребію.

44. По окончаніи выборовъ, съѣзды и избирательныя коммиссіи закрываются. Не позднѣе слѣдующаго дня все выборное производство представляется: предсѣдателями съѣздовъ—въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію, а предсѣдателями избирательныхъ коммиссій—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію.

45. Въ трехдневный срокъ со дня закрытія съѣздовъ и избирательныхъ коммиссій заинтересованныя лица могутъ подавать жалобы: въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію—на неправильности, допущенныя при производствѣ выборовъ на съѣздахъ, и въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію—на неправильности, допущенныя при избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе.

45. По обозрѣніи выборнаго производства и разсмотрѣніи принесенныхъ на выборы жалобъ, уѣздная или губернская коммиссія, если усмотритъ къ тому основанія, отмѣняетъ произведенные выборы въ отношеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ лицъ, избранныхъ отъ подлежащаго съѣзда или избирательнаго участка. Коммиссія о своихъ постановленіяхъ по принесеннымъ ей жалобамъ объявляетъ лицамъ, ихъ подавшимъ.

47. Въ трехдневный срокъ со дня объявленія постановленія уѣздной или губернской по дѣламъ о выборахъ коммиссіи заинтересованныя лица могутъ принести жалобу: на постановленіе уѣздной—въ губернскую коммиссію, а на постановленіе сей послѣдней—въ Правительствующій Сенатъ. Жалоба подается въ уѣздную или губернскую коммиссію, по принадлежности, и представляется, съ необходимыми объясненіями, уѣздною коммиссіею въ недѣльный, а губернскою—въ двухнедѣльный срокъ: первою—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію, а второю—въ Правительствующій Сенатъ.

48. Списки выборщиковъ въ губернскія избирательныя собранія составляются уѣздною по дѣламъ о выборахъ коммиссіею, а списки выборщиковъ въ городскія избирательныя собранія—губернскою по дѣламъ о выборахъ коммиссіею. Тѣ и другіе списки безотлагательно публикуются, по распоряженію губернатора или градоначальника, по принадлежности, въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и, сверхъ того, объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ списковъ.

2) О производствѣ выборовъ въ Государственную Думу.

49. Въ каждомъ губернскомъ избирательномъ собраніи прежде всего выборщики отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей избираютъ изъ своей среды одного члена Государственной Думы. Сверхъ того, одного члена Думы въ означенномъ избирательномъ собраніи въ губерніяхъ Астраханской и Оренбургской и въ области Войска Донского избираютъ изъ своей среды также и выборщики отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ станицъ. Затѣмъ избирательное собраніе въ общемъ своемъ составѣ избираетъ изъ числа всѣхъ имѣющихъ право участія въ немъ выборщиковъ остальное положенное росписаніемъ (ст. 2) число членовъ Думы. Избраніе производится закрытою подачею голосовъ, посредствомъ баллотировки шарами.

50. Городскія избирательныя собранія (ст. 5) избираютъ изъ числа имѣющихъ право участія въ нихъ выборщиковъ положенное на городъ число членовъ Государственной Думы (ст. 2) закрытою подачею голосовъ, посредствомъ баллотировки шарами.

51. Предварительно баллотировки губернскимъ или городскимъ избирательнымъ собраніемъ отмѣчаются закрытою подачею голосовъ, посредствомъ записокъ, кандидаты. Кандидаты эти подвергаются засимъ баллотировкѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ голосовъ.

52. Если число лицъ, получившихъ въ губернскомъ или городскомъ избирательномъ собраніи болѣе половины голосовъ, не достигнетъ указаннаго въ приложенномъ къ статьѣ 2 росписаніи для данной губерніи, области или города числа членовъ Государственной Думы, то на слѣдующій день собраніе производитъ тѣмъ же порядкомъ дополнительные выборы недостающаго числа членовъ. Въ случаѣ безуспѣшности этихъ дополнительныхъ выборовъ, на третій день производятся окончательные выборы недостающаго числа членовъ, причемъ избранными считаются получившіе относительное большинство голосовъ.

53. Въ члены Государственной Думы могутъ быть избираемы только лица, изъявившія на то свое согласіе. Лица, занимающія на гражданской государственной службѣ должность съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, въ случаѣ избранія ихъ въ члены Думы, обязаны оставить занимаемую ими должность.

54. Никто не можетъ баллотироваться въ члены Государственной Думы болѣе, чѣмъ въ одномъ избирательномъ собраніи—губернскомъ или городскомъ.

55. Въ члены Государственной Думы не могутъ быть избираемы лица, не знающія русскаго языка.

56. По окончаніи выборовъ губернскія и городскія избирательныя собранія закрываются. Не позднѣе слѣдующаго дня все выборное производство представляется предсѣдателями собраній губернатору или градоначальнику, по принадлежности.

57. Въ трехдневный срокъ со дня закрытія избирательнаго собранія заинтересованныя лица могутъ подавать губернатору или градоначальнику, по принадлежности, жалобы на допущенныя при выборахъ неправильности и нарушеніе установленнаго порядка.

58. Выборное производство, съ принесенными на выборы жалобами и объясненіями по онымъ предсѣдателей избирательныхъ собраній, губернаторъ или градоначальникъ, по принадлежности, представляетъ Правительствующему Сенату въ недѣльный срокъ со дня полученія выборнаго производства.

59. По обозрѣніи выборнаго производства и разсмотрѣніи принесенныхъ на выборы жалобъ, Правительствующій Сенатъ, если усмотритъ къ тому осно-

ванія, отмѣняетъ произведенные выборы въ отношеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы отъ подлежащей губерніи, области или города.

60. Указанныя въ предшедшей (59) статьѣ дѣла разрѣшаются въ первомъ департаментѣ Правительствующаго Сената окончательно, по выслушаніи заключенія Оберъ-Прокурора, большинствомъ голосовъ присутствующихъ сенаторовъ, въ случаѣ же равенства голосовъ—по мнѣнію, принятому сенаторомъ, исполняющимъ обязанности первоприсутствующаго.

61. Въ случаѣ отмѣны выборовъ Правительствующимъ Сенатомъ, а равно въ случаѣ выбытія члена Государственной Думы изъ ея состава, если до наступленія срока общихъ новыхъ выборовъ въ Думу остается болѣе года, производится, по распоряженію Правительствующаго Сената, новые выборы подлежащихъ губернскимъ или городскимъ избирательнымъ собраніемъ въ томъ составѣ выборщиковъ, который избранъ былъ на текущее пятилѣтіе.

62. Списокъ членовъ Государственной Думы составляется Правительствующимъ Сенатомъ и публикуется имъ во всеобщее свѣдѣніе.

Приложеніе къ статьѣ 2.

РОСПИСАНІЕ

числа членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ.

Губерніи, области и города.	Число членовъ Государственной Думы.
1. Архангельская	2
2. Астраханская	—
по городу Астрахани	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	3
3. Бессарабская	—
по городу Кишиневу	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	8
4. Виленская	—
по городу Вильнѣ	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	6
5. Витебская	6
6. Владимірская	6
7. Вологодская	5
8. Волынская	13
9. Воронежская	—
по городу Воронежу	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	11
10. Вятская	13
11. Гродненская	7
12. Область Войска Донского	—
по городу Ростову на-Дону съ Нахичеванью	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	11
13. Екатеринославская	—
по городу Екатеринославу	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	9
14. Казанская	—
по городу Казани	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	9
15. Калужская	5
16. Кіевская	—
по городу Кіеву	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	15
17. Ковенская	6
18. Костромская	6
19. Курляндская	3
20. Курская	—
по городу Курску	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	10
21. Лифляндская	—
по городу Ригѣ	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	4
22. Минская	9
23. Могилевская	7
24. Московская	—
по городу Москвѣ	4
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	6
25. Нижегородская	—
по городу Нижнему-Новгороду	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	6
26. Новгородская	6
27. Олонецкая	3
28. Оренбургская	7
29. Орловская	—
по городу Орлу	1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ	8
30. Пензенская	6
31. Пермская	13

32. Подольская 13
33. Полтавская 12
34. Псковская 4
35. Рязанская 8
36. Самарская . . . . —
по городу Самарѣ 1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 12
37. С.-Петербургская . . . . . . —
по городу С.-Петербургу . . . 6
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 3
38. Саратовская . . . . —
по городу Саратову 1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 10
39. Симбирская 6
40. Смоленская 6
41. Ставропольская 3
42. Таврическая 6
43. Тамбовская 12
44. Тверская 8
45. Тульская . . . . —
по городу Тулѣ 1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 5
46. Уфимская 10
47. Харьковская . . . . —
по городу Харькову 1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 10
48. Херсонская . . . . —
по городу Одессѣ 1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 10
49. Черниговская 10
50. Эстляндская 3
51. Ярославская . . . . —
по городу Ярославлю 1
въ прочихъ городахъ и въ уѣздахъ 4

Итого 412

Въ томъ числѣ отъ городовъ . 28

Приложеніе къ статьѣ 4.

РОСПИСАНІЕ

числа губернскихъ выборщиковъ.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномочен. отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
1. Архангельская.				
Архангельскій	5	1	4	
Александровскій . . .	2	1	1	
Кемскій	3	2	1	
Мезенскій	3	1	2	
Онежскій	3	2	1	
Печорскій	3	2	1	
Пинежскій	3	2	1	
Холмогорскій	3	2	1	
Шенкурскій	7	6	1	
	32	19	13	
2. Астраханская.				
Астраханскій	9	1	1	7
Енотаевскій	6	3	1	2
Краснoярскій	5	2	1	2
Царевскій	16	12	1	3
Черноярскій	9	6	1	2
	45 *)	24	5	16

*) Сверхъ того, пять выборщиковъ избираются общимъ съѣздомъ уполномоченныхъ отъ станицъ Астраханскаго казачьяго войска.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномочен. отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
3. Бессарабская.				
Кишиневскій	11	2	8	1
Аккерманскій	18	12	4	2
Бендерскій	13	6	4	3
Бѣлецкій	14	3	10	1
Измаильскій	16	6*)	7	3
Оргѣевскій	14	2	8	4
Сорокскій	14	4	6	4
Хотинскій	20	8	9	3
	120	43	56	21
4. Виленская.				
Виленскій	14	6	7	1
Вилейскій	13	5	7	1
Дисненскій	13	5	7	1
Лидскій	13	5	7	1
Ошмянскій	14	6	7	1
Свѣнцянскій	11	6	4	1
Трокскій	13	7	5	1
	91	40	44	7

*) По Измаильскому уѣзду уполномоченные избираются сельскими общинами.

5. Витебская.

Витебскій	11	2	4	5
Велижскій	6	1	4	1
Городокскій	7	4	2	1
Двинскій	14	5	4	5
Дриссенскій	6	2	3	1
Лепельскій	9	4	4	1
Люцинскій	7	2	4	1
Невельскій	7	3	3	1
Полоцкій	9	3	4	2
Рѣжицкій	8	3	4	1
Себежскій	6	2	3	1
	90	31	39	20

6. Владимірская.

Владимірскій	9	3	1	5
Александровскій	6	2	1	3
Вязниковскій	5	1	1	3
Гороховецкій	6	3	2	1
Ковровскій	7	2	1	4
Меленковскій	8	2	2	4
Муромскій	7	2	1	4
Переяславскій	5	2	1	2
Покровскій	10	1	1	8
Судогодскій	6	1	2	3
Суздальскій	7	4	2	1
Шуйскій	10	1	1	8
Юрьевскій	6	2	2	2
	92	26	18	48

7. Вологодская.

Вологодскій	9	3	3	3
Вельскій	8	6	1	1
Грязовецкій	6	3	2	1
Кадниковскій	13	4	7	1
Никольскій	13	11	1	1
Сольвычегодскій	7	5	1	1
Тотемскій	8	6	1	1
Устьсысольскій	5	1	3	1
Устюжскій	9	6	1	2
Яренскій	3	1	1	1
	80	46	21	13

8. Волынская.

Житомірскій	28	7	12	9
Владиміръ-Волынскій	18	9	7	2
Дубенскій	13	5	6	2
Заславскій	13	5	5	3
Ковельскій	14	7	5	2
Кременецкій	14	6	6	2
Луцкій	17	6	7	4
Новоградъ-Волынскій	23	7	11	5
Овручскій	14	4	8	2
Острожскій	11	4	5	2
Ровенскій	18	4	9	5
Староконстантиновскій	12	5	5	2
	195	69	86	40

9. Воронежская.

Воронежскій	14	8	4	2
Бирюченскій	13	7	4	2
Бобровскій	20	15	3	2
Богучарскій	19	8	7	4
Валуйскій	13	7	4	2
Задонскій	8	5	2	1
Землянскій	14	8	4	2
Коротоякскій	11	9	1	1
Нижнедѣвицкій	11	9	1	1
Новохоперскій	13	8	4	1
Острогожскій	18	10	5	3
Павловскій	11	7	3	1
	165	101	42	22

10. Вятская

Вятскій	13	8	1	4
Глазовскій	24	16	4	4
Елабужскій	15	9	2	4
Котельническій	19	16	1	2
Малмыжскій	18	15	1	2
Нолинскій	12	10	1	1
Орловскій	17	15	1	1
Сарапульскій	27	18	1	8
Слободскій	14	7	4	3
Уржумскій	18	15	1	2
Яранскій	23	19	1	3
	200	148	18	34

11. Гродненская.

Гродненскій	13	4	3	6
Брестскій	14	5	4	5
Бѣлостокскій	13	3	3	7
Бѣльскій	11	4	5	2
Волковыскій	10	5	4	1
Кобринскій	12	5	6	1
Пружанскій	9	5	3	1
Слонимскій	7	5	1	1
Соколкскій	16	7	7	2
	105	43	36	26

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномочен.: отъ волостей.	отъ станицъ.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
12. Область Войска Донского.					
Черкасскій округъ	17	1	6	1	9
Донецкій	35	1	16	10	8
Первый Донской	20	1	11	6	2
Второй Донской	18	1	14	1	2
Ростовскій	14	4	2	6	2
Сальскій	7	1	4	1	1
Таганрогскій	30	3	1	17	9
Усть-Медвѣдицкій	18	1	13	2	2
Хоперскій	18	1	12	3	2
	177	14	79	47	37

30. Пензенская.

Пензенскій	9	2	3	4
Городищенскій	10	4	4	2
Инсарскій	11	7	3	1
Керенскій	7	4	2	1
Краснослободскій	10	8	1	1
Мокшанскій	7	2	4	1
Наровчатскій	8	6	1	1
Нижнеломовскій	9	5	3	1
Саранскій	9	4	3	2
Чембарскій	10	5	4	1
	90	47	28	15

31. Пермская.

Пермскій	18	2	9	7
Верхотурскій	18	2	7	9
Екатеринбургскій	26	4	9	13
Ирбитскій	10	7	1	2
Камышловскій	16	12	1	3
Красноуфимскій	17	6	8	3
Кунгурскій	9	5	2	2
Осинскій	21	15	3	3
Оханскій	17	9	6	2
Соликамскій	15	3	8	4
Чердынскій	7	3	3	1
Шадринскій	22	18	1	3
	196	86	58	52

32. Подольская.

Каменецъ-Подольскій	17	5	6	6
Балтскій	26	12	10	4
Брацлавскій	16	7	6	3
Винницкій	16	5	5	6
Гайсинскій	16	8	6	2
Летичевскій	12	6	5	1
Литинскій	14	6	6	2
Могилевскій	14	5	5	4
Ольгопольскій	19	8	8	3
Проскуровскій	14	6	5	3
Ушицкій	14	6	6	2
Ямпольскій	17	8	8	1
	195	82	76	37

33. Полтавская.

Полтавскій	15	1	8	6
Гадячскій	9	2	5	2
Золотоношскій	15	2	11	2
Зеньковскій	10	1	8	1
Кобелякскій	14	2	11	1
Константиноградскій	15	4	9	2
Кременчугскій	16	1	7	8
Лохвицкій	10	1	6	3
Лубенскій	9	1	5	3
Миргородскій	10	1	6	3
Переяславскій	12	1	7	4
Пирятинскій	11	2	6	3
Прилуцкій	12	2	7	3
Роменскій	12	1	6	5
Хорольскій	11	1	7	3
	181	23	109	49

34. Псковская.

Псковскій	12	7	3	2
Великолуцкій	7	2	4	1
Новоржевскій	6	2	3	1
Опочецкій	7	3	3	1
Островскій	9	5	3	1
Порховскій	9	3	4	2
Торопецкій	6	1	4	1
Холмскій	5	1	3	1
	61	24	27	10

35. Рязанская.

Рязанскій	14	4	5	5
Данковскій	8	4	3	1
Егорьевскій	10	2	1	7
Зарайскій	8	3	2	3
Касимовскій	11	5	4	2
Михайловскій	10	6	3	1
Пронскій	7	3	2	2
Раненбургскій	10	5	4	1
Ряжскій	9	4	4	1
Сапожковскій	11	5	5	1
Скопинскій	12	7	3	2
Спасскій	11	6	4	1
	121	54	40	27

36. Самарская.

Самарскій	17	9	4	4
Бугульминскій	20	7	3	10
Бугурусланскій	28	16	9	3
Бузулукскій	34	17	9	8
Николаевскій	33	17	10	6
Новоузенскій	29	17	8	4
Ставропольскій	19	11	5	3
	180	94	48	38

37. С.-Петербургская.

С.-Петербургскій	4	1	1	2
Гдовскій	8	3	4	1
Лужскій	7	2	4	1
Новоладожскій	5	2	2	1
Петергофскій	7	2	2	3
Царскосельскій	8	2	2	4
Шлиссельбургскій	4	1	1	2
Ямбургскій	4	1	2	1
	47	14	18	15

38. Саратовская.

Саратовскій	13	4	7	2
Аткарскій	19	7	9	3
Балашевскій	21	8	9	4
Вольскій	12	5	4	3
Камышинскій	21	14	2	5
Кузнецкій	11	5	3	3
Петровскій	15	7	6	2
Сердобскій	15	6	7	2
Хвалынскій	12	7	3	2
Царицынскій	11	1	1	9
	150	64	51	35

39. Симбирская.

Симбирскій	14	5	4	5
Алатырскій	10	5	2	3
Ардатовскій	12	7	4	1
Буинскій	12	6	2	1
Корсунскій	14	6	7	1
Курмышскій	10	6	3	1

5. Витебская.

Витебскій	11	2	4	5
Велижскій	6	1	4	1
Городокскій	7	4	2	1
Двинскій	14	5	4	5
Дриссенскій	6	2	3	1
Лепельскій	9	4	4	1
Люцинскій	7	2	4	1
Невельскій	7	3	3	1
Полоцкій	9	3	4	2
Рѣжицкій	8	3	4	1
Себежскій	6	2	3	1
	90	31	39	20

6. Владимірская.

Владимірскій	9	3	1	5
Александровскій	6	2	1	3
Вязниковскій	5	1	1	3
Гороховецкій	6	3	2	1
Ковровскій	7	2	1	4
Меленковскій	8	2	2	4
Муромскій	7	2	1	4
Переяславскій	5	2	1	2
Покровскій	10	1	1	8
Судогодскій	6	1	2	3
Суздальскій	7	4	2	1
Шуйскій	10	1	1	8
Юрьевскій	6	2	2	2
	92	26	18	48

7. Вологодская.

Вологодскій	9	3	3	3
Вельскій	8	6	1	1
Грязовецкій	6	3	2	1
Кадниковскій	13	4	7	1
Никольскій	13	11	1	1
Сольвычегодскій	7	5	1	1
Тотемскій	8	6	1	1
Устьсысольскій	5	1	3	1
Устюжскій	9	6	1	2
Яренскій	3	1	1	1
	80	46	21	13

8. Волынская.

Житомірскій	28	7	12	9
Владиміръ-Волынскій	18	9	7	2
Дубенскій	13	5	6	2
Заславскій	13	5	5	3
Ковельскій	14	7	5	2
Кременецкій	14	6	6	2
Луцкій	17	6	7	4
Новоградъ-Волынскій	23	7	11	5
Овручскій	14	4	8	2
Острожскій	11	4	5	2
Ровенскій	18	4	9	5
Староконстантиновскій	12	5	5	2
	195	69	86	40

9. Воронежская.

Воронежскій	14	8	4	2
Бирюченскій	13	7	4	2
Бобровскій	20	15	3	2
Богучарскій	19	8	7	4
Валуйскій	13	7	4	2
Задонскій	8	5	2	1
Землянскій	14	8	4	2
Коротоякскій	11	9	1	1
Нижнедѣвицкій	11	9	1	1
Новохоперскій	13	8	4	1
Острогожскій	18	10	5	3
Павловскій	11	7	3	1
	165	101	42	22

10. Вятская

Вятскій	13	8	1	4
Глазовскій	24	16	4	4
Елабужскій	15	9	2	4
Котельническій	19	16	1	2
Малмыжскій	18	15	1	2
Нолинскій	12	10	1	1
Орловскій	17	15	1	1
Сарапульскій	27	18	1	8
Слободскій	14	7	4	3
Уржумскій	18	15	1	2
Яранскій	23	19	1	3
	200	148	18	34

11. Гродненская.

Гродненскій	13	4	3	6
Брестскій	14	5	4	5
Бѣлостокскій	13	3	3	7
Бѣльскій	11	4	5	2
Волковыскій	10	5	4	1
Кобринскій	12	5	6	1
Пружанскій	9	5	3	1
Слонимскій	7	5	1	1
Соколкскій	16	7	7	2
	105	43	36	26

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномочен.: отъ волостей.	отъ станицъ.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
12. Область Войска Донского.					
Черкасскій округъ	17	1	6	1	9
Донецкій	35	1	16	10	8
Первый Донской	20	1	11	6	2
Второй Донской	18	1	14	1	2
Ростовскій	14	4	2	6	2
Сальскій	7	1	4	1	1
Таганрогскій	30	3	1	17	9
Усть-Медвѣдицкій	18	1	13	2	2
Хоперскій	18	1	12	3	2
	177	14	79	47	37

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	отъ съѣзда уполномочен. отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
13. Екатеринославская.				
Екатеринославскій	16	2	3	11
Александровскій	19	6	9	4
Бахмутскій	23	2	3	18
Верхнеднѣпровскій	14	2	4	8
Маріупольскій	17	11	2	4
Новомосковскій	17	5	7	5
Павлоградскій	17	5	9	3
Славяносербскій	12	1	1	10
	135	34	38	63
14. Казанская.				
Казанскій	15	11	2	2
Козьмодемьянскій	8	6	1	1
Лаишевскій	11	6	4	1
Мамадышскій	13	11	1	1
Свіяжскій	9	5	2	2
Спасскій	11	6	4	1
Тетюшскій	12	10	1	1
Царевококшайскій	9	7	1	1
Цивильскій	10	8	1	1
Чебоксарскій	10	6	1	3
Чистопольскій	20	13	4	3
Ядринскій	11	9	1	1
	139	98	23	18
15. Калужская				
Калужскій	8	2	2	4
Боровскій	3	1	1	1
Жиздринскій	16	6	5	5
Козельскій	8	4	3	1
Лихвинскій	6	3	3	1
Малоярославецкій	3	1	1	1
Медынскій	7	3	2	2
Мещовскій	6	2	2	2
Мосальскій	10	5	4	1
Перемышльскій	5	2	2	1
Тарусскій	4	1	1	2
	76	30	25	21
16. Кіевская.				
Кіевскій	20	7	6	7
Бердичевскій	19	4	5	10
Васильковскій	21	8	4	9
Звенигородскій	19	8	6	5
Каневскій	18	7	6	5
Липовецкій	14	5	6	3
Радомысльскій	22	7	10	5
Свирскій	17	6	7	4
Таращанскій	16	7	5	4
Уманскій	22	9	6	7
Черкасскій	21	6	7	8
Чигиринскій	16	6	6	4
	225	80	74	71
17. Ковенская.				
Ковенскій	13	2	4	7
Вилькомирскій	13	7	5	1
Новоалександровскій	12	7	4	1
Поневѣжскій	13	6	6	1
Россіенскій	14	6	6	2
Тельшевскій	11	5	4	2
Шавельскій	14	6	6	2
	90	39	35	16
18. Костромская.				
Костромской	12	4	3	5
Буйскій	5	2	2	1
Варнавинскій	8	3	4	1
Ветлужскій	8	2	5	1
Галичскій	7	3	3	1
Кинешемскій	9	1	2	6
Кологривскій	7	1	5	1
Макарьевскій	9	4	4	1
Нерехтскій	10	4	2	4
Солигаличскій	4	1	2	1
Чухломскій	4	1	2	1
Юрьевецкій	9	3	1	5
	92	29	35	28
19. Курляндская.				
Добленскій	7	2	1	4
Баусскій	3	1	1	1
Виндавскій	4	1	1	2
Газенпотскій	4	1	2	1
Гольдингенскій	4	2	1	1
Гробинскій	8	1	1	6
Иллукстскій	4	1	2	1
Тальсенскій	4	1	2	1
Туккумскій	4	1	2	1
Фридрихштадтскій	4	2	1	1
	46	13	14	19
20. Курская.				
Курскій	9	5	3	1
Бѣлгородскій	11	5	2	4
Грайворонскій	12	6	3	3
Дмитріевскій	8	3	4	1
Корочанскій	11	8	2	1
Льговскій	8	3	3	2
Новооскольскій	10	6	3	1
Обоянскій	12	9	2	1
Путивльскій	11	3	5	3
Рыльскій	11	3	3	5
Старооскольскій	10	5	3	2
Суджанскій	10	6	3	1
Тимскій	9	6	2	1
Фатежскій	8	5	2	1
Щигровскій	10	5	4	1
	150	78	44	28
21. Лифляндская.				
Рижскій	6	1	3	2
Валкскій	7	2	3	2
Венденскій	7	3	3	1
Верроскій	6	2	3	1
Вольмарскій	8	3	4	1
Перновскій	6	2	2	2
Феллинскій	6	3	2	1

Нижнедѣвицкій	150
Новохоперскій	250
Острогожскій	250
Павловскій	200

10. Вятская.

Вятскій	325
Глазовскій	400
Елабужскій	250
Котельническій	325
Малмыжскій	250
Нолинскій	225
Орловскій	350
Сарапульскій	250
Слободскій	475
Уржумскій	250
Яранскій	250

11 Гродненская.

Гродненскій	200
Брестскій	250
Бѣлостокскій	200
Бѣльскій	200
Волковыскій	250
Кобринскій	250
Пружанскій	250
Слонимскій	250
Соколкскій	200

12. Область Войска Донского.

Черкасскій округъ	200
Донецкій	200
Первый Донской	200
Второй Донской	200
Ростовскій	200
Сальскій	200
Таганрогскій	200
Усть-Медвѣдицкій	200
Хоперскій	200

13. Екатеринославская.

Екатеринославск.	150
Александровскій	150
Бахмутскій	150
Верхнеднѣпровск.	150
Маріупольскій	150
Новомосковскій	150
Павлоградскій	150
Славяносербскій	150

14. Казанская.

Казанскій	200
Козьмодемьянскій	175
Лаишевскій	200
Мамадышскій	200
Свіяжскій	200
Спасскій	200
Тетюшскій	200
Царевококшайск.	175
Цивильскій	200
Чебоксарскій	175
Чистопольскій	200
Ядринскій	200

15. Калужская.

Калужскій	200
Боровскій	200
Жиздринскій	250
Козельскій	200
Лихвинскій	200
Малоярославецкій	200
Медынскій	250
Мещовскій	200
Мосальскій	225
Перемышльскій	300
Тарусскій	200

16. Кіевская.

Кіевскій	200
Бердичевскій	125
Васильковскій	150
Звенигородскій	100
Каневскій	100
Липовецкій	150
Радомысльскій	300
Сквирскій	125
Таращанскій	150
Уманскій	125
Черкасскій	125
Чигиринскій	125

17. Ковенская.

Ковенскій	200
Вилькомірскій	200
Новоалександровскій	200
Поневѣжскій	200
Россіенскій	200
Тельшевскій	200
Шавельскій	200

18. Костромская.

Костромской	250
Буйскій	350
Варнавинскій	350
Ветлужскій	350
Галичскій	350
Кинешемскій	250
Кологривскій	350
Макарьевскій	325
Нерехтскій	225
Солигаличскій	350
Чухломскій	325
Юрьевецкій	250

19. Курляндская.

Добленскій	125
Баусскій	170
Виндавскій	270
Газенпотскій	200
Гольдингенскій	200
Гробинскій	175
Иллукстскій	175
Тальсенскій	200
Туккумскій	180
Фридрихштадтск.	200

20. Курская.

Курскій	150
Бѣлгородскій	175
Грайворонскій	175
Дмитріевскій	200
Корочанскій	150
Льговскій	175
Новооскольскій	150
Обоянскій	150
Путивльскій	175
Рыльскій	175
Староосколькій	150
Суджанскій	150
Тимскій	150
Фатежскій	150
Щигровскій	125

21. Лифляндская.

Рижскій	200
Валкскій	300
Венденскій	300
Верроскій	300
Вольмарскій	200
Перновскій	300
Юрьевскій	200
Эзельскій	300
Феллинскій	200

22. Минская.

Минскій	300
Бобруйскій	400
Борисовскій	400
Игуменскій	400
Мозырскій	600
Новогрудскій	300
Пинскій	400
Рѣчицкій	400
Слуцкій	300

23. Могилевская.

Могилевскій	250
Быховскій	250
Гомельскій	250
Горецкій	250
Климовичскій	250
Мстиславскій	250
Оршанскій	250
Рогачевскій	250
Сѣннинскій	250
Чаусскій	250
Чериковскій	250

24. Московская.

Московскій	200
Богородскій	175
Бронницкій	200
Верейскій	200
Волоколамскій	200
Дмитровскій	200
Звенигородскій	200
Клинскій	200
Коломенскій	200
Можайскій	200

30. Пензенская.

Пензенскій	9	2	3	4
Городищенскій	10	4	4	2
Инсарскій	11	7	3	1
Керенскій	7	4	2	1
Краснослободскій	10	8	1	1
Мокшанскій	7	2	4	1
Наровчатскій	8	6	1	1
Нижнеломовскій	9	5	3	1
Саранскій	9	4	3	2
Чембарскій	10	5	4	1
	90	47	28	15

31. Пермская.

Пермскій	18	2	9	7
Верхотурскій	18	2	7	9
Екатеринбургскій	26	4	9	13
Ирбитскій	10	7	1	2
Камышловскій	16	12	1	3
Красноуфимскій	17	6	8	3
Кунгурскій	9	5	2	2
Осинскій	21	15	3	3
Оханскій	17	9	6	2
Соликамскій	15	3	8	4
Чердынскій	7	3	3	1
Шадринскій	22	18	1	3
	196	86	58	52

32. Подольская.

Каменецъ-Подольскій	17	5	6	6
Балтскій	26	12	10	4
Брацлавскій	16	7	6	3
Винницкій	16	5	5	6
Гайсинскій	16	8	6	2
Летичевскій	12	6	5	1
Литинскій	14	6	6	2
Могилевскій	14	5	5	4
Ольгопольскій	19	8	8	3
Проскуровскій	14	6	5	3
Ушицкій	14	6	6	2
Ямпольскій	17	8	8	1
	195	82	76	37

33. Полтавская.

Полтавскій	15	1	8	6
Гадячскій	9	2	5	2
Золотоношскій	15	2	11	2
Зеньковскій	10	1	8	1
Кобелякскій	14	2	11	1
Константиноградскій	15	4	9	2
Кременчугскій	16	1	7	8
Лохвицкій	10	1	6	3
Лубенскій	9	1	5	3
Миргородскій	10	1	6	3
Переяславскій	12	1	7	4
Пирятинскій	11	2	6	3
Прилуцкій	12	2	7	3
Роменскій	12	1	6	5
Хорольскій	11	1	7	3
	181	23	109	49

34. Псковская.

Псковскій	12	7	3	2
Великолуцкій	7	2	4	1
Новоржевскій	6	2	3	1
Опочецкій	7	3	3	1
Островскій	9	5	3	1
Порховскій	9	3	4	2
Торопецкій	6	1	4	1
Холмскій	5	1	3	1
	61	24	27	10

35. Рязанская.

Рязанскій	14	4	5	5
Данковскій	8	4	3	1
Егорьевскій	10	2	1	7
Зарайскій	8	3	2	3
Касимовскій	11	5	4	2
Михайловскій	10	6	3	1
Пронскій	7	3	2	2
Раненбургскій	10	5	4	1
Ряжскій	9	4	4	1
Сапожковскій	11	5	5	1
Скопинскій	12	7	3	2
Спасскій	11	6	4	1
	121	54	40	27

36. Самарская.

Самарскій	17	9	4	4
Бугульминскій	20	7	3	10
Бугурусланскій	28	16	9	3
Бузулукскій	34	17	9	8
Николаевскій	33	17	10	6
Новоузенскій	29	17	8	4
Ставропольскій	19	11	5	3
	180	94	48	38

37. С.-Петербургская.

С.-Петербургскій	4	1	1	2
Гдовскій	8	3	4	1
Лужскій	7	2	4	1
Новоладожскій	5	2	2	1
Петергофскій	7	2	2	3
Царскосельскій	8	2	2	4
Шлиссельбургскій	4	1	1	2
Ямбургскій	4	1	2	1
	47	14	18	15

38. Саратовская.

Саратовскій	13	4	7	2
Аткарскій	19	7	9	3
Балашевскій	21	8	9	4
Вольскій	12	5	4	3
Камышинскій	21	14	2	5
Кузнецкій	11	5	3	3
Петровскій	15	7	6	2
Сердобскій	15	6	7	2
Хвалынскій	12	7	3	2
Царицынскій	11	1	1	9
	150	64	51	35

39. Симбирская.

Симбирскій	14	5	4	5
Алатырскій	10	5	2	3
Ардатовскій	12	7	4	1
Буинскій	12	6	2	1
Корсунскій	14	6	7	1
Курмышскій	10	6	3	1

Сенгилеевскій	9	4	3	2
Сызранскій	9	2	4	3
	90	44	29	17

40. Смоленская.

Смоленскій	9	2	2	5
Бѣльскій	10	2	7	1
Вяземскій	6	2	3	1
Гжатскій	5	2	2	1
Дорогобужскій	6	2	3	1
Духовщинскій	8	3	2	3
Ельнинскій	8	3	4	1
Краснинскій	6	3	2	1
Порѣчскій	8	3	4	1
Рославльскій	11	3	6	2
Сычевскій	6	3	2	1
Юхновскій	7	3	3	1
	90	31	40	19

41. Ставропольская.

Ставропольскій	9	4	2	3
Александровскій	9	7	1	1
Медвѣженскій	13	10	1	2
Благодаринскій	10	8	1	1
Прасковейскій	6	4	1	1
	47	33	6	8

42. Таврическая.

Симферопольскій	10	1	3	6
Бердянскій	21	16	1	3
Днѣпровскій	14	5	8	1
Евпаторійскій	5	1	2	2
Мелитопольскій	26	16	7	3
Перекопскій	5	1	3	1
Ялтинскій	6	1	2	3
Ѳеодосійскій	9	1	4	4
	96	42	31	23

43. Тамбовская.

Тамбовскій	28	13	10	5
Борисоглѣбскій	21	13	6	2
Елатомскій	9	4	4	1
Кирсановскій	18	8	9	1
Козловскій	23	13	7	3
Лебедянскій	10	6	2	2
Липецкій	11	5	2	4
Моршанскій	18	8	7	3
Спасскій	8	6	1	1
Темниковскій	9	3	4	2
Усманскій	14	9	4	1
Шацкій	11	4	6	1
	108	92	62	26

44. Тверская

Тверской	11	2	1	8
Бѣжецкій	17	9	6	2
Весьегонскій	10	5	4	1
Вышневолоцкій	12	4	5	3
Зубцовскій	7	3	3	1
Калязинскій	8	4	2	2
Кашинскій	8	4	2	2
Корчевскій	8	3	3	2
Новоторжскій	10	4	3	3
Осташковскій	9	3	5	1
Ржевскій	10	3	3	4
Старицкій	10	5	4	1
	120	49	41	30

45. Тульская.

Тульскій	6	2	2	2
Алексинскій	4	2	1	1
Богородицкій	9	4	3	2
Бѣлевскій	4	2	1	1
Веневскій	6	3	2	1
Епифанскій	7	3	3	1
Ефремовскій	9	4	4	1
Каширскій	4	1	2	1
Крапивенскій	6	2	2	2
Новосильскій	10	5	4	1
Одоевскій	5	2	2	1
Чернскій	6	2	3	1
	76	32	29	15

46. Уфимская.

Уфимскій	25	8	11	6
Белебеевскій	29	19	7	3
Бирскій	33	25	6	2
Златоустовскій	12	5	2	5
Мензелинскій	29	20	5	4
Стерлитамакскій	22	11	5	6
	150	88	36	26

47. Харьковская.

Харьковскій	11	5	3	3
Ахтырскій	10	3	2	5
Богодуховскій	11	4	3	4
Валковскій	9	5	3	1
Волчанскій	11	4	4	3
Зміевскій	15	8	4	3
Изюмскій	19	5	7	7
Купянскій	16	9	5	2
Лебединскій	11	4	3	4
Старобѣльскій	23	15	5	3
Сумскій	14	2	4	8
	150	64	43	43

48. Херсонская.

Херсонскій	38	11	15	12
Александрійскій	27	12	11	4
Ананіевскій	17	4	11	2
Елисаветградскій	40	14	17	9
Одесскій	12	4	7	1
Тираспольскій	16	5	8	3
	150	50	69	31

49. Черниговская

Черниговскій	10	4	3	3
Борзненскій	9	5	2	2
Глуховскій	9	3	3	3
Городнянскій	10	4	4	2
Козелецкій	9	4	3	2
Конотопскій	10	4	3	3
Кролевецкій	9	5	2	2
Мглинскій	9	2	6	1
Новгородъ-Сѣверскій	10	4	4	2
Новозыбковскій	11	4	3	4
Нѣжинскій	11	5	3	3
Остерскій	10	7	2	1

Сосницкій	11	4	4	3
Стародубскій	10	3	6	1
Суражскій	12	5	2	5
	150	63	50	37

50. Эстляндская.

Ревельскій	17	3	6	8
Везенбергскій	13	3	6	4
Вейсенштейнскій	6	2	3	1
Гапсальскій	9	2	6	1
	45	10	21	14

51. Ярославская.

Ярославскій	9	2	1	6
Даниловскій	4	1	1	2
Любимскій	4	1	2	1
Мологскій	7	2	4	1
Мышкинскій	5	2	2	1
Пошехонскій	6	2	3	1
Романово-Борисоглѣб-	4			
скій	9	1	2	1
Ростовскій	6	3	2	4
Рыбинскій		1	1	4
Угличскій	6	2	2	2
	60	17	20	23

Приложеніе къ статьѣ 12.

РОСПИСАНІЕ

количества земли, дающаго право на участіе въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
1. Архангельская.	
Архангельскій	500
Александровскій	600
Кемскій	500
Мезенскій	600
Онежскій	500
Печорскій	600
Пинежскій	600
Холмогорскій	450
Шенкурскій	450
2. Астраханская.	
Астраханскій	525
Енотаевскій	500
Красноярскій	725
Царевскій	375
Черноярскій	525
3. Бессарабская.	
Кишиневскій	200
Аккерманскій	200
Бендерскій	300
Бѣлецкій	300
Измаильскій	300
Оргѣевскій	200
Сорокскій	175
Хотинскій	150
4. Виленская.	
Виленскій	300
Вилейскій	300
Дисненскій	300
Лидскій	300
Ошмянскій	300
Свѣнцянскій	300
Трокскій	300
5. Витебская.	
Витебскій	200
Велижскій	300
Городокскій	300
Двинскій	150
Дриссенскій	200
Лепельскій	200
Люцинскій	200
Невельскій	200
Полоцкій	200
Рѣжицкій	150
Себежскій	300
6. Владимірская.	
Владимірскій	250
Александровскій	250
Вязниковскій	225
Гороховецкій	225
Ковровскій	250
Меленковскій	250
Муромскій	225
Переяславльскій	225
Покровскій	225
Судогодскій	225
Суздальскій	200
Шуйскій	250
Юрьевскій	200
7. Вологодская.	
Вологодскій	250
Вельскій	475
Грязовецкій	250
Кадниковскій	325
Никольскій	475
Сольвычегодскій	400
Тотемскій	425
Устьсысольскій	700
Устюжскій	475
Яренскій	800
8. Волынская.	
Житомірскій	200
Владиміръ-Волынскій	250
Дубенскій	200
Заславскій	100
Ковельскій	300
Кременецкій	200
Луцкій	300
Новоградъ-Волынскій	250
Овручскій	500
Острожскій	200
Ровенскій	300
Староконстантиновскій	150
9. Воронежская.	
Воронежскій	150
Бирюченскій	200
Бобровскій	150
Богучарскій	250
Валуйскій	200
Задонскій	150
Землянскій	125
Коротоякскій	200

Нижнедѣвицкій	150
Новохоперскій	250
Острогожскій	250
Павловскій	200

10. Вятская.

Вятскій	325
Глазовскій	400
Елабужскій	250
Котельническій	325
Малмыжскій	250
Нолинскій	225
Орловскій	350
Сарапульскій	250
Слободскій	475
Уржумскій	250
Яранскій	250

11 Гродненская.

Гродненскій	200
Брестскій	250
Бѣлостокскій	200
Бѣльскій	200
Волковыскій	250
Кобринскій	250
Пружанскій	250
Слонимскій	250
Соколкскій	200

12. Область Войска Донского.

Черкасскій округъ	200
Донецкій	200
Первый Донской	200
Второй Донской	200
Ростовскій	200
Сальскій	200
Таганрогскій	200
Усть-Медвѣдицкій	200
Хоперскій	200

13. Екатеринославская.

Екатеринославск.	150
Александровскій	150
Бахмутскій	150
Верхнеднѣпровск.	150
Маріупольскій	150
Новомосковскій	150
Павлоградскій	150
Славяносербскій	150

14. Казанская.

Казанскій	200
Козьмодемьянскій	175
Лаишевскій	200
Мамадышскій	200
Свіяжскій	200
Спасскій	200
Тетюшскій	200
Царевококшайск.	175
Цивильскій	200
Чебоксарскій	175
Чистопольскій	200
Ядринскій	200

15. Калужская.

Калужскій	200
Боровскій	200
Жиздринскій	250
Козельскій	200
Лихвинскій	200
Малоярославецкій	200
Медынскій	250
Мещовскій	200
Мосальскій	225
Перемышльскій	300
Тарусскій	200

16. Кіевская.

Кіевскій	200
Бердичевскій	125
Васильковскій	150
Звенигородскій	100
Каневскій	100
Липовецкій	150
Радомысльскій	300
Сквирскій	125
Таращанскій	150
Уманскій	125
Черкасскій	125
Чигиринскій	125

17. Ковенская.

Ковенскій	200
Вилькомірскій	200
Новоалександровскій	200
Поневѣжскій	200
Россіенскій	200
Тельшевскій	200
Шавельскій	200

18. Костромская.

Костромской	250
Буйскій	350
Варнавинскій	350
Ветлужскій	350
Галичскій	350
Кинешемскій	250
Кологривскій	350
Макарьевскій	325
Нерехтскій	225
Солигаличскій	350
Чухломскій	325
Юрьевецкій	250

19. Курляндская.

Добленскій	125
Баусскій	170
Виндавскій	270
Газенпотскій	200
Гольдингенскій	200
Гробинскій	175
Иллукстскій	175
Тальсенскій	200
Туккумскій	180
Фридрихштадтск.	200

20. Курская.

Курскій	150
Бѣлгородскій	175
Грайворонскій	175
Дмитріевскій	200
Корочанскій	150
Льговскій	175
Новооскольскій	150
Обоянскій	150
Путивльскій	175
Рыльскій	175
Старооскольскій	150
Суджанскій	150
Тимскій	150
Фатежскій	150
Щигровскій	125

21. Лифляндская.

Рижскій	200
Валкскій	300
Венденскій	300
Верроскій	300
Вольмарскій	200
Перновскій	300
Юрьевскій	200
Эзельскій	300
Феллинскій	200

22. Минская.

Минскій	300
Бобруйскій	400
Борисовскій	400
Игуменскій	400
Мозырскій	600
Новогрудскій	300
Пинскій	400
Рѣчицкій	400
Слуцкій	300

23. Могилевская.

Могилевскій	250
Быховскій	250
Гомельскій	250
Горецкій	250
Климовичскій	250
Мстиславскій	250
Оршанскій	250
Рогачевскій	250
Сѣнинскій	250
Чаусскій	250
Чериковскій	250

24. Московская.

Московскій	200
Богородскій	175
Бронницкій	200
Верейскій	200
Волоколамскій	200
Дмитровскій	200
Звенигородскій	200
Клинскій	200
Коломенскій	200
Можайскій	200

Подольскій	200
Рузскій	200
Серпуховскій	200

25. Нижегородская.

Нижегородскій	250
Ардатовскій	250
Арзамасскій	250
Балахвинскій	225
Васильсурскій:	
часть уѣзда по правой сторонѣ рѣки Волги	225
остальная часть уѣзда	325
Горбатовскій	250
Княгининскій	250
Лукояновскій	200
Макарьевскій:	
часть уѣзда по правой сторонѣ рѣки Волги	250
остальная часть уѣзда	350
Семеновскій	300
Сергачскій	200

26. Новгородская.

Новгородскій	300
Боровичскій	300
Бѣлозерскій	400
Валдайскій	300
Демьянскій	300
Кирилловскій	300
Крестецкій	300
Старорусскій	300
Тихвинскій	300
Устюженскій	300
Череповецкій	300

27. Олонецкая.

Петрозаводскій	475
Вытегорскій	425
Каргопольскій	400
Лодейнопольскій	400
Олонецкій	350
Повѣнецкій	400
Пудожскій	475

28. Оренбургская.

Оренбургскій	475
Верхнеуральскій	350
Орскій	475
Троицкій	350
Челябинскій	350

29. Орловская.

Орловскій	150
Болховскій	200
Брянскій	250
Дмитровскій	250
Елецкій	125
Карачевскій	225
Кромскій	175
Ливенскій	125
Малоархангельск.	125
Мценскій	175
Сѣвскій	225
Трубчевскій	250

30. Пензенская.

Пензенскій	175
Городищенскій	250
Инсарскій	175
Керенскій	175
Краснослободскій	200
Мокшанскій	175
Наровчатскій	175
Нижнеломовскій	175
Саранскій	175
Чембарскій	175

81. Пермская.

Пермскій	300
Верхотурскій	475
Екатеринбургскій	300
Ирбитскій	350
Камышловскій	350
Красноуфимскій	350
Кунгурскій	300
Осинскій	350
Оханскій	350
Соликамскій	475
Чердынскій	350
Шадринскій	350

32. Подольская.

Каменецъ - Подольскій	150
Балтскій	150
Брацлавскій	150
Винницкій	150
Гайсинскій	150
Летичевскій	150
Литинскій	150
Могилевскій	150
Ольгопольскій	150
Проскуровскій	150
Ушицкій	150
Ямпольскій	150

33. Полтавская.

Полтавскій	150
Гадячскій	150
Золотоношскій	150
Зеньковскій	150
Кобелякскій	150
Константиноградскій	200
Кременчугскій	150
Лохвицкій	150
Лубенскій	150
Миргородскій	150
Переяславскій	200
Пирятинскій	150
Прилукскій	150
Роменскій	150
Хорольскій	150

34. Псковская.

Псковскій	225
Великолуцкій	225
Новоржевскій	300
Опочецкій	300
Островскій	300
Порховскій	275
Торопецкій	300
Холмскій	300

35. Рязанская.

Рязанскій:	
часть уѣзда по правой сторонѣ рѣки Оки	125
остальная часть уѣзда	175
Данковскій	150
Егорьевскій	200
Зарайскій	200
Касимовскій	200
Михайловскій	150
Пронскій	175
Раненбургскій	150
Ряжскій	175
Сапожковскій	175
Скопинскій	150
Спасскій:	
часть уѣзда, расположенная между рѣками Окою и Царою	175
остальная часть уѣзда	200

36. Самарская.

Самарскій	300
Бугульминскій	350
Бугурусланскій	350
Бузулукскій	350
Николаевскій	475
Новоузенскій	550
Ставропольскій	250

37. С.-Петербургская.

Петербургскій:	
часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы	175
остальная часть уѣзда	225
Гдовскій	275
Лужскій	275
Новоладожскій	275
Петергофскій:	
часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы	175
остальная часть уѣзда	225

Царскосельскій:
часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы 175
остальная часть уѣзда 225
Шлиссельбургскій:
часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы 175
остальная часть уѣзда 200
Ямбургскій 200

38. Саратовская.

Саратовскій. . . .	200
Аткарскій	250
Балашовскій . . .	200
Вольскій.	250
Камышинскій . .	250
Кузнецкій	250
Петровскій	200
Сердобскій	175
Хвалынскій . . .	250
Царицынскій . . .	400

39. Симбирская.

Симбирскій. . . .	225
Алатырскій. . . .	200
Ардатовскій. . . .	200
Буинскій.	250
Карсунскій. . . .	250
Курмышскій . . .	200
Сенгилеевскій. . .	250
Сызранскій. . . .	250

40. Смоленская.

Смоленскій	225
Бѣльскій.	225
Вяземскій	250
Гжатскій.	250
Дорогобужскій . .	250
Духовщинскій. . .	250
Ельнинскій. . . .	250
Краснинскій . . .	250
Порѣчскій	225
Рославльскій . . .	225
Сычевскій	250
Юхновскій	225

41. Ставропольская.

Ставропольскій . .	320
Александровскій .	510
Благодаринскій . .	650
Медвѣженскій. . .	340
Прасковейскій . .	650

42. Таврическая.

Симферопольскій:
Горныя части уѣзда до черты, опредѣленной Выс. утв. 5-го мая 1835 г. пол. Ком. Мин. (п. с. з. № 8114) 175
Остальная часть уѣзда. 425
Бердянскій. . . . 200
Днѣпровскій . . . 425
Евпаторійскій. . . 250
Мелитопольскій . . 300
Перекопскій . . . 250
Ялтинскій:
Южная часть уѣзда, расположенная между моремъ и шоссейною горогою отъ Алушты до Байдарскихъ воротъ . . . 25
Остальная часть уѣзда 100
Θеодосійскій;
Горныя части уѣзда до черты, опредѣленной Выс. утв. 5-го мая 1835 г. пол. Ком. Мин. (п. с. з. № 8114) 200
Остальная часть уѣзда 475

43. Тамбовская.

Тамбовскій	150
Борисоглѣбскій . .	150
Елатомскій	175
Кирсановскій . . .	150
Козловскій	125
Лебедянскій . . .	150
Липецкій	150
Моршанскій . . .	175
Спасскій.	200
Темниковскій . . .	200
Усманскій	125
Шацкій	200

44. Тверская.

Тверской	225
Бѣжецкій	225
Весьегонскій . . .	225
Вышневолоцкій . .	225
Зубцовскій	250
Калязинскій . . .	225
Кашинскій	200
Корчевскій. . . .	225
Новоторжскій . . .	225
Осташковскій . . .	225
Ржевскій.	250
Старицкій	250

45. Тульская.

Тульскій.	200
Алексинскій . . .	200
Богородицкій . . .	150
Бѣлевскій	200
Веневскій	175
Епифанскій. . . .	150
Ефремовскій. . . .	125
Каширскій	200
Крапивенскій . . .	150
Новосильскій . . .	125
Одоевскій	175
Чернскій.	150

46. Уфимская.

Уфимскій	250
Белебеевскій . . .	350
Бирскій	350
Златоустовскій . .	350
Мензелинскій . . .	250
Стерлитамакскій .	350

47. Харьковская.

Харьковскій . . .	150
Ахтырскій	150
Богодуховскій. . .	150
Валковскій	150
Волчанскій. . . .	200
Зміевскій	250
Изюмскій	250
Купянскій	250
Лебединскій . . .	125
Старобѣльскій. . .	250
Сумскій	125

48. Херсонская.

Херсонскій:
Часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ городовъ Херсона и Николаева 200
Остальная часть уѣзда. 350
Александрійскій. . 200
Ананьевскій . . . 250
Елисаветградскій . 200
Одесскій:
Часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ города Одессы 200
Остальная часть уѣзда 350
Тираспольскій . . 2g0

49. Черниговская.

Черниговскій . . .	200
Борзненскій . . .	150
Глуховскій	200
Городнянскій . . .	200
Козелецкій	200
Конотопскій . . .	150
Кролевецкій . . .	200
Мглинскій	250
Новгородсѣверск. .	250
Новозыбковскій . .	250
Нѣжинскій	150
Остерскій	225
Сосницкій	250

Стародубскій . . .	200
Суражскій	225

50. Эстляндская.

Ревельскій	25:
Везенбергскій. . .	250
Вейсенштейнскій. .	200
Гапсальскій . . .	300

51. Ярославская.

Ярославскій . . .	250
Даниловскій . . .	225
Любимскій	250
Мологскій	225
Мышкинскій . . .	200
Пошехонскій . . .	350
Романово - Борисоглѣбскій . . .	225
Ростовскій	225
Рыбинскій	225
Угличскій	225

Приложеніе къ статьѣ 38.

Правила о порядкѣ производства выборовъ въ городскія избирательныя собранія.

1. Избирателямъ каждаго избирательнаго участка предоставляется, въ теченіе мѣсяца до срока, назначеннаго для выборовъ, образовывать для совѣщанія о лицахъ, достойныхъ быть избранными, особыя подготовительныя собранія. О времени и мѣстѣ такихъ собраній избиратели заявляютъ начальнику мѣстной полиціи, который можетъ назначить, для присутствія въ собраніи, одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ.

2. На подготовительномъ собраніи могутъ присутствовать лишь избиратели даннаго избирательнаго участка. По требованію представителя полиціи, собраніе должно быть немедленно закрыто.

2. Выборы производятся въ помѣщеніяхъ, отводимыхъ для сего городскою управою, по возможности, въ предѣлахъ избирательнаго участка.

4. Каждый избиратель лично вручаетъ свою избирательную записку предсѣдателю избирательной комиссіи.

5. Въ запискѣ указываются имена, отчества и фамиліи лицъ, за которыхъ избиратель подаетъ голосъ, въ числѣ, не превышающемъ общаго числа подлежащихъ избранію по каждому участку. Въ запискѣ не должно быть никакихъ отмѣтокъ, знаковъ, а равно исправленій и подчистокъ ни на лицевой, ни на оборотной сторонѣ; записки, не удовлетворяющія означенному требованію, признаются недѣйствительными.

6. Имя лица, предлагаемаго въ выборщики, не должно повторяться въ одной и той же избирательной запискѣ. Подобныя повторенія, а равно имена лицъ, предложенныхъ въ выборщики сверхъ положеннаго на участокъ числа, считая по порядку записи именъ, при подсчетѣ голосовъ въ соображеніе не принимаются.

7. Выборы продолжаются одинъ день, съ девяти часовъ утра до девяти часовъ вечера, и производятся одновременно во всѣхъ избирательныхъ участкахъ. Въ девять часовъ вечера допускъ избирателей въ помѣщеніе избирательной комиссіи для подачи избирательныхъ записокъ прекращается, отъ прибывшихъ же въ это помѣщеніе до девяти часовъ записки принимаются до тѣхъ поръ, пока не будутъ поданы всѣми находящимися въ помѣщеніи.

8. Предсѣдатель избирательной комиссіи, принявъ отъ избирателя записку, тотчасъ же, въ присутствіи послѣдняго, опускаетъ ее въ особый ящикъ чрезъ отверстіе, продѣланное въ крышкѣ. Ящикъ этотъ, предварительно принятія записокъ, предъявляется присутствующимъ избирателямъ для удостовѣренія въ томъ, что онъ пустъ и не имѣетъ отверстій, кромѣ предназначеннаго для опусканія записокъ. Затѣмъ ящикъ закрывается на замокъ и опечатывается печатью предсѣдателя, а ярлыкъ, на который наложена печать, подписывается предсѣдателемъ, членами избирательной комиссіи и желающими изъ числа наличныхъ избирателей. О принятіи избирательной записки дѣлается соотвѣтствующая отмѣтка въ избирательномъ спискѣ противъ имени лица, ее подавшаго. По закрытіи засѣданія, отверстіе ящика, въ который опускаются записки, опечатывается; и предсѣдатель объявляетъ присутствующимъ число поданныхъ записокъ, которое заносится въ особый актъ, подписываемый предсѣдателемъ и членами избирательной комиссіи.

9. Подсчетъ голосовъ производится начиная съ слѣдующаго по окончаніи выборовъ дня съ девяти часовъ утра до девяти часовъ вечера, въ засѣданіи избирательной комиссіи, въ которомъ могутъ присутствовать избиратели.

10. По вскрытіи избирательнаго ящика, каждая избирательная записка пронумеровывается и, если она удовлетворяетъ указаннымъ въ статьѣ 5 тре-

бованіямъ и не возбуждаетъ сомнѣній среди членовъ коммиссіи, то званіе, имя, отчество, фамилія и нумеръ по избирательному списку каждаго лица, обозначеннаго въ запискѣ, прочитываются и, по крайней мѣрѣ, двумя членами коммиссіи заносятся каждымъ на особыя карточки. Каждая такая карточка подписывается лицомъ, ее составившимъ. По вынутіи изъ ящика и просмотрѣ всѣхъ записокъ, коммиссія обсуждаетъ записки, вызвавшія сомнѣніе, и о принятомъ ею рѣшеніи, а равно объ основаніяхъ признанія записокъ недѣйствительными, составляетъ особый протоколъ, подписываемый предсѣдателемъ и членами коммиссіи. Затѣмъ карточки, въ кои внесены предложенныя въ выборщики лица, располагаются по алфавиту указанныхъ въ нихъ фамилій и подсчитываются.

11. Если подсчетъ голосовъ не можетъ быть законченъ въ одинъ день, то, по составленіи протокола о числѣ записокъ: *а*) вынутыхъ изъ ящика, *б*) признанныхъ недѣйствительными, *в*) возбудившихъ сомнѣнія и *г*) прочитанныхъ,— означенныя записки, а равно карточки съ именами предложенныхъ въ выборщики лицъ складываются, соотвѣтственно роду записокъ и карточекъ, въ особые пакеты, опечатываемые затѣмъ печатью предсѣдателя коммиссіи на ярлыкѣ, подписанномъ всѣми членами коммиссіи и желающими изъ числа присутствующихъ при этомъ избирателей. Тѣмъ же порядкомъ опечатывается и ящикъ съ невынутыми записками.

12. По окончаніи подсчета голосовъ и объявленіи именъ лицъ, предложенныхъ въ выборщики, составляется, за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ коммиссіи, протоколъ, въ который заносятся: *а*) число всѣхъ вынутыхъ изъ ящика записокъ, *б*) число всѣхъ прочитанныхъ записокъ, *в*) число записокъ, признанныхъ недѣйствительными, съ приведеніемъ основаній, къ тому послужившихъ, и *г*) списокъ лицъ, избранныхъ въ выборщики. Затѣмъ избирательныя записки и карточки запечатываются въ особые пакеты.

13. Лица, избранныя выборщиками, немедленно извѣщаются о томъ избирательною коммиссіею и, если не заявятъ губернской по дѣламъ о выборахъ коммиссіи въ теченіе трехъ сутокъ со дня полученія извѣщенія объ отказѣ отъ принятія званія выборщика, признаются принявшими это званіе. Въ случаѣ отказа избраннаго лица отъ принятія званія выборщика онъ замѣщается, съ соблюденіемъ того же порядка, слѣдующимъ по списку лицомъ, получившимъ наибольшее число голосовъ.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Правительствующему Сенату.

Манифестомъ, сего числа изданнымъ, возвѣщая всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ объ образованіи изъ выборныхъ отъ населенія Государственной Думы, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, утвердили ея учрежденіе, а также положеніе о выборахъ въ Думу.

Узаконенія сіи, со всѣми къ нимъ приложеніями, препровождаемъ въ Правительствующій Сенатъ для немедленнаго ихъ обнародованія.

Принявъ засимъ въ уваженіе, что виды и предположенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія, имѣютъ восходить къ Намъ порядкомъ, въ учрежденіи Государственной Думы установленнымъ, повелѣваемъ: дѣйствіе Указа Нашего, Правительствующему Сенату 18 февраля 1905 года по изъясненному предмету даннаго,—нынѣ же отмѣнить.

Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ учинить надлежащія распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Петергофѣ.
6-го августа 1905 года.

Государь Императоръ 6 сего августа Высочайше повелѣть соизволилъ:

I. Для разсмотрѣнія дополнительныхъ къ узаконеніямъ о Государственной Думѣ правилъ, въ томъ числѣ: 1) о выборахъ въ Государственную Думу отъ губерній Царства Польскаго, областей Уральской и Тургайской и губерній и областей: сибирскихъ, генералъ-губернаторствъ Степного и Туркестанскаго и намѣстничества кавказскаго, а также о выборахъ отъ кочевыхъ инородцевъ (пол. о выб. въ Гос. Думу, ст. 1, примѣч.), 2) о приведеніи въ дѣйствіе Положенія о выборахъ въ Думу и 3) о порядкѣ разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ Министерствъ и Главныхъ Управленій и государственной росписи доходовъ и расходовъ, а равно о производствѣ изъ казны ассигнованій, росписью не предусмотрѣнныхъ (учрежд. Гос. Думы, ст. 33, п. б),—образовать Особое Совѣщаніе.

II. Совѣщанію состоять, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Сольскаго, изъ членовъ Государственнаго Совѣта: статсъ-секретарей, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтникова Фриша и Половцова, генералъ-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи Рихтера, статсъ-секретаря, оберъ-гофмейстера князя Волконскаго, генералъ-адъютанта, адмирала Чихачева, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Герарда, генералъ-адъютанта, генерала-отъ кавалеріи графа Игнатьева 2-го, дѣйствительвыхъ тайныхъ совѣтниковъ: Голубева, Таганцева и Верховскаго, шталмейстера князя Оболенскаго 1-го и тайнаго совѣтника Стишинскаго, Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, Государственнаго Секретаря, Управляющаго дѣлами Комитета Министровъ, статсъ-секретаря барона Нольде и Свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора Трепова.

III. При обсужденіи Совѣщаніемъ предположеній о порядкѣ разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ и государственной росписи (отд. I, п. 3) присутствовать, сверхъ поименованныхъ въ отдѣлѣ II лицъ, членамъ Государственнаго Совѣта (по департаменту государственной экономіи), дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ, статсъ-секретарю Куломзину Тернеру, Иващенкову, Сабурову 2-му, Кобеко, Шидловскому и Черевакскому и тайному совѣтнику Романову.

IV. Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями и Государственному Секретарю предоставить замѣнять себя своими товарищами.

V. Дѣлопроизводство по совѣщанію возложить на Товарища Государственнаго Секретаря, тайнаго совѣтника Харитонова, въ качествѣ члена-дѣлопроизводителя, и чиновъ Государственной Канцеляріи, по указанію Государственнаго Секретаря.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы вопросы, вызываемые приведеніемъ въ дѣйствіе узаконеній о Государственной Думѣ, были разработаны въ самомъ скоромъ времени.

ЧААДАЕВЪ и НАДЕЖДИНЪ.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Ничего не можетъ быть болѣе не похожаго, какъ два человѣка, избранные мною темой настоящей работы. При желаніи сдѣлать рѣзкое сопоставленіе контрастовъ можно было сдѣлать его менѣе удачно, чѣмъ это. Чаадаевъ и Надеждинъ—буквально «десница» и «шуйца» русскаго общества «временъ желѣзныхъ Николая». Но сопоставленіе ихъ не есть произвольный выборъ двухъ противоположныхъ личностей: оно сдѣлано самой жизнью, которой угодно было обставить единственное пересѣченіе этихъ пересѣкающихся линій такими удивительными фактами, что говоря о Надеждинѣ, нельзя не говорить о Чаадаевѣ, и наоборотъ.

Можно смѣло утверждать, что въ исторіи русской литературы 1825—55 годовъ нѣтъ момента наиболѣе ярко освѣщающаго всю эту эпоху, чѣмъ моментъ встрѣчи этихъ двухъ людей. А жизнь каждаго изъ нихъ настолько опять-таки характерна для изученія николаевскаго времени, что, мнѣ кажется, съ ними нельзя не ознакомить русскую интеллигенцію. Къ тому же мнѣ удалось построить свою работу на массѣ неизданныхъ еще матеріаловъ, которые даютъ возможность пролить на многое совершенно новый свѣтъ. Оказалось, что предшественники мои, по темѣ настоящей работы, внесли въ нее столько легендъ, басенъ и просто ошибокъ, что уже простое опроверженіе ихъ и то было бы весьма и весьма полезно. Впрочемъ, чтобы не загромождать вниманіе и память читателя, я по возможности буду воздерживаться отъ тѣхъ мелкихъ поправокъ, которыя было бы необходимо сдѣлать въ очень большомъ количествѣ въ работѣ не журнальной. Сдѣлаю это послѣ, въ отдѣльномъ изданіи.

I.

П. Я. Чаадаевъ.

(1796 — 1836 гг.).

«Почти всѣ мы знали Чаадаева, многіе его любили и, можетъ быть, никому не былъ онъ такъ дорогъ, какъ тѣмъ, которые считались его

противниками. Просвѣщенный умъ, художественное чувство, благородное сердце,—таковы тѣ качества, которыя всѣхъ къ нему привлекали; но въ такое время, когда повидимому мысль погружалась въ тяжкій и невольный сонъ, онъ особенно былъ дорогъ тѣмъ, что и самъ бодрствовалъ и другихъ побуждалъ, — тѣмъ, что въ сгущающемся сумракѣ того времени онъ не давалъ потухать лампадѣ и игралъ въ ту игру, которая извѣстна подъ именемъ: «живъ курилка». Есть эпохи, въ которыя такая игра есть уже большая заслуга. Еще болѣе дорогъ онъ былъ друзьямъ своимъ какою-то постоянною печалью, которою сопровождалась бодрость его живого ума... Чѣмъ же объяснить его извѣстность? Онъ не былъ ни дѣятелемъ-литераторомъ, ни двигателемъ политической жизни, ни финансовою силою, а между тѣмъ имя Чаадаева извѣстно было и въ Петербургѣ, и въ большей части губерній русскихъ, почти всѣмъ образованнымъ людямъ, не имѣвшимъ даже съ нимъ никакого прямого столкновенія»... *).

Такъ спрашивалъ противникъ Чаадаева—А. С. Хомяковъ.

Дѣйствительно, врядъ ли кто даже и въ Европѣ пріобрѣталъ извѣстность, напечатавъ всего навсего двадцать страничекъ... Но читатель понимаетъ, что этимъ сочиненіемъ, только имъ однимъ, нельзя было стать на такую высоту, чтобы еще и теперь считаться замѣтной фигурой. Очевидно, было и еще что-то другое. Да, оно было. Оно состояло въ самой личности Чаадаева, въ его умѣ и той выпуклости, съ которою его фигура вырисовывалась на фонѣ николаевскаго общества. Чаадаевъ—это яркая иллюстрація личности закованной въ цѣпи произвола и насилія, вверженной въ темное подземелье, охраняемой безжалостными тюремщиками, пытаемой голодомъ и жаждой, но не прекратившей жизни интеллекта, не переставшей тонко и глубоко чувствовать, а лишь ушедшей далеко далеко въ себя... Крайне развитая индивидуальность и потому она не можетъ назваться *типомъ*. Къ сожалѣнію, Чаадаевыхъ было очень и очень мало, ихъ пересчитывали по пальцамъ... Изучить Чаадаева, значитъ изучить передовую часть русскаго общества, того времени.

Но я не ставлю себѣ этой громадной задачи, съ которой, какъ историкъ журналистики, врядъ ли бы удовлетворительно и справился. Я хочу дать лишь контуръ этой замѣчательной личности.

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ родился 27 мая 1793 года **) въ древней дворянской семьѣ; мать его была младшей дочерью извѣстнаго историка, кн. Щербатова. Отца Чаадаевъ потерялъ четырехъ лѣтъ, мать тоже вскорѣ и потому остался на попеченіи дядей, Щербатовыхъ, и тетки, кн. А. М. Щербатовой. Всѣ заботы ихъ были на-

*) А. С. Хомяковъ, „Сочиненія“.

**) Этотъ годъ, указываемый Лонгиновымъ, гораздо правоподобнѣе всѣхъ другихъ (ср. Свербеевъ, Кирпичниковъ и пр.).

правлены къ возможно широкому развитію мальчика. Юношей его отдали въ московскій университетъ, положившій, благодаря лекціямъ Мерзлякова, Буле, Бауза и Шлецера-сына, серьезное основаніе гуманитарнымъ знаніямъ *). «Лѣтъ 14, 15, 16 и никакъ не позже 17 молодой Чаадаевъ представлялъ собою слѣдующее явленіе: онъ успѣлъ перемѣнить порядочное количество дядекъ, гувернеровъ и учителей, между которыми запало нѣсколько памятныхъ именъ; онъ былъ отмѣнно красивъ и слылъ однимъ изъ наиболѣе свѣтскихъ, а можетъ быть и самымъ блистательнымъ изъ молодыхъ людей въ Москвѣ, пользовался репутаціей лучшаго танцовщика въ городѣ по всѣмъ танцамъ вообще». Но «этотъ молодой изящный плясунъ оказывался въ то же время чрезвычайно умнымъ, начитаннымъ, образованнымъ и въ особенности гордымъ и оригинальнымъ юношей. Складъ его рѣчи и ума поражалъ всякаго какой-то рѣдкостью и небывалой невиданностью, чѣмъ-то ни на кого не похожимъ» **).

12 мая 1812 г. П. Я. вступаетъ въ ряды л.-гв. Семеновскаго полка въ чинѣ подпрапорщика. Желая оставаться на почвѣ фактовъ, а не всевозможныхъ догадокъ, какъ это дѣлаетъ очень ихъ любящій, проф. Кирпичниковъ ***), я не могу объяснить вступленіе Чаадаева въ военную службу; для этого нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ. Черезъ четыре мѣсяца онъ произведенъ въ прапорщики, а въ апрѣлѣ 1813 года въ поручики съ переводомъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ. Причины такой перемѣны рода оружія тоже неизвѣстны. Боевая жизнь воспитала въ П. Я. твердость и смѣлость. Первые его боевое крещеніе при Бородинѣ. Затѣмъ, онъ шелъ уже по стопамъ непріятеля и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ. Въ 1816 году Чаадаевъ переведенъ чиномъ корнета въ л.-гв. гусарскій полкъ, стоявшій и тогда въ Царскомъ Селѣ. Здѣсь онъ познакомился съ Пушкинымъ, о чемъ подробнѣе дальше. Въ декабрѣ 1817 года П. Я. переѣхалъ въ Петербургъ, въ качествѣ адъютанта ген.-ад. И. В. Васильчикова, командира гвардейскаго корпуса, и въ 1817 году получилъ два чина, сдѣлавшись въ декабрѣ ротмистромъ. Среди товарищей онъ пользовался любовью и, что важно—уваженіемъ. Его называли «la beau Tchaadaeff». По словамъ Е. Н. Орловой (урожд. Раевской), онъ былъ въ это время «самымъ замѣтнымъ и самымъ блистательнымъ изъ всѣхъ молодыхъ людей въ Петербургѣ» ****).

Въ 1820 году Чаадаевъ былъ ближайшимъ кандидатомъ изъ всѣхъ адъютантовъ Васильчикова во флигель-адъютанты; это званіе было объ-

---

*) М. Лонгиновъ, „Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ“, „Рус. Вѣстникъ“ 1862 г., VII.

**) Жихаревъ, „П. Я. Чаадаевъ“, „Вѣстн. Европы“, 1871 г., VII, 180, 181.

***) „П. Я. Чаадаевъ“ въ „Очеркахъ по исторіи новой рус. литературы“, т. II. М. 1903.

****) Жихаревъ, н. с., VII, 188, 190—191.

*

щано ему Александромъ I. Но производство было отложено за отъѣздомъ государя въ Троппау. Вскорѣ Петербургъ былъ сильно взволнованъ бунтомъ въ Семеновскомъ полку. Васильчиковъ отправилъ Чаадаева курьеромъ къ государю съ сообщеніемъ отъ этомъ событіи. Чаадаевъ исполнилъ свое порученіе очень хорошо, былъ очень милостиво принятъ государемъ и, по его повелѣнію, такъ же секретно выѣхалъ изъ Троппау, какъ и пріѣхалъ туда *). Очень быстро по городу распространилась сплетня: «Чаадаевъ, мучимый честолюбіемъ, самъ напросился у своего начальника на поѣздку въ Троппау; онъ былъ увѣренъ, что будетъ пожалованъ флигель-адъютантомъ, на что старшіе товарищи его имѣли больше правъ, слѣдовательно, онъ хотѣлъ интригою обойти ихъ; для этого онъ рѣшился предать цѣлый полкъ, да еще тотъ, въ которомъ самъ прежде служилъ; онъ старался представить государю дѣло въ самыхъ черныхъ краскахъ и содѣйствовалъ этимъ изъ личныхъ видовъ кассированію полка и проч. и проч.» **).

Весь этотъ вздоръ, который, хотя и повторяется еще иногда и теперь, не имѣетъ подъ собой никакой фактической почвы, также какъ и басня объ опозданіи Чаадаева въ Троппау и пр. Все это никакъ не можетъ быть адресовано Чаадаеву. Но тогда, попавъ въ клубокъ такихъ сплетенъ и обладая всегда большимъ самолюбіемъ, П. Я. рѣшилъ покончить разъ навсегда со всѣми кумушкиными пересудами—и подалъ прошеніе объ оставкѣ ***).

Объ отставкѣ было сообщено начальнику главнаго штаба, кн. Волконскому, находившемуся съ государемъ въ Лайбахѣ. 21 февраля 1821 года она была дана, но вотъ что писалъ въ этотъ день Волконскій Васильчикову: «Предупреждаю васъ, любезный другъ, что его величество, вслѣдствіе вашего письма отъ 4 февраля, приказалъ дать испрашиваемую отставку вашему адъютанту Чаадаеву, но безъ пожалованія ему чина, потому что въ то время, когда я вамъ сдѣлалъ запросъ о причинахъ, побуждающихъ его уйти въ отставку,—по извѣстіямъ дошедшимъ, съ другой стороны, государь получилъ свѣдѣнія *весьма для него невыгодныя*; ихъ государь предоставляетъ себѣ показать вамъ по своемъ возвращеніи въ Петербургъ. Государь желалъ бы, чтобы

---

*) Подробности этой поѣздки весьма разнорѣчиво передаютъ Лонгиновъ (кромѣ уже указанной статьи, еще „Эпизодъ изъ жизни П. Я. Чаадаева" въ „Рус. Архивѣ" 1868 г., стр. 1317—1328), Свербеевъ, Жихаревъ, Герценъ и др. Точная провѣрка всего ими сказаннаго изложено мною выше.

**) Лонгиновъ, н. с., 136.

***) Любопытно, что, опровергая нелѣпыя басни объ опозданіи Чаадаева въ Троппау (повторяемыя, между прочимъ, и Лореромъ—„Рус. Бог." 1904 г., III, 62—63), Жихаревъ считаетъ, однако, что сочинены онѣ самимъ Чаадаевымъ, желавшимъ замаскировать свое рѣшеніе покинуть службу подъ вліяніемъ оскорбительныхъ сплетенъ. Замѣчу кстати, что я нигдѣ не буду опровергать ошибокъ авторовъ компилятивныхъ біографій Чаадаева — это испестрило бы статью массою поправокъ.

вы не говорили Чаадаеву о томъ, что я вамъ пишу, но скажите ему слѣдующую причину, если онъ васъ объ ней спроситъ: что находятъ его слишкомъ молодымъ и здоровымъ, дабы оставлять службу, на что онъ могъ рѣшиться только отъ лѣни, и потому онъ не имѣетъ правъ ни на какую награду. Храните это для себя, и вы удивитесь тому, что вамъ государь покажетъ» *).

Что же это за компрометирующія свѣдѣнія? Это доносъ Грибовскаго, библіотекаря штаба гвардейскаго корпуса и члена комитета о раненыхъ, о дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ. Въ доносѣ сказано; что Николай Ивановичъ Тургеневъ и проф. Куницынъ брались издавать для народа дешевые журналы и сочиненія, а помогать имъ взялся Чаадаевъ...

Вотъ, слѣдовательно, гдѣ причина непочетной отставки П. Я. А онъ о ней не зналъ совершенно, да и потомъ не скоро узналъ.

Имѣлъ ли Чаадаевъ на самомъ дѣлѣ какое-нибудь понятіе о революціонной работѣ въ тогдашнемъ обществѣ? Участвовалъ ли въ ней? На эти вопросы отвѣчаетъ прежде всего декабристъ Якушкинъ, категорически заявляющій, что онъ самъ и принялъ Чаадаева въ тайное общество (Союзъ благоденствія). **) Во вторыхъ, кн. Гагаринъ тоже категорически пишетъ: «въ молодости Чаадаевъ былъ прикосновененъ къ либеральному движенію, закончившемуся катастрофой 14 декабря 1825 г. Онъ сочувствовалъ либеральнымъ идеямъ людей, принимавшихъ участіе въ этомъ движеніи, былъ согласенъ съ ними въ реальности того сильнаго зла, отъ котораго страдала и страдаетъ Россія, но расходился съ ними въ пониманіи причинъ его, а въ особенности въ способахъ борьбы съ нимъ». ***)

Сближенію съ декабристами немало способствовали и тѣ обстоятельства, что съ Н. И. Тургеневымъ и И. Д. Якушкинымъ Чаадаевъ учился въ вмѣстѣ въ университетѣ, а съ кн. Трубецкимъ, Матвѣемъ и Сергѣмъ Муравьевыми познакомился, служа въ одномъ полку. Самъ Чаадаевъ на допросѣ 1826 года, о которомъ будетъ сказано ниже, конечно, отрицалъ всякую свою прикосновенность къ тайнымъ обществамъ и говорилъ, что ровно ничего по этому поводу не знаетъ Что же касается масонства, то П. Я. показалъ, что принадлежалъ къ ложѣ «Соединенныхъ братьевъ» (Amis reunis, ****), но вышелъ изъ нея въ 1822 году «по собственому удостовѣренію, что въ ономъ ничего не заключается могущаго удовлетворить честнаго и разсудительнаго человѣка». *****).

*) „Рус. Архивъ" 1875 г., II, 78—79.

**) „Записки И. Д. Якушкина", М., 1905, 56.

***) „Oeuvres choisios de Pierre Tchadaïeff publieés pour la premiére fois par P. Gagarin", Paris, 1862, предисловіе Гагарина.

****) Въ ней былъ Пестель, Бенкендорфъ, Грибоѣдовъ и др.

*****) „Рус. Старина" 1900, XII, 587—588.

Особому положенію Чаадаева въ кружкѣ декабристовъ, о которомъ говоритъ кн. Гагаринъ, онъ обязанъ несходству впечатлѣній, вынесенныхъ имъ и его товарищами отъ грандіозныхъ впечатлѣній европейскихъ событій 1812—1815 годовъ. П. Я. слишкомъ близко стоялъ къ тѣмъ сферамъ, которыя дѣлаютъ политику и непосредственнѣе всего ощущаютъ ея результаты. По справедливому мнѣнію П. Н. Милюкова, «настроеніе, немногочисленнаго немногимъ доступнаго круга, въ которомъ вращался Чаадаевъ, не совсѣмъ соотвѣтствовало тому, которое вынесли изъ тѣхъ-же заграничныхъ походовъ будущіе декабристы. Въ этомъ кругѣ не раздѣляли энтузіазма, вызваннаго въ большой публикѣ мнимымъ «союзомъ государей съ народами», потому что лучше могли судить о качествѣ этого союза; здѣсь лучше понимали и связь только что пережитыхъ событій,—и въ низложеніи Наполеона торжествовали не побѣду народной свободы надъ деспотизмомъ, а пораженіе демократическаго цезаризма, созданаго революціей. Разочарованія прошлаго были здѣсь гораздо менѣе надеждъ на будущее. Относясь скептически или враждебно къ мечтамъ о какой то новой эрѣ политической свободы, люди этого круга не могли помириться съ крушеніемъ старой доброй традиціи; и ждали всего не отъ писанныхъ конституцій, а отъ возстановленія старинной дисциплины общественной и нравственной. Надо думать, что уже тогда, во время освободительной войны, это настроеніе вліятельныхъ сферъ и избранныхъ умовъ не осталось незамѣченнымъ Чаадаевымъ и произвело на него извѣстное впечатлѣніе. Вернувшись въ 1817 г. въ Петербургъ, онъ и здѣсь долженъ былъ застать въ высокопоставленныхъ сферахъ модное увлеченіе идеями католической реакціи, сумѣвшее уже вызвать противъ себя въ это время репрессивныя мѣры со стороны правительства» *).

Этому прежде всего способствовалъ одинъ изъ виднѣйшихъ теоретиковъ такой реакціи—Жозефъ де-Местръ. Извѣстно его вліяніе въ петербургскомъ высшемъ обществѣ и одно время даже во дворцѣ. Чаадаевъ, вернувшись съ театра военныхъ дѣйствій, не могъ не попасть и въ эту жилу умственной жизни своего круга; а въ результатѣ онъ совершенно сознательно и прямо примыкаетъ уже къ доктринѣ католической реакціи. На этотъ шагъ, сыгравшій такое важное значеніе въ его послѣдующей жизни, не могли не вліять и самыя сочиненія де-Местра, напримѣръ его «Dupape» (1819 года), Боссюэта, Бональда, («Législation primitive, considérée par la Raison»), Балланша. И такое направленіе не бросалось тогда въ глаза своею исключительностью; напротивъ, извѣстно, что католическія идеи раздѣлялись, напримѣръ, Разумовскимъ, кн. Козловскимъ, декабристомъ Лунинымъ, Свѣчиной и многими другими.

Разъ давъ своему образованію направленіе преимущественно ре-

---

*) „Главныя теченія русской исторической мысли“, I, М. 1898 г., 375.

лигіозное, Чаадаевъ оставался вѣренъ себѣ. Его громадная библіотека, пополнявшаяся всѣми новостями, содержала почти всю литературу интересующаго его предмета. «Изъ давняго времени—говорилъ онъ, занимался я христіанскою литературою, не имѣя притомъ никакого другого вида, какъ умноженіе познаній своихъ насчетъ религіи и укрѣпленія своего въ вѣрѣ христіанской». *)

На этой почвѣ выросло и желаніе вступить въ масонскую ложу.

Теперь вернемся немного назадъ, къ отношеніямъ между Чаадаевымъ и Пушкинымъ.

Они встрѣтились впервые въ 1816 г. въ домѣ Карамзина. 23-лѣтній корнетъ и 15-лѣтній поэтъ почувствовали другъ къ другу живую симпатію и скоро сошлись по пріятельски. Чаадаевъ былъ, конечно, тѣмъ, что всегда такъ дорого цѣнится юностью: умнымъ, расположеннымъ собесѣдникомъ, незамѣтно, направляющимъ силы юноши на все благотворное и высокое. Въ 1817 году Пушкинъ уже написалъ «Къ портрету П. Я. Чаадаева» свои многими перевираемые стихи:

Онъ высшей волею небесъ
Рожденъ въ оковахъ службы царской;
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ,
А здѣсь онъ—офицеръ гусарской **).

Только огромный талантъ Пушкина могъ тогда дать такую блестящую и совершенно вѣрную характеристику П. Я.

Въ 1818 году они встрѣчались уже чуть не ежедневно въ Петербургѣ, гдѣ оба и жили. Бесѣды Чаадаева заронили въ душу и умъ его молодого друга тѣ высокія побужденія и надежды, которыя онъ и не замедлилъ тогда же вылить въ посланіе «Къ Чаадаеву»:

. . . .

Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена **)

Когда Александру I въ 1819 году захотѣлось познакомиться съ

---

*) „Рус. Старина“ 1900, XII. 586.

**) Пушкинъ, „Сочиненія“ под. ред. П. А. Ефремова, I, 1903 г., 265.

***) Ibidem, 310.

произведеніями молодого поэта, кн. Васильчиковъ уже прямо обратился къ Чаадаеву съ просьбой достать что-нибудь у Пушкина. Друзья рѣшили дать «Деревню» оканчивающуюся стихами.

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный,
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Эти стихи были несомнѣннымъ выраженіемъ того основного предмета политической свободы, который такъ больно сознавался Чаадаевымъ. И онъ не только болѣлъ на словахъ крѣпостнымъ рабствомъ. Онъ продалъ свое нижегородское имѣніе, чтобы не имѣть крѣпостныхъ *).

Въ 1820 году Чаадаевъ способствовалъ болѣе легкому наказанію Пушкина, и послѣдній, пріѣхавъ на югъ, пишетъ второе посланіе «Чаадаеву»:

. . . .
Чаадаевъ, помнишь ли былое?
Давно-ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиреннымъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена **).

Разлука съ другомъ Пушкину была очень тяжела; онъ чувствовалъ отсутствіе человѣка, «жаръ котораго воспламенялъ къ высокому любовь», и пишетъ (въ 1821 г.) третье посланіе «Чаадаеву»:

. . . .
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный, вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга,
Ничто не замѣнитъ *единственнаго* друга.
Ты былъ цѣнителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, *тебѣ* я посвятилъ
И краткій вѣкъ уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, *спасенныя тобою*!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной

---

*) *Свербеевъ*, „Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ", „Рус. Архивъ" 1868 г. VI. У Свербеева масса ошибокъ и сочиненій собственной фантазіи.

**) „Сочиненія", I, 368. Герценъ (какъ и нѣкоторые другіе), частенько таки путающій хронологію, относитъ это стихотвореніе къ 1825—1826 годамъ („Сочиненія", Женева, VII, 283).

Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая *строгимъ взоромъ*,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
. . . .
Одно желаніе: останься ты со мной!
Небесъ я не томилъ молитвою другой.
О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я *сердечный твой привѣтъ?*
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель,
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой *милый домосѣдъ*,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливъ буду я... *)

Внимательно прочтя эти отрывки, читатель сразу схватитъ и характеръ отношеній двухъ друзей, и отличительныя свойства старшаго изъ нихъ... И понятно, какъ гордился Чаадаевъ своимъ вліяніемъ на Пушкина. Когда П. В. Анненковъ сталъ издавать свои «матеріалы» и умолчалъ о Чаадаевѣ, послѣдній писалъ Шевыреву: «Неужто г. Анненковъ думаетъ, что встрѣча Пушкина въ то время, когда его могучія силы только что стали развиваться, съ человѣкомъ, котораго онъ впослѣдствіи назвалъ лучшимъ своимъ другомъ, не имѣла никакого вліянія на ихъ развитіе?»

Послѣ выхода въ отставку Чаадаевъ переѣхалъ въ Москву и жилъ то тамъ, то въ имѣніи своей тетки. Тутъ очень скоро онъ ближе сошелся съ Якушкинымъ, которому было поручено принять Чаадаева въ тайное общество. По словамъ Якушкина, П. Я. «на это согласился, но сказалъ мнѣ, что напрасно я не принялъ его прежде, тогда онъ не вышелъ бы въ отставку и постарался бы попасть въ адъютанты къ великому князю Николаю Павловичу, который, очень можетъ быть, покровительствовалъ бы подъ рукой Тайное Общество, если бы ему внушить, что это Общество можетъ быть для него опорой въ случаѣ восшествія на престолъ старшаго брата» ***). Въ серединѣ 1823 г. ****) онъ поѣхалъ за границу. Пушкинъ пишетъ по этому поводу кн. Вяземскому: «Говорятъ, что Чаадаевъ ѣдетъ за границу—давно бы такъ:

---

*) «Сочиненія», I, 400—403. Курсивъ мой.
**) „В. Европы“, 1871 г., XI, 343.
***) „Записки И. Д. Якушкина“, М., 1905 г. 56.
****) А не въ 1821 г., какъ увѣрялъ Лонгиновъ, а за нимъ и другіе.

Государь Императоръ 6 сего августа Высочайше повелѣть соизволилъ:

I. Для разсмотрѣнія дополнительныхъ къ узаконеніямъ о Государственной Думѣ правилъ, въ томъ числѣ: 1) о выборахъ въ Государственную Думу отъ губерній Царства Польскаго, областей Уральской и Тургайской и губерній и областей: сибирскихъ, генералъ-губернаторствъ Степного и Туркестанскаго и намѣстничества кавказскаго, а также о выборахъ отъ кочевыхъ инородцевъ (пол. о выб. въ Гос. Думу, ст. 1, примѣч.), 2) о приведеніи въ дѣйствіе Положенія о выборахъ въ Думу и 3) о порядкѣ разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ Министерствъ и Главныхъ Управленій и государственной росписи доходовъ и расходовъ, а равно о производствѣ изъ казны ассигнованій, росписью не предусмотрѣнныхъ (учрежд. Гос. Думы, ст. 33, п. б),—образовать Особое Совѣщаніе.

II. Совѣщанію состоять, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Сольскаго, изъ членовъ Государственнаго Совѣта: статсъ-секретарей, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтникова Фриша и Половцова, генералъ-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи Рихтера, статсъ-секретаря, оберъ-гофмейстера князя Волконскаго, генералъ-адъютанта, адмирала Чихачева, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Герарда, генералъ-адъютанта, генерала-отъ кавалеріи графа Игнатьева 2-го, дѣйствительвыхъ тайныхъ совѣтниковъ: Голубева, Таганцева и Верховскаго, шталмейстера князя Оболенскаго 1-го и тайнаго совѣтника Стишинскаго, Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, Государственнаго Секретаря, Управляющаго дѣлами Комитета Министровъ, статсъ-секретаря барона Нольде и Свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора Трепова.

III. При обсужденіи Совѣщаніемъ предположеній о порядкѣ разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ и государственной росписи (отд. I, п. 3) присутствовать, сверхъ поименованныхъ въ отдѣлѣ II лицъ, членамъ Государственнаго Совѣта (по департаменту государственной экономіи), дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ, статсъ-секретарю Куломзину Тернеру, Иващенкову, Сабурову 2-му, Кобеко, Шидловскому и Черевавскому и тайному совѣтнику Романову.

IV. Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями и Государственному Секретарю предоставить замѣнять себя своими товарищами.

V. Дѣлопроизводство по совѣщанію возложить на Товарища Государственнаго Секретаря, тайнаго совѣтника Харитонова, въ качествѣ члена-дѣлопроизводителя, и чиновъ Государственной Канцеляріи, по указанію Государственнаго Секретаря.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы вопросы, вызываемые приведеніемъ въ дѣйствіе узаконеній о Государственной Думѣ, были разработаны въ самомъ скоромъ времени.

ЧААДАЕВЪ и НАДЕЖДИНЪ.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Ничего не можетъ быть болѣе не похожаго, какъ два человѣка, избранные мною темой настоящей работы. При желаніи сдѣлать рѣзкое сопоставленіе контрастовъ можно было сдѣлать его менѣе удачно, чѣмъ это. Чаадаевъ и Надеждинъ—буквально «десница» и «шуйца» русскаго общества «временъ желѣзныхъ Николая». Но сопоставленіе ихъ не есть произвольный выборъ двухъ противоположныхъ личностей: оно сдѣлано самой жизнью, которой угодно было обставить единственное пересѣченіе этихъ пересѣкающихся линій такими удивительными фактами, что говоря о Надеждинѣ, нельзя не говорить о Чаадаевѣ, и наоборотъ.

Можно смѣло утверждать, что въ исторіи русской литературы 1825—55 годовъ нѣтъ момента наиболѣе ярко освѣщающаго всю эту эпоху, чѣмъ моментъ встрѣчи этихъ двухъ людей. А жизнь каждаго изъ нихъ настолько опять-таки характерна для изученія николаевскаго времени, что, мнѣ кажется, съ ними нельзя не ознакомить русскую интеллигенцію. Къ тому же мнѣ удалось построить свою работу на массѣ неизданныхъ еще матеріаловъ, которые даютъ возможность пролить на многое совершенно новый свѣтъ. Оказалось, что предшественники мои, по темѣ настоящей работы, внесли въ нее столько легендъ, басенъ и просто ошибокъ, что уже простое опроверженіе ихъ и то было бы весьма и весьма полезно. Впрочемъ, чтобы не загромождать вниманіе и память читателя, я по возможности буду воздерживаться отъ тѣхъ мелкихъ поправокъ, которыя было бы необходимо сдѣлать въ очень большомъ количествѣ въ работѣ не журнальной. Сдѣлаю это послѣ, въ отдѣльномъ изданіи.

I.

П. Я. Чаадаевъ.

(1796 — 1836 гг.).

«Почти всѣ мы знали Чаадаева, многіе его любили и, можетъ быть, никому не былъ онъ такъ дорогъ, какъ тѣмъ, которые считались его

противниками. Просвѣщенный умъ, художественное чувство, благородное сердце,—таковы тѣ качества, которыя всѣхъ къ нему привлекали; но въ такое время, когда повидимому мысль погружалась въ тяжкій и невольный сонъ, онъ особенно былъ дорогъ тѣмъ, что и самъ бодрствовалъ и другихъ побуждалъ, — тѣмъ, что въ сгущающемся сумракѣ того времени онъ не давалъ потухать лампадѣ и игралъ въ ту игру, которая извѣстна подъ именемъ: «живъ курилка». Есть эпохи, въ которыя такая игра есть уже большая заслуга. Еще болѣе дорогъ онъ былъ друзьямъ своимъ какою-то постоянною печалью, которою сопровождалась бодрость его живого ума... Чѣмъ же объяснить его извѣстность? Онъ не былъ ни дѣятелемъ-литераторомъ, ни двигателемъ политической жизни, ни финансовою силою, а между тѣмъ имя Чаадаева извѣстно было и въ Петербургѣ, и въ большей части губерній русскихъ, почти всѣмъ образованнымъ людямъ, не имѣвшимъ даже съ нимъ никакого прямого столкновенія»... *).

Такъ спрашивалъ противникъ Чаадаева—А. С. Хомяковъ.

Дѣйствительно, врядъ ли кто даже и въ Европѣ пріобрѣталъ извѣстность, напечатавъ всего навсего двадцать страничекъ... Но читатель понимаетъ, что этимъ сочиненіемъ, только имъ однимъ, нельзя было стать на такую высоту, чтобы еще и теперь считаться замѣтной фигурой. Очевидно, было и еще что-то другое. Да, оно было. Оно состояло въ самой личности Чаадаева, въ его умѣ и той выпуклости, съ которою его фигура вырисовывалась на фонѣ николаевскаго общества. Чаадаевъ—это яркая иллюстрація личности закованной въ цѣпи произвола и насилія, вверженной въ темное подземелье, охраняемой безжалостными тюремщиками, пытаемой голодомъ и жаждой, но не прекратившей жизни интеллекта, не переставшей тонко и глубоко чувствовать, а лишь ушедшей далеко далеко въ себя... Крайне развитая индивидуальность и потому она не можетъ назваться *типомъ*. Къ сожалѣнію, Чаадаевыхъ было очень и очень мало, ихъ пересчитывали по пальцамъ... Изучить Чаадаева, значитъ изучить передовую часть русскаго общества, того времени.

Но я не ставлю себѣ этой громадной задачи, съ которой, какъ историкъ журналистики, врядъ ли бы удовлетворительно и справился. Я хочу дать лишь контуръ этой замѣчательной личности.

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ родился 27 мая 1793 года **) въ древней дворянской семьѣ; мать его была младшей дочерью извѣстнаго историка, кн. Щербатова. Отца Чаадаевъ потерялъ четырехъ лѣтъ, мать тоже вскорѣ и потому остался на попеченіи дядей, Щербатовыхъ, и тетки, кн. А. М. Щербатовой. Всѣ заботы ихъ были на-

*) А. С. Хомяковъ, „Сочиненія".

**) Этотъ годъ, указываемый Лонгиновымъ, гораздо правоподобнѣе всѣхъ другихъ (ср. Свербеевъ, Кирпичниковъ и пр.).

правлены къ возможно широкому развитію мальчика. Юношей его отдали въ московскій университетъ, положившій, благодаря лекціямъ Мерзлякова, Буле, Бауза и Шлецера-сына, серьезное основаніе гуманитарнымъ знаніямъ *). «Лѣтъ 14, 15, 16 и никакъ не позже 17 молодой Чаадаевъ представлялъ собою слѣдующее явленіе: онъ успѣлъ перемѣнить порядочное количество дядекъ, гувернеровъ и учителей, между которыми запало нѣсколько памятныхъ именъ; онъ былъ отмѣнно красивъ и слылъ однимъ изъ наиболѣе свѣтскихъ, а можетъ быть и самымъ блистательнымъ изъ молодыхъ людей въ Москвѣ, пользовался репутаціей лучшаго танцовщика въ городѣ по всѣмъ танцамъ вообще». Но «этотъ молодой изящный плясунъ оказывался въ то же время чрезвычайно умнымъ, начитаннымъ, образованнымъ и въ особенности гордымъ и оригинальнымъ юношей. Складъ его рѣчи и ума поражалъ всякаго какой-то рѣдкостью и небывалой невиданностью, чѣмъ-то ни на кого не похожимъ» **).

12 мая 1812 г. П. Я. вступаетъ въ ряды л.-гв. Семеновскаго полка въ чинѣ подпрапорщика. Желая оставаться на почвѣ фактовъ, а не всевозможныхъ догадокъ, какъ это дѣлаетъ очень ихъ любящій, проф. Кирпичниковъ ***), я не могу объяснить вступленіе Чаадаева въ военную службу; для этого нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ. Черезъ четыре мѣсяца онъ произведенъ въ прапорщики, а въ апрѣлѣ 1813 года въ поручики съ переводомъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ. Причины такой перемѣны рода оружія тоже неизвѣстны. Боевая жизнь воспитала въ П. Я. твердость и смѣлость. Первые его боевое крещеніе при Бородинѣ. Затѣмъ, онъ шелъ уже по стопамъ непріятеля и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ. Въ 1816 году Чаадаевъ переведенъ чиномъ корнета въ л.-гв. гусарскій полкъ, стоявшій и тогда въ Царскомъ Селѣ. Здѣсь онъ познакомился съ Пушкинымъ, о чемъ подробнѣе дальше. Въ декабрѣ 1817 года П. Я. переѣхалъ въ Петербургъ, въ качествѣ адъютанта ген.-ад. И. В. Васильчикова, командира гвардейскаго корпуса, и въ 1817 году получилъ два чина, сдѣлавшись въ декабрѣ ротмистромъ. Среди товарищей онъ пользовался любовью и, что важно—уваженіемъ. Его называли «la beau Tchaadaeff». По словамъ Е. Н. Орловой (урожд. Раевской), онъ былъ въ это время «самымъ замѣтнымъ и самымъ блистательнымъ изъ всѣхъ молодыхъ людей въ Петербургѣ» ****).

Въ 1820 году Чаадаевъ былъ ближайшимъ кандидатомъ изъ всѣхъ адъютантовъ Васильчикова во флигель-адъютанты; это званіе было обѣ-

---

*) М. Лонгиновъ, „Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ", „Рус. Вѣстникъ" 1862 г., VII.

**) Жихаревъ, „П. Я. Чаадаевъ", „Вѣстн. Европы", 1871 г., VII, 180, 181.

***) „П. Я. Чаадаевъ" въ „Очеркахъ по исторіи новой рус. литературы", т. II. М. 1903.

****) Жихаревъ, н. с., VII, 188, 190—191.

щано ему Александромъ I. Но производство было отложено за отъѣздомъ государя въ Троппау. Вскорѣ Петербургъ былъ сильно взволнованъ бунтомъ въ Семеновскомъ полку. Васильчиковъ отправилъ Чаадаева курьеромъ къ государю съ сообщеніемъ отъ этомъ событіи. Чаадаевъ исполнилъ свое порученіе очень хорошо, былъ очень милостиво принятъ государемъ и, по его повелѣнію, такъ же секретно выѣхалъ изъ Троппау, какъ и пріѣхалъ туда *). Очень быстро по городу распространилась сплетня: «Чаадаевъ, мучимый честолюбіемъ, самъ напросился у своего начальника на поѣздку въ Троппау; онъ былъ увѣренъ, что будетъ пожалованъ флигель-адъютантомъ, на что старшіе товарищи его имѣли больше правъ, слѣдовательно, онъ хотѣлъ интригою обойти ихъ; для этого онъ рѣшился предать цѣлый полкъ, да еще тотъ, въ которомъ самъ прежде служилъ; онъ старался представить государю дѣло въ самыхъ черныхъ краскахъ и содѣйствовалъ этимъ изъ личныхъ видовъ кассированію полка и проч. и проч.» **).

Весь этотъ вздоръ, который, хотя и повторяется еще иногда и теперь, не имѣетъ подъ собой никакой фактической почвы, также какъ и басня объ опозданіи Чаадаева въ Троппау и пр. Все это никакъ не можетъ быть адресовано Чаадаеву. Но тогда, попавъ въ клубокъ такихъ сплетенъ и обладая всегда большимъ самолюбіемъ, П. Я. рѣшилъ покончить разъ навсегда со всѣми кумушкиными пересудами—и подалъ прошеніе объ оставкѣ ***).

Объ отставкѣ было сообщено начальнику главнаго штаба, кн. Волконскому, находившемуся съ государемъ въ Лайбахѣ. 21 февраля 1821 года она была дана, но вотъ что писалъ въ этотъ день Волконскій Васильчикову: «Предупреждаю васъ, любезный другъ, что его величество, вслѣдствіе вашего письма отъ 4 февраля, приказалъ дать испрашиваемую отставку вашему адъютанту Чаадаеву, но безъ пожалованія ему чина, потому что въ то время, когда я вамъ сдѣлалъ запросъ о причинахъ, побуждающихъ его уйти въ отставку,—по извѣстіямъ дошедшимъ, съ другой стороны, государь получилъ свѣдѣнія *весьма для него невыгодныя*; ихъ государь предоставляетъ себѣ показать вамъ по своемъ возвращеніи въ Петербургъ. Государь желалъ бы, чтобы

*) Подробности этой поѣздки весьма разнорѣчиво передаютъ Лонгиновъ (кромѣ уже указанной статьи, еще „Эпизодъ изъ жизни П. Я. Чаадаева“ въ „Рус. Архивѣ“ 1868 г., стр. 1317—1328), Свербеевъ, Жихаревъ, Герценъ и др. Точная провѣрка всего ими сказаннаго изложено мною выше.

**) Лонгиновъ, н. с., 136.

***) Любопытно, что, опровергая нелѣпыя басни объ опозданіи Чаадаева въ Троппау (повторяемыя, между прочимъ, и Лоreромъ—„Рус. Бог.“ 1904 г., III, 62—63), Жихаревъ считаетъ, однако, что сочинены онѣ самимъ Чаадаевымъ, желавшимъ замаскировать свое рѣшеніе покинуть службу подъ вліяніемъ оскорбительныхъ сплетенъ. Замѣчу кстати, что я нигдѣ не буду опровергать ошибокъ авторовъ компилятивныхъ біографій Чаадаева — это испестрило бы статью массою поправокъ.

вы не говорили Чаадаеву о томъ, что я вамъ пишу, но скажите ему слѣдующую причину, если онъ васъ объ ней спроситъ: что находятъ его слишкомъ молодымъ и здоровымъ, дабы оставлять службу, на что онъ могъ рѣшиться только отъ лѣни, и потому онъ не имѣетъ правъ ни на какую награду. Храните это для себя, и вы удивитесь тому, что вамъ государь покажетъ» *).

Что же это за компрометирующія свѣдѣнія? Это доносъ Грибовскаго, библіотекаря штаба гвардейскаго корпуса и члена комитета о раненыхъ, о дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ. Въ доносѣ сказано; что Николай Ивановичъ Тургеневъ и проф. Куницынъ брались издавать для народа дешевые журналы и сочиненія, а помогать имъ взялся Чаадаевъ...

Вотъ, слѣдовательно, гдѣ причина непочетной отставки П. Я. А онъ о ней не зналъ совершенно, да и потомъ не скоро узналъ.

Имѣлъ ли Чаадаевъ на самомъ дѣлѣ какое-нибудь понятіе о революціонной работѣ въ тогдашнемъ обществѣ? Участвовалъ ли въ ней? На эти вопросы отвѣчаетъ прежде всего декабристъ Якушкинъ, категорически заявляющій, что онъ самъ и принялъ Чаадаева въ тайное общество (Союзъ благоденствія). **) Во вторыхъ, кн. Гагаринъ тоже категорически пишетъ: «въ молодости Чаадаевъ былъ прикосновененъ къ либеральному движенію, закончившемуся катастрофой 14 декабря 1825 г. Онъ сочувствовалъ либеральнымъ идеямъ людей, принимавшихъ участіе въ этомъ движеніи, былъ согласенъ съ ними въ реальности того сильнаго зла, отъ котораго страдала и страдаетъ Россія, но расходился съ ними въ пониманіи причинъ его, а въ особенности въ способахъ борьбы съ нимъ». ***)

Сближенію съ декабристами немало способствовали и тѣ обстоятельства, что съ Н. И. Тургеневымъ и И. Д. Якушкинымъ Чаадаевъ учился въ вмѣстѣ въ университетѣ, а съ кн. Трубецкимъ, Матвѣемъ и Сергѣмъ Муравьевыми познакомился, служа въ одномъ полку. Самъ Чаадаевъ на допросѣ 1826 года, о которомъ будетъ сказано ниже, конечно, отрицалъ всякую свою прикосновенность къ тайнымъ обществамъ и говорилъ, что ровно ничего по этому поводу не знаетъ Что же касается масонства, то П. Я. показалъ, что принадлежалъ къ ложѣ «Соединенныхъ братьевъ» (Amis reunis, ****), но вышелъ изъ нея въ 1822 году «по собственому удостовѣренію, что въ ономъ ничего не заключается могущаго удовлетворить честнаго и разсудительнаго человѣка». *****).

---

*) „Рус. Архивъ“ 1875 г., II, 78—79.

**) „Записки И. Д. Якушкина“, М., 1905, 56.

***) „Oeuvres choisios de Pierre Tchadaïeff publieés pour la premiére fois par P. Gagarin“, Paris, 1862, предисловіе Гагарина.

****) Въ ней былъ Пестель, Бенкендорфъ, Грибоѣдовъ и др.

*****) „Рус. Старина“ 1900, XII, 587—588.

Особому положенію Чаадаева въ кружкѣ декабристовъ, о которомъ говоритъ кн. Гагаринъ, онъ обязанъ несходству впечатлѣній, вынесенныхъ имъ и его товарищами отъ грандіозныхъ впечатлѣній европейскихъ событій 1812—1815 годовъ. П. Я. слишкомъ близко стоялъ къ тѣмъ сферамъ, которыя дѣлаютъ политику и непосредственнѣе всего ощущаютъ ея результаты. По справедливому мнѣнію П. Н. Милюкова, «настроеніе, немногочисленнаго немногимъ доступнаго круга, въ которомъ вращался Чаадаевъ, не совсѣмъ соотвѣтствовало тому, которое вынесли изъ тѣхъ-же заграничныхъ походовъ будущіе декабристы. Въ этомъ кругѣ не раздѣляли энтузіазма, вызваннаго въ большой публикѣ мнимымъ «союзомъ государей съ народами», потому что лучше могли судить о качествѣ этого союза; здѣсь лучше понимали и связь только что пережитыхъ событій,—и въ низложеніи Наполеона торжествовали не побѣду народной свободы надъ деспотизмомъ, а пораженіе демократическаго цезаризма, созданаго революціей. Разочарованія прошлаго были здѣсь гораздо менѣе надеждъ на будущее. Относясь скептически или враждебно къ мечтамъ о какой то новой эрѣ политической свободы, люди этого круга не могли помириться съ крушеніемъ старой доброй традиціи и ждали всего не отъ писанныхъ конституцій, а отъ возстановленія старинной дисциплины общественной и нравственной. Надо думать, что уже тогда, во время освободительной войны, это настроеніе вліятельныхъ сферъ и избранныхъ умовъ не осталось незамѣченнымъ Чаадаевымъ и произвело на него извѣстное впечатлѣніе. Вернувшись въ 1817 г. въ Петербургъ, онъ и здѣсь долженъ былъ застать въ высокопоставленныхъ сферахъ модное увлеченіе идеями католической реакціи, сумѣвшее уже вызвать противъ себя въ это время репрессивныя мѣры со стороны правительства» *).

Этому прежде всего способствовалъ одинъ изъ виднѣйшихъ теоретиковъ такой реакціи—Жозефъ де-Местръ. Извѣстно его вліяніе въ петербургскомъ высшемъ обществѣ и одно время даже во дворцѣ. Чаадаевъ, вернувшись съ театра военныхъ дѣйствій, не могъ не попасть и въ эту жилу умственной жизни своего круга; а въ результатѣ онъ совершенно сознательно и прямо примыкаетъ уже къ доктринѣ католической реакціи. На этотъ шагъ, сыгравшій такое важное значеніе въ его послѣдующей жизни, не могли не вліять и самыя сочиненія де-Местра, напримѣръ его «Dupape» (1819 года), Боссюэта, Бональда, («Législation primitive, considérée par la Raison»), Балланша. И такое направленіе не бросалось тогда въ глаза своею исключительностью; напротивъ, извѣстно, что католическія идеи раздѣлялись, напримѣръ, Разумовскимъ, кн. Козловскимъ, декабристомъ Лунинымъ, Свѣчиной и многими другими.

Разъ давъ своему образованію направленіе преимущественно ре-

*) „Главныя теченія русской исторической мысли", I, М. 1898 г., 375.

лигіозное, Чаадаевъ оставался вѣренъ себѣ. Его громадная библіотека, пополнявшаяся всѣми новостями, содержала почти всю литературу интересующаго его предмета. «Изъ давняго времени—говорилъ онъ, занимался я христіанскою литературою, не имѣя притомъ никакого другого вида, какъ умноженіе познаній своихъ насчетъ религіи и укрѣпленія своего въ вѣрѣ христіанской». *)

На этой почвѣ выросло и желаніе вступить въ масонскую ложу.

Теперь вернемся немного назадъ, къ отношеніямъ между Чаадаевымъ и Пушкинымъ.

Они встрѣтились впервые въ 1816 г. въ домѣ Карамзина. 23-лѣтній корнетъ и 15-лѣтній поэтъ почувствовали другъ къ другу живую симпатію и скоро сошлись по пріятельски. Чаадаевъ былъ, конечно, тѣмъ, что всегда такъ дорого цѣнится юностью: умнымъ, расположеннымъ собесѣдникомъ, незамѣтно, направляющимъ силы юноши на все благотворное и высокое. Въ 1817 году Пушкинъ уже написалъ «Къ портрету П. Я. Чаадаева» свои многими перевираемые стихи:

Онъ высшей волею небесъ
Рожденъ въ оковахъ службы царской;
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ,
А здѣсь онъ—офицеръ гусарской **).

Только огромный талантъ Пушкина могъ тогда дать такую блестящую и совершенно вѣрную характеристику П. Я.

Въ 1818 году они встрѣчались уже чуть не ежедневно въ Петербургѣ, гдѣ оба и жили. Бесѣды Чаадаева заронили въ душу и умъ его молодого друга тѣ высокія побужденія и надежды, которыя онъ и не замедлилъ тогда же вылить въ посланіе «Къ Чаадаеву»:

. . . .

Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена **)

Когда Александру I въ 1819 году захотѣлось познакомиться съ

---

*) „Рус. Старина“ 1900, XII. 586.

**) Пушкинъ, „Сочиненія“ под. ред. П. А. Ефремова, I, 1903 г., 265.

***) Ibidem, 310.

произведеніями молодого поэта, кн. Васильчиковъ уже прямо обратился къ Чаадаеву съ просьбой достать что-нибудь у Пушкина. Друзья рѣшили дать «Деревню» оканчивающуюся стихами.

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный,
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Эти стихи были несомнѣннымъ выраженіемъ того основного предмета политической свободы, который такъ больно сознавался Чаадаевымъ. И онъ не только болѣлъ на словахъ крѣпостнымъ рабствомъ. Онъ продалъ свое нижегородское имѣніе, чтобы не имѣть крѣпостныхъ *).

Въ 1820 году Чаадаевъ способствовалъ болѣе легкому наказанію Пушкина, и послѣдній, пріѣхавъ на югъ, пишетъ второе посланіе «Чаадаеву»:

. . . .
Чаадаевъ, помнишь ли былое?
Давно-ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиреннымъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена **).

Разлука съ другомъ Пушкину была очень тяжела; онъ чувствовалъ отсутствіе человѣка, «жаръ котораго воспламенялъ къ высокому любовь», и пишетъ (въ 1821 г.) третье посланіе «Чаадаеву»:

. . . .
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный, вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга,
Ничто не замѣнитъ *единственнаго* друга.
Ты былъ цѣнителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, *тебѣ* я посвятилъ
И краткій вѣкъ уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, *спасенныя тобою*!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной

---

*) *Свербеевъ*, „Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ“, „Рус. Архивъ“ 1868 г. VI. У Свербеева масса ошибокъ и сочиненій собственной фантазіи.

**) „Сочиненія“, I, 368. Герценъ (какъ и нѣкоторые другіе), частенько таки путающій хронологію, относитъ это стихотвореніе къ 1825—1826 годамъ („Сочиненія“, Женева, VII, 283).

Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая *строгимъ взоромъ*,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;

. . . .

Одно желаніе: останься ты со мной!
Небесъ я не томилъ молитвою другой.
О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я *сердечный твой привѣтъ?*
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель,
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой *милый домосѣдъ*,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливъ буду я... *)

Внимательно прочтя эти отрывки, читатель сразу схватитъ и характеръ отношеній двухъ друзей, и отличительныя свойства старшаго изъ нихъ... И понятно, какъ гордился Чаадаевъ своимъ вліяніемъ на Пушкина. Когда П. В. Анненковъ сталъ издавать свои «матеріалы» и умолчалъ о Чаадаевѣ, послѣдній писалъ Шевыреву: «Неужто г. Анненковъ думаетъ, что встрѣча Пушкина въ то время, когда его могучія силы только что стали развиваться, съ человѣкомъ, котораго онъ впослѣдствіи назвалъ лучшимъ своимъ другомъ, не имѣла никакого вліянія на ихъ развитіе?»

Послѣ выхода въ отставку Чаадаевъ переѣхалъ въ Москву и жилъ то тамъ, то въ имѣніи своей тетки. Тутъ очень скоро онъ ближе сошелся съ Якушкинымъ, которому было поручено принять Чаадаева въ тайное общество. По словамъ Якушкина, П. Я. «на это согласился, но сказалъ мнѣ, что напрасно я не принялъ его прежде, тогда онъ не вышелъ бы въ отставку и постарался бы попасть въ адъютанты къ великому князю Николаю Павловичу, который, очень можетъ быть, покровительствовалъ бы подъ рукой Тайное Общество, если бы ему внушить, что это Общество можетъ быть для него опорой въ случаѣ восшествія на престолъ старшаго брата» ***). Въ серединѣ 1823 г. ****) онъ поѣхалъ за границу. Пушкинъ пишетъ по этому поводу кн. Вяземскому: «Говорятъ, что Чаадаевъ ѣдетъ за границу—давно бы такъ:

*) «Сочиненія», I, 400—403. Курсивъ мой.
**) „В. Европы", 1871 г., XI, 343.
***) „Записки И. Д. Якушкина", М., 1905 г. 56.
****) А не въ 1821 г., какъ увѣрялъ Лонгиновъ, а за нимъ и другіе.

но мнѣ его жаль изъ эгоизма. Любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать» *).

Это время въ жизни Чаадаева особенно скудно какими бы то нибыло данными для его освѣщенія. Писавшіе о немъ, кромѣ общихъ фразъ о пользѣ знакомства съ Европой и т. д., ничего не сказали. Есть лишь любопытное его собственное показаніе о предполагавшейся поѣздкѣ и въ Англію. Для этого онъ запасся письмомъ отъ извѣстнаго миссіонера Кука къ пріятелю его, Марріоту, въ которомъ сообщалось, что П. Я. ѣдетъ въ Англію «для изслѣдованія нравственныхъ причинъ благоденствія того края, дабы ввести оныя, буде возможно, въ Россію». Оказывается, съ Кукомъ Чаадаевъ познакомился во Флоренціи, при проѣздѣ его изъ Іерусалима во Францію. И такъ какъ Кукъ объяснялъ благоденствіе своего отечества широкимъ и глубокимъ распространеніемъ тамъ вѣры, то Чаадаевъ, естественно, крайне заинтересовался изученіемъ этой страны. Но почему онъ не попалъ въ Англію за три года своей поѣздки по Европѣ—неизвѣстно.

Въ Карлсбадѣ онъ познакомился съ Шеллингомъ, на котораго произвелъ самое лучшее впечатлѣніе. По мнѣнію нѣмецкаго философа, «Чаадаевъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени и, конечно, самый замѣчательный изъ извѣстныхъ ему русскихъ» **). Кромѣ того неоднократно бесѣдовалъ съ Гумбольдтомъ, Кювье, Вилльменомъ, барономъ Экштейномъ, кардиналомъ Фешь, дядею Наполеона. Очень близко онъ сошелся тамъ съ Н. И. Тургеневымъ.

Конечно, необходимо предполагать, что Чаадаевъ широко пользовался своею поѣздкою и въ Европѣ довершилъ свое образованіе.

Причины возвращенія его изъ-за границы не болѣе ясны, чѣмъ— и поѣздки туда» ***) но во всякомъ случаѣ въ серединѣ 1826 года Чаадаевъ вернулся въ Москву. Возвращеніе было, впрочемъ, не безъ приключеній.

Въ 1825 году въ Карльсбадѣ былъ в. кн. Константинъ Павловичъ. Зная обвиненіе Чаадаева Грибовскимъ и показанія Якушкина о принятіи его въ члены Общества, онъ приглядывался къ жизни П. Я. и очень неодобрительно отнесся къ его связямъ съ братьями Тургеневыми, а особенно съ Николаемъ. Послѣ декабрьскихъ происшествій полиціи было, повидимому, приказано слѣдить за возвращеніемъ между другими, и Чаадаева. Она исполнила требуемое и въ началѣ іюля (1826 г.) донесла великому князю о прибытіи изъ-за границы въ Варшаву отставного ротмистра Чаадаева. Константинъ Павловичъ

---

*) „Сочиненія“, VII, 72.

**) Жихаревъ, н. с., IX, 12—13. Лонгиновъ въ концѣ своей статьи напечаталъ два письма Чаадаева къ Шеллингу.

***) Кирпичниковъ, конечно, и здѣсь строитъ ни на чемъ не основанныя предположенія, а остальныя обходятся общими ничего не говорящими фразами.

приказалъ брестъ-литовскому пограничному почтмейстеру и начальнику тамошняго таможеннаго округа осмотрѣть всѣ вещи пріѣхавшаго и все подозрительное представить ему. Чаадаевъ пробылъ, однако, нѣсколько дней, благодаря легкому недомоганію, въ Варшавѣ, куда возвратился изъ Брестъ-Литовска и великій князь. Сейчасъ же былъ учрежденъ секретный надзоръ, по которому «ничего особеннаго въ поступкахъ Чаадаева подозрительнаго не оказалось», и онъ выѣхалъ въ Брестъ. Тамъ при осмотрѣ нашли «разныя непозволительныя книги и подозрительныя бумаги», которыя и представили въ Варшаву, оставивъ Чаадаева въ Брестѣ подъ надзоромъ.

«По разсмотрѣніи здѣсь оныхъ бумагъ—доносилъ великій князь государю изъ Варшавы 21 іюля—оказываются особенно изъ двухъ къ нему, Чаадаеву, писемъ, слѣды связи его съ Николаемъ Тургеневымъ, съ Муравьевымъ и кн. Трубецкимъ, тѣми, которые извѣстны въ возмущеніи; также заслуживаютъ особаго вниманія стихи, подъ названіемъ «Смерть», въ коихъ упоминается о Зантѣ, рекомендательное письмо англичанина Коока, обнаруживающее предметъ поѣздки Чаадаева въ Англію, и патентъ масонской верховной, и какъ видно россійской въ С.-Петербургѣ ложи, по коему принятъ въ общество *тайныхъ бѣлыхъ братій* и возведенъ въ восьмую степень»...

Всѣ эти бумаги препровождались къ государю, у котораго испрашивалось приказаніе на дальнѣйшее по отношенію самого Чаадаева. Послѣднему пришлось просидѣть въ Брестѣ больше мѣсяца. 26 августа съ него сняли допросъ, которымъ я уже неоднократно пользовался выше.

На вопросъ о связяхъ съ названными выше декабристами Чаадаевъ отвѣчалъ: «хотя по знакомству моему съ ними, зналъ ихъ образъ мыслей и политическое вольнодумство, простиравшееся у многихъ до весьма высокой степени, но никакихъ причинъ не имѣлъ заключить о ихъ тайныхъ видахъ, преступныхъ и безумныхъ намѣреніяхъ», т. е.—добавимъ отъ себя—остался вѣренъ своему взгляду на способы политической реформы въ Россіи.

Стихи оказались принадлежащими перу Пушкина. Что же касается патента масонской ложи, то Чаадаевъ показалъ, что закрытая уже ложа тайныхъ бѣлыхъ братьевъ принадлежала «къ обыкновенному масонству, въ Россіи принятому», названіе же тайныхъ бѣлыхъ братьевъ присвоено лишь одной восьмой степени *).

Неизвѣстно, когда именно, но вскорѣ послѣ 26 августа Чаадаевъ былъ отпущенъ на свободу, а московскому военному генералъ-губернатору было поручено имѣть за нимъ бдительный надзоръ...

*) Рапортъ великаго князя съ показаніями напечатанъ въ „Рус. Старинѣ" 1900, XII. Лонгиновъ, Жихаревъ и Свербеевъ разсказываютъ объ этомъ приключеніи Чаадаева и очень кратко и совсѣмъ невѣрно, хотя второй, напримѣръ, ручается за достовѣрность.

Итакъ Чаадаевъ въѣзжалъ въ Москву... Тамъ стоялъ еще гулъ чисто коронаціонныхъ официальныхъ торжествъ... Чаадаевъ смотрѣлъ вокругъ себя и не находилъ многихъ знакомыхъ лицъ... Ихъ поглотила Сибирь... Въ глазахъ П. Я. они были безумцами, но это было то честное, святое безумство храбрыхъ, за которое онъ не могъ ихъ осуждать. Наоборотъ, встрѣтивъ порядочно наблудившаго въ дѣлѣ Д. Н. Блудова, Чаадаевъ упрекалъ его въ стараніяхъ выставить всѣхъ осужденныхъ въ смѣшномъ, не серьезномъ видѣ... Очевидно, значитъ, онъ понималъ значеніе этихъ людей для исторіи, оцѣнивалъ ихъ, какъ серьезное явленіе, съ которымъ общество должно было быть ознакомлено съ надлежащей стороны... Около былъ только Пушкинъ, но Чаадаеву пришлось убѣдиться въ томъ, что его другъ тоже не тотъ... Какъ Чацкій на балу, онъ былъ одинъ...

По словамъ Герцена, «Чаадаевъ засталъ въ Россіи другое общество и другой тонъ. Какъ молодъ я ни былъ, но я помню, какъ наглядно высшее общество пало и стало грязнѣе, раболѣпнѣе съ воцаренія Николая. Аристократическая независимость, гвардейская удаль александровскихъ временъ—все это исчезло съ 1826 годомъ. Были иные всходы, подсѣды, еще не совсѣмъ извѣстные самимъ себѣ, еще ходившіе съ раскрытой шеей á l'enfant или учившіеся по пансіонамъ и лицеямъ; были молодые литераторы, начинавшіе пробовать свои силы и свое перо, но все это еще было скрыто и не въ томъ мірѣ, въ которомъ жилъ Чаадаевъ» *).

Ко всему этому прибавились матеріальныя неурядицы, происходящія отъ совершеннаго неумѣнія быть практичнымъ распредѣлителемъ тѣхъ средствъ, которыя П. Я. получалъ отъ брата за долю въ наслѣдствѣ послѣ матери **). Если вѣрить Жихареву (племяннику Чаадаева), то въ этомъ случаѣ дядя его былъ даже не совсѣмъ порядоченъ. Жаль только, что написавъ много словъ о его расточительности, племянникъ не постарался привести сколько-нибудь вѣскихъ фактовъ. Указаніе на желаніе Чаадаева въ 1826 г. вступить на службу безусловно невѣрно—оно должно относиться къ 1833 году.

Чаадаевъ рѣшилъ поселиться въ подмосковной деревнѣ своей тетки, въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Тамъ онъ, уйдя въ себя, предался прежнимъ занятіямъ, анализу своихъ европейскихъ впечатлѣній, бесѣдѣ и пр

Въ это время онъ полюбилъ Е. С. Норову, родную сестру бывшаго потомъ министра народнаго просвѣщенія. Она жила невдалекѣ отъ Щербатовой. «Болѣзненная и слабая, она, по словамъ Жихарева,

*) „Сочиненія", Женева, VII, 282.

**) Состояніе братьевъ Чаадаевыхъ (Петра и Михаила) было вначалѣ около 1.000.000 р. ассигн. и состояло изъ оброчнаго нижегородскаго имѣнія, денегъ, и, кажется, дома въ Москвѣ.

не могла помышлять о замужествѣ, нисколько не думала скрывать своего чувства, откровенно и безотчетно отдалась этому чувству вполнѣ, и имъ была сведена въ могилу. Любовь умирающей дѣвушки была, можетъ быть, самымъ трогательнымъ и самымъ прекраснымъ изъ всѣхъ эпизодовъ его жизни. Я имѣлъ счастливый случай читать письма, ею тогда къ нему писаныя. Не знаю, какъ онъ отвѣчалъ на эту привязанность, исполненную высокой чистоты, святого самоотверженія, безусловной преданности, полнаго безкорыстія, но передъ концомъ онъ вспомнилъ про нее, какъ про самое драгоцѣнное свое достояніе, и пожелалъ быть похороненнымъ возлѣ того нѣжнаго существа, для котораго былъ всѣмъ. Послѣднюю волю въ точности выполнили» *). Больше ничего объ этой любви неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что смерть Норовой осталась не безъ вліянія на продолжавшееся одиночество и умышленное удаленіе отъ общества Чаадаева. Эти годы онъ еще болѣе усидчиво сталъ заниматься своимъ развитіемъ, и дѣйствительно достигъ громадныхъ результатовъ.

Владѣя прекрасно четырьмя новыми языками (русскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ), и умѣя справляться съ греческимъ и латинскимъ, онъ, конечно, располагалъ возможностью широко поставить чтеніе по любой области человѣческихъ знаній. Мы уже знаемъ основу его образованія — всеобщая исторія и богословіе. Въ этихъ областяхъ Чаадаевъ былъ гораздо выше очень многихъ спеціалистовъ. Но и во всѣхъ другихъ областяхъ онъ имѣлъ весьма солидныя свѣдѣнія. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ русскихъ энциклопедистовъ.

Ниже мы подробно ознакомимся съ выдающимися работами Чаадаева, а теперь я лишь скажу, что къ началу 1830-хъ годовъ онъ былъ уже извѣстенъ по рукописямъ, ходившимъ по рукамъ всѣхъ интересующихся волновавшими Чаадаева вопросами. «Про Чаадаева узнали люди, которые никогда его не видали, кругомъ своего существованія были отъ него совершенно отдѣлены, никогда не имѣли никакой вѣроятности съ нимъ встрѣтиться, и безъ того, быть можетъ, про него во всю жизнь бы не свѣдали. По милости его блистательнаго, искрившагося мыслями разговора, стали ему приписывать то, чего онъ никогда не говорилъ: по той причинѣ, что онъ писалъ не по-русски **), стяжалъ,—чего съ кровно-русскими почти что никогда

*) „Вѣстн. Европы" 1871, IX, 15. Въ завѣщаніи, дѣйствительно, было сказано: похоронить близъ Е. С. Норовой, въ „Донскомъ монастырѣ", а такъ какъ Чаадаевъ тамъ именно и похороненъ, то благодаря этому становится ясно и неназванное Жихаревымъ имя. Лонгиновъ спуталъ имена дѣвушекъ и потому утверждаетъ, что Чаадаевъ любилъ Панову, тогда тоже сосѣдку свою. Дальше читатель убѣдится въ невѣрности этого указанія.

**) Желая дать болѣе широкій ходъ своимъ идеямъ, Чаадаевъ избиралъ французскій языкъ.

не бываетъ, — очень большую популярность между иностранцами, у насъ проживающими» *).

Не мало способствовала одиночеству и постоянная болѣзненность: Чаадаевъ вѣчно лѣчился то отъ того, то отъ другого...

Однако, въ 1830 году онъ понемногу сталъ показываться въ свѣтъ, а, видя всеобщее къ себѣ расположеніе, и—самъ принимать у себя. По словамъ Герцена, «какъ бы ни была густа толпа, глазъ находилъ его тотчасъ; лѣта не исказили стройнаго стана его, онъ одѣвался очень тщательно **), блѣдное, нѣжное лицо его было совершенно неподвижно, когда онъ молчалъ, какъ будто изъ воску или изъ мрамора, «чело какъ черепъ голый», сѣро-голубые глаза были печальны и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣлъ что-то доброе, тонкія губы, напротивъ, улыбались иронически. Десять лѣтъ стоялъ онъ сложа руки гдѣ-нибудь у колонны, у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, въ клубѣ и—воплощеннымъ veto, живой протестаціей смотрѣлъ на вихрь лицъ, безсмысленно вертѣвшихся около него, капризничалъ, дѣлался страннымъ, отчуждался отъ общества, не могъ его покинуть... Старикамъ и молодымъ было не ловко съ нимъ, не по-себѣ; они, Богъ знаетъ отъ чего, стыдились его неподвижнаго лица, его прямо смотрящаго взгляда, его печальной насмѣшки, его язвительнаго снисхожденія» ***).

Самолюбіе Чаадаева было огромно; проявленія его мы уже знаемъ. А оно было причиной честолюбія и тщеславія, которыя и не могли не стать чертами его характера: въ этомъ виноваты окружавшіе.

Вотъ, напримѣръ, какъ Ѳ. Н. Глинка рисуетъ Чаадаева въ обществѣ:

„Одѣтый праздникомъ, съ осанкой важной, смѣлой,
Когда являлся онъ предъ публикою бѣлой
Съ умомъ блистательнымъ своимъ,
Смирялось все невольно передъ нимъ!
Другъ Пушкина любимый, задушевный,
Всѣхъ знаменитостей тогдашнихъ былъ онъ другъ;
Умомъ его бесѣды увлеченный,
Кругомъ его умовъ тѣснился кругъ;
И кто не жалъ ему съ почтеньемъ руку?
Кто не хвалилъ его ума?“

И кто только не выражалъ Чаадаеву своего вниманія и расположенія?.. И Александръ I, и Пушкинъ, и Баратынскій, и графъ Орловъ, и Хомяковъ, и Герценъ, и князь Голицынъ и гр. Закревскій—люди самыхъ разнообразныхъ положеній и убѣжденій. Одинъ называетъ себя его «ученикомъ», другой проситъ разрѣшенія «видѣть

*) Жихаревъ, н. с., IX, 22—23.

**) Щеголеватость была потребностью его натуры: дома, въ одиночествѣ, Чаадаевъ всегда былъ одинаково безукоризненно одѣтъ, выбритъ, причесанъ.

***) „Сочиненія“, Женева, VII, 277—278.

помѣщеніе геніальнаго человѣка», третій считаетъ его «однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени и своей страны», четвертый оканчиваетъ свои письма: «je baise vos pieds, maître cher et respectable» и т. д., и т. д. Судите сами, имѣлъ ли право Чаадаевъ на честолюбіе...

Въ концѣ 1831 года онъ переѣхалъ во флигель дома Левашовыхъ на Новой Басманной. Это было старинное, богатое дворянское семейство, въ которое Чаадаевъ вошелъ, какъ свой человѣкъ. Ниже мы познакомимся съ этимъ подробнѣе. Любопытно, что въ другомъ флигелѣ жилъ тогда М. А. Бакунинъ, не мало обязанный своимъ развитіемъ сосѣду по флигелю. На Басманной Чаадаевъ и кончилъ свою жизнь, ни разу не выѣхавъ изъ Москвы даже на недѣлю, чтобы дать возможность хоть немного отремонтировать квартиру. Флигель весь покривился, подгнилъ и вотъ-вотъ грозилъ придавить своего обитателя; не даромъ Жуковскій говорилъ, что домъ этотъ «держался уже не на столбахъ, а однимъ только духомъ».

Европейскія событія того времени произвели, конечно, на Чаадаева сильное впечатлѣніе, но не расположили его къ себѣ. Событія 1831 г. онъ называетъ «ужаснымъ разрушеніемъ». «Случилась вдругъ глупость одного человѣка—пишетъ онъ Пушкину,—одного изъ тѣхъ людей, которые, невѣдомо для нихъ самихъ, бываютъ призваны управлять человѣческими дѣлами, и вотъ: спокойствіе, миръ, будущее, все вдругъ разлетѣлось прахомъ. Подумайте хорошенько: все это произведено не однимъ изъ великихъ событій, сокрушающихъ царства и народы; нѣтъ, дурость одного человѣка!» У Чаадаева оставалась лишь надежда, что «изъ всего этого имѣетъ выйти одно только благо», и она умѣряла его неудовольствіе происшедшимъ *).

То же несочувствіе къ насильственнымъ переворотамъ и къ перенесенію тогдашнихъ европейскихъ формъ на русскую почву Чаадаеву пришлось выразить въ слѣдующемъ году въ письмѣ на имя гр. Бенкендорфа, которое онъ составилъ для И. В. Кирѣевскаго, какъ защиту отъ только что тогда разразившейся надъ послѣднимъ грозы въ видѣ запрещенія его журнала «Европеецъ» и признанія его самого человѣкомъ неблагонамѣреннымъ.

Въ этомъ знаменательномъ письмѣ,—знаменательномъ потому, что оно одновременно выражало мнѣнія такихъ потомъ противоположно мыслившихъ людей,—написанномъ *послѣ* составленія «Философическихъ писемъ», о которыхъ рѣчь будетъ ниже—Чаадаевъ указываетъ на три средства для поднятія Россіи. Во-первыхъ, «на распространеніе серіознаго и здраваго классическаго образованія», заимствованнаго «не съ верхушекъ современной европейской цивилизаціи, но изъ эпохи пред-

---

*) „Рус. Архивъ“ 1881 г., I, 435—438.

шествующей, произведшей все то, что есть дѣйствительно добраго въ современной цевилизаціи». Во-вторыхъ—освобожденіе крестьянъ, это «необходимое условіе всякаго послѣдующаго развитія для насъ и особенно развитія нравственнаго». «Считаю, что въ настоящее время всякія измѣненія въ законахъ, какія бы правительство не предпринимало, останутся безцѣльными до тѣхъ поръ, пока мы будемъ находиться подъ вліяніемъ впечатлѣній, оставляемыхъ въ нашихъ умахъ зрѣлищемъ рабства, насъ съ дѣтства окружающаго: лишь его постепенное уничтоженіе можетъ сдѣлать насъ способными воспользоваться другими преобразованіями, которыя наши государи въ своей мудрости найдутъ удобнымъ сдѣлать. Полагаю, что исполненіе законовъ, какъ бы мудры они не были, не можетъ никогда быть соотвѣтственнымъ намѣренію законодателя, если это будетъ поручено людямъ, съ молокомъ кормилицы впитавшимъ всѣ возможныя мысли неравенства, если всѣ вѣтви администраціи будутъ вручены подданнымъ, съ колыбели своей освоеннымъ со всякаго рода несправедливостью». Въ третьихъ—«пробужденіе религіознаго чувства» *).

Но будучи противникомъ пересаживанія къ намъ европейскихъ политическихъ формъ настоящаго, Чаадаевъ былъ очень далекъ отъ того націонализма, который вскорѣ уже сталъ чувствоваться во всей политикѣ Николая I, обосновлавшаго ее на подсказанной Уваровымъ формулѣ: «православіе, самодержавіе, народность». Къ серединѣ 1830-хъ годовъ плоды уваровской системы были уже на лицо, и Чаадаевъ писалъ А. И. Тургеневу: «Въ настоящее время у насъ происходитъ своеобразное движеніе умовъ. Стараются сфабриковать національность; а такъ какъ никакихъ матеріаловъ для этого не имѣется, то получится, конечно, совершенно исскуственный продуктъ... Не грустно ли, скажите, видѣть, что въ тотъ моментъ, когда всѣ народы сближаются, всѣ мѣстныя и географическія особенности стушевываются, мы погружаемся въ себя и обращаемся къ узкому патріотизму» **).

И противъ такого націонализма Чаадаевъ возставалъ всѣми силами и теперь и, какъ увидимъ, позже. Онъ всегда стоялъ одною изъ главныхъ батарей западниковъ противъ славянофиловъ, всегда, по выраженію Герцена, «горько и уныло-зло оскорблялъ все дорогое имъ, начиная съ Москвы». «Въ Москвѣ, говаривалъ Чаадаевъ, каждаго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку и большой колоколъ. Пушку, изъ которой стрѣлять нельзя, и колоколъ, который свалился прежде, чѣмъ звонилъ. Удивительный городъ, въ которомъ достопримѣчательности отличаются нелѣпостью; или, можетъ быть, большой колоколъ безъ языка—гіероглифъ, выражающій эту огромную нѣмую страну, кото-

---

*) „Рус. Архивъ" 1896 г. VIII.

**) Цитирую по книгѣ П. Н. Милюкова „Главныя теченія русской исторической мысли", I., М., 1898, 387.

рую заселяетъ племя, назвавшее себя *славянами,* какъ будто удивляясь, что имѣетъ слово человѣческое» *).

Въ 1833 году у Чаадаева возникаетъ цѣлая переписка съ Бенкендорфомъ, которой предшествовала небольшая переписка послѣдняго съ московскими жандармами.

27 декабря 1832 года III Отдѣленіе Собств. Е. И. В. канцеляріи получило безымянный доносъ о Чаадаевѣ, который «ведетъ жизнь странную, пишетъ что то, что нельзя достать, но извѣстно, что сочиненія читаютъ тихонько, и говорятъ, что они основаны на преобразованіи Россіи и тамъ будто выводится, что католическая регилія есть настоящая, и потому должно всѣмъ ее принять». Бенкендорфъ приказалъ московскому жандарму, генералу Лесовскому, собрать «подъ рукою» свѣдѣнія и обо всемъ его увѣдомить. Со словъ производившаго слѣдствіе полковника Шубинскаго, Лесовскій вскорѣ опровергъ доносъ, сообщивъ, однако, что Чаадаевъ «живетъ чрезвычайно осторожно»; что «до двухъ часовъ пополудня бываетъ дома, потомъ всякой день выѣзжаетъ и возвращается очень поздно, а иногда и не ночуетъ дома»; что «лошадей своихъ не имѣетъ, а ѣздитъ съ наемнымъ кучеромъ, живущимъ у него уже два года; кучеръ весьма скроменъ и трезвъ, и на вопросъ: куда чаще ѣздитъ господинъ его,— сказать ничего не хотѣлъ». Онъ сообщалъ также, что Чаадаевъ почитается всѣми «человѣкомъ умнымъ, начитаннымъ и даже мисикомъ; говорятъ, что въ церковь довольно часто ходитъ и богомоленъ; имѣетъ короткое знакомство и часто посѣщаетъ французскаго священника, что у Тверскихъ воротъ въ день Голицына».

На этомъ все и кончилось.

А вскорѣ, 1 іюня (1833 г.) Чаадаевъ обратился съ письмомъ къ гр. Бенкендорфу, исполняя этимъ и совѣтъ своего бывшаго начальника, кн. Васильчикова, и желаніе самого графа, выраженное имъ Чаадаеву при недавнемъ ихъ свиданіи.

«Я знаю, графъ,—писалъ Чаадаевъ по-французски,—что не имѣю права на вниманіе правительства. Прискорбныя обстоятельства, заставлявшія меня столько времени держаться вдали отъ службы, окончательно отбросили меня въ ряды людей, неимѣющихъ, въ глазахъ правительства, никакихъ заслугъ. Между тѣмъ, я имѣю все же смѣлость надѣяться, что если бы его величество удостоилъ вспомнить обо мнѣ, то, быть можетъ, онъ вспомнилъ бы также, что я не совсѣмъ недостоинъ его снисхожденія и предоставленія мнѣ возможности доказать свою преданность и употребить свои способности на службу его величеству. Прежде всего, я думаю, что не имѣя привычки къ гражданской службѣ, я могу домогаться только дипломатической должно-

*) „Сочиненія“, Женева, VII, 283—284.

сти. Поэтому я и просилъ генерала Васильчикова сообщить министру иностранныхъ дѣлъ нѣкоторыя соображенія, которыя, какъ мнѣ кажется, могли бы найти примѣненіе при теперешнимъ положеніи Европы, а именно: о необходимости особенно наблюдать за движеніемъ идей въ Германіи. Еще и въ данный моментъ я думаю, что это была бы та самая служба, гдѣ я могъ бы лучше всего утилизировать свои знанія и труды всей жизни. Но положеніе вещей въ политическомъ мірѣ усложняется съ каждымъ днемъ, и правительство въ настоящее время могло бы довѣрять это дѣло только такимъ людямъ, которые ему хорошо извѣстны. Я же хочу теперь только одного,—чтобы его величество узналъ меня. Къ числу изумительныхъ вещей настоящаго достославнаго царствованія, въ которое осуществилось столько нашихъ надеждъ и было выполнено столько нашихъ желаній, принадлежитъ выборъ людей, призываемыхъ къ дѣламъ. И если всегда говорилось, что одно изъ главныхъ качествъ монарха заключается въ умѣньи находить людей, то само собою разумѣется, что каждый изъ подданныхъ его величества въ правѣ поэтому разсчитывать, если только онъ стремится къ чести быть имъ замѣченнымъ, что его старанія не останутся непризнанными, его рвеніе не пропадетъ даромъ и мудрость государя сумѣетъ разглядѣть способности, какъ бы онѣ ни были малы, которыя могли бы быть употреблены съ пользою для блага государства. Я отдаю себя, слѣдовательно, вполнѣ въ распоряженіе его величества и буду почитать себя счастливымъ, если моею бубущею судьбой буду обязанъ его величеству, высшему судьѣ всѣхъ нашихъ способностей и законному цѣнителю той пользы, которую каждый изъ насъ можетъ принести своей родинѣ.

«Но вы, графъ, такъ любезно предложившій мнѣ свое посредничество предъ лицомъ монарха, не откажетесь, конечно, обратить свое вниманіе на неудобство моего положенія. Покойный императоръ, увольняя меня, не захотѣлъ наградить меня чиномъ полковника, который полагался мнѣ, но котораго я, безъ сомнѣнія, не заслуживалъ по причинѣ моего нелѣпаго упорства требовать отставки *). Я, значитъ, имѣю только чинъ гвардіи ротмистра, но могу заявить, что, хотя, вслѣдствіе плохого состаянія моего здоровья и финансовъ, я долго не могъ нести никакой службы, все же старался употребить это время на пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ познаній, которыя могли бы, при случаѣ, оказаться полезными моей странѣ. Я очень нуждаюсь, графъ, во всемогущемъ благорасположеніи императора, такъ какъ безъ этого, осужденный пребывать въ неизвѣстности, на которую меня осуждаетъ мой чинъ я врядъ ли могу надѣяться, что взоры его величества падутъ на меня».

---

*) Это еще разъ доказываетъ, что Чаадеаевъ даже въ 1833 году не зналъ, что его отставкѣ были рады.

Не будемъ строго судить Чаадаева за тонъ письма: онъ былъ обусловленъ прямою, повидимому, необходимостью вступить на службу, главнымъ образомъ, благодаря серьезнымъ денежнымъ недостаткамъ. Письмо это хариктерно еще и тѣмъ, что показываетъ, какъ трудно было тогда человѣку, искавшему дѣла, жить безъ государственной службы: общественная жизнь не знала еще иной работы.

Въ концѣ іюня Бенкендорфъ сообщилъ Чаадаеву, что государь, прочтя его письмо, далъ согласіе на поступленіе его по министерству финансовъ... Видя такой, совершенно неожиданный, исходъ своей просьбы, Чаадаевъ написалъ письмо самому государю и, посылая его Бенкендорфу, просилъ передать по назначенію. Свое обращеніе къ государю по-французски Чаадаевъ мотивировалъ по тогдашнимъ временамъ довольно обычно: русскій языкъ не такъ хорошо былъ знакомъ, чтобъ высказать всѣ убѣжденія и чувства. При этомъ въ письмѣ къ Бенкендорфу была такая фраза: «Это новое тому доказательство, что я въ письмѣ своемъ говорю его величеству о несовершенствѣ нашего образованія. Я самъ живой и жалкой примѣръ этого несовершенства». Бенкендорфъ, очевидно, вообразилъ, что запечатанное письмо къ государю есть порицаніе установившихся порядковъ въ области образованія, и, не долго думая, отвѣчалъ Чаадаеву: «М. Г., П. Я.! Получивъ письмо Ваше отъ 15 минувшаго іюля и усматривая *изъ онаго*, что Вы, въ приложенномъ при семъ письмѣ Вашемъ на Высочайшее имя, упоминаете о несовершенствѣ образованія нашего, я, имѣя въ виду пользу Вашу, не рѣшился всеподданнѣйшаго письма Вашего представить Государю Императору, ибо Его Величество, конечно бы, изволилъ удивиться, найдя диссертацію о недостаткахъ нашего образованія тамъ, гдѣ вѣроятно ожидалъ одного лишь изъявленія благодарности, и скромной готовности самому образоваться въ дѣлахъ, Вамъ вовсе незнакомыхъ. Одна лишь служба, и служба долговременная даетъ намъ право и возможность судить о дѣлахъ государственныхъ, и потому я боялся, чтобы Его Величество, прочитавъ Ваше письмо, не получилъ о Васъ мнѣніе, что Вы, по примѣру легкомысленныхъ Французовъ, принимаете на себя судить о предметахъ, Вамъ неизвѣстныхъ. Въ семъ уваженіи я счелъ лучшимъ препроводить къ Вамъ обратно всеподданнѣйшее Ваше письмо, которое при семъ прилагаю, имѣя честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью Вашъ покорнѣйшій слуга Графъ Бенкендорфъ» *).

Чаадаевъ поспѣшилъ успокоить шефа жандармовъ и отвѣчалъ ему 16 августа довольно тонко:

«М. Г. графъ А. Х. Приношу живѣйшую мою благодарность Ва-

---

*) Подлинникъ хранится въ папкѣ № 1032 Румянцевскаго музея. Приводя его, проф. Кирпичниковъ дѣлаетъ снова цѣлый рядъ догадокъ, изъ которыхъ почти ни одна невѣрная (стр. 142 его книги).

шему Сіятельству, за участіе которое Вы изволите принимать въ моей судьбѣ. Получивъ письмо Ваше, я былъ тронутъ, найдя въ немъ, что Вы для собственной моей пользы не вручили Государю всеподданнѣйшаго письма моего. Возвращая это самое письмо Вашему Сіятельству, я отнюдь не имѣю дерзости ожидать чтобъ оно сдѣлалось извѣстнымъ Его Величеству, но прошу Васъ только прочесть его. Надѣюсь что Вы увидите, что я не имѣлъ безумія включить въ оное разсужденія о дѣлахъ государственныхъ, и что въ особенности нѣтъ въ немъ ничего похожаго на преступныя дѣйствія французовъ, которыми болѣе кого либо гнушаюсь. Мнѣніе Государево для меня неоцѣненно, и я чрезмѣрно щастливъ, что благосклонностію Вашею сохраненъ отъ невыгоднаго Его Величества обо мнѣ понятія, но и мнѣніе Ваше для меня драгоцѣнно, потому и рѣшился я представить это письмо на Ваше сужденіе.

«Осмѣлюсь только сказать въ оправданіе свое на щетъ того выраженія, которое показалось Вамъ предосудительнымъ, что мнѣ кажется, что состояніе образованности народной не есть вещь государственная, и что можно судить о образованности своего отечества не отваживаясь мѣшаться въ дѣла правительственныя, потому что всякой по собственному опыту знать можетъ, какія способы и средства въ его отечествѣ для ученія употребляются, а глядя вокругъ себя оцѣнить степень просвѣщенія въ ономъ. Къ тому же, говоря о несовершенствѣ нашего образованія, я не помышлялъ хулить наши учебныя учрежденія и дѣйствія правительственныя, а разумѣлъ только образъ ученія нашего, коего недостатковъ ношу въ себѣ горестное сознаніе. Прошу Ваше Сіятельство покорнѣйше простить мнѣ это нескромное прекословіе, которое себѣ позволилъ единственно изъ желанія оправдать себя передъ Вами.

«Впрочемъ, какое бы мнѣніе Ваше Сіятельство, по сему обо мнѣ не возымѣли, въ моихъ понятіяхъ, долгъ святой каждаго гражданина покорность безусловная властямъ провиденіемъ поставленнымъ, а Вы облеченные довѣріемъ самодержца, представляете въ глазахъ моихъ власть Его. Всякому Вашему рѣшенію смиренно повиноваться буду» *).

Что же Чаадаевъ писалъ Государю?

Вотъ это письмо полностью: «Государь! Ваше Величество удостоили принять мою просьбу о возвращеніи на службу и выразили желаніе, чтобъ я служилъ въ министерствѣ финансовъ. Ваша воля, государь, для меня законъ, и милость, съ которою Вы снизошли къ моей просьбѣ, составляетъ мое счастье. Но когда я рѣшился снова посвя-

*) Это письмо, какъ и всю переписка Чаадаева съ Бекендорфомъ въ 1833 г., беру изъ архива III Отдѣленія (дѣла № 3792 экс. 1833 г. и № 485 1 экс. 1832 г.). Въ „Вѣст. Евр." 1871 г., XI, 325—326 оно напечатано съ очень неточнаго черновика.

тить себя службѣ Вашему Величеству, я не имѣлъ въ виду только мою выгоду, а стремился съ пользою служить Вамъ. Часть, для которой Вы меня предназначаете, государь, требуетъ положительныхъ знаній въ такой области, которая мнѣ недостаточно знакома. Воодушевленный желаніемъ повиноваться Вамъ, я, конечно, могъ бы, стараясь изучить этотъ предметъ, достигнуть общихъ познаній въ немъ. Но возвышенные взгляды, которые Вы вносите во всѣ отдѣлы администраціи и которыми проникнуты всѣ предпринятыя Вами законодательныя мѣропріятія, дѣлаютъ изъ Вашего царствованія достославную эпоху, такъ что тѣ обыкновенныя средства, которыми располагаютъ слуги государства, не въ состояніи удовлетворить широкому размаху, дѣлаемому правительствомъ. Я, государь, не могъ бы, со своей стороны, внести ничего въ эту должность, кромѣ недостаточности познаній, какъ человѣкъ изучавшій раньше только такіе предметы, которые не имѣютъ никакого отношенія къ этой области.

«Государь, я не имѣю права проникать въ Ваши царскіе помыслы и Ваши намѣренія въ отношеніи меня мнѣ неизвѣстны. Но я знаю, какъ и весь міръ, что всѣ дѣйствія Вашего правительства проникнуты великою идеей и что эта идея исходитъ отъ Васъ. Говоря Вамъ это, я вѣрю, что говорю съ государемъ, столь же высокостоящимъ, какъ человѣкъ среди другихъ людей, такъ высоко онъ поставленъ какъ монархъ, среди другихъ монарховъ.

«Много размышляя о состояніи просвѣщенія въ Россіи, я пришелъ къ убѣжденію, что могъ бы именно въ этой области быть полезнымъ, выполняя обязанности, удовлетворяющія требованія Вашего правительства. Мнѣ кажется, что въ этой области можно сдѣлать многое, именно въ духѣ той идеи, которая, какъ я думаю, является идеей Вашего Величества. Я полагаю, что просвѣщеніе въ Россіи должно носить особенный характеръ и что возможно утвердить его на національной основѣ, совершенно иной, нежели та, на которой она покоится во всей остальной Европѣ, такъ какъ Россія развилась совершенно иначе и у нея есть спеціальное назначеніе, которое она должна выполнить въ мірѣ. Я нахожу, что мы должны быть изолированы какъ въ отношеніи научныхъ, такъ и въ отношеніи политическихъ взглядовъ и русская нація, великая и сильная, должна, какъ мнѣ кажется, не заимствовать отъ другихъ народовъ ихъ дѣятельность, а заставить ихъ принять свою. Если бы эти взгляды оказались отвѣчающими взглядамъ Вашего Величества, то для меня было бы несказаннымъ счастьемъ, еслибъ я могъ содѣйствовать реализаціи ихъ въ нашей странѣ. Но прежде всего я глубоко убѣжденъ, что для насъ невозможенъ никакой прогрессъ иначе, какъ при условіи полнаго подчиненія чувства всѣхъ вѣрноподданныхъ чувствамъ государя.

«Государь, я считалъ своею обязанностью, какъ честнаго человѣка, представить вамъ мою неудовлетворительность въ той области,

для которой Вы меня предназначаете, и указать то, что я могъ бы выполнить въ другой области. Но какова бы ни была Ваша высшая воля въ отношеніи меня, я съ радостью подчинюсь ей. Вамъ, государь, судить, какое употребленіе, ради общаго блага, надо сдѣлать изъ способностей каждаго изъ Вашихъ подданныхъ. Я умоляю только Ваше Величество милостиво снизойти къ тѣмъ мотивамъ, которые руководятъ моимъ поведеніемъ въ этомъ отношеніи».

Письмо это, такъ и не попавшее въ руки государя, интересно во многихъ отношеніяхъ. Тонъ его опять-таки не долженъ насъ поражать: коефиціентъ того времени нельзя забывать... Не одинъ Чаадаевъ писывалъ письма такого характера—это ясно для меня, послѣ изученія нѣкоторыхъ лицъ по даннымъ архива III Отдѣленія. Во-вторыхъ, нельзя не видѣть, что Чаадаевъ какъ бы намѣчалъ тѣ два начала, которыя вошли вскорѣ *послѣ* этого въ извѣстную уваровскую формулу николаевской системы: самодержавіе и народность. То и другое понималось, конечно, иначе: подъ первымъ Чаадаевъ не хотѣлъ видѣть произволъ, подъ второй — квасной патріотизмъ, но во всякомъ случаѣ, кое-что общее было. Въ третьихъ, Чаадаевъ былъ готовъ служить и по министерству финансовъ. Это послѣднее доказываетъ, что онъ нуждался въ жалованьѣ, а усиленная просьба принять на службу, гдѣ бы онъ могъ приносить пользу, доказываетъ, что ему хотѣлось хоть какого-нибудь дѣла.

Бенкендорфъ ничего не отвѣчалъ... Чаадаевъ написалъ ему еще разъ, но тоже безрезультатно. Тогда онъ обратился къ министру юстиціи съ просьбой взять его туда. Министръ представилъ письмо Бенкендорфу, послѣдній — государю. Разрѣшеніе было получено, а опредѣленіе Чаадаева по юстиціи предоставлено усмотрѣнію министра. Чаадаевъ, однако, не поступилъ и сюда.

II.

Н. И. Надеждинъ.

(1804 — 1836 гг.).

Если въ біографіи Чаадаева много басенъ и легендъ, то не меньше противорѣчій въ оцѣнкѣ личности Николая Ивановича Надеждина. Біографія его гораздо проще и яснѣе: онъ самъ оставилъ канву своей жизни, на которой, впрочемъ, умышленно многіе узоры совершенно даже на наметалъ.

Надеждинъ родился въ 1804 г., въ селѣ Нижнемъ-Бѣломутѣ, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Отецъ его былъ священникъ, по отзыву сына, довольно начитанный. Мальчикъ росъ подъ его вліяніемъ и десяти лѣтъ былъ опредѣленъ въ духовное училище, а че-

резъ годъ уже въ семинарію. Шестнадцати лѣтъ Надеждинъ, кончивъ еще только одинъ курсъ философіи, былъ, несмотря на это, отправленъ, годомъ раньше, въ московскую духовную академію. Благодаря Филарету, въ послѣдней преобладало философское теченіе надъ богословскимъ. Интересовавшійся уже раньше философіей, читавшій Канта, Надеждинъ, несмотря на причисленность къ математическому отдѣленію, довольно усердно занялся философіей и исторіей. Въ 1824 г. онъ получилъ степень магистра богословскихъ наукъ и опредѣленъ былъ въ Рязанскую семинарію профессоромъ русской и латинской словесности и нѣмецкаго языка; одновременно Надеждинъ преподавалъ латинскій языкъ въ рязанской гимназіи. По отзыву его ученика, лекціи Надеждина «не заключали въ себѣ ничего особеннаго, что показывало бы въ авторѣ передового человѣка, прокладывающаго новую дорогу въ наукѣ; по содержанію своему онѣ не отличались почти ничѣмъ отъ бывшихъ тогда въ употребленіи риторики Рижскаго и Толмачева» *).

Въ концѣ 1826 г. Надеждинъ, въ виду болѣзни, былъ уволенъ и изъ духовнаго званія и изъ семинаріи и переѣхалъ въ Москву, гдѣ поступилъ домашнимъ наставникомъ въ семейство Самариныхъ. Онъ преподавалъ Ю. Ѳ. Самарину и его брату Законъ Божій, русскій и греческій языки, географію и исторію. Пользуясь громадной самаринской библіотекой, Надеждинъ, чувствуя необходимость «избрать карьеру», сталъ заниматься исторіей **).

Какъ разъ въ это время разгорался споръ «романтиковъ» съ «классиками», въ которомъ понемногу приняла участіе почти вся русская журналистика. Въ Москвѣ первые были представлены Полевымъ, вторые — старикомъ Каченовскимъ. Послѣдній былъ очень нужнымъ человѣкомъ для всякаго, желавшаго вступить въ университетъ по историко-филологическому факультету. Надеждинъ имѣлъ уже это желаніе... Онъ познакомился съ Каченовскимъ, выразилъ ему свое негодованіе на преслѣдованіе «шалымъ Полевымъ» «почтенныхъ стариковъ», былъ за это похваленъ... Каченовскому тоже улыбалось имѣть около себя молодого бойца... Очень скоро Надеждинъ смѣло входилъ съ просьбой къ ректору о допущеніи его къ испытанію на степень доктора по словесному факультету и послѣ всевозможныхъ формальностей и диссертаціи, въ декабрѣ 1831 года былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи. Очень много помогли этому Каченовскій и

---

*) „Записки Д. И. Ростиславова", „Рус. Стар." 1894 г., VI, 100.

**) Автобіографія Н. И. Надеждина, „Рус. Вѣстн." 1856 г., мартъ, I; Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина", IV, 40; Н. Поповъ, „Н. И. Надеждинъ на службѣ въ Московскомъ университетѣ", „Журн. Мин. Нар. Просв.", 1880 г., I.

его университетскіе друзья. Надеждинъ успѣлъ обратить на себя ихъ любовное вниманіе.

Такъ, напримѣръ, въ полемикѣ съ романтиками, Надеждинъ уже укрѣпившійся въ «Вѣстникѣ Европы», просто-на-просто указывалъ, что они непонятнымъ образомъ молчатъ о побѣдахъ Дибича-Забалканскаго въ славную войну 1829 года... Когда Каченовскій прославился своимъ гнуснымъ доносомъ на Полевого, Надеждинъ всю статью свою противъ его «Исторіи русскаго народа» наполнилъ исключительно одними ругательствами и оскорбленіями, настолько перейдя въ нихъ всякую границу, что очень неодобрившій «Исторію» Пушкинъ не могъ, однако, не замѣтить: «...брань доведена до изступленія; болѣе чѣмъ на тридцати страницахъ грубыхъ насмѣшекъ и ругательствъ, нѣтъ ни одного дѣльнаго обвиненія, ни одного поучительнаго показанія, кромѣ ссылки на мнѣніе самого издателя (т.-е., Каченовскаго — *М. Л.*), мнѣніе весьма любопытное, коему доказательства съ нетерпѣніемъ должны ожидать любители отечественной исторіи» *).

Когда Полевой жестоко напалъ на диссертацію Надеждина, напечатанную переводными отрывками въ «Вѣстникѣ Европы» и «Атенеѣ», диссертантъ, пользуясь дружбой Погодина, которую тоже свелъ очень умно и умѣло, отвѣчалъ Полевому въ «Московскомъ Вѣстникѣ»: «Диссертація сія представлена была на судъ гг. профессоровъ еще за нѣсколько недѣль до назначенія диспута. Этотъ судъ профессоровъ былъ строгій, основанный на правилахъ, предписанныхъ самимъ закономъ, и по праву, отъ Верховной Власти, имъ дарованному. Слѣдовательно, это дѣло было официіальное. Какъ же онъ, Полевой, будучи честнымъ человѣкомъ могъ вмѣшиваться въ такое дѣло? А тѣмъ болѣе, какъ онъ, не принадлежа собственно ни къ государственнымъ чиновникамъ, ни къ сословію ученыхъ, можетъ присвоить себѣ право быть ревизоромъ дѣйствій цѣлаго университета и послѣ одобренія университетомъ оной диссертаціи и удостоенія г. Надеждина высшый ученой степенью доктора смѣетъ столь дерзко поносить и сочиненіе и сочинителя?» **)... Этотъ призывъ въ участокъ былъ подписанъ, конечно, псевдонимомъ— «Прямиловъ изъ села Тихомірова».

Въ отвѣтъ на очень остроумныя эпиграммы, въ которыхъ Пушкинъ отчиталъ Каченовскаго за доносъ и, вообще, за литературное старовѣрство, на великаго поэта посыпался цѣлый градъ насмѣшекъ и ругательствъ, подписанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» «Нікодимъ Надо-

---

*) „Сочиненія", V, 1903 г., 443.

**) „Москов. Вѣстникъ" 1830 г. № 21—22, стр. 110—124. Погодинъ былъ очень радъ сотрудничеству Надеждина и писалъ Шевыреву: „Я нашелъ еще человѣка—*Надежду!* ученость, воображеніе, наша пламенная любовь къ просвѣщенію, и это нашъ" (*Барсуковъ*, н. с., III. 77).

умко»—это былъ новый псевдонимъ Надеждина, къ которому онъ еще иногда прибавлялъ: «Екс—студентъ» или «съ Патріаршихъ прудовъ».

Пушкинъ не заставлялъ себя долго ждать—и на разборъ «Полтавы», отвѣчалъ по своему; по рукамъ стали ходить три эпиграммы (написанныя въ 1829 году):

На Надеждина.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ:
„Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ?"
Пятнадцать.—„Только-то? Эй, розгу"!
Засимъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ *).

2. Притча.

Но видно по всему, что онъ семинаристъ.
Дмитріевъ.

Картину разъ высматривалъ сапожникъ,
И въ обуви ошибку указалъ;
Взявъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.
Вотъ, подбочась, сапожникъ продолжалъ:
„Мнѣ кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишкомъ ли нага?"
Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:
„Суди, дружокъ, не свыше сапога".
Есть у меня пріятель на примѣтѣ:
Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ
Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на словахъ;
Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:
Попробуй онъ судить о сапогахъ **).

3.

Надѣясь на мое презрѣнье,
Сѣдой зоилъ меня ругалъ,
Но, потерявъ уже терпѣнье,
Я эпиграммой отвѣчалъ.
И возгоря желаньемъ славы,
Теперь, надѣясь на отвѣтъ,
Журнальный шутъ, холопъ лукавый,
Ругать бы также сталъ... О, нѣтъ!

---

*) „Сочиненія", II, 1903, 211. Впервые напечатано было въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1830 годъ.

**) Ibidem, 211—212. Впервые напечатано въ № 3 „Современника" за 1836 г.

Пусть онъ, какъ бѣсъ передъ обѣдней,
Себѣ покоя не даетъ:
Лакей сиди себѣ въ передней,
А будетъ съ бариномъ разсчетъ *).

Итакъ, Надеждинъ получилъ каѳедру. О его профессерствѣ есть довольно много разсказовъ, изъ которыхъ написанные людьми совершенно заурядными превозносятъ его, принадлежащіе перу людей, говорящихъ намъ своими именами, болѣе скромны. Очевидно, лучшіе свидѣтели—лица, которыхъ мы знаемъ, поэтому, обходя расказы Прозоровыхъ **), Лавдовскихъ ***) et tutti quanti, остановимся на К. С. Аксаковѣ, Гончаровѣ, Бѣлинскомъ.

Вотъ что говоритъ первый изъ нихъ: «Надеждинъ производилъ съ начала своего профессорства, большое впечатлѣніе своими лекціями. Онъ всегда импровизировалъ. Услышавъ умную, плавную рѣчь, почуявъ, такъ сказать, воздухъ мысли, молодое поколѣніе съ жадностью и благодарностью обратилось къ Надеждину, но скоро увидѣло, что ошиблось въ своемъ увлеченіи. Надеждинъ не удовлетворилъ серьезнымъ требованіямъ юношей; скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серьезныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе, справедливо и строго осудивъ Надеждина, студенты его любили и уже не увлекаясь, охотно слушали его рѣчь. Я помню, что Станкевичъ, говоря о недостаткахъ Надеждина, прибавлялъ, что Надеждинъ много пробудилъ въ немъ своими знаніями, и что если онъ (Станкевичъ) будетъ въ раю, то Надеждину за то обязанъ. Тѣмъ не менѣе, благодарный ему за это пробужденіе, Станкевичъ чувствовалъ бѣдность его преподаванія» ****).

Другую оцѣнку дѣлаетъ Гончаровъ. По его словамъ, Надеждинъ былъ «человѣкъ съ многостороннею, всѣмъ извѣстною ученостью по части философіи и филологіи; это былъ самый симпатичный и любезный человѣкъ въ обращеніи, и какъ профессоръ онъ былъ намъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ горячимъ словомъ, которымъ вводилъ насъ въ таинственную даль древняго міра» *****).

Станкевичъ и Аксаковъ говорятъ—сухъ, безжизненъ, а Гончаровъ—вдохновененъ, горячъ... Но достаточно вспомнить солиднаго, всегда аптекарски уравновѣшеннаго Гончарова, чтобы понять, что маленькое отклоненіе въ сторону ему кажется всегда уже серьезнымъ. Что же касается «любезности въ обращеніи», то на вѣжливость На-

*) Ibidem, 212. Въ свое время напечатано не было. Явно говорится о подслуживавшемся къ Каченовскому Надеждинѣ.

**) „Библ. для чтенія“ 1859 г., XII.

***) „Москов. Вѣдомости“, 1856, № 81.

****) К. Аксаковъ, „Воспоминанія студенства 1832—35 годовъ“, „День“ 1862 г. № 40.

*****) „Вѣстн. Европы“ 1887 г., IV, 506.

деждина указываютъ всѣ, но развѣ это достоинство научнаго характера?...

Но, Надеждинъ вообще, оцѣнивается крайне различно, не только какъ профессоръ, но и какъ литераторъ, какъ критикъ, какъ человѣкъ, наконецъ.

Съ одной стороны мы имѣемъ мнѣніе Чернышевскаго, который первый вдругъ такъ раздулъ значеніе Надеждина, что еще и до сихъ поръ, вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, его не могутъ начать оцѣнивать по истинной, очень небольшой стоимости. Для меня совершенно непонятно мнѣніе Чернышевскаго, это просто крупная ошибка, причину которой найти невозможно *).

По мнѣнію Чернышевскаго, спеціалисты по исторіи и этнографіи потому не цѣнятъ статей Надеждина, что онѣ были «глубокомысленнѣе, нежели того требовалось въ его время»; въ философіи Надеждинъ «пошелъ далѣе Шеллинга и приблизился силою самостоятельнаго мышленія къ Гегелю, котораго, какъ по всему видно, не изучалъ», и, вообще, смыслилъ въ философіи больше Кузена, и не только Кузена, а многихъ мыслителей, которые и въ Германіи успѣли пріобрѣсть себѣ извѣстность, какъ самостоятельные ученики того или другого великаго философа» **).

Но этого всего мало. Чернышевскій находитъ, что «всѣ отрасли нравственно-историческихъ наукъ, отъ философіи до этнографіи, были такъ глубоко изучены имъ, какъ рѣдкому спеціалисту удается изучить одну свою частную науку». И, по его словамъ,—«этимъ страшнымъ залогомъ знанія располагалъ умъ необыкновенно сильный, свѣтлый и проницательный, и потому, о чемъ бы онъ ни писалъ, онъ проливалъ новый свѣтъ на предметъ, какой бы науки не касался, двигалъ ее впередъ»... Вотъ какой титанъ былъ Нікодимъ Надоумко... Но Чернышевскому и этого мало. Онъ утверждаетъ, что «рѣшительно никто въ тогдашней нашей литературѣ не могъ быть достойнымъ противникомъ Надеждину», что «онъ одинъ тогда понималъ вещи въ ихъ истинномъ видѣ», но что его не понялъ никто: и потому, что онъ высказывалъ истину очень горькую для тѣхъ, кому говорилъ ее, и потому, что высказывалъ ее горько, и болѣе всего потому, что основанія, на которыхъ опирались его приговоры, были незнакомы никому»... ***).

Впрочемъ, Чернышевскій самъ же ставитъ два «но». Одно—Надеждинъ явился слишкомъ рано для публики и литературы. Другое—

*) С. А. Венгеровъ думаетъ, что одной изъ нихъ была ссылка Надеждина (о чемъ подробно ниже) и, слѣдовательно, его пострадавшая фигура, но вѣдь Чернышевскій не могъ не знать, что продѣлывалъ Надеждинъ въ Петербургѣ послѣ ссылки...

**) „Очерки гегелевскаго періода etc", Спб. 1892 г., 173, 197, 198.

***) Ibidem, 174, 192, 194—195.

онъ явился слишкомъ рано и для себя. Образъ мыслей его не совершенно еще установился въ то время, когда онъ началъ свою литературную дѣятельность. Основныя воззрѣнія его были тверды и справедливы; но много осталось еще въ немъ слѣдовъ прежняго образованія, и почти вся его послѣдующая журнальная дѣятельность представляется, какъ исторія постепеннаго его освобожденія отъ различныхъ остатковъ той «старой трухи» (по его выраженію), которая такъ связываетъ движенія мысли. Въ началѣ онъ часто, самъ того не замѣчая, выражалъ понятія, несообразныя съ его истиннымъ образомъ мыслей, съ его основными идеями» *). Однако, они не помѣшали ему признать Надеждина основоположникомъ нашей критики и «образователемъ» Бѣлинскаго.

Относительно «образованія» Надеждинымъ Бѣлинскаго у насъ рѣчь еще впереди, а сейчасъ мы остановимся на другихъ мнѣніяхъ Чернышевскаго, сравнивъ ихъ съ прочими голосами.

На первомъ мѣстѣ надо поставить мнѣніе умершаго М. М. Филиппова, большого знатока и философской литературы и развитія философской мысли въ Россіи. Спустя сорокъ лѣтъ со смерти Надеждина и шестьдесятъ—со смерти его, какъ журналиста, слѣдовательно, при свѣтѣ массы данныхъ и обстоятельствъ, совершенно неизвѣстныхъ Чернышевскому, Филипповъ категорически, съ доказательствами въ рукахъ, утверждаетъ, что «никакой настоящей силы, даже какъ профессоръ, Надеждинъ не представлялъ»; это былъ «неглубокій, хотя и начитанный ученый съ большой претензіей на настоящій здравый смыслъ», въ области же философско-этическихъ теорій Надеждинъ 1828—31 годовъ «не поднялся выше туманныхъ и высокопарныхъ фразъ»; сказанное же въ 1831—33 гг. «было уже собственностью литературныхъ и философскихъ кружковъ». По мнѣнію Филиппова, «Надеждинъ, безспорно, сдѣлалъ вкладъ въ исторію русской литературы и бѣдной русской философіи,—хотя и не такой огромный и неоцѣнимый, какъ думаютъ его почитатели. Напротивъ того, оцѣнить въ этомъ случаѣ вовсе не такъ трудно. Не обладая настоящимъ остроуміемъ, которое свойственно лишь крупнымъ талантамъ, Надеждинъ соединялъ большую эрудицію съ умѣньемъ вышучивать все, что ему попадалось подъ руку—и этихъ средствъ было бы вполнѣ достаточно для борьбы съ третьестепенными талантами, съ маленькими русскими Байронами, съ такими «бурными геніями», какимъ былъ, напр., Кукольникъ и частью Полевой. Но какъ только Надеждинъ пытался подняться выше и тѣмъ же тономъ третировалъ не только Пушкина, но и Байрона и Гете, онъ просто городилъ смѣшной и пошлый вздоръ» **).

*) Ibidem, 200.

**) „Судьбы русской философіи", „Рус. Богатство", 1894 г., IX.

Много похожаго сказалъ и г. Ивановъ, изслѣдователь исторіи русской критики, которому особенно удались именно 1830-ые и 1840-ые годы. По его мнѣнію, Надеждинъ не обладалъ тонкой, воспріимчивой, художественно-богатой натурой и потому «на университетской каѳедрѣ и въ журналистикѣ явился новый дѣятель въ общемъ стараго типа, лишній тормазъ для русскаго творчества со стороны схоластики, для русской критики со стороны притязательной, нетерпимой учености». Конечно, изъ этого нельзя дѣлать выводъ о томъ, что у Надеждина не было ни одной положительно полезной мысли и что онъ не сказалъ ни одного прочнаго слова. Нѣтъ, «Надеждинъ, какъ и всѣ, стоялъ у источника великихъ идей, и было бы странно, если бы ни одной капли живой воды не попало въ мутныя волны его писаній».

Оставаясь исключительно въ точно опредѣленныхъ предѣлахъ той эпохи и судя сравнительно и относительно, принимая за высшую мѣру современниковъ самого критика, г. Ивановъ дѣлаетъ вполнѣ, по моему, правильное заключеніе: «Надеждинъ въ общемъ ниже своего поколѣнія». «Нѣкоторыя идеи онъ довольно прочно усвоилъ отъ своихъ старшихъ современниковъ, хотя и не вполнѣ послѣдовательно. Но это какъ разъ идеи—труизмы, нисколько не стоящія такой напряженной широко - вѣщательной риторики. Другія, несравненно болѣе жизненныя и по времени спорныя, но явно прогрессивныя и для будущаго литературы властныя не удостоились ни признанія, ни даже должнаго вниманія со стороны профессора» *).

Пыпинъ и г. Венгеровъ признаютъ въ Надеждинѣ сильный, но холодный умъ, а второй изъ нихъ, кромѣ того, замѣчаетъ: «Надеждину было рѣшительно все равно, чѣмъ бы ни заниматься. Во все онъ вносилъ одну и ту же огромную энергію, одинъ и тотъ же блескъ ума и знаній, но и одинъ и тотъ же внутренній холодъ, безъ малѣйшаго сожалѣнія мѣняя одну область знанія и дѣятельности на другую» **). Какъ увидитъ читатель, это замѣчаніе необыкновенно вѣрно.

Теперь намъ необходимо разобраться, по возможности, въ справедливости указанія Чернышевскаго на роль Надеждина, какъ «образователя» Бѣлинскаго.

Послѣдній сначала слушалъ лекціи Надеждина, а въ посту 1833 г. и лично съ нимъ познакомился, сразу начавъ дѣятельно участвовать въ собственныхъ изданіяхъ своего бывшаго профессора. Въ началѣ августа 1834 года Бѣлинскій перебрался къ Надеждину на жительство и чувствовалъ тамъ себя недурно. На новой своей квартирѣ онъ заканчивалъ «Литературныя мечтанія», въ которыхъ нѣкій Прозоровъ брался чуть ли не по строчкамъ указать, что тамъ принадлежитъ

---

*) Ив. Ивановъ, „Исторія русской критики", ч. I и II, Спб. 1898 г., 330, 347—348, 357.

**) „Полное собр. соч. Бѣлинскаго", подъ ред. С. Венгерова, т. I, 407.

самому Бѣлинскому, а ни его вдохновителю и учителю... По мнѣнію Пыпина, въ личномъ знакомствѣ съ Надеждинымъ нашъ великій критикъ «нашелъ первую систему теоретическихъ понятій, первое основаніе, съ котораго началось прочное и послѣдовательное развитіе его мнѣній». Въ другомъ мѣстѣ Пыпинъ оговаривается: «Дѣло, сдѣланное Надеждинымъ, стало вкладомъ въ цѣлую литературу, и отношеніе къ нему Бѣлинскаго не было, поэтому, какимъ-нибудь личнымъ заимствованіемъ, подраженіемъ ученика учителю, а просто продолженіемъ *впередъ* дѣла, оставленнаго предшественниками» *).

Ту же мысль поддерживаетъ и г. Милюковъ **).

Категорически противъ какого бы то ни было вліянія высказываются Филипповъ, г. Ивановъ и Венгеровъ. По мнѣнію перваго изъ нихъ, достаточно сопоставить хронологическія статьи Надеждина съ сочиненіями Галича, Давыдова, Павлова, Кирѣевскаго, Веневитинова, Одоевскаго, чтобы отыскать ту общую почву, на которой выросла и критика Бѣлинскаго, и учено-литературная дѣятельность Надеждина. Если даже допустить, что для Бѣлинскаго Надеждинъ былъ первымъ источникомъ ознакомленія съ германской философіей (что невѣрно, потому что такимъ источникомъ былъ и Павловъ, и Давыдовъ, и многіе другіе), то, во всякомъ случаѣ, не Надеждинъ познакомилъ Бѣлинскаго съ *русской* литературой, а эта литература и была для Бѣлинскаго матеріаломъ, позволившимъ ему такую самостоятельную переработку германскаго идеализма, о которой Надеждинъ не могъ и думать, просто потому, что не обладалъ ни художественнымъ чутьемъ, ни критическимъ геніемъ Бѣлинскаго» ***). «Если ужъ говорить о вліяніи Надеждина на Бѣлинскаго,—замѣчаетъ еще Филипповъ,—то я, въ свою очередь, выскажу предположеніе, кажется, недалекое отъ истины, а именно, что это вліяніе выразилось исключительно въ отрицательную сторону, подѣйствовавъ на Бѣлинскаго въ смыслѣ враждебномъ французскому ново-романтизму, даже въ лицѣ его лучшихъ представителей» ****).

Выводъ этотъ повторяетъ и г. Венгеровъ, но у него, несомнѣнно, ошибочная постановка вопроса: всѣ, говорящіе о «вліяніи», не имѣютъ въ виду нравственнаго вліянія, потому что каждому ясна пропасть, раздѣляющая въ этомъ смыслѣ Бѣлинскаго и Надеждина, а говорятъ исключительно объ умственномъ вліяніи, поэтому всѣ возраженія г. Венгерова, построенныя на невозможности именно нравственнаго вліянія, ломятся въ открытую дверь.

Что касается г. Иванова, то онъ очень кратокъ и ясенъ: «Надеждинъ далъ Бѣлинскому только то, что самъ получилъ отъ герман-

*) „Бѣлинскій etc“, I, 68—69, 98.

**) „Надеждинъ и первыя критическія статьи Бѣлинскаго“, сбор. „На славномъ посту“, Спб. 1900 г.

***) н. с., 158.

****) Ibidem, 168.

ской философіи, и что студентъ съ талантомъ и трудолюбіемъ Бѣлинскаго въ эпоху тридцатыхъ годовъ могъ найти во множествѣ другихъ источниковъ, несравненно болѣе свѣтлыхъ, чѣмъ статьи Надеждина» *).

Но, чтобы взять ту или другую сторону въ этомъ спорѣ, необходимо выслушать самаго Бѣлинскаго. Онъ былъ всегда благодаренъ и выражалъ свою благодарность открыто всѣмъ тѣмъ, кто помогъ ему стать на путь знаній и развитія. Между тѣмъ, вотъ что пишетъ онъ о своемъ «образователѣ»:

«Г. Надеждинъ началъ свое литературное поприще въ «Вѣстникѣ Европы», и началъ борьбою противъ романтизма. Въ первыхъ статьяхъ своихъ онъ явился псевдонимомъ Надоумкою; но когда были напечатаны отрывки изъ его диссертаціи, писанной для полученія степени доктора, всѣ узнали, что Надоумко и г. Надеждинъ—одно лицо Статьи Надоумка отличались особенною журнальною формою, оригинальностью, но еще чаще странностью языка, бойкостью и рѣзкостью сужденій. Какъ въ нихъ, такъ и въ диссертаціи, можно было замѣтить, что противникъ романтизма понималъ романтизмъ лучше его защитниковъ и *былъ не совсѣмъ искреннимъ поборникомъ классицизма такъ же, какъ и не совсѣмъ искреннимъ врагомъ романтизма*. Г. Надеждинъ первый сказалъ и развилъ истину, что поэзія нашего времени не должна быть ни класическою (ибо мы не греки и не римляне), ни романтическою (ибо мы не паладины среднихъ вѣковъ); но что въ поэзіи нашего времени должны примириться обѣ эти стороны и произвести новую поэзію. Мысль справедливая и глубокая:—г. Надеждинъ даже хорошо и развилъ ее. Но тѣмъ не менѣе, она немногихъ убѣдила и не вошла въ общее сознаніе. Много причинъ было этому, а главныя изъ нихъ: *какая то неискренность и непрямота въ доказательствахъ, свойственная докторанту, а не доктору*, **) *и явное протчворѣчіе между воззрѣніемъ г. Надеждина иихъ примѣненіемъ*. Г. Надеждинъ, понимая, что классическое искусство было только у грековъ и римлянъ называя французскую поэзію псевдоклассическою, не естественною и надутою, *въ то же время* съ благоговѣніемъ произносилъ имена Корнеля, Расина и Мольера и смѣло цитировалъ риторическіе стихи Ломоносова, Петрова, Державина и Мерзлякова ***), увѣряя, что въ нихъ то и заключается всяческая поэзія. Далѣе, очень хорошо нонимая, что Шекспиръ, Байронъ, Гете, Шиллеръ, Пушкинъ совсѣмъ не романтики, но представители новѣйшей поэзіи, онъ съ ожесточеніемъ глумился надъ ними, какъ надъ нечестивыми романтиками, и смѣшивалъ ихъ съ героями юной французской литературы. *Это противорѣчіе едва-ли не было умышленно, въ уваженіе невѣрныхъ отношеній докторанта, желающаго быть докторомъ, и потому, по мѣрѣ возможности, не желаю-*

---

*) н. с., 333.

**) Прозрачный намекъ на пресмыкательство передъ Каченовскимъ.

***) Мерзляковъ въ то время былъ деканомъ словеснаго факультета, т.-е. человѣкомъ тоже очень нужнымъ Надеждину.

щаго противорѣчить закоренѣлымъ предубѣжденіямъ докторовъ. По этой уважительной причинѣ г. Надеждинъ вооружился противъ Пушкина всѣми аргументами своей учености, всѣмъ остроуміемъ своихъ «надоумочныхъ» или—какъ говорили тогда его противники—«недоумочныхъ» статей. Время и мѣсто не позволяютъ намъ распространиться о его *подвигахъ* въ ратованіи противъ Пушкина, ибо эта длинная и притомъ забавная и замѣчательная исторія, которую мы предоставляемъ себѣ разсказать въ другое время, какъ скоро представится удобный случай. Теперь же скажемъ только, что, сдѣлавшись докторомъ и получивъ каѳедру, г. Надеждинъ сдѣлался журналистомъ—и *совершенно измѣнилъ свои литературные взгляды и даже ороографію*: вмѣсто «эсѳетической» и «энѳузіазмъ» сталъ писать «эстетической» и «энтузіазмъ»; разбирая «Бориса Годунова», заговорилъ о Пушкинѣ уже другимъ тономъ, хотя и осторожно, чтобъ не слишкомъ рѣзко противорѣчить своимъ «недоумочнымъ» и «эсѳетическимъ» статьямъ *).

Ясно, что Бѣлинскій не считаетъ себя ничѣмъ обязаннымъ Надеждину **).

Обратимся теперь къ біографіи Надеждина, опуская пока все, что касается, открытаго имъ въ 1831 году, собственнаго журнала.

Въ серединѣ 1832 г. онъ получилъ разрѣшеніе на продолжительную поѣздку, по болѣзни, за-границу и, пробывъ тамъ полгода, пожилъ въ Италіи, Германіи и Франціи. По словамъ самого Надеждина, онъ неоднократно бесѣдовалъ въ Геттингенѣ съ Гереномъ, Мюллеромъ, Рауль-Рошеттомъ; наглядно изучилъ итальянскіе древніе памятники и, вообще, не оставлялъ ничего, что было связано съ занимаемой каѳедрой. ***).

Въ 1833 году въ «Ученыхъ запискахъ Императорскаго московскаго университета» (ч. I) Надеждинъ помѣстилъ свою рѣчь «О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ», сказанную въ торжественномъ университетскомъ собраніи 6 августа 1834 года; ему было объявлено за это Высочайшее благоволеніе ****).

Неоднократно ему приходилось ревизовать учебныя заведенія; такъ, въ 1833 г. Надеждинъ осмотрѣлъ московскую гимназію, а въ 1834—тверскую, всѣ уѣздныя и приходскія училища Твери, Торжка, Вышняго-Волочка и Клина, Рязанской и Тверской губ., и Москвы. Отчетъ

---

*) „Сочиненія“, I., 413—414. Курсивъ мой.

**) Я нигдѣ не упомянулъ о статьѣ г. Трубачева—„Предшественникъ и учитель Бѣлинскаго“ („Истор. Вѣстникъ“) 1889 г. VIII и IX), потому что въ ней не только нѣтъ, что называется, своей строки, но и чужое скопилировано такъ, какъ это только и умѣетъ дѣлать г. Трубачевъ.

***) Любопытно, что другъ Надеждина, М. А. Максимовичъ, отрицаетъ его поѣздку въ 1832 году („Москвитянинъ“, 1856, III, стр. 226). Н. Поповъ о ней свѣдѣній въ архивѣ университета не нашелъ.

****) *Н. Поповъ*, н. с. 15.

о ревизіи, по обыкновенію, былъ представленъ попечителемъ министру. Уваровъ нашелъ, что Надеждинъ «не только представилъ подробныя свѣдѣнія объ осмотрѣнныхъ имъ училищахъ, но и сдѣлалъ полезныя для благоустройства оныхъ замѣчанія и весьма основательныя предположенія для улучшенія хода преподаванія», и объявилъ ему 17 іюля (1834 года) свою признательность. Но этого мало: какъ за службу въ университетѣ, такъ и за ревизію училищъ Надеждину была пожалована, по удостоенію комитета министровъ, 16 апрѣля 1835 г. награда въ 1000 рублей, а 15 мая онъ получилъ вторичную признательность Уварова... *)

Факты эти очень важны, вообще, а въ сопоставленіи съ тѣмъ, что будетъ сказано ниже, и особенно.

Въ 1836 г. каѳедра изящныхъ искусствъ и археологіи, на основаніи устава 1835 г., подлежала упраздненію, а потому Надеждинъ заблаговременно оставилъ университетъ.

Теперь, чтобы довести біографію его до 1836 года, когда жизни Чаадаева и Надеждина дали весьма оригинальное пересѣченіе, намъ остается сказать нѣсколько словъ объ его частной жизни.

Онъ познакомился, между прочимъ, въ Москвѣ съ домомъ Кобылиныхъ, поселился у нихъ и увлекся дочерью ихъ, Е. В. Кобылиной. Она, однако, считала бракъ съ профессоромъ-семинаромъ mesaliance'омъ. Надеждинъ рѣшилъ тогда перемѣнить свою службу и сдѣлаться губернаторомъ, вице-губернаторомъ или, въ крайнемъ случаѣ, прокуроромъ. Подано было прошеніе объ отставкѣ, и Надеждинъ поѣхалъ въ Петербургъ, надѣясь тамъ устроить быстро и отставку и опредѣленіе на свое желаемое мѣсто. Тамъ, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Княжевичемъ, онъ рѣшилъ сначала остаться въ Петербургѣ, потомъ — проѣхаться по Европѣ, чтобы приготовить себѣ дорогу къ видной карьерѣ. Съ нимъ собирались ѣхать Д. Княжевичъ и К. С. Аксаковъ, но послѣдній потомъ отдумалъ... Чѣмъ выразилась въ это время любовь— неизвѣстно. Говорятъ, что Е. В. Сухова-Кобылина охладѣла къ Надеждину... Во всякомъ случаѣ, этотъ фактъ не былъ безъ вліянія на Надеждина... Вернувшись въ концѣ 1835 года изъ-за-границы, онъ не забылъ свою любовь **)...

Мих. Лемке.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Ibidem, 26—32, 40.

**) Сколько-нибудь правдоподобныя данныя объ отношеніяхъ къ Е. В. заимствованы могутъ быть только изъ „Рус. Архива“ 1885, II. 573—583. Все, что разсказывалъ, напр., Н. Н. Мурзакевичъ („Рус. Старина“ 1887, VI, 661)—просто вздоръ.

Робко солнце лучъ бросаетъ
Сквозь узорную листву
На стволы березъ высокихъ,
На душистую траву.
Лѣсъ угрюмый наклонился
Надъ спокойной гладью водъ
И зелеными вѣтвями
Въ полуснѣ не шелохнетъ.
Подожди: закатъ угаснетъ,
Встанетъ полная луна,
Ночь сойдетъ къ землѣ усталой
Ароматна и ясна.
И затихнутъ скорбь и мука
И сольются сердца сны
Съ чудной пѣсней, съ пѣсней звучной
Возрождающей весны.

А. Чер—въ.

---

* * *

Нѣтъ, мой другъ, какъ бы ни было счастье полно.
Какъ бы намъ небеса ни сіяли,
Но отъ долгой минувшей печали
Все-жъ осталося скорби зерно...
Можетъ быть, то одна изъ оплаканныхъ грезъ,
Схороненная въ сердцѣ, застыла...
И душа глубоко затаила
Дорогую жемчужину слезъ.
И хоть старыя раны закрылись давно —
Память слѣдъ ихъ хранитъ поневолѣ...
Но безъ этой умолкнувшей боли,
Наше счастье не было-бъ полно.

Г. Галина.

ГНѢВЪ.

Разсказъ.

I.

Лицо Ноеха, постоянно выражавшее безпокойство и хлопотливую заботу, въ послѣднее время пріобрѣло отпечатокъ особенно напряженной тревоги.

Снова, и съ небывалой остротой, всталъ вопросъ объ опредѣленіи Менашки въ учебное заведеніе. Четыре года къ ряду мальчикъ экзаменовался въ гимназіи и въ реальномъ училищѣ, выдерживалъ на пятерки, но въ процентную норму не попадалъ и оставался за стѣнами школы. Въ прошломъ году принятіе казалось обезпеченнымъ: испытанія Менашка выдержалъ блистательно, держалъ онъ въ четвертый разъ и, вмѣсто третьяго класса, куда собственно экзаменовался, готовъ былъ поступить хоть во второй. Предпочтеніе передъ другими конкурентами, по совѣсти, да и по установившемуся обычаю, слѣдовало отдать ему. Такъ именно и случилось бы; но въ дѣлѣ заинтересованъ былъ Зильбервасеръ, первый мѣстный подрядчикъ и ростовщикъ, и Менашка снова оказался побѣжденнымъ...

— Вамъ къ его превосходительству или ко мнѣ?—спросила Зильбервасера жена директора, когда ростовщикъ появился въ передней директорской квартиры.

Дама была молодая, тоненькая, изящная. Пышные волосы красивыми полосами симметрично ложились по обѣ стороны яснаго лба и на уши и отливали растопленнымъ золотомъ. Голубые глаза смотрѣли наивно и съ лаской, и такой непорочностью, такой небесной чистотой и невинностью звучалъ ея голосъ, что видавшій разные виды старый и тертый дѣлецъ Зильбервасеръ на мгновеніе почувствовалъ глубокую оторопь.

— Не можетъ быть,—быстро пронеслось у него въ головѣ:—наврали... нарочно сказали... подвести хотѣли, на скандалъ натолкнуть... погубить... чтобы меньше однимъ конкурентомъ осталось...

— Къ вамъ, сударыня, — ни живой, ни мертвый, заикаясь и съ дрожью проговорилъ онъ, наконецъ.

— Пожалуйте.

И въ этомъ «пожалуйте» тоже звучала чистота молитвы и сіяніе весны... Но уже встрепенулась чуткая душа вороватаго подрядчика... Что то почуяла она, что то уловила, — далекое и будто родное...

Черезъ нѣсколько минутъ Зильбервасеръ выходилъ изъ будуара директорши, и лицо у него было спокойное, довольное.

Менашка и на этотъ разъ оказался непринятымъ.

II.

— Невозможно жить, невозможно жить! — сумрачно стоналъ Ноехъ.

— Э-тъ, мелочи!—вздергивая кверху брови и разводя руками успокаивалъ его кладбищенскій сторожъ Ехилъ.—Таки-есть изъ за чего волноваться. Все равно!.. Когда помрутъ, то всѣ лежатъ одинаково неподвижно. Это я вамъ говорю: въ этомъ я-таки кое-что понимаю...

— Пусть Богъ меня не накажетъ за мои слова, но я рѣшительно ничего не понимаю въ его распоряженіяхъ,—раздраженно продолжалъ Ноехъ.—«Избранный народъ, избранный народъ»... не то что избранный, а послѣдній изъ послѣднихъ народовъ, и тотъ долженъ жить по-человѣчески... Я не понимаю! Лошадь — она имѣетъ свое сѣно; червякъ—свою падаль; лягушка—свое болото, и только человѣкъ не имѣетъ того, что ему нужно.

— Ничего,—тянулъ Ехилъ:—до смерти какъ-нибудь доживемъ.

— Человѣку нуженъ свѣтъ, онъ хочетъ знать, хочетъ учиться, а учиться не даютъ.

— Таки паскудно; кто говоритъ «нѣтъ?..» Мой Лейбка не можетъ попасть даже въ городское училище,—о гимназіи я ужъ и не мечтаю,—но я терплю. Терплю себѣ... И у меня же, кромѣ того, еще нѣтъ денегъ, чтобы брать учителя. А я терплю. Вотъ я сейчасъ иду клянчить у одного студента, чтобы онъ съ Лейбкой занимался хоть два раза въ недѣлю. Что дѣлать, когда та барышня, которая до сихъ поръ учила Лейбку, получила теперь тифъ?

— Вотъ вамъ еще Божья справедливость!—гнѣвно подхватилъ Ноехъ.—Получила тифъ? Ну, скажите мнѣ, за что? За что слѣдуетъ, чтобы тифъ получила именно она? За то, что она дѣлаетъ доброе дѣло? за то, что она даромъ учитъ бѣдныхъ дѣтей?.. Нѣтъ, нѣтъ, не разсказывайте мнѣ,—добавлялъ онъ, перемѣняя

тонъ — неправильное что то есть въ машинѣ, какіе-то винты неправильные въ ней... Кто прохвостъ, кто разбойникъ, кто съ людей шкуру сдираетъ, такъ у того ажъ черезъ бороду течетъ— до того онъ всяческими радостями обожрется. А кто трудится и горбомъ своимъ добываетъ себѣ пропитаніе, тотъ постоянно видитъ смерть передъ глазами...

Съ сопѣніемъ, кряхтя и напрягаясь, принимался Ноехъ разгружать привезенную телѣгу антрацита, а сторожъ Ехилъ задумчиво оглядывалъ свои тяжелые, покрытые толстымъ слоемъ засохшей грязи, сапоги.

Онъ былъ боленъ, этотъ Ехилъ, и старъ, и хромъ. Лѣвая нога его когда то, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, была сломана, на ней образовалась язва, незаживавшая въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ, и отъ этого нога приняла видъ дуги. Теперь, когда Ехилъ стоялъ, ноги его изображали фигуру, напоминавшую французскую букву D... Вся семья Ехила, довольно многочисленная, вымерла, и оставалась у него одна только чахоточная дочь, вдова, съ двумя дѣвочками, тоже чахоточными, да внукъ Лейбка, у котораго не было матери, и отецъ котораго, солдатъ въ запасѣ, былъ взятъ на войну... Лицо у Ехила было равнодушное, тупое. Безчисленныя бѣдствія придавили мозгъ этого человѣка, и онъ мало реагировалъ на явленія жизни. Онъ уже спокойно переносилъ всю тяжесть и боль своего существованія,—и порою самъ же на себя за это ворчалъ.

— Уже и не человѣкъ сталъ... окаменѣлъ, сердце окаменѣло...

Гнѣвные протесты Ноеха шевелили его, будили въ немъ что то злое, и онъ приходилъ въ состояніе глухой и смутной тревоги. И это состояніе нравилось сторожу. Онъ охотно посѣщалъ лавочника, усердно дразнилъ его постоянными заявленіями, что «все мелочи», что мертвые всѣ лежатъ одинаково неподвижно, онъ вызывалъ его этимъ на протесты, которыхъ самъ родить не могъ, и потомъ протестами наслаждался.

А Ноехъ отъ гнѣвныхъ рѣчей своихъ уставалъ до крайности, сердце его начинало биться сильно и нервно, и лицо блѣднѣло. И, когда разсужденія прерывались, онъ впадалъ въ тоску,—такую глубокую, такую тяжелую, что временами онъ близокъ бывалъ къ полному отчаянію.

Ноеху было лѣтъ тридцать пять. Онъ былъ человѣкъ чахлый, тощій, съ сѣрымъ цвѣтомъ лица, съ всклокоченной черной и уже значительно посѣдѣвшей бородой, съ темными, тревожными глазами. Уже нѣсколько лѣтъ носилъ онъ одну и ту же мягкую, каштановаго цвѣта шляпу, шведскую кожаную куртку и большой синій фартукъ съ нагрудникомъ, сильно засаленный и промасленный.

У него была порядочная лавочка, которую онъ создалъ изъ «ничего»,—изъ грошовой торговли «въ разносъ» сѣмечками и пряниками. Лавочка не только прокармливала его многочисленную семью, но давала еще возможность дѣлать кое-какія сбереженія.

— Еще двѣсти тридцать рублей выплатить,—разсчитывалъ вмѣстѣ съ женой своей, Малкой, лавочникъ,—и нашъ выигрышный билетъ будетъ чистъ.

— А когда ты такую сумму выплатишь? Черезъ сто лѣтъ,— печально улыбалась Малка.

— Ну, можетъ и немножко раньше... И ты увидишь, что мы еще большой выигрышъ выиграемъ, вотъ увидишь.

Лавочка существовала уже тринадцатый годъ. Въ угловомъ большомъ домѣ снялъ Ноехъ небольшую конурку въ подвальномъ этажѣ, изъ окна сдѣлалъ дверь, передъ дверью сколотилъ изъ досокъ навѣсъ, и здѣсь открылъ торговлю квасомъ, пряниками и сѣмечками. Товару было рублей на восемь, на десять, а покупателями были почти исключительно дѣти и прислуга. Постепенно «дѣло» расширялось. Малка и Ноехъ на спинѣ своей носили съ привоза мѣшки съ солью, съ мукой, съ дынями и арбузами, пучки луку, редиски или нанизанную на веревочку сушеную тарань, — и все это тоже поступало въ продажу. Зимой товаръ былъ уже иной: халва, квашеные помидоры, полѣнья дровъ и небольшими количествами каменный уголь...

Жилъ Ноехъ почти впроголодь и всѣ заработки вкладывалъ въ дѣло. И оно все разросталось и разросталось. Года черезъ три у него образовалась уже «настоящая» бакалейная лавочка. Навѣсъ онъ сдѣлалъ хорошій, просторный, собственноручно выкрасилъ его веселой охрой, — и всѣ полки въ немъ заполнилъ товаромъ. Много товару было и въ заднемъ помѣщеніи.

Ноехъ, какъ онъ самъ выражался, «угадалъ мѣсто». Торговое предпріятіе его отвѣчало живой потребности, и потому скоро нашлись конкуренты: черезъ дорогу открылась другая лавочка,— и съ такимъ же навѣсомъ, а подъ бокомъ третья. Эта послѣдняя, впрочемъ, скоро закрылась. Съ однимъ же конкурентомъ Ноехъ кое-какъ справлялся и существовалъ все-таки безбѣдно.

Онъ могъ бы даже позволить себѣ нѣкоторыя удобства, но онъ строго воздерживался отъ «роскоши», и какъ и раньше семья его ютилась въ двухъ смрадныхъ подвальныхъ каморкахъ, и какъ и раньше она скудно питалась, и какъ раньше вставалъ онъ вмѣстѣ съ Малкой, на разсвѣтѣ и, надрываясь, тащилъ на узкихъ плечахъ, на впалой груди, тяжелые мѣшки съ товаромъ...

Зарождались у Ноеха смѣлые планы насчетъ большого бакалейнаго магазина,—не подъ навѣсомъ, не въ подвалѣ, а «какъ

слѣдуетъ»,—въ домѣ чиновника Ѳомина, черезъ дорогу, гдѣ былъ приличный флигелекъ съ крылечкомъ и большими красивыми окнами. Эти планы назрѣвали, выяснялись, опредѣлялись все ярче, и уже недалекъ былъ часъ ихъ осуществленія. Но случился въ городѣ погромъ, и навѣсъ Ноеха былъ разбитъ и разграбленъ.

Собственно, настоящаго погрома,—съ убійствами, съ изнасилованіемъ дѣвушекъ, съ изувѣченіемъ дѣтей и стариковъ,—не было. Была только непродолжительная, увеселительная прогулка громилъ. Но и этого было достаточно...

Снова пришлось начинать.

Снова пришлось торговать однимъ лишь квасомъ и сѣмечками, снова надо было изъ слезъ, изъ пота и крови своей, изъ мозга костей своихъ, изъ ночей тревожныхъ, изъ дней судорожныхъ выковывать копѣйки и пятаки, и изъ мѣдныхъ монетъ этихъ строить прежнюю лавочку.

И, когда черезъ нѣсколько лѣтъ она была выстроена, опять вышли потѣшить свое сердце громилы, и опять все благополучіе Ноеха было снесено до основанія...

И въ третій разъ, и все на томъ же мѣстѣ, съ начала началъ онъ свою работу...

Торговля шла недурно, по-прежнему. Но уже мечтать о томъ, чтобы подняться, чтобы замѣнить навѣсъ магазиномъ, а подвальную конуру—человѣческой квартирой, нельзя было.

Семья у Ноеха увеличивалась; дѣти рождались, дѣти умирали, пришелъ на постоянное жительство ослѣпшій отецъ; пришла съ четырьмя маленькими дѣтьми сестра, мужъ которой уѣхалъ въ Америку. Все труднѣе и тяжелѣе становилось Ноеху, и уже и онъ, и Малка до времени состарѣлись и отжили, и всѣ надежды ихъ были только въ дѣтяхъ.

Можетъ быть, выйдетъ въ люди Менаша, можетъ быть, онъ поможетъ... Но пока что, надо помогать ему. Надо вывести его изъ темной трущобы подвальнаго этажа, изъ бакалейной лавочки, надо сдѣлать такъ, чтобы ужъ онъ торговцемъ не былъ, чтобы ужъ его спина и грудь не знали, что это такое—связанные и перекинутые черезъ ноющее плечо мѣшокъ съ картофелемъ и корзина съ хлѣбомъ,—съ хлѣбомъ, который ѣсть будетъ другой...

Только отъ мальчика могло прійти избавленіе. Самому ужъ не выбиться и не встать,—это Ноехъ видѣлъ ясно.

Каждый разъ, когда со страхомъ, и съ надеждой, онъ тихо отдѣлялся отъ нищеты и пробовалъ подняться, каждый, разъ кто-то веселый и довольный размашисто ударялъ его сверху, по самому темени, и онъ мгновенно, безъ стоновъ, безъ слезъ, опускался внизъ.

Каждый разъ.

III.

Въ одиннадцатомъ часу Ноехъ закрылъ лавочку и сталъ готовить себѣ постель,—во дворѣ на землѣ.

Все населеніе дома состояло изъ ремесленниковъ, мелкихъ служащихъ и людей, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій. Въ теченіе дня всѣ эти люди трудились, волновались, унижались. всячески страдали. У недолгой ночи они просили отдыха и покоя. Спали на дворѣ. Въ квартирахъ было тѣсно, грязно, душно, а во дворѣ тоже грязно, и тоже душно, но, по крайней мѣрѣ, не тѣсно...

— Заснулъ уже, лайдакъ! — грозно накинулся вдругъ Ноехъ на Менашку, который сидѣлъ вытянувъ впередъ ноги, на большомъ зеленомъ сундукѣ.—Учись!

— Я учусь, папаша!—кротко отозвался мальчикъ, подбирая выпавшія изъ рукъ книжки.

— Повторяй!

Голосъ Ноеха, усталый и хриплый, пропитанъ былъ злымъ раздраженіемъ, а глаза смотрѣли какъ-то особенно враждебно.

— Траться на тебя, на шарлатана, жилы изъ себя мотай, а что изъ этого выйдетъ?

Малка, складывавшая въ сѣняхъ привезенный для продажи возъ арбузовъ, прервала работу и, поднявъ голову, съ безмолвнымъ печальнымъ укоромъ посмотрѣла на мужа.

— Ну, да, потакай ему!—топнулъ ногой Ноехъ.—Заступайся... Конечно, вы правы! Я злой, я жестокій, я катъ и душегубъ, а вы всѣ ангелы, прямо изъ рая сюда прилетѣли. Ну хорошо, пусть онъ не учится, пусть шалопайничаетъ! Я мѣшать не стану... Развѣ ему будетъ плохо, если онъ провалится на экзаменахъ? Развѣ ему будетъ скверно, если онъ останется необразованнымъ, хамомъ, мазепой, биндюжникомъ?.. Конечно, нѣтъ!.. Это я вѣдь для себя хочу, чтобы онъ учился!.. Это вѣдь мнѣ будетъ хорошо, если онъ будетъ докторъ!..

На тощемъ лицѣ Малки, тускло освѣщенномъ небольшой лампочкой, появилось выраженіе глубокой боли.

— Дитя цѣлый день работаетъ, какъ каторжный, вполголоса сказала она:—смотри, какъ онъ измученъ...

— А чортъ бы васъ похваталъ всѣхъ, лѣнтяевъ и бездѣльниковъ!—крикнулъ Ноехъ и махнулъ рукой. Если бы уже поскорѣе Богъ меня избавилъ отъ васъ, чтобы вы сгорѣли!

Онъ съ ожесточеніемъ швырнулъ подушку на землю и легъ. Ему было тяжело, больно и досадно.

И стыдно было ему, стыдно передъ женой и передъ сыномъ, котораго онъ упрекалъ и проклиналъ, и къ которому чувствовалъ

глубокое состраданіе и нѣжность. Мальчикъ работалъ свыше силъ, свыше всякой мѣры. Худенькій, нервный, зеленолицый, со скорбными, темными, всегда нѣсколько воспаленными глазами, тринадцатилѣтній человѣкъ этотъ стойко и мужественно несъ тяжкое бремя своей мученической жизни.

Въ смрадной конурѣ, подъ шумъ многочисленной семьи, подъ говоръ покупателей, работалъ онъ цѣлыми днями, работалъ поздно ночью. Онъ курсъ свой зналъ отлично, въ мельчайшихъ подробностяхъ, онъ зналъ многое, что въ курсъ не входитъ, и все повторялъ и повторялъ... Онъ самъ старался поймать себя, старался находить какіе-нибудь вопросы, на которые не могъ бы отвѣтить, находить задачи, которыхъ не сумѣлъ бы разрѣшить. Онъ ехидствовалъ съ собой, хитрилъ, ставилъ себѣ капканы, какъ самый коварный и придирчивый экзаменаторъ, и въ сердце его входила какая-то побѣдная веселость, если онъ изловчался открыть какое-нибудь слабое мѣсто, и сердце его переполнялось тревожной печалью, когда слабыхъ мѣстъ не оказывалось...

Являлось тяжелое недовѣріе къ себѣ, онъ въ безпокойствѣ перелистывалъ трепетной рукой книжку, тетради, и почти со слезами допытывалъ себя:

— Гдѣ-же? Гдѣ?..

Точно кто-то злой и враждебный умышленно вводилъ его въ заблужденіе, предательски скрывалъ всѣ темныя и трудныя мѣста, а тамъ, на экзаменѣ, въ рѣшительную, въ великую минуту мѣста эти вдругъ раскроетъ и разомъ выдвинетъ впередъ... А выдержать нужно на круглое пять, на круглое пять...

И дѣтское сердце билось тревожно и тяжело, и тревожно звучалъ тоненькій голосъ мальчика, и вздохи его были горестны и мучительны...

Курсъ надо было вытвердить такъ, чтобы и со средины умѣть отвѣтить, и съ конца, и съ начала... Мальчикъ повторялъ, повторялъ... Туманъ заволакивалъ сознаніе, притуплялась память, языкъ заплетался и уже мозгъ не соображалъ, и уши не слыхали когда блѣдныя дѣтскія уста осиплымъ, надорваннымъ голосомъ затверживали: «Дарданельскій заливъ... Черноземное море... Дарданельскій заливъ, Черноземное море»...

Наступали грозные дни, мальчикъ шелъ экзаменоваться, онъ экзамены выдерживалъ, — но выступали противъ него тяжелыя острія процентной нормы, и широкая спина богача Зильбервасера, и невинные глаза изящной директорши, и мальчикъ въ гимназію не попадалъ, и опять начиналось самоистязаніе...

А Ноехъ и Малка, и всѣ остальные въ семьѣ все подгоняли мальчика, и требовали, чтобы онъ еще повторялъ, еще повторялъ, еще повторялъ...

Ноехъ не могъ уснуть.

Ночь была душная, безвѣтренная, беззвѣздная.

Посреди двора стоялъ большой ретирадъ и сорный ящикъ съ помойной ямой, и отъ нихъ шелъ тяжкій нестерпимый смрадъ. Захватывало дыханіе и хотѣлось кашлять... Въ нѣкоторыхъ квартирахъ горѣлъ еще свѣтъ, и изъ оконъ, до половины ушедшихъ въ землю, онъ проникалъ въ черноту двора. Кое гдѣ, въ желтоватыхъ полосахъ его, мутно бѣлѣли распластанныя по землѣ фигуры. Мѣстами люди сидѣли и вели неторопливую бесѣду. Усталость чувствовалась въ ея тихомъ умираніи, печаль и скорбное томленіе...

— Живутъ! — злобно думалъ Ноехъ, прислушиваясь къ угасающимъ звукамъ. — Это тоже жизнь!.. Къ чему она? Зачѣмъ? За что?..

Жестокой, незаслуженной казнью представлялось ему это существованіе, лишенное радостей, лишенное простого покоя... Зачѣмъ она, эта жизнь, если человѣкъ вынужденъ умышленно калѣчить себя, свою душу? Если онъ вынужденъ каждый день и часъ подавлять все, что есть въ немъ добраго, человѣчнаго и долженъ развивать въ себѣ несправедливость и какую-то звѣриную злость?..

Вотъ накричалъ онъ на Менашку, жену обидѣлъ... Онъ неправъ, во всемъ неправъ, и знаетъ это, и зналъ это, и все-таки онъ кричалъ, и проклиналъ, и дѣлалъ больно людямъ, тѣмъ людямъ, которые для него дороже всего на свѣтѣ... Горькая жизнь, мучительная. И зачѣмъ она? И за что она?

...Гасли, одинъ за другимъ, огни въ окнахъ, гуще становилась темнота. Небо было черное и страшное, и трудно было понять, очень оно близко, или безконечно далеко... Разговоры во дворѣ замирали, голоса дѣлались тише, глуше... Кто-то зѣвнулъ протяжнымъ, сдержаннымъ зѣвкомъ, кто-то закашлялся старческимъ кашлемъ, гдѣ-то невнятно бормотали тихую молитву... Замолкло все... Погрузился въ сонъ весь дворъ, всѣ бѣдные обитатели его, люди тревогъ, униженія и темныхъ печалей...

— Тссс .. спи, дѣтонька, спи, милая,—тихо прокатилось вдругъ по двору.

И чуть слышная,—точно сквозь вату проходила она,—стала разстилаться во тьмѣ баюкающая пѣсенка. Она была несложная, эта пѣсенка, и нѣжно-печальная, и слова ея были радостныя и свѣтлыя,—и они были лживы.

Про золотого козлика были слова, про козлика, который будетъ торговать изюмомъ и миндалемъ, а дитя въ это время выростетъ, и здоровенькое, свѣжее будетъ учить Господню Тору и будетъ творить угодныя Богу дѣла.

Спи же, дитятко, спи,
Спи же, милое, спи,—

пѣла мать и осторожно толкала она корыто, въ которомъ лежалъ дитя. А дитя,—точно чувствовало оно несбыточность материнскихъ мечтаній,—не стихало и все плакало, и все плакало, и все плакало, жалобно, мучительно плакало...

Ноехъ лежалъ на спинѣ и съ враждой въ сердцѣ смотрѣлъ вверхъ, въ черноту, туда, гдѣ было небо. Это отъ него, такого темнаго и безмѣрнаго, идутъ всѣ эти черные дни, вся эта насыщенная страданіями и мукою жизнь. И ложь оттуда идетъ, и обманъ, и полныя фальши и коварства вѣроломныя обѣщанія...— Отъ него...

— Спишь, Малка?

Малка не отвѣтила. Но лавочникъ зналъ, что она не спитъ, и потому продолжалъ:

— Знаешь, если теперь Менашку опять не примутъ въ гимназію, я съ собой что-нибудь сдѣлаю.

Рѣзкимъ жестомъ Малка сбросила съ себя простыню и быстро поднялась.

— Ты уже начинаешь!—съ укоромъ и злясь вскрикнула она.

И пугливая мольба тоже была въ ея голосѣ.

— Ты уже начинаешь!

— Что-жъ, когда... когда я уже не могу... Чувствую, что уже не могу.

Въ тонѣ Ноеха слышалась такая усталость, такая жалкая безпомощность и печаль, что злость Малки мгновенно погасла и замѣнилась глубокимъ, тревожнымъ состраданіемъ.

«Надо на него накричать»,—подумала она, заметавшись. «Новая мода вовсе, ну! Отецъ семейства же! Развѣ же ему можно такъ распускать себя? Надо хорошенько накричать на него!»

Она хотѣла, чтобы вернулось къ ней злобное чувство и раздраженіе, но были въ сердцѣ только испугъ и великая жалость, и слова строгости и гнѣва не приходили на языкъ...

— Ты говоришь какъ дитя, Ноехъ...

— А ты—какъ кладбищенскій сторожъ.

Слезы подступили къ глазамъ Малки...

Она знала, что надо успокоить мужа, что надо сказать ему что-нибудь мягкое, нѣжное, облегчающее; и она хотѣла заговорить. Но вдругъ она почувствовала, что всѣ обнадеживающія и утѣшающія слова, которыя мелькаютъ въ головѣ,—лживы и мертвы, и ей трудно и стыдно было ихъ произносить. Она молчала, сдавленная тоскливою жалостью. Себя она жалѣла и мужа, и зеленолицаго мученика—сына своего, и всѣхъ тѣхъ жалѣла, кто спалъ здѣсь и метался, на этомъ смрадномъ и черномъ дворѣ...

— Ты думаешь—все счастье въ образованіи!—съ внезапнымъ жаромъ вдругъ начала Малка.—Вбилъ себѣ въ голову «ученіе, ученіе...» А я тебѣ скажу, что нашимъ евреямъ нисколько не лучше, когда они и образованные. Вотъ докторъ Гуревичъ: не имѣетъ чѣмъ заплатить за квартиру, даетъ тайкомъ уроки на скрипкѣ и самъ себѣ на керосинкѣ варитъ обѣдъ. На что мнѣ твое образованіе?

Ноехъ молчалъ.

— Или возьми Мандельштама,—сильнѣе увлекаясь продолжала Малка.—Такой способный! Окончилъ юристическій факультетъ съ золотой медалью, и если бы онъ былъ русскій, то, навѣрное, былъ бы первымъ профессоромъ. Ну, а что изъ него вышло? Сегодня я его мать въ мясной встрѣтила, она разсказывала: этотъ самый знаменитый юристъ открылъ себѣ вазелиновую фабрику. «Фабрику»!.. Это называется «фабрика»... А на дѣлѣ, такъ выходитъ, что самъ Мандельштамъ варитъ свой вазелинъ. По ночамъ работаетъ за перегородкой, засучитъ рукава и мѣситъ этотъ вазелинъ—изъ дохлыхъ кошекъ онъ, или изъ крысъ, я знаю?—паскудится какъ послѣдній золотарь... А на утро онъ себѣ надѣнетъ свой чистый костюмъ и садится въ лавочкѣ за стойку, продавать вазелинъ. Ночью самъ его сваритъ, а днемъ самъ продаетъ... И когда только онъ спитъ? Мучается хуже, чѣмъ мы съ тобой, а зарабатываетъ какъ разъ столько, чтобы быть въ состояніи купить воду для каши... А какая же голова! Министръ!.. Вотъ, такъ и идетъ еврейская жизнь, хоть ты будь сто разъ ученый и образованный.

— Ты разсуждаешь, какъ хорошій хамъ,—презрительно проговорилъ Ноехъ.—Ты думаешь, что все дѣло въ томъ, чтобы Менашка нашъ выбился и не мучился, какъ мы. Пусть и въ золотыхъ каретахъ разъѣзжаетъ, почему нѣтъ? Но дѣло не въ этомъ одномъ... Я таки хочу, чтобы онъ просто былъ образованный. Чтобы онъ зналъ и понималъ: что, куда, зачѣмъ... Даже лошади не хорошо быть слѣпой.

— Но что же дѣлать?

— Когда человѣкъ образованъ, то и обращеніе съ нимъ другое, его уважаютъ, и онъ играетъ совсѣмъ другую роль. И ему самому хорошо, и другимъ хорошо... А что Мандельштамихинъ сынъ окончилъ съ золотой медалью, то нашъ Менашка можетъ окончить съ двумя золотыми медалями... Я не знаю Мандельштамиху? Я не знаю ея сына?!

— Это, положимъ, вѣрно,—уныло согласилась Малка.

— «Мандельштамъ варитъ вазелинъ»!.. А вотъ я тебѣ голову на отсѣченіе даю, что мой сынъ вазелина варить не будетъ!—съ внезапнымъ гнѣвомъ вскрикнулъ Ноехъ.

Малка тяжело и глубоко вздохнула.

— Мучатъ насъ,—проговорилъ Ноехъ, минуту спустя.—Кладутъ между зубчатыми колесами, и колеса крутятъ, и крутятъ, и крутятъ...

— Мучатъ насъ,—тихо промолвила и Малка. И, нѣсколько помолчавъ, также тихо повторила:—мучатъ насъ.

— Безъ конца, и передышки нѣтъ!

— Безъ конца, и передышки нѣтъ,—не повышая голоса повторила слова мужа Малка.—Но что будешь дѣлать? Надо терпѣть.

— Уже терпѣлъ!—съ силой закричалъ Ноехъ.—Я всю жизнь только и дѣлаю, что терплю. Когда-нибудь это должно же окончиться!

Они сидѣли близко и рядомъ, но въ чернотѣ ночи не видѣли другъ друга.

Оба были несчастны, оба были измучены, оба сдавлены были страхомъ и тоскою. Въ Малкѣ была угрюмая покорность—покорность искусственная, дѣланная, насильственная. Такая покорность недолго живетъ... Ноехъ же весь трепеталъ отъ злости и гнѣва. Онъ чувствовалъ это—и злорадной гримасой искажались его губы...

— Спи, Ноехъ, ужъ поздно... Вотъ, вотъ, еще немного, и ужъ надо вставать, на привозъ за товаромъ...

Слова эти сказаны были тономъ ласковымъ, нѣжнымъ и грустнымъ. «Мы несчастны, мы безпомощны, мы преслѣдуемы и одиноки,—слышалось въ этомъ тонѣ:—у насъ есть дѣти и больные старики, пожалѣемъ себя, ради нихъ побережемъ себя и пожалѣемъ»...

Но встревоженнымъ людямъ этимъ не спалось, и разговоръ продолжался. И слова были то жалобныя и скорбныя, то гнѣвныя и злыя...

Попрежнему воздухъ былъ душный и смрадный, по прежнему давило безмѣрно-черное небо, по прежнему метались и стонали спавшіе на дворѣ истомленные люди...

— Заснемъ, Ноехъ,—опять предложила Малка.—Скоро вставать...

«Каспійское озеро-море... черноземное море... Бѣлое море»,—бормоталъ сквозь сонъ Менашка.

За воротами проѣхали дрожки. По толстому слою пыли на немощенной улицѣ онѣ прокатили тихо, безшумно, но нелѣпая пѣсня пьянаго человѣка, котораго онѣ везли, звучала долго и замирала медленно, медленно..

— Спи, Ноехъ,—шептала засыпавшая Малка.—Крахмалъ вышелъ, и перловая крупа... подсолнуховъ надо купить... прибѣгалъ денщикъ полковника и горничная отъ Ѳоминыхъ за подсолнухами... И огурцовъ посолить надо, почти всѣ раскупили... Спи, Ноехъ...

Онъ заснулъ, наконецъ.

Но, послѣ короткаго забытья, Ноехъ со стономъ вскочилъ. Онъ увидѣлъ, что Менашка лежитъ между зубчатыми колесами, а огромная рука колеса эти вертитъ, и вертитъ, и вертитъ. Льется кровь, и изъ крови своей Менашка, засучивъ рукава, варитъ въ большомъ котлѣ вазелинъ. Красный вазелинъ течетъ, течетъ сверху, снизу, справа, слѣва, течетъ со всѣхъ сторонъ, течетъ отовсюду и кровавыми массами падаетъ къ Ноеху на грудь. Вазелинъ давитъ и жметъ съ адской силой, и ужъ нельзя дышать, и сердце подъ чудовищнымъ напоромъ поднимается къ горлу и здѣсь разрывается на части...

Небо сѣрѣло, и за высокой деревянной трубой ретирада уже намѣчались на немъ первые желтоватые отблески. Въ мутной мглѣ таявшей ночи Ноехъ сидѣлъ, опираясь руками о землю, и съ дикой тоской—какою-то совершенно новой, неслыханной, мучительной, тупо смотрѣлъ впередъ себя... Что-то небывалое, что-то полное чернаго ужаса тѣснилось въ его душѣ!.. Уже не было сна, уже не падали на грудь потоки кроваваго вазелина, а сердце у горла все сжималось, и блѣдная смерть стояла передъ глазами...

Но черезъ нѣсколько минутъ этотъ припадокъ грудной жабы—первый и пока еще не очень сильный, миновалъ...

IV.

Разрѣшеніе на открытіе коммерческаго училища, наконецъ получилось.

И тотчасъ же въ еврейской части населенія поднялось радостное оживленіе. Училище учреждалось почти цѣликомъ на средства мѣстнаго купечества, среди купцовъ было очень много евреевъ, и потому, въ видѣ уступки, уставъ разрѣшалъ еврейскихъ дѣтей принимать въ количествѣ пятидесяти процентовъ. И въ попечительный совѣтъ, состоявшій изъ семи человѣкъ, входило два еврея.

Открывалось почти три класса—приготовительный и два первыхъ. Предполагалось, что всего будетъ принято до двухъ сотъ учениковъ, и. такимъ образомъ, открывалась возможность пристроиться сотнѣ еврейскихъ дѣтей...

Общество суетилось, хлопотало и всѣми силами содѣйствовало скорѣйшему открытію училища. Купцы—и даже евреи купцы—чувствовали себя хозяевами новаго учебнаго заведенія. Директоромъ, къ общему удовольствію, назначили человѣка доступнаго, сговорчиваго, въ немъ не было и тѣни того божественнаго величія и жесткаго формализма, которымъ отличался директоръ мѣ-

стной гимназіи, и онъ охотно пользовался совѣтами и содѣйствіемъ купцовъ, которые и о подысканіи квартиры хлопотали, и о сооруженіи мебели, и о пріобрѣтеніи топлива и разныхъ пособій. Похоже было на то, что предпріятіе дѣйствительно общее и публика работала живо, съ увлеченіемъ.

Большое оживленіе царило и въ міркѣ маленькихъ человѣчковъ—тѣхъ, которые изъ года въ годъ въ началѣ осени приходили въ гимназію и въ реальное училище—не для того, чтобы учиться, а только, чтобы экзаменоваться. Собравшись съ разныхъ концовъ города, они вмѣстѣ трудились, вмѣстѣ волновались, блѣднѣли, замирали, съ трепетомъ выжидали результатовъ испытаній. И узнавъ результаты, непринятые въ учебное заведеніе, они расходились по домамъ и занимались у себя, и уже другъ съ другомъ не встрѣчались. Дѣти съ большимъ вниманіемъ, завистливо или злорадно, смотря по обстоятельствамъ,—слѣдили одинъ за другимъ, знали, кто съ какимъ учителемъ занимается, у кого какая есть протекція, кто не былъ принятъ, хоть и выдержалъ на круглое пять, а кого приняли, несмотря на полученную изъ чистописанія четверку. Уже всѣмъ имъ было извѣстно, что познанія ихъ, ихъ трудолюбіе и способности играютъ незначительную, послѣднюю роль, что справедливость безсильна, и что всего важнѣе—протекція, темные ходы съ задняго крыльца и разныя таинственныя махинаціи...

— «За него хлопоталъ генералъ Самопаловъ—онъ два года у помощника класснаго наставника на квартирѣ жилъ»...

Дѣлеческіе пріемы, загадочныя ухищренія, разнаго рода нечистыя и плутоватыя средства разсматривались и обсуждались этими маленькими отверженцами съ странной, съ пугающей серьезностью; точно группа многоопытныхъ старыхъ маклеровъ собралась...

Тяжесть жизни, тяжесть еврейской жизни, жестокую, оскорбительную муку ограничительныхъ законовъ, дѣти познавали съ самаго нѣжнаго возраста, и съ самаго нѣжнаго возраста начинали они дикую и развращающую борьбу за зернышко благополучія, за искорку свѣта...

Теперь эти дѣти ожили; они были веселы, шумны, говорливы, и уже не безосновательны были ихъ мечтанія о форменномъ платьѣ, о ранцахъ и прочихъ радостяхъ школьнаго существованія...

И Менашка тоже почувствовалъ, что на улицѣ его наступаетъ праздникъ. Онъ зналъ, что уже теперь онъ въ училище попадетъ. Довольна и радостно-болтлива была и Малка, и только Ноехъ казался не вполнѣ удовлетвореннымъ. Лицо его было угрюмо, печально, а порой прямо даже мрачно...

— Не лежитъ мое сердце къ этому коммерческому учили-

щу—уныло говорилъ онъ женѣ, засовывая руки подъ нагрудникъ фартука.

— Не знаю почему,—пожимала плечами Малка.—Окончитъ Менашка и будетъ первый бухгалтеръ. Можетъ быть—агентъ банка.

Брезгливое выраженіе появилось на лицѣ Ноеха. Онъ не сразу даже отвѣтилъ женѣ.

— Не того я хочу,—говорилъ онъ, отвернувшись.—Мнѣ надо, чтобы Менашка былъ образованъ по настоящему.

— «По настоящему»!.. Тебѣ непремѣнно надо, чтобы онъ вазелинъ варилъ,—съ сердцемъ вскрикивала Малка.—Теперь всѣ образованные евреи безъ сапогъ ходятъ... Лучше нѣтъ, какъ коммерческое училище. А если тебѣ непремѣнно хочется, чтобъ Менашка былъ крѣпко образованъ, такъ же онъ потомъ можетъ поступить въ инженеры.

— Не нравится мнѣ инженерство... Если бы Менаша учился на доктора, или юриста, онъ бы непремѣнно былъ первый профессоръ.

— Паны вы! очень большіе паны,—возмущаясь, впутывался въ разговоръ старикъ Ехилъ.—Анженеръ?—имъ мало; докторъ?—имъ мало. А мы, кажется, тоже изъ мяса и крови сдѣланы! И если бы мой Лейбка могъ хоть только городское училище окончить, я бы уже былъ доволенъ.

— А потомъ я тебѣ скажу еще вотъ что,—утѣшала мужа Малка:—пока Менаша окончитъ коммерческое, то еще разрѣшатъ поступать въ университетъ. Теперь же такое время, что скоро все должно перемѣниться.

— Либо да, либо нѣтъ.

— А если и нѣтъ, то нашъ Менаша выдержитъ при гимназіи экстерномъ. Что? Не сумѣетъ? Менашка не сумѣетъ?

Сь этимъ послѣднимъ соображеніемъ соглашался и Ноехъ и въ значительной степени примиренный, почти веселый, отправился онъ въ коммерческое училище подавать прошеніе.

Менашка въ гимназіи долженъ былъ экзаменоваться въ четвертый классъ: здѣсь высшимъ былъ пока второй; приходилось поступать во второй, приходилось терять два года; но это не очень смущало Ноеха; мальчику было всего тринадцать лѣтъ.

Смущеніе,—и сильное,—онъ почувствовалъ только тогда, когда въ канцеляріи училища письмоводителемъ было ему заявлено, что шансовъ на поступленіе Менашки мало.

— Какъ? И здѣсь? И тутъ тоже?—вскрикнулъ ошеломленный Ноехъ.

И въ головѣ его тотчасъ сверкнула мысль: «хотятъ взятку».

— И здѣсь тоже самое?

— Видите-ли, это будетъ зависѣть отъ того, сколько къ намъ

поступитъ прошеній отъ христіанъ. Вѣдь вамъ извѣстно, что евреевъ можно принять только пятьдесятъ процентовъ. Если бы былъ наплывъ русскихъ, можно было бы принять много евреевъ, и могли бы расчитывать на удачу и вы...

— Но позвольте... но вѣдь... Ахъ, я не понимаю!—взволнованно и сильно побагровѣвъ говорилъ Ноехъ.—Вѣдь новое же училище!.. Пустое же еще!.. Мѣстъ же много...

— Пока у насъ есть всего 48 прошеній отъ христіанъ. Если экзамены выдержатъ всѣ, то и евреевъ мы можемъ принять 48.

— А если бы христіанъ всего было пять человѣкъ?

— Тогда и евреевъ мы приняли бы пять человѣкъ.

— И во всемъ училищѣ было бы десять человѣкъ! Были бы пустые классы, а евреевъ бы не принимали?

Письмоводитель пожалъ плечами.

— Не мы уставъ писали... Не отъ насъ зависитъ... Но на этотъ счетъ безпокоиться нечего: христіанъ уже набралось до полусотни, придутъ и еще... Для васъ лично опаснѣе то, что вотъ отъ евреевъ-купцовъ уже и теперь свыше пятидесяти прошеній поступило.

— Такъ что-жъ такое, что отъ купцовъ?

Письмоводитель, — плотный, крѣпкій мужчина, широкоплечій, съ сильной грудью, съ большой, окладистой золотистаго цвѣта бородой, многозначительно поднялъ брови.

— Купцы содержатъ училище, больше половины расходовъ на себя взяли, и за это уставъ представляетъ имъ предпочтеніе: ихъ дѣти принимаются безъ конкурса, лишь бы выдержали удовлетворительно. А если затѣмъ останутся еще свободныя мѣста, то ужъ на эти конкурируютъ дѣти не-купцовъ, — мѣщанъ и ремесленниковъ.

Ноехъ, точно оглушенный, смотрѣлъ на письмоводителя...

Значитъ и тутъ неудача! И тутъ невозможно поступить!.. Что же это такое, Господи? Боже ты мой! Что это за справедливость!..

Когда тебя уже бьетъ законъ, такъ не бьетъ богачъ, свой же братъ, еврей бьетъ.., «сыну купца предпочтеніе»... Оттого, что ему и безъ того лучше живется, оттого ему и предпочтеніе?.. Только богатому надо жить; только ему больно, когда его колютъ; только ему холодно, когда морозъ. А бѣдный человѣкъ долженъ пропадать, и ему нѣтъ выхода, и ему нельзя выбиться никогда...

— Сколько, позвольте узнать, у васъ прошеній отъ евреевъ не-купцовъ?

Плотный письмоводитель печально усмѣхнулся. Поискавъ глазами, онъ взялъ со стола изъ-подъ пресъ-папье сложенную вчетверо бумагу, развернулъ и протянулъ къ Ноеху.

— Вотъ, отъ елисаветградскаго мѣщанина, Абрама Іоселева Цвилинга, сорокъ восьмое...

Когда Ноехъ вышелъ изъ канцеляріи, онъ не чувствовалъ ни возмущенія, ни злобы, ни боли... Все въ немъ было придавлено, прибито и мертво. Все.

Тотъ веселый и довольный, который всю жизнь стоялъ позади Ноеха и властной рукой ударялъ по головѣ каждый разъ, когда лавочникъ дѣлалъ попытку отдѣлиться отъ сумрака жизни,—тотъ веселый, никогда себѣ неизмѣняющій, снова высоко поднялъ желѣзный кулакъ и снова съ размаху грохнулъ имъ по темени...

V.

Угрюмой и суровой и какою то беззвучной сдѣлалась жизнь въ семьѣ Ноеха.

Все, что дѣлали, дѣлали молча, нехотя, вяло, не думая о работѣ, не стараясь, чтобы она была выполнена какъ слѣдуетъ.

Покупатели приходили, просили дать крупы или отвѣсить сахару,—имъ товаръ отпускали, у нихъ брали деньги и выдавали имъ сдачу, и все это и Ноехъ и Малка продѣлывали съ видомъ сумрачнымъ и молча. Они не говорили покупателямъ обычныхъ любезностей, не заигрывали, не отпускали привычныхъ шуточекъ— «не бойтесь, гривенничекъ хорошій, не фальшивый, ручаюсь вамъ, я самъ его дѣлалъ». И когда заговаривали съ ними, они отвѣчали коротко, полусловами и сквозь зубы.

Между собой они тоже почти не говорили,—не интересно было, не о чемъ было. Всѣ сложныя работы, всѣ гнетущіе хлопоты, маленькія неудачи, маленькія побѣды, все составляло обычное содержаніе жизни и казалось и нужнымъ и важнымъ, все что волновало и тревожило, печалило и радовало, улыбалось и пугало,—все это сразу и до послѣдней степени выцвѣло, высохло, потеряло и вкусъ, и смыслъ, и значеніе... Вышли въ лавочкѣ монпасье и керосинъ, и Ноехъ не позаботился о пріобрѣтеніи новаго запаса. Оказалась въ крышѣ навѣса щель, во время ливня натекло много воды на полъ и въ ящикъ съ макаронами,—и это оставлено было безъ вниманія. Маленькая Рухка скатилась со ступенекъ и разбила себѣ носикъ и губы—Малка только дернула дѣвочку за руку и сквозь зубы процѣдила:

— Не лазь!

Приходилъ пофилософствовать и послушать разсужденіе другихъ сторожъ Ехилъ, но разговоръ завести ему не удалось, и онъ, ворча и недовольный, уходилъ домой, на кладбище.

—«У нихъ слово—червонецъ, молчатъ все».

— Невозможно жить, невозможно жить,—твердилъ Ноехъ.

И на мрачное заявленіе это Малка отзывалась тяжелыми и скорбными вздохами...

Непріятно было Ноеху видѣть Менашку, и онъ не могъ опредѣлить: любитъ ли онъ мальчика или нѣтъ Порой ему казалось, что у него къ сыну чувства враждебныя, злыя; мальчикъ представлялся ему отравленнымъ источникомъ постояннаго и темнаго горя, источникомъ страховъ и тяжкихъ тревогъ. Онъ почти боялся Менашки, и жутко было ему смотрѣть на это блѣдное, съ зеленоватымъ отливомъ лицо, на эти большіе, съ воспаленными вѣками, темные, о горѣ и безпокойствѣ говорившіе глаза... Усталый, растерянный, близкій къ отчаянію, близкій къ безразличію, онъ путался въ своихъ разсужденіяхъ и въ чувствахъ и не могъ опредѣлить: онъ ли виноватъ передъ сыномъ, сынъ ли жестоко провинился передъ нимъ...

Но тягостенъ былъ ему сынъ... И злая вражда, и дикая ненависть, и гнѣвъ безпредѣльный затопляли его душу когда онъ думалъ о дѣтяхъ купцовъ, которымъ отдано будетъ преимущество, когда онъ думалъ о людяхъ, которые эти преимущества создаютъ.

И когда вспыхивалъ въ немъ этотъ гнѣвъ,—его охватывало вдругъ нѣжное, безумно-нѣжное чувство къ Менашкѣ,—являлось состраданіе къ нему, великая жалость, слезы обжигали глаза, хотѣлось схватить ребенка, прижать его къ груди и заплакать, громко заплакать...

И не о Менашкѣ одномъ былъ бы этотъ плачъ. Слезы пролились бы и о женѣ, и о слѣпомъ старцѣ, и о больныхъ дѣтяхъ, и обо всѣхъ несчастныхъ, угнетенныхъ и гонимыхъ, обо всѣхъ замученныхъ жизнью, обо всѣхъ ею раздавленныхъ и оскорбленныхъ, обо всемъ великомъ и безмѣрномъ страданіи людей...

— Разбросалъ вездѣ!—гармидеръ вездѣ!—не своимъ, а какимъ то чужимъ визгливымъ, почти истеричнымъ голосомъ внезапно вскрикивалъ Ноехъ, схватывая учебники и тетрадки мальчика и съ силой швыряя ихъ на полъ.—Не надо мнѣ твоего ученія! Къ чорту твое ученіе! Водовоза изъ тебя сдѣлаю, биндюжника!

И уже и объ улицѣ, гдѣ помѣщалось коммерческое училище, не могъ онъ вспомнить безъ ненависти и боли, и о самомъ зданіи училищномъ, и о письмоводителѣ съ золотистой бородой.

А Менашка тоже чувствовалъ себя несчастнымъ и раздавленнымъ. Уже онъ не занимался. Онъ вставалъ по прежнему очень рано, выходилъ на улицу, садился въ тѣни и сидѣлъ здѣсь печальный, тоскующій, жалкій. Странно было и дико, что онъ здѣсь, на улицѣ, а книжки гдѣ-то на подоконникѣ, и что нѣтъ ни охоты, ни надобности за нихъ садиться.

Степка и Аполлошка Ѳомины, сыновья дѣлопроизводителя пор-

товой конторы, черезъ дорогу, въ палисадникѣ, сооружали змѣи: онъ выходилъ на славу,—огромный, съ гудками, съ красной шерстяной кистью на концѣ длиннаго хвоста... Мальчики стали звать къ себѣ Менашку, издали показывая змѣй. Но Менашка угрюмо отвернулся. Что-то огромное и страшно прочное, неподвижное, какъ горная цѣпь, стояло между нимъ и тѣми мальчиками, и онъ зналъ, что хоть они и зовутъ его теперь къ себѣ и улыбаются ему дружески, а черезъ три минуты они покажутъ ему свиное ухо и побьютъ...

— Менашеню, это ты?

Изъ дома, вынося впередъ высохшую палку, очерчивая ею полукруги и постукивая о землю, мелкими, старчески-торопливыми шажками, шаркая о землю ногами, выходилъ слѣпой дѣдушка. Онъ былъ очень ветхъ, огромный горбъ давилъ его спину, и невидящіе, мутные глаза его смотрѣли жалобно и съ испугомъ.

— Я, дѣдушка,—отозвался Менашка.

Слѣпой усѣлся на заваленкѣ, подлѣ мальчика.

— Я живу!? Я живу!?.—точно изумляясь, и точно укоряя кого-то проговорилъ онъ.—Я знаю? Я еще живу!.. А?..—Онъ громко и глубоко вздохнулъ.—А въ училище, значитъ, не принимаютъ, Менашка, га?

— Не принимаютъ.

Слѣпой невидящими глазами уставился на мальчика, потомъ лицо обратилъ къ небу.

— Га?—громко сказалъ онъ.

— Конкурсъ... вотъ для этихъ конкурса нѣтъ,—указалъ рукой Менашка на противоположную сторону улицы.—Змѣй дѣлаютъ... слышите, какъ они весело кричатъ?.. Отчего имъ и не кричать весело? Чего имъ недостаетъ?

— Не надо, дѣтка, роптать, не надо!—внушительно проговорилъ слѣпой.—Никогда роптать не надо.

— Ай, дѣдушка! отчего не надо!... Когда-жъ я такъ мучаюсь, такъ мучаюсь... Вотъ Степка Ѳоминъ такой лѣнтяй, никогда не занимался, у него однѣ двойки, онъ не можетъ отвѣтить, что такое нарѣчіе, не знаетъ, сколько въ квадратной сажени квадратныхъ аршинъ, а онъ учится, ему это можно, а меня не пускаютъ.

— Не надо роптать, дитя. Богъ не любитъ ропщущихъ.

— А зачѣмъ Богъ такъ дѣлаетъ?

— Молчи, дитя, молчи... Должно быть, такъ и нужно. Что мы можемъ знать? Господь всемогущій знаетъ, что дѣлаетъ... Что? Таки мы будемъ судить Бога? Таки мы съ тобой?..

— Мы же избранный народъ,—вскрикнулъ Менашка:—они неизбранный. Отчего же имъ все доступно и имъ хорошо, а мы— въ рабствѣ.

Въ голоскѣ мальчика, тоненькомъ и слабомъ, звенѣлъ задоръ и какая-то радостная дерзость. Точно ждалъ мальчикъ давно уже случая бросить свой протестъ, точно подыскивалъ давно уже возможность отчетливо и прямо крикнуть, что онъ не вѣритъ... Выраженіе злое и упрямое было на его возбужденномъ лицѣ, и гнѣвно были сжаты его маленькіе, слабые кулачки.

— Почему мы страдаемъ!

— Молчи! Господь милосердный знаетъ почему... Мы должны мириться, мы должны славить его святое имя и молиться... Вотъ и все...

Говорилъ это старикъ, а не было смиренія и въ его душѣ. Вся долгая жизнь его была страшнымъ сплетеніемъ жестокихъ страданій, тяжкихъ тревогъ и горькихъ, тяжелыхъ скорбей. Былъ трудъ непосильный и безработица, униженія и обиды. Были долговременныя терзанія и страхъ у постели медленно и долго умиравшей жены, были непрерывавшіяся муки за больныхъ и безумныхъ дѣтей. И голодъ былъ, многолѣтній, жестокій голодъ...

Почти вся семья его вымерла, умирали молодые, любимые, и уносили въ могилу всѣ надежды старика, весь свѣтъ и тепло его жизни, и только самъ онъ жилъ—и жилъ разбитый, невидящій, больной. Зачѣмъ онъ жилъ? Для чего? Для кого?.. Кому нужно было, чтобы билось и чувствовало это старое, изможденное сердце, чтобы было на свѣтѣ больше однимъ не перестающимъ страдать существомъ?..

Старику тяжело было обременять сына, тяжело было жить у него, и ему хотѣлось хоть чѣмъ нибудь помогать семьѣ. Но дряхлый, трясущійся, снѣдаемый старостью, терзаемый болями, онъ рѣшительно ни на что уже не былъ способенъ. И онъ только молился, долго и горячо, и читалъ псалтырь, и со слезами взывалъ къ Богу и просилъ защиты для дѣтей своихъ, для своего народа. Но и это утѣшеніе—и возможность молиться—отнялъ у него Господь. Онъ ослѣпилъ старика. И уже не могъ дѣдъ читать псалмы царя Давида, уже не могъ онъ съ дрожью и стонами читать про разрушеніе храма, и не могъ онъ умиленно и страстно молить о прощеніи, о милосердіи, о пощадѣ...

. Въ памяти, въ слабой и старческой памяти, день ото дня тускнѣвшей сильнѣе, оставались отрывки туманныхъ молитвъ, и старческія уста шептали ихъ—машинально, безъ надежды, безъ вѣры, безъ чувства...

— Сапожника Гольберга взяли на войну,—гнѣвно сказалъ Менашка:—и его тамъ уже убили. Осталось четверо маленькихъ дѣтей и безъ матери. Мой папаша тоже запасной, и его тоже заберутъ... Въ училище меня не принимаютъ, а въ солдаты меня возьмутъ, когда я выросту.

Слѣпой положилъ высохшую дрожащую руку на голову мальчика, на его плечи и сталъ потихоньку гладить... И пальцами своими увидѣлъ онъ и крайнюю худобу внука, и кривыя плечи его, и непропорціонально большую, болѣзненную голову...

— «Онъ не выростетъ»,—весь содрагаясь, думалъ старикъ:—«слишкомъ худой... слишкомъ измученъ... онъ не выростетъ, онъ не выростетъ»...

— Когда то, дитя, у насъ была своя страна,—искусственно благодушнымъ голосомъ, подавляя въ себѣ тревогу,—говорилъ старикъ.—Мы были у себя хозяева, и мы могли дѣлать все. Мы и на войну ходили, и учились, когда хотѣли. А теперь мы у чужихъ, и они надъ нами господа.

— Но я же человѣкъ!—вскрикнулъ мальчикъ сквозь слезы.—Дѣдушка, мы вѣдь люди!

Дѣдъ ничего не сказалъ.

Невидящіе глаза его выражали великую растерянность. Что дѣлать, что дѣлать! Гдѣ справедливость, гдѣ милосердіе!.. Старецъ лишенъ зрѣнія, у него отнята возможность читать псалтырь. И ребенка тоже лишаютъ зрѣнія, и у него отнимаютъ его псалтырь... Милосердіе, гдѣ ты!

— Во мнѣ все такъ кипитъ,—закричалъ вдругъ мальчикъ, злобно сквернувъ глазами и поднявъ надъ головой кулачки,—такъ кипитъ... я бы ихъ разорвалъ...

Онъ захлебнулся и умолкъ.

И оба они,—и старецъ, и ребенокъ,—молчали. И оба они,—и старецъ, и ребенокъ,—были во власти гнѣвныхъ и дерзостныхъ думъ. И оба они,—и старецъ, и ребенокъ,—страдали...

VI.

— Менашка, а ну-ну!—раздался вдругъ голосъ Ноеха, внезапно появившагося въ дверяхъ навѣса.

И голосъ этотъ былъ странно-веселый и какой-то насмѣшливый.

— А ну-ка, ну! Подойди-ка сюда, ну!

Ноехъ ухмылялся. Коричневая шляпа его какъ-то особенно залихватски сдвинута была на бекрень; вѣтеръ трепалъ его синій, замасленный передникъ, и казалось, что передникъ этотъ рѣзвился весело и радостно. И кожаная шведская куртка лавочника, вся сіявшая и сверкавшая въ солнечныхъ лучахъ, тоже имѣла видъ ликующій и радостный.

Мальчикъ подбѣжалъ къ отцу. Молча и смѣясь, уставился Ноехъ на сына. Онъ разглядывалъ его съ напряженнымъ любо-

пытствомъ—такъ, какъ если бы очень давно не видѣлъ его, какъ если бы что-то необычайно курьезное и нелѣпо-смѣшное приключилось съ Менашкой.

— Ну? Значитъ, какъ? Я слыхалъ, ты вовсе не желаешь учиться? Не желаешь поступить въ училище?

Мальчикъ хмуро молчалъ. И голосъ отца, веселый и громкій, и лукавая самодовольная улыбка его, смущали Менашку, озадачивали, казались ему неумѣстными и обидными... Онъ скользнулъ холоднымъ взглядомъ по съѣхавшей на бекрень отцовской шляпѣ, по глупо трепыхавшемуся отъ вѣтра переднику и нахмурился.

— Пусть они меня цалуютъ въ поясницу, а я ихъ всѣхъ перехитрю!—съ внезапнымъ гнѣвомъ въ голосѣ сказалъ Ноехъ.

Но тотчасъ же прежнее выраженіе веселой насмѣшки снова появилось на его лицѣ, и онъ даже подмигнулъ мальчику.

— Не бойся, Менашка! въ училище ты у меня поступишь!..

— Понимаешь ты? — съ живостью размахивая руками объяснялъ потомъ Ноехъ Малкѣ.—Понимаешь ты! «Преимущество купцамъ»... «Прежде всего будутъ приняты дѣти членовъ биржевого общества»... Что за важное кушанье такое—это биржевое общество? Это общество генералъ-фельдмаршаловъ?.. А я что? Я не могу поступить въ это общество?

— То-есть какъ же? Какъ же это будетъ?—не соображала Малка.

— А такъ и будетъ: заплачу гильдію—и я такой же купецъ какъ и мусью Цыпоркесъ.

— Ноехъ! Тебя не примутъ.

— Ого-го-го! Заплати, такъ «съ нашимъ удовольствіемъ».— Ноехъ разсмѣялся.—Гильдію заплачу и всѣ другіе принцидалы, и я такой же членъ биржевого общества, какъ и прочіе. Вотъ!.. И тогда Менашка тоже будетъ имѣть предпочтеніе. Какъ самый первый ростовщикъ, а то какъ же!

— Ахъ, собаки! Ахъ, прохвосты!—метался онъ изъ угла въ уголъ, торопливой рукой нацѣпляя на себя глаженую манишку и другія парадныя облаченія.

— Вы хотите такъ? На-те вамъ такъ... Вы хотите собачью комедію? На-те вамъ собачью комедію!.. На-те вамъ—я второй гильдіи купецъ! Когда ваши такія правила, такъ на-те вамъ собачью комедію. Сколько угодно!..

Переодѣвшись, Ноехъ бросился бѣжать по городу—собирать справки. Узналъ куда и сколько надо внести, куда подать заявленіе, куда прошеніе. Побѣжалъ и къ директору коммерческаго училища, и къ предсѣдателю биржевого комитета, и въ купеческую управу... Пріемъ вездѣ оказывали хорошій и планъ его одобряли. У биржевого общества, изъ-за новаго училища были

очень большіе расходы, и теперь оно меньше чѣмъ когда-либо могло что-нибудь имѣть противъ пріема новыхъ членовъ. Особенныхъ затрудненій Ноехъ поэтому не встрѣчалъ, и дѣло налаживалось гладко и быстро.

Повеселѣлъ Ноехъ, повеселѣла Малка, и казалось, что и стѣны ихъ жилья, и ящики, и банки въ лавочкѣ выглядѣли теперь живѣе и радостнѣе, чѣмъ наканунѣ.

Менашку въ подробности дѣла пока не посвящали, но ему сказано было, что шансы на поступленіе появились опять, надо только хорошо сдать экзамены,—и мальчикъ занимался, сколько хватало силъ...

Весь день Ноехъ суетился и бѣгалъ по городу устраивать «свою гильдію». И когда онъ появлялся дома, онъ отзывалъ въ сторону жену и шопотомъ, съ лицомъ возбужденнымъ и радостнымъ, сообщалъ ей всѣ перипетіи дѣла. И Малка радостно волновалась, охала отъ счастья и подавала совѣты.

— Смотри, Ноехъ, молчокъ!—говорила она, таинственно. Она клала указательный палецъ на сжатыя губы и съ видомъ заговорщика озиралась.—Главное—молчи!

— Я молчу. Я никому не говорю.

— Ни слова, ни буквы!.. Стѣны имѣютъ уши. Какъ-нибудь узнаютъ въ городѣ, пойдутъ доносы, кляузы... Надо молчать...

Ноехъ снисходительно улыбался.

— Какіе тамъ доносы? А кого я боюсь?

— Не говори глупостей! «Кого я боюсь». Еврей всегда долженъ бояться. Около каждаго еврея постоянно стоятъ десять тигровъ и только и ждутъ, чтобы его разорвать. Молчи, Ноехъ. Я тебѣ говорю: молчи!.. Ради Бога, сдерживайся, не проболтайся.

Ноехъ сдерживался, и только тогда уже, когда гильдейское свидѣтельство было у него въ карманѣ, онъ разсказалъ Ехилу о своей хитроумной уловкѣ.

—录Тепериче я купецъ,—тыкалъ онъ себя пальцемъ въ грудь.— Второй гильдіи города Васильевска купецъ Ноехъ Абрамовъ Лейдерманъ! Игрушка это!?

Лавочникъ широко разставлялъ ноги и брался за бока.

— Понимаете ли: Иванченко, который имѣетъ шесть двухъэтажныхъ домовъ, такъ онъ такъ себѣ—мѣщанинъ. Ростовщикъ Зильбервасеръ, который за одинъ мѣсяцъ получаетъ процентовъ больше чѣмъ я выторгую за десять лѣтъ—онъ мѣщанинъ. А я—голодранецъ и безштанникъ—я второй гильдіи купецъ! Ну не потѣха?

Ноехъ радостно смѣялся дребезжащимъ, сиплымъ смѣхомъ. А Ехилъ смотрѣлъ на него внимательно, вдумчиво и ничего не говорилъ. И молчаніе его было какое-то странное, подозрительное: тайная непріязнь скрывалась въ немъ и глухая печаль.

— А господинъ Мавро-Мустаки, предсѣдатель биржевого комитета, меня-таки спрашиваетъ: какая ваша торговля?—весело сыпалъ Ноехъ.—Моя, говорю, торговля? Бакалейная!—И гдѣ она помѣщается?—Въ Тюремномъ переулкѣ.—А,—говоритъ,—знаю! Маленькая лавочка такая, подъ навѣсомъ?—А что-жъ?—говорю я.—Таки маленькая. Я-жъ таки собирался открыть большой складъ, только что-жъ? Надо же, чтобы кто-нибудь и маленькія лавочки держалъ. Ну я и уступилъ, и открылъ себѣ маленькую.—Ну, что вы на него скажете?

Ноехъ веселыми глазами обвелъ присутствующихъ.

— А это довольно даже необыкновенно,—говоритъ господинъ Мавро-Мустаки,—чтобы владѣлецъ такой ничтожной лавочки и былъ бы второй гильдіи купецъ.—А я ему отвѣчаю, что можетъ быть еще довольно больше необыкновенно, что когда человѣкъ хочетъ учиться, то ему дѣлаютъ во такъ...

Ноехъ растопырилъ руки, какъ если бы кому то загораживалъ дорогу. Онъ поднялъ потомъ правое колѣно и сдѣлалъ имъ выразительный жестъ...

— Такъ ты ему и сказалъ?!—всплеснула руками Малка.

— А почему и не сказать?—сумрачно отозвался Ехилъ.—А что такое, вы думаете, господинъ Мавро-Мустаки? Всѣ мы изъ крови и мяса, и когда помремъ, то всѣ лежимъ одинаково неподвижно.

— Ну, разумѣется, я не сказалъ господину Мавро-Мустаки, какъ мнѣ достались деньги, чтобы заплатить за гильдію,—продолжалъ Ноехъ.—Что? я стану ему говорить, что для этого мы продали тотъ кусочекъ выигрышнаго билета, который у насъ былъ? Или что я у Зильбервассера подъ вексель сорокъ рублей взялъ?.. Ничего я ему не сказалъ, лишь бы онъ меня въ свое биржевое общество принялъ.

— Теперь вашъ мальчикъ уже пристроенъ,—угрюмо проворчалъ Ехилъ.—А вотъ я... а вотъ мой...

Онъ помолчалъ и глубо вздохнулъ.

— Если бы мнѣ хоть въ городское удалось его опредѣлить...

— Богъ дастъ опредѣлите; Богъ дастъ, опредѣлите!—подбодрила старика повеселѣвшая Малка.

Ехилъ недружелюбно посмотрѣлъ на женщину, потомъ уставился на полъ.

— Пустые сны,—глухо и медленно проворчалъ онъ...

Съ недѣлю продолжалось радостное настроеніе Ноеха.

Онъ ходилъ побѣдителемъ, былъ ласковъ съ женой, былъ разговорчивъ съ покупателями и по товарищески-дружелюбно болталъ съ Менашкой. Планы насчетъ будущаго мальчика, одинъ друго великолѣпнѣе и заманчивѣе, толпою проходили въ его

головѣ. То видѣлъ онъ сына главнымъ бухгалтеромъ въ бессарабскомъ банкѣ и даже членомъ правленія, то представителемъ первоклассной экспортной фирмы; то казалось ему, что мальчикъ непремѣнно окончитъ университетъ, сдѣлается докторомъ, большимъ, знаменитымъ докторомъ; то представлялось ему, что Менашка пойдетъ въ инженеры и изобрѣтетъ необыкновенную машину,—электрическій воздушный шаръ или какой-нибудь особенный подводный «броненосъ».

До тѣхъ поръ, пока Менашка закончитъ образованіе, евреямъ дадутъ права, и онъ сдѣлается первымъ профессоромъ. А хоть бы и не дали правъ, все равно, изобрѣтенія его будутъ приняты. Это будутъ замѣчательныя изобрѣтенія, такія важныя, что ужъ никто не станетъ обращать вниманіе,—еврей ихъ сдѣлалъ или христіанинъ.

— И пусть-таки они знаютъ, что можетъ изобрѣсти еврей! Пусть знаютъ, какія у евреевъ замѣчательныя головы... «Вы мнѣ не давали учиться? препятствія дѣлали и все?— на-те-жъ вамъ за это непотопляемый броненосъ»...

Ноехъ мечталъ и про себя, въ одиночку, и вслухъ, вмѣстѣ съ женой; а иногда и въ большой компаніи, со слѣпымъ отцомъ, съ Менашкой и другими членами семьи...

Будущіе успѣхи представлялись несомнѣнными, и воодушевленіе и радость царили въ подвалѣ...

VII.

Свѣтлое настроеніе это не было, однако же, продолжительнымъ.

Съ тревогой, съ недоумѣніемъ, съ тоской, со злобнымъ негодованіемъ узналъ Ноехъ, что не онъ одинъ нашелъ способъ «перехитрить уставъ». Еще цѣлый рядъ лицъ догадался сдѣлать тоже самое, что сдѣлалъ онъ, и къ господину Мавро-Мустаки стали каждый день являться новоиспеченные купцы съ просьбой зачислить ихъ въ члены биржевого общества. Мелкіе торговцы, мелкіе агенты мелкихъ фирмъ, разные факторы маклера, прикащики и люди безъ опредѣленныхъ занятій— всѣ вдругъ стали выбирать гильдейскія свидѣтельства и стали записываться членами въ биржевое общество. Собирали послѣднія крохи, дѣлали займы, закладывали и продавали разный домашній скарбъ—лишь бы сколотить необходимую для уплаты за гильдію сумму, лишь бы добиться привилегіи для своихъ дѣтей.

Всѣ старались продѣлать это потихоньку, по секрету отъ другихъ. Но въ купеческой управѣ люди сталкивались, писцы ґромко потѣшались надъ «безштанными купцами», при всѣхъ

болтали и острили на ихъ счетъ. Секретъ скоро дѣлался общимъ достояніемъ, и уже по всему городу, всему еврейскому населенію стало извѣстно, что именно надо продѣлать, чтобы сохранить хоть нѣкоторые шансы на опредѣленіе дѣтей въ училище. И «купцы» посыпались со всѣхъ сторонъ, и съ каждымъ днемъ ихъ становилось все больше и больше.

Сначала гильдейскія свидѣтельства выдавали безпрепятственно всѣмъ. Потомъ, когда охотниковъ стало появляться уже слишкомъ много, въ купеческой управѣ почувствовали значительное смущеніе... Одному-двумъ пробовали отказать, но отвергнутые протестовали, отстаивали свои права, клянчили, приносили рекомендательныя письма, угрожали жалобами.. И во избѣжаніе кляузъ и хлопотъ, скрѣпя сердце, управа продолжала выдавать гильдейскія свидѣтельства направо и налѣво...

— Ну, что вы на это скажете?—съ тревогой, со злостью восклицалъ Ноехъ, обращаясь къ Ехилу:—всѣ теперь купцы! Какой-нибудь поганый прикащикъ на тридцать рублей въ мѣсяцъ, второй годъ сидитъ безъ мѣста и сдыхаетъ съ голоду, а тоже—купецъ... Прямо несчастье? Весь городъ—купцы, всѣ купцы. Гдѣ какой пархъ и лопдакъ найдется—ужъ онъ тебѣ непремѣнно купецъ...

Ноехъ возмущенъ былъ глубоко и искренно. Ему казалось, что съ нимъ поступили нечестно, подвели его, предали и обобрали... И онъ отъ души ругалъ и проклиналъ всѣхъ новоявленныхъ купцовъ. Но мало-по-малу возмущеніе его стало проходить, и оно замѣнялось глубокимъ и тяжкимъ уныніемъ.

— Ну что же остается дѣлать еврею!—горестно восклицалъ онъ.

И ему даже стыдно и горько дѣлалось за то, что вчера только онъ негодовалъ и злобствовалъ на людей, такихъ же придавленныхъ и несчастныхъ какъ онъ самъ.

— Ну что дѣлать! Что!

Онъ гнѣвно ударялъ кулакомъ по стойкѣ.

— Не даютъ жить! Не даютъ еврею жить на свѣтѣ, вотъ и все!

А Ехилъ, слушая его, и глядя на него, сумрачно думалъ про свое... Хоть-бы въ городское училище опредѣлить внука...

И думалъ онъ также, что будь у него деньги, онъ бы тоже попытался въ купцы записаться... Нищета, тяжкая нищета!..

Вотъ если бы Ворновицеръ захотѣлъ помочь! Что значитъ для Ворновицера какая-нибудь сотня! А вѣдь онъ все же довольно близкій родственникъ... Правда, до сихъ поръ онъ знать не хотѣлъ Ехила, никакой поддержки ему не оказывалъ, на порогъ къ себѣ его не пускалъ. Но все-таки... если хорошенько попросить... если подослать людей просить... и въ виду особенной важности во-

проса... ради мальчика... Вѣдь мальчикъ все-таки родной племянникъ первой жены Ворновицера... Таки она умерла—это правда; но мальчикъ вѣдь живъ... И если хорошенько попросить.

— И вдругъ-бы таки помогъ Ворнавицеръ?.. И вдругъ-бы еще и похлопоталъ за Лейбку... Слово Ворновицера много значитъ... у, очень много!.. И у директора, и въ попечительномъ совѣтѣ, вездѣ... Ворновицеръ?!. Онъ же со всѣми сватъ... со всѣмъ начальствомъ... И на новый годъ такъ ему градоначальникъ же посылаетъ карточку... О-го Ворновицеръ!

Ехилъ мечталъ тревожно. Возбуждаемый разсказами про хлопоты и старанія другихъ, разжигаемый гнѣвными протестами Ноеха, онъ приходилъ въ большое волненіе... Странная рѣшимость вливалась въ его сердце.. Дерзкая предпріимчивость вставала въ немъ. И уже вѣрилось въ помощь Ворновицера, и вѣрилось въ отзывчивость и порядочность его, вѣрилось въ блестящія способности и удивительное трудолюбіе Лейбки,—мальчика тупого, лѣниваго и распущеннаго...

— Я тоже могу... Я тоже долженъ... Что такое?!. Пусть и мое дитя примутъ!..

Волнуясь, блѣдный, но съ гордымъ сознаніемъ своихъ правъ, своихъ правъ человѣка, весь встревоженный горячимъ самовнушеніемъ, весь затопленный вѣрою въ святость своего дѣла, вошелъ Ехилъ къ предсѣдателю биржевого комитета.

— Я желаю... я въ купцы, во второй гильдіи купцы.

Периклъ Мавро-Мустаки съ недоумѣніемъ оглядѣлъ странную фигуру Ехила.

— Въ купцы... Но... но... Ну хорошо... Чѣмъ вы торгуете?

— Я не торгую, я сторожъ на кладбищѣ. Но у меня есть внукъ—горячо, почти вдохновенно сказалъ Ехилъ.—Я хочу, чтобы онъ учился!..

...Когда часа черезъ полтора Ехилъ тяжелымъ шагомъ подходилъ къ кладбищу, къ своей хибаркѣ, онъ уже очень хорошо понималъ всю дикость, все безуміе своихъ попытокъ... И стыдно ему не было только потому, что разстилалось передъ нимъ кладбище, а на кладбищѣ этомъ—онъ зналъ хорошо—всѣ лежатъ одинаково неподвижно.

VIII.

Въ биржевое общество новыхъ членовъ уже не принимали. Но и тѣхъ, которые успѣли поступить, было слишкомъ много, больше чѣмъ имѣлось вакантныхъ мѣстъ въ коммерческомъ училищѣ. Поэтому было рѣшено, что при зачисленіи учениковъ счи-

таться будутъ съ давностью, предпочтеніе будетъ отдаваться дѣтямъ тѣхъ купцовъ, которые членами биржеваго общества состоятъ уже нѣсколько лѣтъ.

Богатый домовладѣлецъ Ходарковскій, который не успѣлъ записаться въ купцы, рвалъ на себѣ волосы. Онъ предложилъ пожертвовать училищу двѣ тысячи рублей, если примутъ его мальчика. Другой обыватель, пекарь Тупкисъ, за принятіе своихъ двухъ мальчиковъ, обѣщалъ пожертвовать три тысячи. Училище въ средствахъ нуждалось, и предложеніе жертвователей попечительнымъ совѣтомъ было принято... Съ каждымъ днемъ выяснилось все больше и больше, что поступать будетъ чрезвычайно трудно, тѣмъ труднѣе, что христіане неохотно шли въ училище, и «еврейскихъ» мѣстъ было сравнительно очень немного.

Наступили экзамены. Прошли экзамены. Менашка выдержалъ во второй классъ и получилъ однѣ пятерки. Шансы на поступленіе были, но и возможность остаться за дверью была велика...

Тѣ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ шла сортировка выдержавшихъ испытанія дѣтей, семья Ноеха провела въ трепетѣ и мукахъ. Лавочникъ боялся надѣяться, и у него не было силъ сомнѣваться. Онъ переживалъ какія-то совсѣмъ особыя чувства,— невыносимо тяжкія, нестерпимо горькія... Казалось, заболѣй Менашка опасной болѣзнью, умри онъ,—не было бы у Ноеха такой темной тревоги въ сердцѣ, и не было бы этого жестокаго чувства обиды и униженія. Смерть была бы отъ Бога, она была бы тайной, она была бы тѣмъ, что существовало всегда, на всей землѣ, и всегда на ней будетъ, для всѣхъ людей, для сильныхъ и слабыхъ, для евреевъ и для христіанъ. А теперь... а это... нелѣпое, злое, жестокое дѣло рукъ человѣческихъ, никому ненужное и такое мучительное...

Можетъ быть, надо бороться? Можетъ быть, надо что-нибудь предпринять? Бѣжать куда-нибудь, просить кого-нибудь, умолять, подкупать, плакать?..

Но бѣжать некуда было, и даже въ училище нельзя было ходить: директоръ, котораго осаждали съ утра до ночи и въ училищѣ и на квартирѣ, убѣдительно просилъ не безпокоить его и обѣщалъ черезъ два-три дня все выяснить окончательно и всѣхъ оповѣстить...

Ноехъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Сердце его билось громко и нервно, и странная боль стояла въ лѣвомъ плечѣ, въ локтѣ, и въ мизинцѣ. Онъ вытягивалъ впередъ руку, внимательно смотрѣлъ на пальцы, жесткіе, грязные, съ черными ногтями, и съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя: что означаетъ эта боль. И хотя не былъ врачемъ и никогда о такой боли не слыхалъ, но догадывался, что это что-то серьезное, очень серьезное...

— Удивительно развѣ?.. Отъ тревогъ... отъ мученія это... Сердце испортилось... Не выдержало сердце...

Онъ чувствовалъ, что болѣзнь серьезна... и тѣмъ страшнѣе, тѣмъ невыносимѣе была мысль, что Менашку не примутъ. И именно эта мысль всего чаще мелькала въ его головѣ. И опять онъ слышалъ, слышалъ явственно, что тотъ, веселый и довольный, который всегда стоялъ за его спиной и билъ по темени, каждый разъ, когда онъ со страхомъ и съ надеждой тихо отдѣлялся отъ нищеты, — что тотъ веселый и довольный снова поднялъ высоко кверху свою тяжелую руку и съ беззвучнымъ смѣхомъ сталъ тихо ею потрясать...

И опять было въ домѣ безмолвіе и глубокіе тяжелые вздохи.

И Ноехъ молчалъ, и Малка молчала, и слѣпой дѣдъ молчалъ, и только изрѣдка вырывалось у кого-нибудь короткое и злобное замѣчаніе, упрекъ ѣдкій или отрывистая брань. Всѣ были въ тягость и себѣ, и другимъ, и похоже было на то, что жившіе здѣсь люди другъ другу чужды, другъ другу враждебны, другъ другу сильно и злобно навредили, и что они молчатъ только временно, но каждую минуту можетъ у нихъ вспыхнуть страшная ссора, и тогда ядовитыя, злыя и жестокія слова потекутъ, обжигая, какъ расплавленный чугунъ...

Менашка безъ дѣла слонялся по двору и на улицѣ. Мысли важныя и глубокія, мысли дѣтски серьезныя, выдавленныя желѣзной тяжестью еврейской жизни, странно переплетались въ немъ съ наивными, ребячьими соображеніями и мечтами. Вотъ, если бы всѣ христіанскіе мальчики поступили въ коммерческое училище! Всѣ, и съ Рыбной улицы, и съ Увенькой,—сколько бы открылось тогда мѣстъ для евреевъ! Если бы и Гришка молоканъ, и косой Степка, и Филька-Рябошапка, и Романовчихины Гаврикъ и Ильюшка!.. Но они не поступятъ...

Тоскливо было на душѣ у мальчика и пусто вокругъ него. Онъ жалобно оглядывалъ свои книжки, и онѣ казались ему какими-то странными, чужими и далекими. Точно былъ у него товарищъ, милый, добрый, а теперь онъ измѣнилъ, подружился съ другими и его, Менашку, оставилъ одного, навѣки одного оставилъ въ темномъ подвалѣ, позади маленькой лавочки...

Въ канцеляріи Ноеху сообщили странныя вещи. Во второмъ классѣ, куда Менашка такъ блистательно выдержалъ экзаменъ, «еврейскихъ» мѣстъ нѣтъ. Мальчика готовы были принять въ первый классъ, онъ даже былъ внесенъ въ списки, но потомъ оказалось, что произошла ошибка: купецъ Авербухъ привезъ на экзаменъ двухъ сыновей; оба выдержали удовлетворительно и обоихъ приняли, такъ какъ Авербухъ членомъ биржевого общещества состоитъ уже девятый годъ. По недосмотру, однако же,

въ журналъ вписанъ былъ только одинъ изъ мальчиковъ. Потомъ уже путаница разъяснилась, пришлось ее исправить, вписать и второго, и отъ этого для Менашка мѣста уже не оказалось. Но Менашка первый кандидатъ.

— Теперь остается вамъ молить Бога, чтобы какому-нибудь русскому мальчику вздумалось къ намъ поступить, осторожно расправляя богатую золотистую бороду, говорилъ Ноеху плотный письмоводитель.—Мы тогда и вашего примемъ.

— А теперь же?.. А сейчасъ?..—недоумѣвая восклицалъ Ноехъ.

— А сейчасъ какъ же мы можемъ? У насъ тридцать два христіанина и тридцать два еврея: ровно пятьдесятъ процентовъ.

— Ради Бога! Ради самаго Бога! Что вы со мной дѣлаете!?—вскрикнулъ Ноехъ, и слезы потекли по его впалымъ щекамъ.— Кому будетъ хуже, если вы примете и моего мальчика.

— А кому будетъ хуже, если бы приняли еще пятьдесятъ мальчиковъ?—съ тихой усмѣшкой сказалъ письмоводитель. — Но что-жъ мы подѣлаемъ?.. Мы не можемъ...

Ноехъ умоляющими глазами смотрѣлъ на письмоводителя.

— Ничего не можемъ,— повторилъ тотъ, рѣшительно ничего.

— Тридцать два... какъ разъ тридцать два... съ убитымъ видомъ бормоталъ Ноехъ...

Слезы остановились на рѣсницахъ Ноеха. Выраженіе растерянности и мольбы сбѣжало съ его лица, и отразилась на немъ сосредоточенная, тревожно-торопливая душа.. Словно искалъ чего-то этотъ человѣкъ въ своемъ мозгу, словно близка была какая то новая, необычайная идея, и точно не давалась эта идея и стремилась уйти, извиваясь и прячась, какъ тонкая змѣя въ высокихъ, густыхъ камышахъ...

И гнѣвное чувство, волновавшее сердце, мѣшало думать, мѣшало углубиться...

Ноехъ вышелъ изъ канцеляріи и направился домой. И отъ гнѣва и ненависти онъ шелъ теперь быстро, почти бѣжалъ. Точно на расправу спѣшилъ онъ, точно отомстить торопился...

— Невозможно жить! Невозможно жить!—внутренно кричалъ онъ.—Что-нибудь надо сдѣлать! Необходимо себѣ помочь! Люди работаютъ, бьются, мучаются, хотятъ перемѣнить все, — и это очень хорошо... Такъ невозможно, невозможно такъ... Нехай Сибирь, нехай каторга, нехай эшафотъ, но такъ невозможно... За что это? Что мы сдѣлали? Убили? ограбили? подожгли?.. Законы я исполняю, налоги я плачу, хабары я плачу, работаю, мучусь, какъ каторжный, уже вся моя кровь выпита, уже весь мой мозгъ въ костяхъ высохъ, мое здоровье растрачено,—а жить не даютъ! Ни мнѣ, ни моимъ дѣтямъ не даютъ жить! За что, Богъ! Я тебя спрашиваю: за что? Я запасной, завтра меня могутъ взять на

войну, что будетъ съ моимъ семействомъ... А когда меня ранятъ и оторвутъ руку или ногу и привезутъ въ Москву, въ лазаретъ, и я тамъ буду умирать, то моей женѣ и моему сыну не дозволятъ пріѣхать со мной проститься... Читалъ же я это, въ газетахъ же это есть!.. Нельзя еврею жить въ Москвѣ.. И если меня изъ лазарета, уже безрукаго или безногаго выпишутъ, то прямо съ койки отправляютъ съ полицейскими на вокзалъ!..

— Это жизнь? Это справедливость?! Вотъ такъ вотъ и должно быть!? Вотъ такъ?! И все молчать? Молчать?!

Съ перекошеннымъ отъ злобы и гнѣва лицомъ, Ноехъ смотрѣлъ впередъ себя. По обѣ стороны кривого, узкаго переулка, какъ злыя чирья, стояли темные, грязные дома, и на всѣхъ лежала печать унынія и нищеты. Смрадъ шелъ отъ домовъ, и копоть, и въ тяжеломъ молчаніи ихъ чувствовались мука болѣзни и тоска отлученія... Даже деревья, кое гдѣ одиноко стоявшія у домовъ, были жалкія и изувѣченныя, и походили на прокаженныхъ, которые протянули къ пустому небу свои полусгнившія руки... Изъ мастерской лудильщика доносился визгливый скрежетъ жести, которую рѣзали неумѣлой рукой, гдѣ-то плакали дѣти, и слышалось чье-то странное пѣніе,—хриплое, надорванное, похожее на предсмертную икоту...

«Все это евреи,—думалъ Ноехъ:—все это мы... наша мука»...

Дѣйствительно, уличка заселена была почти исключительно евреями, и она представляла собой точно музей нищеты и страданія. Здѣсь томились сотни безработныхъ людей или людей, получающихъ гроши за каторжный шестнадцатичасовой трудъ. Здѣсь были жалкія лавочки, въ которыхъ весь товаръ можно бы закупить за пять рублей; здѣсь были маленькія мастерскія и конуры, въ которыхъ копошились многочисленныя голодныя семьи—разбитые старики, больныя дѣти. Болѣзни постоянно жили въ этомъ углу, болѣзни хроническія, тихія, и заболѣванія острыя,—такія, отъ которыхъ въ одномъ домѣ, въ одну недѣлю иной разъ,—особенно осенью или ранней весною, умирало по нѣсколько человѣкъ... И голодъ жилъ здѣсь, и униженіе, и скорбь, и тоска..

«Что-жъ, развѣ это вѣчно будетъ такъ?—подумалъ Ноехъ.— Вѣчно»?

И казалось ему, что конецъ наступитъ, что конецъ приближается... Жить такъ невозможно, эта жизнь отходитъ... Отходитъ тупая покорность, унылые вздохи и робкая, пустая печаль. Гнѣвъ пришелъ! Пришелъ и сталъ въ сердцахъ, завладѣлъ молодыми, крѣпкими, захватилъ и стариковъ. Гнѣвъ повалитъ ихъ и уничтожитъ,—онъ ихъ уничтожитъ, но изъ побѣжденныхъ и погубленныхъ выростетъ свобода и расцвѣтетъ иная жизнь...

Нѣсколько облегченный, съ неожиданнымъ чувствомъ сладкаго

злорадства, направился Ноехъ вверхъ, по уличкѣ, и скоро, завернувъ за уголъ, очутился въ своемъ Тюремномъ переулкѣ.

Здѣсь было тише и чище, и спокойнѣе, и дома хоть и не особенно большіе и парадные, не говорили, однако же, о нищетѣ и страданіяхъ. Изъ всѣхъ построекъ, кокетливой чистотой и миловидностью выдѣлялся домикъ портового чиновника Ивана Никифоровича Ѳомина. Онъ былъ выкрашенъ въ свѣтло-зеленую краску, а цоколь и колонки были раздѣланы подъ малахитъ.

«Чего недостаетъ Ѳомину?—думалъ Ноехъ.—Развѣ что лихорадки... Нажился... Устроился... Умный онъ такой? Образованный? Работящій?. Только и всего, что онъ не еврей. Если не еврей, то и можетъ жить... Былъ бы еврей, такъ съ его головой, съ его знаніями, онъ бы съ голоду пухнулъ, кости по дворамъ собиралъ бы, а теперь, вишь, онъ какой...

Ноехъ сталъ вспоминать, какимъ былъ Ѳоминъ лѣтъ десять тому назадъ, когда только еще появился въ Тюремномъ переулкѣ. Ничтожный, маленькій былъ чиновничекъ, придурковатый какой-то. Но получилъ мѣсто «съ доходомъ» и сталъ разживаться... Купилъ домикъ, въ которомъ жилъ,—ветхенькій, маленькій, и года черезъ два его отремонтировалъ и перекрылъ желѣзомъ, а во дворѣ разбилъ цвѣтничекъ... Сталъ давать въ ростъ деньги—небольшими суммами, но подъ хорошіе проценты. Скоро онъ откупилъ часть пустыря, который примыкалъ къ его домику, и застроилъ его цѣлымъ рядомъ маленькихъ квартиръ. Постройка обошлась дешево—строевой матеріалъ Ѳомину доставили тѣ же подрядчики, которые поставляли его и для нуждъ порта, гдѣ пріемщикомъ былъ Иванъ Никифоровичъ, а доходъ квартиры давали хорошій...

Ѳоминъ богатѣлъ быстро и теперь ссуды давалъ уже суммами значительными...

Подрядчики, поставлявшіе въ портъ желѣзо, пеньку, масло, канаты, главнымъ образомъ, ублаготворяли лицъ покрупнѣе, но и Ивана Никифоровича обходить нельзя было, и маленькій, усатый человѣчекъ этотъ, черненькій, лысенькій, худенькій и тихонькій, бралъ не очень большими кушами, но систематически и настойчиво, и взятое пускалъ въ оборотъ такъ умѣло, съ такимъ тонкимъ и вѣрнымъ чутьемъ и разсчетомъ, и при этомъ жизнь велъ такую умѣренную и экономную, что считался теперь однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ лицъ, если не всего города, то всего околотка...

«И дѣти его учатся,—со злобной завистью подумалъ Ноехъ.—Только лихорадки ему недостаетъ».

Онъ остановился и угрюмымъ взглядомъ сталъ слѣдить за группой мальчишекъ, возившихся съ огромнымъ бумажнымъ

змѣемъ. Хвостъ змѣя запутался въ телеграфной проволокѣ, и мальчики швыряли въ проволоку камнями, стараясь отцѣпить и освободить свой змѣй.

— Головы у его дѣтей... какъ колоды въ рѣзницѣ... А ничего, имъ учиться можно...—Онъ вздохнулъ.—И ужъ какой буцъ долженъ быть его Аполлошка, если его изъ гимназіи выгнали, и онъ теперь байды бьетъ.

— Ти... Шмерка-Берка!—закричалъ Аполлошка, выбѣгая съ длиннымъ шестомъ изъ воротъ и направляясь мимо Ноеха къ телеграфной проволокѣ.—Нашего жмѣй запутался... Возьми палоцку и шними...

И ребята весело расхохотались.

Ноехъ смѣха ихъ не слыхалъ... Снова появилось на лицѣ его выраженіе сосредоточенной, тревожно-торопливой думы... Опять стало похоже на то, что искалъ чего-то этотъ человѣкъ въ своемъ мозгу, что близко сверкала какая-то новая, необычайная идея, и что не давалась эта идея и стремилась уйти, извиваясь и сверкая, какъ тонкая змѣя въ густомъ камышѣ...

Ноехъ постоялъ нѣсколько минутъ неподвижно, съ широко раскрытымъ ртомъ .. Потомъ, задумчивый и сосредоточенный, онъ тихо направился къ себѣ... Онъ никому не сказалъ ни слова, сѣлъ къ оконцу и рукой закрылъ глаза. Онъ просидѣлъ такъ съ полчаса, погруженный въ глубокое обдумываніе...

Потомъ онъ подошелъ къ зеркалу, тщательно расчесалъ бороду, поправилъ галстухъ и вышелъ.

IX.

Иванъ Никифоровичъ Ѳоминъ, въ тужуркѣ изъ чортовой кожи, сидѣлъ за длиннымъ столомъ въ цвѣтникѣ и мирно кушалъ чай. Супруга его, Анастасія Михайловна, красивая, бѣлая, голубоглазая, еще молодая, но уже довольно тучная женщина, помѣщалась тутъ же, и полными бѣлыми пальцами лѣниво постукивала по струнамъ лежавшей на скамьѣ гитары.

— Нѣтъ, какой же это инструментъ,—тихо вздохнувъ, проговорила она красивымъ груднымъ голосомъ.—Сколько времени надо, пока мало-мальски научишься.

— За терпѣніе Богъ даетъ спасеніе,—возвѣстилъ Иванъ Никифоровичъ, икнувъ.

Анастасья Михайловна вздохнула вторично.

— Лучше нѣтъ, какъ грамофонъ. Купилъ бы ты, Ваня, грамофонъ.

Ѳоминъ не успѣлъ отвѣтить, потому что открылась калитка, и въ ней показался Ноехъ.

— Здравствуйте, Ивану Никифоровичу!—почтительно снявъ шляпу и озираясь счастливой улыбкой, еще издали закричалъ лавочникъ.

— А, ты, братецъ? Здорово, мое почтеніе... Что хорошенькаго?.. Да пошли вы прочь... Діанка! Бѣлка!.. Вотъ разгавкались, анаѳемскія...

— Не безпокойтесь, Иванъ Никифоровичъ... Нехай онѣ себѣ... что, онѣ меня не знаютъ развѣ? Онѣ меня знаютъ хорошо.

— Да знать то знаютъ, а между прочимъ тово... Пошли прочь...

Но уже собаки, узнавъ Ноеха, подбѣжали къ нему и стали ласкаться...

— Видите: онѣ жъ только ошиблись; конь о четырехъ ногахъ и спотыкается, а у собаки, дѣло извѣстное, всего три ноги... хе-хе-хе...

Ноехъ нагнулся и дружески потрепалъ одну за другой Діанку и Бѣлку.

— А какъ тутъ у васъ хорошо, Иванъ Никифоровичъ,—сталъ онъ озираться.—Какой замѣчательный цвѣтничекъ...

— Ничего, не плохой.

— Прямой рай! Настоящій рай!

— И вѣрно, что рай... А я—Адамъ, а она вотъ—Ева,—указалъ Ѳоминъ на жену и весело разсмѣялся.—Ну, а только ты же, въ такомъ случаѣ, кто такой будешь: змѣй искуситель, а?

— Хе-хе-хе,—засмѣялся и Ноехъ:—таки правда, таки по настоящему...

Ноехъ повеселѣлъ. Ѳоминъ, повидимому, былъ хорошо настроенъ,—а имѣть дѣло съ бариномъ всегда удобнѣе, если онъ хорошо настроенъ...

— Что такое? Когда Богъ захочетъ, такъ онъ и на землѣ устроитъ рай. Онъ все дастъ: и денежки, и почетъ, и здоровье...

Мгновеніе помолчавъ, Ноехъ осторожненько, вкрадчиво, измѣненнымъ голосомъ, прибавилъ:

— И дѣтей хорошихъ...

— А что-жъ? Это вѣрно, Ноехъ. Господь-Богъ...

Иванъ Никифоровичъ потянулся къ краю стола, гдѣ была банка съ вареньемъ. Онъ зацѣпилъ при этомъ пустой стаканъ, и тотъ безъ звона упалъ въ кусты ярко-оранжевыхъ чернобровокъ.

— Фу ты, анаѳемскій!.. Не разбился?.. Ну и отлично... Да, братъ Ноехъ: Господь-Богъ знаешь ли... у Господа у Бога добра всякаго достаточно...

— Складъ порядочный!—подхватилъ Ноехъ.—А вы думали что? Когда Богъ уже возьмется, такъ ужъ ну-ну! Ужъ онъ справится вполнѣ.

*

— Это что и говорить... Да поди же ты прочь, Діанка! Теперь вотъ лижешься... глупая ты собака... то гавкать, а то лизаться...

— Только что Богъ,—какъ до кого, — вздохнувъ сказалъ Ноехъ.—Кто заслужилъ, такъ тому и есть все, а кто, напримѣръ, такъ себѣ, протекціи до Него не имѣетъ, такъ тому таки здорово паскудно бываетъ.

— Что будешь дѣлать, Ноехъ!

Иванъ Никифоровичъ, прищурившись, заглядывалъ въ банку съ вареньемъ и осторожно загребалъ въ ней ложкой.

— Это ужъ такое дѣло!—заключилъ онъ.

— И таки очень паскудное дѣло, Иванъ Никифоровичъ.

— А роптать не надо. Это, братъ, и въ вашихъ книгахъ сказано, и въ нашихъ, и вездѣ... Всякому по дѣламъ его, по заслугамъ... Роптать грѣхъ...

— Уй — уй! Еще какой грѣхъ! — поспѣшилъ согласиться Ноехъ.—Развѣ я говорю нѣтъ? Боже меня сохрани! Такой грѣхъ, что даже страшно...

— Пусть тебя холера схватитъ!—подумалъ на жаргонѣ лавочникъ.—Ужъ буду тебѣ потакать... Я лучше могу сдѣлать?.. Видалъ ты его: ему Богъ помогаетъ, такому хабарнику, такому ростовщику, такому грабителю... Это ему по заслугамъ, и домъ, и деньги, и чинъ, и дѣти всѣ учатся... А чтобы ты уже въ землѣ лежалъ, кровопійца.

— Безъ Бога, Иванъ Никифоровичъ, не до порога, и развѣ можно что сказать противъ Бога.

— Вотъ въ томъ то и штука.

Минутъ пять еще продолжались варіанты на тему о большомъ значеніи Бога и о необходимости смиренія. Потомъ Ноехъ сталъ подбираться къ интересовавшему его дѣлу.

— Такъ, слава Богу, всѣ ваши дѣтки хорошо учатся? Всѣ въ гимназіяхъ.

— Хорошо, не хорошо, но учатся. А вотъ каторжный Аполлошка, тотъ совсѣмъ не хочетъ. Выгнали прохвоста. Чистая бѣда!

— О, не хочетъ! На то же дите,—успокоилъ Ноехъ.—Сегодня не хочетъ, завтра захочетъ.

— Нѣтъ, уже это такой лодырь... Отдамъ его въ городское училище, какъ-нибудь хоть грамотѣ пусть научится. А тогда на службу... По крайней мѣрѣ, расходу меньше.

Ноеху дѣлалось все легче и веселѣй: дѣло начинало налаживаться.

— А чи вы слыхали, что открылось новое коммерческое училище?—вкрадчиво спросилъ онъ.

— Слышалъ, конечно!

— Ухъ, какое знаменитое училище!

— Да,—хвалятъ...

— Просто необыкновенность... Все по новой методѣ будетъ.

— Ишь ты: по новой...

— Замѣчательно!—Ноехъ чмокнулъ языкомъ.—А можетъ вы бы, Иванъ Никифоровичъ, вашего Аполлончика туда опредѣлили?

— Аполлона? Нѣтъ... куды тамъ...

— Отчего же? Отчего?—затрепеталъ Ноехъ.—Замѣчательное же училище, необыкновенное.

— Какъ то мнѣ и въ голову не приходило... Да, кажется, конкурсъ тамъ, и все... Нѣтъ, ужъ я бы его лучше въ реальное...

— Э, «реальное, реальное»... Мнѣ, напримѣръ, такъ совсѣмъ не нравится реальное, ей Богу! Я своего въ коммерческое опредѣлилъ. Экзамены выдержалъ отлично, на круглое пять съ плюсомъ.

— Вотъ это, Ноехъ, хорошо! Поздравляю! Душевно радъ, ей-Богу.

— Людямъ счастье,—вздохнувъ, проговорила Анастасья Михайловна.—Вотъ и выдержалъ мальчикъ...

— На пять съ плюсомъ! — свѣтясь отъ счастья, но съ какими-то скорбными, тоскующими нотами въ голосѣ вскрикнулъ Ноехъ.—На круглое пять!

— Видишь, Ваня, какъ у людей,—почти укоризненно качнула головой Анастасья Михайловна.—И вѣдь больной мальчикъ какой-то, щупленькій, зеленый, въ чемъ душа держится... На круглое пять!

— А Аполлошка твой быка повалитъ, а на круглое единъ учится. — Иванъ Никифоровичъ поднялъ кверху указательный палецъ:—во, единъ! видишь? единъ... Хе-хе-хе...

— А что если бы все-таки вашего Аполлончика отдали въ коммерческое?—весь замирая, политично спросилъ Ноехъ.

— И пробовать не стану! Какого чорта! Пускай свинопасомъ будетъ!

— Ой, хорошо въ коммерческомъ... Всѣ дороги потомъ открыты, на инженера, на механика, и еще можетъ пока они окончатъ, будутъ, реформы, и въ университетъ позволятъ поступать.

— Да, реформы... а пока что, сто цѣлковыхъ изволь выкладывать за ученіе... Тамъ, кажется, сто?.. да обмундировка...

Ноехъ помолчалъ. Странное волненіе охватило его... «сказать прямо? Уже?.. Или еще подготовлять почву?.. Еще убѣждать?.. Вѣдь это послѣдній шагъ, послѣдняя попытка, послѣдняя карта... Если не удастся—все пропало, все»...

Сердце билось у лавочника, дыханіе спиралось, и казалось ему, что слезы подступаютъ къ глазамъ...

«Но если онъ и не захочетъ, то вѣдь другого можно,—подумалъ онъ вдругъ:—другой найдется... Я поищу, найдется, непремѣнно найдется другой».

И отъ этой мысли Ноеху стало какъ то легче, прошли спазмы въ горлѣ, и болѣе спокойно онъ началъ опять, прямо подходя къ дѣлу.

— Иванъ Никифоровичъ! Я берусь опредѣлить вашего сына въ коммерческое училище. Я все сдѣлаю, весь хлопотъ на себя беру.

Ѳоминъ пристально посмотрѣлъ на Ноеха.

— То-есть какъ это? Зачѣмъ? мнѣ маклера ненужно.

— Не маклеръ, нѣтъ! — вскричалъ Ноехъ. — Тутъ интересъ другой. Видите... Тутъ вотъ въ чемъ суть. — Ноехъ торопливо проглотилъ слюну.—Мой Менашка выдержалъ... Ну мѣста нѣтъ... По правилу, по закону, евреевъ можетъ быть пятьдесятъ процентовъ ровно столько, сколько христіанъ... Ну, въ первомъ классѣ тридцать два христіанина и какъ разъ столько же евреевъ...

— Ишь ты, какъ подогнали.

— А мой Менашка теперь первый кандидатъ .. Ежели поступитъ хоть еще одинъ русскій мальчикъ, то примутъ и моего сына. Понимаете?.. Примутъ его, Менашку моего, его примутъ, въ училище примутъ...

Ноехъ не говорилъ, а выкрикивалъ, поспѣшно, громко, волнуясь, сверкая глазами, и въ голосѣ его слышалась странная смѣсь мольбы, отчаянія, надежды и скорьби.

— Понимаете, если хоть одинъ, одинъ русскій... Я четыре года терплю, я четыре года добиваюсь. Замучилъ ребенка, загналъ, все семейство истерзалось... уже больше не можемъ... уже нѣтъ силъ... уже нашъ конецъ пришелъ... Я готовъ теперь на все, я что угодно сдѣлаю, но чтобы уже опредѣлить мальчика...

Иванъ Никифоривичъ внимательно, сосредоточенно и спокойно, снизу вверхъ смотрѣлъ на волновавшагося Ноеха, и красивая Анастасья Михайловна тоже не сводила съ лавочника своихъ красивыхъ и сочувственныхъ синихъ глазъ.

— Прямо силъ нѣтъ, прямо душа уходитъ, прямо конецъ намъ,—ровнымъ стономъ вырывалось изъ груди Ноеха.

Вся скорбь его жизни, вся тяжесть, и горькая мука ея, и безмѣрныя униженія, и оскорбленія несчетныя слышались въ этомъ горестномъ, сдавленномъ крикѣ. И была въ немъ какая-то наивность, была странная вѣра, что встревожится сердце человѣка, взволнуется и нальется состраданіемъ, и тогда братская рука быстро протянется впередъ и поддержитъ измученнаго, обезсиленнаго, гибнущаго человѣка...

Иванъ Никифоровичъ усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— Вѣдь вотъ вы какіе настырные, а!

И въ головѣ этого человѣка, тертаго и ловкаго, поживу тонко чувствующаго, стали зарождаться соображенія... Они комбинироваться стали, сплетаться, складываться въ нѣкоторый заманчивый планъ... Нѣсколько минутъ безмолвнаго обсужденія, — и планъ выяснился бы въ главныхъ чертахъ. Но и этого времени не прошло, какъ Ноехъ самъ и сразу освѣтилъ все дѣло.

— Иванъ Никифоровичъ! отдайте вашего сына въ коммерческое училище, а платить за него буду я. Я готовъ!

Лицо Ивана Никифоровича сохраняло выраженіе холодное, сдержанное. Онъ отодвинулъ отъ себя стаканъ и слегка потянулся. Анастасья Михайловна съ безпокойствомъ взглянула на мужа, потомъ на Ноеха, потомъ опять на мужа,—и въ глазахъ ея отразилось глубокое изумленіе.

— Какъ это,—вы будете платить?—спросила она.—Съ какой же это стати?

Иванъ Никифоровичъ положилъ свои плоскіе, узловатые пальцы на полную, бѣлую, до локтя обнаженную, руку жены и тихо, но внушительно, проговорилъ:

— Сядь!

— Я готовъ! Я съ удовольствіемъ! — горячась продолжалъ Ноехъ.—Когда поступитъ вашъ, то примутъ и моего... И я обязуюсь заплатить за двоихъ...

— Хорошо, за двоихъ,—дѣловито нахмурившись, не спѣша, произнесъ Иванъ Никифоровичъ. — За двоихъ... Стало быть за годъ за двоихъ... Ну а потомъ, а на слѣдующій годъ, значитъ, ужъ я самъ долженъ сто цѣлковыхъ выкладывать?

— И за слѣдующій годъ я заплачу... Знаете? я... я... Теперь пока открывается три класса... Я за три и заплачу... Я выдамъ обязательство три года платить за моего мальчика и за вашего..

Иванъ Никифоровичъ молча оторвалъ цвѣтокъ чернобровки, понюхалъ его и положилъ передъ собой на опрокинутый стаканъ.

— Видишь-ли, другъ мой: мнѣ вѣдь моего сына опредѣлять въ какое то тамъ коммерческое училище нѣтъ никакого резону, пойми ты это...

— Ахъ! Но вѣдь это-жъ такое училище! И всѣ дороги открыты...

— Я—дворянинъ, моему сыну дороги и такъ открыты.

— Я знаю,—поникнулъ головою Ноехъ:—Это я знаю...

— Ну, и стало быть, чего же мнѣ переть въ коммерческое? Разсуди самъ, какой мнѣ разсчетъ?

Выраженіе глубокой тоски легло на лицо Ноеха. Онъ понималъ, чего хочетъ Ѳоминъ и онъ сознавалъ, что лучше всего итти навстрѣчу его желаніямъ...

— Если мнѣ интересъ порядочный,—сказалъ Иванъ Никифо-

ровичъ,—ну тогда пусть Аполлошка въ коммерческое идетъ. А зря, зачѣмъ я его туда отдамъ... Шесть классовъ, въ каждомъ по сту рублей одного правоученія... не надо мнѣ такого расхода, даромъ деньги выкидать.

— Хорошо, я берусь платить за вашего сына все время, до окончанія.

— Ну, вотъ это разговоръ другой,—примирительно заявилъ Ѳоминъ:—Это похоже, обсудить можно... Но и тутъ есть зацѣпка... Да ты, другъ мой, погоди, ты не тово... не этово... не засыпай словами... Вѣдь все разсчитать надо, понять вѣдь надо...

— Ваня, но я не возьму въ толкъ,—опять вмѣшалась Анастасья Михайловна,—съ какой же все—таки стати чужой человѣкъ будетъ за Аполлошку платить.

— А съ такой, что ему выгодно,—спокойно пояснилъ Иванъ Никифоровичъ.—Не я къ нему пришелъ, а онъ ко мнѣ. Стало быть, знаетъ онъ, зачѣмъ пришелъ!—Ѳоминъ сдѣлалъ удивленное лицо:—развѣ я его силую?

— Ну, совѣстно же...

— Ахъ, Боже мой! Да почему такое тебѣ совѣстно, когда жъ ему это услуга!—Легкое нетерпѣніе отразилось въ глазахъ Ѳомина.—А знаешь, Настюша, что я тебѣ скажу?—онъ всѣмъ корпусомъ повернулся къ женѣ:—ты, милая, лучше бы не вмѣшивалась. Это дѣло тебя совершенно не касается. Поливала бы вотъ цвѣты...

— Опять же обмундировка,—снова обратился Иванъ Никифоровичъ къ Ноеху:—сейчасъ шинель надо, мундиръ, фуражку тамъ, и все прочее...

— Это жъ вездѣ надо, во всякомъ учебномъ заведеніи,—просительно произнесъ Ноехъ,—хотя бы въ гимназіи, хоть бы и въ реальномъ, вездѣ.

— Вездѣ то вездѣ, а только съ какой стати я стану какую-то коммерческую обмундировку шить? Это бы на твой счетъ слѣдовало.

— Иванъ Никифоровичъ, развѣ я говорю—не хочу? Боже спаси! Но я не могу. Я не въ силахъ, я не имѣю средствъ.

— Ну это, голубчикъ, тары-бары, красные товары. «Не имѣю средствъ»! У вашихъ еврейчиковъ денежки всегда припрятаны. Кербеле, кербеле... у васъ это всегда есть,-хе-хе-хе; всегда найдется.

— Клянусь вамъ, что нѣтъ!

— Развяжешь узелочки, хе-хе-хе...

— Чтобъ я такъ жилъ!.. Чтобъ я не дождалъ увидѣть мою жену и дѣтей...

— Развяжешь узелочки.

— Клянусь вамъ моимъ сыномъ! — страстно вскрикнулъ Ноехъ,—моимъ Менашкой, его поступленіемъ въ училище клянусь.

Иванъ Никифоровичъ сдѣлалъ равнодушное лицо.

— Ну, что жъ, голубчикъ, я тутъ пособить не могу.—Онъ взялъ чернобровку и понюхалъ ее.—Ну, а скажи: а когда ты для лавочки товаръ покупать ходишь, ты тоже говоришь, что денегъ нѣтъ.

Ноехъ молчалъ, потупившись. Потъ выступилъ у него на лбу, и онъ лилъ по блѣднымъ щекамъ.

Анастасья Михайловна, съ выраженіемъ вопросительнымъ и печальнымъ, смотрѣла куда-то въ сторону и смущенно поворачивала въ рукахъ гитару.

— Знаешь, Ноехъ,—ласково поглядывая на лавочника, сказалъ Иванъ Никифоровичъ.—Знаешь, какъ болгаре нашимъ солдатикамъ въ русско-турецкую войну говорили, когда мы братушекъ освобождать ходили? «Дашь, говорили, пáры, дамъ воду, нéма пáры—нéма воды». Хе-хе-хе. «Пáры»—это по ихнему денежки... Вотъ оно какъ... Безъ денежекъ ничего не сдѣлаютъ...

— Вамъ ничего и не понадобится дѣлать!—вскричалъ Ноехъ. Я весь хлопотъ на себя беру. Вы будете вотъ такъ себѣ сидѣть дома въ цвѣтничкѣ и пить себѣ на здоровье чай, а я и прошеніе подамъ и экзаменовать поведу, и все, все.

— Но вѣдь экзамены уже окончились?—спросила Анастасья Михайловна.

— Ничего, что кончились! Я буду просить, я буду плакать, я буду на колѣняхъ ползать... Они проэкзаменуютъ вашего мальчика отдѣльно. Они жъ мнѣ говорили, что мой первый кандидатъ, значитъ можно надѣяться, что еще примутъ русскаго, допустятъ ихъ экзаменоваться. Я все, все, все устрою.

— Да ужъ, конечно, ты это долженъ устроить! Мнѣ гдѣ-жъ тамъ съ этакой рахубой возиться... Но только я твердое слово говорю: я одѣвать Аполлона не стану, это братъ, какъ хочешь, а обмундировка на твой счетъ...

Мука, острая, тяжкая мука, отразилась на лицѣ Ноеха. Но онъ старался согнать это выраженіе, онъ старался улыбку вызвать на свои страдальческіе глаза.

— Когда-жъ у меня—вотъ! Онъ провелъ рукой по горлу. — Хоть зарѣжься...

— Те-те-те!—Ѳоминъ поднялъ руку и поигралъ пальцами. — Ваши евреи всегда такое поютъ, всегда рѣжутся, а между прочимъ погляди, и все ихъ больше да больше на землѣ становится, ей Богу, правда... Ну, какіе, однако, умные!—обернулся онъ къ женѣ: какъ это сейчасъ сообразятъ, какъ законъ обходить. Сказано: «пятьдесятъ процентовъ» — нѣтъ, онъ сейчасъ штучку вы-

думаетъ: тридцать четыре ученика, онъ тридцать пятаго на ярмаркѣ купитъ и приведетъ, а ужъ своего Янкеля тамъ или Берку посадитъ.. хе-хе-хе... Умная нація, это вѣрно! Что правда, то не грѣхъ. Тамъ, что хочешь себѣ говори, а такія бестіи, не дай Богъ... Вотъ хоть и нашихъ еврейчиковъ возьми. подрядчиковъ: тоже такія пройдохи, вѣдь, что уму непостижимо... Вчерашняго числа, напримѣръ, пріѣхалъ въ канцелярію этотъ самый Бурихсонъ и такую штуку предлагаетъ...

...«Гдѣ-жъ мнѣ взять, гдѣ мнѣ взять», — съ тоской думалъ Ноехъ, пока Иванъ Никифоровичъ, склонившись къ женѣ, неторопливо и подробно разсказывалъ о «штукѣ», которую предлагалъ Бурихсонъ.—«Гдѣ взять такія деньги»!..

Уже и такъ, въ какомъ-то почти безумномъ порывѣ, совершенно утративъ точное представленіе о дѣйствительности, подгоняемый безвыходностью, подгоняемый отчаяніемъ, накинулъ онъ на себя петлю и обязался въ теченіе шести лѣтъ платить за Аполлона. Теперь требуются еще другіе расходы. Гдѣ взять денегъ? Гдѣ? Гдѣ?..

И какая нищета наступитъ теперь, когда придется за одно право ученія отдавать двѣсти рублей въ годъ?! Бѣдная Малка, бѣдныя дѣти, бѣдный слѣпой отецъ! Всѣ будутъ голодать... Работать придется до полнаго изнеможенія... А отказаться развѣ возможно?.. Или, можетъ быть, другого христіанина поискать, можетъ быть съ тѣмъ на менѣе тягостныхъ условіяхъ удастся сойтись... но гдѣ его искать? И какъ знать, не станетъ ли тотъ требовать еще большаго? Можетъ быть, прямо таки регулярной стипендіи отъ Ноеха потребуетъ...

А дѣло спѣшное. Сегодня - завтра экзаменовать еще будутъ: директоръ къ Ноеху относится снисходительно, съ сочувствіемъ, онъ сжалится. Но если торговаться и искать и пропустить недѣлю, то ужъ начнутся въ училищѣ занятія, и тогда директоръ ничего не сможетъ... Надо соглашаться, надо на все соглашаться, на все, и ужъ пусть будетъ что будетъ!..

— Но только гдѣ-жъ взять эти деньги? Вѣдь уже нужны, уже, завтра, сегодня нужны эти деньги...

— Иванъ Никифоровичъ, я васъ прошу! Я васъ, какъ отца родного прошу!—Ноехъ сложилъ на груди ладони, и лицо его приняло выраженіе умоляющее. — Вы же сами отецъ, вы же понимаете...

— Оттого и стою на своемъ, что я самъ отецъ, вразумительно отвѣчалъ Ѳоминъ.—Да не будь у меня дѣтей, я бы, братецъ ты мой, развѣ какъ? Развѣ я сталъ бы разговаривать? Люди же мы, чудакъ! Сегодня я тебѣ послужу, а завтра, гляди,

ты мнѣ въ соотвѣтствіи... Ну, только ежели у меня дѣти, то я вѣдь объ нихъ долженъ заботиться. Вѣдь такъ, Ноехъ? Ну, ты самъ посуди.

— Когда же нѣту у меня, нѣту, нѣту!

Иванъ Никифоровичъ вытянулъ горизонтально длинный усъ, посмотрѣлъ на него и потомъ глаза перевелъ на Ноеха.

— Такъ что-жъ что нѣту? Ты-жъ коммерческій человѣкъ: нѣту, такъ займи.

Ноехъ стоялъ молча, поникнувъ головой.

— Вотъ я говорилъ, что ты змѣй-искуситель,—началъ опять Ѳоминъ,—змѣй-искуситель и есть: и въ думкахъ у меня никогда не было Аполлона въ коммерческое отдавать, а вотъ ты пришелъ и сталъ искушать; настоящій, братъ, змѣй-искуситель...

Иванъ Никифоровичъ подмигнулъ женѣ и громко разсмѣялся.

— Ну, а насчетъ стѣсненія тамъ, то есть на счетъ капиталу, если нехватка у тебя, такъ ты займи.

На Ноеха надвигалось что-то безмѣрное и страшное, что-то тяжелое, какъ товарный поѣздъ... Какъ будто и свѣтлая точка мерцала «поступитъ же все-таки Менашка»,—какъ будто радостью должно бы забиться сердце, но грозна была тяжелая надвигавшаяся масса, и негодованіе, и страхъ, и ненависть, и гнѣвъ рождала она въ возмущенной душѣ... И былъ этотъ гнѣвъ и ненависть не къ Ѳомину, не къ жестокимъ и гнуснымъ словамъ его, а къ другому чему-то, къ тому огромному и подлому, что черной тучей навалилось надъ жизнью, и жизнь превратило въ гангрену.

— Какое бы ты могъ дать обезпеченіе? — спросилъ вдругъ Иванъ Никифоровичъ, испытующимъ строгимъ взглядомъ уставившись на Ноеха.

Лавочникъ молчалъ. Жалобная улыбка появилась на его лицѣ.

— Видишь ли сейчасъ я, признаться по правдѣ, и самъ стѣсненъ, по прежнему строго, почти сурово говорилъ Ѳоминъ, денегъ свободныхъ ни копья нѣту, но если тебѣ и въ самомъ дѣлѣ такъ нужно, такъ я, пожалуй, какъ нибудь бы тово... я бы ссудилъ... И, помолчавъ, онъ прибавилъ:—жалко, все-таки, парнишку твоего. Пусть бы себѣ учился...

Солнце было уже низко. Длинныя голубыя тѣни ложились отъ деревьевъ на бѣловатыя ракушки аллеекъ. Зелень, густая и уже очень темная, была свѣжа и чиста, такъ какъ каждый вечеръ ее поливали. И теперь Анастасья Михайловна съ тихимъ вздохомъ встала, скользнула красивыми, синими глазами по потупившемуся Ноеху и отойдя въ глубь цвѣтника, къ большому перерѣзу, взяла шлангъ съ сверкающимъ мѣднымъ наконечникомъ

и направила бойкую струю на густыя клумбы. Яркіе лепестки цвѣтовъ, бѣлые, красные, синіе, желтые, радостно горѣли въ лучахъ уходившаго солнца, и веселыми слезами умиленія и счастья сверкали на нихъ хрустальныя капли... Сильно запахло мокрой землей и пышнымъ букетомъ осеннихъ цвѣтовъ. Какъ будто радовались цвѣты, какъ будто были они влюблены въ людей, и соперничая между собой, и стараясь приковать къ себѣ вниманіе, они сіяли теперь лучшими своими отблесками и исторгали изъ себя тончайшіе ароматы...

— Если обезпеченіе вѣрное, такъ отчего-же? Мнѣ вѣдь все равно,—ты или другой. Я ссужу...

X.

Еврейскіе праздники,—новый годъ и судный день,—приближались. Но почти никакихъ приготовленій въ квартирѣ Ноеха не дѣлалось, и никакой предпраздничной сутолоки не замѣчалось. Въ былые годы брали поденщицу, производилась чистка, мойка, уборка; покупалась рыба, птица, фрукты, медъ, пеклись пряники, сладкіе пирожки, запасались и виномъ.

Ничего подобнаго не было теперь. Строжайшая экономія водворилась въ обѣднѣвшей, въ падавшей семьѣ. Питались зеленью, черствымъ хлѣбомъ и чаемъ. Мяса не покупали и на субботу, а молока не давали даже маленькимъ дѣтямъ. Слѣпой отецъ спалъ теперь въ лавочкѣ, на стойкѣ, а кухню, въ которой онъ раньше ютился, сдали въ наемъ семьѣ сапожника Гольберга,—того самого, у котораго было четверо маленькихъ дѣтей, и котораго недавно забрали на войну... Боялся и Ноехъ, что при слѣдующей мобилизаціи, о которой ужъ поговаривали, заберутъ и его, но была надежда, что эта гроза его не коснется. Докторъ, къ которому Малка свела мужа послѣ случившагося съ нимъ второго сердечнаго припадка, сказалъ, что «такіе въ воины не годятся»...

Мрачной, тоскливой и горестной сдѣлалась жизнь семьи,—несмотря даже на то, что былъ теперь въ ней человѣкъ въ мундирѣ «коммерціанта». Сынка Ивана Никифоровича, Аполлошку, Ноехъ въ коммерческое училище, въ концѣ концовъ, таки опредѣлилъ, и уже принятъ былъ и Менашка. Ноехъ уплатилъ за право ученія обоихъ мальчиковъ и обоихъ обмундировалъ. При этомъ лавочнику повезло: плату ему разрѣшили внести не за весь годъ впередъ, какъ это требовалось, вообще, въ новомъ, нуждавшемся въ средствахъ училищѣ, а за полугодіе; кромѣ того уда-

лось за безцѣнокъ купить подержанную шинель и тужурку, такъ что на обмундировку Менашки истратили совсѣмъ немного.

Каждую недѣлю, по субботамъ, послѣ полудня, Ноехъ отправляется къ Ѳомину и дѣлаетъ взносъ, для погашенія своего займа. Если денегъ у него нѣтъ, онъ вноситъ только проценты.

— Это ничего, ничего,—утѣшаетъ лавочника Иванъ Никифоровичъ: дѣло не къ спѣху... А заборщикомъ въ твоей лавочкѣ я все-таки, какъ хочешь, быть теперь не могу: ужъ теперь ты навѣрно будешь меня обвѣшивать...

Ноехъ отмалчивается. Но въ сердцѣ его закипаютъ ненависть и гнѣвъ.

Онъ думаетъ о себѣ, онъ думаетъ о другихъ евреяхъ,—и острѣе дѣлаются въ немъ ненависть и гнѣвъ.

— Чтобы все это переносить,—думаетъ онъ,—чтобы переносить еврейскую жизнь, надо имѣть сердце изъ желѣза...

...— Но если ты будешь имѣть сердце изъ желѣза, ты не будешь евреемъ,—добавлялъ онъ потомъ.

Онъ смотритъ на Менашку,—чуткаго, нервнаго, страстнаго,— и въ голову ему приходитъ, что университета сынъ его не окончитъ, что радостной жизнь его не будетъ...

Радостной жизнь его не будетъ, ибо въ сердцѣ его ненависть и гнѣвъ...

Ноеху дѣлается страшно, и онъ думаетъ, что не надо было сына учить, лучше было бы оставить его въ невѣжествѣ, это было бы безопаснѣе, спокойнѣе...

И отъ мысли этой сильнѣе закипаетъ въ немъ яростный гнѣвъ...

— Нѣтъ, пусть учится! Пусть!.. Пусть будетъ, что будетъ, а такъ нельзя... И для себя нельзя, и для другихъ нельзя... Хуже не можетъ быть, и если пропадать, то хоть знать за что...

И мучительнѣе становится въ немъ бѣшеный гнѣвъ . . .
. . . .

Сторожъ Ехилъ, которому внука своего, Лейбку, опредѣлить въ городское училище такъ и не удалось, пересталъ ходить къ Ноеху.

Одинъ только разъ появился онъ въ тотъ праздникъ, когда дана была евреямъ Тора, и когда поэтому всѣ они должны пить вино, пѣть пѣсни и предаваться веселью.

— Веселись или плачь, все равно,—промолвилъ онъ, вызывающе оглядывая Ноеха:—принятъ ты въ училище или не принятъ, это рѣшительно все равно—когда помрутъ, то всѣ лежатъ одинаково неподвижно..

Онъ всталъ, хмуро оглядѣлъ всѣхъ и, не простившись, удалился.

Когда онъ шелъ домой, былъ ужъ вечеръ. На блѣдномъ небѣ тосковали блѣдныя звѣзды, и тихо и печально было въ пустынныхъ улицахъ города.

Горькій дѣтскій плачъ прорѣзалъ вдругъ безмолвіе вечера. Ехилъ оглянулся. На углу, у старой сосны, Аполлошка, поваливъ Менашку на землю, колѣномъ наступилъ ему на грудь и торопливо билъ обѣими руками по головѣ.

— Ахъ ты, жидюга! Ахъ ты морда жидовская!

Ехилъ съ минуту постоялъ въ нерѣшительности...

— Всѣ лежатъ неподвижно,—проворчалъ онъ и пошелъ впередъ.

Но когда онъ вышелъ за городъ и въ зеленоватомъ свѣтѣ холодной луны выступила передъ нимъ длинная, низкая стѣна кладбища и встали за ней безмолвные памятники, другая мысль, простая и уже давно стучавшаяся въ душу, вошла и остановилась у него въ мозгу.

— Неподвижно лежатъ, когда помрутъ... но пока помрутъ... но пока помрутъ...

Онъ остановился и опустилъ внизъ голову...

Онъ обернулся потомъ къ городу, поднялъ кверху кулаки и ими потрясъ.

И въ сердцѣ его, въ умиравшемъ сердцѣ покорнаго сторожа мертвыхъ, былъ гнѣвъ, великій гнѣвъ...

Давидъ Айзманъ.

Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы нынѣшняго министерства.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

(*Окончаніе* *).

XI.

Непосредственныя послѣдствія этого событія были чрезвычайно серьезны. Теперь ни о какихъ соглашеніяхъ между правительствомъ и ирландской партіей не могло быть рѣчи, ибо въ Англіи царило страшнѣйшее раздраженіе не только въ парламентѣ, но и во всѣхъ слояхъ общества. Парнель, получивъ ошеломляющее извѣстіе изъ Дублина, былъ сильно разстроенъ и сумрачно объявилъ Дэвитту о своемъ желаніи уйти прочь отъ политики, потому что кучка неизвѣстныхъ людей, своими неожиданными дѣйствіями, путаетъ всѣ разсчеты и дѣлаетъ однимъ ударомъ совершенно напрасными всѣ жертвы и страданія, перенесенныя народомъ. Таково было мнѣніе Парнеля. Конечно, когда первое впечатлѣніе миновало, онъ уже не говорилъ объ отреченіи отъ политической жизни. Парнель гласно осудилъ дѣло 6-го мая (при чемъ, впрочемъ, далъ понять, что Кавендиша, дѣйствительно, жаль, а Борка—не особенно). Гладстонъ внесъ и провелъ чрезъ парламентъ актъ о «предупрежденіи преступленій въ Ирландіи», согласно которому еще болѣе ограничивались права жителей острова: вице-королю предоставлялось, напримѣръ, хватать и сажать въ тюрьму лицъ, встрѣченныхъ ночью и не внушающихъ довѣрія; для такихъ преступленій, какъ государственная измѣна, убійство и покушеніе на убійство, поджогъ, тяжкія пораненія, нападеніе на обитаемыя строенія—назначался судъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей; вице-король могъ воспретить любое собраніе, если найдетъ это нужнымъ для общественнаго спокойствія; любой органъ печати могъ быть конфискованъ по его распоряженію и т. д.

Мрачное время переживала Ирландія. Въ октябрѣ 1882 года Пар-

---

*) См., Міръ Божій, № 8, августъ 1905 г.

нель создалъ новое общество «Національную Лигу», съ цѣлью бороться за гомруль, за самоуправленіе Ирландіи, въ которомъ онъ теперь видѣлъ первую по важности задачу, стоящую предъ его партіей. Когда ему говорили (напр., ольдермэнъ Редмондъ, путешествовавшій съ нимъ въ это время), что едва ли осуществима идея ирландскаго самоуправленія, ибо англичане особенно сильно противъ нея настроены, Парнель отвѣчалъ: «Они были сильно настроены противъ эмансипаціи католиковъ,—однако они, въ концѣ концовъ, должны были примириться. У О'Коннеля не было ничего подобнаго нашей силѣ; онъ былъ почти совсѣмъ одинокъ. Намъ нужно лишь бороться, и мы побѣдимъ. Мы не должны уступать ни одного вершка. Уступками вы ничего отъ англичанъ не получите». На вопросъ: «какъ вы сдѣлаете Ирландію процвѣтающею при гомрулѣ?» онъ тогда же выразился такъ: «Я вамъ предложу другой вопросъ. Какъ можетъ процвѣтать любая страна, которая не ведетъ своихъ собственныхъ дѣлъ сама, которая не распоряжается своими собственными доходами? Полагаете ли вы, что Англія процвѣтала бы, если бы она должна была допустить Францію заботиться о ея (англійскомъ) кошелькѣ?» Идея гомруля окончательно заслонила въ его умѣ недавнія мысли о немедленной реформѣ земельныхъ отношеній; быть можетъ, отчасти этому способствовала и смерть его сестры Фанни, страстной поборницы аграрнаго движенія, принимавшей, какъ уже было сказано, дѣятельнѣйшее участіе въ основаніи «Женской лиги», послѣ закрытія «Земельной» въ 1881 году *). Между тѣмъ огромныя полномочія, данныя исполнительной власти послѣ убійства лорда Кавендиша и Борка, рѣшительно ни къ какимъ результатамъ не приводили; аграрный терроръ все усиливался. За 1880—1881 гг. въ среднемъ ежегодно случалось 12—13 аграрныхъ убійствъ; въ 1882 году ихъ произошло 26. Покушеній въ среднемъ за 1881 годъ—45, а за 1882 г.—58 Въ общемъ же за 1881 годъ—аграрныхъ преступленій произошло 2.338, а за 1882 г.—2.635.

Въ Англіи настаивали на продолженіи репрессій и возмущались тѣмъ, что творится. Парнель относительно этого выражался такъ: «Англичане весьма озабочены тѣмъ, что застрѣлено нѣсколько лендлордовъ въ Ирландіи... Англичане убиваютъ и грабятъ по всему свѣту, а затѣмъ они воютъ, если кто-либо будетъ убитъ въ Ирландіи, такъ какъ тутъ убійство имъ не нужно». «Національная лига» своими прямыми цѣлями ставила: 1) національное самоуправленіе; 2) земельную реформу; 3) мѣстное самоуправленіе; 4) расширеніе парламентскаго и муниципальнаго избирательнаго права и 5) развитіе и поощреніе труда и промышленныхъ интересовъ Ирландіи. Казалось бы, что эта про-

*) О'Брайенъ разсказываетъ, что предъ смертью она узнала объ одной неудачѣ англичанъ въ Египтѣ, и была въ восторгѣ: это была послѣдняя радость ея жизни.

грамма вмѣщаетъ и требованія закрытой дэвиттовской земельной лиги, но на дѣлѣ съ 1882 года дѣятельность Дэвитта происходитъ уже въ иной плоскости, нежели дѣятельность Парнеля,—ибо для Дэвитта аграрный вопросъ по прежнему остается на первомъ планѣ, а въ глазахъ Парнеля гомруль становится впереди. Новая лига издавала газету «United Ireland», нападавшую на режимъ насилія, ревностно проводимый вице-королемъ графомъ Спенсеромъ и главнымъ секретаремъ (замѣстителемъ убитаго Кавендиша)—сэромъ Тревельяномъ. Митинги лиги разгонялись, аресты усиливались, арендаторы, не внесшіе въ срокъ аренды, изгонялись при содѣйствіи полиціи, и выходило, что на практикѣ земельный законъ 1881 года все-таки, не смотря ни на что, не спасаетъ бѣднѣйшій слой фермеровъ отъ лишенія послѣдняго куска хлѣба. По свидѣтельству Дэвитта и другихъ очевидцевъ происходившаго, аграрный терроръ фатально переходилъ въ терроръ политическій, или, можетъ быть, точнѣе—сливался съ нимъ, ибо ожесточеніе вызывали не только лендлорды, но и власти, служившія ихъ орудіемъ и охраною. Постоянно приходили извѣстія объ убійствахъ предполагаемыхъ и настоящихъ предателей. Нѣкто Джонъ Кенни помогъ властямъ арестовать складъ оружія, принадлежавшій феніямъ, и за это онъ былъ убитъ. Осенью 1882 года была вырѣзана цѣлая семья Джойсовъ за то, что нѣкоторые ея члены дали повредившія другимъ показанія. Четверо лицъ было схвачено послѣ этого убійства властями— и всѣ четверо повѣшены, хотя трое изъ нихъ, признавъ себя виновными, еще у эшафота продолжали клясться, что четвертый неповиненъ ни въ чемъ. Былъ повѣшенъ также по обвиненію въ убійствѣ Фрэнсисъ Гайнсъ... «Гдѣ Форстеръ арестовывалъ, тамъ теперь лордъ Спенсеръ вѣшаетъ»,—такой выводъ дѣлали въ ирландской прессѣ. Аресты при новомъ вице-королѣ шли нескончаемой вереницей. Въ началѣ 1883 года въ одну январскую ночь были произведены повальные обыски, при чемъ сильно разгромленною оказалась организація непобѣдимыхъ». Между арестованными были Джозефъ Брэди, Даніель Корлей, Джемсъ Кэри и др. Аресты послѣдовали послѣ неудавшагося покушенія на судью Лоусона и нападенія на одного изъ присяжныхъ засѣдателей, вынесшихъ обвинительный вердиктъ Гайнсу. Лордъ Спенсеръ придавалъ очень серьезное значеніе аресту пятнадцати лицъ въ ночь на 13-е января, и, дѣйствительно, это событіе было чревато послѣдствіями. Спустя нѣсколько дней арестовали еще двухъ лицъ, въ томъ числѣ Фицгарриса, котораго какъ и многихъ другихъ изъ арестованныхъ 13-го, привлекли по дѣлу объ убійствѣ Борка и Кавендиша. Мрачная драма разыгрывалась при предварительномъ слѣдствіи; жена Джемса Кэри, чтобы спасти мужа, стала выдавать. Кэри, человѣкъ, котораго слабость знали революціонеры, и который всегда ими отстранялся отъ отвѣтственныхъ положеній, также сталъ давать компрометирующія другихъ показанія. Съ странною торопливостью, болѣз-

неннымъ усердіемъ Кэри выкладывалъ рѣшительно все, что онъ только зналъ или слышалъ. Страхъ совсѣмъ помутилъ его разумъ, и онъ какъ бы спѣшилъ поскорѣе утопить окончательно своихъ товарищей.

9-го апрѣля 1883 года начался процессъ «непобѣдимыхъ», обвиняемыхъ въ убійствѣ Борка и Кавендиша. Джозефъ Брэди, Даніель Корлей, Келли, Кэффри, Фаганъ были признаны виновными и приговорены къ смерти. 14-го мая Брэди былъ повѣшенъ; на той же недѣли (18-го) повѣсили Даніеля Корлея; спустя двѣ недѣли былъ повѣшенъ Фаганъ; двадцатидвухлѣтній Келли просилъ предъ смертью только, чтобъ ему позволили побыть немного въ той камерѣ, откуда повели на эшафотъ его друга Джозефа Брэди. Его повѣсили при громкихъ рыданіяхъ толпы, окружавшей тюрьму, во дворѣ которой происходила казнь. Другіе обвиняемые были приговорены къ каторжнымъ работамъ (отъ пожизненной до десятилѣтней).

Въ Уайтголлѣ (въ Лондонѣ) произошелъ динамитный взрывъ; почти одновременно были обнаружены приготовленія къ огромному взрыву въ Бирмингэмѣ. Ирландскіе революціонеры переносили явственнымъ образомъ войну въ предѣлы самой метрополіи. Полиція вся была поставлена на ноги, общество объято паникой и раздраженіемъ. Были произведены многочисленные аресты, причемъ хватали, вопреки англійскимъ обычаямъ, по подозрѣнію рѣшительно всякаго; напримѣръ, полиціи удалось въ Дуврѣ арестовать сэра Вильяма Гаркура, котораго не выпускали, несмотря на его заявленія, что его слѣдуетъ выпустить, ибо онъ—министръ внутреннихъ дѣлъ,—пока въ этомъ окончательно не удостовѣрились. Англійское правительство просило у Франціи и Соединенныхъ Штатовъ выдачи спасшихся туда предполагаемыхъ феніевъ и «непобѣдимыхъ». Оно преувеличивало опасность; на дѣлѣ—террористическая организація была страшно ослаблена обрушившимися на нее ударами. Но одно дѣло революціонеры твердо рѣшили совершить: отмстить Джемсу Кэри за его измѣну. Подъ фамиліей Поуэръ—Кэри съ женою и дѣтьми уѣхалъ на пароходѣ, шедшемъ въ южную Африку; онъ страшился мести революціонеровъ, въ случаѣ еслибъ остался на родинѣ. Но на томъ же пароходѣ вмѣстѣ съ нимъ выѣхалъ неизвѣстный ему Патрикъ О'Доннель. Въ Капштадтѣ Кэри пересѣлъ съ семьею на другой пароходъ, отходившій въ Наталь; вмѣстѣ съ нимъ пересѣлъ и О'Доннель, который все искалъ случая остаться наединѣ съ Кэри. Кэри какъ бы чуялъ висѣвшую надъ нимъ опасность, ибо ни съ кѣмъ за все время путешествія наединѣ ни разу не оставался. 29-го іюля 1883 года О'Доннель, улучивъ удобную минуту, тремя револьверными выстрѣлами убилъ Кэри. Одинъ свидѣтель, прибѣжавшій на выстрѣлы, былъ пораженъ выраженіемъ дикаго ужаса на лицѣ умиравшаго человѣка.

Гладстонъ приказалъ доставить убійцу немедленно въ Лондонъ изъ

Капштадта, гдѣ онъ первоначально былъ заключенъ. Его признали на судѣ виновнымъ и приговорили къ повѣшенію. Такъ какъ онъ формально числился американскимъ гражданиномъ, то были сдѣланы попытки со стороны нѣкоторыхъ членовъ вашингтонскаго конгресса побудить президента вмѣшаться, чтобы испросить у Гладстона смягченіе приговора. Все было напрасно. О'Доннель отнесся къ своей судьбѣ совершенно спокойно. Предъ казнью онъ сказалъ священнику: «Я совершенно готовъ встрѣтить свою участь. Я сдѣлалъ свой долгъ». 10-го декабря 1883 года онъ былъ повѣшенъ въ лондонской тюрьмѣ; его родной братъ стоялъ на улицѣ около тюрьмы, и по взвившемуся черному флагу узналъ о совершившейся казни.

На другой день (также по политическому дѣлу) въ Дублинѣ былъ повѣшенъ Джозефъ Пуль. Аграрныя преступленія шли своимъ чередомъ; такъ былъ встрѣченъ Ирландіей 1884 годъ.

Этотъ годъ принесъ новыя динамитныя покушенія, продолжавшіеся и въ началѣ 1885 года: были сдѣланы или во время обнаружены—попытки взорвать главное полицейское управленіе въ Лондонѣ, три вокзала тамъ же, подложены были «адскія машины» подъ Тоуэръ и въ зданіи Вестминстерскаго дворца; пытались взорвать и огромный Лондонскій мостъ. Эти поступки ирландскихъ революціонеровъ совершенно не приводили къ желаемымъ результатамъ: лордъ Спенсеръ продолжалъ въ Ирландіи свою усмирительную политику, а другія ирландскія партіи—гомрулеры, съ Парнелемъ во главѣ, и послѣдователи аграрно-реформаторскихъ плановъ Дэвитта въ эти годы (отъ средины 1882 г. до начала 1885 г.) не преслѣдовали столь активно своихъ цѣлей, какъ въ предшествующій или послѣдующій періодъ. Парнель говорилъ, что эти динамитныя покушенія, предпринимаемыя въ интересахъ ирландскаго дѣла, по существу нелѣпы; но онъ ядовито смѣялся надъ какими бы то ни было упреками англійскихъ газетъ по адресу покушающихся, такъ какъ эти упреки исходили изъ «морали», а въ англійскую мораль Парнель упорно во всю свою жизнь отказывался вѣрить. Какъ правильно замѣчаетъ О'Брайенъ, Парнель симпатизировалъ революціонному духу феніевъ и близкихъ къ нимъ организацій, хотя методъ динамитныхъ взрывовъ въ Лондонѣ признавалъ совершенно нецѣлесообразнымъ.

XI.

Избирательный законъ 1884 года, такъ рѣшительно демократизовавшій кадры избирателей, имѣлъ для Ирландіи то непосредственно сказавшееся значеніе, что наиболѣе бѣдные слои арендаторовъ, получили доступъ къ избирательной урнѣ. По разнымъ причинамъ положеніе кабинета Гладстона пошатнулось уже вскорѣ послѣ изданія но-

ваго избирательнаго закона, и 8-го іюня 1885 года, оставшись (правда, довольно случайно) въ меньшинствѣ по вопросу о налогахъ на спиртные напитки, Гладстонъ подалъ въ отставку и королева назначила первымъ министромъ главу консервативной оппозиціи маркиза Салисбюри.

Въ тотъ ночной часъ, когда объявленъ былъ неожиданный результатъ подсчета голосовъ, съ ирландскихъ скамей палаты общинъ раздались ликующіе возгласы и злорадные крики: «Билль объ усмиреніи! Отмѣна habeas corpus'a! Вспомните билль объ усмиреніи!» Ирландцы не могли въ эту минуту воздержаться отъ ликованій, смотря на павшаго врага, правленіе котораго ознаменовалось для ихъ страны столь трагическими событіями. Немногіе подозрѣвали тогда, что этотъ врагъ будетъ очень скоро ирландцами же возстановленъ во власти. Дѣло въ томъ, что первые моменты существованія кабинета Салисбюри въ 1885 году, показывали явную тенденцію консервативнаго премьера къ сближенію съ Парнелемъ и его партіей. Нужно сказать, что Парнель, одинаково не любилъ всѣ англійскія партіи, и одинаково не довѣрялъ ни одной изъ нихъ; но онъ всегда считалъ, что если и либералы, и консерваторы могутъ дать Ирландіи гомруль только по крайней необходимости, только будучи къ этому вынуждены, то консерваторамъ сдѣлать это *легче*, нежели либераламъ, ибо консервативный кабинетъ испытаетъ въ этомъ вопросѣ (какъ и во всякомъ другомъ) меньше затрудненій со стороны палаты лордовъ, нежели кабинетъ либеральный. Вотъ почему Парнель не отворачивался отъ Салисбюри; а почему Салисбюри старался сблизиться съ Парнелемъ,—это понятно само собою: онъ и одного дня не могъ держаться безъ помощи ирландской партіи, потому что, вѣдь, кабинетъ Гладстона былъ проваленъ ничтожнымъ и случайнымъ большинствомъ въ 12 голосовъ (264 противъ 252). Когда истекъ срокъ акта о предупрежденіи преступленій въ Ирландіи, Салисбюри рѣшилъ не вносить билля объ его возобновленіи, а новый вице-король лордъ Кэрнарвонъ, назначенный Салисбюри, объявилъ, что онъ будетъ править лишь при помощи обыкновенныхъ, а не исключительныхъ законовъ.

Кромѣ того, билль (поддержанный правительствомъ) объ ассигнованіи изъ государственныхъ суммъ пяти милліоновъ фунтовъ для заимообразныхъ выдачъ на льготныхъ условіяхъ денегъ арендаторамъ, которые, съ соглашенія лендлорда, пожелали бы выкупить свои участки, прошелъ въ парламентѣ. Лордъ Кэрнарвонъ не вполнѣ опредѣленно, впрочемъ, изъясняясь, далъ понять, что консервативный кабинетъ не прочь отъ дарованія въ той или иной формѣ самоуправленія Ирландіи. Объ этихъ переговорахъ Кэрнарвона съ Парнелемъ существуютъ версіи разныя. Дѣло въ томъ, что Кэрнарвонъ, высказываясь за гомруль, оговаривался впослѣдствіи, что дѣлалъ это въ качествѣ частнаго человѣка, Парнель же и его политическіе друзья—приняли эти разговоры вице-короля за нѣчто внушенное, имѣющее отношеніе къ

мнѣніямъ самого Салисбюри; тѣмъ болѣе эта «ошибка» могла съ ихъ стороны возникнуть, что подобныя бесѣды, разъ онѣ происходятъ наканунѣ общихъ парламентскихъ выборовъ, могутъ, дѣйствительно, въ глазахъ людей недовѣрчивыхъ показаться вовсе не только академическими. Ибо всѣмъ было ясно, что кабинетъ очень нуждается въ поддержкѣ ирландцевъ,—и, даже, вполнѣ допуская личную искренность лорда Кэрнарвона, многіе потомъ обвиняли Салисбюри въ двуличномъ и намѣренномъ поддержаніи разъ возникшаго недоразумѣнія.

Общіе выборы произошли осенью 1885 года. Въ результатѣ ихъ было выбрано 335 либераловъ, 249 консерваторовъ и 86 членовъ ирландской партіи. Другими словами, кабинетъ Салисбюри могъ просуществовать только при дѣятельной поддержкѣ Парнеля. Единственнымъ пунктомъ парнелевской платформы во время выборовъ было требованіе полной законодательной независимости, требованіе законодательно административнаго самоуправленія Ирландіи. Во время выборовъ самая рѣшительная враждебность замѣчалась въ отношеніяхъ между либералами и ирландцами, самые яростные манифесты выпускались Парнелемъ противъ Гладстона и его единомышленниковъ.

Но, когда выборы окончились, Гладстонъ и ближайшій его политическій единомышленникъ Джонъ Морлей (уже съ декабря 1885 г.) стали время отъ времени дѣлать намеки и указанія, что если изъ 103 депутатовъ, которыхъ посылаетъ въ парламентъ Ирландія, было выбрано 86 приверженцевъ гомруля, то это безспорно означаетъ—стремленіе огромнаго большинства населенія получить, наконецъ, автономныя права, и что если, напр., лордъ Салисбюри пожелалъ бы внести въ парламентъ проектъ гомруля, то либеральная партія этотъ проектъ поддержала бы. Но Салисбюри на это не пошелъ. Ближайшія событія ясно показали, что онъ не ошибся, разсчитывая въ своемъ сопротивленіи ирландскимъ домогательствамъ на поддержку не только всей консервативной, но и части либеральной партіи. Разумѣется, непосредственнымъ послѣдствіемъ нежеланія Салисбюри дѣлать уступки въ направленіи гомруля, было то, что 86 парнеллитовъ, соединившись съ либералами, низвергли консервативный кабинетъ. Случилось это, какъ только началась парламентская сессія 1886 года, и какъ только была произнесена составленная Салисбюри тронная рѣчь, не только не обѣщавшая гомруля, но угрожавшая новыми расширеніями власти ирландскаго вице-короля. Для Гладстона, напр., въ этомъ заявленіи не было ничего внезапнаго, ибо онъ считалъ всѣ намеки и разговоры о гомрулѣ лѣтомъ 1885 года за сознательный и зрѣло обдуманный обманъ со стороны консерваторовъ, желавшихъ обезпечить себѣ поддержку Парнеля во время выборовъ. Но Парнель, несмотря ни на что, не имѣлъ особыхъ причинъ жаловаться на коварство Салисбюри: вѣдь не только одни лживыя обѣщанія получила Ирландія отъ консервативнаго кабинета, но и вышеупомянутый актъ о государственныхъ

ссудахъ арендаторамъ, желающимъ выкупить свои участки. А что консерваторы не сдержали своихъ туманныхъ обѣщаній насчетъ гомруля, то у Парнеля былъ готовъ отвѣтъ на это: 26-го января во время голосованія поправки Джесси Коллинса, при обсужденіи адреса на рѣчь королевы, ирландскіе депутаты, соединившись съ либералами, оставили кабинетъ въ меньшинствѣ, и 1-го февраля 1886 года Гладстонъ снова занялъ постъ перваго министра.

Гладстонъ, разъ уже рѣшившись дать гомруль Ирландіи, тотчасъ же принялся за выработку билля,—и чѣмъ опредѣленнѣе становилось намѣреніе стараго премьера въ самомъ близкомъ будущемъ внести этотъ проектъ, тѣмъ рѣшительнѣе становились несогласія между Гладстономъ и такими значительными людьми, какъ Чемберленъ и Гартингтонъ, которые положительно были противъ ирландскаго самоуправленія. Старикъ Дэффи, одинъ изъ былыхъ главныхъ дѣятелей «Молодой Ирландіи» сороковыхъ годовъ, былъ въ это время какъ разъ въ Лондонѣ и сказалъ Барри О'Брайену по поводу слуховъ о несогласіяхъ между Гладстономъ и Чемберленомъ: «Гладстонъ *плюсъ* Чемберленъ—могутъ провести гомруль, но Гладстонъ *минусъ* Чемберленъ—не можетъ; а что же будетъ съ Гладстономъ, если Чемберленъ и Гартингтонъ соединятся противъ него?» Случилось хуже, ибо къ Чемберлену и Гартингтону присоединились не только многіе другіе дѣятели либеральной партіи, но и въ общественномъ мнѣніи рѣзко обозначилась оппозиція противъ намѣреніи Гладстона—даже въ тѣхъ кругахъ, которые еще недавно, во время выборовъ 1885 года, стояли за него. Національные предразсудки и опасенія оказывались сильнѣе, нежели Гладстонъ разсчитывалъ,—и 1886 годъ сталъ роковою датою для его партіи. Проектъ Гладстона состоялъ въ томъ, что Ирландія отнынѣ должна управляться королевой и особымъ законодательнымъ учрежденіемъ. Это законодательное учрежденіе должно было состоять изъ двухъ отдѣленій; первое въ которомъ должно быть 103 члена,—должно было отчасти соотвѣтствовать верхней палатѣ, а второе—въ которомъ 21 члена,—нижней палатѣ. Изъ 103 членовъ перваго отдѣленія—75 выбирались бы срокомъ на десять лѣтъ изъ числа лицъ, либо имѣющихъ годовой доходъ не менѣе 200 фунтовъ, либо собственность стоимостью въ 4.000 фунтовъ; чтобы имѣть право принимать участіе въ ихъ выборѣ—нужно было либо владѣть, либо занимать недвижимое имущество дающее доходу не менѣе 25 фунтовъ въ годъ. Остальные 28 членовъ этого перваго отдѣленія были назначенными перами. Второе отдѣленіе должно было состоять изъ 204 членовъ, избираемыхъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ избираются ирландскіе члены въ нижнюю палату великобританскаго парламента, причемъ полномочія ихъ длятся пять лѣтъ. Изъ великобританскаго же (имперскаго) парламента—ирландцы исключаются вовсе. Оба отдѣленія вмѣстѣ обсуждаютъ всѣ дѣла,—но вотируютъ въ извѣстныхъ случаяхъ—

отдѣльно. Вице-королю предоставляется отъ имени короны накладывать свое veto на всѣ рѣшенія собранія; подъ властью вице-короля оставалась на время вся полицейская сила, уже существующая въ странѣ, но ирландская исполнительная власть, отвѣтственная предъ ирландскимъ собраніемъ, должна была современемъ принять завѣдываніе полиціей въ свои руки. Эта ирландская исполнительная власть, какъ и проектируемое ирландское собраніе, не должны были имѣть дѣло съ вопросами войны, мира, внѣшнихъ отношеній, войска, флота, почты, чеканки монеты, ряда законоположеній, касающихся торговли, финансовъ и обложенія. Всѣ спорные конституціонные вопросы, могущіе возникнуть у новаго собранія въ его отношеніяхъ къ другимъ властямъ, должны быть отдаваемы на разсмотрѣніе и рѣшеніе суда Королевскаго частнаго совѣта въ Лондонѣ. Другія статьи билля устанавливали участіе Ирландіи въ налоговомъ бремени, возлагаемомъ имперскимъ парламентомъ на всѣхъ подданныхъ великобританской имперіи и т. д.

Не совсѣмъ соглашались въ этомъ биллѣ ирландцы, но всѣ они съ Парнелемъ во главѣ рѣшили, конечно, этотъ проектъ отстаивать. Поправки и улучшенія можно было внести и позже; всѣ сознавали, что главное—положить первую основу къ законодательному отдѣленію отъ Англіи.

Но это же понимали столь же хорошо какъ консерваторы, такъ и тѣ *либералы-уніонисты* (т.-е. приверженцы сохраненія въ полной силѣ уніи 1800 года), которые рѣшительно воспротивились желанію Гладстона. Они находили, что этотъ билль несетъ съ собою расчлененіе имперіи. Во второмъ чтеніи, 7-го іюня, билль Гладстона былъ отвергнутъ большинствомъ тридцати голосовъ: противъ премьера голосовали не только 250 консерваторовъ, но и 93 либерала, отколовшихся отъ премьера. Когда Гладстонъ послѣ этого вотума распустилъ парламентъ и назначилъ новые выборы, онъ полагалъ, что страна станетъ на его сторону и примкнетъ къ тому его мнѣнію, къ которому отказалось примкнуть большинство въ палатѣ общинъ,—къ мнѣнію, что прочное умиротвореніе Ирландіи возможно не иначе, какъ при дарованіи ей самоуправленія. И опять его ожиданія были обмануты. Самая бурная агитація какъ со стороны консерваторовъ, такъ, въ особенности, и со стороны отколовшихся либераловъ, противъ «расчлененія имперіи» увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: выборы 1886 года дали палатѣ общинъ 317 консерваторовъ, 74 либерала-уніониста, 84 парнеллита и 191 гладстоновца. Слѣдовательно, въ случаѣ новаго внесенія проекта о гомрулѣ, Гладстонъ могъ разсчитывать всего на 275 голосовъ противъ 391. Конечно, единственнымъ выходомъ тутъ являлась отставка, и Салисбюри опять сталъ премьеромъ.

XII.

Новое министерство Салисбюри, пребывавшее у власти съ лѣта 1886 года до осени 1892 года, являлось, дѣйствительно, «воплощеніемъ антиирландскихъ предразсудковъ», какъ выразился Дэвиттъ. Ни о какихъ отношеніяхъ между Парнелемъ и консервативнымъ кабинетомъ, кромѣ самыхъ враждебныхъ, теперь уже не могло быть и рѣчи. Потерпѣвши неудачу въ стремленіи добиться самоуправленія, Парнель сдѣлалъ попытку (въ сентябрѣ 1886 г.) добиться, рядомъ мѣръ пріостановки страшно участившихся изгнаній арендаторовъ пересмотра размѣровъ рентъ, установленныхъ судами въ силу акта 1881 г. въ виду угнетеннаго состоянія сельскохозяйственной промышленности и распространенія льготъ этого акта (1881 года) на ту категорію арендаторовъ (лизгольдеровъ), которые до сихъ поръ ими не пользовались. Этотъ билль былъ отвергнутъ, и тогда возникъ вопросъ о необходимости обратить серьезное вниманіе на агитацію въ пользу земельной реформы, агитацію, отодвинутую въ послѣдніе годы на задній планъ стремленіемъ къ гомрулю.

23-го октября 1886 года Гаррингтонъ, Диллонъ, О'Брайенъ и другіе представили выработанную ими программу дѣйствій, которая получила характерное названіе «плана кампаніи». Это было дѣйствительно мѣра боевая. «Планъ кампаніи» предлагалъ, ввиду рѣшительнаго нежеланія министерства и парламента считаться съ отчаяннымъ положеніемъ страны, прибѣгнуть къ слѣдующему способу самопомощи: арендаторы имѣнія должны явиться къ лендлорду и просить сбавки арендной платы до опредѣленнаго ими размѣра, соотвѣтственно ухудчившемуся состоянію земледѣлія. Если лендлордъ откажетъ, тогда арендаторы возвращаются домой и продолжаютъ жить на своихъ участкахъ, взнося предложенную ими и отвергнутую лендлордомъ арендную плату въ особый фондъ; если со временемъ лендлордъ уступитъ, тогда вся сумма внесенныхъ денегъ поступаетъ въ его пользу, если же не уступитъ, а прибѣгнетъ для выселенія къ полиціи и принудительнымъ мѣрамъ, тогда этотъ фондъ обращается на нужды борьбы противъ насильственныхъ мѣръ лендлорда и полиціи. Эта полуреволюціонная программа дѣйствій оправдывалась какъ ея авторами, такъ и многими примкнувшими къ ней лицами тѣмъ обстоятельствомъ, что, вопреки смыслу и духу земельнаго акта 1881 года, размѣры арендной платы назначаются непосильно большіе, и что изгнанія арендаторовъ продолжаются въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Съ 1884 года по 1886 годъ около восьми тысячъ арендаторовъ, не имѣвшихъ ни малѣйшей возможности платить огромную аренду, были либо выгнаны, либо принуждены лишиться всѣхъ правъ, которыя давалъ имъ актъ

1881 года. Парнель не принялъ участія въ пропагандѣ «плана кампаніи». Онъ полагалъ, что подобная платформа отпугнетъ Гладстона и либераловъ отъ ирландской партіи, а Гладстонъ, по его словамъ, являлся теперь «единственной надеждой для Ирландіи». Но и помимо участія Парнеля аграрная агитація принимала широкіе размѣры. «Планъ кампаніи» былъ пущенъ въ ходъ въ восьмидесяти четырехъ имѣніяхъ. Лендлорды въ шестидесяти случаяхъ уступили и уменьшили ренту почти на 25%; въ двадцати четырехъ имѣніяхъ лендлорды тоже уступили, но послѣ нѣкоторой борьбы. Но, по мѣрѣ развитія пропаганды «плана кампаніи», происходили и такіе случаи, когда между лендлордами и арендаторами возгоралась ожесточенная борьба. Тогда правительство Салисбюри увидѣло, что оно сдѣлало ошибку, совершенно отказавшись хоть какъ нибудь улучшить положеніе ирландскихъ арендаторовъ.

Спустя какихъ нибудь шесть мѣсяцевъ послѣ возникновенія «плана кампаніи,» правительство внесло билль о пересмотрѣ рентъ, размѣры которыхъ были установлены судами съ 1881 по 1886 годъ, и о допущеніи къ пользованію преимуществами акта 1881 года той категоріи арендаторовъ, о которой тщетно хлопоталъ Парнель нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Но, чтобы это не имѣло слишкомъ опредѣленнаго вида вынужденной уступки, правительство одновременно усилило репрессію въ Ирландіи. Снова аграрныя волненія и усмиренія стали приковывать къ Ирландіи всеобщее вниманіе. На одномъ большомъ митингѣ полиція затѣяла драку съ собравшимися и открыла стрѣльбу, при чемъ трое оказались убитыми. Въ Югэлѣ, во время ареста одного священника, обвинявшагося въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ лендлорда по программѣ «плана кампаніи» полиція убила одного молодого человѣка, который принималъ участіе въ манифестировавшей толпѣ. Въ Тайперери былъ убитъ мальчикъ полицейскимъ. Произошелъ рядъ подобныхъ же случаевъ въ другихъ мѣстахъ. Организаторы «плана кампаніи» дѣятельно собирали деньги и поддерживали пострадавшихъ въ борьбѣ; за семь лѣтъ, когда эта борьба была особенна горяча (1887—1893), ими было роздано на поддержаніе какъ активныхъ борцовъ, такъ и семей изгоняемыхъ арендаторовъ около двухсотъ тридцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Борясь съ аграрной гверильей въ самой Ирландіи, Салисбюри, консервативно уніоиистское большинство Палаты общинъ, консервативная ресса—дѣлали въ то же время усилія, какимъ бы то ни было образомъ разрушить союзъ между Парнелемъ и Гладстономъ. Объединеніе этихъ двухъ могущественныхъ политическихъ дѣятелей и стоящихъ за ними партій на такой платформѣ, какъ гомруль, являлось въ ихъ глазахъ угрозою цѣлости имперіи. Гладстонъ, разъ уже повернувши на другой путь, признавши тщету всѣхъ репрессивныхъ мѣръ, кото-

рыя онъ, будучи министромъ, пускалъ въ ходъ, дѣятельно агитировалъ въ пользу гомруля. Возможно скорѣе разорвать сложившіяся союзныя отношенія между Гладстономъ и Парнелемъ стало казаться дѣломъ рѣшительной необходимости, и тогда то (весною 1887 года) редакціей газеты «Times» была сдѣлана попытка уличить Парнеля въ связи съ революціонерами, убившими за пять лѣтъ до того—Борка и Кавендиша. Рядъ обвинительныхъ статей, подъ общимъ названіемъ: «Парнелизмъ и преступленіе», редакція закончила (18-го апрѣля) обнародованіемъ подложнаго факсимиле письма, будто бы написаннаго Парнелемъ 15-го мая 1882 года, т.-е. черезъ девять дней послѣ событія въ Фениксъ-Паркѣ, одному изъ участниковъ этого дѣла. Мы не будемъ останавливаться здѣсь, на томъ, какъ была назначена спеціальная коммиссія для разбора этого дѣла, какъ въ подлогѣ былъ уличенъ Ричардъ Пиготтъ, какъ Пиготтъ бѣжалъ изъ Англіи и покончилъ съ собою, какъ газета «Times» потерпѣла полное моральное фіаско, а Парнель вышелъ побѣдителемъ. Все это интересующійся читатель найдетъ въ указанныхъ нами работахъ біографическаго характера *). Здѣсь же намъ важно отмѣтить не эти детали, а лишь главный результатъ всего предпріятія газеты «Times», поддержаннаго усердно консервативною партіею: союзъ Гладстона съ Парнелемъ не только не ослабѣлъ, но окрѣпъ и, даже, сталъ какъ бы переходить на почву личнаго сближенія. Но этотъ тріумфъ Парнеля былъ уже послѣднимъ—предъ грустнымъ концомъ этого замѣчательнаго человѣка...

15-го и 17-го ноября 1890 года въ Лондонѣ было заслушано дѣло о разводѣ, требуемомъ капитаномъ О'Ши отъ своей жены, при чемъ мужъ обвинялъ жену въ незаконной многолѣтней тайной связи съ Парнелемъ **). Широчайшая огласка, которую получило это дѣло и роковыя его послѣдствія для Парнеля, объясняются причинами разнообразными. Консервативно-уніонистская партія, конечно, воспользовалась этимъ процессомъ, чтобы обвинить своего врага въ глубочайшей нравственной испорченности и всевозможныхъ порокахъ. Но если консервативно-уніонистская пресса начала компанію,—то вскорѣ либеральная—поддержала ее всецѣло, хотя въ первые дни либералы высказывались сдержанно. Традиціонное англійское лицемѣріе торжествовало полную побѣду по всей линіи. Гладстонъ нѣкоторое время колебался, но его политическіе друзья настоятельно указывали ему на полную невозможность поддерживать дальнѣйшій союзъ съ ирландской партіей, пока во главѣ ея стоитъ Парнель, ибо такого союза либе-

---

*) Напримѣръ, у Barry O'Brien'a, „The life of C. S. Parnell, томъ II, отъ стр. 97; или въ нашей статьѣ о Парнелѣ (Міръ Бож., 1899).

**) Подробности см. въ указанныхъ біографич. работахъ о Парнелѣ.

ральной партіи англійское общественное мнѣніе не проститъ. Вотъ что говорилъ по этому поводу Гладстонъ спустя семь лѣтъ: «Каково было мое положеніе? Послѣ вердикта по бракоразводному дѣлу я получалъ письма отъ либераловъ палаты общихъ и либераловъ въ странѣ—и всѣ говорили одно и тоже: Парнель долженъ уйти». Когда къ общему голосу присоединились также Морлей и Гаркуръ,—Гладстонъ рѣшился. Онъ публично (въ открытомъ письмѣ къ Морлею) заявилъ, что, по его мнѣнію, дальше лидеромъ ирландской партіи Парнель быть не можетъ. Это было какъ бы сигналомъ для внезапнаго усиленія и расширенія травли, поднятой противъ Парнеля. Католическое духовенство въ Ирландіи повело систематическую компанію противъ лидера,—и въ народѣ возникло соотвѣтственное теченіе. Парламентская партія Парнеля, до тѣхъ поръ безпрекословно ему повиновавшаяся, раскололась на два лагеря, изъ которыхъ одинъ былъ за него и считалъ, что частная жизнь Парнеля не имѣетъ никакого отношенія къ политикѣ, а другой былъ противъ него и заявилъ, что союзъ съ либералами есть насущная необходимость для ирландской партіи, и уже по этому Парнель долженъ уйти, дабы не препятствовать Гладстону продолжать союзныя отношенія съ гомрулерами. Парнель съ страшнымъ напряженіемъ силъ боролся противъ всѣхъ враждебныхъ ему теченій. Онъ провелъ эти мѣсяцы—послѣдніе 11 мѣсяцевъ своей жизни—въ вѣчныхъ разъѣздахъ, въ постоянной агитаціи, въ постоянной полемикѣ. Анти-парнеллиты стали одерживать верхъ на частичныхъ выборахъ, имѣвшихъ мѣсто въ первой половинѣ 1891 года; раздоръ все разростался. Непосильные труды, лихорадочная жизнь, непріятности и волненія—все его сломило Парнеля,—и 7-го октября (1891 г.) онъ скончался, совершенно неожиданно для широкихъ народныхъ массъ, ибо всего за десять дней до того произнесъ свою послѣднюю рѣчь на митингѣ въ Боскоммонѣ.

XIII.

Вотъ что впослѣдствіи (въ 1897 г.) сказалъ Гладстонъ по поводу этого погубившаго Парнеля вихря, налетѣвшаго на него какъ разъ въ эпоху полнаго разцвѣта силъ и популярности: «Ахъ, еслибы былъ живъ Парнель, если бы не произошло бракоразводнаго процесса,—я торжественно изъявляю увѣренность, что теперь *былъ бы* у Ирландіи свой парламентъ». Гомруль лишился въ лицѣ Парнеля, дѣйствительно, замѣчательнаго бойца и защитника. Суровая, непреклонная, энергичная натура Парнеля, его ораторскій даръ, тактическія способности, столь нужныя политику, находящемуся въ его положеніи—все это дѣлало Парнеля первостепенной величиной, идоломъ народныхъ массъ. «Такого

не было у насъ и уже не будетъ», сказалъ о немъ хорошо его знавшій Макъ-Карти. Это предсказаніе, пока, сбылось. Послѣдніе годы уже не выдвинули въ Ирландіи никого, кто могъ бы замѣнить Парнеля вполнѣ. А времена наступили нелегкія. Какъ это ни было странно и вполнѣ излишне,—вражда между парнеллитами и антипарнеллитами продолжалась—по старой памяти, хотя уже ни малѣйшаго смысла не имѣла. Подошли общіе выборы 1892 года, тѣ самые общіе выборы, на которые такъ надѣялся покойный Парнель. Ирландія прислала 81 гомрулера, приверженцевъ Гладстона было выбрано въ Англіи и Шотландіи—270, консерваторовъ—268 (остальные 4—члены рабочей партіи). Въ общемъ, выходило, что за гомруль стоитъ нѣкоторое большинство (40 голосовъ), и что Гладстонъ имѣетъ всѣ констуціонныя основанія занять постъ перваго министра. Въ первые же дни послѣ выборовъ (въ августѣ 1692 г.) Салисбюри получилъ вотумъ недовѣрія и Гладстонъ снова, теперь уже въ послѣдній разъ въ своей жизни, сталъ во главѣ правительства.

Руководители движенія въ пользу гомруля—Джустинъ-Макъ-Карти, Сикстонъ, Диллонъ, Гили, О'Брайенъ, Дэвиттъ сообща старались дѣлать то дѣло, которое Парнель такъ хорошо дѣлалъ одинъ, но у нихъ всѣхъ вмѣстѣ и у каждаго отдѣльно (при многихъ и разнообразныхъ качествахъ) не хватало той особенной, изумительной способности воспламенять людскія массы, оставаясь холоднымъ, чѣмъ такъ силенъ былъ Парнель. Ни въ Ирландіи, ни въ Англіи, ни въ парламентѣ они не имѣли и тѣни того авторитета и значенія, какъ покойный лидеръ. Дѣло обстояло очень неутѣшительно: въ палатѣ общинъ, правда премьеръ имѣлъ большинство, хотя и слишкомъ ничтожное для вполнѣ увѣреннаго образа дѣйствій при проведеніи такой колоссальной, по своему значенію, мѣры, какъ гомруль; но за то члены палаты лордовъ ничуть и не скрывали, что они провалятъ билль, когда онъ перейдетъ къ нимъ на обсужденіе. Вотъ почему ирландская партія имѣла полное основаніе писать въ своемъ воззваніи, выпущенномъ весною 1893 года: «Мы дошли до самого труднаго момента въ исторіи долгой борьбы Ирландіи за ея права. Первый министръ Англіи, вождь правительства и партіи, которая управляетъ британскою имперіею, внесъ билль о гомрулѣ, который, въ общемъ, является широкою, солидною и прочною программою ирландскаго національнаго самоуправленія». Говоря дальше о своей вѣрѣ въ то, что эта мѣра знаменуетъ конецъ долгой и кровавой борьбы, авторы указываютъ на «враговъ Ирландіи, которые еще не признаютъ», что борьба эта окончена. Эти враги призываютъ на помощь палату лордовъ. «Мы не можемъ поэтому не считаться съ возможностью продолжительной и отчаянной кампаніи, направленной къ тому, чтобы погубить ирландское дѣло и нанести пораженіе благороднымъ усиліямъ м-ра Гладстона».

Они правильно предвидѣли оппозицію лордовъ, но что они могли подѣлать съ этимъ? Грозить всенароднымъ ирландскимъ волненіемъ? Организовать его? Эти угрозы не могли испугать верхнюю палату: она слишкомъ была увѣрена въ поддержкѣ большихъ массъ англійскаго населенія, и въ томъ, что, если на почвѣ вѣчныхъ аграрныхъ смутъ не могло возникнуть народное возстаніе, то идея политическая, идея гомруля, подавно, такого возстанія въ Ирландіи не подыметъ.

Борьба началась. Гладстонъ, несмотря на свои 83 года, держалъ себя могучимъ, испытаннымъ и непреклоннымъ парламентскимъ бойцомъ. Даже враги любовались зрѣлищемъ этой неслыханной энергіи и умственной свѣжести. Послѣ яростной и упорной борьбы, тяжесть которой почти вся легла на Гладстона, послѣ восьмидесяти двухъ засѣданій-битвъ, въ которыхъ врагами было пущено рѣшительно все въ ходъ, что только было въ ихъ распоряженіи, билль о гомрулѣ прошелъ, большинствомъ 347 противъ 304 голосовъ, въ третьемъ чтеніи въ палатѣ общинъ, и поступилъ въ палату лордовъ. Еще до перехода его въ палату лордовъ, агитація въ Англіи противъ этого билля приняла грозные размѣры. Интересно, что въ это время, въ 1893 году, Англія волновалась изъ-за гомруля едва ли не сильнѣе нежели Ирландія, и громкіе крики о «расчлененіи имперіи», о «предательствѣ по отношенію къ Англіи» не переставали раздаваться въ газетныхъ статьяхъ и на митингахъ, устраиваемыхъ консерваторами и уніонистами. Твердо рѣшившись и безъ того отвергнуть билль о гомрулѣ, палата лордовъ почувствовала подъ собою особенно твердую почву въ успѣхѣ уніонистской агитаціи, и большинствомъ 419 голосовъ противъ 41 провалила ненавистный законопроектъ. Гладстонъ не могъ пустить въ ходъ всѣхъ констуціонныхъ средствъ, чтобы заставить лордовъ уступить: для этого нужно было, дѣйствительно, имѣть за собою и рѣшительное сочувствіе большинства англійскаго народа, и болѣе значительный перевѣсъ голосовъ въ палатѣ общинъ, и болѣе энергичное желаніе поддержать премьера въ самомъ кабинетѣ, и готовность помочь ему—со стороны королевы Викторіи. Ничего подобнаго у Гладстона не было въ распоряженіи, а безъ этихъ условій, точнѣе—безъ возможности пригрозить лордамъ произвольно-большимъ назначеніемъ короною новыхъ членовъ верхней палаты, безъ возможности этою угрозою заставить лордовъ уступить, какъ уступили ихъ дѣды въ 1832 году при обсужденіи билля о реформѣ,—Гладстонъ былъ совершенно безсиленъ сдѣлать, чтобы то ни было противъ упорства «наслѣдственныхъ враговъ» Ирландіи. Мало того, когда палата лордовъ внесла самыя нежелательныя поправки въ другой законопроектъ Гладстона (уже касавшійся англійскихъ дѣлъ), проведенный премьеромъ въ томъ же году чрезъ палату общинъ, и когда Гладстонъ, окончательно рѣшился апеллировать къ націи и, распустивши парламентъ

назначить общіе выборы, въ самомъ кабинетѣ возникли поэтому поводу несогласія. Эти несогласія не носили случайный характеръ, и вскорѣ усилились. Товарищи Гладстона никогда не были особенными энтузіастами ирландскаго самоуправленія, и на этой почвѣ, или, даже на почвѣ борьбы за демократическія реформы, затѣвать войну противъ палаты лордовъ предъ лицомъ націи—многіе изъ нихъ не особенно желали. Кромѣ того, имперіализмъ уже поднималъ голову, и въ кабинетѣ большинство министровъ было за усиленныя морскія вооруженія, а Гладстонъ противъ. Въ началѣ 1894 года, онъ вышелъ въ отставку, и навсегда удалился съ политической авансцены; вмѣстѣ съ нимъ была удалена съ авансцены и идея ирландскаго гомруля.

Ни Розбери, управлявшій Англіею въ 1894—1895 гг., ни, конечно, консервативно-уніонистскіе министерства Салисбюри и Бальфура (1895—1905 гг.) уже о гомрулѣ не думали. Всѣ эти лица и почти всѣ ихъ товарищи были, несмотря на оттѣнки и отличія въ мнѣніяхъ, имперіалистами въ душѣ, а послѣдовательный имперіалистъ за гомруль, конечно, стоять не можетъ. Собственно это стоитъ упомянуть лишь для поясненія роли Розбери въ этомъ вопросѣ, ибо о враждебности консерваторовъ и уніонистовъ идеѣ гомруля,—нѣтъ ни малѣйшей надобности распространяться.

XIV.

1891—1900 гг. были одною изъ тѣхъ эпохъ ирландской исторіи, когда послѣ огромнаго напряженія силъ, послѣ кипучей революціонной и парламентской борьбы—эта маленькая, разоренная, не видящая ни откуда помощи національность временно какъ бы ослабляла свои отчаянные порывы. Въ эти годы Англія рѣшительно вступила на дорогу имперіализма; мысль о расторженіи уніи съ Ирландіей все болѣе и болѣе исчезала изъ области тѣхъ политическихъ идей, съ которыми серьезно считаются или, даже, о которыхъ серьезно говорятъ. Ирландскіе дѣятели старались въ это безвременье поддержать національное самосознаніе, ободрить упавшихъ духомъ. Такъ 1—3 сентября 1896 г. въ Дублинѣ собрался огромный съѣздъ приблизительно изъ 2.250 лицъ, присланныхъ въ качествѣ делегатовъ отъ ирландскихъ обществъ и поселеній, разбросанныхъ по всему земному шару. Этотъ съѣздъ, «конвентъ ирландской расы», конечно, могъ имѣть и имѣлъ на самомъ дѣлѣ лишь значеніе большой манифестаціи въ пользу гомруля. Устроенъ былъ этотъ съѣздъ членами «національной федераціи» общества, основаннаго еще въ 1891 году съ цѣлью продолжать дѣло борьбы противъ лендлордизма и за гомруль. Это общество, благодаря съѣзду 1896 года, впервые завоевало недостававшую ему до тѣхъ поръ по-

пулярность и авторитетность. Благодаря этому же съѣзду ускорилось сближеніе и примиреніе между двумя фракціями, дѣлившими ирландскіе политическіе круги со времени бракоразводнаго процесса супруговъ О'Ши. Послѣ съѣзда «національная федерація», финансы которой сильно поправились благодаря обильнымъ взносамъ и пожертвованіямъ изъ Америки и Австраліи, направила всѣ усилія на помощь хронически бѣдствовавшимъ арендаторамъ то той, то иной посѣщаемой неурожаемъ мѣстности. Этотъ же 1896 годъ принесъ весьма интересныя указанія на тотъ счетъ, какъ консервативно-уніонистское правительство намѣрено рѣшить ирландскій вопросъ. Въ этомъ году правительство провело по собственной иниціативѣ билль, бывшій по мнѣнію такихъ компетентныхъ лицъ, какъ, напр., Дэвиттъ, еще однимъ шагомъ къ упраздненію системы лендлордизма. Въ биллѣ предлагалось назначить коммиссію, которая бы имѣла цѣлью, исходя изъ общихъ принциповъ земельнаго акта 1881 года, опредѣлить «справедливую ренту» въ такихъ размѣрахъ, которые не были бы обременительны для арендаторовъ. Для этого предлагалось: 1) установить размѣры «справедливой ренты» съ земли и усадьбы арендатора въ томъ видѣ, какъ эта земля и усадьба существуютъ, т.-е. принимая во вниманіе дѣйствительную ихъ стоимость и доходность; 2) установить цѣнность улучшеній, сдѣланныхъ самимъ арендаторомъ и, опредѣливши, на сколько эти улучшенія увеличиваютъ арендную плату,—*вычесть* этотъ излишекъ изъ установленной по § 1 общей суммы «справедливой ренты»; то, что получится въ остаткѣ и будетъ тою «справедливою рентою», которую арендаторъ долженъ платить лендлорду. Кромѣ того, этотъ актъ смягчалъ еще болѣе условія выплаты казнѣ денегъ, данныхъ ею заимообразно арендаторамъ, которые желали выкупить свои участки въ собственность. Словомъ, актъ 1896 года имѣлъ цѣлью дополнить и развить положенія земельныхъ актовъ 1881, 1885 и 1891 годовъ. Конечно, и теперь члены коммиссіи, опредѣлявшей размѣры ренты и стоимость улучшеній, и суды, разсматривавшіе споры и несогласія по этому поводу,—очень склонны были ставить выгоды лендлорда всегда впереди. Но при всемъ томъ принципъ вмѣшательства государства въ арендныя отношенія и государственной помощи въ дѣлѣ выкупа земли арендаторами, актомъ 1896 года еще болѣе былъ расширенъ и углубленъ.

Этотъ актъ предуказалъ всю ирландскую политику консерваторовъ-уніонистовъ, до нынѣшняго дня управляющихъ Ирландіей: не давать гомруля, но въ широчайшихъ размѣрахъ приступить къ рѣшенію вѣкового вопроса о землѣ; не удовлетворять основного требованія политическаго, но сдѣлать все, не останавливаясь предъ матеріальными жертвами со стороны государства, чтобы удовлетворить насущнымъ экономическимъ нуждамъ ирландскаго населенія. Вмѣстѣ

съ тѣмъ, правительство и парламентъ дали Ирландіи въ 1898 году новый законъ о мѣстномъ самоуправленіи, реформировавшій на такихъ началахъ существовавшіе въ Ирландіи порядки, что даже люди радикально-гомрулевскаго образа мыслей не могли не выразить извѣстнаго удовлетворенія. До 1898 года мѣстное управленіе (сборъ налоговъ, ихъ употребленіе на мѣстныя нужды, призрѣніе бѣдныхъ, дорожное дѣло, медицинская помощь и т. п.) находилось въ рукахъ небольшихъ комитетовъ, члены которыхъ назначались изъ лендлордскаго класса или—въ болѣе рѣдкикъ случаяхъ—изъ лицъ иныхъ классовъ, но непремѣнно такъ или иначе связанныхъ съ лендлордами и съ англійской правительственной системою—общностью интересовъ и воззрѣній: назначенія эти дѣлались шерифами и судьями, т.-е. чинами, либо прямо зависѣвшими отъ правительства, либо, все равно, склонными его поддерживать. Эти назначенные комитеты и изображали собою мѣстное управленіе; ихъ тенденціи и настроеніе были, большею частью, такими, какія могутъ быть у побѣдителей въ завоеванной и враждебной странѣ, а вовсе не у лицъ, призванныхъ блюсти народное хозяйство. Актъ 1898 года передавалъ мѣстныя дѣла въ руки совѣтовъ графствъ (по одному на каждое графство Ирландіи), при чемъ избирательныя права предоставлялись, въ общемъ, всѣмъ, кто имѣлъ право выбирать членовъ парламента. Была образована и болѣе мелкая самоуправляющаяся единица (съ совѣтомъ сельскаго округа во главѣ, также выборнымъ,—но съ болѣе ограниченной компетенціей). Правда, актъ 1898 года, оставлялъ рѣшающій голосъ и право veto за присутственнымъ мѣстомъ, являющимся подчиненнымъ органомъ вице-короля,—но фактически вице-королевская власть умѣла и умѣетъ избѣгать ненужныхъ треній и безъ смысла не раздражаетъ представителей мѣстнаго самоуправленія. Всѣ эти мѣры министерства не смогли, все же, предотвратить весьма рѣзкихъ выраженій сочувствія со стороны Ирландіи несчастнымъ бурамъ, когда надъ ними стряслось несчастье, погубившее ихъ самостоятельность. Ирландцы обнаружили живѣйшее состраданіе къ двумъ маленькимъ республикамъ, такъ отчаянно бившимся противъ Англіи; ирландскіе депутаты протестовали въ палатѣ общинъ, въ Дублинѣ устраивались митинги, ирландская пресса громила политику Чемберлена (при англійскихъ порядкахъ громить Англію въ Англіи-же не возбраняется никому; небольшая подробность, охотно забываемая въ другихъ странахъ друзьями буровъ, почему-то не удосуживающимися вспомнить о бурахъ собственныхъ, т. е. иногда о всѣхъ согражданахъ безъ исключенія). Но воспользоваться этою войною—для возстанія—никто въ Ирландіи не подумалъ; и не только оттого, что 4.400.000, населяющіе Ирландію, понимали невозможность борьбы,—но и потому, что политика Салисбюри успѣла отчасти принести кое-какіе результаты. По крайней мѣрѣ, даже съ 1900 г., когда окончательно изгладились слѣды

раздоровъ, начавшихся въ послѣдній годъ жизни Парнеля, и когда лидеромъ ирландской партіи былъ избранъ Джонъ Редмондъ,—даже съ этого времени и съ открытія (въ томъ же 1900 г.) новаго огромнаго общества «Лиги объединенной Ирландіи»—революціонизмъ въ Ирландіи сколько-нибудь замѣтно не усилился. Названная новая «Лига», замѣнившая «Національную федерацію», преслѣдуетъ тѣже цѣли, что и эта, закрывшаяся въ 1900 г., «федерація»: агитація въ пользу земельной реформы и гомруля—ея основная задача. Переименованіе было вызвано желаніемъ отмѣтить конецъ всѣхъ партійныхъ раздоровъ и несогласій.

Выборы 1900 года укрѣпили положеніе консервативно-уніонистскаго правительства, но это не помѣшало ему продолжать свою политику частичнаго удовлетворенія ирландскихъ нуждъ. Главнымъ секретаремъ Ирландіи былъ назначенъ Джоржъ Уиндгэмъ, который, правда, пользовался въ первые годы своего управленія (1901—1902) полномочіями, предоставленными усмирительнымъ актомъ, чтобы засадить въ тюрьму нѣсколько десятковъ человѣкъ,—но имя котораго останется въ ирландской исторіи связаннымъ съ знаменательнымъ земельнымъ актомъ 1903 года.

Многіе ирландскіе дѣятели объясняютъ внесеніе Уиндгэмомъ въ палату общинъ въ сессію 1902 года его билля, прежде всего, непосредственными лендлордскими интересами: землевладѣльцы могли въ ближайшемъ будущемъ разсчитывать на уменьшеніе и той «справедливой ренты», которая, не удовлетворяя арендаторовъ,—и ихъ самихъ мало удовлетворяла; при новомъ установленіи размѣровъ ренты (въ 1911 году—черезъ два пятнадцати-лѣтнихъ срока послѣ 1881 г.) можно было-бы ожидать такого пониженія нормы, которое казалось лендлордамъ прямо разорительнымъ. Съ другой стороны, — замѣчаетъ Дэвиттъ, агитація «лиги объединенной Ирландіи» постоянно напоминала правительству о неотложности новыхъ мѣръ въ защиту трудящагося земледѣльческаго населенія. Да и, кромѣ того, идея организаціи выкупа участковъ арендаторами, положенная въ основу проэкта Уиндгэма, какъ нельзя болѣе подходила къ общей тенденціи министерства консерваторовъ и уніонистовъ: уладить возможно полнѣе экономическія неурядицы, чтобы обезсилить гомрулеровъ,—которые, предполагалось, лишатся активной помощи отъ большинства населенія, если оно окажется болѣе обезпеченнымъ землею. Билль, подвергшійся всесторонней оживленной критикѣ компетентныхъ представителей обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, прошелъ чрезъ парламентъ и сталъ закономъ.

Этотъ актъ, который «долженъ превратить отъ четырехсотъ до пятисотъ тысячъ земельныхъ держателей—въ арендующихъ землю у государства въ теченіе 70 лѣтъ», разрѣшалъ кредитъ въ 112 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ,—причемъ предполагается, что этой суммы должно

хватить для осуществленія всей грандіозной мѣры—выкупа земли. За каждыя сто фунтовъ стерлинговъ, полученныя арендаторомъ изъ этого государственнаго фонда для выкупа участка—арендаторъ ежегодно уплачиваетъ въ казну три фунта и пять шиллинговъ,—изъ коихъ 2 ф. 15 шил.—въ качествѣ $^0/_0$, а десять шиллинговъ—въ погашеніе долга. Нѣкоторые расходы по совершенію самой сдѣлки (выкупа) беретъ на себя казна,—и лендлордъ, продающій землю арендатору,—отъ этихъ, очень высокихъ издержекъ,—совершенно освобождается. Вообще же, интересы лендлордовъ этимъ актомъ принимаются столь близко къ сердцу, что изъ вышеозначенной суммы (т.-е. изъ 112 милліоновъ)—двѣнадцать милліоновъ фунтовъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ предназначены почти исключительно въ пользу лендлордовъ, соглашающихся продать землю арендаторамъ; это, такъ сказать,—дополнительная премія лендлордскому классу, который и такъ получитъ и всю остальную сумму (сто милліоновъ), за свою землю въ видѣ выкупа. Актъ 1903 года рядомъ мѣръ стремится, насколько возможно болѣе, побудить лендлордовъ къ скорѣйшему согласію насчетъ продажи участковъ арендаторамъ: это достигается тѣмъ, что такая продажа явственно обезпечивается со стороны государства такими матеріальными выгодами, которыя перевѣшиваютъ пользу отъ оставленія своей земельной собственности въ своихъ рукахъ. Съ другой стороны, актъ 1903 года, лишая арендаторовъ, не желающихъ выкупить свои участки въ собственность, нѣкоторыхъ преимуществъ, которыя имъ были предоставлены прежними законами,—обнаруживалъ прямую тенденцію—*заставить* арендаторовъ поскорѣе стать земельными собственниками, если бы у нѣкоторыхъ изъ нихъ не хватило достаточно иниціативы и энергіи, чтобы самимъ обратиться въ государственный фондъ за ссудой, и взять на себя необременительныя обязательства предъ казною. Впрочемъ, огромное большинство арендаторовъ по собственному страстному побужденію бросились на встрѣчу уиндгэмовскимъ начинаніямъ. Конечно, актъ 1903 года обладаетъ съ послѣдовательно-демократической точки зрѣнія серьезными недостатками,—на которые и указывала ирландская политическая пресса. Напримѣръ, указывалось на слишкомъ ужъ щедрое вознагражденіе лендлордовъ, на слишкомъ нѣжную заботливость объ ихъ выгодахъ при совершеніи выкупа, на то, особенно, что, вѣдь, это великодушіе государства по отношенію къ лендлордамъ окупается въ конечномъ счетѣ плательщиками податей; на то, что будь свой, ирландскій парламентъ,—дѣло было бы сдѣлано съ меньшими расходами и т. д. Безспорно, актъ 1903 года еще будетъ подлежать въ будущемъ—дополненіямъ и измѣненіямъ,—но дѣло, все-таки, сдѣлано: заря лучшаго экономическаго будущаго уже взошла надъ Ирландіей.

Кончая нашъ очеркъ, сводя къ немногимъ словамъ главное его

содержаніе, вспоминая, какъ ирландцы добились сначала эмансипаціи католиковъ, потомъ уничтоженія церковной десятины и отдѣленія церкви отъ государства и, наконецъ, серьезныхъ законодательныхъ шаговъ въ области улучшенія аграрныхъ отношеній,—мы можемъ только лишній разъ вспомнить мысль Парнеля: англичане ничего не даютъ добромъ, у нихъ все нужно вырывать борьбою. Исторія учитъ, впрочемъ, что англичане въ данномъ случаѣ вовсе не являются исключеніемъ...

Не являются они исключеніемъ и въ другомъ отношеніи: они послѣдовательно дѣлали ирландцамъ тѣ уступки, которыя меньше затрогивали ихъ собственные интересы. Сначала эмансипація католиковъ—и рядъ реформъ въ церковной области, мало затрогивающей кого бы то ни было, кромѣ духовныхъ лицъ,—вплоть до лишенія англиканской церкви въ Ирландіи государственнаго характера; затѣмъ, — аграрное законодательство, все больше и больше стѣсняющее произвольную власть лендлорда, и стремящееся сдѣлать арендатора собственникомъ земли: здѣсь тоже государство не чувствовало себя вполнѣ солидарнымъ съ ирландскими лендлордами,—и властно вмѣшалось въ аграрныя отношенія. И наконецъ,—остается реформа, самая трудная, изъ-за предотвращенія которой собственно и дѣлались эти аграрныя преобразованія: дарованіе самоуправленія... Достигнетъ ли Ирландія и этой желанной цѣли? Хватитъ ли у нея и для этой борьбы силъ? Будутъ ли и за нее бороться такъ, какъ боролись для достиженія предшествовавшихъ уступокъ? Все это покажетъ будущее. Хотѣлось бы, во всякомъ случаѣ, надѣяться, что въ начавшемся столѣтіи Ирландіи предстоитъ пережить меньше ужасовъ, чѣмъ въ столѣтіи окончившемся.

Евг. Тарле.

СИРЕНЬ.

I.

Вечеръ былъ такой тихій и золотистый, что пыль, стоявшая въ воздухѣ, попадая въ оранжевыя полосы заката, свѣтилась прозрачными пятнами, какъ легкій паръ.

Деревья отдыхали послѣ горячаго майскаго дня. Ихъ листья, поблѣднѣвшія за день отъ солнца, теперь посвѣжѣли и дышали свободнѣе, особенно сирень, которой душно было отъ цвѣтовъ.

Горьковатый, сильный запахъ сирени заливалъ воздухъ до такой степени, что казалось, еще немного, и его можно будетъ разсмотрѣть въ червонныхъ переливахъ зари; она проникала съ запада сквозь листву деревьевъ, золотила стволы и вѣтки, пятнами блестѣла на пескѣ и заставляла свѣтиться пышныя лиловыя кисти.

Въ эту весну цвѣла сирень особенно сильно, буйно. Она, какъ бы лѣнилась, заливая аллеи до такой степени, что листьевъ совсѣмъ почти не было видно подъ кудрями лиловыхъ цвѣтовъ, по временамъ нагибавшихъ длинныя, жилистыя вѣтви. Въ этомъ буйномъ цвѣтеніи было что-то призывно-страстное и томительное, раскрытое и плѣнительное, какъ языческая нагота. Сирень, какъ цѣпь, оковывала весь паркъ и, казалось, держала въ плѣну всѣ другія деревья, среди которыхъ нѣкоторыя еще не вполнѣ распустились. Особенно странно было видѣть ели, похожія на темнобронзовыя канделябры со множествомъ свѣчей и старые дубы, черные, корявые, тяжелые, какъ будто вылитые изъ чугуна.

Сирень была вездѣ: въ рукахъ прохожихъ, въ корзинахъ кухарокъ, среди кровавыхъ кусковъ мяса и битой птицы, въ волосахъ швеекъ, на шляпахъ извозчиковъ. Она какъ бы завоевала всѣхъ. Сирень валялась въ пыли, смѣшивая свой торжествующій запахъ съ запахомъ земли, моря и города, опьяняя, кажется, самые камни.

Ея цвѣты гибли подъ ногами прохожихъ и лошадей, издавая

еще болѣе сильный запахъ, когда ихъ давили ноги и колеса, какъ будто вмѣстѣ съ жизнью отлетала въ этомъ ароматѣ душа цвѣтовъ.

II.

Компанія изъ троихъ молодыхъ людей, представителей, такъ называемой, золотой молодежи, и двухъ ихъ пріятельницъ шла съ моря черезъ паркъ, чтобы затѣмъ разъѣхаться по домамъ. Они весело и хмѣльно провели въ морѣ на яхтѣ цѣлый день и теперь лѣниво тянулись по сиреневой аллеѣ, изрѣдка перекидывались шутками и словами, вспыхивавшими какъ огоньки, сохранившіеся послѣ веселаго костра подъ пепломъ.

Сирень дышала на нихъ, проникая ароматами въ платья, въ волосы, въ поры млѣющей кожи. Запахъ ея ощущался на сохнущихъ губахъ, на тяжелѣвшихъ рѣсницахъ.

— Ахъ, мнѣ все еще кажется, что меня покачиваетъ!—колеблясь изъ стороны въ сторону, и слегка выгибая молодое послушное тѣло, воскликнула одна изъ женщинъ. Красные маки на ея легкой весенней шляпѣ закачались, касаясь черныхъ блестящихъ волосъ и пытаясь взглянуть на смуглое привлекательное лицо съ большимъ страстнымъ ртомъ.

— Поддержите меня, Сержъ, а то я потеряю равновѣсіе.

Она затрепетала рукавами, какъ крыльями, вся перегибаясь назадъ, закидывая голову и смѣшно водя передъ собой, почти прямо надъ головой, длинный, тупой подбородокъ и вздернутые кверху бѣлобрысые усы владѣльца яхты.

Онъ уклонился въ сторону, такъ что она, дѣйствительно, едва не упала, и съ грубоватымъ смѣхомъ отвѣтилъ:

— Ну, Марго, потерять равновѣсіе послѣ того, какъ потеряно кое-что поважнѣе,—это не бѣда.

Товарищъ его, лысый и черноусый, но совсѣмъ еще молодой человѣкъ, карточный игрокъ и едва-ли не шуллеръ, поддержалъ его еще болѣе грубой шуткой:

— Шансонетнымъ тѣламъ свойственно неустойчивое равновѣсіе.

Подруга ея, съ взбитыми золотистыми и явно крашеными волосами, засмѣялась однимъ только голосомъ. Она уже подходила къ тому возрасту, когда приходилось беречь лицо, эту вывѣску ея товара и, по возможности, сохранять неподвижность своихъ чертъ во избѣжаніе морщинъ.

Ни ту, ни другую нисколько не оскорбляли подобныя остроты: онѣ и не къ этому привыкли. Но когда третій спутникъ, самый

красивый изъ троихъ и самый противный со своими заискивающими манерами, воскликнулъ:

— Браво, Сержъ! Браво, Мишель! Вы сегодня въ ударѣ.

Женщины переглянулись съ пренебрежительными гримасами, которыя говорили: «Ну, хоть тѣ двое намъ деньги платятъ, а этотъ, приживатель, туда-же!»

Марго концомъ зонтика сбила шляпу съ головы Жоржа, покрытой такими безцвѣтными и прилизанными волосами, точно ихъ и не было совсѣмъ—и бросилась бѣжать по аллеѣ, высоко подхвативъ свистѣвшую шелкомъ юбку, которая била по ея икрамъ въ синихъ со стрѣлками чулкахъ.

Желтые ботинки ея поблескивали на бѣгу, но Сержъ и не думалъ ее преслѣдовать. Не сгибая ногъ въ подвернутыхъ палевыхъ панталонахъ, онъ нагнулся, чтобы поднять шляпу, но услужливый красавецъ поднялъ ее раньше и подалъ ему.

Онъ, не глядя на него, кивнулъ въ видѣ благодарности и сказалъ Марго.

— Глупо.

Та, все еще держа одной рукой юбку, плотно обхватывавшую ея бедра, обернула голову назадъ и шаловливо показала ему носъ. Но, видя, что вызовъ ея не принятъ, поправила слегка сбившуюся шляпку и лицо ея стало скучнымъ.

— Ты все еще, Марго не можешь угомониться.—Вяло обратилась къ ней подруга.

— Наоборотъ. Встряхиваясь,—отвѣтила та, снова дѣлая видъ готовой на дурачество. Она попутно сорвала вѣтку сирени и проводила ее по своему лицу, расширяя отъ запаха ноздри.

— Какъ освѣжаетъ... Странно: цвѣты всегда прохладны. И когда... вотъ такъ... дышешь ими... хочется...

— Любви или шампанскаго,—вставилъ красавецъ.

Она даже не взглянула на него и, кусая сирень неровными блестящими зубами, продолжала:

— Хочется совсѣмъ чего нибудь особеннаго.

Ея темные глаза съ желтоватыми бѣлками ушли куда-то внутрь и, продолжая опять водить по вздрагивающимъ ноздрямъ сиренью, Марго на минуту задумалась о чемъ-то, потомъ съ просіявшимъ лицомъ вспомнила:

— Ахъ, да! Вотъ! Это былъ маленькій хромоножка. Онъ для меня лазилъ черезъ заборъ и рвалъ сирень. Я была тогда ребенкомъ и звали меня по настоящему—Маша, Муся. Кажется, я была влюблена въ него. Бѣдняжка упалъ въ колодезь и утонулъ.

Она вздохнула и тѣмъ разсмѣшила всю компанію.

— Такъ вотъ оно, особенное, чего тебѣ хочется,—обратился къ ней красавецъ.

— Я васъ прошу не говорить мнѣ—ты!—сверкнувъ глазами, рѣзко крикнула ему Марго.

— Хо-хо-хо!—передразнилъ ее тотъ, однако, нѣсколько опѣшилъ отъ ея окрика и вопросительно оглядѣлъ своихъ пріятелей.

— Полно, Марго,—остановилъ женщину Жоржъ.—Онъ нашъ товарищъ и то, что разрѣшено намъ, должно быть разрѣшено и ему.

— Я не хочу этого,— упрямилась она.—Онъ не имѣетъ права.

— Ну, полно, полно... Какая муха тебя укусила? Отчего же ты прежде не протестовала.

— Марго!—прервалъ ихъ пререканія игрокъ.—Взгляни лучше. Уроды еще не перевелись на свѣтѣ и ты можешь влюбиться еще разъ. Вонъ, посмотри, идетъ горбунъ. Я не видалъ твоего хромоножку, но этотъ не уступитъ ему уродствомъ, можно поручиться.

Марго съ досадой швырнула вѣтку сирени, сорвала свѣжую и, еще не взглянувъ туда, куда ей указывали, съ досадой пробормотала:

— А что-же... Онъ, конечно, гораздо интереснѣе всѣхъ васъ.

Компанія разразилась еще болѣе веселымъ смѣхомъ.

— Ха-ха-ха... Сержъ, слышишь?

— Въ самомъ дѣлѣ, это было-бы «чего нибудь особенное», чего ты хочешь.

— Да взгляни Марго.

Онъ указалъ тростью на горбуна, который шелъ, ковыляя на тонкихъ вывернутыхъ ногахъ, выставивъ впереди большую тяжелую голову въ старой соломенной шляпѣ.

— Это профессоръ Грановъ... Извѣстный ученый... Я, впрочемъ, не знаю, чѣмъ онъ извѣстенъ.

— Во всякомъ случаѣ, не завидую ему, хоть онъ и имѣетъ шансы на твою... pardon... на вашу любовь.

— Ну, ну... смѣйтесь... А чтобы вы тамъ ни говорили, онъ гораздо интереснѣе всѣхъ другихъ мужчинъ и васъ въ томъ числѣ. Всѣ вы, какъ одинъ... всѣ... всѣ... сколько ихъ я знаю. Надоѣли!

— Но ты-то ему не интересна...—подзадоривали они Марго.

— Что?... Я...

Она презрительно скривила губы.

— Ну, да... ты... Соблазни его. Я иду на пари, что не соблазнишь.

— Это было бы забавно. Я готовъ держать мазу,—оживился игрокъ.

Подруга ея пожала плечами и отвернулась, не одобряя этой затѣи.

Горбунъ свернулъ въ сосѣднюю аллею и видно было сквозь лиловыя кисти сирени, какъ онъ направлялся къ скамейкѣ въ совсѣмъ глухой уголокъ.

— Вотъ этотъ перстень съ бирюзой, который ты такъ желала имѣть, онъ будетъ твой,—поддразнивалъ Маргариту владѣлецъ яхты.

— Я присоединяю свою булавку,—подхватилъ брюнетъ.

Булавка была съ фальшивымъ бриллiантомъ, но Марго этого не знала, да это было и не важно.

Въ ея головѣ все еще шумѣло отъ шампанскаго, а запахъ сирени томилъ и странно волновалъ. Затѣя показалась ей пикантной и оригинальной, и было въ ней еще что-то таинственное. Кромѣ того, она любила всякого рода спортъ и здѣсь было похоже на спортъ.

Марго даже остановилась посреди аллеи и глядѣла то на одного, то на другого, взвѣшивая что-то про себя и начиная улыбаться затаеннымъ желанiямъ, вспыхивавшимъ и бродившимъ въ ея крови.

— Ну, иди же, Марго, не упускай случая. Я готовъ голову дать на отсѣченiе, что онъ не цѣловалъ еще ни одной женщины.

— По крайней мѣрѣ, врядъ-ли какая-нибудь женщина цѣловала его,—съ неподвижномъ лицомъ сказала ея подруга.

— А я поцѣлую,—рѣшительно заявила Марго.

— Это еще не выигрышъ пари. Надо, чтобы онъ поцѣловалъ тебя. Понимаешь... вполнѣ.

— И онъ поцѣлуетъ меня,—стукнувъ ногой, подтвердила она.— Я принимаю ваше пари.

— Браво!—Со смѣхомъ воскликнули трое мужчинъ.—Браво, Марго. Но какъ же мы провѣримъ твою побѣду?

— Я не обману.

— Ну, нѣтъ, это надо знать, убѣдиться.

— Съ васъ достаточно будетъ, если вы застанете его у меня черезъ три часа.

— Марго,—шепнула ей подруга,—булавка фальшивая, а бирюза...

— Все равно... Достаточно?—обратилась она къ спортсмэнамъ.

— Ну, пожалуй...

— Тогда до свиданья.

III.

Марго отделилась отъ своихъ спутниковъ и той походкой, которой она выходила на эстраду для исполненія своего номера, направилась на аллею, гдѣ сидѣлъ горбунъ.

Они съ любопытствомъ и смѣхомъ смотрѣли ей вслѣдъ, насмѣшливо напѣвая:

Маргарита, бойся увлеченья...

Въ наплывающихъ сумеркахъ фигура ея казалась воздушной и очень близкой этому возбуждающему весеннему вечеру, овѣянному запахомъ сирени.

Они видѣли, какъ она, обернувшись, сдѣлала имъ знакъ рукой уходить, а сама скоро остановилась около скамейки и сѣла неподалеку отъ профессора.

Тотъ, повидимому, не обратилъ на нее вниманія, занятый краснымъ листкомъ телеграммъ, выпущенныхъ по случаю новыхъ событій на Востокѣ.

Марго раза два сбоку на него взглянула. Онъ продолжалъ читать.

Она успѣла разсмотрѣть его большую стриженую голову на худой шеѣ, тонкій, совершенно прямой носъ и неправильный очеркъ большого рта, въ которомъ было замкнуто страданіе.

Повидимому, ему тяжело было дышать: при каждомъ дыханіи плечи его приподнимались, точно безобразно выступавшій горбъ, какъ уродливый полипъ, впился ему въ спину и давилъ его.

Марго уронила платокъ, чтобы обратить вниманіе сосѣда хоть такимъ образомъ. Онъ на нее оглянулся и, ей показалось, со вниманіемъ и любопытствомъ на нее посмотрѣлъ.

Она поспѣшила сама поднять платокъ и улыбнулась профессору, скромно проговоривъ:

— Вы такъ испортите себѣ глаза. Уже сумерки.

Онъ, не поворачивая плечъ, повернулъ голову и, посмотрѣвъ на нее какъ-то снизу вверхъ, отвѣтилъ слабымъ тонкимъ голосомъ:

— Нѣтъ, еще не такъ темно. Притомъ же телеграммы... Онъ запнулся.—Все кровь и кровь... Трупы и трупы... Новыя пораженія. Тревога внутри страны, а правительство молчитъ, или еще хуже... упорствуетъ. Ужасъ!

— Стоитъ ли въ такой вечеръ заниматься ужасами!

— При чемъ же тутъ вечеръ?

— Какъ, при чемъ! Вотъ странно.

Она привычно разсмѣялась и съ легкомысленной непослѣдовательностью добавила:

— Да и все равно, помочь нельзя.

— Нѣтъ, помочь можно и мы должны помочь, такъ какъ мы въ этомъ виноваты.

— Что? Ха-ха-ха... Ну, ужъ я никакъ не могу считать себя въ этомъ виноватой. Въ чемъ хотите, только не въ этомъ. Я сама терпѣть не могу войны и всякихъ такихъ... недоразумѣній.

Такъ какъ онъ во всѣ глаза смотрѣлъ на нее, она улыбнулась ему и съ неожиданнымъ вздохомъ закончила:

— Ахъ, жизнь такъ коротка.

Не привыкшій къ подобнымъ скачкамъ настроеній и словъ, профессоръ не зналъ, что ей отвѣтить. Онъ, повидимому, все еще не вполнѣ уяснилъ себѣ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и Марго это нѣсколько льстило, хотя и смѣшило въ то же время. Чтобы ускорить ходъ интриги, она вернулась къ прежнему.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не согласна въ такой вечеръ говорить о крови, о покойникахъ и еще тамъ... въ родѣ этого.

Но такъ какъ онъ и тутъ не нашелся, что отвѣтить, она многозначительно заявила:

— Этотъ вечеръ совсѣмъ не для того созданъ.

— Для чего же?

— Будто вы не знаете?—тягучимъ тономъ произнесла она, лукаво прищурившись, недовѣрчиво покачивая головой.

Онъ смутился и недовольно шевельнулъ бровями. Какая-то парочка, не обращая на нихъ вниманія, обнявшись, прошла мимо и въ душистомъ воздухѣ послышались два голоса, скорѣе похожіе на воркованье дикихъ голубей, чѣмъ на человѣческую рѣчь.

— Вотъ спросите ихъ,—кивнула она на удалявшихся, которые терялись въ сумеркахъ, сами какъ будто созданные изъ этихъ бархатныхъ переливовъ майскаго воздуха и ароматовъ сирени.

— Это не для меня,—услышала она спокойный, тихій отвѣтъ.

— Почему? Развѣ вы не такой же человѣкъ?

Она хотѣла этой фразѣ придать такой смыслъ, что въ ея глазахъ уродство его не имѣетъ никакого значенія. Но онъ не хотѣлъ и не могъ-таки понять ее: у него была гордость другого чувства и, стараясь сохранить эту гордость, онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, именно потому, что я человѣкъ, я долженъ сказать, что это для меня не важно.

— Не важно... Не важно—любовь!

— Любовь! Такъ любитъ и звѣрь и птицы. Для человѣка есть иная любовь. Вы сказали—жизнь коротка. Тѣмъ болѣе — надо дорожить ею, сдѣлать ее болѣе достойной человѣческаго призванія.

— Но въ этой любви вся поэзія жизни!—возвысивъ голосъ,

повторила она фразу, слышанную ею отъ одного изъ своихъ быстро смѣнявшихся поклонниковъ.

Онъ принялъ эту фразу въ серьезъ и, прямо взглянувъ на нее своими глубоко запавшими и какъ-то дѣтски трогательными глазами, встрѣчающимися только у людей, жестоко обиженныхъ природой, но не злобствующихъ на нее за это.

— Есть иная поэзія, болѣе возвышенная и достойная человѣка: поэзія мысли, поэзія духа, пренебрегающаго животными радостями...

— Хорошо, но если такъ, человѣческій родъ долженъ прекратиться,—пустила она въ ходъ логику.

Но, увлеченный своими мыслями, онъ не обратилъ вниманіе на ея возраженіе и продолжалъ:

— Есть поэзія состраданія, влекущая человѣка къ подвигамъ, къ стремленію пожертвовать собою за своего ближняго, за человѣчество, опутанное насиліемъ и гнетомъ жестокости, хищничества и произвола. Вотъ этотъ лоскутокъ бумаги...—потрясъ онъ газетнымъ листкомъ,—онъ представляется мнѣ какимъ-то окровавленнымъ знаменемъ нашего несчастнаго времени, клокомъ живого тѣла, вырваннаго изъ нашей съ вами родины.

— Слушайте!—строго и таинственно обратился онъ къ ней, начиная чуть ли не съ шопота.—Одинъ солдатъ нынче разсказывалъ мнѣ, что около Мукдена они шли по щиколодку въ человѣческой крови, и эта кровь проникала сквозь сапожную кожу и потомъ такъ запеклась на ногахъ, что сапоги нельзя было снять: приходилось разрѣзать ихъ. Человѣческая кровь по щиколодку!—воскликнулъ онъ какъ-то визгливо, открывая еще больше свои впалые глаза и ротъ, наполненные ужасомъ.—Че-ло-вѣ-че-ская!—точно не вѣря себѣ, повторилъ онъ опять, упавшимъ до шопота, дрожащимъ голосомъ, такъ что Марго отшатнулась.—А отчего это? Оттого, что люди еще звѣри и стремятся только къ удовлетворенію звѣрсихъ похотей и другихъ стараются держать въ этихъ же потемкахъ.

Онъ задыхался отъ усилій и волненія, хотя чуть не всю эту рѣчь проговорилъ, не возвышая своего слабаго, почти женскаго голоса. И, опершись согнутыми руками о колѣни, онъ согнулся подъ своимъ горбомъ, который шевелился отъ его тяжелаго дыханія, какъ впившійся въ спину звѣрь.

Марго съ удивленіемъ слушала его, не совсѣмъ проникая во внутренній смыслъ его рѣчи, но инстинктивно чувствуя, что въ его словахъ есть что-то враждебное—не ей, а всей ея жизни.

Впрочемъ, отчасти она была убѣждена, что его заставляетъ такимъ образомъ говорить зависть, какъ существо, обдѣленное

тѣми радостями, которыя природа щедро бросала всѣмъ молодымъ, сильнымъ, красивымъ. Вмѣстѣ съ досадой онъ возбуждалъ въ ней сожалѣніе; а то, что онъ удостоивалъ ее такой бесѣды, возвышало въ своихъ собственныхъ глазахъ, заставляло скромнѣе держаться, вызывало къ нему чувство признательности.

— Такъ дальше жить нельзя, и человѣкъ не въ правѣ такъ жить, ни какъ гражданинъ, ни какъ существо, созданное по образу и подобію Божію. И развѣ вы не видите!—съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ обратился онъ къ ней.—Люди измѣнились теперь, и какое отвращеніе и боль вызываетъ въ нихъ вся эта бойня и всѣ вопіющія несправедливости. Мы наканунѣ новой жизни, новыхъ, болѣе человѣчныхъ и достойныхъ насъ отношеній. Нынѣшній день станетъ далекимъ прошлымъ для завтрашняго дня. Развѣ вы не видите, что между вчерашнимъ днемъ и нынѣшнимъ—цѣлая пропасть, что они совсѣмъ не родные другъ-другу. Въ самой психикѣ людей совершаются какіе-то молніеносные переломы. Люди стыдятся того, чѣмъ жили вчера, во что вчера вѣрили. Да, да! Мы наканунѣ новой, прекрасной жизни, и все это сдѣлала человѣческая мысль, божественный духъ человѣка!

Марго скрытно зѣвнула. Ее утомило непривычное напряженіе мысли и эти новыя, неслыханныя ею слова, возбуждавшія въ ней, уже помимо пари, желаніе осчастливить своей лаской этого добраго несчастнаго человѣка.

— Все это такъ, — поторопилась начать она, боясь, какъ бы онъ не завелъ дальше эту канитель,—но вѣдь...—Она опять хотѣла повторить доказательство относительно человѣческаго рода, но смягчила свою рѣчь:—вѣдь человѣку хочется и другой любви, разъ ему дано тѣло. И право, я не вижу тутъ ничего дурного. Это такъ... такъ естественно.

— Ну, скажите,—перемѣнила она наставительный тонъ на болѣе игривый:—развѣ вамъ не хочется, чтобы васъ поцѣловала женщина молодая, недурненькая... Ну, вотъ, такая, какъ я?

Она подвинулась ближе, наклонила свое неожиданно для нея вспыхнувшее лицо къ нему и вызывающими глазами глядѣла въ его глаза, ставшіе сразу растерянными и безпомощными, какъ у человѣка, сраженнаго обидной насмѣшкой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ слышалъ ея дыханіе, и казалось, весь этотъ притаившійся душистый вечеръ съ затеплившимися звѣздами и властнымъ запахомъ сирени, склонился къ нему и дохнулъ на него изъ томившейся глубины.

— Зачѣмъ это!--съ жалкимъ лицомъ пробормоталъ и поднялся на свои тонкія вывернутыя ноги, такой маленькій и придавленный, похожій сзади на обезьяну со своими длинными руками и горбомъ.

Она поднялась также.

Онъ пошелъ отъ нея прочь, ковыляя, поводя при каждомъ движенiи плечами. Она послѣдовала за нимъ.

— Вы забыли свою шляпу. Вотъ.

Онъ обернулся и взялся рукой за шляпу.

Она держалась за другой конецъ полей и торопливо говорила:

— Ну, послушайте... Знаете, что... пойдемте ко мнѣ. Вы, пожалуйста, не подумайте. Я не хочу денегъ.

Она чувствовала по шляпѣ, прыгавшей въ ея рукѣ, какъ дрожала его рука.

Не глядя на нее, онъ потянулъ шляпу; она ее выпустила и онъ опять пошелъ впередъ, вонъ изъ этой тихой опьяняющей аллеи, повертывая то въ одну, то въ другую сторону своимъ выступавшимъ горбомъ.

Марго была оскорблена, но его упорство заставило ее еще упрямѣе ухватиться за свое намѣренiе.

Она шла за нимъ, и звѣзды, вздрагивая среди вѣтвей, казалось, летѣли навстрѣчу.

Онъ слышалъ за спиною ея шаги, шуршанье ея шелковой юбки, и все это внушало ему что-то вродѣ тайнаго урока, отъ котораго сердце содрогалось. Сердце стучало въ груди, искрилось и наполняло все его уродливое существо, кромѣ горба, который сидѣлъ на его спинѣ и какъ будто издѣвался надъ его положенiемъ.

Ночныя тѣни выступали изъ-за кустовъ и смотрѣли горячими звѣздными глазами, протягивали къ нему жадныя вѣтки, отягченныя цвѣтами изнемогающей отъ пышности сирени и дышали ему въ лицо, какъ эта женщина, сладостью отравляющаго желанiя, котораго онъ боялся и бѣжалъ.

Онъ, какъ изъ плѣна, спѣшилъ вырваться изъ темнолиловыхъ объятiй сиреневой аллеи, которыя по обѣ стороны простерла свои гибкiя цвѣточныя руки, чтобы поймать его, не пустить дальше. Иногда ему казалось, что онъ все толчется на одномъ мѣстѣ и вотъ-вотъ сейчасъ упадетъ отъ изнеможенiя и внутренней боли. Вдали аллея какъ будто сомкнулась. Теперь ему не уйти. Онъ почти побѣжалъ, семеня заплетающимися ногами, и за поворотомъ аллеи сразу увидѣлъ выходъ, а за нимъ—безлюдную площадь, всю налитую, какъ парами душистаго вина, прозрачнымъ весеннимъ сумракомъ.

Совсѣмъ около калитки, двѣ слившихся вмѣстѣ тѣни, не сразу оторвавшись отъ каменной ограды, метнулись въ аллею.

Она опять очутилась возлѣ него и бормотала, возбужденная своимъ желанiемъ, поднятымъ упорствомъ этого чудака урода.

— Они сейчасъ цѣловались здѣсь... Это такое блаженство... цѣловать въ такую ночь... Если вы никогда не цѣловали ни одной женщины, вы узнаете, какъ это сладко. Пойдемте-же со мной!

Ему хотѣлось броситься отъ нея, бѣжать впередъ, безъ оглядки, или упасть на землю, биться, кричать и рвать ее ногтями за то, что она создала его такимъ уродомъ, не дала ему ни разу въ жизни испытать женской ласки; въ ранней молодости у него были такіе порывы... сны... но его цѣломудренная душа подавила ихъ, и онъ давно пересталъ считать себя принадлежащимъ къ полу. Онъ гордился этимъ, какъ побѣдой; онъ могъ быть человѣкомъ, освободившимся отъ цѣпей, сковывающихъ внутреннюю свободу.

Съ умоляющимъ взглядомъ онъ обратился къ ней. Теперь она чувствовала свою силу и была почти увѣрена, что сейчасъ онъ будетъ въ ея власти и пойдетъ за ней, какъ голодное животное. Это было такъ ей знакомо!

IV.

По близости была ея гостиница.

Справа возвышались молчаливыя стѣны монастыря, насквозь свѣтившаяся колокольня. Дальше, внизу, крыши и башни, среди нихъ возвышались и другія башни и колокольни, точно бодрствующіе сторожевые.

Сверкали и шевелились огни, и шумъ, какъ волны стихіи, то приливалъ оттуда, то отливалъ.

И рядомъ съ этой соблазнительницей ему припомнилась картина искушенія. Но то—былъ Богъ, а онъ только человѣкъ, несчастный, уродливый кусокъ мяса, раздавленный природой въ ея властномъ движеніи къ красотѣ и радости.

— Ну, идите-же... Идите,—торопила его она и въ голосѣ ея слышалось приказаніе.—Я хочу... Слышите!

Она взяла его подъ руку, и при этомъ прикосновеніи онъ почувствовалъ себя сильнымъ, молодымъ, стройнымъ, какъ она, и легкимъ какъ облако, точно съ правой стороны, гдѣ она просунула свою руку, трепетало могучее крыло.

Но только что онъ сдѣлалъ движеніе, какъ одна нога его задѣла за другую. Онъ едва не упалъ и опять увидѣлъ себя безпомощнымъ противнымъ уродомъ.

— Оставьте меня... — забормоталъ онъ. — На что я вамъ? Развѣ вы не видите, что я—калѣка. Если вы хотѣли издѣваться надо-мною, это стыдно... не достойно человѣка...

Она съ искреннымъ порывомъ прервала его:

— Нѣтъ, нѣтъ... Клянусь вамъ... понимаете... Вы мнѣ напомнили того... хромого мальчика... Ну-да...

Онъ ничего не понималъ и надрывающимся голосомъ продолжалъ выбрасывать черезъ силу слова:

— Не достойно человѣка... Стыдно... Стыдно...

— Да я-же вамъ говорю... нѣтъ...—едва не плача, спѣшила она оправдать себя, разсѣять его сомнѣнія, торопливо касаясь его рукава, испуганная той лихорадочной дрожью, которая ощущалась ею даже сквозь грубоватую ткань его пиджака...—Ну, успокойтесь... полно... А то, право, я разревусь, какъ дура.

— Оставьте меня... Оставьте. Идите...

Ему казалось, что земля стремительно вертится подъ его ногами и несется въ какую то душную бездну.

Съ потемнѣвшими глазами, съ раскрытомъ ртомъ, она оставила его рукавъ, хотя онъ не отталкивалъ ее, не вырывалъ руки. Вся ея фигура сразу какъ будто размякла и осѣла, а сбившаяся на бокъ шляпка придавала жалкій видъ. Она увидѣла, какъ онъ всѣмъ своимъ изломаннымъ тѣломъ приклонился къ каменной оградѣ и зарыдалъ съ тонкими истерическими всхлипываніями...

V.

Когда черезъ три часа послѣ безплодныхъ постукиваній въ дверь, компанія вломилась въ номеръ Марго, она была одна и глаза ея распухли отъ слезъ.

Пари было проиграно обоимъ.

А. Өедоровъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ МУНИЦИПАЛЬНАГО ХОЗЯЙСТВА.

Предъ нами лежитъ новый трудъ по вопросу о такъ называемомъ «муниципальномъ соціализмѣ», принадлежащій перу бывшаго президента «французскаго общества соціальной экономіи», Альфреда де-Силейля и носящій интересное заглавіе: «Le socialisme municipal à travers les siècles» (Paris, 1905). Невольно заинтригованные такимъ многообѣщающимъ заглавіемъ, мы ретиво принялись за чтеніе этого объемистаго труда въ надеждѣ найти въ немъ истинно-историческое освѣщеніе даннаго вопроса и много цѣннаго фактическаго матеріала. Но уже на первыхъ же страницахъ насъ ожидало глубокое разочарованіе, которое впослѣдствіи не только не разсѣялось, но, наоборотъ, приняло болѣе острую форму чисто-нравственнаго отвращенія къ крайне безталанному, злостно-тенденціозному строчительству, исполненному явной ненавистью къ одному изъ наиболѣе свѣтлыхъ и благотворныхъ явленій современности. Правда, въ своемъ разочарованіи мы были отчасти сами виноваты; намъ слѣдовало не забывать о томъ, *что такое* представляетъ собою «французское общество соціальной экономіи», не забывать его буржуазно-манчестерскаго credo, его безсильно-сердитыхъ походовъ противъ современнаго духа государственнаго вмѣшательства, широкаго муниципальнаго хозяйства и т. п. Тогда мы знали бы à priori, что данный трудъ ничего, кромѣ бездарнаго, хотя по внѣшнему виду и ультра-ученаго, трактата представлять собой не можетъ, ибо въ самомъ дѣлѣ: какъ этимъ послѣднимъ могиканамъ совершенно отжившей свой вѣкъ «соціальной экономіи» вмѣстить въ себѣ идею муниципальнаго соціализма, т.-е. идею возможно большаго *вмѣшательства* города въ общественную жизнь мѣстныхъ гражданъ?

Не вмѣстилъ въ себѣ эту идею и бывшій президентъ этого общества, авторъ заинтересовавшаго насъ труда, Альфредъ де-Силейль. Онъ задался цѣлью написать исторію вмѣшательства городскихъ муниципалитетовъ въ торговую и промышленную жизнь гражданъ и доказать «весь неисчерпаемый вредъ» отъ такого вмѣшательства. Современное увлеченіе идеей муниципализаціи составляетъ, по его мнѣнію, плодъ величайшаго недоразумѣнія, способный принести лишь одни роковыя послѣдствія для общества. Муниципализація де есть не

что иное, какъ покушеніе на личную свободу и самоопредѣленіе гражданъ, подрывъ индивидуальной предпріимчивости, подготовительный путь къ полной государственной централизаціи, и всѣ эти ламентаціи подкрѣпляются не опытомъ современныхъ муниципальныхъ предпріятій, а подробнѣйшими и скучнѣйшими цитатами изъ статутовъ, ордонансовъ, актовъ, постановленій, хартій и т. д., относящихся къ средневѣковому коммунальному управленію, и къ тому же цитатами, абсолютно ничего не доказывающими или даже доказывающими какъ разъ обратное тому, что утверждаетъ авторъ. Вообще, трудъ Альфреда де-Силейля это одна изъ тѣхъ книгъ, о которыхъ принято говорить, что единственно интереснымъ въ нихъ является—заглавіе. И дѣйствительно, заглавіе даннаго труда даетъ поводъ думать, что авторъ его набросалъ *первую исторію* муниципализаторскихъ, такъ сказать, начинаній въ Западной Европѣ, исторію, которая представляла бы несомнѣнный интересъ, если бы она была написана хоть сколько-нибудь талантливо и правдиво. Самостоятельная «предпринимательская» дѣятельность городовъ началась не съ нами, она имѣетъ свою длинную исторію, полную интереснѣйшихъ эпизодовъ и крайне поучительную. До сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, еще ни у кого не являлась мысль связать современное движеніе такъ называемаго муниципальнаго соціализма съ историческими судьбами города вообще, особенно же съ коммунальнымъ строемъ европейскихъ городовъ въ періодъ отъ XII—XVI столѣтіе. Такъ что сама по себѣ мысль, явившаяся у де-Силейля, должна быть признана крайне оригинальной и счастливой, но, къ сожалѣнію, осуществленіе ея оказалось ниже всякой критики.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторую долю признательности мы чувствуемъ по отношенію къ автору столь неудачнаго труда: онъ далъ намъ идею, мысль, если хотите, даже тему для *самостоятельной* статьи, а именно, для перваго—правда, самаго скромнаго—опыта по исторіи муниципальнаго соціализма на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя въ данный моментъ имѣются у насъ подъ рукою. Дѣло въ томъ, что вполнѣ согласны съ его основной концепціей муниципальнаго соціализма, какъ чего-то такого, что имѣетъ свои корни въ далекомъ прошломъ, въ римскихъ «муниципіяхъ» и въ коммунальномъ строѣ средневѣковой Европы. Такъ называемые, вольные города, игравшіе столь большую роль въ средніе вѣка, осуществляли начала городского самоуправленія въ степени, небывалой еще въ исторіи, если не считать нѣкоторыхъ городовъ—республикъ древней исторической эпохи. Въ соотвѣтственныхъ трудахъ Огюстена Тьерри и Сисмонди относительно Западной Европы, Бѣляева, Костомарова и Сергѣевича относительно Россіи можно найти много интереснаго и поучительнаго матеріала по вопросу о городской коммунѣ въ средніе вѣка, объ ея политической автономіи и хозяйственной самостоятельности. Изъ этого матеріала можно убѣдиться въ томъ, что вольные города Франціи,

Италіи, Германіи, Россіи и т. д. были во многихъ отношеніяхъ предшественниками того самаго теченія, которое постепенно усиливается въ наше время, и, съ другой стороны, они могутъ служить намъ до извѣстной степени образцами будущаго, т.-е. той автономіи и хозяйственной самостоятельности, которыми, по всей вѣроятности, будутъ пользоваться города въ недалекомъ будущемъ. Намеки на эту послѣднюю сторону даннаго вопроса можно найти еще у извѣстнаго англійскаго поэта Вилльяма Мориса, но кое-какія параллели проскальзываютъ какъ бы случайно и въ болѣе новыхъ произведеніяхъ *). «Отъ Атлантическаго океана до Волги и отъ Норвегіи до Италіи, вся Европа была покрыта вольными городами, изъ которыхъ одни, какъ Флоренція, Венеція, Нюренбергъ или Новгородъ, сдѣлались многолюдными центрами, другіе же оставались небольшими городами, состоявшими всего изъ сотни семействъ, при чемъ они все-таки считались равными въ глазахъ другихъ, болѣе цвѣтущихъ городовъ. Развитіе этихъ, полныхъ жизни и силы организмовъ шло, конечно, не вездѣ однимъ и тѣмъ же путемъ. Географическое положеніе и характеръ внѣшнихъ торговыхъ сношеній, препятствія, которыя приходилось преодолѣвать—все это создавало для каждой изъ этихъ общинъ свою исторію. Но въ основѣ ихъ лежалъ одинъ и тотъ же принципъ. Какъ Псковъ въ Россіи, такъ и Брюгге въ Нидерландахъ, какъ какое-нибудь шотландское мѣстечко съ тремя стами жителей, такъ и цвѣтущая Венеція со своими людными островами—всѣ они составляли тѣ же «amitas», тѣ же союзы сельскихъ общинъ и соединенныхъ гильдій». Внутренне устройство этихъ вольныхъ городовъ покоилось на самомъ широкомъ самоуправленіи; они имѣли свое общенародное собраніе, свою «ратушу», своихъ выборныхъ судей, свою милицію. Внѣшняя торговля велась вначалѣ самими городами: ее вели Господинъ Великій Новгородъ, Генуя и т. д. Сами же города завѣдывали закупкой такихъ предметовъ необходимости, какъ хлѣбъ, уголь и т. д.; закупленные товары перепродавались затѣмъ гражданамъ по своей цѣнѣ.

Съ усиленіемъ государственной централизаціи, внутренняя жизнь вольныхъ городовъ стала клониться къ упадку. Періодическія собранія гражданъ прекратились; городское самоуправленіе перешло мало-по-малу въ руки небольшого круга вліятельныхъ гражданъ, избиравшихъ изъ своей среды мэра и комитетъ (capital burgeses, town council въ Англіи), для веденія мѣстныхъ дѣлъ. Не только внутренняя, но и внѣшняя торговля стала впослѣдствіи монополіей купеческихъ гильдій, а еще позднѣе—отдѣльныхъ личностей. Идея городской коммуны,

---

*) См., например: „Neue Staatslehre“ von Anton Menger (Iena, 1904), 6-ю главу: „Die Gemeinde“; Noël Doleus: „Le Socialisme federal“ (Paris, 1904), Chap. II.

мѣстнаго общиннаго самоуправленія уступила всецѣло и, казалось, навсегда свое мѣсто взаимной борьбѣ частныхъ эгоистическихъ интересовъ. Исторію печальнаго разложенія городской коммуны или муниципальнаго «народоправства» на Западѣ можно прослѣдить по тѣмъ даннымъ, относящимся къ городской жизни Англіи, которыя мы находимъ въ извѣстной книгѣ Гуго: «Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи» (см. главы II и III). Даже городовое положеніе 1835 года (Municipal Corporations Act), уничтожившее исключительный характеръ прежнихъ корпорацій, передало управленіе городомъ въ руки лишь тѣхъ его обывателей, которые имѣютъ собственное самостоятельное хозяйство, и лишило, такимъ образомъ, избирательнаго права всѣхъ, такъ наываемыхъ, жильцовъ (lodgers). Что же касается функцій, которыя были предоставлены закономъ 1835 года городскимъ совѣтамъ, то онѣ сводились лишь къ погашенію и уплатѣ процентовъ по городскимъ займамъ, къ выдачѣ жалованья городскимъ чиновникамъ, да еще къ содержанію мѣстной полиціи, городской тюрьмы и арестантовъ. Впослѣдствіи парламентъ прямо-таки запрещалъ городскимъ управленіямъ вносить билли, въ которыхъ предлагалось бы разрѣшать устройство городскихъ водопроводовъ и газопроводовъ въ ущербъ существующимъ уже частнымъ предпріятіямъ. Никакого существующаго поворота къ лучшему не принесъ съ собою и законъ 1882 года, если не считать предоставленія избирательнаго права женщинамъ, являющимся главами семействъ. То же, что ироисходило въ Англіи, имѣло мѣсто и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Лишь уцѣлѣвшіе кое-гдѣ вольные города, въ родѣ Гамбурга и Бремена, напоминали современному поколѣнію о былой «героической» эпохѣ муниципальнаго самоуправленія. Отживающія силы цѣпко держались за принципъ невмѣшательства и за исключительное господство частнаго капитала въ хозяйственной жизни обществъ. Новыя же силы сосредоточили свое вниманіе преимущественно на идеѣ «обобществленія», національзаціи и, вообще, возможно большей централизаціи хозяйственныхъ функцій въ рукахъ государства. Эти силы стали ожидать обновленія общества отъ одновременно-повсемѣстнаго измѣненія хозяйственныхъ основъ, проведеннаго какой-либо новой центральной властью. О возможности постепеннаго внѣдренія, въ благопріятныя историческія минуты, новыхъ основъ жизни путемъ соотвѣтственнаго преобразованія, хотя бы на первыхъ порахъ немногихъ, мѣстныхъ городскихъ центровъ, какъ-то мало или даже вовсе не думали. Городскими самоуправленіями перестали интересоваться, а въ самомъ «городѣ» усматривали одну лишь пассивную часть общегосударственнаго механизма, неспособную на свой страхъ и рискъ предпринять никакихъ реформъ, никакихъ крупныхъ преобразованій.

Но такъ не могло долго продолжаться. Крупнымъ переломомъ въ

такомъ строѣ идей и въ самой исторіи городского самоуправленія на Западѣ были событія, имѣвшія мѣсто въ Парижѣ въ весенніе мѣсяцы 71-го года. Передъ лицомъ германскихъ побѣдоносныхъ войскъ и вопреки волѣ версальскаго парламента, Парижъ провозгласилъ себя «автономнымъ» и приступилъ къ осуществленію въ своемъ раіонѣ цѣлаго ряда мѣръ какъ политическаго, такъ и экономическаго характера. Городской совѣтъ этого своеобразнаго «вольнаго города» второй половины XIX вѣка образовался изъ муниципальныхъ совѣтниковъ, выбранныхъ округами Парижа посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Члены совѣта были отвѣтственны и смѣняемы, и большинство ихъ явилось представителями городской бѣдности, всегда крайне чуткой ко всему, что предпринимается въ ея пользу. Городской совѣтъ былъ такимъ образомъ учрежденіемъ не парламентскимъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, а чисто-демократическимъ и соединялъ въ себѣ какъ исполнительную, такъ и законодательную власть. Полиція была превращена въ отвѣтственное и смѣняемое во всякое время орудіе городского общества. Та же участь постигла служащихъ и въ другихъ отрасляхъ управленія. Всѣ учебныя заведенія были открыты народу безплатно, и школьное образованіе стало, такимъ образомъ, доступнымъ всякому. Въ сочиненіи К. Маркса «La guerre civile en France» находимъ интересную характеристику этой оригинальной попытки проведенія коммунальнаго начала въ общественную жизнь Франціи. Парижское муниципальное устройство,—говоритъ онъ,—должно было служить образцомъ всѣмъ остальнымъ промышленнымъ центрамъ Франціи. Стоило новому порядку вещей водвориться въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ второстепенныхъ центрахъ, чтобы ихъ примѣру впослѣдствіи послѣдовали какъ городскія, такъ и сельскія общества. Въ краткомъ наброскѣ національной организаціи, сдѣланномъ въ то время въ Парижѣ, говорится, между прочимъ, что завѣдываніе общими дѣлами всѣхъ сельскихъ общинъ каждаго округа должно лежать на собраніи уполномоченныхъ, засѣдающемъ въ главномъ городѣ округа, а окружныя собранія должны были, въ свою очередь, посылать уполномоченныхъ въ національное собраніе, засѣдающее въ Парижѣ. Уполномоченные могли быть смѣняемы во всякое время и должны были строго придерживаться инструкцій своихъ избирателей. Такъ предполагалось организовать единство націи.

Городской совѣтъ Парижа принялся за работу при крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ, но исполнилъ ее «скромно, добросовѣстно и успѣшно».

«Великой соціальной реформой парижской городской общины,—говоритъ Марксъ,—было устройство ея самой, какъ воплощеніе идеи рабочаго сословія. Единичныя мѣры, предпринимавшіяся ею, могли только обозначить направленіе, которому естественно слѣдуетъ правительство народа посредствомъ самого народа».

Спрашивается: какія же это были мѣры?

Окруженный желѣзнымъ кольцомъ прусскихъ и версальскихъ войскъ среди крайнихъ матеріальныхъ лишеній, отрѣзанный отъ всей остальной Франціи, парижскій муниципалитетъ успѣлъ все же провести цѣлый рядъ мѣръ, приковавшихъ къ нему симпатіи огромнаго большинства столичнаго населенія. Онъ распорядился переписать стоявшія безъ работы фабрики и выработать планъ для ихъ употребленія въ дѣло кооперативными товариществами работниковъ и для объединенія этихъ товариществъ въ одинъ большой союзъ. Отмѣнена была ночная работа булочниковъ и уничтожены бюро для пріисканія работы, отличавшіяся крайней эксплуатаціей рабочихъ. Пріисканіе работы стало дѣломъ мэрій 28-ми парижскихъ округовъ. Уничтожено было всякое правовое различіе между, такъ называемыми, законными и незаконнорожденными дѣтьми. Отмѣнена была полицейская регламентація проституціи. Далѣе, была сдѣлана попытка упорядочить жилищныя условія бѣднаго населенія. Квартирная плата съ октября 1870 и по апрѣль 1871 года была отмѣнена, съ отнесеніемъ уплаченныхъ уже домовладѣльцамъ суммъ въ счетъ будущей платы. Заложенныя въ ломбардахъ вещи, цѣнностью не болѣе 15-ти франковъ, возвращены были ихъ собственникамъ. Пріостановлена была продажа вещей, заложенныхъ въ ссудныхъ кассахъ; 28-го апрѣля были уничтожены сами эти частныя кассы и замѣнены городскими. Еще раньше было декретировано отдѣленіе церкви отъ государства и превращеніе всѣхъ церковныхъ имуществъ въ національную собственность. Финансовыя мѣры отличались разсчетливостью и умѣренностью. «Какимъ-то чудомъ городской муниципалитетъ преобразилъ Парижъ! Блудный Парижъ второй имперіи исчезъ безслѣдно. Столица Франціи перестала быть сборнымъ пунктомъ британскихъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, ирландскихъ абсентеистовъ, американскихъ экс-рабовладѣльцевъ и выскочекъ, русскихъ экс-помѣщиковъ и валашскихъ бояръ. Ни одного трупа не лежало въ Morgue (домъ, гдѣ выставляютъ мертвыя тѣла), не было ни одного ночного грабежа, почти ни одной кражи; въ первый разъ съ февраля 1848 года улицы Парижа стали безопасны, хотя на нихъ не появлялось ни одного полицейскаго. Кокотки отправились вслѣдъ за своими покровителями. На сцену снова выступили истинныя парижанки, героическія, великодушныя, самоотверженныя, какъ женщины древняго міра. Парижъ трудящійся, мыслящій, борющійся, истекающій кровью, но сіяющій вдохновеннымъ сознаніемъ исторической иниціативы, почти забывалъ о каннибалахъ, стоявшихъ передъ его воротами, весь отдавшись дѣлу закладки основъ новаго общества».

Такъ пишетъ нѣмецкій историкъ объ этой героической эпохѣ. Интересно, что Бисмаркъ, лицезрѣвшій непосредственно всю эту муниципальную трагедію, полагалъ, что Парижъ стремится осуществить прусское городское устройство, «эту—какъ говоритъ Марксъ—карри-

катуру на французское городовое положеніе 1791 года, которое превращаетъ городскіе совѣты во второстепенныя колеса прусскаго государственно-полицейскаго механизма». Другіе считали парижскую попытку возрожденіемъ средневѣкового коммунальнаго строя, хотя здѣсь можетъ быть рѣчь лишь о нѣкоторомъ логическомъ и историческомъ сродствѣ этихъ двухъ явленій. Парижъ хотѣлъ дать республикѣ чисто-демократическія основы, не имѣющія ничего общаго съ парламентарнымъ представительствомъ. Въ этомъ отношеніи парижскій муниципалитетъ былъ вѣренъ политическому ученію Жанъ-Жака Руссо, который въ своемъ «Общественномъ договорѣ» первый указалъ на полную несовмѣстимость, такъ называемой, представительной системы съ истиннымъ народоправствомъ. Истинная демократія отказывается отъ либерально-конституціоннаго понятія полнаго и окончательнаго суверенитета народнаго представительства. «Верховная власть народа,—говоритъ Руссо,—не допускаетъ представительства по той же причинѣ, по какой она не можетъ быть отчуждена. Депутаты народа не могутъ быть его представителями; они могутъ быть только его *довѣренными;* они не должны ничего рѣшать окончательно. Теперь во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, лишь только актъ избранія конченъ, такъ называемый, депутатъ, или представитель, сейчасъ превращается въ начальственное лицо, разсуждающее и дѣйствующее по собственному усмотрѣнію; при этомъ онъ снабженъ такою силой, что можетъ топтать ногами интересы своихъ избирателей, которые вдобавокъ не имѣютъ права замѣнить его во всякое время другимъ представителемъ. «Всеобщая подача голосовъ,—говоритъ по этому поводу К. Марксъ въ цитированномъ уже сочиненіи,—вмѣсто того, чтобы служить народу для выбора черезъ каждые 3 года или 6 лѣтъ какого-нибудь члена господствующаго сословія, который бы представлялъ и давилъ его въ парламентѣ, должна была служить народу, организованному въ самоуправляющіяся общины, точно такъ же, какъ служитъ индивидуальное право голоса каждому работодателю при пріисканіи рабочихъ, надзирателей и бухгалтеровъ для своего предпріятія.

Въ своей «деклараціи къ французскому народу», отъ 19-го апрѣля 1871 года, парижскій муниципалитетъ формулировалъ свои политическіе идеалы слѣдующимъ образомъ:

1) Абсолютная автономія общины должна быть распространена на всѣ мѣстности Франціи.

2) Автономія коммуны не будетъ имѣть другихъ предѣловъ, кромѣ равнаго права автономіи всѣхъ остальныхъ коммунъ, примыкающихъ къ договору, и федерація которыхъ должна обезпечить французское государственное единство.

3) Должна существовать великая центральная администрація, состоящая изъ делегацій соединенныхъ коммунъ.

Относительно болѣе отдаленныхъ своихъ задачъ парижская город-

ская община, въ той же своей деклараціи, говорила слѣдующее: «при помощи своей автономіи и пользуясь своею свободою дѣйствій, Парижъ сохраняетъ за собою право произвести у себя, какъ ему заблагоразсудится, экономическія реформы, которыя требуетъ его населеніе».

Извѣстный австрійскій правовѣдъ, авторъ интересныхъ сочиненій по соціальной юриспруденціи, Антонъ Менгеръ, ставитъ въ упрекъ Парижу 1871 года то обстоятельство, что онъ, не удовлетворившись провозглашеніемъ своей чисто-хозяйственной автономіи, объявилъ свое притязаніе и на абсолютную политическую автономію. Но онъ самъ готовъ, однако, признать, что такой шагъ былъ вызванъ совершенно исключительнымъ положеніемъ французской столицы весною 1871 года*). «Абсолютная автономія» общинъ не была ея конечнымъ идеаломъ; она признавала лишь за каждой общиной, въ переходный періодъ обществъ, абсолютное право на реформаторскую иниціативу, не дожидаясь ни разрѣшенія, ни присоединенія къ ней другихъ общинъ. Но заразительный примѣръ такой смѣлой иниціативы можетъ быть такъ великъ, что, по мнѣнію даже такого трезваго мыслителя, какъ Марксъ, «стоило лишь коммунальному порядку вещей водвориться въ Парижѣ и во второстепенныхъ центрахъ, какъ старый централистическій режимъ уступилъ бы свое мѣсто и въ провинціяхъ самоуправленію производителей». Даже больше: «стоило—говоритъ тотъ же писатель—установиться свободному сообщенію между коммунальнымъ Парижемъ и провинціями, чтобы его примѣру послѣдовало и все французское крестьянство». Такая глубокая вѣра въ отзывчивость французскаго крестьянства, проникнутаго въ большей степени индивидуалистическимъ духомъ мелкихъ собственниковъ, нѣсколько неожиданна въ устахъ главы марксистской школы. Французскій крестьянинъ-сторонникъ Парижской муниципальной политики 71-го года! Послѣ всего того, что мы наслышались отъ представителей марксистской школы по адресу даже русскаго крестьянства, настроеннаго гораздо менѣе индивидуалистически, чѣмъ все крестьянство на Западѣ, такая вѣра Маркса въ прогрессивную чуткость «мелкаго буржуа» даетъ намъ возможность еще лучше понять извѣстную его фразу относительно своего profession de foi: moi, je ne suis pas marxiste—«что касается меня, то я не марксистъ»...

Но спрашивается все же: чѣмъ объясняетъ Марксъ такую воспріимчивость французскаго народа къ парижской муниципальной реформѣ? Парижъ говоритъ онъ—имѣлъ полное право объявить крестьянамъ: «Наша побѣда—ваша надежда!» «Одной изъ клеветъ, изобрѣтенныхъ Версалемъ и разнесенныхъ по всему свѣту достославными зуавами европейской печати, было утвержденіе, что «деревенскіе депутаты» національнаго собранія были представителями французскихъ

*) „Neue Staatslehre“ von A. Menger. Zweite Auflage, 1904, стр. 195.

крестьянъ. Какъ она естественна, въ самомъ дѣлѣ, эта внезапно вспыхнувшая любовь французскихъ крестьянъ къ людямъ, которымъ они послѣ 1815 г. должны были заплатить милліардъ вознагражденія! (здѣсь авторъ имѣетъ, вѣроятно, въ виду выкупныя деньги за отнятыя у феодаловъ земли. Е. Л.). Въ глазахъ французскаго крестьянина самое существованіе крупнаго поземельнаго собственника есть уже посягательство на его пріобрѣтенія 1789 года». Кромѣ того, печальный для французовъ финалъ франко-прусской войны грозилъ народу пятимилліардной контрибуціей, тогда какъ инсуррекціонный Парижъ въ одной изъ своихъ первыхъ декларацій заявилъ, что *настоящіе виновники войны должны нести и ея бремя.* Парижъ хотѣлъ, такимъ образомъ, освободить французскій народъ, а, слѣдовательно, и крестьянство отъ «налога крови»; онъ хотѣлъ дать этому народу дешевое правительство, замѣнивъ бюрократическую централизацію самымъ широкимъ муципальнымъ самоуправленіемъ со служащими по найму коммунальными чиновниками, выбиравшимися самимъ народомъ и передъ нимъ однимъ отвѣтственными. Кромѣ того, эта реформа могла разрѣшить впослѣдствіи и «болѣе сложные и жизненные вопросы» французской деревенской жизни, какъ напр., вопросъ объ ипотечномъ налогѣ, который давитъ тяжелымъ бременемъ крестьянское населеніе, вопросъ о сельскомъ пролетаріатѣ и т. д. «Французскій крестьянинъ человѣкъ разсчетливый»; его консерватизмъ не устоялъ бы противъ призыва, апеллировавшаго къ жизненнымъ интересамъ и насущнымъ потребностямъ крестьянъ.

Подводя итоги всему сказанному объ этомъ любопытнѣйшемъ эпизодѣ изъ исторіи муниципальнаго движенія, мы находимъ въ немъ не мало поучительнаго и достойнаго вниманія современныхъ піонеровъ общественнаго прогресса. Отдѣльныя, хотя бы на первый разъ и немногія, городскія общины, выступающія въ переходный и критическій періодъ съ самостоятельнымъ почином въ дѣлѣ общественной реформы, проводящія на свой страхъ и рискъ цѣлый рядъ мѣръ, отражающихся самымъ непосредственнымъ и нагляднымъ образомъ на интересахъ громаднаго большинства населенія, — такія общины могутъ сыграть неоцѣнимую роль въ жизни современныхъ обществъ. Необходимо лишь посвятить болѣе серьезнаго вниманія заблаговременной выработкѣ широкой муниципальной программы соотвѣтственно реальнымъ возможностямъ данныхъ условій мѣста и времени.

Парижскія событія 71-го года нашли слабый откликъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Франціи, но все это мимолетное движеніе не привело ни къ какимъ длительнымъ результатамъ. И неудивительно: ужъ слишкомъ это движеніе носило экспромптный, такъ сказать, характеръ, сваливалось оно какъ снѣгъ на голову, и потому все было въ немъ одна неспѣтость и неподготовленность. Кромѣ того, и внѣшнія условія были самыя неблагопріятныя: приходилось воздвигать

камни новаго муниципальнаго строя послѣ тяжкихъ лишеній осады, въ двойномъ желѣзномъ кольцѣ прусскихъ и версальскихъ войскъ. Реакція восторжествовала на всѣхъ пунктахъ.

Но пораженныя въ реальной дѣйствительности, Парижская коммунальная попытка оставила послѣ себя нѣкоторые глубокіе слѣды въ умахъ ближайшаго поколѣнія. Лишь только прошелъ первый пылъ реакціоннаго торжества и насталъ моментъ серьезнаго и объективнаго раздумія о совершившемся, какъ было найдено не мало положительныхъ сторонъ въ парижской муниципальной эпопеѣ. Идея муниципальной самодѣятельности стала все сильнѣе проникать въ умы и подготовлять почву тому пока еще, правда, скромному теченію современной жизни запада, которое принято называть «муниципальнымъ соціализмомъ».

Теоретическое развитіе этой идеи мы находимъ въ цитированномъ уже выше сочиненіи главы марксистской школы, такъ и въ двухъ преинтереснѣйшихъ, хотя и почти совсѣмъ позабытыхъ, «запискахъ», представленныхъ на Брюссельскій конгрессъ международной ассоціаціи въ 1874 году по вопросу о лучшей организаціи «общественной службы». Первая изъ этихъ двухъ записокъ составлена была извѣстнымъ дѣятелемъ той эпохи, Цезаремъ де-Папомъ, и касается всѣхъ родовъ общественной службы, начиная съ государственной и кончая общинной. Мы остановимся здѣсь только на той части этого объемистаго трактата, которая непосредственно относится къ нашему вопросу.

Авторъ «записки» констатируетъ въ настоящее время существованіе двухъ большихъ теченій мысли, двухъ борющихся школъ во всемъ, что касается вопросовъ о болѣе раціональной организаціи общественнаго устройства. Одна изъ этихъ школъ стремится предоставить общественную службу одной лишь частной иниціативѣ личностей или компаній, составляющихся по собственному желанію; она растворяетъ организованное общество въ безконечной массѣ частныхъ предпріятій. Это—школа *невмѣшательства.* Она, въ свою очередь, распадается на двѣ фракціи, 1) буржуазно-манчестерскую и 2) индивидуалистически-анархистскую. Другая школа стремится отдать важнѣйшіе роды общественной службы въ руки государства, провинціи (департамента, округа) и общины. Это-школа *вмѣшательства.* Эти двѣ, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, школы выражаютъ собою— говоритъ Цезарь де-Папъ—скорѣе различныя стремленія, чѣмъ опредѣленныя системы. Прежде всего между сторонниками предоставленія общественной службы частной иниціативѣ немного найдется такихъ, которые находили бы, что частной иниціативѣ можно предоставить даже службу по обезпеченію общественной безопасности. Между экономистами невмѣшательства (laissez faire) мы знаемъ только Молинари, который вѣритъ въ возможность отдать полицію въ руки част-

нымъ компаніямъ. Въ этомъ отношеніи буржуазный экономистъ совершенно солидаренъ съ тѣми крайними апостолами соціальнаго индивидуализма, Прудономъ, Бакунинымъ, Реклю, Жаномъ Гравомъ и другими, которые хотѣли бы устраненія изъ общественной жизни всякаго государственнаго элемента, не исключая и самой общины, какъ самоуправляющейся единицы. Эти крайніе элементы даютъ, такимъ образомъ, лишь болѣе полное выраженіе той антигосударственной идеѣ буржуазнаго либерализма, о представителяхъ которыхъ еще Лассаль писалъ какъ о «современеыхъ варварахъ, которые ненавидятъ государство, не то или другое государство, не ту или другую государственную форму, но государство вообще, и которые, какъ они въ томъ иногда ясно признавались, охотнѣе всего уничтожили бы всякое государство, отдали бы съ торговъ юстицію и полицію требующему за нихъ наименьшую плату и вели бы войну съ акціонерными обществами для того, чтобы во всей вселенной не было ни одной нравственной точки, съ которой могло бы быть оказано сопротивленіе ихъ эксплуататорской страсти, вооруженной капиталомъ (см. «Die indirekte Steuer», S. 116). Вся разница между той и другой фракціей школы невмѣшательства сводится лишь къ тому, что, согласно одной, общественная служба должна быть растворена въ массѣ акціонерныхъ капиталистическихъ компаній, тогда какъ, согласно другой—эта служба переходитъ всецѣло въ руки «свободныхъ производительныхъ ассоціацій, возникающихъ на началахъ свободнаго договора», безъ всякаго внѣшняго контроля и общественнаго регулированія. Цезарь де-Папъ выдвигаетъ противъ такой доктрины крайне оригинальную и весьма обстоятельную аргументацію. «Врядъ ли нужно говорить,—читаемъ мы въ его запискѣ,—что было бы, во всякомъ случаѣ, опасно отдавать въ руки частныхъ компаній, хотя бы даже и чисто рабочихъ, большую часть изъ тѣхъ родовъ общественной службы, которые въ сущности представляютъ монополію. Въ силу монопольнаго характера компаніи эти всегда очутятся въ привилегированномъ положеніи, благопріятномъ для спекуляціи и эксплуатаціи общества».

Конечно, система концессій желѣзныхъ дорогъ, копей и пр. рабочимъ компаніямъ не повела за собою вначалѣ той необузданной эксплуатаціи, какую выказали нынѣшніе концессіонеры въ этихъ отрасляхъ работы, компаніи капиталистовъ. «Но не надо забывать,—возражаетъ на это авторъ брюссельской записки,—что нынѣшняя капиталистическая аристократія тоже вышла изъ средняго сословія; не надо забывать, что могучіе бароны финансоваго міра были тоже рабочими, прежде чѣмъ они достигли своего нынѣшняго положенія (или, если не сами были рабочими, то таковыми были ихъ отцы или дѣды); они были рабочими, но поставленные въ привилегированное положеніе. Коль скоро компанія, которой вы уступаете какую бы то ни было монополію, есть собственница всѣхъ орудій эксплуатаціи, ка-

кимъ контрактомъ запретите вы ей производить улучшенія въ этихъ орудіяхъ, экономизировать издержки? чѣмъ вы обяжете пополнять число ея членовъ по мѣрѣ ихъ вымиранія? какой контрактъ помѣшаетъ ей копить капиталы, однимъ словомъ, образовать новый привилегированный классъ? Намъ скажутъ, можетъ быть, что нѣтъ надобности дѣлать эти орудія собственностью компаній; что орудія эксплуатаціи могутъ быть доставлены послѣднимъ большою коллективною единицею общества и могутъ оставаться неотчуждаемою собственностью послѣдняго; что, въ такомъ случаѣ, усовершенствованія вызываемыя прогрессомъ цивилизаціи, будутъ идти на пользу всего общества. Но, въ такомъ случаѣ, члены компаніи являются не чѣмъ инымъ, какъ тѣми же общественными агентами, взявшими на себя отправленіе извѣстныхъ родовъ общественной службы, все равно— общинной или государственной.

Такимъ образомъ, каковы бы не были начала, которыя лягутъ въ основаніе группировки людей въ будущемъ, какова бы ни была внутренняя структура общественнаго организма, общественная служба должна распадаться на три органическія части, соотвѣтственно іерархическому ряду интересовъ, которые естественно распадаются на интересы мѣстные, областные и общечеловѣческіе. Въ связи съ такимъ дѣленіемъ и верховными органами общественной службы должны быть:

1) Община (городская и сельская), органъ чисто мѣстныхъ интересовъ.

2) Государство, органъ общихъ интересовъ (областныхъ, національныхъ, ländliche по-нѣмецки, landlijke по-голландски).

3) Всемірная конференція, органъ всемірныхъ интересовъ (международныхъ, общечеловѣческихъ, «планетныхъ»).

На долю общины, на долю мѣстнаго управленія выпадаютъ слѣдующіе роды службы: вся служба, гарантирующая безопасность (полиція, судъ и пр.), свидѣтельства о личности и мѣстная статистика; общественное вспоможеніе—покровительство несовершеннолѣтнимъ и неспособнымъ, медицинская служба и мѣстная гигіена; работы по меньшимъ путямъ сообщенія, очистка и содержаніе проселочныхъ дорогъ, улицъ, площадей; снабженіе водою, устройство скотобоенъ, прачешныхъ, бань, купаленъ и управленіе ими, устройство и очистка сточныхъ трубъ; освѣщеніе и газовые заводы; спасительныя учрежденія, напр., для оказанія помощи во время пожаровъ, наводненій, взрывовъ, обваловъ и т. п.; служба по части общественныхъ каретъ; омнибусовъ, конно-желѣзныхъ дорогъ (NB. писано въ 1874 году! Е. Л.), постройка, надзоръ и содержаніе общественныхъ зданій и памятниковъ, фонтановъ, парковъ, скверовъ, мѣстъ для общественныхъ гуляній и пр.; кладбища или другія какія бы то ни было мѣста и способы погребенія.

Кромѣ этихъ родовъ муниципальной службы, на которые и теперь

уже вполнѣ или отчасти смотрятъ, какъ на относящееся къ вѣдѣнію общины, Цезарь де-Папъ выдвигаетъ еще два слѣдующіе:

1) Постройка, содержаніе и наемъ жилищъ и другихъ недвижимостей, состоящихъ на общинной территоріи, а въ переходное время выкупъ недвижимыхъ имуществъ у ихъ нынѣшнихъ собствениковъ или въ формѣ прямой выплаты, или заявляя, что всякая плата, вносимая за квартиры, будетъ считаться выкупнымъ взносомъ за собственность до тѣхъ поръ, пока не окупится сполна вся ея стоимость. Лишь такими мѣрами,—думаетъ авторъ брюссельской записки,—можно кореннымъ образомъ устранить жилищную нужду и упорядочить квартирный вопросъ. Предлагаемый имъ здѣсь проектъ ликвидиціи заимствованъ, собственно, у Прудона, который въ своемъ трудѣ: «Idées générales...» (5—me étude) слѣдующимъ образомъ развилъ ту же самую идею:

«Со дня появленія декрета, имѣющаго быть изданнымъ будущими народными представителями, всякая сумма вносимая, въ видѣ наемной платы, будетъ считаться выкупнымъ взносомъ за собственность, полагая цѣну послѣдней равною двадцатилѣтней стоимости наемной платы.

«Частная собственность, выплаченная такимъ образомъ, будетъ становиться, по мѣрѣ выкупа, собственностью общинной администраціи, которая, въ силу совершившагося выкупа, сдѣлается ипотечнымъ и главнымъ ея владѣльцемъ, представляя собою всѣхъ жильцовъ и гарантируя всѣмъ имъ жилище на вѣчныя времена по цѣнѣ стоимости зданія.

«Общины могутъ вступать въ сдѣлки съ собственниками для немедленной ликвидиціи и выплаты отдаваемыхъ въ наемъ недвижимостей. Въ этихъ случаяхъ, и чтобы дать настоящему поколѣнію воспользоваться пониженіемъ квартирныхъ цѣнъ, общины могутъ немедленно сбавить цѣны найма домовъ, съ владѣльцами которыхъ вступятъ въ сдѣлку такъ, чтобы окончательный выкупъ совершился только въ 30 лѣтъ.

«Для починки, приспособленія и поддержанія зданій, равно и для постройки новыхъ, общины вступаютъ въ соглашеніе съ обществами каменьщиковъ или съ артелями рабочихъ-строителей, согласно принципамъ и правиламъ новаго общественнаго договора.

«Собственники, занимающіе исключительно сами свои дома, могутъ сохранить за собою право собственнности на нихъ до тѣхъ поръ, пока сочтутъ это полезнымъ для себя. Послѣ смерти собственника, община можетъ вступить во владѣніе недвижимостью».

Таковъ, въ общихъ чертахъ, любопытный проектъ муниципализаціи городской недвижимости, представленный вниманію брюссельскаго конгресса. Но этимъ еще задача городской (и сельской) общины не исчерпывается. Сюда авторъ записки присоединяетъ еще пунктъ второй:

2) Нынѣшняя община,—говоритъ Цезарь де-Папъ,—нерѣдко стоитъ уже во главѣ нѣкоторыхъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью облегченіе торговли и обмѣна продуктовъ. Достаточно напомнить общественные рынки и рыночныя постройки (halles). Съ другой стороны, наблюдая за вѣсами и мѣрами, за доброкачественностью съѣстныхъ припасовъ, она стремится предотвратить обманъ въ торговлѣ. Такое вмѣшательство общины должно идти далѣе: она должна принять на себя роль главной посредницы между производствомъ и потребленіемъ. Съ этой цѣлью она должна взять въ свои руки управленіе нѣкоторыми учрежденіями, которыя отчасти существуютъ уже и теперь въ зародышевомъ состояніи. Таковы, напр., доки и склады, гдѣ сохраняются нѣкоторые продукты и изъ которыхъ, при отдачѣ товаровъ на сохраненіе, выдаются расписки и свидѣтельства, образующія настоящія орудія кредита и обращенія цѣнностей. То, что относится теперь лишь къ оптовой международной торговлѣ, могло бы быть съ выгодой распространено на всѣ продукты.

Это можетъ быть устроено слѣдующимъ образомъ:

«Рабочія артели, равно какъ и отдѣльные производители (въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ можетъ сохраниться отдѣльное производство) сдаютъ свои продукты на руки *Торговаго Агентства* общины и получаютъ отъ него взамѣнъ расписку съ показаніемъ цѣнности товара; къ этой распискѣ прилагается нѣчто въ родѣ свидѣтельства (warrant) подобно тому, какъ это дѣлается теперь съ расписками, выдаваемыми администраціей доковъ. Сначала посмотримъ, какъ будетъ поступать съ товарами Торговое Агенство, а потомъ скажемъ, для чего рабочей ассоціаціи можетъ служить расписка, ею полученная. Смотря по свойству продукта, Торговое Агентство отправляетъ его въ одно изъ слѣдующихъ общинныхъ учрежденій: продукты ежедневнаго потребленія, напр., фрукты и, вообще съѣстные припасы помѣщаются для общественной продажи на *рынкахъ* (halles); продукты назначенные для непосредственнаго потребленія, хотя и не въ тотъ же день, напр., мебель, платье, украшенія, предметы искусства и пр., отправляются въ *общинные базары* (bazars communaux), гдѣ выставляются или ихъ образцы или весь товаръ цѣликомъ. Наконецъ, тѣ продукты, потребленіе которыхъ болѣе или менѣе отдалено, напр., зерновый хлѣбъ, вина и проч., сохраняются въ *общихъ складахъ* (magasins generaux), откуда будутъ отправляться частями, по мѣрѣ спроса потребителей, въ базарныя зданія и общинные магазины. Каждое изъ этихъ общинныхъ учрежденій — рынки, общинные базары, общіе склады производятъ обмѣнъ продуктовъ 1) съ подобными же учрежденіями и 2) съ потребителями».

Но все это только одна сторона торгово-обмѣнныхъ функцій общины, а именно—чисто торговая. Переходя къ обмѣну въ собственномъ смыслѣ, мы прежде всего имѣемъ здѣсь дѣло съ упомянутыми

уже выше свидѣтельствами (warrant), выдаваемыми производителямъ «Торговымъ Агентствомъ» взамѣнъ товаровъ. Такое свидѣтельство, подобно нынѣшнимъ доковымъ веррантамъ, можетъ войти въ обращеніе и превратиться, въ концѣ концовъ, въ металлическіе знаки, или же можно устроить такъ, чтобы это свидѣтельство дѣлилось на купоны или облигаціи (bons) обмѣна на товары, *облигаціи обращенія* (bons de circulation). Часть этихъ послѣднихъ — говоритъ записка— можно вручить каждому рабочему, въ видѣ вознагражденія за трудъ, соразмѣрно съ этимъ трудомъ, т.-е. пропорціонально его участію въ производствѣ коллективнаго продукта. Облигація обращенія, какова бы ни была ея форма (бумага или металлическій знакъ), будетъ ходячею монетой, съ которой производитель или лицо, завѣдующее его хозяйствомъ, можетъ отправиться на рынокъ или на базаръ для закупки предметовъ, нужныхъ для удовлетворенія необходимыхъ потребностей или служащихъ для удовольствія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ семействъ. Въ заключеніе, остается еще отмѣтить, что не все «свидѣтельство», представляющее сданный въ складъ продуктъ, можетъ быть раздѣлено на облигаціи обращенія, распредѣляемыя между производителями и ихъ группами. Часть продукта должна быть сбережена или капитализирована, хотя бы уже для починокъ и усовершенствованій въ орудіяхъ производства. Въ концѣ концовъ всѣ купоны или облигаціи должны опять очутиться въ рукахъ упомянутыхъ учрежденій, выпускающихъ ихъ, такъ какъ, съ одной стороны, они будутъ получены изъ рукъ рабочихъ, пріобрѣтающихъ предметы для потребленія, а съ другой изъ рукъ самихъ артелей, покупающихъ матерьялы въ видахъ новаго производства.

«Набрасывая наскоро этотъ очеркъ торговой дѣятельности, возможной для общины съ цѣлью установить правдивость въ торговлѣ, мы — говоритъ авторъ записки—вовсе не имѣли въ виду выработать планъ торговой реформы, а просто привести примѣръ. Весьма вѣроятно, что въ набросанномъ нами механизмѣ есть не мало пробѣловъ и недостатковъ. Пополнить первые и исправить вторые мы предоставляемъ спеціалистамъ по вопросамъ торговли и обращенія товаровъ и еще болѣе самой практикѣ будущаго. Какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что торговля въ будущемъ должна быть общественной службой, лежащей на мѣстномъ самоуправленіи (городской и сельской общинѣ). Такимъ образомъ мы лишь избѣгли бы нынѣшней анархіи въ торговлѣ со всѣми ея ужасными послѣдствіями, когда она кишитъ всякаго рода посредниками (крупными негоціантами, купцами, лавочниками, маклерами и пр.), наперерывъ подымающими цѣны на предметы потребленія; когда въ ней господствуетъ стремленіе скупать продукты въ однѣ руки, производить ихъ искусственный недостатокъ, господствуетъ мошенничество, фальсификація и т. п.».

Далѣе авторъ справедливо указываетъ, что къ подобному способу распредѣленія продуктовъ стремятся уже теперь кооперативныя общества потребленія, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ напр., въ Англіи, они вступили въ связь съ производительными ассоціаціями и собираются вмѣстѣ съ ними ежегодно на общіе конгрессы...

Таковъ преоригинальный планъ коренной муниципальной реформы, возникшій три года спустя послѣ Парижскихъ событій 1871 года. Мы потому такъ долго останавились на немъ, что это первая, извѣстная намъ, попытка набросать широкую коммунальную программу въ духѣ муниципальнаго соціализма. Это своего рода программа—maximum современнаго муниципальнаго движенія, открывающая передъ нимъ его послѣдніе, такъ сказать, логическіе моменты, его конечные идеалы.

Вторая «Записка», представленная Брюссельскому конгрессу менѣе интересна и отличается крайней лаконичностью изложенія. Самое интересное въ ней то, что составлена она была извѣстной Женевской секціей Интернаціонала, исповѣдывавшей принципы «абсолютной автономіи личности» и «свободныхъ договорныхъ отношеній». Несмотря, однако, на эти свои принципы, проектъ секціи не могъ построить ничего положительнаго, не внеся въ свои построенія авторитетнаго начала. Это, къ слову сказать, общая судьба всѣхъ положительныхъ проектовъ антигосударственнаго направленія.

Эти двѣ записки произвели, въ свое время, впечатлѣніе на умы болѣе передовыхъ слоевъ европейскаго общества. Объ нихъ писали, по поводу нихъ спорили; иные находили ихъ слишкомъ смѣлыми, другіе (въ томъ числѣ и русскій писатель П. А. Лавровъ) недостаточно послѣдовательными и черезчуръ скромными. Но въ концѣ концовъ трудно учесть степень вліянія развитыхъ въ этихъ запискахъ идей на дальнѣйшую муниципальную практику. Во всякомъ случаѣ, историкъ «муниципальнаго соціализма» долженъ съ ними считаться; онъ не можетъ пройти ихъ молчаніемъ только по той причинѣ, что ближайшее и непосредственное ихъ вліяніе на современную дѣйствительность, быть можетъ, крайне ничтожно или трудно опредѣлимо. Завтрашній день можетъ съ благодарностью воспользоваться тѣмъ, мимо чего равнодушно проходитъ сегодняшнее поколѣніе. Длинные, тягучіе, сѣренькіе дни соціальной прозы могутъ смѣниться эпохой смѣлаго творческаго порыва съ широкимъ идейнымъ и практическимъ размахомъ, оставляющимъ позади себя самыя смѣлыя надежды. И тогда иное слово, бывшее долгіе годы, повидимому, однимъ лишь пустымъ звукомъ, облекается плотью и кровью, становится *дѣломъ*.

Исторія муниципальной самодѣятельности во Франціи въ послѣдней четверти девятнадцатаго вѣка представляетъ собою такую сѣренькую прозу, не согрѣтую ни единымъ истинно-общественнымъ идеаломъ. И только со второй половины девяностыхъ годовъ идея муниципализаціи пріобрѣтаетъ сторонниковъ въ цѣломъ рядѣ крупныхъ город-

уже выше свидѣтельствами (warrant), выдаваемыми производителямъ «Торговымъ Агентствомъ» взамѣнъ товаровъ. Такое свидѣтельство, подобно нынѣшнимъ доковымъваррантамъ, можетъ войти въ обращеніе и превратиться, въ концѣ концовъ, въ металлическіе знаки, или же можно устроить такъ, чтобы это свидѣтельство дѣлилось на купоны или облигаціи (bons) обмѣна на товары, *облигаціи обращенія* (bons de circulation). Часть этихъ послѣднихъ — говоритъ записка— можно вручить каждому рабочему, въ видѣ вознагражденія за трудъ, соразмѣрно съ этимъ трудомъ, т.-е. пропорціонально его участію въ производствѣ коллективнаго продукта. Облигація обращенія, какова бы ни была ея форма (бумага или металлическій знакъ), будетъ ходячею монетой, съ которой производитель или лицо, завѣдующее его хозяйствомъ, можетъ отправиться на рынокъ или на базаръ для закупки предметовъ, нужныхъ для удовлетворенія необходимыхъ потребностей или служащихъ для удовольствія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ семействъ. Въ заключеніе, остается еще отмѣтить, что не все «свидѣтельство», представляющее сданный въ складъ продуктъ, можетъ быть раздѣлено на облигаціи обращенія, распредѣляемыя между производителями и ихъ группами. Часть продукта должна быть сбережена или капитализирована, хотя бы уже для починокъ и усовершенствованій въ орудіяхъ производства. Въ концѣ концовъ всѣ купоны или облигаціи должны опять очутиться въ рукахъ упомянутыхъ учрежденій, выпускающихъ ихъ, такъ какъ, съ одной стороны, они будутъ получены изъ рукъ рабочихъ, пріобрѣтающихъ предметы для потребленія, а съ другой изъ рукъ самихъ артелей, покупающихъ матерьялы въ видахъ новаго производства.

«Набрасывая наскоро этотъ очеркъ торговой дѣятельности, возможной для общины съ цѣлью установить правдивость въ торговлѣ, мы — говоритъ авторъ записки—вовсе не имѣли въ виду выработать планъ торговой реформы, а просто привести примѣръ. Весьма вѣроятно, что въ набросанномъ нами механизмѣ есть не мало пробѣловъ и недостатковъ. Пополнить первые и исправить вторые мы предоставляемъ спеціалистамъ по вопросамъ торговли и обращенія товаровъ и еще болѣе самой практикѣ будущаго. Какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что торговля въ будущемъ должна быть общественной службой, лежащей на мѣстномъ самоуправленіи (городской и сельской общинѣ). Такимъ образомъ мы лишь избѣгли бы нынѣшней анархіи въ торговлѣ со всѣми ея ужасными послѣдствіями, когда она кишитъ всякаго рода посредниками (крупными негоціантами, купцами, лавочниками, маклерами и пр.), наперерывъ подымающими цѣны на предметы потребленія; когда въ ней господствуетъ стремленіе скупать продукты въ однѣ руки, производить ихъ искусственный недостатокъ, господствуетъ мошенничество, фальсификація и т. п.».

Далѣе авторъ справедливо указываетъ, что къ подобному способу распредѣленія продуктовъ стремятся уже теперь кооперативныя общества потребленія, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ напр., въ Англіи, они вступили въ связь съ производительными ассоціаціями и собираются вмѣстѣ съ ними ежегодно на общіе конгрессы...

Таковъ преоригинальный планъ коренной муниципальной реформы, возникшій три года спустя послѣ Парижскихъ событій 1871 года. Мы потому такъ долго останавились на немъ, что это первая, извѣстная намъ, попытка набросать широкую коммунальную программу въ духѣ муниципальнаго соціализма. Это своего рода программа—maximum современнаго муниципальнаго движенія, открывающая передъ нимъ его послѣдніе, такъ сказать, логическіе моменты, его конечные идеалы.

Вторая «Записка», представленная Брюссельскому конгрессу менѣе интересна и отличается крайней лаконичностью изложенія. Самое интересное въ ней то, что составлена она была извѣстной Женевской секціей Интернаціонала, исповѣдывавшей принципы «абсолютной автономіи личности» и «свободныхъ договорныхъ отношеній». Несмотря, однако, на эти свои принципы, проектъ секціи не могъ построить ничего положительнаго, не внеся въ свои построенія авторитетнаго начала. Это, къ слову сказать, общая судьба всѣхъ положительныхъ проектовъ антигосударственнаго направленія.

Эти двѣ записки произвели, въ свое время, впечатлѣніе на умы болѣе передовыхъ слоевъ европейскаго общества. Объ нихъ писали, по поводу нихъ спорили; иные находили ихъ слишкомъ смѣлыми, другіе (въ томъ числѣ и русскій писатель П. А. Лавровъ) недостаточно послѣдовательными и черезчуръ скромными. Но въ концѣ концовъ трудно учесть степень вліянія развитыхъ въ этихъ запискахъ идей на дальнѣйшую муниципальную практику. Во всякомъ случаѣ, историкъ «муниципальнаго соціализма» долженъ съ ними считаться; онъ не можетъ пройти ихъ молчаніемъ только по той причинѣ, что ближайшее и непосредственное ихъ вліяніе на современную дѣйствительность, быть можетъ, крайне ничтожно или трудно опредѣлимо. Завтрашній день можетъ съ благодарностью воспользоваться тѣмъ, мимо чего равнодушно проходитъ сегодняшнее поколѣніе. Длинные, тягучіе, сѣренькіе дни соціальной прозы могутъ смѣниться эпохой смѣлаго творческаго порыва съ широкимъ идейнымъ и практическимъ размахомъ, оставляющимъ позади себя самыя смѣлыя надежды. И тогда иное слово, бывшее долгіе годы, повидимому, однимъ лишь пустымъ звукомъ, облекается плотью и кровью, становится *дѣломъ*.

Исторія муниципальной самодѣятельности во Франціи въ послѣдней четверти девятнадцатаго вѣка представляетъ собою такую сѣренькую прозу, не согрѣтую ни единымъ истинно-общественнымъ идеаломъ. И только со второй половины девяностыхъ годовъ идея муниципализаціи пріобрѣтаетъ сторонниковъ въ цѣломъ рядѣ крупныхъ город-

скихъ центровъ Франціи. Такіе города, какъ Дижонъ, Рубэ, Парижъ и другіе, получаютъ муниципалитеты съ самыми прогрессивными тенденціями, стремящіеся провести въ жизнь широкую соціальную программу. Въ числѣ намѣченныхъ и, частью, осуществленныхъ мѣропріятій мы находимъ, напримѣръ, такія:

1) Мѣры соціально-педагогическія: школьныя кантины, экскурсіи, дѣтскіе сады и ясли для дѣтей рабочаго класса, санаторіи для больныхъ дѣтей, народные университеты, библіотеки и читальни.

2) Мѣры санитарно-гигіеническія: даровая медицинская помощь, муниципальныя аптеки, бани и купальни, больницы.

3) Мѣры въ пользу мѣстнаго рабочаго населенія: матеріальная поддержка биржъ труда, даровыя конторы по пріисканію труда, организація профессіональныхъ курсовъ, кассы для безработныхъ, устройство здоровыхъ жилищъ, народныя бани, уменьшеніе часовъ труда и увеличеніе заработной платы городскихъ рабочихъ, организація юридической помощи и т. д.

4) Муниципализація всѣхъ мѣстныхъ предпріятій, имѣющихъ монопольный характеръ: газо и водопроводныхъ сооруженій, трамваевъ.

Какъ ни скромна, относительно, эта программа, но и она, въ значительнѣйшей своей части, представляетъ собою лишь одни благія пожеланія, не имѣющія никакой надежды на свое осуществленіе при современномъ чисто-полицейскомъ централизмѣ въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія во Франціи. Правда, французскіе города пользуются избирательнымъ правомъ, какого не имѣютъ еще города ни въ одной изъ европейскихъ странъ; «гласны» выбираются всѣмъ населеніемъ даннаго города на основаніи всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго голосованія. Но отъ всего этого пользы крайне мало, ибо префектамъ дано право кассировать постановленія муниципалитетовъ, и они широко пользуются этимъ правомъ. Попытка нѣкоторыхъ городовъ ввести у себя муниципальныя аптеки встрѣтила упорное сопротивленіе со стороны этихъ агентовъ центральной власти, стоящихъ на стражѣ частно-предпринимательскихъ интересовъ. Что ужъ говорить о такихъ проектахъ, какъ муниципализація газопроводовъ, средствъ сообщенія и т. п.! Тутъ самые могучіе города Франціи, не исключая и самого Парижа, чувствуютъ пока свое полное безсиліе противъ дурного двойственнаго союза государства и капитала.

Больше интереса представляетъ собою исторія «муниципальнаго соціализма» за послѣднее десятилѣтіе въ Англіи. Нигдѣ еще процессъ муниципализаціи частныхъ предпріятій не принялъ такихъ большихъ размѣровъ, какъ въ этой странѣ всеторжествующаго капитализма, не смотря даже на то, что городское избирательное право Англіи не отличается особенной широтой и справедливостью. Объяснить такое, на первый взглядъ странное, явленіе можно отчасти тѣмъ, что въ Англіи фактическая сила и давленіе организованныхъ народныхъ массъ

на правящіе классы значатъ больше, чѣмъ всѣ западноевропейскіе парламенты, вмѣстѣ взятые. Такимъ фактическимъ давленіемъ на центры, а равно и непосредственной экономической борьбой съ предпринимателями англійскій рабочій классъ достигъ условій жизни и труда, стоящихъ несравненно выше тѣхъ же условій даже въ такой демократической республикѣ, какъ Франція, гдѣ увлеченіе парламентской дѣятельностью привело самыхъ лучшихъ и талантливыхъ представителей народа къ самымъ некрасивымъ компромиссамъ, къ оппортунизму и пренебреженію самодѣятельностью массъ! И понятно. Не красивыми рѣчами въ парламентахъ можно достичь дѣйствительно цѣнныхъ завоеваній въ дѣлѣ экономическаго и духовнаго улучшенія положенія народа. Вся «тайна» истинно-прогрессивнаго движенія общества кроется въ самодѣятельности, въ починѣ и организаціи народныхъ массъ. Въ Англіи всѣ эти качества развиты болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ Западной Европы, и этимъ, въ значительной степени объясняется тотъ относительный прогрессъ, который замѣчается тамъ во всѣхъ сферахъ жизни.

Мы не станемъ передавать здѣсь всѣхъ перипетій муниципальнаго движенія въ Англіи за послѣднее десятилѣтіе. Читатель можетъ легко познакомиться съ важнѣйшими эпизодами этой исторіи изъ переведенной на русскій языкъ книги Гуго: «Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи» (изд. Поповой, Спб. 1898 г.). Противъ перехода частныхъ предпріятій въ городское самоуправленіе устраивались въ Англіи цѣлые «священные союзы». Газопроводныя и водопроводныя общества, компаніи городскихъ трамваевъ, подрядчики, строители въ дружномъ союзѣ съ кабатчиками, пивоварами, крупными землевладѣльцами употребляли всѣ усилія, чтобы не допустить уничтоженія цѣлаго ряда монополій, изъ которыхъ они черпали, такъ или иначе, прямо или косвенно, обильныя средства собственнаго привилегированнаго существованія *). Но давленіе большинства городского населенія, неутомимая агитація фабіанцевъ и другіе факторы привели въ концѣ концовъ, къ тому, что теперь—какъ пишетъ Гуго—англійскій «городъ доставляетъ всѣмъ своимъ жителямъ чистую воду; онъ освѣщаетъ содержащіяся въ чистотѣ и порядкѣ улицы, равно какъ и дома гражданъ; онъ отопляетъ его газовую кухню и даже снабжаетъ его этой кухней; онъ приводитъ въ движеніе его подъемную машину посредствомъ электрической или гидравлической силы, онъ его снаб-

*) Средніе классы городского населенія, рабочая интеллигенція ремесленники, мелкіе торговцы и т. д. не могутъ отнестись враждебно даже къ самой широкой муниципализаціи. На это намекалъ уже инарксъ въ своей тированной выше книгѣ, когда онъ писалъ, что парижская муницнаальная попытка признана была „массою парижскаго третьяго сословія—мелкими торговцами, купцами, ремесленниками; всѣми, за исключеніемъ однихъ богатыхъ капиталистовъ“.

жаетъ телефономъ; онъ возитъ его черезъ главныя улицы къ городской ратушѣ, въ городскую баню, въ городскую библіотеку, въ городскую картинную галлерею, въ городскіе парки; онъ даже стираетъ его бѣлье; если у него есть дѣти, то городъ заботится о воспитаніи ихъ—по окончаніи начальной школы—въ техническихъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Если онъ заболѣваетъ заразительной болѣзнью, городъ помѣщаетъ его въ свою больницу, дезинфицируетъ его жилище и даетъ его семьѣ пріютъ въ своихъ собственныхъ домахъ на все время эпидеміи. Со дня его рожденія и до самой могилы онъ окруженъ заботливой дѣятельностью города»...

Но и это лишь послѣдній, но не конечный этапъ въ развитіи муниципальной дѣятельности въ Англіи. Въ той же своей книгѣ Гуго намѣчаетъ цѣлый рядъ новыхъ крупнѣйшихъ предпріятій, къ которымъ намѣрены приступить въ ближайшемъ будущемъ англійскіе города. Все это показываетъ намъ, что основная идея такъ называемаго муниципальнаго соціализма не есть утопія, что въ ней есть много цѣннаго и жизненнаго, которое даетъ ей возможность пустить корни и обновить *снизу*, такъ сказать, соціально-политическую жизнь современныхъ культурныхъ обществъ. Судьбы ея зависятъ всецѣло отъ того или иного соотношенія реальныхъ общественныхъ силъ. Всякое передвиженіе центра тяжести общественнаго вліянія въ низшіе и средніе классы общества будетъ сопровождаться большимъ или меньшимъ ея осуществленіемъ. Меньше всего ужъ могутъ, конечно, помѣшать ея торжеству схоластически—канцелярскіе труды разныхъ архивныхъ ученыхъ въ родѣ той книги по исторіи муниципальнаго соціализма, о которой мы говорили въ самомъ началѣ своей статьи.

Евгеній Лозинскій.

ЦѢНОЮ ЖИЗНИ.

(«GLI AMMONITORI»).

Джованни Чѐна.

Переводъ съ итальянскаго **Е. Лазаревской**.

(*Окончаніе* *).

XIV.

Стачка прекратилась черезъ день. Когда мы явились въ типографію, нѣкоторые изъ рабочихъ оказались уволенными, и я въ томъ числѣ.

Пять барышень сидѣли въ рядъ передъ пятью новыми машинами и, казалось, для забавы перебирали пальцами клавиши...

Извѣстіе объ увольненіи произвело на меня сильное впечатлѣніе. Я вышелъ и вздохнулъ всей грудью. Такъ, значитъ, я свободенъ? Но неожиданная свобода сильно смущала меня, хотя у меня и достаточно было денегъ для того, чтобы нѣсколько мѣсяцевъ прожить безъ работы. Черезъ нѣсколько дней я уже чувствовалъ себя, какъ рыба, вытащенная изъ воды; мнѣ казалось, что каждый встрѣчный смотритъ на меня съ упрекомъ и пренебреженіемъ...

Одно обстоятельство не на долго развлекло меня и исторгло меня изъ состоянія мрачной печали, начинавшей совершенно завладѣвать мною. Однажды вечеромъ меня остановила въ корридорѣ Блондинка и попросила меня зайти къ ней въ ея мансарду.

Отъ множества вещицъ, собранныхъ въ этомъ небольшомъ пространствѣ, вѣяло чѣмъ то милымъ. Въ одномъ углу, подъ скатомъ крыши стояла кровать; рядомъ съ ней у окна клѣтка, гдѣ сидѣли на жердочкѣ, прижавшись другъ ко другу, двѣ сонныя канарейки. Въ углахъ консоли съ гипсовыми статуэтками; надъ изголовьемъ копія съ святой Цециліи Донателло; подъ окномъ швейная машина. Блондинка подала мнѣ стулъ, затѣмъ, порывшись въ своемъ рабочемъ столѣ, вынула оттуда тетрадь, перевязанную красной ленточкой:

*) См. „Міръ Божій“, № 8, августъ 1905 г.

— Это сочиненія Крастино,—сказала она, подавая ее мнѣ такимъ жестомъ, словно прикасалась къ святынѣ.

— Ахъ!—не могъ я удержаться отъ восклицанія.—Я такъ и думалъ, что они должны быть цѣлы, только мнѣ не пришло въ голову...

— Кому же онъ долженъ былъ поручить ихъ?—сказала она, глядя на меня съ упрекомъ.

— Да, конечно!—отвѣтилъ я, размышляя о томъ, чѣмъ она была для него. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ было довольно для того, чтобы женщина пріобрѣла всѣ права, такъ какъ за всю его жизнь никто не далъ ему столько, сколько она въ это короткое время.

Я внимательно взглянулъ на нее. Она сильно похудѣла, отъ чего отчетливо опредѣлились формы ея лица, отличавшіяся замѣчательной чистотой линій; лампа ярко освѣщала ей лобъ и верхнюю часть щекъ, наполняя сильной тѣнью глаза, горѣвшіе словно въ лихорадкѣ и полные такого глубокаго выраженія, какое нельзя было заподозрѣть въ экспансивномъ и беззаботномъ ребенкѣ, какимъ она казалась раньше.

— Вы навѣрное знаете, сколько можетъ стоить напечатать эту книгу; конечно, она должна быть очень красива, вотъ какъ эта.

И она взяла со стоявшей за моей спиной этажерки первую книгу Крастино и подала ее мнѣ. На этажеркѣ рядомъ съ ней стояли «Несчастные» Виктора Гюго, «Одиссея», «Енеида», «Освобожденный Іерусалимъ».

— Это онъ далъ мнѣ эти книги,—сказала она, увидя, что я разсматриваю ея маленькую библіотеку въ скромныхъ, но чистыхъ переплетахъ;—я ихъ всѣ прочла, а иногда онъ самъ читалъ мнѣ ихъ, подолгу, цѣлыя пѣсни. Что это за музыка! Онъ выбросилъ всѣ мои прежніе романы и оставилъ мнѣ только «Несчастныхъ». Ахъ, какъ эта книга меня растрогала! Эти исторіи, — добавила она, указывая на поэмы,— очень хороши и интересны, но надъ ними не плачешь... Теперь то я не могу раскрыть ихъ безъ слезъ, безъ того, чтобы у меня сжалось сердце, потому что я такъ и слышу его голосъ, какъ онъ читалъ ихъ, такой усталый и нѣжный... Да, такъ скажите же мнѣ, сколько это можетъ стоить?

— Отъ трехсотъ до четырехсотъ лиръ.

Она съ ужасомъ посмотрѣла на меня, ея глаза наполнились слезами:

— Мнѣ никогда не скопить трехсотъ лиръ.

Я не могъ не улыбнуться.

— Развѣ вы не могли посовѣтоваться съ кѣмъ нибудь, кому довѣряете, поговорить объ этомъ съ издателемъ?

— Да,—онъ мнѣ столько говорилъ о васъ! Онъ васъ очень любилъ; говорилъ, что вы философъ. Онъ хотѣлъ, чтобы я посовѣтовалась съ вами и съ докторшей, которая сюда ходитъ. Но мнѣ хотѣлось сдѣлать все самой, сдѣлать ему послѣ смерти этотъ подарокъ.

Ахъ, еслибы я могла все сама сдѣлать, чтобы это только мое было! Я поэтому такъ долго и не говорила съ вами...

— Хорошо,—сказалъ я, растроганный и взволнованный,—я могу пока дать задатокъ въ типографію, если вы согласитесь... Но впередъ подумайте! если вы снесете это издателю, онъ напечатаетъ, ничего съ васъ не взявъ, и дастъ вамъ еще извѣстный процентъ съ прибыли, которая будетъ значительна, такъ какъ Крастино теперь очень извѣстенъ; онъ займетъ мѣсто въ итальянской литературѣ.

Она взглянула на меня съ укоризной и въ то же время съ нѣкоторой робостью:

— Продать! получить прибыль! Какъ можете вы это говорить? Вѣдь это кровь его здѣсь, жизнь его, да и моя тоже! А! Вы не можете понять! Прочтите это, прочтите... Я буду слышать все это до самой моей смерти. Здѣсь все то, что онъ мнѣ разсказывалъ о своихъ страданіяхъ, вся его любовь къ сестрѣ; и потомъ... наша любовь, наша бѣдная любовь!

И она расплакалась горькими слезами отчаянія.

Я не мѣшалъ ей немного выплакаться. Вся ея похудѣвшая фигурка сотрясалась отъ рыданій. Бѣлокурые густые волосы, разсыпавшись, закрыли ея лицо; я замѣтилъ, что эти волосы, бывшіе прежде необыкновенно длинными, были теперь обрѣзаны немного ниже плечъ.

— Пожалуйста, послушайте минутку,—сказалъ я.—Мы устроимъ лучше. Мы вполнѣ можемъ напечатать на нашъ счетъ, а что потомъ будетъ выручено, пойдетъ на то, чтобы сдѣлать нашему бѣдному другу хорошій памятникъ. Я сейчасъ прочту книгу и завтра принесу вамъ ее обратно.

Она обернулась ко мнѣ, нѣсколько утѣшенная. Я взволнованно пожалъ ей руку и вышелъ.

Нельзя разсказать, сколько я страдалъ и сколько плакалъ въ эту ночь.

Какая страшная вещь жизнь, если человѣкъ можетъ страдать такъ, какъ страдалъ этотъ бѣдный юноша; какая страшная вещь искусство, заставляющее человѣка разбираться, рыться въ этомъ страданіи, перебирать его со всѣхъ сторонъ, работать надъ нимъ, какъ будто бы это была глина, изъ которой должна образоваться статуя! Какой страшный даръ поэзія! Для подобныхъ существъ это проклятіе, это средство, для усиленія мукъ. Я никогда не страдалъ столько отъ самыхъ моихъ острыхъ горестей, отъ попранныхъ желаній любви, сколько выстрадалъ отъ созерцанія этого нечеловѣчески несчастнаго существованія...

Но вѣдь я слышалъ все же, какъ онъ съ тревогою и мукой восклицалъ: «Жить, жить!.. Слишкомъ поздно! Слишкомъ поздно!» Значитъ, онъ хотѣлъ жить, онъ всѣми силами хватался за жизнь передъ ея концомъ.

Вліяніе моихъ теорій? Нѣтъ.

Достаточно было того, чтобы въ эту адскую жизнь проникъ взоръ женщины! Это смогло сдѣлать скромное существо только потому, что то была женщина: онъ почувствовалъ себя на мгновеніе сильнымъ, твердымъ, цѣльнымъ, почувствовалъ себя человѣкомъ, онъ пропѣлъ свой краткій гимнъ жизни и исчезъ.

Въ небольшой поэмѣ разсказывается быстрая драма его сестры; въ ней звучатъ размышленія о рожденіи и о смерти, ожиданіе новой жизни, возникающей изъ невѣдомаго источника, жизни, которую онъ готовился ласкать и лелѣять съ постояннымъ безполезнымъ вопросомъ во взорѣ и съ боязнью въ душѣ, боязнью того невѣдомаго, что вторгнулось между имъ и сестрой и что будетъ расти среди нихъ. На этомъ поэма оканчивалась. Ея смерть только кое гдѣ оставила смутный и мрачный отголосокъ, въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, говорящихъ объ одиночествѣ, о смерти и проникнутыхъ ощущеніемъ невѣдомой тайны, сквозь которое слышатся звуки ужаса.

Рядъ сонетовъ, сжатыхъ и краткихъ по формѣ и для меня нѣсколько туманныхъ, содержитъ сводъ современныхъ представленій о человѣческой жизни: свободное развитіе дѣтства, научное толкованіе жизни, проникновеніе въ тайну любви, сліяніе двухъ существъ, распространеніе существованія въ пространствѣ и во времени, среди современниковъ и среди послѣдующихъ поколѣній: отвлеченныя мысли, которымъ придана осязательность не столько образами, сколько яркими, живыми словами. Здѣсь онъ дѣйствительно показываетъ путь новой поэзіи будущаго, является ея предвозвѣстникомъ.

Затѣмъ одна часть начинается взрывомъ радости. Получается такое впечатлѣніе, точно солнце, котораго не было видно, но которое чувствовалось за завѣсой облаковъ, залило внезапно пустынную степь, высушило грязныя лужи и извлекло изъ земли роскошную, торжествующую растительность.

Далѣе слѣдуютъ крылатыя пѣсни любви, въ которыхъ обрисовывается, оживаетъ, расцвѣчается красками и улыбается живая фигура, нетронутая и глубокая, дышащая свѣжестью горнаго цвѣтка. Встрѣча въ жалкой обстановкѣ мансардъ, превратившихся въ куполы и стрѣлы собора; двѣ созвучныхъ, воздушныхъ жизни, и одна изъ нихъ заливается пѣснями, другая плачетъ. Я не перечитывалъ книги, но впечатлѣніе, произведенное ею на меня, неизмѣримо; вызванные ею образы стоятъ передо мною, какъ живые. Я вижу эту маленькую фигурку дѣвушки полу-ребенка, крѣпко обнимающую тѣло моего бѣднаго друга, скудное живительной жизненной теплотой, какъ бы стремясь вселить въ него радость, и я никогда не видѣлъ и не могъ вообразить себѣ ничего прекраснѣе этой группы. Онъ говоритъ, онъ зачаровываетъ свою маленькую веселую птичку своей музыкой, которая будетъ пѣть

у нея въ сердцѣ до самой смерти, а она слушаетъ и обожаетъ,— обожаетъ то невѣдомое, что сверкаетъ для нея въ этомъ блѣдномъ и пылающемъ тѣлѣ, которое она обнимаетъ.

Утромъ, едва увидя, что Блондинка отворила свое окно и стала выставлять клѣтку и маленькіе цвѣточные горшки, я пошелъ и постучалъ къ ней. Должно быть, почтеніе и восхищеніе, которыя я испытывалъ, на моемъ лицѣ были написаны потому что она улыбнулась мнѣ почти благодарно.

Рядомъ съ ней, на разложенномъ на полу шерстяномъ одѣялѣ, сидѣлъ ребенокъ лѣтъ двухъ; между колѣнъ его маленькихъ ножекъ стояла пустая глубокая тарелка, и онъ водилъ по ней ложкой, безполезно поднося ее къ губамъ.

— Видите, и у меня дитя,—сказала она, улыбаясь.

— Это ребенокъ Минки?—спросилъ я.

— Да; я его очень люблю. Правда, какой хорошенькій?

Я посмотрѣлъ на ребенка; онъ отнюдь не былъ красивъ: вялыя, блѣдныя щеки, большія уши и огромный ротъ съ толстыми, широкими губами, но устремленные на меня глазенки, горѣли, какъ два уголька.

— Да, миленькій,—отвѣтилъ я.

— Я всю ночь думала о томъ, что вы мнѣ вчера сказали. Мы сдѣлаемъ ему красивый памятникъ, въ родѣ того, какъ у Сильвіо Пеллико на новомъ кладбищѣ. Я ужъ знаю, кто его сдѣлаетъ: я пойду къ синьору Леонарди, снесу ему книгу и скажу, что это я...

— Вы знаете Леонарди? Да, онъ дѣйствительно можетъ сдѣлать прекрасный памятникъ, даже и изъ небольшого куска мрамора!

— Да; у меня была подруга, которая ему позировала. Потомъ она вышла замужъ. Разъ она пошла къ нему сказать, что у нея умеръ ребенокъ, онъ сдѣлалъ съ него портретъ и подарилъ ей...

— А книга дастъ на что купить мраморъ! Хотите вы пойти къ издателю? Надо еще тоже поговорить съ синьориной Лавріано.

Меня мучалъ одинъ вопросъ. Я спросилъ ее:

— Послушайте... гдѣ ваши волосы?

— Я ихъ продала,—поспѣшно отвѣтила она, смутившись, и съ мелькнувшей, какъ тѣнь, улыбкой.

— Не вѣрю!

Она расплакалась, но со страннымъ смѣшеніемъ стыдливости и радости на лицѣ:

— Никто не знаетъ этого,—призналась она.—Какъ вы думаете, сколько бы мнѣ за нихъ дали? Шестьдесятъ лиръ предложилъ разъ парикмахеръ тутъ внизу! Они были красивые, правда? И онъ такъ ихъ любилъ!.. Прежде чѣмъ закрыли ему гробъ... Минка даже не замѣтила.

Она была довольна, какъ дитя. Я представилъ себѣ эти чудные волосы на груди бѣднаго умершаго.

Ребенокъ, возясь на одѣялѣ, сползъ за край его и, сидя совершенно голыми ноженками на кирпичномъ полу, съ опрокинутой тарелкой въ ногахъ, улыбаясь, смотрѣлъ на меня.

— Садись ты сюда, бутузъ,—воскликнула она, беря отъ него тарелку и сажая его на постель.

— Ужъ два года исполнилось, а все еще не ходитъ,—продолжала она, обратясь ко мнѣ.— Кстати, вы знаете, что Пьяница въ тюрьмѣ Вотъ, у васъ есть средства, вы бы должны помочь Минкѣ. Она плохо кончитъ: я боюсь, что она или съ ума сойдетъ или что нибудь надъ собой худое сдѣлаетъ.

— За что его посадили въ тюрьму?

— Сочли за сообщника воровъ: онъ былъ на углу улицы Бонцаниго въ то время, какъ воры взламывали ювелирный магазинъ, можетъ быть, онъ и зналъ ихъ; мы здѣсь вынуждены быть знакомы и съ ворами, и съ погибшими женщинами... а можетъ быть, и не зналъ вовсе. Но эта бѣдная женщина! Монахини святой Циты приносятъ ей кое что, и потомъ дѣти ходятъ каждый день въ столовую для бѣдныхъ. Она же совсѣмъ не ѣстъ больше: ей надо класть въ ротъ насильно. Я позабочусь объ этомъ маленькомъ, а другіе то два? Ноту девять лѣтъ, другой, почти дурочкѣ, шесть. Знаете, сколько она теперь зарабатываетъ? Шесть лиръ въ мѣсяцъ, за то, что убираетъ комнату одному служащему въ казенной лотереѣ, который живетъ тутъ въ четвертомъ этажѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ у нея было много комнатъ для уборки, и иногда ей удавалась получать даже до тридцати сольдо *) въ день. Когда у нея посадили въ тюрьму мужа, всѣ ей отказали за исключеніемъ этого молодого человѣка изъ лотереи, который еще, можетъ быть, не знаетъ, или, можетъ быть, онъ соціалистъ... Можно себѣ представить: жена пьяницы,—это еще куда ни шло, но жена вора! Правда, Джипъ?—продолжала она, цѣлуя ребенка.—Теперь скажите мнѣ, пожалуйста, невинный этотъ за что долженъ отвѣчать?!.

Она внезапно взглянула широко раскрывшимися глазами въ окно, на крышу. Я обернулся въ ту сторону: маленькій трубочистъ вылѣзъ изъ одного мансарднаго окна и стоя въ своихъ большихъ башмакахъ на самомъ гребнѣ крыши, недалеко отъ моей мансарды, спокойно, увѣреннымъ взглядомъ оглядывался по сторонамъ.

— За этого нечего бояться,—замѣтила дѣвушка.—Помните Ноту? Какой ужасъ!

Трубочистъ снялъ съ себя веревку, которою былъ обмотанъ, и взобравшись на трубу, сталъ опускать въ нее свою желѣзную щетку, съ силой вытаскивая ее потомъ оттуда. Небо было усѣяно серебристыми облаками, гонимыми вѣтромъ; они двигались неразрывной, тѣсной толпой и казалось, что это плыветъ крыша съ трубой и малень-

*) Сольдо = 5 чентезимовъ = 1,85 коп.

кой черной фигурой, и отъ этаго кажущагося движенія кружилась голова.

— А этотъ бѣдный ребенокъ! Кто знаетъ, гдѣ его мать; говорятъ, есть такія матери, которыя продаютъ дѣтей или отдаютъ ихъ на прокатъ на три, на четыре года... Какой ужасъ! И правосудіе позволяетъ все это?

— Правосудіе? Какое правосудіе, моя добрая? А знаете, вѣдь вы въ концѣ концовъ соціалистка, а?

— Я?—отвѣтила она, глядя на меня съ любопытствомъ.—Вы думаете? Я бы очень хотѣла быть чѣмъ нибудь, но я ничто. Виджи, положимъ, говорилъ, что я... ужъ не помню, что... Вы прочли? Какъ чудно, да? Меня сначала очень смущало передъ нимъ мое ничтожество, но онъ мнѣ говорилъ, чтобы я только была красива и улыбалась бы, что ему этого довольно. Онъ цѣлыми часами смотрѣлъ на меня, и я очень безпокоилась, боялась, что онъ не найдетъ меня такою, какой хотѣлъ бы, но потомъ видѣла, что онъ такъ счастливъ! Я увѣрена, что онъ, глядя на меня, не *меня* видѣлъ, но что ему приходили въ это время въ голову какія нибудь чудныя воспоминанія, какія-нибудь чудныя мысли... Онъ все только хотѣлъ, чтобы я постоянно улыбалась, — и я улыбалась, съ какой мукой, — до самаго конца, глядя, какъ онъ умираетъ!

Она крѣпко обняла ребенка, который отстранился отъ нея съ нѣкоторымъ удивленіемъ, потомъ вытерла себѣ глаза.

— И въ то время, какъ я молча улыбалась,—я никогда не говорила—онъ думалъ о розахъ, о пейзажахъ и о звѣздахъ, и... говорилъ мнѣ, что и я принадлежу къ тому же семейству, и онъ тоже... Сколько разъ онъ показывалъ мнѣ на звѣзды! Мы смотрѣли съ нимъ изъ окна, черезъ верхушки крышъ на темное небо, и онъ говорилъ мнѣ, что всѣ эти звѣзды живыя, или еще будутъ живыми, и что онъ скоро уйдетъ на одну изъ нихъ... И въ самомъ дѣлѣ, я увѣрена, что онъ еще живъ. Я видѣла, какъ умиралъ мой маленькій, и столько тогда плакала! Но потомъ у меня было такое чувство, какъ еслибы у меня умерла канареечка: совсѣмъ было кончено все, совсѣмъ кончено! Но онъ... это не можетъ быть! Онъ до самаго конца говорилъ, я не могу вспомнить все то, что онъ мнѣ сказалъ тогда... о, какъ стараюсь, какъ мучаюсь, чтобы вспомнить, но не могу! Но все же я чувствую себя совсѣмъ другою послѣ этихъ словъ и хочу жить, хотя мнѣ такъ хотѣлось бы умереть съ нимъ: я чувствую, что я должна жить, потому что должна что то сдѣлать. Не знаю, что, и жду...

Я смотрѣлъ на эту простую дѣвушку и видѣлъ, что она вся проникнута какой то таинственной силой, словно ей передалась чья то энергичная, твердая воля. Она улыбнулась, какъ бы для того, чтобы разсѣять впечатлѣніе торжественныхъ словъ, почти безсознательно вылившихся у нея изъ сердца; но сквозь эту улыбку я видѣлъ

въ лицѣ ея и въ задумчивомъ взглядѣ, что эти слова должны составлять теперь всю суть ея существа. Это чудо совершила любовь; и меня какъ всегда охватила острая тоска въ присутствіи того, что было и должно было навсегда остаться для меня недостижимымъ, невѣдомымъ.

Между тѣмъ чтеніе исторіи жизни Крастино утвердило меня въ одной мысли, которая зародилась въ моемъ мозгу еще тогда, когда я слышалъ отъ него самого разсказы о ней и сравнивалъ ее съ моею. Моя «Записка» съ ея схоластическими подраздѣленіями, при томъ еще не вполнѣ опредѣленными, съ ея напряженнымъ стремленіемъ къ точности, дѣлавшимъ ее сухою, съ ея неувѣренной и спутанной доктриной была до такой степени слаба рядомъ съ простымъ субъективнымъ разсказомъ человѣка о своей жизни! Даже и сама первая часть, описывающая современное бѣдственное положеніе, выходила неполной и несовершенной. Быть можетъ, повторялъ я себѣ, голый разсказъ о моей жизни будетъ болѣе нагляднымъ, произведетъ больше впечатлѣнія, чѣмъ подобный трактатъ, для написанія котораго мнѣ недостаетъ многолѣтней научной подготовки. Что же касается формы, то, если я не обладаю, конечно, художественной силой Крастино, но во мнѣ есть желаніе ухватить міръ обѣими руками и крутить, формировать его, какъ глину, въ которой я родился, такое напряженное желаніе, что я страдаю, сгораю отъ него.

Нѣсколько дней спустя, я началъ этотъ разсказъ. Что же касается того, какимъ способомъ получить *аудіенцію*, я не сомнѣвался, что такъ или иначе этого достигну...

XV.

Я сдѣлалъ, однако, нѣсколько безплодныхъ попытокъ вернуться въ типографію. Наконецъ попросилъ объясненій. И тогда понялъ. Приблизительно за мѣсяцъ до стачки въ типографію поступилъ новый директоръ; быть можетъ, его предшественникъ былъ слишкомъ ко мнѣ снисходителенъ? Вѣроятно, потому что упреки и штрафы, которымъ подвергалъ меня новый, почти всегда были основательны. Я былъ, должно быть, постоянно углубленъ въ событія, происходившія вокругъ меня, взволнованъ ими и разсѣянъ, такъ какъ часто пропускалъ крупныя ошибки. Должно быть, и въ манерѣ моей держать себя произошла большая перемѣна, такъ какъ обращеніе со мной моихъ товарищей корректоровъ, съ которыми я цѣлыми днями сидѣлъ рука объ руку на одной скамьѣ, совершенно перемѣнилось. Можетъ быть, я не слышалъ иногда ихъ вопросовъ и не отвѣчалъ имъ, или говорилъ иногда что-нибудь разсѣянно и нетерпѣливо. Не знаю; знаю, что я лишь на нѣсколькихъ, очень немногихъ лицахъ

замѣтилъ небольшое сожалѣніе по поводу того, что не былъ принятъ обратно въ типографію.

Я въ послѣдній разъ долго, съ безконечной грустью оглядѣлъ обширное помѣщеніе съ стеклянными стѣнами и крышей, гдѣ провелъ почти десять лѣтъ!

Десять лѣтъ! Ряды наборщиковъ въ сѣрыхъ блузахъ стояли, занятые у своихъ ящиковъ; въ проходахъ поминутно проходило по два человѣка гуськомъ, неся набранную форму на одинъ изъ столовъ, или приготовленный для машины листъ, словно это были носилки или погребальное ложе. Въ противоположной сторонѣ съ грохотомъ вертѣлись цилиндры, листы одинъ за другимъ опрокидывались другъ на друга; женщины въ своихъ словно арестантскихъ передникахъ, непрестанно повторяя все одинъ и тотъ же монотонный жестъ, клали листы на цилиндръ или складывали ихъ въ кучу. Въ двухъ боковыхъ галлереяхъ въ непрерывной работѣ двигались брошюровщицы. Сотня женщинъ и сотня мужчинъ. Невозможно представить себѣ, чтобы между этими существами, созданными для того, чтобы взаимно дополнять другъ друга, могли возникнуть какія либо отношенія, кромѣ тѣхъ, какія существуютъ между отдѣльными частями машины. Но на дѣлѣ среди безпрерывной рабочей суетни всѣхъ этихъ людей, сведенныхъ къ значенію зубцовъ колесъ одного механизма, при хлопотливой мелкой работѣ набора, подъ грохотъ платформъ, носящихся взадъ и впередъ, все же рождались, возникали улыбки, желанія, любовь, и когда полуденный колоколъ внезапно освобождалъ всѣ эти существа, скованныя и сплавленныя впродолженіе многихъ часовъ въ огромный механическій организмъ, и густая толпа сплошнымъ потокомъ выливалась черезъ корридоры и черезъ дверь на залитую солнцемъ улицу,—какъ радостно было видѣть ихъ тогда оживающими, снова превращающимися въ человѣческія существа, видѣть, какъ они улыбались другъ другу, разговаривали, окликали другъ друга, обращались одни къ другимъ съ привѣтствіями при разставаньи, или шли дружески вмѣстѣ, или, какъ возлюбленные, ласково брали другъ друга подъ руку!

Быть можетъ, которая нибудь изъ этихъ однообразно одѣтыхъ дѣвушекъ, сосредоточивавшихъ все свое стремленіе къ красотѣ въ прическѣ волосъ, и взглянула на меня когда нибудь не совсѣмъ пренебрежительно или не совсѣмъ безразлично? Въ глубинѣ глазъ моихъ сохранилось двѣ, три легкихъ улыбки, нѣсколько доброжелательныхъ взглядовъ, но я не знаю, съ какимъ лицомъ ихъ связать. Можетъ быть здѣсь была женщина, которую я полюбилъ бы?

Десять лѣтъ!

Итакъ, я былъ, наконецъ, свободенъ. Я впервые чувствовалъ себя независимымъ, безъ начальства. Въ пріютѣ Духовнаго Благотворительнаго Общества я былъ подчиненъ впродолженіе часовъ работы хозяину, къ которому меня посылали, а въ остальное время воспита-

телямъ; потомъ я переходилъ отъ хозяина къ хозяину, отъ одного начальства къ другому съ вѣчнымъ чувствомъ подчиненности, такъ что и въ праздничные дни никогда не могъ освободиться отъ тягостнаго ощущенія рабства, ожидающаго меня на завтра и во всю предстоящую недѣлю. А развѣ я чувствую себя теперь вполнѣ свободнымъ? Нѣтъ, во мнѣ есть какая то неразумная робость, являющаяся дѣйствительно понижающей чертой; еслибы я захотѣлъ совершить какой нибудь независимый поступокъ, это вышло бы, безъ сомнѣнія, преувеличенно и носило бы характеръ протеста, возмущенія; я думаю, что оно дѣйствительно такъ и было въ моихъ отношеніяхъ съ директоромъ типографіи.

Чтобы вполнѣ насладиться ощущеніемъ хотя бы физической свободы, я сталъ дѣлать большія прогулки по окрестнымъ холмамъ; какъ чудно мнѣ было дышать, какъ я упивался воздухомъ и солнцемъ, и ароматомъ осеннихъ испареній, какое восхищенное изумленіе испытывалъ передъ внезапно открывавшимися залитыми солнцемъ безконечными далями! Никогда раньше не чувствовалъ я себя до такой степени живущимъ всѣми своими фибрами. А! правду я говорилъ Крастино, что жизнь хороша! Да, для этого достаточно быть здоровымъ тѣломъ и душой; возможно, что счастье вещь очень простая и очень достижимая. Многіе удовлетворяются тѣмъ, что живутъ, но это еще не есть счастье. Безъ сомнѣнія, счастье состоитъ въ томъ, чтобы *чувствовать себя живущимъ.* Чѣмъ жизнь человѣка сложнѣе, шире, напряженнѣе, тѣмъ болѣе возрастаетъ его счастье, и тѣ, которые содержатъ въ себѣ наибольшее количество жизни, тѣ и наиболѣе способны быть счастливыми. Это то, что я всегда думалъ, и что такъ просто и тѣмъ не менѣе такъ неясно для большинства. Но въ тотъ день, когда эта истина лучезарно и побѣдоносно всѣмъ откроется, не перемѣнится ли тогда общественная жизнь?

Въ одну изъ моихъ прогулокъ по холмамъ я оказался вблизи Гассино. Я пошелъ туда. Узналъ нѣкоторые изъ растрескавшихся домишекъ, но ни одно лицо не вызвало въ моей памяти образа изъ далекаго прошлаго Я не чувствовалъ съ этими бѣдными крестьянами, работавшими на поляхъ, бо́льшей связи, чѣмъ съ остальнымъ бѣднымъ и слѣпымъ родомъ человѣческимъ. Однако, когда я подошелъ къ кирпичному заводу, совершенно перестроенному и ставшему неузнаваемымъ, видъ желтой глины, въ которой мы съ отцомъ и мой дѣдъ, и, можетъ быть, цѣлое долгое поколѣніе копались, зарывшись въ ней, какъ кроты, возбудилъ во мнѣ смутную смѣсь ощущеній, и горестныхъ, и въ то же время сладкихъ.

Выйдя изъ села, я увидѣлъ старика, согнутаго вдвое отъ ревматизма, со сморщеннымъ лицомъ, со слезящимися, безжизненными глазами; онъ сидѣлъ на солнцѣ, глядя на По и на безконечно широкую долину. Вотъ такимъ былъ бы и мой отецъ, еслибы былъ живъ те-

перь; такимъ кончилъ бы тутъ и я свою жизнь. Земля, въ которой они копались всю жизнь, хватаетъ ихъ за шею, сгибаетъ ихъ, душитъ ихъ о свою грудь.

Я вернулся туда еще разъ. Былъ вечеръ, темнѣло, церковный колоколъ, единственный праздничный голосъ моего дѣтства, торжественно звучалъ, возвѣщая праздникъ,—была суббота. И внезапно одинъ мотивъ... откуда онъ взялся? я нашелъ его у себя въ памяти, въ ушахъ, на устахъ. Я шелъ къ городу, одинъ, по большой дорогѣ. И я началъ пѣть и плакать, плакать и пѣть...

„Canté, canté, fijete, canté touzour" *).

... и этотъ мотивъ звучалъ во мнѣ такъ упорно, такъ мучительно, такъ рѣзко, такъ глубоко проникающе... до безумія! Я бросился въ засѣянное поле, впился руками въ землю среди корней, кусая траву, глотая ея сокъ. О земля, моя земля, смиренная и дорогая, и единственная мать моя! Кто оторвалъ меня отъ тебя такъ скоро, что я забылъ даже самый твой ароматъ?

Но пробродя недѣли двѣ, я не замедлилъ почувствовать чрезмѣрный гнетъ моего бездѣятельнаго одиночества. А, еслибы могъ дѣйствовать! Сдѣлать что нибудь великое, что нибудь безмѣрно благотворное!

И я раздумывалъ. Не могъ ли бы я посвятить себя какой нибудь терпѣливой, постоянной, ясной дѣятельности, подобно этой доброй докторшѣ Лавріано, улыбка которой и прикосновеніе милой руки должны были облегчить, и исцѣлить, кто знаетъ, сколько страданій? Но я испытывалъ странное нетерпѣніе: это было слишкомъ кропотливо и слишкомъ долго, а мнѣ *было некогда*. Впродолженіе уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ я постоянно, при каждомъ поступкѣ, ощущалъ въ себѣ стремленіе *спѣшить* на томъ основаніи, что время впереди у меня все сокращалось; а что же приближалось съ нимъ? Какое нибудь несчастіе? Болѣзнь?

Быть можетъ, въ общественномъ организмѣ существуютъ такія молекулы, которыя должны исчезнуть, чтобы его спасти. Въ иныя минуты я испытываю восторгъ и наслажденіе при мысли о томъ, чтобы уничтожить себя, отдавъ себя другимъ. Можетъ быть, я тоже такой патологическій типъ? Было бы удивительно, еслибы я имъ не былъ. Существуютъ нормальные типы, достойные восхищенія, какъ напримѣръ, синьорина Лавріано. Ея дѣятельность разнообразна, широка, полна многихъ неудачъ и немногихъ рѣдкихъ успѣховъ, она медленно, незамѣтно содѣйствуетъ прогрессу. Она схватываетъ, связываетъ, сочетаетъ безчисленныя нити; она какъ бы плететъ ткань, въ которой ей суждено создать только одну малѣйшую часть, какъ

---

*) Пойте, пойте, молоденькія дѣвушки, все пойте.

будто она унаслѣдовала это дѣло отъ одного поколѣнія съ тѣмъ, чтобы передать его другому. Я же не могу отдавать себя такими малыми дозами: я теряю терпѣніе, я раздражаюсь. Я искалъ чего нибудь быстраго, молніеноснаго и не находилъ, не находилъ ничего... кромѣ разрушенія.

Моимъ умомъ въ это время съ одинаковой силой овладѣли двѣ картины, одна дѣйствительная, другая воображаемая.

На одной Крастино и я находились на большой дорогѣ, огражденной съ обѣихъ сторонъ высокими грудами снѣга; маленькая точка, появившись вдали, быстро расла, приближаясь къ намъ; съ быстротой молніи проносился неуклюжій экипажъ, едва давъ разглядѣть въ немъ человѣческую фигуру. Я слѣдилъ за нимъ взоромъ: впереди него, посреди дороги, неподвижно стояло маленькое черное пятнышко, и автомобиль несся... Картина внезапно исчезала, оставляя у меня въ спинѣ ощущеніе холода. На другой картинѣ тяжелая коляска катилась по улицѣ среди двухъ рядовъ тѣсно толпившихся людей; къ ней бросался человѣкъ и падалъ, растоптанный копытами лошадей. И мнѣ чудилось ощущеніе тяжелаго удара въ мозгъ.

И, начиная съ одного утра, я сталъ просыпаться съ мыслью объ одной вещи, которую мнѣ должно исполнить,—сегодня? завтра? Каждое утро во мнѣ было то же ощущеніе ожиданія и въ то же время обязанности, кякъ бы сознаніе какого то обѣщанія, которое я долженъ исполнить и которое все откладываю со дня на день по причинамъ, зависящимъ не исключительно отъ одной моей воли.

То, что я долженъ былъ сдѣлать, было нѣчто совершенно личное, внутреннее, я просто долженъ былъ принять на себя какое то, еще не совсѣмъ мнѣ ясное дѣло, которое медленно, но сильно и настойчиво наступало на меня; и потомъ, послѣ того, какъ я рѣшился, совершенно прекратилось безпокойство, охватывавшее меня каждое утро и уменьшавшееся только вечеромъ, когда я говорилъ себѣ: завтра!.. съ намѣреніемъ разсудить и принять, наконецъ, рѣшеніе и какъ бы съ желаніемъ заставить замолчать настойчивый и раздражающій голосъ, постоянно повторявшій мнѣ одно и то же: «Такъ должно быть»!

Вотъ случай, послужившій мнѣ толчкомъ и заставившій меня рѣшиться.

Въ то утро я раскрылъ глаза, полный неясныхъ образовъ отлетавшаго сна или галлюцинаціи. Я видѣлъ какого то человѣка; приблизиться къ нему казалось мнѣ тяжкимъ трудомъ, подобнымъ тяжелому восхожденію на гору, оставаться же вдали отъ него казалось смертельной опасностью. И вотъ, онъ сталъ смотрѣть на меня. Я хотѣлъ сказать ему какое то великое слово, но не могъ произнести его; я чувствовалъ, что мои губы шевелятся, что лицо мое искажается, что я произношу, можетъ быть, какой то нечленораздѣльный звукъ... а онъ смотрѣлъ на меня и не понималъ, глаза его становились гнѣв-

ными, страшными... А мнѣ хотѣлось убиться у его ногъ, чтобы онъ меня понялъ.

Когда я всталъ, впечатлѣніе сна исчезло, или мнѣ казалось, что оно исчезло. Фактъ тотъ, что я сразу побѣжалъ въ публичную библіотеку, чтобы погрузиться въ книги, какъ я дѣлалъ это уже нѣсколько дней ради того, чтобы насильственно занять свое вниманіе и обуздать терзавшее меня безпокойство. У меня сдѣлалась такая острая нервная неуравновѣшенность, что неожиданно услышанный на улицѣ голосъ, стукъ колесъ экипажа, звонокъ электрическаго трамвая вызывали во мнѣ приливы крови къ той сторонѣ тѣла, съ которой они раздавались.

Выйдя изъ библіотеки, гдѣ я кончилъ «Воскресеніе» Толстого, начатое нѣсколько дней назадъ, я шелъ, переполненный и взволнованный прочтеннымъ. Я просидѣлъ въ библіотекѣ шесть часовъ; солнце заходило; небо вдали легко спускалось на бѣлые и лазоревые гребни Альпъ. Я сталъ дышать всей грудью, не только для физическаго облегченія, но и для того, чтобы освободиться отъ состоянія нравственной угнетенности. Романъ произвелъ на меня громадное впечатлѣніе и наполнилъ меня чувствомъ ужаса; онъ съ такой силой описываетъ всю массу общественныхъ несправедливостей, что добронамѣренныя лица, въ немъ изображаемыя, и указываемыя авторомъ правила жизни представляются непропорціонально малыми, недѣйствительными, безплодными, странными. И я подумалъ, что я, можетъ быть, тоже, какъ эти русскіе, наивный человѣкъ, видящій всю чудовищность общественныхъ организмовъ и воображающій, что ихъ можно уронить на землю однимъ хорошимъ натискомъ плеча. Можетъ быть, лучше передѣлывать ихъ медленно, жизнь за жизнью, колесо за колесомъ, какъ сдѣлалъ бы опытный механикъ? Но какъ убѣдить *завѣдующихъ машинами*, чтобы они осматривали, преобразовали, обновляли свои старые инструменты, изъ которыхъ современный человѣкъ выходитъ искаженнымъ, изуродованнымъ, а иногда совершенно раздробленнымъ?

Я подходилъ къ площади Статута.

Я имѣю обыкновеніе пріостанавливаться около кіосковъ для продажи газетъ, и я подошелъ теперь къ одному изъ нихъ, чтобы посмотрѣть на газетѣ, какой сегодня день. Это былъ только что вышедшій вечерній номеръ «Туринской газеты». Меня сразу же поразила надпись: *Драма въ улицѣ Санъ-Донато*. И въ то же время я замѣтилъ, что газетчики на улицахъ выкрикивали ту же фразу. Меня охватилъ непонятный трепетъ; я купилъ газету,—сообщеніе занимало цѣлый столбецъ; хроникеръ начиналъ съ длиннаго и слезливаго предисловія. «...Женщина съ виду лѣтъ сорока.... мужъ въ тюрьмѣ... Она послала своихъ троихъ дѣтей... старшій несъ меньшого, а другого велъ за руку... въ даровую столовую благотворительнаго общества... Женщина

была найдена стоящею на колѣняхъ въ одномъ изъ угловъ мансарды лицомъ къ стѣнѣ... Жаровня...»

Я почувствовалъ, что меня трогаютъ за плечо, и обернулся... Это была докторша Ева, очень разстроенная.

— Я остановила трамвай, увидя васъ здѣсь. Какой ужасъ!—сказала она, показывая на газету.

— Это Минка, да?

— Да. Вы еще ничего не знаете? Пойдемте со мной. Я видѣла ее; сейчасъ вотъ отвезла двоихъ дѣтей къ себѣ домой, посмотрю потомъ какъ быть съ ними... Умерла она, должно быть, около полудня. Дѣтей сегодня съ утра прислала къ намъ въ даровую столовую. Бѣдный Ноту повидимому зналъ что-то, не хотѣлъ ѣсть и весь день былъ какой то скучный, мрачный... Что то будетъ изъ этого мальчика, какъ вы думаете?

Я былъ ошеломленъ.

— Она затворила ставни и заткнула каминъ,—продолжала синьорина Лавріано.—Приняла всѣ мѣры до малѣйшихъ подробностей: всѣ щели дверей и окна была заткнуты. Газъ долженъ былъ скоро охватить ее, когда она такъ стояла на колѣняхъ... Она и Блондинку обманула, такъ что и та постучала къ ней только тогда, когда дѣти вернулись домой раньше времени, въ два часа, тогда какъ должны были вернуться только вечеромъ. Ноту какъ будто зналъ. Онъ и началъ стучать въ двери и плакать, другіе двое за нимъ тоже... Тогда мужъ придверницы подумалъ, не случилось ли что, и выломалъ двери. Мнѣ разсказывала Блондинка...

Мы почти бѣгомъ дошли до дому. Подъ воротами разговаривала кучка женщинъ съ любопытными и встревоженными лицами. Мы поднялись. Двери въ мансарду были заперты, и двое городовыхъ расхаживали по корридору. Я хотѣлъ взглянуть на бѣдную умершую, но видъ этихъ суровыхъ физіономій оттолкнулъ меня.

Я началъ испытывать съ нѣкотораго времени какой то смутный страхъ при видѣ городовыхъ; я чувствовалъ, что они упорно и недовѣрчиво смотрятъ на меня на улицахъ. Возможно, что у меня сдѣлался довольно жалкій видъ: я чувствовалъ себя неспокойно и испытывалъ униженіе отъ моей праздности...

Мы прошли дальше въ комнату Блондинки.

Она съ плачущимъ лицомъ держала на рукахъ ребенка умершей; малютка грызъ кусокъ яблока, не удивляясь ея слезамъ и поцѣлуямъ. Увидя насъ, она нѣсколько успокоилась и посмотрѣла на докторшу, сохранявшую свое удивительное спокойствіе.

— Никогда не подумать обо всемъ,—говорила та.—Все дѣлается такъ медленно! Я думала тоже объ этой несчастной, но уже поздно! мы никогда не можемъ сразу сознавать неотложность, необходимость, близость наступающей бѣды! Я явилась бы къ ней со своей помощью

черезъ мѣсяцъ, или даже немного позже,—а кто можетъ измѣрить силу сопротивленія, которою обладаетъ человѣкъ? Сегодня онъ кажется сильнымъ. Завтра падаетъ на землю, обезсиленный, какъ брошенная тряпка!

Вся эта драма казалась мнѣ продолженіемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ того, что какой то мощный геній воздвигалъ передъ моими глазами; но съ какой ужасающей простотой судьба бросала мнѣ въ глаза такую чудовищную дѣйствительность! Съ простотой, вселявшей въ меня ужасъ тайны. Человѣкъ захотѣлъ умереть—и умеръ, что можетъ быть легче? Такъ легко... и такъ непоправимо!

Но докторша думала о мужѣ, о дѣтяхъ. Она никогда не задерживалась надъ непоправимымъ и шла дальше. Каждое печальное событіе побуждало ее дѣйствовать все быстрѣе: каждое обстоятельство являлось для нея поводомъ для болѣе сложнаго переплетенія нитей ея дѣйствій, подобно тому, какъ полководецъ пользуется каждой благопріятной мелочью для борьбы противъ грознаго врага. Такимъ образомъ, всякій роковой случай содѣйствовалъ ей въ томъ, чтобы привлечь тѣхъ, кого она знала, къ ея идеямъ или къ ея дѣлу: каждая смерть оставляла ей наслѣдство.

— Знаете, что я совершила завоеваніе? продолжала она, немного спустя, указывая на дѣвушку.—У меня новая сотрудница, которая можетъ мнѣ быть драгоцѣнна,—знаете, чѣмъ? Тѣмъ, что она красива: мнѣ необходимо была нужна красивая женщина, которая умѣла бы хорошо улыбаться. Мои дѣтишки будутъ отбивать ее другъ у друга.

И видя молчаливый протестъ на лицѣ Блондинки, она продолжала, какъ бы для того, чтобы побѣдить послѣднее сопротивленіе:

— Она слишкомъ скромна. Думаетъ, что не способна ни на какое дѣло... а развѣ надо непремѣнно быть къ чему нибудь способными? Надо раздавать хлѣбъ, надо принимать голодныхъ, полуголыхъ бѣдняжекъ,—что можетъ быть легче состраданія? Что можетъ быть болѣе желательнымъ, чѣмъ возможность имѣть корзины съ хлѣбомъ и тарелки супа для раздачи?

И она продолжала со своимъ свободнымъ краснорѣчіемъ, краснорѣчіемъ человѣка, вселяющаго другимъ свои убѣжденія:

— Конечно совсѣмъ не весело видѣть каждый день столькихъ несчастныхъ, я тоже знаю это! Становится не по себѣ, становится тяжело... Но тяжелое состояніе, которое является отъ вида страданія, сейчасъ же облегчается возможностью прекратить его, хотя бы на мгновеніе, и прекратить безъ труда... Вы хорошая портниха, мы будемъ шить много маленькихъ платьицъ и костюмчиковъ, матерія у насъ будетъ... И еще есть два дѣла, которыя наша Блондинка можетъ дѣлать очень хорошо. *Страхованіе материнства...* Она изъ того же класса. Не права я развѣ, Станга? Она будетъ ходить къ матерямъ семействъ, будетъ убѣждать ихъ платить по два сольдо въ мѣсяцъ,—

понимаете ли, по два сольдо—затѣмъ, чтобы имѣть, на что жить дома и на что лечиться во время беременности... И затѣмъ, *даровая столовая*, гдѣ только и есть, что старики и дѣти, дѣти и старики, нуждающіеся въ молодости и веселья. И тогда мы увидимъ, какъ опять расцвѣтетъ наша милая, красивая голубушка, которая хочетъ захворать, хочетъ умереть...

И она съ безконечной ласковостью подошла къ той, любовно провела рукой по ея волосамъ, обняла и поцѣловала ее въ лобъ. Лицо дѣвушки засіяло.

— Вотъ уже двѣ недѣли, что я ее убѣждаю,—сказала мнѣ синьорина Лавріано.—Книга бѣднаго Крастино теперь печатается и скоро выйдетъ; мы нашли хорошаго издателя, издателя моего отца. Леонарди сдѣлаетъ памятникъ; и она будетъ позировать для барельефа; я уже видѣла его рисунокъ, чудо, какой прекрасный. Потомъ что же останется ей дѣлать?

— Правда,—сказала убитымъ голосомъ дѣвушка,—моя жизнь кончена на этомъ.

— Поэтому,—настойчиво заговорила опять докторша, становясь внезапно серьезной и торжественной—надо перемѣнить жизнь: эти дни должны остаться чистыми. Ты должна считать себя навсегда его, неправда ли? А вѣдь онъ говорилъ тебѣ, чтобы ты жила, и желалъ, чтобы ты жила такъ, чтобы онъ всегда могъ тебя любить, правда вѣдь, дорогая?

Дѣвушка подняла голову, глядя на нее твердымъ и свѣтящимся взглядомъ.

— Я приду, когда вы захотите.

— Тогда, значитъ, завтра! Не будемъ терять времени. Я приду за тобой.

И она поцѣловала ее въ щеку, потомъ обернулась ко мнѣ:

— А вы что теперь дѣлаете?

Я немного смутился, какъ бы отъ какого то скрытаго упрека.

— Не знаю. Я готовлюсь... Думаю, что найду что нибудь.

— Хотите, я для васъ тоже что нибудь придумаю? Хотите, я поговорю съ докторомъ Семми, онъ такъ всегда прекрасно о васъ отзывается? Хотите поступить въ ряды борцовъ со зломъ? Я подумаю, и посмотримъ, посмѣете ли вы отказаться!

Въ эту минуту въ корридорѣ раздался громкій топотъ тяжелыхъ шаговъ. Мы увидѣли гробъ, проносимый въ дверь. Дѣвушка разразилась отчаяннымъ плачемъ; малютка вторилъ ей.

Можетъ быть, она вспомнила другой гробъ въ этомъ же корридорѣ и свою умершую любовь?

Докторша, выйдя, заперла за собой дверь въ мансарду. Я пошелъ съ ней, провожая ее.

— Не давайте печали, безплодной печали завладѣть собою,—ска-

зала она мнѣ.—Я сейчасъ зайду на минуту къ Саламандрѣ. Она больна, вы знаете?..

И крѣпко пожавъ мнѣ руку, она прибавила:

— Надо дѣйствовать, помните это!

Я почувствовалъ, какъ будто вслѣдъ за нею навсегда ушла последняя остававшаяся во мнѣ слабая жизненная сила.

«Надо дѣйствовать»...

Я развернулъ купленную газету. Какъ могли читатели видѣть на этихъ столбцахъ что нибудь иное, кромѣ ужасной драмы? Какъ могли редакторы заниматься чѣмъ нибудь другимъ? «Учетный Банкъ... Четырехпроцентный доходъ... Еритрея... Союзъ конституціонныхъ державъ!.. несчастное человѣчество!

А я? что я сдѣлалъ для этой бѣдной женщины? Можетъ быть, я могъ бы не допустить этого самоубійства? Я далъ ей немного денегъ, вотъ и все. Развѣ этимъ ограничивалась моя обязанность? Вотъ мнѣ и еще причина для терзанія... Я ли обязанъ заботиться о томъ чтобы люди не убивали себя? Но на мнѣ лежитъ *часть* вины. И часть вины лежитъ на каждомъ изъ насъ. Это нестерпимо!

И я почувствовалъ себя придавленнымъ сознаніемъ своего безсилія. Имѣть столько энергіи, столько страсти, столько гнѣва и чувствовать себя сдавленнымъ, какъ среди громады непроходимыхъ горъ!..

Но я подобенъ ростку дуба, пробивающемуся сквозь старую стѣну, и сколько такихъ ростковъ кругомъ меня! И старая стѣна разсыпается, растрескивается отъ этого!

Я только и могу, значитъ, что разрушать; я не могу созидать, не могу ни на что употребить свою силу. Моя истинная сила никому не нужна. Такъ не бросить ли ее, какъ тряпку, къ ногамъ того, кто можетъ?

Я имѣлъ, пожалуй, возможность оказывать какую нибудь ничтожную помощь тѣмъ несчастнымъ, которые умирали кругомъ меня; я бы могъ, пожалуй, записать себѣ въ плюсъ много мелкихъ поступковъ, много утѣшеній, много словъ, много слезъ, потраченныхъ ради нихъ... Но для этого надо было бы, чтобы я только ихъ и видѣлъ, чтобы я былъ близорукъ, чтобы моя мысль, мое сердце не стремились обнять все горе на землѣ, чтобы я не образовывалъ изъ него груды, которая меня давитъ и уничтожаетъ... А я имѣлъ совсѣмъ другое, что могъ бы дать, я обладаю другимъ! Вотъ почему я могу думать только о какомъ нибудь все охватывающемъ, огромномъ, плодотворномъ дѣяніи.

Въ тотъ вечеръ (какимъ уже онъ мнѣ кажется далекимъ!) я безъ конца бродилъ по Турину. Зажглись фонари, заполнились столики на улицахъ передъ кафе; потомъ изъ театровъ стала высыпать наполнявшая ихъ публика, потомъ улицы понемногу опустѣли, погасла часть фонарей, и городъ принялъ свой печальный и пустынный ночной видъ.

Тогда изъ живущихъ остались на улицахъ только темныя лица женщинъ, стоящихъ въ ожиданіи на углахъ съ непокрытыми головами

и руками, спрятанными подъ передники; искатели окурковъ, шарящіе при свѣтѣ огарковъ по камнямъ панели мостовой, какъ бездомныя собаки; продавцы спичекъ, перебѣгающіе, прихрамывая, отъ одного къ другому изъ немногихъ кафе, открытыхъ всю ночь... Впечатлѣніе было для меня ново и имѣло какое то свое особое затягивающее обаяніе тяжелаго сна. Я вошелъ въ одинъ изъ кафе.

Старуха съ лысой головой, съ отвратительнымъ выраженіемъ лица открыла мнѣ дверь, поднявъ мнѣ къ лицу корзинку со спичками и какими то другими предметами. Въ чадномъ воздухѣ тѣсно сидѣли вокругъ столиковъ юноши со старческими лицами и дѣвушки въ разукрашенныхъ и безпорядочныхъ платьяхъ и шляпахъ; онѣ казались карликовыми деревьями, колеблющимися отъ непрестаннаго вѣтра. Нѣкоторые изъ посѣтителей играли въ карты и кости, курили и пили пиво. Я подумалъ о загородныхъ ресторанахъ, о томъ, какъ нѣкоторые изъ моихъ товарищей пили тамъ иногда до пьяна. На сколько то было лучше всего этого!

Выйдя изъ пивной Дреера, я, почти не отдавая себѣ въ томъ отчета, пробродилъ еще по городу, совершенно потерявъ понятіе о времени. Одно время мнѣ почудилось, что кто то идетъ за мной слѣдомъ; я обернулся, но никого не увидѣлъ. Я ускорилъ шаги, но потомъ опять замедлилъ ихъ изъ страха обратить на себя вниманіе. Я очутился на мосту della gran Madre, поднялся на гору Капуциновъ и, облокотившись на парапетъ террассы, долго смотрѣлъ на черную массу города и на спокойную, темную рѣку, въ которой висѣли отраженія фонарей, точно двойное ожерелье изъ звѣздъ; потомъ спустился внизъ съ сжавшимся сердцемъ и со смутнымъ ощущеніемъ, какъ будто я разставался съ чѣмъ то изо дня въ день, минута за минутой, какъ будто бы со всѣми вещами, которыя я видѣлъ, я долженъ былъ поочереди прощаться на вѣкъ.

На Корсо Витторіо я почувствовалъ непреодолимое желаніе спать и смертельную усталость. Тогда я вошелъ въ Станціонное кафе и выпилъ горячаго молока, но оставался тамъ лишь нѣсколько минутъ. Что за зрѣлище! Казалось, что тамъ нашли пріютъ всѣ ночныя чудовища, ужасныя шутки природы надъ человѣчествомъ, карлики, кривобокіе, скрюченные, безрукіе, всевозможные калѣки со своими предметами торговли, составлявшими какъ будто одно цѣлое съ ихъ уродствомъ, и никто изъ нихъ не внушалъ состраданія, а только отвращеніе и раздраженіе. Казалось, что всѣ эти несчастнѣйшіе старались,— и страннымъ образомъ достигали этого,—поддѣлываться подъ тѣ убожества, которыми были поражены, какъ отвратительныя каррикатуры на дѣйствительныхъ несчастныхъ. И шутки, заигрыванья, съ которыми къ нимъ обращались нѣкоторыя бывшія тутъ же женщины съ фіолетовыми синяками подъ глазами, съ морщинистыми, перекошенными ртами вызывали во мнѣ трепетъ ярости, толкали мнѣ ругательства на уста.

Какъ только я вышелъ, остро холодный воздухъ благотворно отрезвилъ меня. Мысли мои освѣжились, и кошмарныя видѣнія улетучились. Было четыре часа, и весь городъ былъ какого то удивительнаго лазореваго цвѣта подъ небомъ, освѣщеннымъ первымъ свѣтомъ зари. Мнѣ казалось, что я видѣлъ сонъ. Я быстро пошелъ по направленію къ дому. Всѣ члены мои были тяжелы и болѣли; какая то горечь во рту вызывала во мнѣ тошноту.

На площади Кастелло нѣсколько рабочихъ укладывали рельсы при свѣтѣ яркаго керосиноваго фонаря, и громкіе удары молотковъ, заставивъ меня встрепенуться, казалось, придали моимъ мыслямъ твердое и здоровое направленіе. Работа этихъ людей среди сна большого города и мелкой суетни порочныхъ и павшихъ существъ, отъ которыхъ я вышелъ, вызвало во мнѣ умиленіе. Не заключалась ли въ нихъ правда и справедливость? На мгновеніе у меня явилось желаніе сказать это одному изъ нихъ. Я, можетъ быть, риторъ, или, художникъ; но то, что я воображаю себѣ съ крайней силой и живостью, никогда не переходитъ во мнѣ отъ мысли къ дѣлу. Быть можетъ, я родился, чтобы быть ораторомъ или писателемъ?

Пока я смотрѣлъ, ко мнѣ приблизились двое городовыхъ. Я внутренно вздрогнулъ, но продолжалъ стоять и не тронулся съ мѣста, пока не услышалъ, что они прошли мимо. Тогда я подумалъ, что безусловно необходимо, чтобы я отнюдь не былъ ни въ чемъ подозрѣваемъ, если намѣреваюсь дѣйствовать какимъ бы то ни было образомъ. Но какимъ способомъ могъ бы я убѣждать этихъ людей, что никогда никому не стану вредить... развѣ только самому себѣ?

Это была единственная ночь, которую я всю провелъ внѣ дома (какъ путаются въ моемъ мозгу время и пространство!), и она произвела на меня громадное впечатлѣніе. Итакъ, существуетъ значитъ подземное населеніе, вылѣзающее ночью изъ своихъ грязныхъ норъ, подобное чернымъ насѣкомымъ, которые бьются о молочно-перламутровые шары электрическихъ лампъ; населеніе, живущее подлостью, низостью, порочностью другихъ, тѣхъ другихъ, которые спятъ утромъ сномъ, свободнымъ отъ укоровъ совѣсти? Что же это такое, это человѣчество, эта смѣсь жертвъ и угнетенія, чистоты и подлости? Можетъ ли быть найдено спасеніе для такихъ существъ?

Надо ждать, чтобы пришли поколѣнія здоровыхъ и добрыхъ людей и потомки ихъ потомковъ! Какъ это все далеко!

Внезапно я, не знаю какъ, отчетливо увидѣлъ въ своемъ воображеніи двѣ фигуры, которыхъ никогда раньше не сопоставлялъ,—ясное лицо апостола и личико ребенка, докторъ Семми и синьорина Ева.

Какая радость охватила меня на мгновеніе, какая радость!

Когда я пришелъ домой во мнѣ былъ великій покой. Я *рѣшился.* И я заснулъ спокойнымъ, глубокимъ сномъ.

И вотъ, моя жизнь прошла. Вѣроятно, есть на свѣтѣ свободные

люди, которые путешествуютъ, смотрятъ на страны и обычаи, другіе наслаждаются жизнью, ѣдятъ, смѣются, ѣздятъ на скачки, на купанья рядомъ съ тѣми, которые умираютъ, постоянно, постоянно умираютъ... Я не принадлежалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Я прошелъ около жизни, но прикоснулся только къ одной сторонѣ ея, и на мгновеніе; едва увидѣлъ огромную поверхность моря и неизсякаемо льющіяся волны; нѣкоторыя существа всплыли передо мной на столько, что я успѣлъ ихъ замѣтить. И вотъ теперь море навсегда смыкается надъ моей головой.

Вотъ, я написалъ... Я какъ будто освобождался мало-по-малу отъ самого себя, отъ моей жизни, отъ моего горя, чтобы обнаженнымъ и чистымъ войти въ великую жизнь.

Приходила докторша Ева, вся поглощенная заботой перевезенія въ больницу Саламандры. Въ ея мансардѣ поселится кто нибудь другой. Въ знакомыхъ окнахъ появляются чужія лица и смотрятъ на меня, не прерывая своихъ жалкихъ занятій. Остается еще пока только посвистываніе Чимизина, на которомъ близость смерти оставила мало слѣда. Сколькіе погрузились въ водоворотъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ здѣсь! И надъ смыкающимся мракомъ старый безумецъ продолжаетъ насвистывать...

А! вотъ въ глубинѣ двора синьорина Ева. Исчезаетъ... Прощай, озаренное солнцемъ видѣніе! О, еслибы мнѣ имѣть тебя передъ глазами, умирая!.. Послала мнѣ издали знакъ привѣта...

Какъ было прекрасно солнце!..

XVI.

И вотъ я одинъ теперь, окончательно одинъ съ самимъ собою.

Боюсь я, или нѣтъ? Нѣтъ. Я вижу себя. Далеко вдали появляется точка, растетъ, приближается, налетаетъ. Вотъ, я бросаюсь, я на серединѣ дороги и, неподвижный, непоколебимый, закрываю глаза... А!

Съ этого мгновенія, съ этого толчка начнется для кого нибудь новая жизнь... можетъ быть, для многихъ.

Объяснятъ ли превратно произошедшее? Будутъ ли газеты писать о несчастномъ безумцѣ?.. На нѣсколько часовъ развѣ, потомъ прольется свѣтъ.

Въ одинъ изъ этихъ дней все будетъ кончено; можетъбыть, *завтра*.

Нѣтъ никакого основанія, которое бы меня удерживало. Я думаю, что нашелъ смыслъ для человѣческой жизни. Отдѣльный человѣкъ не можетъ быть счастливъ самимъ собою, потому что въ глубинѣ всего

смерть. Стало быть тайна счастья состоитъ въ томъ, чтобы чувствовать себя безсмертнымъ, то есть чувствовать себя живущимъ въ другихъ, въ человѣчествѣ, въ міровомъ бытіи. Смерть безразлична для меня: вызываетъ протестъ всего того состава, который образуетъ мое существо, протестъ того смутнаго сознанія, какимъ обладаютъ всѣ его молекулы, всѣ элементарныя единства, образующія изъ меня колонію, они даже заставятъ меня почувствовать всю свою соединенную силу въ моментъ совершенія поступка, но она не встрѣчаетъ протеста въ высшемъ моемъ сознаніи.

Жить для меня слишкомъ мучительно: каждое чужое страданіе отражается во мнѣ съ чрезмѣрно большой силой. Я могъ бы быть несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ мнѣ подобныхъ и не страдалъ бы въ тысячной доли такъ сильно, какъ страдаю теперь, когда чувствую себя насквозь проникнутымъ, опьяненнымъ всѣмъ страданіемъ всѣхъ людей. Бѣжать отъ большого скопленія людей, бѣжать изъ города, отъ соприкосновенія съ подобными себѣ и искать убѣжища среди полей, уединиться среди здоровой, привѣтливой природы? Но теперь даже пустыни, въ которыхъ заточали себя отшельники, и тѣ являются чьей нибудь собственностью, и нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы не слышалось отзвуковъ горя... Да, впрочемъ, уже и слишкомъ поздно.

Я нашелъ другимъ основаніе для жизни, себѣ—основаніе для смерти. Самоубійство малодушіе, когда оно является бѣгствомъ. Я не убѣгаю. Я погружаюсь въ жизнь: я несомнѣнно даю моей смертью, въ какой бы формѣ ни принесла она плоды,—а самопожертвованіе никогда не бываетъ безплоднымъ,—даю подобнымъ мнѣ существамъ увеличеніе свободы и солидарности. Каждому, кто только живетъ теперь, въ какое бы положеніе онъ ни былъ поставленъ обществомъ, я говорю: «Надо творить и любить. Надо ограничивать личныя желанія, приводя ихъ въ гармонію съ желаніями намъ подобныхъ. Какова бы ни была твоя роль въ общественномъ хорѣ, смиренная ли, или главная, распространяй во всю ея ширь и мощь данную тебѣ судьбою душу, простирай объятія человѣчеству и природѣ, проникайся и усиливайся ими: твори и люби»!

Сотрясеніе, которое я вызову въ потокѣ человѣчества, съ трудомъ отыскивающемъ себѣ дорогу въ направленіи къ гармоніи, будетъ подобно толчку, разбивающему какую либо несовершенную организацію, освобождая ея элементы, чтобы они нашли себѣ свой истинный путь и свое мѣсто. И моя добровольная смерть является, такимъ образомъ, свидѣтельствомъ въ пользу жизни.

Засну ли я нынче ночью? Я не боюсь за себя; я только буду страдать это время отъ нетерпѣнія и безпокойства, полный ожиданія того, что совершу.

Потомъ... засну.

ВЕГЕТАРІАНСТВО.

Вопросъ о питаніи принадлежитъ несомнѣнно къ одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ въ человѣческой жизни. Вѣдь наша пища есть будущее наше *я*, это тѣ кирпичи, изъ которыхъ строится наше тѣло. Не даромъ сказалъ Гете: «Der Mensch ist was er isst»,—человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣческій организмъ постоянно разрушается и непрерывно созидается вновь—въ этомъ состоитъ процессъ жизни: *я*, въ настоящую минуту уже совсѣмъ не тотъ, что былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; *я*, которое жило и думало въ то время, постепенно испарялось и расползалось въ видѣ пота, мочи, въ видѣ выдыхаемой углекислоты или просто въ видѣ шелухи, которая постоянно стирается съ нашего тѣла. И вотъ теперь *я*—совершенно новое существо, сложившееся за это время изъ той пищи, которую человѣкъ съѣлъ. Обновляется все до послѣдней частицы, начиная отъ самой сокровенной нервной клѣтки до самыхъ грубыхъ костей, и все это обновляется на счетъ съѣденной пищи.

Понятно, что люди давно уже обращали вниманіе на пищу. Уже древніе мудрецы, размышляя о несовершенствѣ человѣка, думали найти причину этого несовершенства также и въ пищѣ. Они прежде всего обратили свое вниманіе на мясо, потребленіе котораго связано съ убійствомъ и кровью, на мясо, которое поощряло животные инстинкты, удовлетворяя обжорству и чревоугодію. Плутархъ, напримѣръ, пишетъ слѣдующее въ своей книгѣ «Moralia»: «Мясоѣденіе противно не только нашей физической природѣ, но и въ другихъ отношеніяхъ. Умъ и мыслительная способность тупѣютъ отъ пресыщенія и тучности. Мясная пища и вино быть можетъ придаютъ тѣлу плотность, но это только способствуетъ ослабленію ума». «Вы спрашиваете—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—на какомъ основаніи Пиѳагоръ воздерживался отъ употребленія мяса животныхъ? Я съ своей стороны не понимаю, какого рода чувство, мысль или причина руководила тѣмъ человѣкомъ, который впервые рѣшился осквернить свой ротъ кровью и дозволилъ своимъ губамъ прикоснуться къ мясу убитаго существа». Подобныя же мысли мы встрѣчаемъ у Пиѳагора, Овидія, Сенеки и другихъ древнихъ писателей.

Итакъ мы видимъ, что уже въ глубокой древности лежатъ зачатки вегетаріанства; оно въ то время имѣло мотивомъ только нравственныя и этическія соображенія: мясоѣденіе считалось символомъ неумѣренности въ пищѣ, жадности и жестокости. Современное вегетаріанство занимается, главнымъ образомъ, критикой мясоѣденія съ физіологической точки зрѣнія и старается доказать, что воздержаніе не только возвышаетъ духъ, но прежде всего гораздо здоровѣе и выгоднѣе для тѣла. Возникло это ученіе въ серединѣ прошлаго столѣтія (1847 г.), главнымъ образомъ, какъ выраженіе протеста противъ всеобщаго тогда крайняго злоупотребленія мясомъ, особенно въ Англіи. Теперь въ Англіи, Америкѣ, Германіи издаются вегетаріанскія газеты, составляются руководства для приготовленія вегетаріанской пищи. Въ Лондонѣ, Нью-Іоркѣ и другихъ большихъ городахъ имѣются десятки вегетаріанскихъ обществъ, гостиницъ, ресторановъ; вегетаріанство распространено, главнымъ образомъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ преобладаетъ животная пища.

О вегетаріанствѣ написано уже очень много, какъ со стороны сторонниковъ, такъ и со стороны противниковъ его. Но до послѣдняго времени въ литературѣ господствовали рѣзкая вражда и взаимное непониманіе между обоими направленіями ученія о питаніи. Вегетаріанцы считали свои взгляды непоколебимыми; они съ ужасомъ и съ сожалѣніемъ смотрѣли на ѣдящихъ мясо, какъ на людей сознательно губящихъ себя физически и нравственно и называли ихъ «некрофагами» т.-е. «пожирающими трупы». Невегетаріанскіе же ученые и доктора, правда, сообщали въ своихъ книжкахъ, что есть, молъ, такое курьезное ученіе, вегетаріанство, но считали его такой нелѣпостью, что не удостаивали даже серьезной критики.

Но въ послѣднее время въ серьезной литературѣ все чаще и чаще начинаютъ появляться примирительные голоса, при чемъ попытка примиренія исходитъ какъ изъ того, такъ и изъ другого лагеря. Вегетаріанцы уже не требуютъ употребленія исключительно растительной пищи, а допускаютъ и животные продукты, какъ молоко, яйца. Эти новые представители вегетаріанства называютъ себя «вегетарійцами» (vegetarier), и производятъ это слово не отъ *vegetatio*—растительность, а отъ *vegetus*—«жизнерадостный».

Съ другой стороны, большинство врачей признало серьезность и важность нѣкоторыхъ положеній вегетаріанства. Для примѣра я приведу слова извѣстнаго клинициста изъ Лейпцига, Шиллинга. Еще въ 1900 году онъ писалъ *): Въ вегетаріанскомъ столѣ азотосодержащія (т.-е. бѣлковыя) вещества уменьшены сравнительно съ безазотной пищей (т.-е. жиромъ и крахмаломъ). Вегетаріанецъ живетъ не на счетъ бѣлка;

*) Schilling. „Kompendium der diätetischen und physik. Heilmethoden". 1900. стр. 112.

а на счетъ жировъ, углеводовъ (крахмала и сахара) и воды, слѣдовательно, онъ тратитъ свои бѣлки тѣла и, такимъ образомъ, теряетъ въ силѣ и выносливости» *). Теперь этотъ же Шиллингъ уже иначе высказывается о вегетаріанствѣ. Онъ говоритъ **): «Составъ вегетаріанской пищи являетъ нѣкоторыя преимущества для обѣна веществъ; она богата водой, солями и кислотами, а клѣтчатка является раздражителемъ при вялой перистальтикѣ (работѣ) кишекъ», и далѣе: «молочно—вегетаріанская діэта, которая часто рекомендуется, какъ хорошій нераздражающій способъ питанія, представляетъ очень удачную комбинацію животныхъ и растительныхъ веществъ». Подобныхъ примѣровъ въ медицинской литературѣ очень много. И во врачебной практикѣ точно также считаются теперь съ вегетаріанской діэтой и во многихъ случаяхъ прописываютъ ее больнымъ.

Такъ мало-по-малу рѣзкая граница между двумя ученіями о питаніи сглаживается; понемногу вегетаріанцы начинаютъ оставлять свой фанатизмъ, а врачи выходятъ изъ научнаго консерватизма. Примиреніе и взаимная поддержка двухъ ученій во имя нахожденія истины начинается, и мы можемъ надѣяться, что такимъ образомъ, дѣйствительно, подвинемся къ рѣшенію вопроса о питаніи человѣка.

Ниже я разберу pro и contra вегетаріанскаго ученія, при чемъ какъ можно объективнѣе постараюсь выставлять выгоды и невыгоды какъ мясной, такъ и растительной пищи.

Первымъ возникаетъ вопросъ, какая пища предписана человѣку самой природой? Создала ли она его для растительной пищи или для животной, или же она создала его всеяднымъ?

Вегетаріанцы, ссылаясь на устройство зубовъ и на зоологическое родство человѣка съ высшими обезьянами, питающимися плодами, утверждаютъ, что человѣкъ, по природѣ своей, есть существо плодоядное. Они говорятъ, что только вслѣдствіе ненасытной жадности и нравственной испорченности человѣкъ сдѣлался всеяднымъ.

Однако, современная наука не придаетъ такой важности отдѣльнымъ видовымъ признакамъ, какъ, напр., строенію зубовъ, какъ то было во времена Кювье. Въ то время считали, что видъ животнаго есть нѣчто постоянное, разъ навсегда созданное и уже не мѣняющееся; поэтому всѣ мелкіе признаки этого вида имѣли большое значеніе. Теперь же на *видъ* животнаго мы смотримъ, какъ на нѣчто временное, преходящее; мы знаемъ, что, по мѣрѣ того, какъ мѣняются внѣшнія условія жизни, животныя постепенно (медленно, черезъ рядъ поколѣній) мѣняютъ свои привычки и свой внѣшній видъ. Но

---

*) Извѣстно, что изъ жировъ и углеводовъ не можетъ образоваться бѣлковъ въ тѣлѣ.

**) Schilling. „Hygiene und Diätetik". 1903. стр. 116 и 118.

внѣшніе признаки и форма животнаго не всегда мѣняются одновременно съ измѣненіемъ образа жизни. Такъ зубы, устроенные для одного образа жизни, могли оказаться пригодными и для другого и потому остаться. Или даже такъ: образъ жизни измѣнился, но зубы не *успѣли* еще измѣниться соотвѣтствующимъ образомъ. Напримѣръ, собаки въ настоящее время всеядны, потому что ѣдятъ кашу и хлѣбъ, хотя по устройству зубовъ они принадлежатъ къ плотояднымъ.

Что касается до того, что человѣкъ ближе всего стоитъ къ плодояднымъ обезьянамъ—то это тоже не можетъ служить доказательствомъ «плодоядной» природы человѣка. Уоллесъ пишетъ: «антропоморфныя (человѣкоподобныя) обезьяны живутъ въ лѣсахъ съ однообразнымъ климатомъ, съ густыми лѣсами и съ обильнымъ плодовымъ кормомъ въ теченіе всего года *)». мы видимъ, слѣдовательно, что подобныя человѣку животныя, но питающіяся плодами, могли сохраниться только тамъ, гдѣ плодовъ много, гдѣ можно выбирать лучшіе и питаться ими въ изобиліи. Только при богатствѣ плодовъ было не опасно среди борьбы за существованіе оставаться плодояднымъ для подобныхъ животныхъ. Въ отдаленныя эпохи наши древнѣйшіе предки тоже жили въ такихъ лѣсахъ, гдѣ питались плодами; но какъ только они стали выходить изъ лѣсовъ и распространялись по землѣ, постепенно превращаясь въ человѣка, они уже не могли оставаться плодоядными; среди полей и горъ, гдѣ труднѣе было достать пищу, изъ нихъ выживали только тѣ, которые научались питаться разнообразной пищей. Можно сказать, что только при томъ условіи, что люди стали всеядными и, стало быть, менѣе стали зависѣть отъ окружающей среды, они могли распространяться по землѣ и побѣдить въ борьбѣ за существованіе другихъ животныхъ.

Теперь мы видимъ, что жители сѣверныхъ странъ, живущіе во льдахъ и тундрахъ, гдѣ нѣтъ овощей и плодовъ, питаются почти исключительно мясомъ. На берегахъ морей люди питаются рыбой. На равнинахъ, засѣянныхъ злаками, человѣкъ превращается, можно сказать, въ зерноядное. Въ южныхъ лѣсахъ, гдѣ изобиліе плодовъ и вегетативныхъ продуктовъ, онъ—плодоядное. Все это доказываетъ только гибкость человѣческой природы, доставившую ему побѣду на землѣ, доказываетъ способность и право человѣка мѣнять свой пищевой режимъ, смотря по условіямъ жизни, и нѣтъ основаній навязывать, вообще «человѣку» опредѣленный, будто бы ему свойственный родъ пищи.

Но теперь возникаетъ слѣдующій вопросъ: хорошо, положимъ, что мясная пища была необходима въ извѣстный періодъ развитія человѣчества и остается необходимой и теперь для нѣкоторыхъ народовъ. Но мы, для которыхъ эта необходимость теперь миновала, которые имѣемъ достаточно плодовъ и овощей, чтобы питаться ими, не должны

---

*) Уоллесъ. „Дарвинизмъ“. Москва, изд. библ. для самообразованія.

ли мы отрѣшиться отъ мяса, какъ отъ пищи вредной, и перейти къ болѣе полезной пищѣ растительной?

Для разрѣшенія этого вопроса мнѣ нужно перейти теперь къ разбору сравнительной вредности и полезности мясной и растительной пищи съ физіологической точки зрѣнія.

Часто утверждаютъ, что мясо ядовито; посмотримъ, въ какой степени это вѣрно. Да, правда: въ мясѣ могутъ находиться ядовитыя вещества. Во первыхъ, въ немъ могутъ образоваться ядовитые продукты разложенія бѣлка, такъ называемые, птомаины. Но доказано, что птомаины могутъ образоваться только подъ вліяніемъ гнилостныхъ бактерій. Правда, мы употребляемъ въ пищу не свѣжее парное мясо только что убитаго животнаго, а мясо уже подвергшееся нѣкоторымъ измѣненіямъ, именно прошедшее процессъ трупнаго окоченѣнія,—но пока бактерій въ такомъ мясѣ еще нѣтъ, нѣтъ основаній подозрѣвать въ немъ птомаины; но какъ только въ немъ начинаются хотя и незначительные процессы гніенія, опасность является, и мы должны избѣгать его.

Во вторыхъ, въ мясѣ могутъ находится различные яды, называемые токсинами и птомаинами, образовавшіеся въ немъ во время жизни животнаго, какъ продукты дѣятельности болѣзнетворныхъ микробовъ. Они встрѣчаются въ мясѣ животныхъ, умершихъ отъ различныхъ болѣзней или убитыхъ больными. Хотя при варкѣ болѣзнетворные микробы погибаютъ, но продукты ихъ дѣятельности—яды не разрушаются высокой температурой и потому такое мясо больныхъ животныхъ остается ядовитымъ во всѣхъ видахъ. Въ маломъ количествѣ эти токсины находятся, можетъ быть, во всякомъ мясѣ, потому-что всякое домашнее животное не совсѣмъ здорово, особенно же тѣ, которыя подвергаются откармливанію...

Наконецъ, въ мясѣ находятся еще другого рода вредныя вещества, и это уже не случайные яды, какъ предыдущіе—а постоянно встрѣчающіеся во всякомъ мясѣ. Это невыдѣленные еще продукты *обмѣна веществъ*. Въ тѣлѣ животнаго происходитъ непрерывное разрушеніе составныхъ частей его тѣла и постепенная замѣна ихъ новыми веществами, образующимися изъ принятой пищи—это происходитъ черезъ посредство мельчайшихъ развѣтвленій кровеносныхъ сосудовъ, которыя пронизываютъ всѣ ткани тѣла мелкой сѣтью. И вотъ, въ моментъ убіенія животнаго, часть этихъ полуразрушившихся веществъ—продуктовъ обмѣна—оказывается еще невыдѣленной въ кровь, она осталась въ тканяхъ и затѣмъ, принятая въ пищѣ, можетъ быть вредной, какъ всякій продуктъ разрушенія бѣлка. Попадая въ организмъ въ малыхъ количествахъ, эти продукты распада (сюда относятся, главнымъ образомъ, лейцинъ и тирозинъ) вреда не представляютъ, п. ч. здоровый организмъ хорошо приспособленъ къ обеззараживанію и выдѣленію небольшихъ количествъ ядовъ, которые всегда находятся

во всякой пищѣ или образуются въ ней во время процесса переваривания. Захватываніе и обезвреживаніе этихъ веществъ лежитъ на обязанности печени, а выдѣляются они затѣмъ черезъ почки. При слишкомъ обильной мясной пищѣ эти органы однако могутъ не справиться съ своей ролью, и часть ядовъ можетъ попасть въ кровь и ткани и тамъ оказать вредное дѣйствіе; сами же эти органы, печень и почки, отъ чрезмѣрной предъявляемой имъ работы могутъ пострадать.

Дѣйствительно, медицинскій опытъ показываетъ, что обильная мясная пища весьма часто служитъ причиной заболѣваній. Она вызываетъ подагру и различные виды артритовъ (болѣзни суставовъ), она предрасполагаетъ къ появленію желчныхъ камней, причиняющихъ сильныя страданія, къ тучности, къ болѣзнямъ печени и почекъ. Понятно также, что мясная пища особенно вредна для людей, уже страдающихъ почему либо печенью или почками.

Изъ того факта, что люди заболѣваютъ отъ чрезмѣрно обильной мясной пищи или отравляются иногда при его употребленіи, вегетаріанцы выводятъ заключеніе, что мясо нужно вовсе исключить изъ пищи. Выводъ—нѣсколько поспѣшный. Отсюда вѣдь только слѣдуетъ, что нужно ѣсть мясо съ осторожностью и въ меньшемъ количествѣ.

При растительной пищѣ опасность заболѣваній не такъ велика. Но и здѣсь все-таки при неосторожномъ или неумѣренномъ употребленіи ея можно пострадать. Такъ извѣстно, что въ картофелѣ при прорастаніи его образуется *соланинъ*, довольно сильный ядъ, вызывающій рѣзкіе симптомы отравленія. Въ мукѣ иногда попадается примѣсь «маточныхъ рожковъ», т.-е. зеренъ, зараженныхъ особымъ грибкомъ, которые вызываютъ припадки «черной корчи», болѣзни, характеризующейся рвотой, судорогами и отмираніемъ и почернѣніемъ пальцевъ ногъ и рукъ. Мы знаемъ, что можно отравиться грибами, или болиголовомъ, по ошибкѣ принятымъ за петрушку и т. д.

Кромѣ того, обильное питаніе растительной пищей можетъ способствовать накопленію въ организмѣ щавелевой кислоты (это, впрочемъ, вопросъ еще не вполнѣ рѣшенный); въ малыхъ количествахъ щавелевая кислота встрѣчается и въ здоровомъ организмѣ, такъ какъ она есть продуктъ обмѣна веществъ; въ большихъ же количествахъ она причиняетъ особую болѣзнь, называемую *оксалуріей*. *Gillespie* *), сообщаетъ, что въ Италіи, гдѣ въ большомъ количествѣ поѣдаются салаты, шпинаты и другія овощи, очень часты случи заболѣванія оксалуріей.

Очевидно, опасность заключается не въ употребленіи той или другой пищи, а въ неумѣренномъ употребленіи какой бы то ни было пищи.

---

*) „Centralblatt für innere Medicin“, 1896.

Разобравъ ядовитость пищи, я обращаюсь къ слѣдующему вопросу,—къ ея возбуждающему дѣйствію на организмъ.

Мясная пища сильнѣе возбуждаетъ организмъ, чѣмъ растительная. Это зависитъ отъ присутствія въ мясѣ, такъ называемыхъ, экстрактивныхъ веществъ, напримѣръ: *озмазона*, дѣйствующаго на вкусовые нервы, затѣмъ *креатина* и *креатинина*, обладающихъ возбуждающимъ дѣйствіемъ на центральную нервную систему. При жареніи иваркѣ образуется еще больше подобныхъ возбуждающихъ веществъ, которыхъ составъ еще не вполнѣ изученъ. Извѣстно, что бульонъ, напримѣръ, обладаетъ значительнымъ возбуждающимъ дѣйствіемъ; онъ не только дѣйствуетъ на обонятельные и вкусовые нервы, вызывая аппетитъ, но способствуетъ также усиленному отдѣленію слюны и желудочнаго сока, какъ показали опыты Павлова. Кромѣ того, бульонъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ и на сердце. Такимъ же образомъ дѣйствуютъ въ большей или меньшей степени и другія мясныя блюда.

Считать ли это возбуждающее дѣйствіе мяса за выгоду или за недостатокъ? Вегетаріанцы считаютъ его за большой вредъ и видятъ въ этомъ одну изъ причинъ, почему нужно исключить мясо изъ пищи. Но, если мы разсмотримъ этотъ вопросъ ближе, мы увидимъ, что эти возбуждающія экстрактивныя вещества, которыми мясная пища такъ богата по сравненію съ растительной, суть прежде всего вещества *вкусовыя*, т.-е. вещества, возбуждающія органы обонянія и вкуса, усиливающія отдѣленіе слюны и пищеварительныхъ соковъ,—однимъ словомъ, это суть вещества, подготовляющія организмъ къ возможно полному и энергичному использованію вводимой пищи. Давно уже ученые физіологи пришли къ убѣжденію, что *вкусовое ощущеніе, получаемое отъ пищи, имѣетъ не менѣе важное значеніе, чѣмъ питательность.* Пища можетъ быть очень питательна, но если она не обладаетъ достаточно выраженнымъ вкусомъ или запахомъ пріятнымъ для человѣка, то питательность ея въ значительной степени пропадаетъ безъ пользы.

Но, кромѣ этого спеціальнаго возбужденія пищеварительныхъ способностей, мясо, какъ мы видѣли, имѣетъ еще общее возбуждающее дѣйствіе на нервные центры. Этимъ оно отчасти уподобляется чаю, кофею и другимъ возбуждающимъ веществамъ. Путешественники разсказываютъ, что дикіе мясоядные кочевники способны поглощать громадныя количества мяса и послѣ этого впадаютъ въ состояніе опьяненія, характеризующееся вначалѣ возбужденіемъ, а потомъ сонливостью; совершенно то же, говорятъ, бываетъ съ хищными животными. Такъ, мясо дѣйствуетъ въ большихъ количествахъ; но и при малыхъ количествахъ, хотя и не такъ замѣтно, должно быть нѣкоторое возбуждающее дѣйствіе.

Я здѣсь разберу сперва, какое значеніе имѣютъ, вообще, всякія возбуждающія вещества для человѣка. Вегетаріанцы отрицаютъ всѣ

вообще возбуждающія вещества, они говорятъ, что нужно исключить изъ пищи и чай, и кофе и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, не ужасно ли это, что люди принимаютъ эти вещества, содержащія сильные яды, такъ называемые, алколоиды? Происходитъ медленное отравленіе людей, которое, если сказывается и не смертью и не рѣзкими симптомами, то постояннымъ возбужденіемъ, могущимъ перейти въ нервное разстройство... И изъ-за чего люди стремятся къ этому возбуждающему яду? Только потому, что это пріятно...

Однако, физіологическое наблюденіе и размышленіе заставляютъ насъ придти къ убѣжденію, что мы считаемъ пріятнымъ, вкуснымъ, привлекательнымъ именно то, къ чему мы должны стремиться въ силу запросовъ своей природы. Стремясь къ привлекательному, мы безсознательно слушаемся голоса природы, ведущаго насъ къ необходимому. Поэтому можно думать, что есть болѣе важныя внутреннія причины, почему люди отравляютъ себя алколоидами.

Въ самомъ дѣлѣ, возбуждающія вещества извѣстны по всей землѣ и употреблялись во всѣ времена и всѣми людьми. Въ Азіи пьютъ *чай* и *кофе*, содержащія алколоидъ *кофеинъ*. Въ Америкѣ въ ходу жеваніе листьевъ *кока*, содержащихъ алколоидъ *кокаинъ*, *гуарона* и *парагвайскій чай*, содержащіе оба *кофеинъ*. Кромѣ того, еще шеколадъ или какао, содержащіе алколоидъ *теоброминъ*. Въ Африкѣ туземцы жуютъ листья *кола*, тоже содержащіе *кофеинъ*, и *катъ*, другое возбуждающее ядовитое растеніе. Къ подобнаго рода возбуждающимъ можетъ быть, нужно отнести еще *табакъ* съ алколоидомъ *никотиномъ*, *опіумъ*, содержащій *морфинъ* и нѣкоторыя другія.

Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы всѣ люди и во всѣ времена поступали противно своей природѣ. Наоборотъ, нужно допустить, что необходимость отравленія алколоидами связана съ природой человѣка.

Безъ раздраженій нѣтъ дѣятельности; вся наша дѣятельная жизнь есть рядъ отвѣтныхъ реакцій на рядъ происходящихъ или происшедшихъ внѣшнихъ раздраженій, или, какъ говорятъ, импульсовъ. И нервная система для своей дѣятельности должна получать рядъ импульсовъ; но съ тѣхъ поръ, какъ появилось на землѣ разумное существо, у котораго дѣятельность нервной системы должна была замѣнить дѣятельность внѣшнихъ органовъ,—эта нервная система стала такой сложной, такой самостоятельной, какъ бы отдѣльно отъ другихъ органовъ существующей, что раздраженія изъ внѣшняго міра, идущія черезъ внѣшніе органы, не всегда достаточны для вызова къ дѣятельности всей нервной системы.

У животныхъ мы видимъ другое. Тамъ нервная система играетъ служебную роль по отношенію ко всему; она находится въ тѣсной связи

и съ внѣшними органами потому что вся ея задача состоитъ только въ завѣдываніи дѣятельностью этихъ органовъ. Поэтому тѣ внѣшнія раздраженія, которыя проходятъ черезъ органы, оказываются достаточными для вызова къ дѣятельности всей нервной системы сполна.

У человѣка же, кромѣ той части нервной системы, которая связана непосредственно съ органами, которая завѣдуетъ непосредственно дѣятельностью органовъ, есть еще нѣкоторый остатокъ, нѣкоторая самостоятельная часть, такъ называемыя, высшіе психическіе центры; ихъ задача—не управлять дѣятельностью какихъ либо внѣшнихъ органовъ, а производить самостоятельную работу, какъ бы замѣнять дѣятельность несуществующихъ у человѣка органовъ *). До этихъ высшихъ центровъ внѣшнія раздраженія доходятъ только косвенно и не всегда въ достаточной степени.

Такъ вотъ, вѣроятно, для того, чтобы подбадривать работу этихъ самостоятельныхъ центровъ, до которыхъ не доходятъ обыкновенныя раздраженія, и служатъ малыя дозы алколоидовъ, которые инстинктивно, съ незапамятныхъ временъ и во всѣхъ частяхъ свѣта, употребляются человѣкомъ. Они дѣлаютъ его способнымъ переносить легче лишенія и совершать большую работу **): является возможность использовать въ жизни тѣ запасы энергіи, которые иначе пропали бы даромъ.

Можетъ быть—хотя предполагать это и нѣтъ основаній—человѣкъ проживетъ при этомъ немного меньше... Но вѣдь дѣло не въ томъ, проживемъ ли мы 60 лѣтъ или 61 годъ,—а въ томъ, чтобы въ жизни своей мы проявили бы наивысшее количество энергіи.

Итакъ, ядовитые алколоиды даны природой на пользу человѣка.

Но это средство, какъ огонь, дано *только* человѣку—оно гибельно и смертельно для *животнаго*. Пока человѣкъ остается человѣкомъ, и огонь и ядъ ему служатъ для удивительныхъ и чудесныхъ вещей, но какъ только онъ теряетъ свои человѣческія свойства—самосознаніе и самокритику и приближается къ состоянію животнаго — этотъ ядъ, какъ и огонь, начинаетъ производить опустошенія. Природа довѣряетъ человѣку пользованіе алколоидами, и человѣкъ не долженъ злоупотреблять этимъ довѣріемъ.

Необходимо еще прибавить, что спиртные напитки не относятся

---

*) Животныя по дѣятельности своихъ внѣшнихъ органовъ стоятъ выше человѣка: они лучше видятъ, лучше слышатъ, быстрѣе бѣгутъ. Человѣкъ ихъ побѣждаетъ, однако, но побѣждаетъ не внѣшними органами, п. ч. они у него хуже, а именно дѣятельностью той самостоятельной нервной системы, которая замѣняетъ у него работу несовершенныхъ органовъ.

**) Индѣйцы, напримѣръ, утверждаютъ, что жуя листья *кока*, они уменьшаютъ потребность въ ѣдѣ и дѣлаются гораздо работоспособнѣе.

къ разобраннымъ здѣсь возбуждающимъ ядамъ. Они не обладаютъ, какъ эти послѣдніе, свойствомъ возбуждать высшіе психическіе центры; они наоборотъ, угнетаютъ ихъ и возбуждаютъ такъ называемые двигательные центры, т.-е. какъ разъ тѣ, которые завѣдуютъ внѣшними органами, которые, слѣдовательно, связаны съ ними и не нуждаются въ спеціальномъ возбужденіи, какъ я выше доказывалъ. Правда, можетъ быть, и временное угнетеніе высшихъ центровъ играетъ какую-нибудь роль въ общемъ ходѣ жизни — я здѣсь не буду этого разбирать, но, во всякомъ случаѣ, дѣйствіе спиртныхъ напитковъ оказывается совершенно противоположнымъ дѣйствію возбуждающихъ алколоидовъ (чая, кофе и др.).

Итакъ, въ умѣренномъ возбуждающемъ дѣйствіи мяса (происходящее, вѣроятно, отъ содержанія креатина и креатинина) на высшіе нервные центры нужно видѣть выгодную сторону этой пищи.

Но съ другой стороны, для людей съ разстроенными нервами и вообще для страдающихъ повышенной раздражительностью нервной системы потребленіе мяса, какъ и вообще возбуждающихъ веществъ должно быть ограничено. Дѣйствительно, многіе факты показываютъ, что люди, страдавшіе неврастеніей или подобными разстройствами излѣчивались при переходѣ на вегетаріанскую пищу, болѣе мягкую и спокойную. Когда нервы перераздражены, то имъ необходимъ отдыхъ, какъ нуженъ отдыхъ утомленному отъ работы человѣку. Но никто вѣдь не будетъ утверждать, что, вообще, отдыхъ нужно предпочесть работѣ?

Слѣдующій пунктъ сравненія между животной и растительной пищей касается содержанія въ нихъ солей.

Въ обществѣ значеніе солей въ пищѣ совершенно упускается изъ виду и «питательной» преимущественно называется такая пища, которая содержитъ много бѣлковъ и углеводовъ. Впрочемъ и врачи еще очень часто отожествляютъ питательность съ содержаніемъ бѣлковъ. Въ продажѣ существуетъ цѣлый рядъ «питательныхъ препаратовъ», рекомендуемыхъ врачами, какъ «плазмонъ», «санатогенъ» и др., «питательность» которыхъ оцѣнивается процентнымъ содержаніемъ въ нихъ бѣлка. Между тѣмъ еще Либихъ, великій физіолого-химикъ середины прошлаго столѣтія, сказалъ, что питаться бѣлками и углеводами безъ солей значитъ питаться камнями. Съ тѣхъ поръ вопросъ о значеніи солей много разбирался въ наукѣ: Форстеръ, Кёппе и Ламанъ разрабатывали его.

Фойтъ, Молешотъ и Петенкоферъ, все знаменитые физіологи, установили цѣлымъ рядомъ опытовъ и наблюденій, какое количество пищи въ сутки нужно съѣсть среднему человѣку при средней работѣ, чтобы сохранить равновѣсіе силъ. Они нашли, что для этого нужно (въ круглыхъ цифрахъ): бѣлка—130 грамм., жира — 70 грамм.,

углеводовъ — 350 грамм., кромѣ того, солей — 30 грамм. и воды — 2.500 граммовъ.

На основаніи этихъ данныхъ, проф. Кенигъ составилъ, такъ сказать, примѣрное меню ежедневной пищи, а именно: 500 грамм. хлѣба, 260 гр. мяса, 250 гр. молока, 250 гр. муки (въ кушаньи), 300 грамм. картофеля, 150 гр. зеленаго горошка (или другой зеленой овощи) 30 гр. масла *). Въ этомъ количествѣ пищи находится бѣлковъ, жировъ и углеводовъ столько, сколько требуется по Фойту и Петенкоферу; столько же этихъ веществъ содержится въ 3.500 грамм. молока, такъ что съ этой стороны пища Кенига кажется какъ бы нормальной. Но если мы сравнимъ содержаніе солей ея съ солями молока—то замѣтимъ громадную разницу; именно, мы найдемъ большой недостатокъ солей натрія и кальція. Чтобы возмѣстить этотъ недостатокъ, Ламанъ совѣтуетъ прибавлять къ пищѣ больше овощей и фруктовъ, которые содержатъ много солей натрія и кальція. Ламанъ поэтому предлагаетъ такое примѣрное меню: 200 гр. хлѣба, 180 гр. мяса, 250 гр. молока, 100 гр. муки, 650 гр. овощей, по преимуществу зеленыхъ, 300 грамм. фруктовъ и 30 гр. масла.

Такимъ образомъ несомнѣннымъ преимуществомъ растительной пищи является большее содержаніе въ нихъ необходимыхъ человѣку солей, въ особенности—натріевыхъ и кальціевыхъ. Въ животной пищѣ соли находятся преимущественно не въ мясѣ, а въ крови; и такъ какъ кровь почти не употребляется въ пищу то эти соли пропадаютъ.

Мы еще не знаемъ, какое значеніе имѣютъ эти соли пищи для нашего организма. Нужны ли она какъ думаетъ Кеппе для облегченія осмоса пищи, т.-е. для болѣе легкаго проникалія ея черезъ перепонки въ тѣлѣ, или же, какъ думаетъ Пашутинъ, соли въ пищѣ нужны только потому, что безсольная пища выщелачиваетъ соли изъ тканей нашего тѣла? Или же, какъ предположилъ Ламанъ (и мы склоняемся къ этой послѣдней мысли) онѣ служатъ для того же, для чего служатъ бѣлки, жиры и углеводы, т.-е. онѣ нужны для построенія тканей нашего тѣла, для обновленія стараго отжившаго матеріала. До сихъ поръ думали, что соли, входящія въ составъ нашихъ органовъ, не нуждаются въ обновленіи; что, какъ онѣ съ самаго начала построенія органовъ засѣли въ опредѣленныхъ мѣстахъ, так онѣ тамъ и остаются неизмѣнно, несмотря на то, что кругомъ всѣ другія составныя части тѣла—бѣлки, жиры и т. д. непрерывно обновляются. Ламанъ очень правильно указалъ, что и соли черезъ нѣкоторое время должны быть выведены и замѣнены другими: онѣ какъ бы истрачиваютъ свою «жизненность».—Для насъ физіологовъ, очень опасно ссылаться на «жизненность», потому что это слово выражаетъ нѣкоторое

*) 1 граммъ=0,234 золотн., 400 грамм. приблизительно равно 1 фунту.

темное качество живой ткани, которымъ при желаніи можно объяснить все непонятное и на этомъ успокоиться и не искать дальнѣйшихъ разрѣшеній... Но я все-таки привожу это слово здѣсь. Пусть оно обозначаетъ только нѣкоторые, пока еще не разъясненные, процессы, происходящіе съ этими солями.

Я, между прочимъ, коснусь здѣсь еще вопроса, нельзя ли замѣнить недостающія натровыя соли пищи простой поваренной солью?

На основаніи нѣкоторыхъ соображеній и опытовъ нужно думать, что замѣнить соли, входящія въ составъ нашей пищи, прибавленіемъ обыкновенной «мертвой» поваренной соли нельзя. Въ лабораторіи Бунге (въ Юрьевѣ) докторъ Лунинъ произвелъ слѣдующій опытъ: онъ кормилъ одну партію крысъ пищей, совершенно лишенной солей (соли были нарочно выдѣлены), другую партію такою же лишенною солей пищей, къ которой потомъ искусственно были прибавлены нужныя соли, химически полученныя. Какъ первая, такъ и вторая партія крысъ погибла. Слѣдовательно, искусственно прибавленныя соли не могутъ замѣнить тѣхъ солей, которыя естественно должны входить въ составъ ея, потому что пища съ такими искусственными солями такъ же не способна поддерживать жизнь животнаго, какъ и пища, вовсе лишенная солей. Бунге говоритъ по поводу этого слѣдующее: «вѣроятно, неорганическія вещества въ пищѣ находятся въ нѣкоторой химической связи съ органическими составными частями ея и только въ такомъ видѣ могутъ быть усвояемы». Съ другой стороны, если бы поваренная соль употреблялась для замѣны недостающихъ солей пищи, то ее слѣдовало бы употреблять преимущественно при животной пищѣ, такъ какъ растительная содержитъ достаточно солей. На самомъ дѣлѣ мы видимъ обратное. Поваренная соль употребляется преимущественно растительноядными племенами. Путешественники сообщаютъ, что въ центральной Африкѣ нѣкоторыя негрскія племена питаются преимущественно растительной пищей, и они до того жадны до поваренной соли, что послѣдняя почитается у нихъ за лучшее лакомство. Нерѣдко приходилось видѣть маленькихъ негритятъ съ большимъ пузомъ, на тонкихъ ножкахъ, которые держали въ черныхъ рученкахъ кусокъ каменной соли и грызли ее съ жадностью, какъ наши дѣти грызутъ шоколадъ. Мясоядныя племена, наоборотъ, иногда вовсе обходятся безъ соли. То же самое мы видимъ на примѣрѣ животныхъ. Извѣстно, что травоядный скотъ очень любитъ поваренную соль и ему обыкновенно примѣшиваютъ ее къ сѣну. Плотоядныя же никогда не ѣдятъ ея.

Впрочемъ, вопросъ о томъ, для чего служитъ поваренная соль въ нашей пищѣ, можетъ ли она усваиваться организмомъ или это есть только вкусовое средство—остается еще нерѣшеннымъ. И, вообще, не рѣшенъ еще вопросъ, могутъ ли неорганическія соли однѣ, не соеди-

ненныя химически съ органическими веществами, служить для построенія тканей? Растительный организмъ, какъ извѣстно, можетъ «усваивать» неорганическія соли прямо изъ земли, но можетъ ли то же и животный организмъ? Хотя опыты Лунина и доказываютъ, что неорганическія вещества, примѣшанныя къ пищѣ, не усваиваиваются, но съ другой стороны я, долженъ сказать, что эти опыты были повторены въ лабораторіи Пашутина докторомъ Садовенемъ и дали тамъ другіе результаты: у него крысы выживали...

Нужно теперь разобрать еще, въ чемъ растительная пища отличается отъ животной по своему дѣйствію на пищеварительные органы.

Въ прежнее время придавали большое значеніе содержанію бѣлковъ въ пищѣ. Еще Либихъ, хотя и указалъ первый на важное значеніе солей въ пищи, видѣлъ всю цѣнность пищи въ бѣлкахъ, и послѣ него, какъ мы уже упоминали «питательность» пищи всегда отожествлялась съ содержаніемъ бѣлковъ. Что касается до содержанія бѣлковъ, то мясо, конечно, богаче бѣлками, чѣмъ растительные продукты. Въ мясѣ бѣлковъ находится до 25%, въ хлѣбѣ же ихъ около 10%, а въ овощахъ всего 3—5%; только въ бобахъ и горохѣ бѣлковъ приблизительно столько же, какъ и въ мясѣ—но эти бѣлки хуже усваиваются, чѣмъ мясные. Мясные бѣлки усваиваиваются гораздо лучше кишечникомъ, чѣмъ растительные. Изъ съѣденныхъ бѣлковъ мяса выдѣляется невсосанные только около 3-хъ процентовъ, тогда какъ изъ бѣлка гороха не всасывается до 20%; изъ бѣлка хлѣба—до 20—30%; а бѣлокъ чечевицы, которая такъ рекомендуется вегетаріанцами для замѣны мяса, усваивается только въ размѣрѣ 60%, слѣдовательно 40% выдѣляется невсосанными. Съ современной точки зрѣнія однако это не имѣетъ такого значенія, потому что кромѣ бѣлковъ есть еще и другія столь же важныя и необходимыя составныя части пищи, которыхъ въ мясѣ нѣтъ, а есть въ растеніяхъ, какъ соли, растительныя кислоты, углеводы. Даже такія на первый взглядъ ненужныя части растеній, какъ клѣтчатка, которая, вовсе не перевариваясь, цѣликомъ выдѣляется изъ организма, оказывается необходимой: она, служа какъ бы остовомъ принятой пищѣ, разрыхляетъ ее и кромѣ того своимъ треніемъ возбуждаетъ кишечникъ къ болѣе энергичной дѣятельности. При отсутствіи этого возбужденія кишечникъ дѣлается вялымъ; такъ, при преимущественно мясной пищѣ, люди обыкновенно страдаютъ запорами.

Итакъ я заканчиваю разборъ пищи съ физіологической точки зрѣнія, изъ котораго должно быть ясно, что въ одномъ отношеніи мясная пища является выгоднѣе растительной, въ другомъ наоборотъ. Слѣдовательно, съ *физіологической* точки зрѣнія нѣтъ основаній къ тому, чтобы предпочесть одинъ родъ пищи и отвергать другой. Наоборотъ, исключительное употребленіе какъ той, такъ и другой пищи должно считаться невыгоднымъ для организма. Исключительно мяс-

ная пища непомѣрно разстраиваетъ нервную систему, заполняетъ организмъ мочевой кислотой и другими продуктами распада, вызывающими различныя болѣзни, утомляетъ печень и почки; къ тому же она не содержитъ всѣхъ необходимыхъ питательныхъ веществъ и вызываетъ вялость кишечника; наконецъ, она легче застаивается въ кишечникѣ и даетъ вредные ядовитые продукты разложенія.

Исключительно растительная пища не обладаетъ достаточно сильнымъ вкусовымъ эффектомъ; вслѣдствіе незначительнаго содержанія усвояемыхъ составныхъ частей, она должна быть принята въ очень большихъ количествахъ, что непомѣрно переутомляетъ и растягиваетъ желудочно-кишечный аппаратъ (у растительноядныхъ народовъ всегда большіе животы).

Конечно, нельзя сомнѣваться, что черезъ рядъ поколѣній человѣкъ могъ бы вполнѣ приспособиться какъ къ исключительно растительной пищѣ, такъ и къ исключительно животной. Вѣдь на примѣрѣ животныхъ мы видимъ, что и то и другое возможно. Но, какъ при той, такъ и при другой крайности, потребовалось бы гораздо большая затрата энергіи со стороны организма спеціально для процессовъ усвоенія пищи; пришлось бы вырабатывать разныя приспособленія; въ одномъ случаѣ увеличить и усилить печень и почки, въ другомъ желудочно-кишечный аппаратъ (какъ напр., у травоядныхъ животныхъ: 4 желудка и 20-ти саженная кишка). Но все это невыгодно отразится на человѣкѣ, ибо ему нѣтъ разсчета тратить свою жизненную энергію на изощреніе животныхъ способностей: онъ не превзойдетъ жвачныхъ животныхъ въ искусствѣ переваривать дерево, и хищныхъ— въ способности переварить въ сутки пудъ мяса; между тѣмъ онъ упуститъ развитіе другихъ способностей, чисто человѣческихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ на земной шаръ: мы видимъ здѣсь цѣлый рядъ организмовъ, одни ѣдятъ мясо, другіе траву, третьи и то и другое... и видимъ, что только послѣдніе, которые избѣгли крайностей той и другой пищи, достигли до совершенства. Смѣшанная ли пища ихъ довела до этого—это вопросъ другой,—но, во всякомъ случаѣ она не помѣщала этому. Односторонняя-ли пища помѣщала коровамъ или волкамъ выдвинуться въ эволюціи—я не знаю, но, во всякомъ случаѣ, она этому нисколько не способствовала.

Вегетаріанцы утверждаютъ, что растительная пища дѣлаетъ человѣка болѣе выносливымъ и терпѣливымъ при физической работѣ. Въ доказательство приводятся спортсменскія состязанія, гдѣ побѣдителями оказываются большею частью вегетаріанцы; но они оказываются побѣдителями, главнымъ образомъ, въ такихъ состязаніяхъ, гдѣ требуется продолжительное напряженіе, напимѣръ, при гонкахъ на далекія разстоянія. Тамъ же, гдѣ требуется сильный подъемъ и

мгновенный сильный разрядъ энергіи, они оказываются на второмъ планѣ, какъ напримѣръ, при гонкахъ на короткія разстоянія, гдѣ все дѣло въ скорости, а не въ выносливости. Если это и вѣрно, можетъ быть, то я не знаю все-таки, что лучше? Пожалуй, болѣе привлекательно второе, т.-е. способность производить работу, если и не долгое время, но зато энергично, сильно, страстно. Но, можетъ быть, первое, т.-е. способность къ медленной, постепенной, но упорной работѣ, полезнѣе? Я не берусь рѣшить этого.

Возбуждающему дѣйствію мяса (которое мы выше разбирали) вегетаріанцы приписываютъ свойство дѣлать человѣка злымъ и жестокимъ; поэтому мясоѣденіе должно дѣлать изъ людей злодѣевъ. Я не знаю, дѣлаетъ ли вегетаріанство людей добрыми, но я могу привести въ примѣръ эскимосовъ и нѣкоторыя другія племена, которые питаются почти исключительно животной пищей, и, несмотря на это, кротки и миролюбивы; съ другой стороны, какъ сообщаетъ Розенгеймъ, баварскіе дровосѣки питаются почти только растительной пищей и имѣютъ дикіе нравы.

Не пища дѣлаетъ людей добрыми или злыми, а жизнь.

II.

Съ научнымъ безпристрастіемъ старались мы разобрать человѣческую пищу съ точки зрѣнія ея пользы для тѣла. Теперь переходимъ къ совершенно другой области, къ разбору того, какое значеніе имѣетъ пища и, главнымъ образомъ, мясная пища, для «духа».

Исключительно этой точкой зрѣнія руководствовались всѣ древніе мужи, когда думали о пищѣ и предлагали реформы ея. Этимъ руководствовались и въ дальнѣйшемъ всѣ великіе представители человѣчества, когда они, на основаніи своихъ размышленій, приходили къ необходимости исключать мясо изъ пищи, или инымъ путемъ ограничить свою ѣду. «Воздержаніе въ пищѣ и питьѣ—постъ—всегда и вездѣ составляло одно изъ основныхъ требованій нравственности»—говоритъ Влад. Соловьевъ. Менѣе всего они всѣ думали о томъ, чтобы это воздержаніе было для нихъ «здоровѣе».

Человѣку положена какая-то цѣль отъ природы, куда ему нужно идти... люди не видятъ этой цѣли, но она имъ неясно представляется въ видѣ «божества», которое бываетъ различно, смотря по степени развитія человѣчества. Никто не знаетъ, какъ дойти до этой цѣли, и только смутно чувствуется иногда, что путь къ ней есть удаленіе отъ животной природы; поэтому тѣ изъ людей, въ которыхъ влеченіе къ этой цѣли смѣло выражено, инстинктивно тяготятся своей животной природой. «Мы должны жить не для нашего тѣла, а какъ бы невольно считаясь съ нимъ»—говоритъ Сенека. Горя нетерпѣніемъ дойти до этой цѣли, до божества, нѣкоторые люди выбираютъ крат-

чайшій, по ихъ мнѣнію, путь: они ограничиваютъ свои животныя потребности и, такимъ образомъ, надѣются насильно оторвать себя отъ животной природы.—Такимъ образомъ, воздержаніе въ пищѣ, отвлеченіе главнаго вниманія жизни отъ пищи считается за дорогу къ достиженію божества. «Довольствуясь малымъ, говоритъ Сократъ, мы болѣе всего становимся богами, потому—что боги ни въ чемъ не нуждаются».

Хотя эта дорога не есть еще абсолютно вѣрная; хотя, идя по ней дальше, мы можемъ придти къ вырожденію, потому-что наше нынѣшнее тѣло есть тотъ коконъ, въ которомъ намъ можетъ быть удастся воспитать въ будущемъ истиннаго человѣка; разрывая же коконъ мы не ускоряемъ выхода бабочки, а только губимъ ее, тѣмъ не менѣе, она близка къ истинѣ.

Физіологія и медицина уже доказали вредъ излишняго питанія, которое, къ сожалѣнію, встрѣчается такъ же часто, какъ недостаточное питаніе. При излишнемъ питаніи вся пища поступаетъ въ кровь. Но въ дѣло идетъ только та часть, которая отвѣчаетъ окислительной способности крови и тканей, вся же остальная часть продолжаетъ циркулировать въ крови въ качествѣ балласта, и для разрушенія и удаленія этого вреднаго балласта требуется экстренная затрата накопленныхъ жизненныхъ силъ; т.-е. излишекъ пищи опять уничтожаетъ часть той энергіи, которая была пріобрѣтена окислившейся и пошедшей въ дѣло частью пищи; эта напрасная сизифова трата энергіи идетъ за счетъ необходимыхъ для организма силъ. Мы наблюдаемъ, такимъ образомъ, парадоксальный фактъ, что *организмъ голодаетъ вслѣдствіе избытка пищи*. Тучность есть одинъ изъ результатовъ излишняго питанія; и въ настоящее время тучность съ медицинской точки зрѣнія считается за *слѣдствіе ослабленія тканей тѣла*, т. е. слѣдствіе голоданія отъ избытка питанія...

Конечно, организмъ можетъ постепенно пріучиться къ тому, чтобы часть своихъ силъ тратить на разрушеніе циркулирующихъ въ крови питательныхъ веществъ. Въ результатѣ получается какъ будто бы потребность поглощать излишнее количество пищи. И дѣйствительно, люди много ѣдящіе и, между прочимъ, болѣющіе отъ этого (напр. тучные), имѣютъ громадный аппетитъ. Но этотъ аппетитъ уже не есть нормальный физіологическій призывъ, а явленіе патологическое. И нужно отучить себя отъ него—подвергая себя на нѣкоторое время страданіямъ голода...

Медицинское наблюденіе и физіологическіе опыты показываютъ далѣе, что, напримѣръ, половая способность сильно понижается при обильной пищѣ: это тоже служитъ указаніемъ на то, что, вообще, жизненность организма падаетъ. Современная физіологія подтверждаетъ Плутарха, который говоритъ: «умъ и мыслительная способность тупѣютъ отъ пресыщенія и тучности».

Слѣдовательно стремленіе къ умѣренности въ пищѣ имѣетъ несомнѣнно оправданіе; мы видимъ, что человѣкъ часто безсознательно домогается того, что требуется ему въ силу необходимости его природы.

Но почему это ограниченіе пищи прежде всего обращается на мясо?

Во первыхъ, потому, что мясо есть по многимъ причинамъ самая привлекательная пища, какъ выше было разобрано, и потому увлеченіе мясомъ всего легче и опаснѣе. Въ борьбѣ съ излишествомъ мясо казалось самымъ серіознымъ непріятелемъ, и потому противъ него были двинуты главныя силы убѣжденія.

Во вторыхъ, здѣсь замѣшаны другія, этическія соображенія; здѣсь вплетается вопросъ о томъ, дозволено ли человѣку лишать жизни подобныхъ себѣ животныхъ существъ?

«Не поднимай руки противъ брата твоего и не проливай крови никакихъ живыхъ существъ, населяющихъ землю,—ни людей, ни домашнихъ животныхъ, ни звѣрей, ни птицы; въ глубинѣ твоей души вѣщій голосъ тебѣ запрещаетъ ее проливать, ибо кровь—это жизнь, а жизнь ты не можешь вернуть». (Ламартинъ).

Великіе умы, размышляя о жизни, проникаются любовію къ жизни— и прежде всего эта любовь выражается въ любви къ *формамъ* жизни. Я не могу устоять, чтобы не привести слова Плутарха, въ которыхъ такъ тепло слышится трогательныя любовь къ этимъ формамъ жизни, т.-е. къ животнымъ: «Ничто не приводитъ насъ въ смущеніе: ни замѣчательная красота безпомощныхъ животныхъ, которыхъ мы убиваемъ для пищи, ни жалобные ласковые звуки ихъ голоса, ни ихъ умственныя способности. Единственно изъ за куска ихъ мяса мы лишаемъ ихъ лучезарнаго солнечнаго свѣта, жизни, для которой они рождены».

Какъ рѣшить этотъ вопросъ?

Здѣсь мы покидаемъ поле науки и объективныхъ изслѣдованій и переходимъ въ область субъективныхъ убѣжденій каждаго. Здѣсь возможны долгіе убѣжденные споры, которые не приведутъ къ рѣшенію вопроса, потому-что тамъ гдѣ говорятъ чувства, тамъ нѣтъ взаимнаго согласія. Мы можемъ привести только нѣсколько соображеній, которыя также вызовутъ, можетъ быть, на дальнѣйшее размышленіе.

Убійство нельзя оправдывать и смерть есть зло—это положенія, которыя мы усвоили себѣ еще съ молокомъ матери.

Но чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что убійства происходили и происходятъ съ тѣхъ поръ, какъ существовала жизнь? Ни одно животное и даже растеніе не могло прожить, не совершивъ для поддержанія своей жизни ряда убійствъ.

Что же такое смерть? Если мы обратимъ вниманіе на теченіе жизни съ самаго начала появленія ея на землѣ до нашихъ дней, мы увидимъ, что ни одинъ моментъ жизни не возможенъ безъ сопровождающей ее

смерти. Постоянно, при появленіи однихъ организмовъ, мы видимъ вытѣсненіе и смерть другихъ. Безъ этого не могла бы возникнуть новая жизнь, жизнь не могла бы обновляться.

Смерть не есть уничтоженіе жизни, она уничтожаетъ только данную форму жизни, давая ей возможность вылиться въ другой, болѣе совершенной формѣ. Жизнь вѣчна въ своемъ количествѣ. Если произошло убійство налѣво, то это значитъ, что возникла новая жизнь направо.

Смерть есть благодѣяніе для жизни, потому что она обновляетъ ее.

Слѣдовательно убійство какъ таковое, какъ причиненіе смерти не есть еще зло. Но можетъ быть убійство есть зло какъ насиліе, какъ высшее проявленіе порабощенія, какъ лишеніе индивидуальности?

Въ самомъ дѣлѣ, порабощеніе, т.-е. попраніе индивидуальности и эксплоатація въ свою пользу животныхъ—это зло. Сюда относится и то, что мы зашнуровываемъ свободныхъ лошадей и заставляемъ ихъ дѣлать только то, что мы хотимъ; и то, что мы «приручаемъ» т.-е. лишаемъ индивидуальной воли собакъ и держимъ ихъ на цѣпяхъ; и то что мы ускоряемъ смерть быковъ и барановъ и ѣдимъ ихъ тѣла... Жизнь богата и разнообразна въ своемъ проявленіи и въ своихъ формахъ, и человѣкъ ограничиваетъ это богатство формъ тѣмъ, что ослабляетъ и уничтожаетъ жизнь животныхъ.

Но можетъ быть обезличиваніе животнаго міра оправдывается тѣмъ, что природа какъ бы жертвуетъ богатствомъ формъ жизни въ пользу концентраціи ея... она жертвуетъ одними представителями жизни, чтобы вырастить себѣ другихъ, болѣе жизненныхъ?

Ник. Пэрна.

МЕЛЬНИЦА.

(Emile Verhaeren. «Les Soirs»).

Подъ небомъ сумрачнымъ, проникнутымъ печалью,
Устало движутся два мельничныхъ крыла,—
Понуро, медленно... Сѣрѣетъ ночи мгла;
Печальны взмахи крылъ надъ безпріютной далью!
Съ утра волочатся тѣ крылья,—двѣ руки!—
Вздымаясь, падая съ безмолвною мольбою;
И сѣрый парусъ ихъ дрожитъ глухой тоскою...
И все мертво кругомъ, въ объятіяхъ тоски!
Устали облака отъ тягостныхъ скитаній;
Безцвѣтный умеръ день, въ тяжеломъ забытьи,
Вдаль, къ мертвымъ небесамъ, уходятъ колеи;
И въ сонный мракъ слились деревьевъ очертанья.
У ската сѣраго прижались шалаши
Семьею жалкою, оборванной и бѣдной;
И слабый огонекъ висячей лампы мѣдной
Порой дрожитъ въ окнѣ... Ни звуковъ! ни души!
Одни лишь окна тѣ, въ пустынѣ безпредѣльной,
За старой мельницей испуганно слѣдятъ:
Она все движется, и крылья все дрожатъ,
И никнутъ, мертвые, въ усталости смертельной.

Ив. Тхоржевскій.

НЕРВЫ.

Разсказъ Г. Омптеда.

Переводъ съ нѣмецкаго **А. Колокольцовой**.

Я вспоминаю о прошедшемъ, о томъ времени, когда я еще былъ военнымъ. Передо мной встаетъ масса воспоминаній, и изъ нихъ больше всего выдѣляется одно—образъ друга.

Онъ былъ въ томъ возрастѣ, когда долженъ былъ отбывать воинскую повинность, слѣдовательно—моложе меня. Онъ попалъ среди рекрутъ въ мой эскадронъ на льготныхъ условіяхъ и долженъ былъ прослужить годъ. Такимъ образомъ, я узналъ его. Онъ мнѣ бросился въ глаза своими способностями къ верховой ѣздѣ. Длинное плоское бедро, короткая талія и при этомъ что-то мягкое, гибкое во всей посадкѣ; у него было именно все то, что необходимо намъ, кавалеристамъ, для верховой ѣзды.

Я обучалъ рекрутовъ и въ особенности интересовался обученіемъ графа Морзума. Каждый день я его гонялъ на кордѣ, чтобы дать увѣренность его посадкѣ. Наконецъ, весной, я часто сажалъ его на одну изъ своихъ лошадей и ѣздилъ съ нимъ на прогулку. Онъ сдѣлалъ такіе большіе успѣхи, что его нельзя было принять за неопытнаго кавалериста. Конечно, въ сѣдлѣ онъ сидѣлъ совершенно пассивно. Съ нервными и горячими лошадьми онъ умѣлъ хорошо справляться, но ему не удавалось послать лѣниваго или непослушнаго коня. Это достигается только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ верховой ѣзды. Иной этому никогда не научится: верховая ѣзда своего рода искусство.

Во время такихъ прогулокъ, по чуднымъ, тихимъ вечерамъ, когда лошади шли съ опущеннымъ поводомъ, начинали мы разсказывать другъ другу. Я узналъ его семейныя обстоятельства.

Матери у него больше не было. Отецъ сидѣлъ изъ года въ годъ у себя въ замкѣ, въ Восточной Голландіи, и мало заботился о сынѣ, который имѣлъ отъ покойной матери собственное состояніе. Такимъ образомъ, Фрицъ Морзумъ могъ дѣлать, что хотѣлъ.

Я его, конечно, уговаривалъ бросить ученье и остаться у насъ

совсѣмъ. Правда, вначалѣ, я не имѣлъ успѣха. У него, казалось, были другіе планы.

Но однажды, когда мы опять поѣхали верхомъ вмѣстѣ, я спросилъ его:

— Отчего вы не хотите совсѣмъ у насъ остаться? Офицеры васъ съ радостью примутъ въ свой кружокъ. Я уже говорилъ объ этомъ съ командиромъ.

Онъ, кажется, началъ колебаться. Но затѣмъ все-таки отказался. Я послѣ этого, конечно, не возвращался больше къ этому вопросу. У него должны были быть причины на это.

Прошло лѣто, и наступила осень, вмѣстѣ съ маневрами. Но и онѣ прошли, и льготные солдаты были отпущены. При прощаньи я обинякомъ спросилъ графа Морзума о томъ, не перемѣнилъ-ли онъ рѣшенія и не останется-ли все-таки у насъ, потому что мы, офицеры (я его часто приглашалъ къ намъ въ собраніе), полюбили скромнаго, милаго молодого человѣка. Но я получилъ, къ сожалѣнію, опять отрицательный отвѣтъ.

Два года я его не видѣлъ, потому что получилъ командировку. Когда я вернулся въ полкъ онъ былъ уже корнетомъ запаса и призванъ къ учебному сбору. Теперь, когда служебныя преграды больше не существовали между нами, мы живо сблизились и перешли на ты: я опять повторилъ свое приглашеніе, говоря, что онъ, который такъ подходитъ къ кавалерійской службѣ, обязанъ къ намъ перейти. Мы бы тогда служили вмѣстѣ.

У него были тѣ-же интересы, тѣ-же вкусы. Наконецъ, видя что я не перестаю уговаривать,—онъ воскликнулъ:

— Это невозможно! Я не могу! У меня есть причина, которую я не могу сказать тебѣ!

— Отчего? Вѣдь ты мнѣ одинъ разъ сказалъ, что могъ-бы мнѣ все разсказать?

Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, этого я не могу сказать!

— Не можешь?

Тогда у него вырвалось:

— Нѣтъ, не могу, а то,—а то ты долженъ былъ-бы меня презирать!

Я его не понялъ, но больше отъ него ничего нельзя было выпытать.

Его служба въ полку приходила къ концу. Однажды, когда я занимался маршировкой со своими солдатами, онъ появился на плацу моего эскадрона.

Я подошелъ къ нему.

— Это новый конь?

Онъ разсказалъ, что только что купилъ кобылу. Я началъ осматривать животное подробно, какъ принято, для того, чтобы потомъ высказать свое мнѣніе.

Въ это время я кончилъ занятія, отпустилъ людей и попросилъ его показать мнѣ различные аллюры лошади; только тогда я могъ высказаться. Онъ шагомъ поѣхалъ вдоль четыреугольника, затѣмъ рысью приблизился, сдѣлалъ нѣсколько вольтъ, перемѣнилъ направленіе и поскакалъ галопомъ. Кобыла шла безукоризненно, и я радовался, глядя на спокойную, мягкую, эластичную посадку всадника.

Пока я внимательно осматривалъ коня, незамѣтно вошелъ полковой командиръ. Онъ сейчасъ же спросилъ графа Морзума о лошади, которая, какъ новая, обратила на себя его проницательный взглядъ.

Мой пріятель замѣтилъ командира, только проѣзжая мимо. Онъ осадилъ лошадь и отдалъ честь. А командиръ ему крикнулъ вслѣдъ:

— Это очень порядочная лошадь! Откуда она у васъ, вѣдь это кобыла?

— Я ее вчера купилъ. Она изъ Восточной Пруссіи.

Полковникъ всталъ около меня и сталъ наблюдать. Мнѣ показалось, что мой товарищъ особенно старается, и я видѣлъ, какъ его взглядъ, всякій разъ какъ онъ проѣзжалъ мимо насъ, скользилъ по лицу нашего начальника, который, дѣйствительно, былъ не только выдающимся знатокомъ лошадей, но и прежде всего замѣчательнымъ кавалеристомъ. Понятно, что Морзуму хотѣлось показаться въ наилучшемъ свѣтѣ и помимо того, что полковникъ былъ нашимъ командиромъ.

Посреди плаца стояло препятствіе—плотная стѣна изъ досокъ, довольно высокая, но не слишкомъ широкая.

Туда направилъ графъ Морзумъ свою кобылу, какъ обыкновенно принято заканчивать ѣзду, чтобы показать, что лошадь хорошо беретъ препятствіе, или, по крайней мѣрѣ, что она объѣзжена въ этомъ направленіи и послушна.

Таковъ кавалерійскій обычай. Командиръ обратился ко мнѣ съ шуткой:

— Ну, теперь посмотримъ.

Морзумъ спокойно ѣхалъ къ препятствію. На разстояніи за пять лошадей онъ пустилъ лошадь галопомъ и подъѣхалъ близко къ досчатой стѣнѣ; я уже заранѣе любовался разсчитаннымъ скачкомъ, какъ вдругъ кобыла, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она должна была подняться для прыжка остановилась, какъ вкопанная. Ѣздокъ покачнулся впередъ, но остался въ сѣдлѣ. Онъ повернулъ лошадь, заѣхалъ назадъ, поправился, взялъ коня въ шенкеля, натянулъ поводъ и поѣхалъ во второй разъ.

Опять онъ приблизился къ препятствію, но на этотъ разъ онъ былъ приготовленъ къ отказу кобылы и далъ ей шпоры такъ, что лошадь, которая хотѣла было опять остановиться, поднялась, чтобы перескочить. Но она задѣла передними ногами. Черезъ минуту морда ея была въ пескѣ, а крупъ описалъ полукругъ въ воздухѣ. Лошадь опрокинулась и лежала.

Морзуму удалось все-таки въ послѣднюю минуту выпрыгнуть изъ сѣдла. Онъ упалъ на половину на голову и на половину на протянутыя руки, невольно свернулся и черезъ минуту опять всталъ.

Онъ не ушибся. Онъ стряхнулъ пыль съ мундира и бросился къ лошади, чтобы она не убѣжала.

Кобыла поднялась, уперлась въ землю всѣми 4-мя ногами и отряхнулась, какъ собака послѣ купанья, такъ что сѣдло захлопало, стремена зазвенѣли; затѣмъ она фыркнула и дозволила взять себя за поводъ.

Командиръ улыбался. Паденіе не казалось опаснымъ. Конечно, пріятнаго тутъ ничего не было.

Но теперь въ нашемъ полковникѣ проснулся кавалеристъ, онъ сказалъ:

— Милый графъ, скорѣй въ сѣдло!

Фрицъ Морзумъ въ одно мгновеніе сидѣлъ на лошади, разобралъ поводъ, объѣхалъ кругъ и съ противоположной стороны направился къ препятствію. Онъ зналъ, что теперь надо скакать, пока лошадь не перепрыгнетъ гладко. Это была выдержка и для лошади и для человѣка. Я замѣтилъ, какъ онъ на минуту замѣшкался и разбиралъ поводъ дольше, чѣмъ нужно было, я увидѣлъ также, что онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

Эта блѣдность происходитъ, вѣрно, оттого, что онъ при паденіи былъ оглушенъ,—подумалъ я. Но онъ уже пустилъ лошадь и на этотъ разъ заѣхалъ дальше, по совѣту командира, который теперь какъ будто давалъ урокъ верховой ѣзды, поправлялъ движенья, указывалъ поводъ и шенкеля.

На этотъ разъ лошадь положительно должна была взять препятствіе.

Полковникъ предупредилъ Морзума, чтобы онъ былъ на готовѣ при прыжкѣ и невольно сталъ по одну сторону барьера, готовый протянуть руки въ случаѣ чего.

Я сталъ по другую сторону. Кобыла приближалась и стала, видимо, укорачивать шагъ, такъ что полковникъ, въ которомъ разгорѣлась страсть наѣздника, крикнулъ нетерпѣливо:

— Ну же, побольше огня!

Мнѣ показалось, что я вижу, какъ лошадь забезпокоилась, стала коситься направо и налѣво, пробовала отдѣлаться отъ мундштука и противодѣйствовать шенкелямъ.

Но Морзумъ далъ шпоры еще разъ и привелъ ее къ барьеру. Кобыла очень укоротила свой прыжокъ, но все-таки поднялась въ послѣднюю минуту. Полковникъ крикнулъ:

— Отпустите поводъ! Отпустите поводъ! Чортъ возьми! Поводъ!

Ѣздокъ отпустилъ поводъ, когда лошадь уже скакнула, но потому ли, что онъ сдѣлалъ все-таки какую-либо ошибку, или по неловкости животнаго, оно опять задѣло и опрокинулось. На этотъ разъ графъ Морзумъ не могъ такъ легко выпрыгнуть изъ сѣдла и упалъ, при

чемъ сильно ударился правымъ плечомъ о песокъ, а крупъ лошади придавилъ ему ногу.

Но онъ не выпустилъ повода. Полковникъ, который любилъ сказать одобрительное словцо, произнесъ:

— Вотъ такъ, милый графъ. Только не выпускать этого подлеца!

Въ первую минуту Морзумъ не всталъ, потому что лошадь ему мѣшала. Мы оба подбѣжали, чтобы освободить ѣздока... Командиръ сказалъ успокаивающе:

— Это ничего. На колѣно не попало, такъ это не опасно. Мы ужъ теперь съ лошадью справимся. Она прыгнетъ на этотъ разъ!

Морзумъ всталъ. Онъ дѣйствительно, кажется, не ушибся, потому что могъ ходить. Онъ встряхнулся, прошелся взадъ и впередъ.

Но все-таки переждалъ минуту, прежде чѣмъ сѣсть опять на лошадь. И такъ какъ мнѣ бросилась въ глаза его необычайная блѣдность, я повернулся къ командиру и сказалъ:

— Господинъ полковникъ, у него, кажется, голова кружится.

Морзумъ услышалъ и вслѣдствіе этого направился сейчасъ же къ лошади, хотя глаза его глубоко ввалились и на лицѣ, несмотря на все нервное усиліе скрыть свое состояніе, виднѣлось что-то въ родѣ тупого отчаянія.

Полковникъ засмѣялся надъ моими словами, а Фрицъ Морзумъ дѣлалъ кругъ, чтобы немножко объѣздить лошадь.

— Чего же вамъ еще, вѣдь онъ уже сидитъ!

Надо было посмотрѣть не хромаетъ ли лошадь. Морзумъ проѣхалъ рысью. Полковникъ наблюдалъ:

— Она не жалуется! Не жалуется! Ну, теперь опять къ барьеру этого подлеца. Вѣдь это было бы, чортъ знаетъ что, если эта бестія не возьметъ препятствія. Теперь она за свою шкуру бояться будетъ. Нѣтъ ничего лучше для лошади, какъ разокъ упасть какъ слѣдуетъ. Животное этого не забываетъ. Ну, да сдѣлайте еще кругъ... такъ, теперь вокругъ барьера,—теперь опять вольту... ну теперь сюда, поближе. Вотъ такъ... Такъ хорошо!

Всякій разъ какъ кобыла приближалась къ препятствію, она фыркала и смотрѣла на него презрительно. Но, наконецъ, она успокоилась. И когда Морзумъ находился на одной линіи съ барьеромъ, командиръ, ставшій опять съ боку препятствія крикнулъ:

— Ну, теперь! Да немножко жару подбавьте!

Кобыла подскакала, скакнула, стукнула всѣми четырмя копытами о барьеръ и на другой сторонѣ едва могла расправить ноги, по выраженью полковника, но тѣмъ не менѣе прыжокъ былъ сдѣланъ.

— Ну, теперь огладьте ее, хорошо,—объявилъ полковникъ и простившись, ушелъ въ собраніе.

Я наблюдалъ во время прыжка за лицомъ Морзума и увидѣлъ какъ онъ стиснулъ зубы и мнѣ показалось, что около его губъ легло

выраженіе полнаго отчаянія. Я никогда не забуду этихъ глубоко ввалившихся глазъ, въ которыхъ было столько энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ содроганія передъ опасностью паденія.

Фрицъ Морзумъ отдалъ лошадь. Онъ все еще былъ въ нѣкоторомъ волненіи, и когда я стряхивалъ съ его сюртука песокъ, я замѣтилъ, что онъ трясся всѣмъ тѣломъ.

Онъ быстро простился и хотѣлъ идти въ собраніе. Это имѣло видъ, какъ будто онъ не желалъ подвергать себя разспросамъ. Онъ больше не говорилъ о случившемся.

Скоро мы сидѣли за стаканомъ хереса и бутербродомъ, тамъ было еще два господина. Командиръ велѣлъ заложить себѣ лошадь, но пока ее подавали, прошло еще нѣсколько минутъ. Онъ началъ разсказывать о только-что бывшемъ случаѣ, о лошади, о томъ, какъ ее надо исправлять; при этомъ онъ любезно похвалилъ молодого ѣздока, такъ что Морзумъ густо покраснѣлъ.

Командиръ говорилъ:

— Да, да, господа, мы кавалеристы должны учиться падать, хотя это не всегда пріятно. Я помню изъ моей практики не разъ случалось, что какому-нибудь бывалому кавалеристу не повезетъ, и онъ много и несчастливо падаетъ съ лошади и кончалось тѣмъ, что его нервы совершенно разстраивались.

Мы знали, какіе нервы у полковника, и я невольно подумалъ: это зависитъ, конечно, какому человѣку не повезетъ, потому что мы никогда не замѣчали никакихъ «нервовъ» у этого человѣка, сидящаго противъ насъ, у котораго начинали въ волосахъ появляться серебряныя нити.

Командиръ продолжалъ:

— Счастье тому, у кого нѣтъ нервовъ. Я всегда счастливо падалъ. Я могу сказать про себя, что мнѣ всякое препятствіе ни почемъ. И всегда было нипочемъ. Я даже и не понимаю, чтобы съ кавалеристомъ могло случиться иначе. Это можно принять за хвастовство, господа...

— Что вы, полковникъ! — Какъ можно, полковникъ! — раздалось отовсюду.

— Нѣтъ, нѣтъ, я говорю совершенно серьезно. Видите ли, почему не сознаться тому, у кого есть нервы, что они у него есть! Я вамъ скажу,—это было при другихъ обстоятельствахъ,—но я разъ въ жизни испыталъ, что значатъ «нервы». Мнѣ кажется совершенно ошибочно говорить о нервахъ съ презрѣніемъ. Нѣкоторые люди уподобляютъ это трусости. Но трусость совершенно другое дѣло. Вы можете мнѣ повѣрить. Я называю трусостью то, когда человѣкъ не можетъ справляться со своими нервами, выказываетъ ихъ, а когда ужъ плохо придется, убѣгаетъ отъ опасности. Нервы сами по себѣ могутъ быть у всякаго, и это нисколько не позорно, пока человѣкъ себя сдержи-

ваетъ, пока онъ владѣетъ собой. Тотъ, который, благодаря своему темпераменту, не думаетъ объ опасности... господа будьте справедливы — какая же это доблесть съ его стороны, если онъ храбръ въ минуту опасности, когда онъ себя чувствуетъ отлично; другой же, наоборотъ... въ послѣдній моментъ, нервы едва выдерживаютъ, и онъ все-таки овладѣваетъ собой и не дрогнетъ ни однимъ мускуломъ на лицѣ; это я называю настоящимъ мужествомъ.

И въ подтвержденіе своего положенія полковникъ разсказалъ нѣсколько случаевъ изъ собственной боевой практики...

Когда я потомъ возвращался домой съ Фрицомъ Морзумомъ, онъ заговорилъ о полковникѣ и выражался о немъ съ благодарностью и даже съ любовью, говоря, что онъ замѣчательный человѣкъ, съ какой душой онъ разсказывалъ свои воспоминанія.

Я его спросилъ еще разъ, что съ нимъ было, отчего онъ былъ такъ блѣденъ. Но онъ сейчасъ же возразилъ:

— Ничего, ничего со мной не было. Это, можетъ быть, отъ паденія! Развѣ я былъ блѣденъ? Да нѣтъ!..

Но онъ, несомнѣнно, былъ блѣденъ.

Черезъ годъ—я въ это время не видалъ Фрица—онъ былъ опять призванъ къ военному сбору. Были офицерскія скачки. У нашего ротмистра была лошадь, которая врядъ ли могла имѣть притязаніе быть побѣдительницей. Онъ самъ хотѣлъ скакать. Но его жена, которая какъ разъ была въ ожиданіи, была внѣ себя при одной мысли, что онъ можетъ себѣ сломить шею,—онъ женатый человѣкъ—это ужъ совсѣмъ не годилось.

Ротмистръ возмущался. Онъ не хотѣлъ, чтобы говорили про него, котораго всѣ считали за человѣка съ умомъ и сердцемъ, что онъ не скачетъ, потому что его драгоцѣнная супруга этого не желаетъ. Но онъ уступилъ ради положенія жены и супружескаго мира.

Какъ разъ въ той скачкѣ, въ которой была назначена лошадь ротмистра, было мало скачущихъ. Мѣсто было небольшое, и командиръ, чтобы придать интересъ скачкамъ для гостей, пріѣхавшихъ посмотрѣть, просилъ, чтобы какъ можно больше офицеровъ принимали участіе. Поэтому, незадолго до начала, ротмистръ подошелъ къ Фрицу Морзуму и сказалъ:

— Вы ловкій ѣздокъ. Не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженіе. Я не скачу. Не сядете ли вы на мою лошадь?

Морзумъ не могъ отказать. Если ему, офицеру въ запасѣ, его собственный ротмистръ довѣрялъ свою лошадь, то не было почти никакой возможности отказаться. Морзумъ былъ легокъ, такъ что онъ не могъ отговориться своимъ вѣсомъ, поэтому онъ отвѣтилъ:

— Мнѣ очень лестно, что г-нъ ротмистръ дѣлаетъ мнѣ честь и довѣряетъ свою лошадь. Я буду скакать.

Лошадь эта была, по выраженію адъютанта, настоящая «машина

для паденья», въ этомъ то и заключалась причина, почему жена ротмистра не желала, чтобъ ея мужъ скакалъ.

Морзумъ, можетъ быть, этого и не зналъ. Но когда я его встрѣтилъ передъ началомъ—онъ шелъ взвѣшиваться—то одинъ изъ полковыхъ офицеровъ вдругъ сказалъ ему:

— Ну, Морзумъ, я держу пари, что при первомъ препятствіи вы будете лежать!

Одинъ уланъ сосѣдняго гарнизона замѣтилъ, улыбаясь:

— А я держу пари, что если вы не будете лежать при первомъ, то при второмъ уже навѣрное. Но, во всякомъ случаѣ, готовъ держать самое крупное пари, что вы до цѣли не доскачете. Вѣдь, это животное у меня до осени стояло въ конюшнѣ.

Я замѣтилъ, что Морзумъ опять поблѣднѣлъ. Онъ всталъ на вѣсы, чтобы опредѣлить свой вѣсъ.

Подойдя ко мнѣ со стикомъ въ рукѣ, онъ отвелъ меня въ сторону.

Я увидѣлъ, что онъ опять взволнованъ. Страннымъ, неувѣреннымъ голосомъ спрашивалъ онъ меня одно за другимъ, не дожидаясь даже отвѣта, изъ чего я заключилъ, что у него просто потребность говорить, безразлично что, чтобы только убить время до начала скачекъ. Онъ хотѣлъ знать, можетъ ли онъ надѣть свою сѣдловку, затѣмъ ему пришла мысль, что мартингалъ необходимъ. Онъ спросилъ, не склонна ли лошадь носить и не надо ли ее строго держать, чтобы не упасть.

Я его подбадривалъ.

— Ахъ, ты знаешь они просто такъ говорятъ! Ну, почему ты сразу упадешь? Я не думаю. Но ты плохо выглядишь. Ты вѣрно не хорошо себя чувствуешь?

— Нѣтъ, ничего.

— Но ты блѣденъ. Ты мнѣ разъ говорилъ, что у тебя съ желудкомъ плохо.

— Да, но теперь все совершенно въ порядкѣ.

— Ты обдумай какъ слѣдуетъ, пока ты еще можешь отказаться. Я думаю, что ротмистръ ужъ такъ сильно не будетъ сердиться. А скакать можно только тогда, когда человѣкъ совсѣмъ здоровъ.

Но онъ ничего знать не хотѣлъ.

Я не могъ болѣе наблюдать за нимъ, такъ какъ самъ скакалъ и долженъ былъ присмотрѣть за своею лошадью. Скакалъ-то я, собственно говоря, чтобы наполнить поле и не помышлялъ взять призъ.

У старта мы стали рядомъ, и мнѣ опять бросился въ глаза цвѣтъ лица Морзума. Онъ былъ бѣлъ, какъ полотно. Маленькій Цизовъ, который все время острилъ и даже при скачкѣ занимался разговоромъ, сказалъ Фрицу:

— Морзумъ, ты выглядишь какъ разбавленное пиво.

Но мы должны были выѣзжать и если бы Фрицъ и хотѣлъ отвѣтать, то теперь онъ не могъ этого сдѣлать.

Лошадь ротмистра была длинноногое, щекотливое, препротивное животное рыжей масти, которое хозяинъ его пріобрѣлъ прямо задаромъ и на которомъ онъ иногда выѣзжалъ передъ эскадрономъ.

Маіоръ, который распоряжался стартомъ махнулъ платкомъ и скачка началась.

Въ началѣ темпъ скачки былъ мягкій, и я устроился около Морзума. Мой старый козелъ не былъ очень быстръ, но зато онъ былъ увѣреннымъ скакуномъ. Можетъ быть я этимъ могъ помочь своему другу брать препятствія.

Прежде всего представился намъ каменный барьеръ. Послѣ этого ходъ лошадей сдѣлался рѣзвѣе. Цизовъ крикнулъ между прочимъ: Господа, подбавьте жару, чтобы дамамъ было хоть на что смотрѣть, а то вѣдь стыдно!

Но ему не надо было ускорять темпъ, такъ какъ Морзумъ, который получилъ инструкцію заботиться о томъ, чтобы скачка была интересна, выскочилъ впередъ какъ чортъ и повелъ скачку. Рыжая кобыла шла, какъ казалось, безукоризненно и взяла легко и гладко деревянный барьеръ.

Для меня эта ѣзда была такъ покойна, что я могъ отлично заниматься своими мыслями. Я рѣшилъ, что оба скачущихъ, которые сперва хотѣли потягаться, проиграли бы вмѣстѣ съ первыхъ же препятствій.

Наконецъ появился плетень съ канавою позади. Морзумъ все еще велъ скачку. Лошадь передъ самымъ препятствіемъ хотѣла было броситься въ сторону, вильнула туда, сюда, но Фрицъ заставилъ ее прыгнуть; животное задѣло задними ногами и онъ дѣйствительно, какъ предсказывали, упалъ.

Когда я, можетъ быть, тремя секундами позже перепрыгнулъ, я почти что попалъ на Морзума, который лежалъ рядомъ съ лошадью, лицомъ къ землѣ. Мнѣ не было времени дѣлать наблюденія, я едва успѣлъ свернуть лошадь, чтобы выбрать другое мѣсто для прыжка, отчего онъ у меня вышелъ немного наискось. Я зналъ, что товарищи сейчасъ-же бросятся помочь ему. Во время всего остальнаго пути я не могъ забыть позы моего друга; онъ лежалъ внизъ лицомъ съ распростертыми руками, безъ движенья; голова была свернута на бокъ, немного втянута между плечами. Я окончилъ очень плохо скачку, какъ «сильно подгоняемый»—послѣдній; но это мнѣ было безразлично. Товарищи знали мою лошадь за плохого скакуна; у меня на сердцѣ было только безпокойство за участь товарища. Я отдалъ лошадь и побѣжалъ къ канавѣ. Фрица уже подняли. Нашъ дежурный врачъ уже былъ на мѣстѣ и осматривалъ упавшаго, около котораго я опустился на колѣни, чтобы поддержать его спину. Докторъ сказалъ:

— Скорѣе внесите его въ домъ. Мы прежде всего наложимъ первую перевязку, это простой переломъ бедра.

Морзумъ, повидимому, сильно страдалъ. Но онъ даже не помор-

щился, только былъ смертельно блѣденъ и принужденно улыбался. Я видѣлъ, чего ему стоило владѣть собой. Я вынулъ платокъ, вытеръ ему лобъ, на которомъ было нѣсколько царапинъ, и стряхнулъ землю съ его волосъ. Остальные въ это время разъѣхались—это была послѣдняя скачка,—кто сѣлъ опять на лошадь, кто направился къ экипажамъ; всѣ уѣхали въ гарнизонъ.

Исторія съ Морзумомъ длилась свое опредѣленное время. Страданій у него не было, онъ долженъ былъ только лежать спокойно. Нога срослась нормально, но, какъ оказалось, послѣ того, какъ его отнесли домой, у него былъ еще переломъ въ ступнѣ.

По выздоровленіи онъ сталъ хромать; такимъ образомъ его карьера кавалериста была кончена.

Я думалъ что онъ будетъ страшно огорченъ. Тотъ, кто имѣлъ такія способности къ верховой ѣздѣ, не могъ остаться равнодушнымъ къ тому, что онъ никогда больше не будетъ въ состояніи сѣсть на лошадь. Но странно, онъ не выглядѣлъ очень убитымъ.

Полкъ устроилъ ему торжественные проводы. Онъ вышелъ изъ запаса. Когда онъ уѣзжалъ, я поѣхалъ проводить его на вокзалъ. Мы разговаривали до отхода поѣзда.

Я догадывался, что онъ радуется своему освобожденію отъ службы, но онъ не хотѣлъ въ этомъ сознаться, можетъ быть изъ чувства стыда или изъ деликатности къ товарищамъ.

Я сказалъ:

«Ты выглядишь такъ, какъ будто... собственно говоря и не слѣдуетъ тебя жалѣть; или ты ужъ такъ покорился судьбѣ. Ну, сила воли-то у тебя есть, это мы видѣли. Ты поразительно переносилъ свои страданья, когда сидѣлъ тогда въ канавѣ; мы всѣ тебѣ удивлялись.

Онъ быстро и обрадованно повторилъ:

— Да, вы удивлялись?

— Ну да, вѣдь боль была, должно быть, адская?

— Да, сильно болѣло.

Онъ избѣгалъ высказаться, что неохотно разстается съ нами. А мнѣ было непріятно насильно вызывать его на довѣріе. Я его оставилъ въ покоѣ, пускай думаетъ что хочетъ. Наше прощаніе было кратко и сердечно. Затѣмъ онъ уѣхалъ.

II.

Опять прошло нѣсколько лѣтъ, и я его не видѣлъ. Мы изрѣдка писали другъ другу. Но какъ это часто бываетъ даже между лучшими друзьями, наши отношенія не остались тѣми-же самыми. Онъ въ полкъ не пріѣзжалъ, у меня была своя служба, и современемъ наши письма тѣлались все рѣже, пока совсѣмъ не прекратились.

Между тѣмъ въ моей жизни произошла большая перемѣна. Я долженъ былъ перемѣнить образъ жизни и сдѣлаться землевладѣльцемъ. Моя связь съ полкомъ порвалась. Тогда, по врожденному человѣку эгоизму,—я вспомнилъ о старомъ пріятелѣ, котораго я во время служебной горячки не видѣлъ и написалъ ему, чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ

Онъ пріѣхалъ; но онъ мнѣ не понравился; мнѣ показалось, что онъ удивительно перемѣнился. Хромота его сильно уменьшилась, такъ что онъ даже могъ ходить со мной на охоту и дѣлать длиннѣйшія прогулки.

Мы жили совершенно одни въ деревнѣ, и вечера, въ концѣ концовъ, показались намъ длинными. Газеты, книги—сосѣдей было мало—винтъ у пастора, шахматы и шашки уже не удовлетворяли насъ и не достигали своей цѣли—убить время.

Однажды мы сидѣли вечеромъ у меня въ комнатѣ и болтали безъ умолку. Я говорилъ опять о полкѣ. Я сказалъ, что дѣйствительно жаль, что Фрицу пришлось выйти изъ запаса и что еще досаднѣе, что его никогда нельзя было уговорить совершенно поступить къ намъ.

— Ну, знаешь-ли, я-бы не былъ хорошимъ активнымъ офицеромъ. Я и такъ себя чувствую очень хорошо.

— Но я не нахожу, чтобы ты производилъ впечатлѣніе, что ты себя хорошо чувствуешь.

Онъ отвѣтилъ довольно запальчиво, что я ошибаюсь, что ему очень хорошо.

Я, конечно, ничего не могъ отвѣтить. Мы начали опять говорить о его паденіи на офицерскихъ скачкахъ, и я опять похвалилъ его выдержку, которая мнѣ казалась почти героической.

Вдругъ онъ сказалъ взволнованно.

— Нѣтъ, право, ты ошибаешься, потому—что я могу тебя увѣрить, что у меня было отвратительное настроеніе, и я не могу думать, что я хорошо сыгралъ свою роль.

— Нѣтъ, именно! И затѣмъ, знаешь-ли, нервы и молодечество тутъ не при чемъ, но когда знаешь, что такая дрянь, какъ эта рыжая кобыла настоящая «машина для паденья», то, конечно, особеннаго удовольствія не представляется ѣхать на этой бестіи.

Онъ вдругъ выпрямился.

— Ты это дѣйствительно находишь?

— Я думаю это найдетъ всякій благоразумный человѣкъ. Я могу себѣ представить что-либо болѣе пріятное. Ты садишься на лошадь, которую не объѣзжалъ, въ глупостяхъ которой не виновенъ, не можешь и думать о томъ, чтобы взять призъ, ты скачешь на ней только для того, чтобы заполнить поле и рискуешь сломать себѣ шею, только потому, что жена хозяина лошади не желаетъ, чтобы онъ рисковалъ своею шкурой! Я думаю, что я-бы себѣ сказалъ: ты не о двухъ головахъ! А что тебѣ за дѣло до этой дряни?

— Да, но эти мнѣнія нельзя выражать,—живо возразилъ Фрицъ.

— Почему-же?

— Нѣтъ, этого нельзя... это была-бы...

— Я совсѣмъ этого не вижу. Это совсѣмъ не отсутствіе молодечества. Если у меня есть собственная лошадь, и я хочу ее подчинить своей волѣ, или воспитать, ну тогда я не долженъ задумываться надъ тѣмъ, что это мнѣ будетъ стоить нѣсколькихъ реберъ; для этого я кавалеристъ. Но тутъ, въ твоемъ случаѣ...

Фрицъ курилъ молча свою сигару и выпускалъ дымъ. Только послѣ довольно длинной паузы, во время которой мы играли въ молчанку, какъ мы это называли прежде, когда были молодыми людьми, онъ спросилъ, стараясь незамѣтно взглядывать на меня:

— Скажи, пожалуйста, въ полку никогда ничего обо мнѣ не говорили?

— Какъ такъ?

— Нѣтъ, я просто такъ спросилъ. Я думалъ, что, можетъ быть, я не достаточно скоро согласился на эту скачку.

— Нѣтъ, я этого не могу сказать...

Онъ опять замолчалъ и черезъ нѣкоторое время опять началъ:

— Знаешь, вѣдь командиръ дѣйствительно прекрасный человѣкъ.

— Конечно, у него сердце на мѣстѣ.

Фрицъ продолжалъ:

— Да, да, именно. Одно мнѣніе, которое онъ разъ высказалъ, удивляетъ меня, или радуетъ... я не знаю, какъ сказать... Помнишь, въ тотъ день, какъ я объѣзжалъ вновь купленную лошадь, нѣсколько разъ скакалъ черезъ препятствіе и падалъ нѣсколько разъ. Мы потомъ пошли въ казино, и полковникъ разсказалъ еще одно событіе 70 года? Помнишь?

Я засмѣялся:

— Конечно, какъ французы обстрѣливали его эскадронъ, и какъ онъ себя отвратительно чувствовалъ при этомъ.

— Да, да... знаешь... знаешь, какъ командиръ сказалъ, что у кого нѣтъ нервовъ—у того нѣтъ мужества, настоящаго мужества, а тотъ, у кого есть нервы и который ихъ сдерживаетъ, тотъ дѣйствительно мужественъ. Помнишь ты это?

— Конечно.

Фрицъ спросилъ съ разстановкой:

— Ты не думаешь, что онъ совершенно правъ.

— Безъ сомнѣнія! Неиспытанная добродѣтель не есть еще добродѣтель. Если кто-нибудь не укралъ, то это еще вопросъ, не сдѣлался-ли бы онъ воромъ, еслибы ему нечего было ѣсть. Можетъ быть, этому не представился только случай. Точно также и съ мужествомъ.

Разговоръ нашъ прекратился. Мы долго сидѣли въ моей комнатѣ; сигары, не переставая курились, такъ что дымъ стоялъ столбомъ. Я

усталъ и не могу ручаться, что сидя въ своемъ креслѣ, не кивалъ головой. Но странно, въ этотъ вечеръ мы не могли рѣшиться идти спать.

Я нѣсколько разъ встряхивалъ себя, но чортъ знаетъ отчего, я опять впадалъ въ свою сонливую апатію, или въ тупую сонливость.

Я уже, конечно, прожегъ въ столѣ кружокъ сигарой, которую отложилъ. Наконецъ, я подумалъ:—Ну, теперь довольно, несмотря на все, пора и на покой.

Я всталъ, зѣвнулъ, потянулся, протеръ глаза, бросилъ окурокъ сигары въ пепельницу и только что хотѣлъ пожелать покойной ночи, какъ вдругъ Фрицъ заговорилъ.

— Послушай, я-бы очень хотѣлъ поговорить съ тобой.

Я пристально посмотрѣлъ на него и увидѣлъ, что онъ-то совсѣмъ не былъ сонный, а, напротивъ, лицо его было очень взволновано. Онъ нервно игралъ цѣпочкой отъ часовъ. Онъ имѣлъ дѣйствительно кажется что-то важное сообщить мнѣ, что его серьозно занимало все время, пока я дремалъ и спалъ. Хотя я ужасно усталъ, но не могъ отвѣтить пріятелю:—Милый другъ, не можемъ-ли мы переговорить объ этомъ завтра?

Это ему закрыло-бы ротъ навсегда. Я сѣлъ опять въ свое кресло, ворча внутренно, но наружно стараясь придать моему лицу заинтересованное выраженіе.

Фрицъ началъ. Отъ первыхъ-же его фразъ съ меня соскочила всякая усталость, и я слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и глубокимъ волненіемъ.

— Ты сейчасъ выразился, что я отлично держалъ себя тогда, при паденіи. Это меня радуетъ. Затѣмъ ты объявилъ, что ты одного мнѣнія съ нашимъ полковникомъ, насчетъ того... насчетъ... ну, знаешь... ну я назову это «трусостью». Ты отъ этого на меня не будешь иначе смотрѣть, потому-что я сейчасъ слышалъ, что ты объ этомъ думаешь. Итакъ, я долженъ сознаться: я радовался, что больше мнѣ не придется сѣсть на лошадь, потому что такія вещи, какъ скачки были мнѣ непріятны. Ты дѣлаешь удивленное лицо, но я могу тебѣ повторить,—у меня были «нервы». Назовемъ это такъ, какъ я самъ съ собой называлъ, просто «страхъ».

— Это не можетъ быть!—воскликнулъ я.

Но онъ продолжалъ:

— Я могу тебя увѣрить, что я боялся. Всякій разъ, какъ я перескакивалъ, у меня было что-то вродѣ головокруженія, такое чувство, какое я зналъ еще мальчикомъ, когда качался и качель шла впередъ, чувство какъ будто я вдругъ спускаюсь въ пропасть. Каждый прыжокъ былъ для меня наказаніемъ. Еслибъ у меня не было силы воли, я просто сказалъ-бы:—Я и не подумаю скакать; называйте меня трусомъ, исключите меня изъ списка офицеровъ, потому что я недо-

стоинъ носить эполеты, презирайте меня, но я скакать не буду и не буду!—Когда я стою лицомъ къ лицу съ опасностью, отъ страха у меня вся рубашка мокрая. До сихъ поръ мнѣ всегда удавалось владѣть собой. Но я могу тебѣ сознаться, что тогда, когда командиръ заставлялъ меня брать препятствіе, я это хорошо помню: если-бъ лошадь упала въ четвертый разъ, я-бы отказался повиноваться своему полковнику. Я давно хотѣлъ тебѣ въ этомъ признаться, но мнѣ не хватало мужества. Мнѣ и для этого не хватило-бы мужества. У меня его никогда нѣтъ, только есть сила воли.

— Я много передумалъ, чтобы оправдать себя въ собственныхъ глазахъ. Видишь-ли, есть вещи, требующія храбрости, которой не имѣютъ и наѣздники. Развѣ можно назвать трусостью, напримѣръ, когда ты на предложеніе укротителя льва: Идите спокойно со мной въ клѣтку, ручаюсь, что съ вами ничего не будетъ,—отвѣтишь:—Благодарю покорно! И не подумаю даже! Чтобы эти звѣри меня съѣли на завтракъ!—Укротитель льва сочтетъ тебя за труса, и съ точки зрѣнія его ремесла онъ будетъ правъ.—Или подымаясь на гору, ты придешь къ очень опасному мѣсту. Гиды будутъ тебя увѣрять:—Съ вами ничего не можетъ случиться! Ты все-таки невольно отскакиваешь назадъ и не хочешь идти по узкой тропинкѣ, или по стѣнѣ головокружительной высоты. Ты въ глазахъ гидовъ безъ сомнѣнія боишься и, слѣдовательно, трусъ.—Итакъ, что же такое трусость, боязнь? Это все только относительно. Я все это обдумалъ въ свое оправданіе. И несмотря на это, я долженъ сказать: вѣдь я испытываю это чувство не только при верховой ѣздѣ, но всегда. Я борюсь самъ съ собой, а страхъ остается при мнѣ. Но вѣдь это только вступленіе. Я думаю, что еслибы въ моей жизни не случилось того, что я хочу тебѣ сейчасъ открыть, то я-бы даже тебѣ, моему другу, не признался въ своей слабости. Я впутался въ такое обстоятельство, изъ котораго я не выпутаюсь, по крайнѣй мѣрѣ, живымъ. Я, такъ сказать, присужденъ къ смерти!

Я вскочилъ и испуганно всплеснулъ руками.

— Да что это такое, Фрицъ. Что съ тобой сегодня, что ты мнѣ такія исторіи разсказываешь?

Онъ отвѣтилъ просто:

— Ты сейчасъ самъ разсудишь, правъ-ли я, или нѣтъ. Прежде, чѣмъ начать разсказывать, я долженъ вернуться немного назадъ. Я пробылъ, прежде чѣмъ къ тебѣ пріѣхать, нѣсколько дней въ Вѣнѣ. Однажды я сидѣлъ съ знакомымъ—братомъ нашего маленькаго Цизова изъ полка—у Захера, въ ресторанѣ за Оперой. Мы говорили о томъ, о семъ и, между прочимъ, о разныхъ народностяхъ Австріи. Во время нашего пребыванія въ Вѣнѣ мы слышали различныя нарѣчія и видѣли всевозможные наряды, и я помню, что Цизовъ сказалъ: собственно говоря, въ Австріи 2 главныхъ народа: нѣмцы и

венгры, потому что чехи, эта пустяшная народность, не можетъ считаться.—Я отвѣтилъ, что, къ несчастью, они должны считаться, такъ какъ они придавливаютъ все нѣмецкое въ Богеміи. Я при этомъ долженъ замѣтить, что мы не были на-веселѣ, потому-что братъ маленькаго Цизова очень благоразумный и трезвый человѣкъ, даже слишкомъ трезвый. Онъ иногда можетъ выпить стаканъ шампанскаго, чтобы повеселѣть. Ну, а что я почти ничего не пью,—ты долженъ помнить. Я считаю себя поэтому вправѣ утверждать, что нашъ разговоръ не велся слишкомъ громко.—Съ чеховъ мы перешли на многія народности, которыя группируются въ самой Австріи и вокругъ нея. Я не помню хорошо, что мы собственно говорили: кажется, о славянахъ вообще, и о той опасности, которую германцы должны ожидать отъ славянъ. У Цизова были очень установившіеся политическіе взгляды, но они нисколько не были узки. Онъ человѣкъ очень ученый и недюжиннаго образованія. Онъ мнѣ разъяснилъ разницу между румынами, сербами и болгарами. Онъ сказалъ, что всѣ, вообще, смѣшиваютъ ихъ и не имѣютъ понятія, какъ они рознятся другъ отъ друга. Онъ говорилъ о римскомъ происхожденіи румынъ и тому подобныхъ вещахъ. Вдругъ съ сосѣдняго стола встаетъ какой-то господинъ и, подойдя къ нашему столу, проситъ Цизова выйти съ нимъ для разговора. Мы не могли понять, что это значитъ, и я былъ чрезвычайно удивленъ, когда Цизовъ вернулся, и сѣлъ на свое мѣсто съ вопросомъ:

— Знаете-ли вы, что мы выражались оскорбительно по отношенію къ сербамъ?

Я улыбнулся.

— Почему вы это говорите?

Онъ отвѣтилъ, понизивъ голосъ:

— Этотъ господинъ, который заговорилъ со мной, сказалъ мнѣ, когда мы вышли, что мы осмѣлились бранить сербовъ.

Конечно, о брани и рѣчи не могло быть; мнѣ кажется даже что кромѣ слова «сербы» мы ничего не говорили, именно объ этомъ народѣ. Я отрицательно покачалъ головой, потому что мы больше не хотѣли говорить на эту тему, чтобы не подвергать себя новымъ непріятностямъ. Цизовъ разсказалъ мнѣ еще, что онъ объяснилъ этому господину, послѣ того, какъ они представились другъ другу, что ему и во снѣ не снилось говорить о сербахъ что-либо дурное. Онъ думалъ, что этимъ инцидентъ и окончится.

Настроеніе наше было испорчено, и сосѣдство этихъ господъ съ славянскими лицами ни коимъ образомъ не было намъ пріятно. Ты знаешь, что Цизовъ не такой, чтобы избѣгать чего-либо. Но онъ мнѣ шепнулъ, что считаетъ лучшимъ расплатиться и уйти.

Эта исторія меня взволновала. И вотъ мой темпераментъ, мои нервы, моя несчастная натура сыграли со мной штуку. Другой, можетъ быть, такъ же какъ и Цизовъ, нашелъ бы лучшимъ удалиться. Но я

почему-то убѣдилъ себя, что мы должны остаться. Мною овладѣлъ страхъ, что замѣтятъ мои «нервы». Я думалъ объ этомъ, думалъ и рѣшилъ, что было бы трусостью оставить поле сраженія, и что мы должны выждать, чтобы сербы ушли до насъ. Цизовъ, хотя не былъ моего мнѣнія, но исполнилъ мое желаніе. Мы выпили еще по чашкѣ кофе. Но ты, конечно, можешъ себѣ представить, что нашъ разговоръ далеко не вязался. Когда знаешь, что рядомъ за столомъ сидитъ цѣлое общество, которое насторожило уши на каждый слогъ, то невольно слова замираютъ на губахъ. Я замѣтилъ, какъ эти господа все время за нами наблюдали; они не были такъ внимательны къ намъ, какъ мы къ нимъ, и, повидимому, все время говорили о насъ, но имъ было удобнѣе, потому что они говорили, по сербски, тогда какъ мы должны были говорить по нѣмецки.

Мы сидѣли такъ два часа. Время казалось мнѣ невѣроятно долгимъ, при этомъ мною овладѣвало какъ-бы предчувствіе чего-то дурного.

Однимъ словомъ нервы мои расходились. Я чувствовалъ присутствіе этихъ людей, какъ нѣчто угрожающее. Мы больше ничего не пили, тогда какъ сербы спрашивали себѣ безпрестанно еще водки, и ихъ настроеніе дѣлалось все безпокойнѣе. Можетъ быть, лучше было-бы намъ уйти, потому что эти господа—ихъ было четверо, по всей вѣроятности, имѣли намѣреніе насъ пересидѣть. Они хотѣли остаться побѣдителями. Вдругъ, въ то самое время, какъ мы позвали кельнера расплатиться, одинъ изъ нихъ, тотъ самый; который обращался къ Цизову, произнесъ нѣсколько словъ на, такъ называемомъ, «гвардейскомъ жаргонѣ», которому онъ очень хорошо подражалъ.

— Колоссально! Лихо! Цизовъ и я переглянулись. Кельнеръ записывалъ счетъ. Одинъ изъ господъ за сосѣднимъ столомъ опять сказалъ:

— И такой берлинецъ воображаетъ, что онъ все можетъ себѣ позволить. Пускай-же они къ намъ пожалуютъ!

Послѣднія слова были произнесены такъ громко, что кельнеръ невольно обернулся къ ихъ столу. Во мнѣ подымалось бѣшенство. Но я еще сдерживался, хотя у меня кровь въ жилахъ кипѣла. Цизовъ, которому кельнеръ говорилъ названія кушаній, не могъ всего слышать, я-же долженъ былъ различить каждое слово.

Опять крикнулъ одинъ сербъ:

— Колосально! Лихо!

Мнѣ показалось, что кельнеръ улыбнулся.

Другому, можетъ быть, было-бы возможно благородно игнорировать такія задиранія пьяныхъ людей, но лицо кельнера довело меня до того, что я потерялъ всякое самообладаніе и, повернувшись къ сосѣднему столу, спросилъ:

— Господа, вы говорите съ нами?

Тотъ сербъ, который выходилъ съ Цизовымъ всталъ:

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ ничего не угодно.

— Въ такомъ случаѣ я не знаю, почему вы съ нами разговариваете. Я васъ не знаю и знать не хочу!

Онъ сѣлъ, а остальные три засмѣялись. Цизовъ сказалъ совершенно спокойно:

— Оставьте ихъ; они теперь въ такомъ состояніи, что на нихъ обижаться нельзя.

У меня вырвалось несчастное слово. Я больше не владѣлъ собой и сказалъ холоднымъ тономъ,—я знаю, что у меня при этомъ чуть не пресѣкся голосъ:

— Другого нечего и ожидать отъ полуазіатовъ!

Сербъ вскочилъ и закричалъ мнѣ:

— Мы поговоримъ объ этомъ при выходѣ отсюда!

Я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю его и вышелъ съ Цизовымъ вонъ. Я не хотѣлъ затѣвать ссоры въ ресторанѣ.

Всѣ четверо сербовъ сейчасъ же послѣдовали за нами. Въ раздѣвальнѣ у насъ произошелъ крупный разговоръ. Сербы увѣряли, что я оскорбилъ ихъ націю и патріотическое чувство. Они намъ дали свои визитныя карточки, я прочелъ на одной изъ нихъ: «Стоянъ Протичъ». Намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только передать имъ наши. Я взялъ карандашъ и написалъ, насколько могъ хладнокровно, адресъ нашего отеля. Затѣмъ мы раскланились и разошлись въ разныя стороны.

Я не могъ забыть этой встрѣчи. Цизовъ увѣрялъ, что ничего изъ этого не будетъ, что еще большой вопросъ, можетъ ли такой сбродъ дать удовлетвореніе. Что же изъ этого могло выйти!

Мы, собственно говоря, хотѣли оставить на другой день Вѣну, но это имѣло бы видъ бѣгства, и мы теперь должны были распутать это обстоятельство. На другое утро въ отель явился очень прилично одѣтый господинъ, у котораго, какъ оказалось послѣ, былъ гдѣ-то тамъ замокъ. Онъ долженъ былъ передать вызовъ. Это произошло далеко не въ томъ строгомъ духѣ, какъ у насъ. Сербъ, на карточкѣ котораго было написано: «С. Д. Петровичъ», былъ очень благоразуменъ, но только въ одномъ его нельзя было поколебать; а именно онъ все время увѣрялъ, что его соотечественники были мною глубоко оскорблены, такъ какъ слово «полуазіаты», примѣненное къ сербскимъ подданнымъ, есть брань, хуже которой и выдумать нельзя.

Цизовъ ему представилъ тотъ фактъ, что его соотечественники уже начали утверждать, что они обижены, когда мы еще не замѣтили ихъ присутствія, и послѣ этого начали отпускать раздражающія словца. Если я рѣзко отвѣтилъ, то они должны были приписать это самимъ себѣ; при этомъ эти господа, были безъ сомнѣнія, навеселѣ. Въ такомъ

состояніи часто дѣлаютъ изъ мухи слона. Совершенно будетъ достаточно, если я заявлю, что не имѣлъ намѣренія оскорблять сербскій народъ и если эти господа изъявятъ сожалѣніе о томъ, что сказали громогласно по-нѣмецки вызывающія слова, объяснивъ это веселымъ послѣобѣденнымъ настроеніемъ.

Господинъ Петровичъ отвѣтилъ, что навѣрное его соотечественники согласятся взять назадъ свои неумѣстныя, какъ онъ самъ находилъ, задиранія. Но оскорбленіе съ моей стороны все-таки остается.

Цизовъ хотѣлъ его еще уговаривать. Но это уже начинало имѣть видъ, какъ будто я желаю избѣжать дуэли. У меня было чувство, именно у меня, я думаю ни у кого другого его бы не было, что я не долженъ отстранять отъ себя этого поединка. Ты думаешь, что дуэль съ этими людьми меня не касалась близко? Я могу тебѣ сказать, что мысль о ней не выходитъ у меня изъ головы. Не то, чтобы я боялся, что одинъ изъ этихъ господъ пуститъ мнѣ пулю въ голову! Господи, вѣдь, это длится всего одну секунду и затѣмъ—конецъ. Нѣтъ, отвратительнѣйшій страхъ овладѣваетъ мною, когда я думаю о томъ, какъ я буду вести себя при всемъ этомъ. Я могу ослабѣть, могу потерять самообладаніе, въ томъ страшномъ волненіи, въ какомъ я буду находиться—я уже и теперь взволнованъ,—я могу сдѣлать какую-нибудь глупость, выстрѣлить до команды, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

И эта-то неувѣренность заставляетъ трепетать мое сердце, мучаетъ мой разумъ, дѣйствуетъ на мой желудокъ, такъ что онъ не можетъ переваривать пищи—это постоянно угрожающая опасность, которая настигнетъ меня, неизвѣстно когда, но которая явится, настигнетъ навѣрняка, все это можетъ съ ума свести!..

Фрицъ волновался все больше и больше, и я видѣлъ, какъ его рука дрожала въ то время, какъ онъ игралъ coupe-papier. Онъ вынулъ платокъ и вытеръ себѣ потъ на лбу.

Я началъ ему говорить, что онъ не имѣетъ причины драться съ какими-то прощалыгами. Фрицъ отвѣтилъ, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Эти люди были студенты Вѣнскаго университета, происходили изъ хорошихъ сербскихъ фамилій, такъ что не было ни малѣйшаго повода отклонить дуэль. Затѣмъ, онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько писемъ: это была корреспонденція по этому дѣлу.

Въ концѣ концовъ онъ попросилъ меня быть его секундантомъ.

Мы стали пересматривать письма одно за другимъ, которыми Цизовъ обмѣнялся съ тѣми людьми; вначалѣ съ Петровичемъ, а затѣмъ и съ остальными, которые, казалось, были довѣрителями другихъ трехъ сербовъ.

Не было никакого сомнѣнія,—я, конечно, не сказалъ ничего Фрицу, чтобы не волновать его, но изъ чтенія писемъ я заключилъ, что эти сербы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, станутъ противъ него. Если онъ

не падетъ отъ первой пули господина «Стояна Протича», то онъ долженъ будетъ подставить грудь подъ пулю второго, и если онъ и изъ этого поединка выйдетъ невредимымъ, то третій будетъ стрѣлять въ него и, наконецъ, четвертый.

Я рѣшился соблюдать интересы моего друга и принялъ постъ, который онъ мнѣ предлагалъ. Я надѣялся, что мнѣ удастся выработать благопріятныя условія. Я объ этомъ ничего не сказалъ бы Фрицу, который уже начиналъ нервничать при одной мысли объ этомъ, но я зналъ свой долгъ. Во всякомъ случаѣ, я долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы дѣло о поединкѣ приняло правильный ходъ.

Я старался, какъ только могъ, успокоить Фрица, но это мнѣ не удалось. Прощаясь со мной въ этотъ вечеръ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Сдѣлай мнѣ только одно одолженіе: поторопись со всѣмъ этимъ. По нашимъ обычаямъ это должно было быть исполнено въ 24 часа, тогда это мученіе не долго длится. Нервы могутъ выдержать 24 часа. Но эти безконечные переговоры!.. Эти люди поѣхали на родину, да и я не могъ оставаться въ Вѣнѣ. Цизовъ все дѣлаетъ, чтобы ускорить дѣло, а теперь прошло уже три недѣли, и мы не пришли ни къ какому заключенію! Знаешь, что именно разстраиваетъ такъ нервы? Это постоянное ожиданіе, что каждую минуту можетъ получиться все рѣшающая телеграмма.

— Одно прошу тебя: поѣзжай въ Вѣну. Тамъ все это произошло, тамъ мы и будемъ драться. Гораздо лучше будетъ, если это произойдетъ не въ Германіи. Вѣна одинаково отстоитъ отъ обоихъ пунктовъ: они пріѣдутъ изъ Сербіи, я изъ Германіи; мы будемъ на нейтральной почвѣ. Такъ сдѣлай мнѣ одолженіе, поѣзжай сейчасъ туда, поторопи это дѣло, какъ только можешь, предложи самыя суровыя условія, чтобы эти люди видѣли, что мы не позволяемъ шутить съ собой, и чтобы они не думали—только не это, а остальное мнѣ все равно—чтобы не думали—что я боюсь.

III.

Дѣло шло скорѣе, чѣмъ я предполагалъ. Когда я пріѣхалъ въ Вѣну то все уже настолько подвинулось, что вмѣстѣ съ Петровичемъ второй довѣритель противниковъ былъ на мѣстѣ.

Я прежде зналъ Цизова, но не близко и нашелъ его именно такимъ, какимъ описалъ его Фрицъ, спокойнымъ, увѣреннымъ человѣкомъ, котораго трудно было-бы запугать. Мы едва четверть часа поговорили о нашей миссіи; онъ мнѣ объяснилъ коротко, но ясно свой взглядъ на эту вещь: онъ стремился избѣжать этой глупости, какъ онъ сказалъ, и въ интересахъ нашего общаго пріятеля уладить дѣло.

Не зная подробно всѣхъ обстоятельствъ, я не могъ выразить своего мнѣнія. Но въ глубинѣ души я былъ убѣжденъ, что уладить уже поздно теперь.

Мы жили въ отелѣ, и хотя мы только что пріѣхали, а тѣ оба уже находились въ Вѣнѣ, они сдѣлали любезность первыми притти къ намъ.

Я помню такъ ясно какъ будто это случилось вчера, какъ вошли эти два господина къ намъ.

Петровичъ былъ именно такимъ, какимъ онъ мнѣ былъ описанъ, и какимъ я себѣ его представлялъ; онъ былъ одѣтъ очень элегантно, въ длинномъ сюртукѣ съ большимъ, моднымъ галстукомъ, свѣтло-сѣрыми перчатками и безукоризненнымъ цилиндромъ; онъ носилъ по австрійской модѣ маленькія баки, которыя, загибаясь впередъ, спускались низко по щекамъ. Онъ по наружности былъ истый австріецъ, говорилъ очень хорошо по нѣмецки, съ легкимъ австрійскимъ акцентомъ, хотя этотъ акцентъ больше слышался въ интонаціи, чѣмъ въ особенности словъ. Его спутникъ, Бошановичъ, былъ большой, сильный мужчина гораздо моложе его, и гораздо болѣе соотвѣтствовавшій тому представленію, которое мы сдѣлали себѣ о сербахъ. У него былъ желтый цвѣтъ лица, удивительно густые, коротко остриженные черные волосы, черные глаза, и что особенно мнѣ бросилось въ глаза во время нашего разговора, совершенно желтые концы пальцевъ на обѣихъ рукахъ, отъ постояннаго куренія табаку.

Этотъ табакъ игралъ большую роль; несмотря на важность настоящаго положенія, намъ были предложены папиросы, а изъ прежнихъ переговоровъ, Цизовъ, казалось, уже зналъ, что необходимо угостить сербовъ завтракомъ, который и былъ имъ поданъ. Петровичъ сказалъ любезнымъ тономъ:

— Господа, съ вашего разрѣшенія, мы будемъ разговаривать прежде всего, какъ свѣтскіе люди и будемъ совершенно частными людьми другъ для друга. Я думаю, вы ничего не будете имѣть противъ этого. Затѣмъ мы уже можемъ приступить къ предмету нашихъ переговоровъ.

Предложеніе было принято, и мы, слѣдовательно, были чисто «частными людьми». Сербы проявили большую любезность. Во время завтрака мы разговаривали о ихъ родинѣ. Я многое узналъ объ обычаяхъ и нравахъ, о крестьянахъ, дворянствѣ, о народѣ, духовенствѣ и мѣстности Сербіи.

Во всемъ видно было стремленіе дать намъ понять, что мы имѣемъ дѣло съ народомъ, стоящимъ наравнѣ съ нами въ культурномъ отношеніи.

Петровичъ выразилъ сожалѣніе о томъ обстоятельствѣ, которое насъ привело встрѣтиться и такъ какъ мы теперь были чисто частными людьми по желанію сербовъ, то я не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Вы мнѣ позволите, тоже какъ частному человѣку, сказать нѣсколько словъ; правда, это касается того предмета, изъ за котораго мы здѣсь встрѣтились. Я придерживаюсь того мнѣнія, что обида совсѣмъ не такъ велика, чтобы имѣть послѣдствіемъ кровавую развязку.

Но тутъ я наткнулся на противорѣчіе со стороны нашихъ любезныхъ противниковъ. Они говорили, что оскорбленіе ихъ національнаго чувства они не потерпятъ ни отъ какого человѣка въ мірѣ. Конечно, жаль что графъ Морзумъ былъ раздраженъ, но слово разъ произнесено...

Итакъ, мы знали, что намъ оставалось дѣлать. Я вслѣдствіе этого уже болѣе не пытался касаться этого предмета, и мы вскорѣ приступили къ переговорамъ. При этомъ было очень смѣшно видѣть какъ манера сербовъ держать себя внезапно измѣнилась. Они сдѣлались положительнѣе, серьезнѣе, говорили съ большимъ достоинствомъ. Мы сѣли за столъ, Цизовъ и я рядомъ, остальные два напротивъ насъ.

Петровичъ началъ говорить:

— Мнѣ кажется, что мы довольно скоро покончимъ съ этимъ обстоятельствомъ. Дѣло въ томъ,—какъ вамъ извѣстно, господа,—что слово «полуазіаты», которое графъ Морзумъ употребилъ по отношенію къ моему довѣрителю, господину Стояну Протичу, есть дѣйствительно оскорбленіе. Произнесенное въ публичномъ помѣщеніи это оскорбленіе еще больше. Господинъ Протичъ поручилъ намъ охранять его честь, и я исполняю его порученіе тѣмъ, что передаю вмѣстѣ съ моимъ коллегой господиномъ Бошановичемъ, вызовъ драться на пистолетахъ.

Онъ поклонился. Я отвѣтилъ.

— Позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на одно обстоятельство: прошу замѣтить, что прежде всего надо выяснить оскорбленіе, а затѣмъ уже будетъ сдѣланъ выборъ оружія во время нашихъ переговоровъ. Мы по крайней мѣрѣ такъ привыкли. Я не знаю какъ вы объ этомъ думаете.

Бошановичъ—младшій сербъ все время молчавшій и предоставлявшій вести переговоры своему старшему коллегѣ, — поклонился съ кисло-сладкой улыбкой.

— Конечно, вы правы, но неправда-ли, что существуетъ тотъ обычай, что оскорбленный имѣетъ право на выборъ оружія, а по нашему мнѣнію господинъ Протичъ оскорбленъ.

Цизовъ отвѣчалъ совершенно спокойно:

— Хорошо, мы допускаемъ, что вашъ довѣритель, господинъ Протичъ оскорбленный. Такимъ образомъ ему принадлежитъ выборъ оружія.

Оба серба поклонились.

Послѣдовали разныя объясненія, при которыхъ мы, собственно

говоря, кружились все вокругъ того-же самаго. Мы старались убѣдить сербовъ, что господинъ Протичъ нисколько не уронитъ своего достоинства, если приметъ извиненіе. Мы, съ другой стороны, были того мнѣнія, что графъ Морзумъ могъ съ спокойной душой просить извиненія. Мы предложили слѣдующее: Морзумъ письменно заявитъ, что ему отъ души жаль, что онъ въ минуту запальчивости употребилъ выраженіе, могущее оскорбить національное чувство сербовъ.

Но они отвлекались разговорами о водкахъ, папиросахъ, говорили любезности, изрѣдка повторяя, что надо стрѣляться.

Послѣ того, какъ мы довольно долго боролись, и прошло уже нѣсколько часовъ, при чемъ мы ни на іоту не подвинулись, мы съ Цизовымъ встали, отошли въ уголъ комнаты и, переговоривъ, пришли къ рѣшенію, что больше дѣлать нечего: надо принять вызовъ.

Мы предложили условія по возможности легкія, хотя Цизовъ шепнулъ мнѣ во время одной паузы, которую мы сдѣлали послѣ долгой борьбы:

— Я, собственно говоря, того мнѣнія, что дуэль—не шутка. Она не должна была состояться, но разъ она будетъ, то надо показать, что это не дѣтская игра.

Оба серба хотѣли настоять на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Я думаю, что если бы они могли устроить по своему желанію, то были бы слѣдующія условія: разстояніе—одинъ метръ; цѣлить сколько каждый хочетъ; оружіе—огнестрѣльное; обмѣнъ пуль до неспособности обоихъ противниковъ продолжать дуэль.

Мы боролись, выигрывая по іотѣ послѣ часовыхъ переговоровъ; я въ это время вспоминалъ лицо моего друга. Онъ все время стоялъ передъ моими глазами. Я его видѣлъ, какъ въ тотъ вечеръ у меня въ комнатѣ, когда черты его лица выражали полное отчаяніе.

Вечеръ давно уже наступилъ, мы зажгли электричество, закрыли занавѣски и послали кельнера за папиросами и за ужиномъ.

Когда мы опять сдѣлали паузу, чтобы поѣсть, Петровичъ сказалъ съ любезной улыбкой:

— Если вамъ угодно, мы прекратимъ теперь опять наши переговоры и будемъ опять, такъ сказать, частными людьми.

Хотя мы, германцы, находили неумѣстнымъ ужинать съ представителями противника, тѣмъ не менѣе этого нельзя было избѣжать, и кромѣ того, послѣ семичасового разговора тѣло заявляло свои права.

Меня невольно заразили рѣчи «частныхъ лицъ», я этимъ воспользовался и сказалъ:

— Господа, по вашему желанію, мы теперь просто господа Петровичъ, фонъ-Цизовъ, Бошановичъ и я. Если я васъ хорошо понялъ, то неправда-ли намъ теперь дѣла нѣтъ до господина Протича и графа Морзума? Господа, я теперь предполагаю, что услышалъ только отъ третьяго лица о томъ обстоятельствѣ, о которомъ мы все время тол-

ковали; я въ такомъ случаѣ безъ сомнѣнія сказалъ бы:—секунданты отвѣтственны за то, чтобы исходъ дѣла соотвѣтствовалъ тяжести оскорбленія.

Петровичъ отвѣтилъ:

— Я думаю, что это такъ и есть, и меня только беретъ сомнѣніе, соотвѣтствуютъ ли тѣ нѣкоторыя уступки, на которыя мы уже согласились послѣ долгой борьбы, соотвѣтствуютъ ли они серьезности этого случая. По нашимъ понятіямъ случай оскорбленія отечества, такъ же важенъ, какъ самое тяжкое оскорбленіе: какъ пощечина.

Послѣ нѣкотораго времени снова начались переговоры и вдругъ, когда мы съ Цизовымъ объявили, что мы ни подъ какимъ видомъ не согласимся, чтобы разстояніе было меньше 20 шаговъ, Петровичъ взволнованно всталъ.

— Господа, я обдумываю, не лучше ли мнѣ при подобныхъ обстоятельствахъ вручить ходъ дѣла самому Протичу и удалиться. Я думаю, что господинъ Бошановичъ раздѣляетъ мое мнѣніе.

Другой сербъ кивнулъ головой. Мы съ Цизовымъ переглянулись и онъ сказалъ.

— Намъ очень жаль, но мы остаемся при нашихъ условіяхъ.

Петровичъ сталъ жестикулировать и торопиться словами, говоря:

— Господа, я долженъ обратить ваше вниманіе на то, что вы этимъ нисколько не приносите пользы своему довѣрителю; напротивъ, вы портите дѣло. Я вамъ долженъ сообщить...

Онъ вдругъ остановился, взглянулъ на Бошановича и продолжалъ:

— Нѣтъ, я превысилъ бы этимъ свои права. Я теперь здѣсь не могу вамъ сказать. Господа, мы принимаемъ ваши условія.

Я почувствовалъ облегченіе, но при этомъ очень удивился.

Цизовъ повторилъ:

— Итакъ, условія слѣдующія: вынутые по жребію пистолеты, барьеръ въ 20 шаговъ, выстрѣлъ при командѣ, троекратный обмѣнъ пуль.

— Совершенно вѣрно!

Мы были совершенно поражены этимъ оборотомъ дѣла, и я подумалъ нѣтъ ли тутъ какой-нибудь задней мысли.

Но этимъ всѣ переговоры окончились, только Цизовъ долженъ былъ съ помощью Бошановича составить протоколъ. Пока они оба были заняты, я подошелъ съ Петровичемъ къ окну и открылъ его, при чемъ свѣжій воздухъ вторгся къ намъ въ комнату. Это было необходимо, потому что въ комнатѣ стоялъ такой дымъ отъ папиросъ, что не видно было почти что своего визави.

Я былъ точно разбитъ отъ пережитой борьбы и, такъ какъ мы были опять частными лицами, какъ любилъ выражаться г. Петровичъ, сказалъ:

— Знаете, я доволенъ, что все рѣшено...

Сербъ улыбнулся.

— А вы думаете, что я недоволенъ?

— Такъ зачѣмъ вы были такъ настойчивы?

— Мы должны были настаивать на нашихъ условіяхъ!

— Почему-же?

— Это наше убѣжденіе; это намъ поручено, да и, наконецъ, — позвольте: мы же вамъ уступили. И я не знаю, не удлинили-ли мы этимъ весь ходъ дѣла.

— Какимъ образомъ?

— Потому что, при нашихъ тяжелыхъ условіяхъ было бы достаточно, быть можетъ, одного поединка.

— Это и теперь такъ будетъ.

Петровичъ поднялъ брови.

— Pardon, не говорите такъ.

— Мы будемъ надѣяться,—а это долженъ дѣлать каждый христіанинъ, каждый человѣкъ,—что дуэль сойдетъ благополучно. Этимъ же все и окончится.

— Pardon, это будетъ кончено только для г. Протича.

— И этимъ для насъ всѣхъ.

— Конечно, для насъ секундантовъ, но, знаете, тогда наступитъ очередь остальныхъ... Когда окончится дуэль съ г. Протичемъ, то однимъ человѣкомъ будетъ меньше, но останутся еще трое.

— Я не понимаю при чемъ тутъ три остальныхъ!

— Остальные три? Они одинъ за другимъ вызовутъ графа Морзума!

Я отъ удивленія не зналъ, что отвѣтить. Наконецъ я сказалъ:

— Они же не могутъ привлечь къ отвѣтственности то же самое лицо по той же самой причинѣ! Одинъ изъ четырехъ долженъ взять на себя все, и когда дѣло окончится, въ данномъ случаѣ съ г. Протичемъ оно должно быть кончено для всѣхъ остальныхъ.

Петровичъ пожалъ плечами.

— Мы въ этомъ случаѣ другого мнѣнія. Если графъ Морзумъ выйдетъ невредимымъ изъ этого поединка, я даже могу сказать, если только онъ останется живъ, я могу навѣрное сказать,—что всѣ три моихъ соотечественника вызовутъ его одинъ за другимъ.

Тогда у меня вырвалось:

— Позвольте, это прямо убійство!

Петровичъ хотѣлъ что-то отвѣтить,—но я ему не далъ.

— Я вамъ сказалъ—«убійство», это ужасное слово, но что-же другое оно означаетъ? Это систематическое соглашеніе, что этотъ человѣкъ не можетъ остаться живымъ.

Петровичъ возразилъ.

— У васъ очень странный взглядъ. Я думаю, другой на моемъ мѣстѣ очень былъ-бы раздраженъ тѣмъ словомъ, которое вы только

что сказали. Я вамъ могу сказать одно: я нахожу его несправедливымъ. И потому я ничего не могу отвѣтить на выраженіе «убійство». Но вы конечно,—видѣли сейчасъ, какъ я на это смотрю—не повторите этого слова Бошановичу, который гораздо моложе и вспыльчивѣе меня? Право, это безцѣльно. Я вамъ это разсказалъ, чтобы вы знали, какъ обстоятъ дѣла. Больше не упоминайте объ этомъ и не ставьте себя въ непріятное положеніе.

— Я этого не боюсь,—отвѣчалъ я.

Но Петровичъ привѣтливо сказалъ, протягивая мнѣ руку:

— Не придавайте другого значенія моимъ словомъ. Я вамъ сказалъ, что со мной не трудно сговориться; мы вѣдь теперь все покончили и опять частныя лица. Надо было выработать тяжелыя условія въ нашемъ случаѣ, и я сдѣлалъ, что только могъ. Этимъ моя миссія кончается.

Когда сербы ушли, я сообщилъ Цизову, что мнѣ сказалъ Петровичъ. Цизовъ пришелъ тоже въ большое волненіе. Онъ все восклицалъ:

— Да это нельзя! Это прямо невозможно! Невозможно! Мы не можемъ этого допустить!

Но намъ пришлось согласиться, что пока, заранѣе ничего нельзя сдѣлать. Насъ касалась теперь только эта дуэль. Но когда сойдетъ этотъ поединокъ, то мы отклонимъ дальнѣйшія послѣдствія.

Когда мы пошли спать, послѣ того какъ телеграфировали Фрицу, чтобы онъ пріѣзжалъ, я долго не могъ успокоиться.

Фрицъ вѣдь мнѣ объявилъ, что онъ приговоренъ къ смерти; значитъ, онъ предчувствовалъ, что онъ могъ ожидать отъ своихъ противниковъ. Боязнь овладѣла мною до такой степени, что всю ночь мнѣ снились кошмары.

IV.

Мы ожидали Морзума на вокзалѣ. Онъ былъ порядочно взволнованъ и выглядѣлъ, какъ будто не спалъ всю ночь. Я ничего не сказалъ, но когда Цизовъ сдѣлалъ объ этомъ замѣчаніе, Фрицъ отвѣтилъ:

— Желѣзная дорога всегда ужасно утомляетъ. А я еще имѣю непріятную способность не спать во время путешестія.

Мы сейчасъ-же пошли въ отель. На другое утро рано, въ 6 часовъ, должна была состояться дуэль недалеко отъ Фрейденау, между Дунаемъ и его каналомъ. Я стоялъ за то, чтобы пойти вечеромъ въ театръ; не могли же мы сидѣть въ гостиницѣ.

Мы пошли въ Karltheater и прослушали оперетку; она была не изъ лучшихъ; я забылъ ея названіе. Зала была на три четверти пуста, а это невольно расхолаживаетъ.

*

Мы ушли до конца и вернулись въ отель. Я хотѣлъ предложить посидѣть еще немного вмѣстѣ, но Цизовъ, которому при его медвѣжьихъ нервахъ и въ голову не приходило, что вся эта исторія можетъ взволновать нашего пріятеля, объявилъ, что самое лучшее что мы можемъ сдѣлать, это пойти во время спать, чтобы быть свѣжими на другое утро.

Мы попрощались. На лѣстницѣ Морзумъ шепнулъ мнѣ.

— Пожалуйста зайди ко мнѣ въ комнату.

Когда мы очутились одни, онъ сказалъ:

— Ты знаешь, я совсѣмъ не такъ близокъ стою съ Цизовымъ; мы должны быть одни, чтобы я могъ сказать тебѣ, что желаю. Цизовъ, вѣроятно, скоро заснетъ. Я по крайней мѣрѣ, могу заранѣе сказать тебѣ, что спать я не въ состояніи.

Я отвѣтилъ, положивъ ему руку на плечо.

— Но ты долженъ попробовать, Фрицъ! Ты долженъ хоть немного поспать.

Онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я не въ состояніи. Прошу тебя объ одномъ: сдѣлай мнѣ одолженіе и оставайся эту ночь со мной.

Я попробовалъ еще разъ его убѣдить, объясняя, что онъ на другое утро произведетъ дурное впечатлѣніе своимъ усталымъ видомъ и не будетъ въ состояніи владѣть оружіемъ.

Фрицъ посмотрѣлъ на меня.

— Это все равно.

— Почему такъ?

— Да потому что Протичу, какъ оскорбленному, принадлежитъ первый выстрѣлъ. А второй—мнѣ не придется сдѣлать.

— Что ты опять говоришь? Почему это?

Мы сѣли рядомъ за столъ, на которомъ стояла бутылка вина и два стакана. Онъ подался впередъ, и его большіе горящіе глаза смотрѣли на меня.

— Цизовъ мнѣ сказалъ, какъ обстоитъ дѣло.

Я испугался:

— Что онъ тебѣ сказалъ?

— Ну, онъ сказалъ мнѣ, что я долженъ остерегаться и хорошо цѣлить, потому что эти люди поклялись въ моей смерти. Я-же всегда это говорилъ: я приговоренъ къ смерти. Они вѣдь въ одномъ изъ первыхъ писемъ высказались, что они всѣ одинаково оскорблены. Если одному не удастся отправить меня къ праотцамъ, то, можетъ быть, другому удастся. Конецъ мой все-таки придетъ. Какъ олень, который намѣченъ къ отстрѣлу и падаетъ отъ руки или старшаго лѣсничаго, или просто лѣсничаго, или отъ руки завѣдующаго охотой—онъ во всякомъ случаѣ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ убитъ, будетъ отстрѣлянъ. Такъ и меня хотятъ они уложить.

Этими словами онъ только выразилъ мое мнѣніе, но я старался успокоить его. Онъ грустно качалъ головой.

Было уже очень поздно, и я хотѣлъ оставить его одного, чтобы онъ могъ прилечь на нѣсколько часовъ. Можетъ быть, эта натянутость нервовъ прошла-бы тогда.

Я сообщилъ Фрицу мое рѣшеніе идти спать. Въ 6 часовъ мы должны были выѣхать, до того надо было позавтракать—такъ что, по моему, надо было встать по крайней мѣрѣ въ 4 часа.

Онъ былъ внѣ себя и, схвативъ меня за обѣ руки, вскрикнулъ:

— Прошу тебя, останься здѣсь! Не оставляй меня одного! я тебѣ хочу что-то сказать. Мы можемъ и не говорить даже. Я не могу спать, а ты долженъ. Лягъ сюда, только чтобы я не оставался одинъ.

Я началъ съ нимъ спорить. Наконецъ, онъ сказалъ, какъ последнее средство, чтобы уговорить меня остаться тамъ:

— Теперь вѣдь все равно, я могу совсѣмъ открыться передъ тобой. Мнѣ больше не стыдно! Завтра утромъ все уже будетъ кончено. Такъ я тебѣ сознаюсь: я боюсь оставаться одинъ въ комнатѣ.

Тогда я согласился остаться. Моихъ вещей не было со мной, да я все равно не спалъ-бы: участь друга слишкомъ близко касалась меня. Я снялъ сюртукъ, растянулся на диванѣ, завернулся въ одѣяло, сказалъ:—Покойной ночи!—и повернулся на бокъ.

Онъ остался сидѣть въ креслѣ и даже не собирался лечь. Я расположился такъ, что могъ видѣть всю комнату. Изрѣдка взглядывалъ я на него между прищуренныхъ вѣкъ, чтобы убѣдиться, не закрылись-ли у него глаза. Но онъ все сидѣлъ, глядя прямо передъ собой. Я всталъ и надѣлъ опять свой сюртукъ.

— Фрицъ, я понимаю какъ тебѣ тяжело, и что ты не можешь спать. Ну, а если ты не можешь, такъ и я не буду спать. Иди, мы поговоримъ немножко.

Онъ привѣтливѣе посмотрѣлъ на меня, и я началъ разсказывать ему всякую всячину. Когда мнѣ ужъ больше ничего не шло въ голову, я взялъ газету, находившуюся у меня въ карманѣ и сталъ громко читать. Но вскорѣ я замѣтилъ, что такъ продолжаться не можетъ; и потому прекратилъ свои старанья развлечь его. Онъ началъ говорить. Я не мѣшалъ ему. Можетъ быть, это могло облегчить его сердце.

Его слова были, какъ исповѣдь умирающаго. Онъ говорилъ все болѣе безъ обиняковъ, безъ страха и стыда, и все, что онъ говорилъ, было направлено, на то, чтобы доказать, объяснить, извинить его трусость.

— Я съ дѣтства былъ труслив. Еще мальчикомъ я боялся упасть съ качели. Другія дѣти, получая ружье въ подарокъ, радуются, что могутъ стрѣлять. Я бралъ его робко въ руки и ясно помню, что ни за что на свѣтѣ на хотѣлъ выстрѣлить. Я думаю, что всѣмъ этимъ страхамъ, мучившимъ меня всю жизнь и развивавшимся постепенно вся больше и больше, было причиной—мое воспитаніе.

Меня ребенкомъ запугивали чернымъ человѣкомъ. Въ наказаніе меня запирали въ темную комнату, и я никогда не забуду того ужаса, который овладѣвалъ мною тогда. Я своего отца до того боялся, что это чувство страха еще и теперь не прошло. Теперь это чувство страха перешло въ недовѣріе, которое дошло до того, напримѣръ, что мой отецъ и понятія не имѣетъ о той исторіи, въ которую я запутался. Прежде, когда я стоялъ лицомъ къ лицу съ опасностью, я уже не испытывалъ страха или не сознавалъ его. Но то, что предшествовало этому, вызывало во мнѣ боязнь. Ожиданіе! Ожиданіе! Это проклятое ожиданіе въ невѣдѣніи и боязни, придетъ-ли оно или нѣтъ—всегда, всю мою жизнь было мнѣ ужасно. Это меня мучило, когда я еще въ школѣ бывало натворю что-нибудь—будетъ-ли это замѣчено, или нѣтъ. Я не имѣлъ ни одной покойной минуты, пока я не стоялъ передъ класснымъ наставникомъ, отвѣчая за сдѣланный проступокъ. Я рисовалъ себѣ самое ужасное, что могло бы случиться. Изъ за каждаго пустяка я боялся быть выгнаннымъ изъ школы. Когда же ожидаемое случалось, я помню не разъ, учителя говорили, что я не казался угнетеннымъ, а дѣлался прямо дерзкимъ.

Въ школѣ у меня были товарищи, которые любили запугивать другихъ. Говорили о томъ, посмѣетъ-ли кто-нибудь пройтись вдоль кладбищенской стѣны ночью. И когда нѣсколько учениковъ открыли, что мнѣ это непріятно, то меня стали ужасно дразнить. Дѣйствовали на мое самолюбіе, убѣждали что я долженъ доказать отсутствіе страха. И я это дѣлалъ нѣсколько разъ, вмѣсто того чтобы, какъ благоразумный человѣкъ посмотрѣть на это, какъ на мальчишескую выходку и отказаться. Напримѣръ, со мной былъ одинъ случай, котораго я до смерти не забуду»...

Фрицъ грустно улыбнулся.

— Слѣдовательно, мнѣ недолго ужъ придется это помнить... Надо было въ полночь одному войти въ залу, гдѣ должно было стоять зеркало. Затѣмъ надо было зажечь 2 свѣчи, подойти къ зеркалу, держа свѣчки по правую и по лѣвую сторону, смотрѣть въ зеркало и именно въ собственные свои глаза въ отраженіи и три раза крикнуть свое имя и громко засмѣяться. Говорили, что тогда появлялось въ зеркалѣ уродливое лицо, ужаснѣйшая рожа. Я уже не помню откуда товарищи это взяли, кажется вычитали изъ какого-то романа. За гимназіей была большая зала въ саду, принадлежавшая близъ находящемуся ресторану. Тамъ было все намъ необходимое: зала, темнота, зеркало и одиночество. Туда поставили двѣ свѣчи и спички. Я знаю, что я ужасно боялся, что все внутри меня возмущалось противъ этого. Я не хотѣлъ войти туда. Если бы у меня былъ дѣйствительный врагъ, противъ котораго я могъ-бы бороться—это другое дѣло, но такъ ни за что. Я думалъ объ этомъ съ ужасомъ. Я боялся разговоровъ соучениковъ, и когда одинъ изъ нихъ большой, дерзкій драчунъ, объявилъ:

— «Морзумъ этого не сдѣлаетъ, онъ слишкомъ боится»;—то я подумалъ, что моя честь мнѣ не позволитъ иначе, и я именно долженъ это сдѣлать.

Назначили день и стали ждать полуночи. Темной ночью я вышелъ въ садъ. Луна не сіяла на небѣ, нигдѣ не видно было никакого свѣта вблизи. Я ощупью дошелъ до двери, и когда я прошелъ залу скоро и стремительно, чтобы только сократить насколько возможно это мученіе, мнѣ показалось, какъ будто эхо моихъ шаговъ отдается со всѣхъ сторонъ, точно сдержанный смѣхъ и шепотъ.

Я подошелъ къ зеркалу, зажегъ свѣчи, поднялъ ихъ высоко и увидѣлъ отраженіе моего испуганнаго, блѣднаго, осунувшагося лица. Уже тогда я едва имѣлъ силу крикнуть, но пересилилъ себя и крикнулъ три раза свое имя и три раза засмѣялся коротко и хрипло, почти задушеннымъ отъ страха голосомъ. Когда послѣдній звукъ моего голоса прекратился, и я съ нечеловѣческимъ ужасомъ ожидалъ страшной рожи, которая должна была явиться мнѣ въ зеркалѣ, раздался вдругъ со всѣхъ сторонъ звучный хохотъ. Что потомъ было, я не знаю. Знаю только, что я уронилъ свѣчи и что потомъ я опасно заболѣлъ. У меня сдѣлалась нервная лихорадка.

Впослѣдствіи объясненіе всему этому было очень простое. Мои соученики спрятались въ залѣ и тихонько смѣялись, когда я вошелъ и затѣмъ громко расхохотались, когда я три раза крикнулъ свое имя. Это была глупая ученическая шутка, но она могла стоить мнѣ разсудка.

Затѣмъ были еще и другія вещи: надо было трогать мертвую руку, ходить мимо кладбища при лунномъ свѣтѣ. Мнѣ и думать объ этомъ не хочется! Я хотѣлъ только тебѣ сказать, какъ это все было, и какія ошибки въ моемъ воспитаніи сдѣлали, а также какъ этому способствовали товарищи. Когда дѣлаешься старше, то такая раздраженность воображенія проходитъ. Это у другихъ, можетъ быть! Но не у меня. Я цѣлыми годами страдалъ отъ этого страха. Мой разумъ, положимъ, мнѣ говорилъ, что большею частью все, чего я боялся, или воображалъ, все это глупость. Но разумъ могъ говорить свое, а натура брала свое. Я не боялся разбойниковъ, убійцъ или воровъ, вообще людей, я боялся сверхъестественнаго, хотя зналъ что сверхъестественнаго нѣтъ.

— Затѣмъ—знаешь: нервное-ли это возбужденіе или что, но я не могу спать одинъ. Находиться въ отелѣ одному въ комнатѣ мнѣ истинное мученье. Я всегда думаю, что я не одинъ, я все думаю, что кто-то еще долженъ быть въ комнатѣ, и если я даже запрусь, онъ все-таки войдетъ въ комнату. Неопредѣленный страхъ овладѣваетъ мной. Я стараюсь защититься разумомъ, но это не помогаетъ.

— Когда я возвращаюсь домой и хочу лечь спать—сколько ужъ разъ мнѣ представлялось, что кто-то лежитъ въ моей кровати. Ко-

нечно, это было не что другое какъ только минутное раздраженіе нервовъ. Это длилось годами, но я пересилилъ себя. Болѣе всего у меня развилась боязнь передъ опасностью. Я не могу тебѣ описать, какой я испытываю страхъ передъ завтрашнимъ. У меня ежеминутно дрожь пробѣгаетъ по спинѣ. Я знаю, что мое сердце чаще бьется, когда я объ этомъ думаю. Когда я ощупываю себѣ грудь, я замѣчаю, какъ я взволнованъ. У меня начинаетъ шумѣть въ ушахъ. Мнѣ кажется, какъ будто лицо мое тускнѣетъ, какъ будто кровь бросается въ глаза. Я дѣлаюсь неувѣреннымъ и не знаю, что думать, что сказать.

Меня не страшитъ моментъ наведеннаго пистолета,—Господи, вѣдь умирать одинъ разъ приходится, но мысль, сколько времени пройдетъ до тѣхъ поръ, пугаетъ меня! Это меня гнететъ.

И опять меня не волнуютъ всѣ обстоятельства, сопряженныя съ дуэлью, а то, какъ я къ нимъ отнесусь, будетъ-ли виденъ на мнѣ страхъ. Вѣдь это прямо смѣшно. Если этотъ сербъ меня отправитъ завтра къ праотцамъ, то все вѣдь кончится. Слѣдовательно, я могъ-бы быть совершенно равнодушнымъ къ этому—нѣтъ, нѣтъ, это отвратительно, это ужасно! Буду-ли я дрожать? Буду-ли я мерзнуть? Хоть ужъ холодно бы было, тогда я могу мерзнуть. Но если я буду тепло одѣтъ, или если не будетъ холодно,—сегодня вѣдь не былъ холодный день,—какую же я буду имѣть причину такъ дрожать? Ты подумай, какое будетъ презрительное лицо у серба, если онъ увидитъ, что я трясусь. Я не дрожу передъ смертью. Я написалъ своимъ близкимъ, привелъ свои дѣла въ порядокъ, подвелъ уже итогъ своей жизни. Какъ видишь я не боюсь смерти. Но подумай только: вдругъ какъ я подыму пистолетъ, дуло заходитъ во всѣ стороны; ты подумай; страхъ можетъ такъ овладѣть мной, что вдругъ выстрѣлю до вашей команды. Тогда сербъ оставитъ меня стоять такъ, и его секунданты скажутъ: «Этотъ человѣкъ не способенъ дать удовлетвореніе». А? Что будетъ со мной? Я буду стоять къ стыду и позору своему, какъ жертва своихъ нервовъ. Можешь-ли ты понять то, что я тебѣ говорю? Мнѣ кажется другому и не понять этого. Можешь ты чувствовать за меня, скажи мнѣ, можешь?»...

Мнѣ было тяжело отвѣчать на слова Фрица. Чувствовать за него я не могъ, но утѣшить его я всетаки хотѣлъ, и потому сказалъ:

— Ты мнѣ такъ ясно объяснилъ, что я въ состояніи понять тебя... Мнѣ жаль тебя, Фрицъ, я не могу даже сказать до какой степени... Возьми себя въ руки, будь благоразуменъ, ничего подобнаго не случится, не упускай меня изъ виду и дѣлай въ точности, что я тебѣ буду говорить. Я тебѣ отвѣчаю, что все обойдется хорошо.

Я еще продолжалъ его успокаивать и, казалось, это производило на него впечатлѣніе: онъ повидимому сталъ успокаиваться.

Часы бѣжали; я видѣлъ, что и рѣчи не можетъ быть о его снѣ. Но я такъ усталъ, что у меня глаза смыкались во время того, какъ

Фрицъ давалъ мнѣ все новыя доказательства того, что онъ называлъ своею трусостью.

Я былъ пробужденъ изъ своей полудремоты тѣмъ, что Фрицъ сѣлъ около меня и умоляющимъ голосомъ проговорилъ:

— Пожалуйста, скажи мнѣ одно: ты меня не презираешь?

— Да какъ ты можешь это думать!

Я ему подалъ руку:

— Если бы я презиралъ тебя, развѣ я согласился-бы быть твоимъ секундантомъ?

Глаза его просіяли.

— Правда, я объ этомъ не подумалъ. Это мнѣ большое утѣшеніе.

Пробило четыре. Роковой часъ все приближался. Мы сказали швейцару, что хотимъ рано поѣхать въ окрестности Вѣны; такъ что извозчикъ былъ заказанъ въ 5 часовъ.

Фрицъ ходилъ взадъ и впередъ и не говорилъ ни слова. Цизовъ подмигнулъ мнѣ, и когда нашъ пріятель вышелъ на минуту изъ комнаты, онъ спросилъ.

— Ну, а какъ-же моральный элементъ? Вѣдь онъ поддержитъ нашу честь?

— Конечно!

Цизовъ посовѣтовалъ:

— Знаете что? Пусть онъ лучше выпьетъ коньяку! Утро свѣжее, при томъ онъ только что всталъ съ кровати, да еще ѣзда въ экипажѣ, которая тоже не очень-то согрѣетъ. Какъ вы думаете?

— Скажите ему!

Когда Фрицъ опять вернулся, Цизовъ обратился къ нему, подавая стаканъ коньяку.

— Ну, милый графъ, за благополучный исходъ!

Фрицъ, который, повидимому, хотѣлъ взять стаканъ, съ трудомъ улыбнулся и протянулъ руку. Цизовъ отпустилъ слишкомъ рано стаканъ. Онъ упалъ на полъ и разбился.

Это былъ непріятный случай и мы старались нѣсколькими равнодушными словами изгладить впечатлѣніе. Къ счастью, въ эту минуту вошелъ кельнеръ съ завтракомъ Цизова.

На извощикѣ мы пронеслись по неоживленнымъ еще улицамъ мимо «Carltheater», въ которомъ смотрѣли оперетку, прямо къ Пратеру. Мы проѣхали съ страшной быстротой по этой чудной аллеѣ, извощика мы посвятили въ нашу тайну, лицо его не измѣнилось отъ этого. Затѣмъ мы повернули налѣво и поѣхали полевой дорогой, на которой лежала роса. Близость Дуная замѣтна была по туману. Погода была пасмурная.

Когда мы пріѣхали къ назначенному мѣсту, тамъ еще ни души не было. Мы вынули часы. Было еще дѣйствительно рано.

Я шепнулъ Цизову:

— Мы не должны были такъ рано пріѣзжать.

Тотъ отвѣчалъ.

— Ахъ лучше рано, чѣмъ слишкомъ поздно. А эти полуазіаты,— Боже мой, вѣдь никого изъ нихъ нѣтъ вблизи—врядъ-ли очень пунктуальны. Такъ мы имъ по крайней мѣрѣ покажемъ хорошій примѣръ.

Мы стали бѣгать взадъ и впередъ по мокрой отъ росы травѣ съ завернутыми панталонами. Мы были сокрыты лѣсомъ отъ нескромныхъ взглядовъ, кромѣ того осенній туманъ былъ такой густой, что одинъ могъ служить покровомъ.

Нашему терпѣнію пришлось выдержать большое испытаніе, такъ какъ до назначеннаго времени оставалось 20 минутъ.

Извощикъ довезъ насъ страшно быстро. Можетъ быть, было бы лучше, еслибъ мы сдѣлали маленькую прогулку въ экипажѣ.

Я взялъ Фрица подъ руку и сталъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ.

— Давай, побѣгаемъ немножко и разомнемъ себѣ ноги. Сегодня ужасно свѣжо!

Фрицъ глядѣлъ передъ собой. Мнѣ стало тяжело говорить. Я не зналъ, что сказать. Мои мысли возвращались все время къ несчастному другу, который, можетъ быть, гуляетъ теперь въ послѣдній разъ. И я все думалъ, что онъ чувствуетъ, успокоился-ли онъ немножко? Я почувствовалъ даже извѣстнаго рода безпокойство при мысли, какъ онъ будетъ себя держать.

Я не могъ себѣ представить, чтобы что-нибудь случилось, но такъ какъ мы такъ много объ этомъ говорили, то я по сочувствію къ другу, сталъ самъ нервничать.

Цизовъ отъ насъ немного удалился. Въ дорожномъ сакѣ лежали пистолеты и онъ пошелъ еще разъ ихъ провѣрить.

Я попробовалъ заговорить, но Фрицъ внезапно схватилъ и сжалъ мою руку, какъ будто хотѣлъ раздавить ее.

— Прошу тебя: займи Цизова и оставь меня одного. Оставь меня здѣсь.

— Какъ разъ этого и не надо.

— Именно надо, прошу тебя. Только чтобы Цизовъ меня не видѣлъ.

Я пожалъ плечами, но подумалъ, что все-таки лучше исполнить его желаніе и повернулся, чтобы идти. Но онъ, прежде чѣмъ я успѣлъ удалиться, схватилъ меня за рукавъ и спросилъ:

— Ты думаешь, что Цизовъ ничего не замѣтилъ?

— Ни капли! Да что ты думаешь? И замѣчать-то нечего!

— Замѣтить будетъ что: ну, что я слишкомъ рано выстрѣлю, или что выстрѣлъ направленъ будетъ въ траву, наконецъ, что я пистолетъ выроню. Боже мой, вѣдь я не знаю, что я буду дѣлать. Скорѣй бы только это кончилось! Господи, дѣлайте только скорѣе! Сдѣлаешь? Ты

обѣщаешь мнѣ? Безъ безконечныхъ рѣчей и зарядовъ, какъ можно скорѣе поставьте насъ и готово.

Я это обѣщалъ и прибавилъ:

— Ну, теперь ужъ они скоро должны пріѣхать.

Цизовъ объявилъ, хитро улыбаясь:

— Было бы отлично, еслибъ эти люди опоздали. Я рѣшилъ ждать до четверти—какъ вы думаете? Если они не пріѣдутъ—мы не обязаны ждать дольше, садимся на извощика и ѣдемъ домой. Но тогда всю эту банду къ чорту! Увѣряю васъ, я послѣ этого пальцемъ не двину изъ-за этого дѣла. Мы возьмемъ тогда своего графа и поѣдемъ домой. Это было бы очень остроумно. Причина у насъ уважительная. Мы скажемъ, что ждали четверть часа, противникъ не пріѣзжалъ. Мы отклоняемъ всякіе переговоры; съ такими людьми мы не стрѣляемся.

Онъ опять взглянулъ на часы.

— Черезъ минуту! Еще одна минута!

Цизовъ произнесъ это громко. Фрицъ взглянулъ на насъ, и мнѣ показалось, что на его лицѣ засвѣтилась послѣдняя надежда. Но она должна была исчезнуть, такъ какъ черезъ нѣсколько секундъ по нашимъ часамъ—было какъ разъ время—мы услышали вдали звукъ приближающагося экипажа.

Я видѣлъ, какъ Фрицъ прислушался, видѣлъ, какъ исчезло радостное выраженіе его лица, какъ онъ плотно сжалъ губы, потомъ вдругъ сразу выпрямился, застегнулъ пальто, энергично взялъ палку въ руку, со свистомъ замахалъ ею въ травѣ и направился къ намъ.

Черезъ минуту нѣсколько человѣкъ вышли изъ лѣска. Когда они появились одинъ за другимъ и ясно вырисовывались на темномъ фонѣ, я могъ легко ихъ сосчитать: одинъ, два, три, четыре.

Петровича и Бошановича я узналъ; двое другихъ мнѣ были незнакомы: слѣдовательно, это былъ докторъ и противникъ Фрица.

Когда они приблизились, мы остались на своемъ мѣстѣ. Затѣмъ, мы поклонились другъ другу. Послѣ этого Цизовъ съ одной стороны, Петровичъ съ другой взяли на себя представленіе. Протичъ отошелъ на извѣстное разстояніе и остался одинъ. Фрицъ сдѣлалъ то же.

Одну минуту, пока докторъ откладывалъ въ сторону свою сумку, я имѣлъ возможность оглядѣть противника Фрица. Онъ былъ средняго роста, коренастый, на немъ былъ черный сюртукъ, на видъ ему было 24 года, но онъ могъ быть и моложе, такъ какъ представители этого народа обыкновенно кажутся старше своихъ лѣтъ.

Не могу сказать, что онъ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе. У него былъ желтый цвѣтъ лица, черные волосы и маленькіе черные усы. Онъ былъ спокоенъ и тихъ. На немъ не было замѣтно ни малѣйшаго волненія.

Для сравненія я невольно посмотрѣлъ на Фрица. Я долженъ былъ

сознаться, что наружно онъ сохранилъ выдержку, хотя я и замѣтилъ его волненіе по разнымъ мелочамъ.

Петровичъ былъ въ высшей степени любезенъ, по нашимъ понятіямъ даже слишкомъ любезенъ къ секундантамъ противника. Невольно я вспомнилъ наши переговоры, и мнѣ показалось, что сейчасъ онъ долженъ приподнять свой цилиндръ и сказать: «Господа, прежде чѣмъ мы начнемъ наше дѣло, будемъ какъ частныя лица».

Я почти улыбнулся, такъ смѣшна показалась мнѣ эта мысль. Петровичъ сказалъ:

— Если господа согласны, поторопимся насколько возможно.

— Конечно, я тоже за это стою,—отвѣчалъ я, и Цизовъ подтвердилъ мои слова.

Мы скоро пришли къ соглашенію, въ какомъ направленіи должны были стоять противники, чтобы никто изъ нихъ не имѣлъ бы свѣтъ въ глаза и преимущество надъ другимъ.

Это не было трудно, такъ какъ солнце не свѣтило.

Затѣмъ мы посмотрѣли, чтобы никто изъ нихъ не стоялъ бы на свѣтломъ фонѣ, что служило бы хорошей цѣлью. Наконецъ, мы стали опредѣлять барьеръ, при чемъ Бошановичъ отмѣтилъ начальный пунктъ, бросивъ свой платокъ на землю. Затѣмъ сербы попросили меня быть такимъ любезнымъ и взять на себя отсчитать 20 шаговъ.

Могу сказать, что я отсчиталъ ихъ въ пользу хорошаго исхода. Они было очень широки.

Я бросилъ платокъ на другой сторонѣ. Дальнѣйшія распоряженія мы предложили Петровичу, потому что онъ былъ гораздо старше насъ. Онъ, казалось, былъ очень польщенъ и сейчасъ же сказалъ, что такъ какъ мы, навѣрное, тоже привезли съ собой пистолеты, то онъ позволяетъ себѣ предложить наше оружіе вмѣсто своего.

Вслѣдствіе этого Цизовъ принесъ свой саквояжъ. Оба пистолета зарядили. Это было дѣло Цизова и Бошановича.

Въ это время Петровичъ подошелъ къ Протичу, и я перешелъ на другую сторону, гдѣ стоялъ Фрицъ одинъ.

Я ему шепнулъ:

— Ну, видишь, скорѣе ужъ невозможно было сдѣлать. Все идетъ отлично. Ты ведешь себя безукоризненно. Черезъ нѣсколько минутъ все будетъ кончено. Ну, скорѣй. Ты слышалъ, что сербы тоже желаютъ, чтобы все скорѣе было. Такъ снимай пальто, сюртукъ и жилетъ.

Пока я это говорилъ, онъ былъ уже готовъ и стоялъ въ рубахѣ. Я спросилъ:

— У тебя есть что-нибудь въ карманѣ?

Онъ мнѣ далъ портъ-моннэ, перочинный ножъ и ключи.

— Такъ... Теперь совѣтую тебѣ одно. Неправда-ли, ты будешь благоразуменъ и сдѣлаешь это? Ты знаешь: за сербомъ первый выстрѣлъ

такъ ты стань къ нему бокомъ. Ты не долженъ поворачиваться къ нему, не долженъ подставлять грудь.

Но Фрицъ возразилъ:

— Ахъ, да вѣдь это все равно.

Я не имѣлъ времени разсердиться на это, тѣмъ болѣе, что чувствовалъ, что онъ говоритъ, не понимая. Я прежде воображалъ, что онъ самъ обманывается въ своихъ чувствахъ, но теперь я убѣдился, что онъ былъ правъ. Какъ онъ сейчасъ вынулъ портъ-моннэ и ключи изъ праваго кармана и положилъ ихъ въ лѣвый, затѣмъ изъ лѣваго опять въ правый, чтобы потомъ опять вынуть,—конечно, все это свидѣтельствовало о большомъ волненіи!

Я незамѣтно схватилъ его за руку.

— Фрицъ, будь внимателенъ! Тебѣ не надо стрѣлять. Ты держишь пистолетъ опущеннымъ и ждешь выстрѣла.

Я не получилъ отвѣта и повелъ его къ мѣсту.

Обоимъ противникамъ были поданы пистолеты. Я Цизову намекнулъ, чтобы онъ, передавая Фрицу оружіе, повторилъ бы ему, что я сказалъ. Цизовъ-же устроилъ это иначе и сговорился съ Петровичемъ перечислить еще разъ всѣ условія.

Тотъ любезно на это согласился и сказалъ громкимъ голосомъ.

— Господа, я обращаю ваше вниманіе на то, что буду считать до трехъ разъ. На словѣ три г-ну Протичу принадлежитъ первый выстрѣлъ, который долженъ быть сдѣланъ въ теченіе одной минуты, въ противномъ случаѣ очередь графа Морзума, хотя бы господинъ Протичъ и не выстрѣлилъ. Если же господинъ Протичъ далъ выстрѣлъ, то онъ, господинъ Протичъ, долженъ ожидать выстрѣла своего противника, графа Морзума, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ. Графу Морзуму для выстрѣла дается одна минута. Если въ продолженіи этого времени онъ не дастъ выстрѣла, то теряетъ право на выстрѣлъ.

Затѣмъ, вынувъ платокъ, онъ прибавилъ.

— Я подыму свой платокъ и буду считать: разъ,—два,—три и на три опущу его. Тогда прошу господъ противниковъ наступать. Барьеръ не долженъ быть перейденъ.

Потомъ онъ обратился въ одну сторону къ Бошановичу и въ другую ко мнѣ, и спросилъ:

— Готово?

— Да!

Противники стояли другъ противъ друга. Докторъ и мы, секунданты стояли въ сторонѣ параллельно. Маленькій Петровичъ былъ передъ нами. Онъ поднялъ платокъ.

Я съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдалъ за Фрицемъ, боясь, что его нервы дѣйствительно сыграютъ съ нимъ ужасную штуку. Я дрожалъ, что онъ слишкомъ близко подойдетъ, не обратитъ вниманія

на барьеръ и я едва могъ дождаться начала. Наконецъ Петровичъ сказалъ.

— Разъ,—два,—три!

Затѣмъ платокъ былъ опущенъ. Протичъ двинулся къ самому барьеру, Фрицъ также.

При этомъ Фрицъ сталъ во всю свою ширину, какъ будто онъ спокойно ожидалъ своей участи, какъ будто ему все было рѣшительно безразлично. Предостереженіе было сказано по-напрасну; онъ былъ такою цѣлью, лучше которой противникъ не могъ желать. Я долженъ былъ страшно сдержать себя, чтобы не крикнуть ему.

Протичъ поднялъ пистолетъ, приложилъ и сталъ цѣлить. Я до сихъ поръ все еще вѣрилъ, что онъ выстрѣлитъ не глядя,—но теперь я увидѣлъ, что разсчитывать на такое благородство нечего. Я увидѣлъ только желтоватое, сморщенное лицо, съ однимъ закрытымъ глазомъ и неподвижной рукой. При этомъ меня охватило чувство, что судьба уже рѣшена.

Фрицъ держалъ пистолетъ опущеннымъ и смотрѣлъ на своего противника неподвижнымъ взглядомъ; лѣвая его рука была сжата въ кулакъ. Я замѣтилъ, какъ онъ старался стоять неподвижно. Этотъ взглядъ въ дуло пистолета былъ послѣднимъ напряженіемъ нервовъ. Но нервы выдерживали. Онъ держалъ себя безукоризненно, онъ не содрогался.

Раздался выстрѣлъ. Поднялось маленькое облачко дыма.

Фрицъ остался стоять неподвижно. Я уже радовался и ликовалъ внутренно, что пуля не попала.

Но вдругъ рука Фрица опустилась. Я замѣтилъ, какъ онъ еще разъ попробовалъ ее поднять. Это не удалось, она опять опустилась, пистолетъ выпалъ на землю. При этомъ движеніи я сейчасъ-же приблизился. Цизовъ и докторъ тоже подошли. Мы еще колебались одну минуту. Мы все еще не могли повѣрить, понять. Вдругъ Фрицъ упалъ на колѣни и тихо, безъ малѣйшаго звука, повалился впередъ, лицомъ въ траву.

Мы его повернули. Докторъ осмотрѣлъ. Глаза Фрица были закрыты, онъ ихъ открылъ еще разъ. Мнѣ показалось, что его взглядъ остановился на мнѣ, но не боязливый, а удовлетворенный и гордый, какъ будто онъ хотѣлъ сказать:—Слава Богу, все прошло—нервы выдержали! Послышалось слабое хрипѣнье. Докторъ пожалъ плечами, стоя на колѣняхъ и взглянувъ на насъ снизу вверхъ, сказалъ:

— Я теперь лишній.

Я такъ былъ пораженъ, что не могъ придти въ себя. Я не могъ понять, все это такъ быстро свершилось; я замѣтилъ, что и на другихъ это такъ-же подѣйствовало, какъ и на меня.

Другіе подошли тоже. Живой маленькій Петровичъ началъ охать

и ахать. Онъ былъ внѣ себя, Бошановичъ стоялъ непреклонный, но я видѣлъ, что онъ тронутъ. Противникъ Фрица тоже хотѣлъ приблизиться къ намъ. Но тогда Цизовъ поднялся, всталъ передъ тѣломъ и, приподнявъ шляпу, холодно произнесъ:

— Вы теперь позвольте, чтобы мы одни покончили это дѣло.

Сербы поклонились и удалились.

Докторъ остался. Я думалъ сначала, что выстрѣлъ попалъ въ сердце, но оказалось, что пуля проникла въ шею и очевидно застряла въ спинномъ хребтѣ; выхода ея не было видно.

Когда я стоялъ на колѣняхъ около мертваго друга и сложилъ руки на короткую молитву, ища словъ, чтобы извинить передъ Творцомъ отлетѣвшую душу, я мысленно сказалъ себѣ, что для несчастнаго товарища было лучше, что случилось такъ. Онъ вѣдь хотѣлъ принять всѣ поединки, и его смертный приговоръ былъ произнесенъ, еслибъ не попалъ въ него первый, то попалъ-бы второй, третій или четвертый. Мученіе было-бы только продолжено, а нервы его, можетъ быть, дѣйствительно не выдержали бы.

Когда я поднялся съ колѣнъ и посмотрѣлъ на блѣдное, серьезное, но покойное лицо, я сказалъ себѣ:

— Хорошо такъ. Онъ счастливъ. А трусомъ онъ все-таки не былъ, потому что пересилилъ свои нервы, какъ того требовалъ нашъ старый полковникъ.

Да, хорошо, что случилось такъ!

СЪ НАТУРЫ.

(Очеркъ).

Глава I.

Я робко вошла въ комнату при модной мастерской м-мъ Матильды, помѣщающейся на лучшей улицѣ губернскаго города N. Посреди комнаты стоялъ длинный столъ, за которымъ на табуретахъ сидѣли работницы.

— Вамъ кого?—спросила одна изъ сидящихъ, пристально осматривая меня.

— Мнѣ нужно видѣть м-мъ Матильду. Я поступила въ эту мастерскую учиться.

— А вы на платьичное отдѣленіе или на верхнія вещи?—спросила другая съ всклокоченными волосами и продолжала:

— Вы, значитъ, въ наше поступаете? Что-жъ, дѣло занятное, чтобъ его чортъ побралъ!

— Что-жъ за жалованье или такъ? — съ улыбкой спросила меня хорошенькая брюнетка.

— Нѣтъ, я въ ученицы безъ жалованья.

— Кхи, кхи,—подмигнула брюнетка своей сосѣдкѣ. Достанется и ей на орѣхи, горячаго до слезъ.

— Вѣрно, кукушенька, впрочемъ теперь мода пошла: всѣ стали обучаться нашему ремеслу,—насмѣшливо проговорила красивая дѣвушка съ завитушками въ волосахъ и обратилась ко мнѣ:

— Хозяйка наша еще спитъ.

— И очень крѣпко, подъ пуховымъ одѣяломъ. Охъ, дѣвушки, такъ спать хочу, что моченьки нѣтъ, заявила, зѣвая, мастерица съ всклокоченными волосами; я, кажется, если бы легла на мягкую постель, да подъ пуховое одѣяло, такъ бы недѣлю не проснулась,—ужъ и сыпанула бы!

— Madame сейчасъ безпокоить нельзя, вредно, нервы у нея разстроятся. А правую хозяйскую руку сейчасъ позовемъ, т.-е. закройщицу Василису Терентьевну,—очень пріятная госпожа.

— Она у хозяйки тарелки лижетъ,—вставила Фросинья Елпидифоровна.

Катенька расхохоталась.

— Не вѣрите? Сама видѣла, право слово, дѣвушки, лижетъ чисто на чисто.

— А вы, барышня, сядьте,—эй, дайте табуретку кто-нибудь!

Я присѣла, съ любопытствомъ осматривая работающихъ.

— Варюшка, ты гдѣ? Кто дежурный?

На зовъ пришла дѣвочка лѣтъ десяти, съ пугливыми движеніями.

— Варюшка, ты дежурная?

— Я, Фросинья Пидифоровна.

— Слушай толкомъ: поди въ закроишную къ Василисѣ Терентьевнѣ... стой... чего егозишь?.. у, егоза, слушай, и доложи что новенькая въ ученье пришла, такъ, молъ, я спрашиваю, къ кому въ подручныя посадить. Да ты спроси, а сюда не приводи, а то я тебя на двое.—Слышишь?

— Ну, что-жъ, хорошо, слышу. Дѣвочка кивнула головой и рванулась съ мѣста.

— А вы, барышня, на всякій случай возьмите табуретъ, посидите въ корридорѣ, тамъ не страшно, собакъ нѣтъ, были да передохли... Право слово, не страшно. Отодвинувъ отъ себя работу, мастерица свернула папиросу и вышла въ корридоръ.

— Идите-ка сюда, вонъ у той двери направо, на сундукѣ посидите, тамъ посвѣтлѣй.

Я вышла за ней и сѣла въ концѣ корридора, а мастерица заглянула въ другую дверь—налѣво и тихо позвала:

— Сопа, а Сопа! приходи, угощу, охота есть. Не хочешь? не надо. Иди, рыжая, ты. Ну, живѣй...

Къ ней вышла полная дѣвушка, высокаго роста, съ красновато рыжими волосами, и онѣ вмѣстѣ отправились въ сѣни.

Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ подошла закройщица, одѣтая въ черное платье, высокая, худая, съ тонкими чертами лица, съ тонкими губами и, не смотря на меня, холодно спросила:

— Съ хозяйкой уговорились?

— Да, она мнѣ утромъ сегодня велѣла придти.

— Мнѣ ничего неизвѣстно,—заявила закройщица и, недовольно пожимая плечами, приказала дѣвочкѣ:

— Скажи Машенькѣ, чтобы къ себѣ посадила, а тамъ видно будетъ.

— Пойдемте со мной,—позвала, оглядывая меня дѣвочка.

— Вы снимите кофточку, шляпку, я въ чуланъ спрячу. Подождите, я сейчасъ.—Она нырнула въ маленькую дверь.

— Къ вамъ приказали сѣсть, обратилась Варя къ дѣвушкѣ съ

большими сѣрыми глазами, съ добродушнымъ лицомъ и аккуратно одѣтой.

— Ко мнѣ, такъ ко мнѣ, все равно. Садитесь, и привѣтливо посмотрѣла на меня.

— До насъ были въ какой-нибудь мастерской?

— Нѣтъ, я въ первый разъ поступаю.

— Охота или нужда загнала?

— И то, и другое...

— Да, я думаю безъ нужды охотниковъ къ намъ не найдешь,—проговорила она, разсматривая нѣсколько кусковъ сѣрой матеріи, и громко вздохнула.

— Иголки, наперстокъ захватили съ собой?

— Нѣтъ, я не знала...

— Ну, иголки надо имѣть свои, у насъ такое правило, а пока я вамъ займу, а вотъ это соберите, да не вытягивайте.

Швейныя машины трещали, дѣвочки пытливо оглядывали меня. Съ непривычки работа не ладилась. Я отъ смущенья скользила глазами, вглядываясь въ темныя грязныя стѣны комнаты и въ почернѣвшій потолокъ, на которомъ вытертая копоть отъ лампъ оставляла слѣдъ наброшеннаго рисунка.

Недалеко отъ меня сидѣла Ефросинья Елпидифоровна съ озабоченнымъ видомъ и что-то ворчала себѣ подъ носъ. Я окончила свою работу и, дожидаясь другой, считала сколько человѣкъ сидитъ въ нашей комнатѣ.

— Я замѣтила, вы считаете насъ?—шопотомъ спросила меня сосѣдка и прибавила:

— Теперь насъ мало, вы десятая, а было двѣнадцать, да заболѣли, въ больницу увезли.

Пришла закройщица съ картинкой журнала, остановилась около манекена и только хотѣла что-то сказать, какъ брюнетка поспѣшила:

— Доброе утро, Василиса Терентьевна, хорошо-ли почивали?

— Хорошо, вамъ какое дѣло?

— Я такъ, изъ вѣжливости,—и Катенька лукаво улыбнулась. Закройщица подозвала Машеньку и начала совѣтоваться, какъ на лифѣ заложить складки. Въ это время моя сосѣдка шепнула мнѣ:

— Василиса Терентьевна нынче совсѣмъ не ложилась спать, играла всю ночь въ карты, должно быть, продулась.

Дежурная дѣвочка пріемной мастерской, въ коричневомъ платьѣ, въ бѣломъ передникѣ и бѣлой перелинкѣ, точно отчеканивая каждое слово, сказала:

— Пожалуйте, Василиса Терентьевна, хозяйка зоветъ васъ пить кофе.

— Скажи, сейчасъ иду.

Закройщица, проходя мимо меня, шепнула Машенькѣ, кивая головой въ мою сторону:

— Съ такихъ толку мало, переводъ хлѣба. Къ чему она ихъ принимаетъ? А вы, пожалуйста, съ ней построже, не церемоньтесь.

Я покраснѣла, сконфузилась и наклонилась надъ работой.

— Вотъ тебѣ, на, возьми,—бросила лифъ въ нашу сторону Ефросинья Елпидифоровна.—Онъ перекосился весь... Говорила тебѣ, не натягивай, такъ никогда въ жизни не слушаешь.

— По вашему, я его перекосила?—буркнула Маша.

— Ты лучше не огрызайся, молчи!

— Чего мнѣ молчать, я и такъ ничего не сказала; зря придираетесь ко мнѣ, не выспались, вотъ и все, а лифъ косится—такая матерія, я не виновата.

— Ишь, не виновата! А какое тебѣ дѣло, что я не выспалась? Туда-жъ осуждать. Святоша! Смотри не угоди куда.. Почище тебя знавали, а ты игла не велика.

— Что я васъ трогаю что ли? Что вы ко мнѣ спозаранку пристали?—съ досадой проворчала Маша.

— Я тебѣ добромъ говорю: не попрекай меня, что я не выспалась, не твое дѣло,—и глаза ея блеснули злобой, опухшее блѣдное лицо покраснѣло. Она ударила кулакомъ по столу.—За что травить хочешь? Мало безъ тебя меня травятъ?

Маша молчала.

Я взглянула на мастерицу. Она уловила мой взглядъ и рѣзко замѣтила:

— Чего пялитесь на меня? Здѣсь не ротозѣйничаютъ.

Я тихонько вздохнула. Всѣ примолкли.

— Ну, въ нашемъ аду охи, да вздохи не въ модѣ.

Я продолжала работать.

Катя съ лукавой улыбкой подошла къ Ефросиньи Елпидифоровнѣ и тихонько сказала ей:

— Вы не обижайте ее, она изъ грамотныхъ, пригодится вамъ, еще когда-нибудь напишетъ письмецо.

Мастереца отодвинула работу отъ себя, сдавила руками голову, задумалась, нѣсколько слезъ изъ ея глазъ упало на столъ, и она въ глубокомъ раздумьи сказала:

— Эхъ! пошлю письмо, авось выгоритъ, попытаюсь,—и улыбнувшись горькой улыбкой обратилась ко мнѣ:

— Вы изъ грамотныхъ? напишите-ка мнѣ письмо. Ну?

Я въ смущеньи молчала.

— Что-жъ молчите? аль языкъ скушали?

— Варюшка, принеси черниль и бумаги изъ угольника...

Дѣвочка принесла.

— Ну, чего мнѣ подаешь, на смѣхъ что ли? Ей подай,—и она кивнула головой въ мою сторону.

Всѣ слѣдили съ любопытствомъ.

— Что-жъ, напишите?

— Нѣтъ,—шопотомъ я ей отвѣтила.

— Отчего же? Моему знакомому отъ моего имени напишите строчку-другую, авось не слиняете! Можетъ, моему горю поможете? Эхъ, кабы я умѣла писать, такъ я бы всѣмъ расписывала, какъ сердце ноетъ, грудь болитъ.

— Дѣвушки, княгиня подъѣхала,—объявила Катя.

— Платье къ примѣркѣ готово? Давайте скорѣй,—озабоченно спрашивала вошедшая закройщица.

— Фрося, а лифъ приготовила?

— На возьми,—грубо бросила Ефросинья Елпидифоровна.

— Фрося, чего ты сердишься?

— Иди, не спрашивай, не твое дѣло.

Кто-то подъѣхалъ на парѣ. Всѣ засуетились, подскочили къ окнамъ, и Катенька громко замѣтила:

— Рано съ поздравленіемь пріѣхалъ, не по хорошему тону. Что-жъ, купецъ всегда купцомъ останется.

— Барышня, знаете кто пріѣхалъ?—спросила меня сосѣдка.

— Не знаю.

— Ужъ будто не знаете,—лукаво улыбнувшись, продолжала дѣвочка,—да хозяйкинъ содержатель, богачъ темный; говорятъ, нынче ей домъ подарилъ. Не вѣрите? Вотъ крестъ святой.

Прозвонилъ звонокъ. Всѣ пошли завтракать на кухню.

Мастерицы съ обоихъ отдѣленій собрались и что-то потихоньку передавали другъ другу.

Фрося и «рыжая» пили водку и закусывали огурцами. Къ нимъ подходили другія мастерицы съ чашками чая и чокались съ ними, со смѣхомъ поздравляя другъ друга съ рожденіемъ хозяйки.

— Барышня, васъ какъ зовутъ?

— Леной.

— А меня Лизуткой. Вы глядите, какъ наша мастерица глушитъ водку; какъ выпьетъ, злая становится. А рыжая корова, та добрѣй становится, ласковѣй. На томъ отдѣленіи говорятъ лучше, а у насъ всѣ клятыя, если не ругаютъ, такъ щиплютъ, такъ что тѣло пухнетъ. Просила дядьку поговорить съ хозяйкой, чтобы перевели меня на то отдѣленіе, а онъ все обѣщается. У меня ни отца, ни матери нѣтъ, а тутъ тяжело жить. Право, дойду до того, что убѣгу куда глаза глядятъ. У насъ Марья Романовна самая смирная. Катенька щиплется, а Ефросинья Елпидифоровна—драчлива и тяжела на руку.

Перемѣнивъ тонъ, Лизутка оживленно заговорила:

— Катенька влюблена въ офицера, а Фрося въ Степана Мучного.

Прозвонилъ звонокъ.

Я на ходу спросила Лизутку:

— Почему вы знаете, кто кого любитъ?

— Мнѣ-то да не знать,—и она засмѣялась.—Про все знаю, съ передачами посылаютъ;—моя руки у крана, продолжала:— письма передаю и на словахъ никогда не ошибусь.

Всѣ усѣлись по своимъ мѣстамъ.

Вошла Василиса Терентьевна съ озабоченнымъ, недовольнымъ видомъ и процѣдила сквозь зубы:

— Опять непріятность: черный лифъ не годится княгинѣ. Въ головѣ туманъ у мастерицы, вотъ и порча.

Лицо Фроси передернулось, поблѣднѣло, глаза сверкнули злобой.

— Извѣстное дѣло, княгиня мудритъ, ей угодить, что чорту свѣчку поставить;—и, размахнувшись взятымъ у закройщицы лифомъ, бросила его въ лицо пучеглазой Машѣ.

— Возьми, пучеглазая—у!

— Фрося, зачѣмъ съ мастерицей такъ грубо обращаешься!— вкрадчиво замѣтила закройщица.

— А затѣмъ, что она лифъ вытянула, я ей говорила пучеглазой святошѣ, а у нея руки, какъ вилы.

— Мастерицѣ нужно тихо, толкомъ сказать,

— Эхъ, умно ты сказала! лучше, Васька, молчи! И такъ ретивое кипитъ, не трогай меня, подъ горячую руку попадешь; нутро горитъ у меня. Дума на лоскутки разрывается; въ нашемъ туманѣ-то никому не видно.

— Я замѣтила тебѣ, чтобъ непріятностей не было.

— Ну къ нимъ не стать привыкать.

— Старайся, Фрося, сдерживаться, у кого горя нѣтъ; а ты знаешь, хозяйка не любитъ ссоръ съ мастерицами.

— Ты ко мнѣ въ гувернантки поступила съ хозяйскаго кофею? Тебя обласкали, такъ ты тонъ задавать. Не зазнавайся, изъ одной матеріи сшиты, въ одномъ аду кипимъ.

Василиса Терентьевна не возражала раздраженной Фросѣ и внимательно смотрѣла, какъ на манекенъ натянули лифъ. Покачала головой, поджимая губы.

— Не годится. Распорите его. Снова надо натянуть,—сказала она Фросѣ и ушла.

— Лизутка, подай утюгъ.

— Эй, кто тамъ, черти, дайте утюгъ.

Фрося долго гладила, ворчала что то про себя, часто вздыхала, и съ каждымъ стукомъ двери тревожно оглядывалась.

— Чувствую будетъ непріятность, ноетъ у меня подъ сердцемъ, такъ сосетъ...

Въ комнату вошла м-мъ Матильда. Высокаго роста, брюнетка, въ прекрасно сшитомъ суконномъ платьѣ, въ бриллiантовыхъ серьгахъ, съ полуоткрытой красивой шеей, съ модной прической, съ вульгарнымъ лицомъ. Отъ нея пахло хорошими духами. Она держалась съ важностью особы, сознающей свою власть и силу. Подойдя къ Фросѣ, она строго сказала, прищуривая темные глаза:

— Ты опять начала портить вещи?

— А ты опять съ важностью ругаться пришла? Лапотное благородство, что тебѣ надо?

— Фрося, ты молчи, моя расправа коротка. Я скоро дорогу покажу.

— Не показывай, я сама найду, у меня ихъ много. Было время когда ты меня учила, только не добру... да не добру... да не добру,—и мастерица, задыхаясь, повторяла:

— Не добру, не добру... Извергъ ты... Да ты... и отъ волненія она больше ничего не могла сказать, только тяжело дышала, губы дрожали, руки тряслись.

— Держу тебя у себя изъ жалости.

— Изъ жалости, а?—и Фрося, вскочивъ, плюнула хозяйкѣ въ лицо.

— Вонъ, вонъ отсюда, такимъ у меня не мѣсто,—вскрикнула м-мъ Матильда и быстро ушла.

Фрося побѣжала за ней въ корридоръ, оттуда слышалось «уйду, уйду».

У насъ стало тихо, точно послѣ грозы, всѣ о чемъ-то думали. Маша первая проговорила:

— Жалко Фросинью Пидифоровну, запьетъ она опять. Охъ, дѣвушки, доля у нея незадачливая. Умретъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ. Ей и пріютится негдѣ, денегъ у нее никогда не бываетъ.

— Да, милая, не поймешь, гдѣ и отчего умрешь, со вздохомъ протянула «рябая кукушка».

— Ей мѣсто въ богадѣльнѣ, а не въ шикарной мастерской,— вставила Катя.

— Въ богадѣльню только старухъ принимаютъ, а ей должно быть лѣтъ 35.

— Не шутка испортить дорогой лифъ княгинѣ, репутація хозяйки страдаетъ,—съ сожалѣніемъ проговорила вторая машинистка.

— Легко-ли подумать, а? 35 лѣтъ, а ужъ мочи у нея нѣтъ по вечерамъ еле сидитъ. Куда ей дѣваться? Кому она нужна?—съ грустью говорила Маша.

Лизутка придвинулась ко мнѣ и шептала:

— Раньше, у молодой, деньги были: говорятъ, содержатель оставилъ, а другой у нее выманилъ на торговлю, знаете? Степанъ Мучной. Онъ такой бѣлый, красивый. Наши всѣ съ нимъ знакомы, даже Катенька побошная, на что ужъ первая гордячка въ мастерской, и та знакома.

День приходилъ къ концу, тихо ползли сумерки. Зажгли лампы. Прозвонили къ обѣду. Всѣ говорили объ уходѣ Фроси, кто жалѣлъ, а кто смѣялся. Во время обѣда съ шумомъ распахнулась дверь въ кухню. Вошла Фрося въ черненькой шляпѣ, изъ подъ которой виднѣлись завитыя напудреныя волосы. Брови, рѣсницы подкрашены, лицо набѣлено.

Мнѣ она показалась моложе и красивѣй. Остановившись въ дверяхъ, она кого-то искала глазами. Я еще не успѣла хорошенько ее разсмотрѣть, какъ она подошла ко мнѣ и, вынимая карандашъ, бумагу и конвертъ изъ муфты, ласково заговорила:

— Голубушка, напишите записочку, я не хочу одолжаться бездушной Катѣ. Ну какъ-нибудь сочините поскладнѣй,—нагнувшись къ моему уху, шептала: Нужно повидаться мнѣ съ нимъ, долженъ онъ мнѣ.

Я исполнила ея просьбу, она крѣпко пожала мнѣ руку. Отъ нея пахло водкой и дешевыми духами. Всѣ переглядывались. Она поговорила съ Соней, съ «Рыжей» и, уходя, громко сказала:

— Что-жъ? въ другомъ аду мѣсто найду.

— Не робѣетъ,—и Катя громко вслѣдъ засмѣялась.

И обѣдъ кончился, всѣ говорили, куда она пойдетъ, гдѣ переночуетъ.

Василиса Терентьевна объявила намъ, что за старшую теперь Машенька.

Дежурная утюжница Дуня разсказывала Лизуткѣ, что у нея есть поклонникъ приказчикъ изъ лавки, куда она бѣгаетъ за прикладомъ.

Я устала, вечеръ тянулся долго. Мнѣ хотѣлось на воздухъ. Всѣ были утомлены, зѣвали, кто дремалъ надъ тѣмъ смѣялись.

— Лиза, когда у васъ кончается работа?

— А какъ придется, когда въ двѣнадцать, а то и въ часъ.

— Теперь уже поздно, я боюсь идти домой, а постели у меня нѣтъ. Не знаю какъ быть?

— Не ходите нынче, я подѣлюсь съ вами, у меня есть одѣяло, пальто. А завтра передъ вечеромъ отпроситесь и принесите.

— Гдѣ-же вы спите?

— А вотъ увидите, и Лиза засмѣялась. Должно быть времени уже много, скоро эта комната обратится въ кладбище.

— Дѣвушки, зазнобушки, поглядите, не ладится у меня, проговорила около манекена «рябая кукушка».

— Моченьки нѣтъ, хоть бы на минутку заснуть, цѣлый день убираю это пугало, у меня колѣни трясутся, а ему хоть бы что, и она съ досадой повернула его.

— Марья Родіоновна, поглядите. Не годится такъ?

Маша отрицательно покачала головой, потянула, поправила складки.

— Нѣтъ, такъ нельзя сдать, не годится...

Всѣ устали, поблѣднѣли, комната наполнялась зѣвотой. Лизутка около меня умолкла. Варюшка заснула, работу уронила на полъ.

— Времени много, а вещи въ магазинъ не готовы къ сдачѣ. Завтра влетитъ, я думаю, вамъ, Машенька: вы нынче чинъ получили, повышеніе, съ васъ и спросятъ.

— Что вы, Катенька, что съ меня спрашивать, я не одна работаю.

— Лизутка, проснись! скорѣй кончай петли. Что ты рано задремала.

— Ну, не рано, Машенька,—ужъ полночь. Говорятъ у хозяйки нервы разстроились, поѣхала кататься. Нынче нервы—а завтра баталь. «Германа все нѣтъ» запѣла Катя.

— Шабашьте, коротко проговорила въ дверяхъ Василиса Терентьевна и скрылась.

— Спѣшитъ, бѣдняга, видно отыграться хочетъ.

Всѣ оживились, побросали работу; дѣвочки наскоро подмели полъ. Изъ чулана притащили подушки, одѣяла. Изъ кухни принесли скамейки, на нихъ мастерицы устраивали постели. На минуту всѣ засуетились. Дѣвочки, не раздѣваясь, быстро заснули.

Катя надѣла другую кофточку, причесалась и сказала Машѣ:

— Пойду освѣжиться,—и вполголоса запѣла: «Я знаю, онъ прійдетъ, разсѣетъ подозрѣнье».

Въ комнатѣ душно. Приспущенная лампа тускло освѣщала рядъ спящихъ тѣлъ. Гдѣ-то скреблись и пищали мыши. Я долго не могла заснуть. Среди соннаго дыханья, доносились неясные звуки какого-то инструмента и выкрикиванія женскаго пѣнія. Я напряженно вслушивалась: шумъ, хохотъ, говоръ становились слышнѣй. Чьи то тяжелые шаги приближались къ нашей комнатѣ; на мгновенье все стихло. Дверь тихонько скрипнула, отворилась; шелестъ шелковаго платья, и шопотъ вошедшихъ смѣшался съ храпомъ спящихъ.

М-мъ Матильда и два господина на цыпочкахъ подходили къ столу.

Я замерла въ ожиданіи: что будетъ?

— Какая?—тихо спросилъ одинъ изъ вошедшихъ.

— На лавкѣ, у стола.

Онъ подошелъ къ спящей «Пучеглазой Машѣ» и, вглядываясь въ нее, потеръ отъ удовольствія руки и захихикалъ. М-мъ Матильда зажала ему рукой ротъ. Онъ обнялъ ее за талію. Другой господинъ, вытягивая шею впередъ, заглядывалъ на спящихъ на полу дѣвочекъ и, сдерживая хохотъ, отдувался, пыхтѣлъ.

Кто-то изъ спящихъ забормоталъ, толстякъ присѣлъ, доски пола заскрипѣли.

— Что-й-то?—спросила сквозь сонъ Лизутка и, повернувшись на другой бокъ, моментально захрапѣла.

— Тише, ради Бога тише! Уйдемте, еще кого-нибудь разбудите. Пошутили, довольно...

Я оцѣпѣнѣла отъ всего видѣннаго.

— Лиза? а Лиза?—испуганно окликала я ее, но она не отвѣтила. Дуня, спите? Марья Родіоновна? Едва я это произнесла, какъ снова дверь отворилась и легкой походкой вошла м-мъ Матильда и направилась къ Машѣ.

— Маша, проснись, очухайся, поѣдемъ кататься. Тьфу, какъ спитъ, точно убитая. Маша! Хозяйка трепала ее за плечи. Проснись, ну! наконецъ-то. Михаилу Антоновичу не хватаетъ дамы, поѣдемъ прокатимся. Ночь свѣтлая, хорошая. За безпокойство онъ тебя поблагодаритъ. Сегодня мое рожденіе, слышишь поѣдемъ!

Маша не отвѣчала, зѣвала, потягиваясь.

— Ты заспалась, на покури; хозяйка сѣла къ Машѣ на скамейку и начала что-то тихо разсказывать, поглаживая полную, оголенную руку Маши.

— Ну, живѣй, собирайся, и, положивъ на подушку двѣ папиросы, ушла, оставляя за собой слѣдъ духовъ.

Маша лѣниво встала, посмотрѣла на Катенькину постель и проговорила: «Видно, своего Германа нашла». Закинула руки за голову, потянулась и глубоко вздохнула. Прибавила свѣта въ въ лампѣ, посмотрѣла на спящихъ и подумала:

— Какъ мертвыя тѣла валяются на полѣ битвы.

— Эхъ все равно покатаюсь, бѣды, думаю, большой не будетъ. Скоро причесалась, достала бутылку съ бѣлой жидкостью, вытерла лицо, шею, руки, попудрилась.

Я повернулась, она замѣтила и тихо спросила:

— Вамъ съ непривычки не спится? Видно, жестко?

— Нѣтъ, я чутко сплю.

— Ну, извините меня, я, значитъ, васъ побезпокоила. Я сейчасъ уйду.

— Вы не знаете который часъ?

— Времени, должно быть, много,—надѣвая корсетъ, отвѣчала «Пучеглазая Маша». Названіе это ей было очень подходящее: у

нея были на выкатѣ большіе сѣрые глаза, съ темными рѣсницами. Она одѣлась и, подойдя ко мнѣ ближе, тихонько сказала:

— Я скоро вернусь, а вы, смотрите, завтра никому изъ нашихъ не говорите. Слышите?

— А развѣ вы скрываете отъ нихъ?

— Ну, да, скрываю, не хочу чтобы напрасно глаза кололи.

— Значитъ, вы дурно дѣлаете, если хотите скрыть.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня.

— Что я дурного дѣлаю? Скажите мнѣ? Развѣ я не вольна собой распоряжаться? Я покатаюсь, да и только; я скоро возвращусь. Я не хочу, чтобъ мама знала, а на остальныхъ плевать. Такъ не скажете?

— Я не скажу, но вѣдь другія увидять, что васъ нѣтъ.

— Кто увидитъ?

— Катенька вернется и замѣтитъ ваше отсутствіе.

— Ну, вы не знаете, когда она приходитъ, а я знаю. Она говоритъ, что только ночью и живетъ... Такъ вы умолчите, а то какъ почнутъ сплетки сводить, до мамаши дойдетъ, а она у меня строгая и очень больная, я ее жалѣю; не боюсь, а не хочу тревожить; я очень маму жалѣю, охъ!

— Скорѣй, Маша; мы тебя ждемъ, звали ее за дверью.

— Сейчасъ приду, только я закусить хочу, небось, все поѣли. До свиданья, какъ васъ зовутъ?

— Леной.

— Ну до свиданья, Леночка; спите, а то завтра безъ привычки вамъ трудно будетъ работать. Она убавила свѣтъ въ лампѣ.—Поживете у насъ, тогда не осудите того, кто для забвенья души, хоть ночью часъ урываетъ. Поправивъ одѣяло на своей постели, она вышла. Душно. Кто-то заскрипѣлъ зубами. Подъ поломъ пронесся крысиный пискъ, и въ одномъ изъ угловъ однообразно грызла и скреблась мышь.

Глава II.

Наступила зима; солнце рѣже и рѣже заглядывало къ намъ, цѣлые дни приходилось работать съ лампами. Въ комнатѣ было холодно, по угламъ показывалась сырость, съ оконъ текла вода. Вечеръ. Въ мастерскую вошла м-мъ Матильда въ богатомъ платьѣ и подошла къ Машенькѣ.

— Я ѣду въ театръ, осмотри меня пожалуйста.

Машенька привычнымъ взглядомъ окинула хозяйку.

— Да огляди хорошенько, а то моя Василиса куда-то пропала.

— Къ княгинѣ съ примѣркой ушла, тамъ всегда долго держатъ,—замѣтила Маша.

М-мъ Матильда вынула часы и посмотрѣла на нихъ.

— Вѣдь съ двухъ часовъ ушла, шутка-ли? Небось какъ муха бродитъ, вѣдь всю ночь въ карты проиграла. До какой глупости доходитъ. Ну и народъ сталъ, и она сдѣлала брезгливую гримасу.

— Ну, работать, не зѣвать! Слышишь, Машенька, ты построже съ ними, чтобы онѣ у тебя носомъ не клевали надъ работой! До меня не шабашить! Слышите?

— Еще бы, хозяйское приказаніе да не слыхать. Оно само въ уши вскакиваетъ, насмѣшливо отвѣтила Катенька.

— На языкъ ты востра, а на работу тьфу... Надоѣла ты мнѣ Катерина.

— Не знаю, кто изъ насъ больше кому.

— Молчи, не забывайся.

Дежурная дѣвочка доложила:

— Иванъ Антоновичъ пріѣхали.

— Отлично, я иду, и. погрозивъ пальцемъ на Катю, проговорила, уходя:

— А съ тобой я скоро расквитаюсь, ты добьешься.

Катенька громко вздохнула.

— Сейчасъ меня напугала Матренушка, рогатая коровушка. Забодать хочетъ. Прощайте, дѣвушки, прощайте голубушки.

Дѣвочки тихонько смѣялись, а Маша робко замѣтила:

— Такъ, Катенька, не ловко, вы бы лучше оставили шутку.

— Конечно, конечно, не ловко, вѣдь мы съ вами разныхъ понятій. Вы ироніи не любите... Э! да что говорить, жить-то всѣмъ хочется и въ театръ пойти хочется и пищи хорошей отвѣдать, да не чуточку, а до сыта, и выспаться хорошо, да не удается:— царь Морфей не голубитъ. Никому мы не нужны.

— Катенька съ ожесточеніемъ принялась шить на машинѣ и запѣла:

«Эхъ, да я бѣдная портниха,
Пріютъ—мой магазинъ,
Иголка мнѣ утѣха,
Наперстокъ вѣрный другъ.
Забава мнѣ, игрушка—
Горяченькій утюгъ.
О душенькѣ мечтая,
Всѣ горести терплю;
Сказать слова не смѣю,
Какъ я его люблю».

Катенька пѣла, а пучеглазая Маша тихо плакала, крупныя слезы каплями падали на розовый атласный лифъ. Увидѣвъ пятна на лифѣ, она растерялась и обратилась ко мнѣ:

— Леночка, взгляните, что у меня случилось, поплакать вволю

и то нельзя. Что-то будетъ завтра. Княгиня покажетъ хозяйкѣ, она начнетъ бранить меня. Охъ, и надоѣла мнѣ эта жизнь! Пойду я, брошусь въ прорубь, все равно, одинъ конецъ,—съ отчаяніемъ произнесла она и снова заплакала.

— Машенька, да что вы убиваетесь изъ этихъ пустяковъ? не плачьте, пятна не очень замѣтны, какъ-нибудь сдадимъ,—уговаривала «рябая кукушка».

— Перестаньте, Машенька, и вѣрьте мнѣ, что княгиня нестоитъ ни одной вашей слезы, ни одного вашего вздоха. Вы труженица, а она ничто, дармоѣдка... Не вѣрите? Мнѣ одинъ гимназистъ говорилъ, что они дармоѣды, эти всѣ наши богачи... Онъ ужъ теперь студентъ, онъ много правды говорилъ, и про насъ очень хорошо говорилъ. Всегда насъ жалѣлъ по хорошему, умно...

— А какъ хозяйка разсчетъ дастъ, что тогда?—не слушая Катеньку, спрашивала себя Маша.

— За такую ошибку несправедливо разсчитывать. Да, впрочемъ, чего горевать, лучшаго развѣ болота не найдете, а въ такое всегда попадете. А въ случаѣ шумъ подниметъ, очень не молчите, не давайте волю надъ собой командовать. Вы не дѣвочка, а мастерица. У васъ характеръ тихій, а я бы отъ такихъ пустяковъ волноваться не стала.

Пока мы успокаивали Машу, Лиза и Дуня положили головы на столъ и крѣпко заснули. Вечеръ прошелъ незамѣтно. Показалась Василиса Терентьевна съ крикомъ:

— Это что за безобразіе?

Машенька вздрогнула, Катенька осталась на мѣстѣ съ вызывающимъ упорнымъ взглядомъ. Закройщица дала подзатыльникъ одной дѣвочкѣ, другой; тѣ встрепенулись, спросонья дико озираясь.

— Машенька, что же вы смотрите? Онѣ спятъ, а вы не видите!

— Мы васъ ждали,—вставила Катя.

— Не стыдно вамъ? Хозяйка со двора, а вы дремать. Вамъ довѣряютъ, на васъ надѣются...

Машенька пытливо смотрѣла на закройщицу и думала о чемъ-то другомъ; она не слыхала, о чемъ ей говорила Василиса Терентьевна, она испугалась своей мысли: завтра ее могутъ прогнать отсюда. Ей уже слышался страдальческій стонъ матери, крикъ голодныхъ дѣтишекъ, и она холодѣла отъ боязни.

— Вещи готовы къ сдачѣ въ магазинъ? Что-жъ она молчитъ, пучеглазая? Скажите?

— А вы успѣли отыграться, Василиса Терентьевна,—насмѣшливо спросила Катя.

— Вещи готовы? я у пучеглазой спрашиваю.

— А я сейчасъ тоже дремала и видѣла во снѣ, что на тузѣ пикъ, да на дамѣ пикъ вы отыгрались.

— Неправда, Катя, вы вѣчно шутите. Вамъ не снились эти карты.

— Ну, господа, «шабашьте»,—появляясь въ дверяхъ, сказала м-мъ Матильда.—Все у васъ благополучно?

— Безъ сомнѣнія,—поспѣшила отвѣтить Катя.

— Ну отлично. Въ театрѣ тоже нынче все благополучно кончилось, безъ убійства, и я вамъ скажу, дѣвушки, что наша работа право слово не уступаетъ парижской. Забыла фамилію этой актрисы, что главныя роли играетъ. Она, говорятъ, изъ Парижа платья выписываетъ.

— Брелова,—подсказала Катенька.

— Нынче онѣ обѣ играли—Брелова и та, на которую мы работаемъ. Обѣ шиковали костюмами и я слыхала въ фойе, какъ хвалили нашу работу. Ну, а теперь кончайте, пора спать.

Машенька безучастно слушала хозяйку. Какія-то другія мысли одна за другой проходили въ ея головѣ. Ей хотѣлось плакать и подѣлиться своими горькими думами. Около нея суетились, укладывались спать, а она сидѣла на своемъ мѣстѣ, задумавшись.

Всѣ улеглись, примолкли. Машенька вздохнула и, бросивъ небрежно на скамейку свою постель, прилегла; но заснуть она не могла. Въ нее впивались грустные глаза матери и терзали ей душу, она думала, куда дѣвать ребятишекъ, когда мать умретъ. И страшная мысль холодила ее, она приподнялась и сѣла, оглядывая спящихъ.

— Машенька, вы что не спите.

— Охъ, Леночка, не могу уснуть, страшныя мысли тревожатъ меня.

Завернувшись въ одѣяло, она сѣла ко мнѣ на постель. Глаза ея горѣли, она вся дрожала и тихо твердила:

— Леночка, отъ мыслей жутко, отъ разныхъ думъ страшно,— и, кинувшись мнѣ на шею, она тихо заплакала:—Послушайте, сколько у меня горя, и какъ тяжело мнѣ жить. Мать у меня хвораетъ, сестренки растутъ; помогаю, помогаю, а все нищета; на хлѣбъ не хватаетъ. Вотъ мнѣ на умъ рѣшенье пришло, все равно, никто меня замужъ не возьметъ... Такъ я...—и она на мгновенье умолкла; лицо судорожно дрогнуло. Закрывъ рукой глаза, она глухо проговорила:—Хочу связаться съ Михаиломъ Антоновичемъ,—и, помолчавъ, тихонько, въ раздумьи, начала разсуждать:—Деньжонки будутъ, помогу семьѣ, а то ни Богу свѣча, ни чорту кочерга. Въ груди у меня ноетъ, захвораю, никому не нужна; и мама и сестры пропадутъ съ голоду или побираться пойдутъ, такъ лучше я рѣшусь для нихъ, для мамаши. Какъ хо-

рошо ни думай, какъ честно ни живи, куда ни кинь, все одинъ клинъ, нищета да работа. Отецъ пьяница былъ, мама въ работѣ изнурилась, дѣти маленькія... а теперь другой мѣсяцъ не встаетъ съ кровати. Я имъ все жалованье отдаю, да, вѣдь, ихъ пятеро—на хлѣбъ не хватаетъ. Продамъ себя, Леночка, продамъ. Что толку въ честности, какія утѣшенія. Гляжу я на жизнь, и слушаю, и думается мнѣ, что все идетъ шиворотъ на выворотъ: чѣмъ больше правдивости да честности, тѣмъ хуже жить человѣку. Ну, хоть бы взять маму: съ дѣтства въ нуждѣ да въ работѣ, а во всю жизнь до сыта ни разу ни поѣла. А вѣдь она тоже радоваться хотѣла; и я, тварь, радоваться хочу, да, видно, бѣдныхъ радость обходитъ, не замѣчаетъ насъ. Гдѣ же въ мірѣ правда?

— Двери сѣней заскрипѣли, вѣрно Катя пришла,—и быстро отскочивъ отъ меня, сказала:

— При ней говорить не хочу, высмѣетъ меня, а вы никому ни гу-гу, молчите, о чемъ я вамъ говорила.

Завернувшись въ одѣяло, она притворилась спящей. Но глубокое раздумье прогоняло сонъ.

— Продамся ему, пока охотникъ есть, да молодость. Это съ непривычки страшно, а потомъ ничего, привыкну: какой стыдъ? Польза одна. А отъ мамы скрою. «Рыжая» домъ отцу купила въ деревнѣ, откуда взяла, изъ жалованья что ли? Содержатель далъ. Сопочка купила выигрышный билетъ, а откуда? опять содержатель далъ. Увидаться бы съ нимъ поскорѣе и сказать ему... Но какъ сказать?

И холодная дрожь пробѣжала по тѣлу. Она вся съежилась отъ своего рѣшенья и дрожала.

Катенька вернулась и, бросившись одѣтая на свою скамью, тихо заплакала...

Маша приподнялась и, прислушиваясь къ рыданью, робко спросила:

— Катенька, что съ вами? Вы плачете?

— Да, плачу, чортъ мою душу укралъ, да съ испугу, видно, и тягу далъ.

— Что-жъ догоняйте, вы шустрая.

— Ночью-то не догонишь, темно, а день, что на каторгѣ. Уйду я, не въ моготу терпѣть, вѣдь отъ ранняго утра до поздней ночи спины гнемъ, а м-мъ сидитъ, да въ карты играетъ; была въ театрѣ, поужинала, сыта, въ теплѣ спитъ. Ну а мы—то кто? Кто мы, Машенька? Живые покойники, вотъ кто мы... Адская работа убиваетъ нашу жизнь съ малолѣтства, днемъ некогда о себѣ подумать, вѣчная спѣшка, а ночью-то стонемъ, никто не слышитъ; пожалуй, если и днемъ вопить начнемъ, кто пожалѣетъ? кому мы нужны? всякій думаетъ: портниха, мужичка, а не всякъ догадывается, что у насъ душа есть, пониманіе, гордость...

Двери въ сѣняхъ заскрипѣли.

— Кто-то еще вернулся. Душу видно отводить ходили. Жалкія мы... Вѣчно крадемся, какъ воровки... хорошо что у насъ двери не запираются. Говорятъ въ аду для всякаго двери открыты, а въ мастерской чѣмъ не адъ—настоящій, проклятый адъ,—ворчала Катя.

— Машенька, я вамъ помѣшала спать?

— Нѣтъ, мнѣ что то не спится...

— Думаете догнать кого? это дѣло хорошее, да не всегда удается: на половинѣ дороги иногда приходится остановиться.

Катя встала со своей постели, распустила волосы и, кивнувъ головой на спящихъ, проговорила:

— Спятъ онѣ, счастливыя, а у меня въ головѣ засѣлъ одинъ вопросъ, и не даетъ мнѣ покоя. Отчего мнѣ не выпало доли хорошей а такъ огрызокъ какой-то достался? Наградилъ меня Богъ красотой, умомъ, а меня и грамотѣ, какъ слѣдуетъ, не научили, а родители знатные были, доброе дѣло сдѣлали: въ портнихи отдали... тбфу... таю обиду молча.

— Машенька, спите?

— Нѣтъ...

— А вѣдь вамъ лучше моего жить, у васъ мать есть, а у меня никого, ни души. Родили меня, подбросили,—кто-то меня сюда отдалъ, и эта м-мъ мной распоряжается за пять рублей въ мѣсяцъ, а силъ-то сколько она пьетъ изъ меня; впрочемъ, что я говорю изъ меня, изъ всѣхъ насъ. Знай одно твердитъ: «Я вышла въ люди, добивайтесь и вы». А какъ она въ люди вышла, какъ добилась своего хозяйства?

Послышался шумъ и смѣхъ въ хозяйскихъ комнатахъ.

— Слышите расходятся, смѣются. Видно, весело, а мы? а для насъ какое веселье, когда ночью бѣжишь повидаться съ кавалеромъ. На улицѣ знакомишься, и черезъ это всякій можетъ обидѣть; угла не имѣемъ, гдѣ принять, поговорить со знакомымъ. Даже портные и тѣ насмѣхаются, говорятъ: «я портной, а ты модистка, и мнѣ знаться съ тобой низко». Извѣстное дѣло, они получаютъ больше нашего.

М-мъ проводила гостей и, заглянувъ въ мастерскую, сказала:—«Всѣ кажется дома и всѣ спятъ».

— Всѣ дома, да не всѣ спятъ,—вслѣдъ отвѣтила Катя.

Хозяйка не слышала; довольная своимъ выигрышемъ, она спокойно осмотрѣла спящихъ и, войдя къ себѣ въ спальню, мысленно подводила итогъ своего заработка и подумала: везетъ мнѣ—и съ счастливой улыбкой—уснула.

А въ стѣнахъ мастерской бился потокъ жизни, разливаясь тупой болью въ душѣ. Таинственныя волны скрытыхъ страданій Маши то обезсиливали, то возбуждали къ борьбѣ съ нищетой.

— Рѣшусь, пока не умерла мама. Скажу... Нѣтъ стыдно. И

Маша задрожала; отвращеніе точно мелкими искорками разсыпалось по тѣлу и обжигало его. Она старалась отогнать прочь неотступный образъ Михаила Антоновича; но онъ среди унылыхъ мыслей и ночной тишины медленно и властно впивался въ живую душу и съѣдалъ корни молодой жизни

Глава III.

Сочельникъ. Въ мастерской суетились, спѣшили окончить работу. Маша встряхивала бѣлыя платья, внимательно осматривала ихъ и бережно укладывала въ коробку.

— Спѣшите, Машенька; опять присылала княгиня за платьями. у нихъ рано зажигаютъ елку, поскорѣй,—торопила ее Василиса Терентьевна.

— Сейчасъ уложу, да причешусь, нельзя же туда явиться чортомъ немытымъ.

— Хозяйка просила, чтобы вы ихъ одѣли.

— Хорошо,—причесываясь, отвѣтила Маша.

— Варюшка, бѣги скорѣй за извощикомъ, да торгуйся, слышишь, да живѣй!—приказывала закройщица.

— Дѣвушки, дайте кто-нибудь кофту, а то въ моей въ княжескій домъ, пожалуй, и не по чину, неловко явиться.

— Возьмите мою,— предложила Сонечка, и принесла ей кофту, шапку и муфту.

Маша одѣвалась, оправляясь передъ зеркаломъ.

— Да будетъ вамъ время проводить, не на гулянье идете, ворчала Василиса Терентьевна.

— Иду, иду сейчасъ,—и, взявъ съ собой огромную коробку, Маша проговорила въ дверяхъ:

— Господи, хоть бы придирки не было.

Суета улицы Машѣ больше напомнила о завтрашнемъ днѣ. Цѣлую недѣлю не видала мамы, что-то съ ней, подумала она и незамѣтно подъѣхала къ дому княгини.

Ее встрѣтили радостныя, веселыя княжны.

Въ комнатахъ свѣтло, уютно. Одѣвая княженъ и слушая довольный, восторженный говоръ, она грустно смотрѣла ни нихъ.— Онѣ долго вертѣлись передъ зеркаломъ и передъ княгиней.

— Мамочка, хорошо?

— Да эти платья очень, очень изящны,—осматривала въ лорнетъ и улыбалась княгиня.

— Вотъ вамъ, — и она протянула трехрублевую бумажку. Маша съ скрытой радостью взяла деньги и отъ неожиданности сконфузилась. Выйдя изъ княжескаго дома, она остановилась у подъѣзда, заглядывая въ окна на ярко освѣщеную елку.

Къ крыльцу подъѣхалъ офицеръ; дожидаясь пока откроютъ дверь, онъ улыбнулся Машѣ, она взглянула на него и быстро побѣжала къ матери, жившей на краю города.

Дверь замело снѣгомъ; Маша съ трудомъ отворила ее.

— Мамаша, вотъ тебѣ три рубля,—княгиня дала за одѣванье княженъ.

Мать, лежа на кровати, укрытая лохмотьями, улыбнулась и, закрываясь отъ холоднаго воздуха, ворвавшагося со двора, проговорила тихо:

— Холодно, дочка, у насъ—дровицъ-то чуть-чуть осталось.

— Ничего, мама, не горюй, не скупись, теперь топи больше! на 3 или 4 день еще купимъ. Въ мастерской слухъ прошелъ, что хозяйка деньгами дарить будетъ.

Мать закашляла, застонала.

У Маши сжималось сердце, она стояла какъ прикованная, тоскливо глядѣла на почернѣвшія стѣны, какъ бы спрашивая ихъ:

— Будетъ ли конецъ этой страшной нуждѣ? и вспомнились ей княжескія свѣтлыя хоромы.

— Отчего, отчего однимъ живется хорошо, а другимъ такъ плохо?—и она глубоко вздохнула.

Усталая она присѣла къ матери, всматриваясь въ ея грустные глаза съ жаждой хоть немного поправить нужду и облегчить мученія.

Мелькнувшая мысль зажглась, и въ глазахъ сверкнулъ огонекъ рѣшительности; оправляя на матери изорванное одѣяло, укрывая ноги. она уже мечтала нанять ей свѣтлую, сухую комнату, вылѣчить ей кашель и накормить дѣтишекъ до-сыта.

«Скорѣй бы, только скорѣй»,—съ трепетомъ думала Маша и, наклонивъ голову къ матери, нѣжно прижалась.

— Кормилица ты моя ненаглядная,—шептала мать, проводя исхудалой рукой по ея волосамъ.

Маша, ободренная своей мечтой, нѣжно взглянула на нее и еще крѣпче прижалась къ ней. Увидѣвъ кусочки крови отъ кашля, она вздрогнула; въ наболѣвшей душѣ оборвалась струна, задребезжала и замерла среди нужды и горя. Чистота душевная, стыдъ и страхъ заволакивался туманомъ суровой нищеты.

— Мама, ты не грусти,—вставая съ постели, проговорила Маша.

Дѣти прижимались другъ къ другу, сидя на большомъ деревянномъ ящикѣ.

— Ну, ложитесь къ мамѣ, а я пойду въ мастерскую, завтра вамъ булокъ много-много принесу.

— Заприте двери-то плотнѣй, а то холодно на дворѣ,—и притворивъ дверь съ улицы, она быстро побѣжала.

По дорогѣ зашла въ булочную, съ жадностью смотрѣла она на булки и думала:

«Кажется, все бы поѣла и то не наѣлась бы до-сыта».

Пришла въ мастерскую; дѣвочки убирали и мыли полъ въ корридорѣ.

Въ рабочей комнатѣ было чисто, просторно.

Катя лежала на своей скамейкѣ, мысленно боролась за право жить; съ жаждой отдыха, забвенья, съ тоской она ожидала отвѣта на любовь; тревожныя мысли скользили по ея лицу.

— Вы одна дома, видно, наши всѣ ушли?

— Да, пошли, кто въ церковь, а кто въ баню. А я осталась, лежу и жду участья въ своей доли. Стучусь къ нему, можетъ и откликнется, да вотъ никакъ дверей не найду къ устроителю нашей жизни. Машенька, какъ вы думаете, кто это намъ долю нашу устраиваетъ?

— Долю-то, кто? извѣстное дѣло—судьба.

— А вѣдь я хочу сорваться, да удрать отъ своей судьбы, махну хоть въ пропасть, да въ другую покарабкаюсь, можетъ быть и уцѣплюсь. Двери-то у счастливыхъ судьбой крѣпко заперты! Ломиться буду силой,—и Катенька вскочила съ постели.— Знаете поговорку, подъ лежачій камень вода не бѣжитъ; а мы хоть и не лежимъ, а сидимъ на этихъ проклятыхъ мѣстахъ. А вотъ и Сопочка пришла,—и Катя снова легла въ свою постель, молча предаваясь своимъ размышленіямъ.

— Ну княгиня-то не придиралась?—спрашивала Сопочка.

— Все великолѣпно вышло.

— Такъ что безъ бою дѣло обошлось.

— Лизутка, поворачивайся живѣй, чего ты трещишь, вѣчно языкомъ болтаешь. Скорѣй кончайте,—приказывала м-мъ Матильда и войдя въ комнату, сказала:

— Съ наступающимъ праздникомъ... Дѣвушки всѣ разошлись? Да, Машенька, я и забыла, платья-то хорошо сдала?

— Хорошо.

— У васъ уже убрано,—и она оглядѣла внимательно всю комнату.—Маша, завтра у меня въ два часа обѣдъ, да скажи остальнымъ, чтобы не опаздывали, а теперь ложитесь скорѣй. Да подгоняйте дѣвчонокъ.

— Нечѣмъ, кнута нѣтъ,—отозвалась Катя.

— А ты дома?

— Дома, отдыхаю и предаюсь мечтамъ.

— Приходи ко мнѣ завтра обѣдать въ два часа,—коротко сказала Матильда и ушла.

Дѣвочки укладывались спать.

Маша сидѣла за столомъ и шила, задумываясь и часто отрывалась отъ работы.

Катя молча боролась съ капризами сердца. Въ ея одинокую жизнь ворвалась другая и тайными желаніями проникала въ душу, она скрывала ихъ отъ всѣхъ, боясь произнести громко.

Безпокойно она металась на своей постели.

Маша положила голову на столъ, мысли душатъ ее, съ усиліемъ она старается побороть себя. Вдругъ она тихо встала, одѣлась и вышла изъ мастерской.

Темное небо вдали свѣтлѣло. Легкій вѣтерокъ тормошилъ снѣжную пыль. Маша спѣшила къ матери. Съ трудомъ она отворила дверь. Въ избушкѣ тихо, мрачно. Она зажгла ночникъ, принесла со двора дровъ и затопила печку.

Гулъ колоколовъ призывомъ разносился въ морозномъ воздухѣ, возвѣщая людямъ о великомъ явленіи Христа. Озарился міръ, тревожно всколыхнулся и зазвучалъ гимномъ: «люби ближняго».

Маша готовила обѣдъ, а мысли какъ чудовища, глухо мучали душу; она молчала.

— Ты что, дочка, точно печалишься чѣмъ?

— Нѣтъ, мама, я ничего,—и она отвернула лицо, чтобы скрыть навернувшіяся слезы...

— Да, дочка,—и мать умолкла, долго кашляя...—Вотъ и великій праздникъ наступилъ, много ихъ прошло въ моей жизни, а радостей мало видѣла. Рѣдко разговляться приходилось. Охъ, и горьки дни праздниковъ; бывало у другихъ какъ никакъ, а все лучше: и поѣсть есть что, и надѣть, а мы-то...—и она заплакала.

Маша точно для успокоенія выбѣжала изъ хаты, притащила еще дровъ и начала бросать ихъ въ печь...

— Ну, мама, не вспоминай стараго, нынче-то хорошо, есть обѣдъ и булки,—и она ласково успокоивала мать, угощая чаемъ.

Свѣтъ пробивался въ окна.

«Хоть бы скорѣй день наступилъ, прошелъ бы онъ, а тамъ и ночь»;—и Маша вдругъ рѣшительно проговорила:

— Пойду въ мастерскую, мнѣ надо, кабы не опоздать,—и какая-то неясная мысль торопила ее.

Быстро закрыла трубу, посадила дѣтей пить чай, а сама наскоро одѣлась и побѣжала, боясь потерять каждую минуту.

Она не замѣчала ни людей, ни праздничнаго шума; въ ея жизнь онъ не проникалъ; она думала только:

«Хоть бы нынче, сейчасъ продать себя съ закрытыми глазами и помочь матери, дѣтямъ».

Въ мастерскую она прибѣжала усталая.

— Ну, что, у насъ никого не было?—обратилась она къ Лизуткѣ.

— Никого,—удивленно отвѣчала ей Лизутка, не понимая, про кого идетъ рѣчь.

*

Маша сѣла на обычное мѣсто.

— Леночка,—позвала она меня.

Дѣвочки продолжали болтать и смѣяться. Катенька завивалась передъ зеркаломъ, тихо, монотонно напѣвая.

— Эхъ, Леночка, сердце ноетъ у меня, а на груди пуды точно лежатъ, и давитъ мнѣ вотъ тутъ а въ ушахъ звенитъ: «будьте моей, въ достаткѣ жить будете». Такъ я хочу сытно жить... Онъ богатый,—шептала Маша такъ тихо, что я едва, едва разбирала.

— Вотъ я готова къ званному обѣду,—подошла къ намъ Катенька.—Ну, Машенька, нынче не полагается носъ вѣшать.

Въ это время Лизутка увлеклась и громко разсказывала:

— А разъ вечеромъ Михаилъ Антоновичъ меня въ корридорѣ поймалъ, и цѣловалъ, такъ тридцать копѣекъ далъ.

— И тебѣ не стыдно было, ахъ ты...—укоризненно покачала головой Маша.

— Чего стыдно? развѣ я слиняла отъ его лизни,—бойко отвѣтила Лизутка.—А на деньги-то эти я булки покупала къ чаю.

— Погоди, я хозяйкѣ скажу,—пригрозила Маша.

Пришли мастерицы съ другого отдѣленія.

Всѣ усѣлись и стали болтать о нарядахъ, о предстоящемъ весельѣ. Вспоминали Фросю, и нынче рѣшили пойдти ее провѣдать.

Катя взяла французскій романъ и стала читать.

— Вы все читаете, Катенька, видно, интересно; книга-то какая толстая, разскажите намъ про что въ ней написано?—спрашивала Сопочка.

— Про многое,—буркнула Катя, не отрываясь отъ книги.

— Это видно не для насъ написано, вставила вторая машинистка, и разговоръ ихъ вернулся къ Фросѣ.

— Говорятъ, все заложила.

Въ это время на порогѣ появился Михаилъ Антоновичъ.

— Вотъ гдѣ цвѣтникъ.

Маша вздрогнула, нѣкоторыя дѣвушки взвизгнули и засмѣялись.

— Съ праздникомъ, дѣвушки, поздравлялъ онъ, здороваясь. Ну что, господа, настаетъ время веселья, маскарады, такъ вы всѣ туда огуломъ, хе, хе... И то прокоптились, дымкомъ припахиваете.

— Что вы, Михаилъ Антоновичъ, какой у насъ дымъ,—и Сопочка махнула на него надушенымъ носовымъ платкомъ.

— Пожалуйте къ хозяйкѣ за подарками,—объявила Дуня.

Всѣ поднялись и пошли съ сіяющими лицами.

Маша медлила, желая улучить моментъ, чтобы сказать Михаилу Антоновичу, но она точно всѣ подходящія слова потеряла, уныло посмотрѣла на него и онъ ей показался еще непріятнѣй.

Онъ взялъ ее за руку съ ласковымъ взглядомъ, но ей почу-

дилось что-то затаенное страшное, и ужасъ леденящей волной охватилъ ее, холодными иглами пробѣжалъ по тѣлу, лицо покрылось страшною блѣдностью. Она молчала. Онъ, какъ хищникъ, впился въ нее и шепталъ ей:

— Маша, можно нынче вечеромъ. Хорошо?

Въ головѣ у нея зашумѣло, сердце такъ сильно забилось, какъ будто его слова ударяли молотомъ, и шопотъ его дрожащій, тихій, застилалъ свѣтъ, она искала глазами, къ кому бы броситься и у кого-бы искать защиты, но никого не находила. Онъ передъ ней только одинъ стоялъ и жестоко, безъ пощады, душилъ своимъ соблазномъ, улыбаясь, съ радостью воровалъ желѣзными руками ея непорочную душу.

Торопливо, точно боясь потерять моментъ, настойчиво твердилъ:

— Нынче, Маша, нынче... и при этомъ радовался и не дожидаясь отвѣта, на ухо шепнулъ:

— Приходи вечеромъ къ Матренѣ,—и, взявъ ее подъ руку, повелъ въ гостиную.

Она безъ отвѣта, безъ сопротивленія, повиновалась ему.

Большая гостинная, залитая вся дневнымъ свѣтомъ, ей казалась какъ въ туманѣ, она робко смотрѣла, полная жуткихъ мыслей.

Шумъ, говоръ мастерицъ, расплывался въ ея ушахъ, она печально смотрѣла на ихъ лица, но никто не замѣчалъ ея внутренней муки.

Къ ней подошелъ братъ Михаила Антоновича.

— Давно васъ не видалъ, какъ живете, Марья Родіоновна?— вы съ каждымъ днемъ хорошѣете. Ишь какая стала, и онъ подмигнулъ, взглянувъ на брата.

— Лови, братъ, лови,—шепнулъ онъ ему на ухо и засмѣялся.

— Обѣдать, господа, садитесь, все готово.

Михаилъ Антоновичъ взялъ подъ руку Машу и посадилъ съ собой рядомъ.

— Выпьемъ, дѣвушки, выпьемъ, голубушки, наливалъ онъ всѣмъ вина. Въ праздникъ то можно, нынче вино и елей — разрѣшено.

— Ну, Маша, хватимъ по другой.

Она отказалась.

— Пей, что ты!—почти повелительнымъ тономъ сказала хозяйка.

И Маша бойко выпила рюмку коньяку.

— Вотъ молодецъ, такихъ люблю, наливалъ ей еще Михаилъ Антоновичъ.

Маша сдѣлалась развязной и выпила еще, лицо раскраснѣлось, глаза оживились.

Катенька лукаво подмигнула Машѣ и, протянувъ рюмку съ коньякомъ, чокнулась съ ней со словами:

— Догонимъ, Катенька.

— Что-жъ, будемъ догонять,—и онѣ вдвоемъ выпили за тайный смыслъ своихъ желаній.

Обѣдъ приходилъ къ концу, всѣ оживились, смѣялись и радовались праздничному дню.

Въ столовую дѣвочка принесла письмо и подала Михаилу Антоновичу.

Онъ прочиталъ и всѣхъ молча обвелъ глазами. Что-жъ дѣлать? Придется съѣздить. Узнала, узнала, повторялъ онъ. Догадалась, Ваня.

— Кто?—вдругъ неожиданно громко спросила Маша.

— Жена, Маша, жена зоветъ домой.

— Поѣдемъ, братъ, — а то неловко одному, жена бучу дома подниметъ, а при тебѣ она постѣсняется.

— Попался! и братъ расхохотался; мастерицы то же тихо смѣялись.

— Ну да вотъ что,—и онъ позвалъ въ сосѣднюю комнату м-мъ Матильду и о чемъ-то просилъ.

— Хорошо, устрою—громко отвѣтила она.

— Ѣдемъ пока; и Машѣ онъ на ухо шепнулъ:—«до вечера».

Мужчины, простившись, уѣхали.

Мастерицы благодарили хозяйку и расходились.

Машу м-мъ Матильда оставила у себя.

— Давай еще выпьемъ, пойдемъ въ спальню. Забравъ съ собой бутылки и рюмки, онѣ затворили за собой двери. Сумерки, въ комнатѣ стемнѣло.—Пей, Маша, да куй желѣзо, пока не остыло. Онъ богачъ, а ты цѣни себя хорошо, не стѣсняйся, выжимай больше; они всѣ на деньги скупы, когда трезвы, а выпьетъ—тутъ и пользуйся: кольцо дастъ, бери его, вексель, и имъ не брезгай.

— Нагнись ко мнѣ поближе,—Матильда наклонилась къ Машѣ и на ухо что-то шепнула. Маша сконфузилась, покраснѣла и ничего не отвѣтила.

— Совѣтую тебѣ, не подпускай меньше тысячи. Слышишь.— Ты-сячу рублей. Она захохотала.

— Говорю, не промахнись. Она выпила еще вина и поцѣловалась съ Машей.

— Машенька ты моя, хоть я и распутница, а «Божья тварь», жить хочу; да не такъ жить, чтобы меня всякій задавить могъ. Нѣтъ. Было время давили, кому не лѣнь было, а теперь меня не раздавишь. А чѣмъ взяла? смѣлостью, умомъ! Всѣ давятъ другъ друга, а ты знай не поддавайся. Нашей сестрѣ женщинѣ хуже всего на свѣтѣ жить: насъ бьютъ, насъ срамятъ; а ты знай

дуйся, не поддавайся. Съ тобой безчестно поступаютъ, и ты наровй такъ же; честностью не тянись, не поможетъ. Она тихо засмѣялась и, заплакавъ, продолжала:

— Крестили Матреной, а вышла Матильдой. А отчего? я и не додумалась... А грѣхи такъ и лѣзутъ въ душу, губятъ ее. Знаю, что, совѣтую тебѣ грѣшное, да такимъ, какъ я и ты, одна дорога; поживи хоть молодость всласть, да родныхъ не забывай.

— Ну налей-ка еще.

Маша подала ей вина.

— Да все у меня есть: деньги, билеты, золото, да чистой совѣсти нѣтъ.

М-мъ Матильда вдругъ вскочила, выпрямилась и закричала:

— А все-таки меня уважаютъ всѣ, я первая м-мъ въ городѣ, и мастерская въ славѣ. Сама всю себя продала, сама все и купила.

Руки ея тряслись, глаза точно выкатились, она опустилась въ кресло, голова наклонилась и она тихо шептала:

— Всяко было: и би-та была... всяко...

Маша тихонько вышла. Голова у нея горѣла, а сердце усиленно билось, точно ему хотѣлось вырваться, отстоять свою правду; но отравленное житейской истиной, оно потеряло внутренній путь.

Маша долго сидѣла въ пустой комнатѣ и думала: Не отбиться отъ нужды честностью, сдамся; вонъ хозяйка потеряла совѣсть, а живетъ хорошо, въ городѣ всѣ ее уважаютъ.

Маша одѣлась и вышла на большую улицу, а слова «тысячу рублей» точно застыли въ ушахъ, и она тихонько повторяла: «тысячу рублей, тысячу, вотъ сколько—тысячу; да онъ не дастъ, хоть бы сто далъ, и то много. Точно я актриса или балерина. Хозяйка сболтнула, а я ей повѣрила, а все-таки я ему скажу...

Незамѣтно подошла опа къ квартирѣ матери, отворила дверь, на нее пахнуло теплымъ, удушливымъ воздухомъ.

—«Фу, вонь какая должно быть отъ болѣзни».—Маша постояла, посмотрѣла на мать, на дѣтишекъ и подумала: всѣ пригрѣлись и спятъ. Зачѣмъ будить, пускай отдыхаютъ, пойду погуляю, потомъ зайду, провѣдаю.

Темнѣло. Сыпался снѣжокъ. Маша спѣшила посмотрѣть на гуляющихъ. На большой улицѣ шелъ сзади ея офицеръ. Онъ забѣжалъ впередъ, взглянулъ на нее и, любезно раскланиваясь, предложилъ:

— Позвольте васъ проводить для безопасности.

— Что-жъ, проводите, вдвоемъ будетъ не страшно, бойко она отвѣтила и убѣжала отъ него на другую сторону.

Онъ за ней.

— Пойдемте вмѣстѣ, будетъ веселѣй. Вы куда идете?

— Домой.

— Отлично, я то-же домой.

Около фонаря онъ взглянулъ на нее.

— Вы молоденькая и румяная, кажется, блондинка.

— Нѣтъ, я изъ пѣгихъ.

— Ну, а я изъ вороныхъ.

Оба засмѣялись.

— А вы кто такая?

— Прохожая, развлекаюсь.

— Ну, а я забвенья ищу,—и онъ протянулъ ей руку, назвавъ свою фамилію.

— Я знаю, вы вчера были у княгини на елкѣ. Я васъ видѣла.

— Вотъ какъ,—протянулъ офицеръ, пристально всматриваясь въ Машу.

— Знаете что, поѣдемте кататься на лихачѣ, дорога славная, а удовольствіе пріятное, за городъ махнемъ. Тамъ просторно, развернемся.

— Нѣтъ, не поѣду.

— Почему?—и у него мелькнуло въ головѣ «неужели ошибся».

— Скажите, почему не поѣдете.

— Некогда, спѣшу домой, и холодно.

— Въ такомъ случаѣ, поѣдемъ кататься по городу.

— Ѣдемте, согласилась Маша.

Они сѣли на извозчика, онъ крѣпко обнялъ ее за талію, и понеслись, быстро разсѣкая холодный воздухъ.

— У васъ такіе страшные глаза, ухъ, но я люблю черныхъ.

— А у васъ сѣрые, красивые, мой любимый цвѣтъ глазъ.

— Скажите, вы любите кого-нибудь?

— Нѣтъ, никого.

— Но раньше любили кого нибудь?

— И раньше не любила, некогда было: не до любви мнѣ...

— Ха, ха! Чудачка, да развѣ любятъ тѣ, у кого есть только свободное время.

— Не знаю отчего любятъ, но знаю, что наши дѣвушки изъ-за любви страдаютъ; такъ мучиться, какъ онѣ, такъ лучше ея никогда и не знать.

Офицеръ крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

— Мы будемъ съ вами продолжать знакомство, и быть можетъ... тра-ра-тра-ра. Въ глазахъ его заигралъ огонекъ лукавства.

Машѣ польстило, что съ ней знакомился офицеръ и ей даже хотѣлось, чтобы встрѣтилася и увидѣла ихъ Катенька.

— Вы такая свѣженькая. Сколько вамъ лѣтъ?

Мимо нихъ промчался на собственной лошади Михаилъ Антоновичъ.

— Домой надо, чуть не вскрикнула она.

— Вы не хотите, чтобы я зналъ сколько вамъ лѣтъ, такъ я вамъ скажу, вамъ двадцать. Губы у васъ красивыя, мягкія... Та-та-бомъ, бомъ бомъ...

— Мнѣ надо, мнѣ пора домой, домой, твердила она настойчиво.

Прощаясь, они назначили свиданье, на другой день вечеромъ.

Маша съ непонятнымъ чувствомъ входила въ гостинную хозяйки. М-мъ Матилда угощала Михаила Антоновича виномъ и фруктами. Она привѣтливо встрѣтила Машу, усадила около себя. Немного погодя она мило извинилась и ушла.

Михаилъ Антоновичъ пододвинулся къ Машѣ, обнялъ ее за талію и спросилъ.

— Маша, поѣдешь со мной гулять вдвоемъ безъ Матрешки?

— Что молчишь? говори. Поѣдемъ, для тебя ничего не пожалѣю, квартиру тебѣ устрою, какъ игрушку, наряды будутъ не хуже Матрешкиныхъ, все у тебя будетъ. Поѣдемъ что-ли?

— Да что ты, какъ истуканъ какой сидишь, побѣлѣла даже. Пей вино. Ты хорошая дѣвушка. Я тебя полюбилъ, не зря за тобой гонялся. Я тебя давно добиваюсь.

— Вѣдь ты сиротка, да? у тебя нужда?

Она молчала и думала: «тысячу рублей, тысячу».—Я задарю тебя, обижать не буду. Согласна что-ли.

—«Да»—чуть слышно отвѣтила Маша, а въ головѣ кружилось, «для нихъ, для сиротъ, для мамы. Спасу ихъ».

— Ѣдемъ, ѣдемъ, не силой беру, по согласью, по совѣсти.

Глава IV.

Маша лежала въ номерѣ гостиницы безъ движеній, усталая, разбитая.

Пришла горничная.

— Какой сегодня день?

— Завтра канунъ новаго года; а вы, барышня, у насъ живете второй день, т-е. не живете, а спите. Не надо ли вамъ чего?

— Уходи, ничего не надо. Маша схватилась руками за голову и, увидѣвъ себя въ зеркалѣ, въ испугѣ вскрикнула.—Я на нихъ похожа, на тѣхъ, тьфу. Нѣтъ, нѣтъ, это я съ испугу. Я содержанкой буду, незаконной женой, лучше, незаконныхъ обижаютъ меньше, успокоивала она себя.

На столѣ лежали деньги...

Она быстро одѣвалась, чтобы пойти провѣдать мать, не-

связныя мысли съ каждымъ ударомъ сердца становились тревожнѣй. Деньги теперь для нея уже утрачивали силу и значенье. Грустно она шла по улицѣ съ наклоненной головой, боялась смотрѣть на людей. Она сознала свое безсилье скрыться и убѣжать отъ испытываемаго страха, стыда. Съ неумолимой настойчивостью, какъ призраки, преслѣдовали ее образы людей, среди которыхъ провела послѣдніе дни. Она толкала дверь, стучала въ окно, звала мать, дѣтишекъ, никто не откликался.

Къ ней подходитъ прохожій и объясняетъ:

— Въ этомъ помѣщеніи никого нѣтъ, два дня тому назадъ отвезли женщину и четверыхъ дѣтей въ больницу, не то удавились, не то угорѣли всѣ. Дѣвочка ихъ какая-то открыла. Вы стало быть изъ родни приходитесь? пытливо оглядывалъ прохожій Машу.

Она молчала, безумные глаза остановились на прохожемъ, въ ушахъ звенѣлъ органъ ресторана и стоящій прохожій показался ей пляшущимъ цыганомъ. Лицо ея скривилось, она закричала:

— Мама!

— Барышня, да тутъ ихъ нѣтъ, идите въ больницу.

Она слушала, но не понимала.

Онъ участливо повторялъ:

— Послушайтесь меня, поднимитесь на горку, а тамъ направо и больница. Ступайте въ больницу.

— «Въ больницу» — повторила она и побѣжала по снѣгу, не разбирая дороги.

У воротъ больницы ее остановилъ сторожъ, спрашивая:

— Вы къ кому?

— Пусти, родной, и упала передъ нимъ на колѣни.

Онъ ее поднялъ и проводилъ къ мертвецкой. Тамъ встрѣтилъ другой сторожъ, отворилъ двери и показалъ трупы, спокойно говоря:

— Сейчасъ запечатаю ихъ, а то вслѣдствіе праздниковъ гробы задержали. Готовыхъ не случилось.

Маша стояла и смотрѣла на покрытые трупы странно и безучастно.

— Посидите немножко, вотъ здѣсь на лавкѣ, отдохните,—говорилъ ей сторожъ.

Маша сѣла и разсѣянно слѣдила за работой сторожа.

Пришли Матильда и Михаилъ Антоновичъ.

Маша, какъ обожженная, вскочила, глаза сверкнули злобой.

— Мы сейчасъ изъ газетъ узнали о твоемъ горѣ, ахъ, какая бѣда приключилась. Ты, не убивайся очень, онъ похоронитъ на свой счетъ, и м-мъ Матильда указала на Михаила Антоновича.

— Я все, да я все, испуганно пролепеталъ онъ.

— Не дамъ поганить ее вашими деньгами, не хочу, не смѣйте. Она еще что-то хотѣла сказать и только вскрикнула:

— Вонъ отсюда, съ хозяйкой вонъ...

Они переглянулись, удивленно пожали плечами и покорились ея требованію.

Сторожъ заколачивалъ крышки гробовъ; каждый ударъ молота точно обжигалъ ее раскаленнымъ желѣзомъ. Мысли ея то вспыхивали огненными языками, то потухали, перескакивая съ одного воспоминанія на другое. Пережитое заслонялось ѣдкимъ дымомъ, то снова освѣщалось, смѣшиваясь съ гиканьемъ ямщиковъ, съ звономъ бубенчиковъ и пѣніемъ цыганскаго хора...

Къ мертвецкой подъѣхали большія длинныя дроги.

Маша уныло побрела за ними. Шелъ снѣжный пушокъ, ложась мягкимъ покрываломъ на крышки гробовъ. Блѣдные лучи заходящаго солнца прощались съ короткимъ днемъ, переходившимъ въ вечеръ. Мрачныя дроги одиноко тащились къ кладбищу слегка покачиваясь по ухабамъ дороги. Тихо. Безлюдно. Машѣ казалось, что земля колышется, вотъ, вотъ ударитъ громъ и она великая затрещитъ. Звѣзды посыплются и конецъ всей жизни... и она шептала: Господи! прости окаянную...

Тускло свѣтились два фонаря на кладбищенскихъ воротахъ. Темно...

Глава V.

Настали маскарадные вечера. Въ мастерской работы много. Однообразно, монотонно тянутся дни, съ ранняго утра до поздняго вечера.

— Забыться-бы и заснуть, чтобы никогда богачей не рядить, ишь какую гонку намъ задали, чтобъ имъ. Черти... бранилась «Рябая Кукушка».

— Леночка!—обратилась ко мнѣ Катя.

— Вы любите театръ?—и не дожидаясь отвѣта, оглянулась кругомъ и шопотомъ сообщила:

— Я свела знакомство съ актерами и не съ хористами, а съ настоящими, такъ они меня... Впрочемъ не скажу... Только рѣдко приходится попадать къ нимъ. Спѣшка опять помѣшала. Хочется мнѣ счастья попробовать, а меня, Леночка, сманиваютъ туда.

— Будетъ болтать, работайте, за фантазіи хлѣбомъ нигдѣ не будутъ кормить. Мечтой не проживете...

— Хлѣбъ безъ фантазіи тоже не нуженъ. Все равно и голодный человѣкъ, ну, скажемъ, мечтаетъ о хлебѣ, а сытый о маскарадномъ костюмѣ.

— Небось и вы, Фросинья Елпидифоровна, про запасъ мечту имѣете.

— Ну ихъ къ чорту, онѣ меня хуже водки сокрушаютъ. Выпьемъ легче станетъ, забудешься. А мечта травитъ сердце къ любви, такъ и отбиваетъ сердцу: «люби», а полюбишь кого, глядь его и любить то не слѣдуетъ. А разбираться, да разглядывать нашему брату некогда. Мы для гіенны огненной рождены, что богачи вертятъ, да насъ туда и толкаютъ.

— Эй, Лизутка, опять языкъ чешешь?—Работай, Катенька, а вѣдь ваша зазноба съ другой гуляетъ.

— Что-жъ пускай, отбивать некогда. Насъ и любятъ на живую нитку.—Я, Фросинья Пидифоровна, не Машенька, изнывать не стану. Не изсохну... На нашихъ охотниковъ перевода не бываетъ, ихъ и чума не беретъ.

— Одно утѣшенье, обирать ихъ хорошенько надо,—вставила «Рябая Кукушка».

— Хорошо брать, какъ есть что. Машенькѣ подвезло, офицеръ наслѣдство получилъ, ну и беретъ, а то вѣдь до насъ и липнетъ больше нищета. Вѣрите ли дѣвушки, кого не полюблю, а онъ какъ соколъ, и такъ всю жизнь.

— Фросинья Пидифоровна, неужели всегда такъ было? и Катя расхохоталалась и продолжала:

— Вѣдь сейчасъ вы фасонъ потеряли, а съ молоду не дурны были, вотъ цвѣтъ лица утратили...

— Не важничайте, Катя, скоро и вы фасонъ потеряете. Посмотрите, Машенька уже слиняла, осунулась вся...

— А я знаю отчего,—вставила Лизутка.

— Отчего?—чуть не разомъ спросили ее мастерицы.

— Да офицеръ-то Маріи Родіоновны женится на младшей княжнѣ.

— Откуда узнала?

— Да ужъ знаю,—лукаво отвѣтила Лизутка, пытливо прислушиваясь ко всему, о чемъ шептались мастерицы.

Катя весь вечеръ молчала. По окончаніи работы, она долго долго возилась въ своей корзинкѣ. Сложила все въ платокъ, увязала и, одѣвшись, ушла съ узломъ, ни съ кѣмъ не простившись.

Наступила масленица; театральный сезонъ приходилъ къ концу, спѣшки меньше. Прошла недѣля, а Катя не возвращалась... Мастерицы сходились, шептались, лукаво подсмѣивась надъ ней:

— Небось, генерала подхватила, скоро заказы будетъ отъ нея хозяйка принимать.

— Да ну, генерала; съ актрисой уѣхала въ Москву...

— Не за ней же погналась; ужъ, навѣрно, зазнобу намѣтила.

Въ послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ зашла къ намъ Машенька.

Всѣ привѣтливо ее встрѣтили, съ любопытствомъ осматривая. За это время она измѣнилась, похудѣла.

— Здравствуйте, дѣвушки, какъ живете?

— Мы по старому, какъ вы поживаете? — спросила вторая машинистка.

— Хорошо живется, только скучаю, надумала у васъ опять работать, только приходящей. Хозяйка уговариваетъ, жалуется, мало толку съ новыми...

— Катя-то ухнула, такъ ничего про нее и не знаете?

— Ничего не знаемъ...

— А вы, Леночка, теперь привыкли? И ни разу не пришли меня провѣдать,—подойдя ко мнѣ близко, шепнула: — поговорить съ вами хочется, душу отвести. Пойдемте сейчасъ ко мнѣ, даже поѣдемъ на извощикѣ. Она засмѣялась. Теперь у меня деньги есть,—и глубоко вздохнула.

Я вошла къ Машѣ въ маленькую квартиру, чистенькую, уютную.

— Садитесь, моя дорогая гостья. Часто вспоминаю про васъ. Чистая вы, хорошая, не то что я. Если бы вы знали, какъ я убивалась послѣ похоронъ мамаши, ждала страшнаго суда. Думала отъ мученій небеса разразятся, свѣтъ не вытерпитъ, какъ моя душа разрывалась на части. А вытерпѣла, живу. А того соблазнителя и не допускаю къ себѣ. Вѣдь я хотѣла наложить на себя руки.—Она вздохнула...—Нашелся человѣкъ, спасъ меня... Хорошій онъ человѣкъ, умный, добрый... Тоскливо только бываетъ, когда ждешь его, а онъ не приходитъ. Вы, Леночка, никогда не дожидались любимаго мужчину?

— Любимаго не дожидалась.

— А я вамъ скажу, это очень занятно, ждешь и онъ приходитъ, и такъ становится радостно. Сердце вѣритъ, вѣритъ во что то хорошее, душа нѣжится, не пугаетъ бѣдой, про горе забываешь. А то помните, бывало, какъ проснешься, такъ и ждешь вотъ, постигнетъ бѣда. Теперь у меня этотъ страхъ пропалъ;— и перемѣнивъ тонъ, она позвала меня въ другую комнату.—Смотрите, какіе у меня наряды! Вы не гнушаетесь мной?—и обнявъ меня, порывисто поцѣловала, укоряя:—ни разу ко мнѣ не зашли. А вѣдь Катенька у меня скрывалась два дня. Обѣщалась прислать мнѣ письмо. Фрося проживала у меня, только она пьетъ сильно, я поссорилась съ ней. Я тоже не со всѣми хочу знаться. Кока благородный, онъ такихъ не любитъ.

Я слушала ее и думала:

«Ей удалось выхватить мгновенье любви, заглушить стра-

данье. Забвенье любви точно сожгло пережитое и не оставило обуглившагося раскаянья».

Прощаясь со мной, она сказала:

— Завтра приду въ мастерскую, хозяйкѣ неловко отказать въ просьбѣ.

Наступилъ великій постъ. Маша утромъ приходила, приносила съ собой булокъ, закуски и угощала насъ, а рано вечеромъ уходила.

Однажды она принесла мнѣ прочитать письмо отъ Кати, которая писала:

«Маша, другъ мой, помоги мнѣ. Москва мнѣ чужая сторона, сердце разбилось, хвораю. Займи денегъ, да прими мой завѣтъ: не люби своего офицера и никого не люби: такихъ какъ ты, да я, не любятъ, а играютъ нами. Злоба кипитъ въ моей груди, съ ней хочу броситься въ омутъ, авось пріютитъ. Помоги до омута добраться, я вся обносилась. Поддержи мою красоту, пришли на костюмъ. За свою красоту хочу взяться, я читала въ одной книгѣ: «что красота это страшная сила». Попроси кого-нибудь написать мнѣ о себѣ, о Матрешкѣ. Если плохи твои дѣла, пріѣзжай ко мнѣ. Къ чорту мечты, давай со злобой жить, не вѣрь въ любовь, не для насъ съ тобой она на свѣтѣ. Жду письма. Твоя Катя»...

Маша, блѣдная, молчала, сердце трепетно у ней забилось, она скрывала волненіе.

— Леночка, вы напишите ей письмо и отошлите денегъ. Нынче спѣшки нѣтъ, уйду раньше домой, мнѣ нездоровится.

Голосъ ея дрожалъ, а глаза молчаливо говорили, что счастье ея увядало.

Весеннее солнце, яркими лучами переливаясь, играло на отливающемъ снѣжномъ уборѣ земли. Утро весны ласково заглядывало въ душу человѣка. Маша слабѣла, мысли въ головѣ застывали передъ неяснымъ, но уже наступающимъ горемъ.

Офицеръ заходилъ къ ней все рѣже и рѣже. Любящее сердце ждало его, надѣялось, вотъ придетъ, но онъ не приходилъ, и тоска охватывала ее, ползала по всѣмъ предметамъ, и тихо истлѣвала радость жизни.

Однажды утромъ онъ пришелъ къ ней.

Маша несмѣло, робко спросила:

— Отчего ты давно не былъ? Мнѣ нездоровится, и я скучаю безъ тебя.

— Я никогда не обѣщался тебя развлекать. Найди себѣ другого, если тебѣ скучно... Мнѣ некогда, у меня дѣла. Нѣтъ ли у тебя денегъ? Мнѣ онѣ нужны... Скоро возвращу.

Она, не возражая, трясущимися руками отдала все свое сбереженіе.

— Какъ мнѣ быть, ты сказалъ другого... значитъ?

— Что значитъ? о чемъ ты говоришь? Случайно встрѣтились, случайно разошлись.—Онъ пожалъ плечами и холодно продолжалъ:—Неужели на найдешь другого? Поищи тамъ, гдѣ меня встрѣтила,—и онъ засмѣялся.—Забыла гдѣ? Я напомню: на улицѣ встрѣтились.

Онъ прищурилъ одинъ глазъ, а другимъ смотрѣлъ на нее насмѣшливо, спокойно...

И насмѣшка его проникала прямо въ душу, холодила сердце, и Маша, ошеломленная, что-то несвязно шептала:

— Вѣдь ты, а я-то...

Но голосъ ей измѣнилъ, она вся дрожала.

— Ты молода, тебѣ можетъ понравиться другой... Ты тоже можешь нравиться, только, конечно, не въ такомъ видѣ,—и онъ отвернулся отъ нея, заглянувъ въ зеркало.—Ты очень подурнѣла и вообще...

Маша пошатнулась и выкрикнула:

— Проклятый!

— На такихъ, какъ ты, я не обижаюсь. Это было бы слишкомъ много.

Онъ вышелъ, не взглянувъ на нее.

Маша, точно застывшая, долго стояла на одномъ мѣстѣ и глядѣла на дверь, въ которую ушелъ офицеръ, унёся съ собой недолгое счастье..

Въ комнатѣ тихо, она медленно оглянулась и дико вскрикнула:

— Мама! Нѣту, родимая, нѣту тебя, одна я на бѣломъ свѣтѣ. Загубила бы я себя, пришла бы къ тебѣ, родная, да ребеночекъ не велитъ.

И она опустилась на стулъ, наполняя комнату стонами и воплями отчаяньи. Мелькнувшій передъ ней разсвѣтъ радости исчезъ въ одно мгновенье. Она голодная, съ опухшими ногами, долго рыдала.

Солнечный лучъ ласково взглянулъ въ окно и скользилъ по блѣдному, измученному лицу.

Маша подняла лицо и подумала:

«Что мнѣ свѣтъ ясный, когда на душѣ такъ темно. Лягу, все болитъ у меня, никуда не пойду, ничего не буду ѣсть, такъ и умру съ голоду, право, такъ лучше, чѣмъ отравиться или повѣситься».

— Умру, умру,—изступленно она шептала.—Отъ грѣха, отъ совѣсти умру. Лучше буду грѣшницей, право, легче, чѣмъ у меня родится дочь, да ея доля тоже будетъ горевая. Хорошаго не вышло, а стыда, да мученья сколько, такъ бы и провалилась, чтобы забыть все, все забыть! А забуду тогда только, когда умру.

Закрывъ глаза, Маша, объятая ужасомъ, прислушивалась къ тишинѣ въ комнатѣ. Каждая минута, безконечно длинная, бросала въ голову мысли несвязныя, обрывочныя. Страшная таинственная сила безшумно спускалась надъ ней и, найдя свою добычу, тонкой струйкой обвивалась и душила въ своихъ объятіяхъ. Маша, точно вырываясь отъ нихъ, вскочила и громко вскрикнула:

— Смерти хочу. Я никому не нужная тварь. Сердце горитъ, моченьки нѣтъ,—и, задыхаясь, разорвала воротъ кофточки.— Страшно, жутко мнѣ.

Въ изнеможеніи она опустилась на кровать и умолкла.

Страстная недѣля. Рѣдкіе удары колоколовъ донеслись до ея слуха.

Она безсознательно считала:

— Два, три, четыре...

Въ передней раздался звонокъ.

Маша повторила:

— Пять.

Рѣзкій звонокъ повторился.

Маша тихо приподнялась и съ безумнымъ взоромъ смотрѣла на дверь, ожидая желанной смерти, потомъ быстро вскочила, и передъ ней, какъ призракъ, стояла блѣдная, исхудалая Катя.

Одно мгновенье, одинъ взглядъ, и Маша бросилась къ ней, прижимаясь съ боязливымъ, страннымъ шопотомъ:

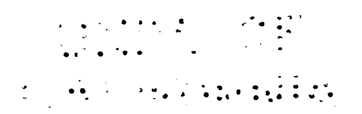
— Страшно мнѣ жить, жутко.

Катя безъ разспросовъ поняла причину ея страданій. Одно горе слило ихъ въ одно существо. Катя, задыхаясь отъ рыданій, проговорила:

— Надо мной тоже насмѣялся и бросилъ...

Сумерки спускались на землю, и среди нависшей темноты онѣ стонали, безъ надежды на свѣтлое будущее. Время летѣло, не останавливаясь передъ суровымъ приговоромъ надъ людьми...

Л. М.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Разсказы“ г. Арцыбашева.

Молодой, сравнительно недавно начавшій свою литературную работу писатель, г. Арцыбашевъ почти съ перваго своего выступленія уже обратилъ на себя вниманіе и читателей, и критики. Всѣ его разсказы—«Прапорщикъ Гололобовъ», «Конокрадъ», «Бунтъ» и др., выдѣлялись изъ ряда другихъ, одновременно появившихся разсказовъ и очерковъ, ежемѣсячно печатающихся въ журналахъ и разныхъ сборникахъ. Что-то заставляло читателя вдуматься поглубже въ жизнь, дать себѣ отчетъ въ томъ, что его окружаетъ, и это что-то было такъ печально и въ тоже время остро захватывало, мучило и безпокоило, не давая стряхнуть впечатлѣніе, навѣянное разсказомъ. Исканіе правды жизни и противорѣчіе между жизнью дѣланной и той, настоящей, которая могла бы быть, вотъ что рѣзко подчеркивалось въ этихъ разсказахъ, ярко выступало изъ-подъ наслоеній жизни и мучило, не давая примиренія. Эти черты еще рѣзче и ярче проявляются теперь въ талантѣ г. Арцыбашева, когда его разсказы собраны вмѣстѣ и даютъ возможность прослѣдить, какіе вопросы мучатъ автора и подчиняютъ незамѣтно, но неодолимо и его читателя. Какъ же жить? И зачѣмъ все такъ нелѣпо и жестоко до ужаса слагается въ жизни? Неужели мы безсильны разорвать эти дикія условія жизни, создать новую, настоящую, хорошую жизнь, гдѣ бы все лучшее въ нашемъ существѣ не подавлялось, не уничтожалось, не коверкалось въ угоду какому-то злому призраку, уродующему все и ломающему стихійно, безсмысленно и безцѣльно? Авторъ даетъ отвѣтъ на эти вопросы, и отвѣтъ положительный, какъ увидимъ дальше.

Книга г. Арцыбашева начинается разсказомъ «Паша Тумановъ», который и по времени былъ первымъ разсказомъ его, хотя появился только теперь. Судьба его такъ характерна, что не мѣшаетъ сказать о ней два слова. Сначала онъ былъ переданъ авторомъ въ редакцію «Русскаго Богатства», гдѣ его немедленно приняли и напечатали, но по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ разсказъ не могъ появиться. Тогда, это было какъ разъ въ самый разгаръ «сердечнаго попеченія» о средней школѣ покойнаго Ванновскаго, «Паша Тумановъ» поступилъ къ намъ, но и тутъ тоже «независящія» обстоятельства встали непреодолимой преградой между авторомъ и читателемъ. По нашему совѣту г. Арцыбашевъ передалъ его въ журналъ безъ предварительной цензуры, гдѣ, однако, узнавъ предварительную исторію хожденія по мытарствамъ

этого разсказа, не рѣшились его напечатать. Можно подумать, что авторъ задался цѣлью по меньшей мѣрѣ «разрушить государство», а дѣло все въ томъ, что онъ далъ удивительно написанную картину душевныхъ мукъ юноши, который, затравленный школой, убиваетъ директора. Въ разсказѣ усмотрѣли нападеніе на систему средней школы и призывъ къ насильственному ея разрушенію. Между тѣмъ, въ немъ нѣтъ ни того, ни другого, потому что онъ гораздо значительнѣе и глубже. Авторъ поступилъ правильно, уничтоживъ бывшій раньше подзаголовокъ: «поэма дореформерной гимназіи», такъ какъ гимназія играетъ здѣсь не главную роль.

Паша Тумановъ обычный типъ юноши, начинающаго «мыслить и страдать», со всѣми уклоненіями и порывами, свойственными этому неустановившемуся возрасту, когда все въ человѣкѣ находится въ движеніи. Отъ существованія почти исключительно физіологическаго, свойственнаго дѣтству, начинается переходъ къ самому важному—къ сознанію себя человѣкомъ, къ осмысленному отношенію къ обществу, къ окружающей жизни, къ людямъ. Въ этотъ важнѣйшій моментъ перелома, когда въ насъ подымается впервые сознательная личность, Паша Тумановъ, какъ и тысячи его товарищей, не встрѣтилъ никого, кто направилъ бы кипѣвшія въ немъ силы на правильный путь духовнаго развитія, а наоборотъ, все окружающее было такъ устроено, чтобы подавить въ немъ личность и отлить его, Пашу, по готовому и для всѣхъ одинаковому образцу.

Онъ въ одномъ изъ послѣднихъ классовъ и чувствуетъ, что запустилъ дѣло ученія и что на экзаменѣ его ожидаетъ провалъ. «Почему такъ много, неопредѣленно много было упущено, Паша не зналъ. Отчасти это случилось по лѣни, отчасти по обстоятельствамъ, отъ Паши не зависящимъ, а главнымъ образомъ отъ того, что настоящая, дѣйствительная жизнь цѣликомъ захватывала своими интересами живого Пашу Туманова; а эта жизнь шла далеко въ сторонѣ отъ мертвой неподвижной гимназіи». «Одновременно съ чувствомъ жалости къ себѣ у него закипало и глухое озлобленіе противъ людей, которыхъ онъ считалъ виновными въ своемъ несчастіи, противъ директора гимназіи и преподавателя латинскаго языка. Онъ ошибался: причины его несчастія заключались вовсе не въ этихъ двухъ чиновникахъ министерства народнаго просвѣщенія, не въ ихъ относительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ, какъ преподавателей, людей и чиновниковъ, а въ томъ противоестественномъ положеніи вещей, по которому двадцатилѣтняго юношу, жаждущаго смысла и интереса въ жизни, заставляли зубрить неинтересные, лишенные жизненнаго смысла учебники и, наоборотъ, лишали того, чего онъ въ теченіе всей юности добивался».

Чего же онъ добивался? Чего-нибудь невозможнаго, несуществующаго, надуманнаго, намечтаннаго необузданной фантазіей юности? Нѣтъ. Въ прекрасной сценкѣ встрѣчи послѣ экзамена, на которомъ Паша провалился, со старикомъ-рыболовомъ, отцомъ тоже провалившагося товарища Паши, мы видимъ, что его влечетъ и радуетъ просто *жизнь*, здоровая, яркая жизнь, радующая его, какъ и все живое и здоровое. «Благодать!»—радуется старикъ весеннему дню

солнцу, птицамъ, плескающейся у его ногъ рѣки, и видя унылые Паши удивляется. «Ну, не выдержали вы экзамена... Васька мой тоже не выдержалъ?.. Ну, да. А вѣдь онъ, навѣрно, и въ усъ не дуетъ? А отчего? Оттого, что ему наплевать... Оно, конечно, получить свидѣтельство тамъ, на мѣсто поступить... Это хорошо... А только не въ этомъ сила... Много ли ума нужно, чтобы латинскія спряженія да геометрію съ исторіей вызубрить? Сиди да зубри— только и всего. И не нужно это никому, а такъ только, чтобы мѣстечко похлѣбнѣе потомъ добыть. Такъ, вѣдь, это какъ кому: иному ничего, кромѣ мѣстечка, не нужно, ну тотъ и зубритъ, и старается... а иному вотъ эта рѣка тамъ, да воздухъ, тому какое зубреніе? Тотъ и не зубритъ. А развѣ хуже онъ оттого, что ради теплаго мѣстечка не старается? Такъ-то... Да, молодой человѣкъ, напрасно вы такъ... Ну, провалились... оно, конечно, непріятно, но ни хуже вы отъ этого не стали, ни лучше... такой какъ были, такимъ и остались. Право!..»

Оставшись одинъ, Паша задумался надъ этой, повидимому, нехитрой философіей старика, «и хотя не могъ понять словъ его въ томъ глубокомъ смыслѣ, который вкладывалъ въ свои спутанныя рѣчи старый рыболовъ, но ему все-таки стало легче». И солнце, и рѣка, и птицы снова засверкали для него, запѣли и заставили на минуту забыть и провалъ на экзаменѣ, и его послѣдствія. Вмѣстѣ съ нимъ становится легче и читателю при мысли, что, и въ самомъ дѣлѣ, не одинъ «провалъ», бывшій въ его жизни, куда легче можно бы перенести, если бы не тѣ тысячи нитей всякихъ пустяковъ, которыми мы сами себя опутали и изъ-за которыхъ каждый изъ насъ «свѣту божьяго солнца не радъ». Совлечь съ себя эту паутину, порвать съ условностями, дать выходъ своему «я» на волю,—«и сейчасъ же сводъ неба раздвинулся бы, вода стала бы прозрачнѣе и плескала звучнѣе, струйки весело зазвенѣли бы и заговорили въ гладкомъ пескѣ, солнце стало бы ярче и теплѣе и послышалось бы много новыхъ звуковъ, живыхъ и смѣлыхъ, которыхъ онъ до этого не замѣчалъ».

Но Паша, какъ и тысячи тысячъ изъ насъ, не въ въ силахъ совлечь съ себя ветхаго человѣка, въ котораго его успѣли преобразить и семья, и школа, и погибаетъ жалкимъ образомъ, возбуждая справедливое и искреннее сожалѣніе въ секретарѣ полицеймейстера, къ которому онъ явился послѣ преступленія: «Бѣдный мальчикъ!..».

Да, истинно бѣдный, но, право, не бѣднѣе тѣхъ, что «вызубрили» все требуемое для «тепленькаго мѣстечка», которое исковеркало имъ душу, иссушило сердце и превратило въ живыхъ метвецевъ, безъ воли, безъ желанія и проблеска радости...

Но—это между прочимъ... Авторъ въ дальнѣйшихъ разсказахъ даетъ намъ новые образцы разбитыхъ безъ вины жизней. Таковъ конокрадъ Купріянъ, такова взбунтовавшаяся Саша (повѣсть «Бунтъ»), таковъ прапорщикъ Гололобовъ, и докторъ («Смѣхъ»), и другіе герои разсказовъ, которые не могутъ уже, не въ силахъ выбиться для настоящей жизни изъ узилища жизни дѣланной, условной и гнусной по своей дикости и безсмысленности.

*

Отсюда трагедія каждаго изъ нихъ. Все, что въ нихъ есть человѣческаго, прекраснаго и добраго, не находитъ примѣненія въ жизни, выпавшей на ихъ долю. Напротивъ, все извращенное, навязанное внѣшними силами, все чуждое имъ по существу, по складу ихъ личности, торжествуетъ. Въ борьбѣ ихъ скрытой сущности съ этимъ внѣшнимъ ихъ существомъ они и погибаютъ, какъ «бѣдный мальчикъ» Паша, котораго уже послѣ преступленія пожалѣлъ секретарь полиціи, но никого не нашлось, кто пожалѣлъ бы его до преступленія, кромѣ старика-рыболова.

Вотъ Купріянъ-конокрадъ. Онъ «съ измальства мыкается... Ну, двѣнадцати годовъ съ батькой первую лошадь свели... У насъ всѣ такъ... Еще дѣдъ промышлялъ, потому нѣтъ никакой возможности, земли мало, да и ту хоть брось!» Но онъ—коренной земледѣлецъ, земля его тянетъ: «такъ бы и взрылъ всю землю, и чтобъ зеленя, зеленя пошли кругомъ». Ему на мужиковъ «завидно». Онъ сильный, ловкій и сердечный человѣкъ, какъ и всѣ сильные, простые и здоровые люди. Онъ сходится по любви съ «солдаткой», жалѣя ея «сиротство», и когда приходитъ со службы мужъ, не хочетъ ее покинуть, втайнѣ надѣясь спасти ее и сына отъ «смертнаго» боя мужа. Эта надежда и губитъ его: крестьяне ловятъ его на свиданіи съ любимой женщиной и, какъ конокрада, убиваютъ.

Трагическая красота этого разсказа еще усиливается выясненіемъ такой же пришибленности и подавленности личности и остальныхъ людей, противъ которыхъ выступаетъ Купріянъ. Соперникъ—мужъ, по существу вовсе не звѣрь, онъ такой же крестьянинъ, тяготѣющій къ землѣ, какъ и Купріянъ. Въ солдатчинѣ онъ не забылъ ни жены, ни дома, и хотя «за пять лѣтъ солдатчины Егоръ Шибаевъ совершенно отвыкъ отъ жены, но, тѣмъ не менѣе, хорошо помнилъ, что въ деревнѣ у него осталась жена, и хотя самъ, какъ всякій солдатъ, жилъ съ другими женщинами, онъ твердо вѣрилъ въ несокрушимость своихъ правъ надъ женой... Вспоминать о женѣ ему было всегда пріятно не потому, чтобы онъ ее любилъ, а потому, что онъ чувствовалъ себя солиднѣе, имѣя жену и домъ... Въ городѣ и солдатчинѣ, онъ совершенно забылъ деревню и его не тянуло туда, но когда поѣздъ двинулся и понесся по чернѣющимъ распаханнымъ полямъ съ кучками гнилого навоза и черными грачами, разгуливающими по межамъ, хорошее, радостное и оживленное чувство пробудилося у него въ душѣ, и онъ уже по цѣлымъ часамъ глядѣлъ въ окно вагона на безконечныя сѣрыя равнины, затянутыя сѣрой завѣсой дождя и сливающіяся на горизонтѣ съ такимъ же сѣрымъ небомъ. Все то грязное скверное и безтолковое, что насадила ему въ душу безсмысленная, непонятная его мужицкому уму и сердцу, солдатская жизнь, разомъ исчезло, уступивъ мѣсто сначала безотчетно радостному настроенію человѣка, приближающагося послѣ долгаго отсутствія къ роднымъ мѣстамъ, а потомъ и дѣловымъ соображеніямъ хозяина-мужика, проснувшагося въ немъ, несмотря на колоссальную величину той мерзости, разврата и лѣни, которая нашла на него въ казармахъ». Его мечты о жизни по-хорошему сразу наталкиваются на неприглядную дѣйствительность: жена «связалась», да еще съ конокрадомъ. Дальнѣй-

шее естественно вытекаетъ изъ этого столкновенія вѣковыхъ взглядовъ на жену, какъ на собственность, съ разбитыми мечтами о хорошей жизни и еще съ чѣмъ-то, внезапно съ острой болью пробудившемся въ немъ. Избивъ жену до полусмерти, «онъ опустилъ голову на локоть и зарыдалъ, чувствуя, что испорчено навсегда и еще что-то хорошее, чего онъ и самъ не сознавалъ», и что можно назвать личнымъ достоинствомъ, что придавало ему въ собственныхъ глазахъ вѣсъ и значеніе—уваженіе къ себѣ не какъ къ солдату, унтеръ-офицеру, не къ мужику-хозяину, а къ человѣку, мужу и отцу. Забитая личность проснулась и въ немъ, но уже поздно и безъ пользы для него и для окружающихъ.

Трагедія проснувшейся личности еще ярче очерчена въ лучшемъ, по нашему мнѣнію, произведеніи г. Арцыбашева, въ повѣсти «Бунтъ». Это дѣйствительно бунтъ «на днѣ». Саша одна изъ обычныхъ жертвъ «общественнаго темперамента». Какъ она ни забита и унижена, но въ ней еще теплится искорка личности, не желающей примириться съ невозможностью выбиться, отстоять себя, и она взбунтовалась противъ жизни. Она молода, красива, здорова, и когда ея подруга погибаетъ отъ обычной, въ ихъ положеніи «случайности», Саша не выдерживаетъ. «И всегда-то такъ»—эти страшныя слова подымаютъ со дна души всѣ силы личности, жаждущей жить, бороться, отстаивать свое «я». Весь ужасъ ея положенія освѣщается какъ молніей одной ясной, до боли яркой мыслью, что она, Саша, не человѣкъ, а вещь, хуже вещи... «Мы что тутъ?.. Такъ... падаль одна! Живемъ, пока сгніемъ... А другіе же живутъ... свѣту радуются»... Разъ проснувшаяся личность уже не можетъ терпѣть прежнее, Саша или должна покончить съ собой, какъ ея подруга, или уйти. «Куда? Тамъ видно будетъ. Уйти бы только!..» Но надежда на новую лучшую жизнь не оправдалась. Тѣ тысячи нитей общественныхъ условій, въѣвшихся въ душу каждаго, опутывающихъ насъ какъ паутиной, невидимой и тѣмъ болѣе крѣпкой, не даютъ ей выбиться со дна, развернуть своихъ силъ, проявить то прекрасное, человѣчное, что есть въ ней, и тянутъ ее назадъ. Она хочетъ жить, «свѣту радоваться», а ее приспособляютъ къ уходу за больными, приковываютъ къ разлагающейся отъ рака несчастной больной, требуютъ терпѣнія, смиренія, покорности. Но и противъ этого она не возстала бы, если бы видѣла цѣль впереди, хотя какое-нибудь утѣшеніе въ сознаніи, что это ее дѣлаетъ снова человѣкомъ, такимъ какъ всѣ. Она любитъ, впервые любитъ настоящей чистой любовью, для которой не одно ея тѣло нужно, но и душа, какъ она думаетъ и вѣритъ. И въ этомъ чувствѣ она получаетъ самый важный и чувствительный для нея ударъ. Студентъ, который, поддавшись порыву, помогаетъ ей выбраться на поверхность, не можетъ спасти ее, потому что все противъ него—и его семья, и онъ самъ, смутно понимающій, что ему не отдѣлаться отъ особаго взгляда на «этихъ женщинъ». Саша снова «бунтуетъ», на этотъ разъ безповоротно, противъ всѣхъ. «Чортъ съ вами со всѣми!» и кидается, какъ въ омутъ «на дно», откуда порывъ вынесъ ее было на поверхность на одну только минуту, чтобы затѣмъ кинуть туда уже навсегда. Этотъ двойной бунтъ личности, по истинѣ,

настоящая пощечина лицемѣрному обществу, въ которомъ все приспособлено для гибели души и нѣтъ средствъ для помощи, для спасенія личности, которой въ борьбѣ остается разсчитывать только на себя. У кого не хватаетъ силъ, тотъ долженъ тонуть, какъ Паша Тумановъ, Купріянъ, Саша и тысячи имъ подобныхъ. Таковъ безотрадный выводъ, самъ собою вытекающій изъ исторіи ихъ разбитыхъ существованій.

А жизнь тѣмъ не менѣе хороша! Вотъ что, какъ призывъ повторяется въ каждомъ почти изъ разсказовъ г. Арцыбашева. Она можетъ быть, она должна быть прекрасна, только не надо портить ее самимъ всякимъ вздоромъ, засоряющимъ душу, умъ, сердце. Авторъ страстно любитъ жизнь, его настроеніе полно жизнерадостности, и тѣмъ трагичнѣе поэтому его печальныя повѣсти о томъ, какъ люди сами дико, безсмысленно портятъ себѣ и другимъ эту чудную жизнь, только разъ каждому данную никогда уже не повторяющуюся.

«Она выходила ко мнѣ на свиданіе черезъ вишневый садъ, по насыпи, въ тоненькую и бѣлую березовую рощицу. Еще издали была видна ея высокая и гибкая фигура и мягкимъ силуэтомъ вырѣзывалась въ безконечно широкомъ и глубокомъ небѣ, усѣянномъ золотыми, голубыми и красными звѣздочками и далеко облитомъ ровнымъ холоднымъ свѣтомъ луны.

«За насыпью была густая, черная и жуткая тѣнь, въ которой неподвижно и чутко стояли тоненькіе стволы березокъ и молчаливо тянулась отъ земли высокая влажная трава. Въ этой рощѣ я ждалъ ее, и мнѣ было жутко и весело въ прозрачной голубой тѣни. Когда въ небѣ, высоко надо мною, вырисовывался знакомый силуэтъ, я карабкался навстрѣчу, скользя по мокрой травѣ, подавалъ ей руку, и мы оба, точно падая, стремительно сбѣгали внизъ, съ силой разгоняя густой воздухъ, развивавшій волосы и шумѣвшій въ ушахъ, влетали въ сумракъ и тишину рощи и вдругъ сразу замирали, по колѣни въ травѣ, сильно и смущенно прижимаясь всѣмъ тѣломъ другъ къ другу.

«Мы почти не говорили, и намъ не хотѣлось говорить. Было тихо, пахло страннымъ, таинственно непонятнымъ ароматомъ, отъ котораго кружилась голова, и все исчезало изъ глазъ и сознанія, кромѣ жгучаго и тревожнаго наслажденія. Сквозь тонкую, сухую матерью я чувствовалъ, какъ чуть-чуть дрожало и томилось, наслаждаясь, молодое, сильное, упругое и нѣжное тѣло, какъ подавалась и ускользала изъ моихъ влажныхъ пальцевъ круглая и мягкая грудь. Близко-близко отъ своего лица я видѣлъ въ темнотѣ полузакрытые, какъ будто ничего не говорящіе, слабо и таинственно поблескивающіе изъ-подъ рѣсницъ глаза. Трава была мокрая и брызгала холодной, пріятной росой на голое тѣло, странно теплѣвшее въ прохладномъ и влажномъ воздухѣ. Какъ будто на всю рощу разносились торжествующіе удары нашихъ сердецъ, но намъ казалось, что во всемъ необъятно-громадномъ мірѣ нѣтъ никого, кромѣ насъ, и никто не можетъ притти помѣшать намъ среди этихъ сдвинувшихся березокъ, ночныхъ тѣней, влажной травы и одуряющаго запаха сырого, глубокаго лѣса. Время шло гдѣ-то внѣ, и все было наполнено однимъ жгучимъ, неизъяснимо прекраснымъ, могучимъ и смѣлымъ наслажденіемъ ...нью».

Развѣ это не настоящій «гимнъ торжествующей любви»? И какое печальное заключеніе! Герой этого разсказа («Жена») женится на любимой дѣвушкѣ и... скоро ничего не остается отъ этого ликованія «могучимъ и смѣлымъ наслажденіемъ жизнью».

Отчего же произошло, что только изнанка жизни остается любящимъ супругомъ, а вся поэзія, все, что приподымало ихъ надъ этой изнанкой и скрашивало ее, поблекло и улетучилось? Отъ пустяковъ житейскихъ, отъ непониманія личности другъ друга и неуваженія къ ней, отъ вздора, противъ котораго защитой можетъ служить только неустанное стремленіе «впередъ и выше», отъ безцѣльнаго топтанія на мѣстѣ и нечеловѣчнаго взаимнаго отношенія, когда столько надо нѣжности, не бросающейся въ глаза, но проникающей все и всюду, снисхожденія къ слабости и высшей оцѣнки взаимныхъ достоинствъ. Словомъ, уваженіе къ чужой личности должно стоять на первомъ планѣ. А вмѣсто того въ жизни героя начинается обоюдное стѣсненіе, тысячи мелочей, возводимыхъ въ нѣчто столь важное, что вся старая жизнь, привычки и потребности каждаго подчинены именно этой мелочной, несущественной сторонѣ, въ угоду которой приносится самое главное—свобода личности. Обѣ стороны оказались далеко не на высотѣ положенія, и если не опустились «на дно» супружеской жизни, какъ огромное большинство, то лишь благодаря скорому бѣгству мужа, что дало имъ свободу и возможность вновь попытать счастья.

Другіе несчастливцы кончаютъ иначе, какъ подпрапорщикъ Гололобовъ или сумасшедшій и докторъ въ очеркѣ «Смѣхъ». Эти трое безличностей помѣшались отъ страха смерти. Представимъ себѣ такого Гололобова, какимъ онъ очерченъ въ разсказѣ: почти мальчика, плохо развитаго, но склоннаго къ рефлексій и богомольнаго. Жизнь монотонная, день въ день, безъ выдающихся интересовъ и особаго содержанія. Скучно, тускло, сѣро. И понятнымъ становится начинающій мучить его вопросъ о безцѣльности жизни и неизбѣжности смерти. «Каждый человѣкъ долженъ думать о смерти, потому что положеніе каждаго человѣка есть положеніе приговореннаго къ смертной казни». Такъ гласитъ первое заключеніе, выведенное бѣднымъ подпрапорщикомъ изъ своего и общаго опыта. «Я не хочу умирать, но умру. Во мнѣ есть желаніе жить, и весь я приспособленъ къ жизни, а все-таки я умру. Это и насиліе, и противоестественно». Противъ этого закона природы ничего не подѣлаешь, а потому не лучше ли, не дожидаясь, когда природа выполнитъ свой приговоръ, самому покончить съ собой? Но вѣдь это будетъ насиліе надъ самимъ собой»,—возражаетъ Гололобову слушающій его странныя изліянія докторъ. «Нѣтъ,—отвѣчаетъ подпрапорщикъ. Это будетъ насиліемъ моего духа надъ природой... Духъ мой есть именно я, а тѣло только случайное помѣщеніе, не больше... Если бы тѣло мое было именно я, то я бы остался жить. Смерть не была бы тогда приговоромъ къ казни: вѣдь и послѣ смерти моей тѣло останется. Тѣло есть вѣчно... Это фактъ: я умру, тѣло распадется на атомы, атомы сложатся въ какую-нибудь иную форму, но сами не измѣнятся, и ни одинъ не исчезнетъ. Можно даже допустить, что комбинація когда-нибудь повторится, и бу-

детъ тоже форма. Это пустяки... Духъ умретъ... Я исчезну. Будетъ ли потомъ мой духъ святымъ въ раю, или грѣшникомъ въ аду, или переселится въ другое существо,—я, именно я, мои пороки, привычки, смѣшныя и прекрасныя особенности, мои сомнѣнія, мой умъ, моя глупость, мой опытъ и мое незнаніе, все то, что было именно подпрапорщикомъ пѣхотнаго полка, человѣкомъ Гололобовымъ, все исчезнетъ. Будетъ, что угодно, но не Гололобовъ».

Эта безотрадная философія заражаетъ другого такого же несчастливца, доктора, онъ поддается ей и чуть съ ума не сходитъ въ одинокую, глухую, темную ночь. «И какой идіотъ думаетъ о томъ, какъ лучше и честнѣе и умнѣе жить, когда надо думать о томъ какъ ужасно умереть?»—со злобою восклицаетъ онъ. Но въ томъ то и дѣло, что и Гололобовъ, и докторъ не *жили* и не *живутъ*,—иначе, самая мысль о неизбѣжности смерти вовсе не была бы такъ мучительно-неотвязна для обоихъ. Побороть въ себѣ страхъ смерти можно только полнотою жизни, когда всѣ силы души и тѣла принимаютъ дѣятельное участіе въ борьбѣ жизни, не давая ни минуты безцѣльнаго прозябанія, сѣренькаго, стихійнаго, неосмысленнаго существованія, какое влачатъ тысячи-тысячъ Гололобовыхъ и злополучныхъ сумасшедшихъ (разсказъ «Смѣхъ»). Для тѣхъ, кто умѣетъ отстоять себя и проявить всѣ силы своего «я», и жизнь прекрасна, и смерть не страшна. Имъ ближе и понятнѣе, чѣмъ эта мертвящая философія, всепримиряющая мысль безсмертнаго поэта:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять...

Самъ авторъ не на сторонѣ смерти. Онъ нигдѣ этого не высказываетъ, но онъ слишкомъ любитъ жизнь, какъ мы видѣли, любитъ природу, которую описываетъ вездѣ съ подкупающей красотой и художественностью. Онъ возмущается всякимъ насиліемъ, надъ чѣмъ-бы и въ чемъ-бы оно ни проявлялось. Въ разсказѣ «Кровь» (въ первоначальной редакціи онъ былъ озаглавленъ «Диссонансъ», что излишне подчеркивало основную мысль) съ особенной яркостью проступаетъ его любовь къ природѣ и отвращеніе отъ всякаго насилія, какъ вносящаго уродство, дисгармонію въ жизнь, въ которой все полно для него гармоніи и красоты, хотя на самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ то такъ, и тамъ, гдѣ онъ видитъ только жизнь, скрывается подчасъ насиліе и смерть на каждомъ шагу. Въ этомъ очеркѣ ярко проведена мысль о томъ противорѣчіи, которое вноситъ съ собой всюду человѣкъ. Предъ нами веселая компанія, пріѣхавшая на охоту въ деревню, все интеллигентная молодежь, одухотворенная лучшими стремленіями, враждебная всякому насилію, кровопролитію и злобѣ. А между тѣмъ съ перваго появленія ея уже проливается кровь животныхъ, цыплятъ и барашковъ, которыхъ они кушаютъ, ни мало не смущая себя вопросами о погибшихъ жизняхъ. Далѣе идетъ кровопролитная потѣха—охота, опустошающая и распугивающая мирное болото, гдѣ жизнь кишмя кишитъ. Въ любовномъ мастерскомъ описаніи этого уголка лучше всего сказывается жизнерадостное настроеніе автора.

«Болото было большое, кочковатое, съ мелкимъ и чистымъ озеркомъ посрединѣ. Съ одной стороны болота разстилались безконечные, сплошь густо зеленые луга, а по другую—заняла еще почти безлистная роща, и чуть-чуть виднѣлись отсюда тоненькія, какъ ниточки, стволы бѣлыхъ березокъ. Все болото покрывали пухлыя круглыя кочки, между которыми всюду весело блестѣла вода и желтѣли камыши. Небо надъ болотомъ какъ-будто было еще чище и голубѣе, а воздухъ прозрачнѣе. Все было видно отчетливо и ярко, и послѣдняя тростинка желтѣла на солнцѣ, какъ золотая палочка.

«И, казалось, все болото было живое: за каждой кочкой была жизнь и шевелилось живое существо. Утки крякали спокойно и разсудительно, и ихъ мирное кряканье отчетливо было слышно на берегу. То тутъ, то тамъ какой-нибудь красавецъ селезень неожиданно срывался на воздухъ, съ крикомъ проносился надъ водой и, описавъ широкій полукругъ, садился, шумно бороздя голубую воду, которая долго не могла успокоиться и вся рябилась, точно улыбаясь отражавшемуся въ ней небу. Длинноногіе кулички, съ востренькими носиками, вытянувъ тоненькія комариныя ножки, одинъ за другимъ перепархивали съ кочки на кочку и съ радостнымъ пискомъ уносились все дальше и дальше къ синѣющей рощѣ. Далеко подымались двѣ-три гусыни и, тяжело махая крыльями, перегоняя другъ друга, подымались невысоко надъ болотомъ и вдругъ грузно шлепались на чистое мѣстечко, блестѣвше между камышами. Тамъ, гдѣ болото было чище и начиналось озерцо, видны были десятки нырковъ, какъ черныя точки, быстро кружившихся по водѣ. Ближе, по мелкому мѣсту чинно стояли на одной ногѣ цапли и, втянувъ головы въ плечи, важно поводили длинными носами, точно любуясь природой. Бѣлыя чайки, какъ всегда, кружились повсюду, припадая бѣлой грудью къ водѣ, и опять взмывали кверху, махая длинными гибкими крыльями и зорко выглядывая по сторонамъ. Далеко вереницей пролетѣли гуси и опустились гдѣ-то за рощей, утонувшей въ волнахъ голубого воздуха и свѣта.

«И все гомонило, кричало, пищало. И всѣ эти могучіе звуки прекрасной вольной жизни сливались въ одинъ торжествующій гулъ, покрывавшій все озеро».

Только человѣкъ вноситъ противорѣчащій этому диссонансъ, распространяя вокругъ себя смерть и несчастіе. Гуманные, проникнутые, казалось-бы, любовью и жалостью, люди безпощадно истребляютъ подвернувшихся подъ выстрѣлъ птицъ ради дикой забавы. У нихъ нѣтъ даже того оправданія, какое можетъ привести звѣрь, питающійся другими животными, такъ какъ вся эта уйма перебитой птицы вовсе не нужна имъ, какъ пища. Имъ нужно упоеніе истребленіемъ, ихъ увлекаетъ самый процессъ убійства, удача, ловкость, умѣнье убить какъ можно больше. «Ихъ лица горѣли, глаза блестѣли, шапки съѣхали на затылокъ. Убитая дичь ихъ уже не занимала, они торопливо, какъ попало, совали ее въ яхташи и опять устремляли воспаленные, широко раскрытые глаза на собаку, которая окровавленной и слюнявой мордой тянула впереди». А возвратившись съ охоты, пресыщенные убійствомъ, усталые отъ крови, они снова и снова станутъ вести безконечные разговоры «о томъ далекомъ уто-

Закрывъ глаза, Маша, объятая ужасомъ, прислушивалась къ тишинѣ въ комнатѣ. Каждая минута, безконечно длинная, бросала въ голову мысли несвязныя, обрывочныя. Страшная таинственная сила безшумно спускалась надъ ней и, найдя свою добычу, тонкой струйкой обвивалась и душила въ своихъ объятіяхъ. Маша, точно вырываясь отъ нихъ, вскочила и громко вскрикнула:

— Смерти хочу. Я никому не нужная тварь. Сердце горитъ, моченьки нѣтъ,—и, задыхаясь, разорвала воротъ кофточки.— Страшно, жутко мнѣ.

Въ изнеможеніи она опустилась на кровать и умолкла.

Страстная недѣля. Рѣдкіе удары колоколовъ донеслись до ея слуха.

Она безсознательно считала:

— Два, три, четыре...

Въ передней раздался звонокъ.

Маша повторила:

— Пять.

Рѣзкій звонокъ повторился.

Маша тихо приподнялась и съ безумнымъ взоромъ смотрѣла на дверь, ожидая желанной смерти, потомъ быстро вскочила, и передъ ней, какъ призракъ, стояла блѣдная, исхудалая Катя.

Одно мгновенье, одинъ взглядъ, и Маша бросилась къ ней, прижимаясь съ боязливымъ, страннымъ шопотомъ:

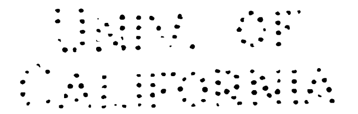
— Страшно мнѣ жить, жутко.

Катя безъ разспросовъ поняла причину ея страданій. Одно горе слило ихъ въ одно существо. Катя, задыхаясь отъ рыданій, проговорила:

— Надо мной тоже насмѣялся и бросилъ...

Сумерки спускались на землю, и среди нависшей темноты онѣ стонали, безъ надежды на свѣтлое будущее. Время летѣло, не останавливаясь передъ суровымъ приговоромъ надъ людьми...

Л. М.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Разсказы“ г. Арцыбашева.

Молодой, сравнительно недавно начавшій свою литературную работу писатель, г. Арцыбашевъ почти съ перваго своего выступленія уже обратилъ на себя вниманіе и читателей, и критики. Всѣ его разсказы—«Прапорщикъ Гололобовъ», «Конокрадъ», «Бунтъ» и др., выдѣлялись изъ ряда другихъ, одновременно появившихся разсказовъ и очерковъ, ежемѣсячно печатающихся въ журналахъ и разныхъ сборникахъ. Что-то заставляло читателя вдуматься поглубже въ жизнь, дать себѣ отчетъ въ томъ, что его окружаетъ, и это что-то было такъ печально и въ тоже время остро захватывало, мучило и безпокоило, не давая стряхнуть впечатлѣніе, навѣянное разсказомъ. Исканіе правды жизни и противорѣчіе между жизнью дѣланной и той, настоящей, которая могла бы быть, вотъ что рѣзко подчеркивалось въ этихъ разсказахъ, ярко выступало изъ-подъ наслоеній жизни и мучило, не давая примиренія. Эти черты еще рѣзче и ярче проявляются теперь въ талантѣ г. Арцыбашева, когда его разсказы собраны вмѣстѣ и даютъ возможность прослѣдить, какіе вопросы мучатъ автора и подчиняютъ незамѣтно, но неодолимо и его читателя. Какъ же жить? И зачѣмъ все такъ нелѣпо и жестоко до ужаса слагается въ жизни? Неужели мы безсильны разорвать эти дикія условія жизни, создать новую, настоящую, хорошую жизнь, гдѣ бы все лучшее въ нашемъ существѣ не подавлялось, не уничтожалось, не коверкалось въ угоду какому-то злому призраку, уродующему все и ломающему стихійно, безсмысленно и безцѣльно? Авторъ даетъ отвѣтъ на эти вопросы, и отвѣтъ положительный, какъ увидимъ дальше.

Книга г. Арцыбашева начинается разсказомъ «Паша Тумановъ», который и по времени былъ первымъ разсказомъ его, хотя появился только теперь. Судьба его такъ характерна, что не мѣшаетъ сказать о ней два слова. Сначала онъ былъ переданъ авторомъ въ редакцію «Русскаго Богатства», гдѣ его немедленно приняли и напечатали, но по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ разсказъ не могъ появиться. Тогда, это было какъ разъ въ самый разгаръ «сердечнаго попеченія» о средней школѣ покойнаго Ванновскаго, «Паша Тумановъ» поступилъ къ намъ, но и тутъ тоже «независящія» обстоятельства встали непреодолимой преградой между авторомъ и читателемъ. По нашему совѣту г. Арцыбашевъ передалъ его въ журналъ безъ предварительной цензуры, гдѣ, однако, узнавъ предварительную исторію хожденія по мытарствамъ

этого разсказа, не рѣшились его напечатать. Можно подумать, что авторъ задался цѣлью по меньшей мѣрѣ «разрушить государство», а дѣло все въ томъ, что онъ далъ удивительно написанную картину душевныхъ мукъ юноши, который, затравленный школой, убиваетъ директора. Въ разсказѣ усмотрѣли нападеніе на систему средней школы и призывъ къ насильственному ея разрушенію. Между тѣмъ, въ немъ нѣтъ ни того, ни другого, потому что онъ гораздо значительнѣе и глубже. Авторъ поступилъ правильно, уничтоживъ бывшій раньше подзаголовокъ: «поэма дореформерной гимназіи», такъ какъ гимназія играетъ здѣсь не главную роль.

Паша Тумановъ обычный типъ юноши, начинающаго «мыслить и страдать», со всѣми уклоненіями и порывами, свойственными этому неустановившемуся возрасту, когда все въ человѣкѣ находится въ движеніи. Отъ существованія почти исключительно физіологическаго, свойственнаго дѣтству, начинается переходъ къ самому важному—къ сознанію себя человѣкомъ, къ осмысленному отношенію къ обществу, къ окружающей жизни, къ людямъ. Въ этотъ важнѣйшій моментъ перелома, когда въ насъ подымается впервые сознательная личность, Паша Тумановъ, какъ и тысячи его товарищей, не встрѣтилъ никого, кто направилъ бы кипѣвшія въ немъ силы на правильный путь духовнаго развитія, а наоборотъ, все окружающее было такъ устроено, чтобы подавить въ немъ личность и отлить его, Пашу, по готовому и для всѣхъ одинаковому образцу.

Онъ въ одномъ изъ послѣднихъ классовъ и чувствуетъ, что запустилъ дѣло ученія и что на экзаменѣ его ожидаетъ провалъ. «Почему такъ много, неопредѣленно много было упущено, Паша не зналъ. Отчасти это случилось по лѣни, отчасти по обстоятельствамъ, отъ Паши не зависящимъ, а главнымъ образомъ отъ того, что настоящая, дѣйствительная жизнь цѣликомъ захватывала своими интересами живого Пашу Туманова; а эта жизнь шла далеко въ сторонѣ отъ мертвой неподвижной гимназіи». «Одновременно съ чувствомъ жалости къ себѣ у него закипало и глухое озлобленіе противъ людей, которыхъ онъ считалъ виновными въ своемъ несчастіи, противъ директора гимназіи и преподавателя латинскаго языка. Онъ ошибался: причины его несчастія заключались вовсе не въ этихъ двухъ чиновникахъ министерства народнаго просвѣщенія, не въ ихъ относительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ, какъ преподавателей, людей и чиновниковъ, а въ томъ противоестественномъ положеніи вещей, по которому двадцатилѣтняго юношу, жаждущаго смысла и интереса въ жизни, заставляли зубрить неинтересные, лишенные жизненнаго смысла учебники и, наоборотъ, лишали того, чего онъ въ теченіе всей юности добивался».

Чего же онъ добивался? Чего-нибудь невозможнаго, несуществующаго, надуманнаго, намечтаннаго необузданной фантазіей юности? Нѣтъ. Въ прекрасной сценкѣ встрѣчи послѣ экзамена, на которомъ Паша провалился, со старикомъ-рыболовомъ, отцомъ тоже провалившагося товарища Паши, мы видимъ, что его влечетъ и радуетъ просто *жизнь*, здоровая, яркая жизнь, радующая его, какъ и все живое и здоровое. «Благодать!»—радуется старикъ весеннему дню

солнцу, птицамъ, плескающейся у его ногъ рѣки, и видя уныніе Паши удивляется. «Ну, не выдержали вы экзамена... Васька мой тоже не выдержалъ?.. Ну, да. А вѣдь онъ, навѣрно, и въ усъ не дуетъ? А отчего? Оттого, что ему наплевать... Оно, конечно, получить свидѣтельство тамъ, на мѣсто поступить... Это хорошо... А только не въ этомъ сила... Много ли ума нужно, чтобы латинскія спряженія да геометрію съ исторіей вызубрить? Сиди да зубри—только и всего. И не нужно это никому, а такъ только, чтобы мѣстечко похлѣбнѣе потомъ добыть. Такъ, вѣдь, это какъ кому: иному ничего, кромѣ мѣстечка, не нужно, ну тотъ и зубритъ, и старается... а иному вотъ эта рѣка тамъ, да воздухъ, тому какое зубреніе? Тотъ и не зубритъ. А развѣ хуже онъ оттого, что ради теплаго мѣстечка не старается? Такъ-то... Да, молодой человѣкъ, напрасно вы такъ... Ну, провалились... оно, конечно, непріятно, но ни хуже вы отъ этого не стали, ни лучше... такой какъ были, такимъ и остались. Право!..»

Оставшись одинъ, Паша задумался надъ этой, повидимому, нехитрой философіей старика, «и хотя не могъ понять словъ его въ томъ глубокомъ смыслѣ, который вкладывалъ въ свои спутанныя рѣчи старый рыболовъ, но ему все-таки стало легче». И солнце, и рѣка, и птицы снова засверкали для него, запѣли и заставили на минуту забыть и провалъ на экзаменѣ, и его послѣдствія. Вмѣстѣ съ нимъ становится легче и читателю при мысли, что, и въ самомъ дѣлѣ, не одинъ «провалъ», бывшій въ его жизни, куда легче можно бы перенести, если бы не тѣ тысячи нитей всякихъ пустяковъ, которыми мы сами себя опутали и изъ-за которыхъ каждый изъ насъ «свѣту божьяго солнца не радъ». Совлечь съ себя эту паутину, порвать съ условностями, дать выходъ своему «я» на волю,—«и сейчасъ же сводъ неба раздвинулся бы, вода стала бы прозрачнѣе и плескала звучнѣе, струйки весело зазвенѣли бы и заговорили въ гладкомъ пескѣ, солнце стало бы ярче и теплѣе и послышалось бы много новыхъ звуковъ, живыхъ и смѣлыхъ, которыхъ онъ до этого не замѣчалъ».

Но Паша, какъ и тысячи тысячъ изъ насъ, не въ въ силахъ совлечь съ себя ветхаго человѣка, въ котораго его успѣли преобразить и семья, и школа, и погибаетъ жалкимъ образомъ, возбуждая справедливое и искреннее сожалѣніе въ секретарѣ полицеймейстера, къ которому онъ явился послѣ преступленія: «Бѣдный мальчикъ!..».

Да, истинно бѣдный, но, право, не бѣднѣе тѣхъ, что «вызубрили» все требуемое для «тепленькаго мѣстечка», которое исковеркало имъ душу, изсушило сердце и превратило въ живыхъ метвецевъ, безъ воли, безъ желанія и проблеска радости...

Но—это между прочимъ... Авторъ въ дальнѣйшихъ разсказахъ даетъ намъ новые образцы разбитыхъ безъ вины жизней. Таковъ конокрадъ Купріянъ, такова взбунтовавшаяся Саша (повѣсть «Бунтъ»), таковъ прапорщикъ Гололобовъ, и докторъ («Смѣхъ»), и другіе герои разсказовъ, которые не могутъ уже, не въ силахъ выбиться для настоящей жизни изъ узилища жизни дѣланной, условной и гнусной по своей дикости и безсмысленности.

*

Отсюда трагедія каждаго изъ нихъ. Все, что въ нихъ есть человѣческаго, прекраснаго и добраго, не находитъ примѣненія въ жизни, выпавшей на ихъ долю. Напротивъ, все извращенное, навязанное внѣшними силами, все чуждое имъ по существу, по складу ихъ личности, торжествуетъ. Въ борьбѣ ихъ скрытой сущности съ этимъ внѣшнимъ ихъ существомъ они и погибаютъ, какъ «бѣдный мальчикъ» Паша, котораго уже послѣ преступленія пожалѣлъ секретарь полиціи, но никого не нашлось, кто пожалѣлъ бы его до преступленія, кромѣ старика-рыболова.

Вотъ Купріянъ-конокрадъ. Онъ «съ измальства мыкается... Ну, двѣнадцати годовъ съ батькой первую лошадь свели... У насъ всѣ такъ... Еще дѣдъ промышлялъ, потому нѣтъ никакой возможности, земли мало, да и ту хоть брось!» Но онъ—коренной земледѣлецъ, земля его тянетъ: «такъ бы и взрылъ всю землю, и чтобъ зеленя, зеленя пошли кругомъ». Ему на мужиковъ «завидно». Онъ сильный, ловкій и сердечный человѣкъ, какъ и всѣ сильные, простые и здоровые люди. Онъ сходится по любви съ «солдаткой», жалѣя ея «сиротство», и когда приходитъ со службы мужъ, не хочетъ ее покинуть, втайнѣ надѣясь спасти ее и сына отъ «смертнаго» боя мужа. Эта надежда и губитъ его: крестьяне ловятъ его на свиданіи съ любимой женщиной и, какъ конокрада, убиваютъ.

Трагическая красота этого разсказа еще усиливается выясненіемъ такой же пришибленности и подавленности личности и остальныхъ людей, противъ которыхъ выступаетъ Купріянъ. Соперникъ—мужъ, по существу вовсе не звѣрь, онъ такой же крестьянинъ, тяготѣющій къ землѣ, какъ и Купріянъ. Въ солдатчинѣ онъ не забылъ ни жены, ни дома, и хотя «за пять лѣтъ солдатчины Егоръ Шибаевъ совершенно отвыкъ отъ жены, но, тѣмъ не менѣе, хорошо помнилъ, что въ деревнѣ у него осталась жена, и хотя самъ, какъ всякій солдатъ, жилъ съ другими женщинами, онъ твердо вѣрилъ въ несокрушимость своихъ правъ надъ женой... Вспоминать о женѣ ему было всегда пріятно не потому, чтобы онъ ее любилъ, а потому, что онъ чувствовалъ себя солиднѣе, имѣя жену и домъ... Въ городѣ и солдатчинѣ, онъ совершенно забылъ деревню и его не тянуло туда, но когда поѣздъ двинулся и понесся по чернѣющимъ распаханнымъ полямъ съ кучками гнилого навоза и черными грачами, разгуливающими по межамъ, хорошее, радостное и оживленное чувство пробудилося у него въ душѣ, и онъ уже по цѣлымъ часамъ глядѣлъ въ окно вагона на безконечныя сѣрыя равнины, затянутыя сѣрой завѣсой дождя и сливающіяся на горизонтѣ съ такимъ же сѣрымъ небомъ. Все то грязное скверное и безтолковое, что насадила ему въ душу безсмысленная, непонятная его мужицкому уму и сердцу, солдатская жизнь, разомъ исчезло, уступивъ мѣсто сначала безотчетно радостному настроенію человѣка, приближающагося послѣ долгаго отсутствія къ роднымъ мѣстамъ, а потомъ и дѣловымъ соображеніямъ хозяина-мужика, проснувшагося въ немъ, несмотря на колоссальную величину той мерзости, разврата и лѣни, которая нашла на него въ казармахъ». Его мечты о жизни по-хорошему сразу наталкиваются на неприглядную дѣйствительность: жена «связалась», да еще съ конокрадомъ. Дальнѣй-

шее естественно вытекаетъ изъ этого столкновенія вѣковыхъ взглядовъ на жену, какъ на собственность, съ разбитыми мечтами о хорошей жизни и еще съ чѣмъ-то, внезапно съ острой болью пробудившемся въ немъ. Избивъ жену до полусмерти, «онъ опустилъ голову на локоть и зарыдалъ, чувствуя, что испорчено навсегда и еще что-то хорошее, чего онъ и самъ не сознавалъ», и что можно назвать личнымъ достоинствомъ, что придавало ему въ собственныхъ глазахъ вѣсъ и значеніе—уваженіе къ себѣ не какъ къ солдату, унтеръ-офицеру, не къ мужику-хозяину, а къ человѣку, мужу и отцу. Забитая личность проснулась и въ немъ, но уже поздно и безъ пользы для него и для окружающихъ.

Трагедія проснувшейся личности еще ярче очерчена въ лучшемъ, по нашему мнѣнію, произведеніи г. Арцыбашева, въ повѣсти «Бунтъ». Это дѣйствительно бунтъ «на днѣ». Саша одна изъ обычныхъ жертвъ «общественнаго темперамента». Какъ она ни забита и унижена, но въ ней еще теплится искорка личности, не желающей примириться съ невозможностью выбиться, отстоять себя, и она взбунтовалась противъ жизни. Она молода, красива, здорова, и когда ея подруга погибаетъ отъ обычной, въ ихъ положеніи «случайности», Саша не выдерживаетъ. «И всегда-то такъ»—эти страшныя слова подымаютъ со дна души всѣ силы личности, жаждущей жить, бороться, отстаивать свое «я». Весь ужасъ ея положенія освѣщается какъ молніей одной ясной, до боли яркой мыслью, что она, Саша, не человѣкъ, а вещь, хуже вещи... «Мы что тутъ?.. Такъ... падаль одна! Живемъ, пока сгніемъ... А другіе же живутъ... свѣту радуются»... Разъ проснувшаяся личность уже не можетъ терпѣть прежнее, Саша или должна покончить съ собой, какъ ея подруга, или уйти. «Куда? Тамъ видно будетъ. Уйти бы только!..» Но надежда на новую лучшую жизнь не оправдалась. Тѣ тысячи нитей общественныхъ условій, въѣвшихся въ душу каждаго, опутывающихъ насъ какъ паутиной, невидимой и тѣмъ болѣе крѣпкой, не даютъ ей выбиться со дна, развернуть своихъ силъ, проявить то прекрасное, человѣчное, что есть въ ней, и тянутъ ее назадъ. Она хочетъ жить, «свѣту радоваться», а ее приспособляютъ къ уходу за больными, приковываютъ къ разлагающейся отъ рака несчастной больной, требуютъ терпѣнія, смиренія, покорности. Но и противъ этого она не возстала бы, если бы видѣла цѣль впереди, хотя какое-нибудь утѣшеніе въ сознаніи, что это ее дѣлаетъ снова человѣкомъ, такимъ какъ всѣ. Она любитъ, впервые любитъ настоящей чистой любовью, для которой не одно ея тѣло нужно, но и душа, какъ она думаетъ и вѣритъ. И въ этомъ чувствѣ она получаетъ самый важный и чувствительный для нея ударъ. Студентъ, который, поддавшись порыву, помогаетъ ей выбраться на поверхность, не можетъ спасти ее, потому что все противъ него—и его семья, и онъ самъ, смутно понимающій, что ему не отдѣлаться отъ особаго взгляда на «этихъ женщинъ». Саша снова «бунтуетъ», на этотъ разъ безповоротно, противъ всѣхъ. «Чортъ съ вами со всѣми!» и кидается, какъ въ омутъ «на дно», откуда порывъ вынесъ ее было на поверхность на одну только минуту, чтобы затѣмъ кинуть туда уже навсегда. Этотъ двойной бунтъ личности, по истинѣ,

настоящая пощечина лицемѣрному обществу, въ которомъ все приспособлено для гибели души и нѣтъ средствъ для помощи, для спасенія личности, которой въ борьбѣ остается разсчитывать только на себя. У кого не хватаетъ силъ, тотъ долженъ тонуть, какъ Паша Тумановъ, Купріянъ, Саша и тысячи имъ подобныхъ. Таковъ безотрадный выводъ, самъ собою вытекающій изъ исторіи ихъ разбитыхъ существованій.

А жизнь тѣмъ не менѣе хороша! Вотъ что, какъ призывъ повторяется въ каждомъ почти изъ разсказовъ г. Арцыбашева. Она можетъ быть, она должна быть прекрасна, только не надо портить ее самимъ всякимъ вздоромъ, засоряющимъ душу, умъ, сердце. Авторъ страстно любитъ жизнь, его настроеніе полно жизнерадостности, и тѣмъ трагичнѣе поэтому его печальныя повѣсти о томъ, какъ люди сами дико, безсмысленно портятъ себѣ и другимъ эту чудную жизнь, только разъ каждому данную никогда уже не повторяющуюся.

«Она выходила ко мнѣ на свиданіе черезъ вишневый садъ, по насыпи, въ тоненькую и бѣлую березовую рощицу. Еще издали была видна ея высокая и гибкая фигура и мягкимъ силуэтомъ вырѣзывалась въ безконечно широкомъ и глубокомъ небѣ, усѣянномъ золотыми, голубыми и красными звѣздочками и далеко облитомъ ровнымъ холоднымъ свѣтомъ луны.

«За насыпью была густая, черная и жуткая тѣнь, въ которой неподвижно и чутко стояли тоненькіе стволы березокъ и молчаливо тянулась отъ земли высокая влажная трава. Въ этой рощѣ я ждалъ ее, и мнѣ было жутко и весело въ прозрачной голубой тѣни. Когда въ небѣ, высоко надо мною, вырисовывался знакомый силуэтъ, я карабкался навстрѣчу, скользя по мокрой травѣ, подавалъ ей руку, и мы оба, точно падая, стремительно сбѣгали внизъ, съ силой разгоняя густой воздухъ, развивавшій волосы и шумѣвшій въ ушахъ, влетали въ сумракъ и тишину рощи и вдругъ сразу замирали, по колѣни въ травѣ, сильно и смущенно прижимаясь всѣмъ тѣломъ другъ къ другу.

«Мы почти не говорили, и намъ не хотѣлось говорить. Было тихо, пахло страннымъ, таинственно непонятнымъ ароматомъ, отъ котораго кружилась голова, и все исчезало изъ глазъ и сознанія, кромѣ жгучаго и тревожнаго наслажденія. Сквозь тонкую, сухую матерью я чувствовалъ, какъ чуть-чуть дрожало и томилось, наслаждаясь, молодое, сильное, упругое и нѣжное тѣло, какъ подавалась и ускользала изъ моихъ влажныхъ пальцевъ круглая и мягкая грудь. Близко-близко отъ своего лица я видѣлъ въ темнотѣ полузакрытые, какъ будто ничего не говорящіе, слабо и таинственно поблескивающіе изъ-подъ рѣсницъ глаза. Трава была мокрая и брызгала холодной, пріятной росой на голое тѣло, странно теплѣвшее въ прохладномъ и влажномъ воздухѣ. Какъ будто на всю рощу разносились торжествующіе удары нашихъ сердецъ, но намъ казалось, что во всемъ необъятно-громадномъ мірѣ нѣтъ никого, кромѣ насъ, и никто не можетъ притти помѣшать намъ среди этихъ сдвинувшихся березокъ, ночныхъ тѣней, влажной травы и одуряющаго запаха сырого, глубокаго лѣса. Время шло гдѣ-то внѣ, и все было наполнено однимъ жгучимъ, неизъяснимо прекраснымъ, могучимъ и смѣлымъ наслажденіемъ жизнью».

Развѣ это не настоящій «гимнъ торжествующей любви»? И какое печальное заключеніе! Герой этого разсказа («Жена») женится на любимой дѣвушкѣ и... скоро ничего не остается отъ этого ликованія «могучимъ и смѣлымъ наслажденіемъ жизнью».

Отчего же произошло, что только изнанка жизни остается любящимъ супругомъ, а вся поэзія, все, что приподымало ихъ надъ этой изнанкой и скрашивало ее, поблекло и улетучилось? Отъ пустяковъ житейскихъ, отъ непониманія личности другъ друга и неуваженія къ ней, отъ вздора, противъ котораго защитой можетъ служить только неустанное стремленіе «впередъ и выше», отъ безцѣльнаго топтанія на мѣстѣ и нечеловѣчнаго взаимнаго отношенія, когда столько надо нѣжности, не бросающейся въ глаза, но проникающей все и всюду, снисхожденія къ слабости и высшей оцѣнки взаимныхъ достоинствъ. Словомъ, уваженіе къ чужой личности должно стоять на первомъ планѣ. А вмѣсто того въ жизни героя начинается обоюдное стѣсненіе, тысячи мелочей, возводимыхъ въ нѣчто столь важное, что вся старая жизнь, привычки и потребности каждаго подчинены именно этой мелочной, несущественной сторонѣ, въ угоду которой приносится самое главное—свобода личности. Обѣ стороны оказались далеко не на высотѣ положенія, и если не опустились «на дно» супружеской жизни, какъ огромное большинство, то лишь благодаря скорому бѣгству мужа, что дало имъ свободу и возможность вновь попытать счастья.

Другіе несчастливцы кончаютъ иначе, какъ подпрапорщикъ Гололобовъ или сумасшедшій и докторъ въ очеркѣ «Смѣхъ». Эти трое безличностей помѣшались отъ страха смерти. Представимъ себѣ такого Гололобова, какимъ онъ очерченъ въ разсказѣ: почти мальчика, плохо развитаго, но склоннаго къ рефлексіи и богомольнаго. Жизнь монотонная, день въ день, безъ выдающихся интересовъ и особаго содержанія. Скучно, тускло, сѣро. И понятнымъ становится начинающій мучить его вопросъ о безцѣльности жизни и неизбѣжности смерти. «Каждый человѣкъ долженъ думать о смерти, потому что положеніе каждаго человѣка есть положеніе приговореннаго къ смертной казни». Такъ гласитъ первое заключеніе, выведенное бѣднымъ подпрапорщикомъ изъ своего и общаго опыта. «Я не хочу умирать, но умру. Во мнѣ есть желаніе жить, и весь я приспособленъ къ жизни, а все-таки я умру. Это и насиліе, и противоестественно». Противъ этого закона природы ничего не подѣлаешь, а потому не лучше ли, не дожидаясь, когда природа выполнитъ свой приговоръ, самому покончить съ собой? Но вѣдь это будетъ насиліе надъ самимъ собой»,—возражаетъ Гололобову слушающій его странныя изліянія докторъ. «Нѣтъ,—отвѣчаетъ подпрапорщикъ. Это будетъ насиліемъ моего духа надъ природой... Духъ мой есть именно я, а тѣло только случайное помѣщеніе, не больше... Если бы тѣло мое было именно я, то я бы остался жить. Смерть не была бы тогда приговоромъ къ казни: вѣдь и послѣ смерти моей тѣло останется. Тѣло есть вѣчно... Это фактъ: я умру, тѣло распадется на атомы, атомы сложатся въ какую-нибудь иную форму, но сами не измѣнятся, и ни одинъ не исчезнетъ. Можно даже допустить, что комбинація когда-нибудь повторится, и бу-

детъ тоже форма. Это пустяки... Духъ умереть... Я исчезну. Будетъ ли потомъ мой духъ святымъ въ раю, или грѣшникомъ въ аду, или переселится въ другое существо,—я, именно я, мои пороки, привычки, смѣшныя и прекрасныя особенности, мои сомнѣнія, мой умъ, моя глупость, мой опытъ и мое незнаніе, все то, что было именно подпрапорщикомъ пѣхотнаго полка, человѣкомъ Гололобовымъ, все исчезнетъ. Будетъ, что угодно, но не Гололобовъ».

Эта безотрадная философія заражаетъ другого такого же несчастливца, доктора, онъ поддается ей и чуть съ ума не сходитъ въ одинокую, глухую, темную ночь. «И какой идіотъ думаетъ о томъ, какъ лучше и честнѣе и умнѣе жить, когда надо думать о томъ какъ ужасно умереть?»—со злобою восклицаетъ онъ. Но въ томъ то и дѣло, что и Гололобовъ, и докторъ не *жили* и не *живутъ*,—иначе, самая мысль о неизбѣжности смерти вовсе не была бы такъ мучительно-неотвязна для обоихъ. Побороть въ себѣ страхъ смерти можно только полнотою жизни, когда всѣ силы души и тѣла принимаютъ дѣятельное участіе въ борьбѣ жизни, не давая ни минуты безцѣльнаго прозябанія, сѣренькаго, стихійнаго, неосмысленнаго существованія, какое влачатъ тысячи-тысячъ Гололобовыхъ и злополучныхъ сумасшедшихъ (разсказъ «Смѣхъ»). Для тѣхъ, кто умѣетъ отстоять себя и проявить всѣ силы своего «я», и жизнь прекрасна, и смерть не страшна. Имъ ближе и понятнѣе, чѣмъ эта мертвящая философія, всепримиряющая мысль безсмертнаго поэта:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять...

Самъ авторъ не на сторонѣ смерти. Онъ нигдѣ этого не высказываетъ, но онъ слишкомъ любитъ жизнь, какъ мы видѣли, любитъ природу, которую описываетъ вездѣ съ подкупающей красотой и художественностью. Онъ возмущается всякимъ насиліемъ, надъ чѣмъ-бы и въ чемъ-бы оно ни проявлялось. Въ разсказѣ «Кровь» (въ первоначальной редакціи онъ былъ озаглавленъ «Диссонансъ», что излишне подчеркивало основную мысль) съ особенной яркостью проступаетъ его любовь къ природѣ и отвращеніе отъ всякаго насилія, какъ вносящаго уродство, дисгармонію въ жизнь, въ которой все полно для него гармоніи и красоты, хотя на самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ то такъ, и тамъ, гдѣ онъ видитъ только жизнь, скрывается подчасъ насиліе и смерть на каждомъ шагу. Въ этомъ очеркѣ ярко проведена мысль о томъ противорѣчіи, которое вноситъ съ собой всюду человѣкъ. Предъ нами веселая компанія, пріѣхавшая на охоту въ деревню, все интеллигентная молодежь, одухотворенная лучшими стремленіями, враждебная всякому насилію, кровопролитію и злобѣ. А между тѣмъ съ перваго появленія ея уже проливается кровь животныхъ, цыплятъ и барашковъ, которыхъ они кушаютъ, ни мало не смущая себя вопросами о погибшихъ жизняхъ. Далѣе идетъ кровопролитная потѣха—охота, опустошающая и распугивающая мирное болото, гдѣ жизнь кишмя кишитъ. Въ любовномъ мастерскомъ описаніи этого уголка лучше всего сказывается жизнерадостное настроеніе автора.

«Болото было большое, кочковатое, съ мелкимъ и чистымъ озеркомъ посрединѣ. Съ одной стороны болота разстилались безконечные, сплошь густо зеленые луга, а по другую—заняла еще почти безлистная роща, и чуть-чуть виднѣлись отсюда тоненькія, какъ ниточки, стволы бѣлыхъ березокъ. Все болото покрывали пухлыя круглыя кочки, между которыми всюду весело блестѣла вода и желтѣли камыши. Небо надъ болотомъ какъ-будто было еще чище и голубѣе, а воздухъ прозрачнѣе. Все было видно отчетливо и ярко, и послѣдняя тростинка желтѣла на солнцѣ, какъ золотая палочка.

«И, казалось, все болото было живое: за каждой кочкой была жизнь и шевелилось живое существо. Утки крякали спокойно и разсудительно, и ихъ мирное кряканье отчетливо было слышно на берегу. То тутъ, то тамъ какой-нибудь красавецъ селезень неожиданно срывался на воздухъ, съ крикомъ проносился надъ водой и, описавъ широкій полукругъ, садился, шумно бороздя голубую воду, которая долго не могла успокоиться и вся рябилась, точно улыбаясь отражавшемуся въ ней небу. Длинноногіе кулички, съ востренькими носиками, вытянувъ тоненькія комариныя ножки, одинъ за другимъ перепархивали съ кочки на кочку и съ радостнымъ пискомъ уносились все дальше и дальше къ синѣющей рощѣ. Далеко подымались двѣ-три гусыни и, тяжело махая крыльями, перегоняя другъ друга, подымались невысоко надъ болотомъ и вдругъ грузно шлепались на чистое мѣстечко, блестѣвше между камышами. Тамъ, гдѣ болото было чище и начиналось озерцо, видны были десятки нырковъ, какъ черныя точки, быстро кружившихся по водѣ. Ближе, по мелкому мѣсту чинно стояли на одной ногѣ цапли и, втянувъ головы въ плечи, важно поводили длинными носами, точно любуясь природой. Бѣлыя чайки, какъ всегда, кружились повсюду, припадая бѣлой грудью къ водѣ, и опять взмывали кверху, махая длинными гибкими крыльями и зорко выглядывая по сторонамъ. Далеко вереницей пролетѣли гуси и опустились гдѣ-то за рощей, утонувшей въ волнахъ голубого воздуха и свѣта.

«И все гомонило, кричало, пищало. И всѣ эти могучіе звуки прекрасной вольной жизни сливались въ одинъ торжествующій гулъ, покрывавшій все озеро».

Только человѣкъ вноситъ противорѣчащій этому диссонансъ, распространяя вокругъ себя смерть и несчастіе. Гуманные, проникнутые, казалось-бы, любовью и жалостью, люди безпощадно истребляютъ подвернувшихся подъ выстрѣлъ птицъ ради дикой забавы. У нихъ нѣтъ даже того оправданія, какое можетъ привести звѣрь, питающійся другими животными, такъ какъ вся эта уйма перебитой птицы вовсе не нужна имъ, какъ пища. Имъ нужно упоеніе истребленіемъ, ихъ увлекаетъ самый процессъ убійства, удача, ловкость, умѣнье убить какъ можно больше. «Ихъ лица горѣли, глаза блестѣли, шапки съѣхали на затылокъ. Убитая дичь ихъ уже не занимала, они торопливо, какъ попало, совали ее въ яхташи и опять устремляли воспаленные, широко раскрытые глаза на собаку, которая окровавленной и слюнявой мордой тянула впереди». А возвратившись съ охоты, пресыщенные убійствомъ, усталые отъ крови, они снова и снова станутъ вести безконечные разговоры «о томъ далекомъ уто-

пическомъ времени, въ которое они не вѣрили, когда все, и люди и порядокъ жизни, будутъ не такими, какъ теперь, а гораздо лучше, когда будетъ ясно для всѣхъ разграничено понятіе о добрѣ и злѣ».

Но что для насъ бѣдныя животныя, крови которыхъ мы даже замѣтить не можемъ,—до того мы уже въѣлись въ нее! Мы настолько привыкли ко всякимъ противорѣчіямъ въ жизни, ко злу и несчастью, что нужно нѣчто рѣзкое, изъ ряду вонъ выходящее, ужасное, чтобы заставить насъ задуматься и оглянуться. Смерть и гибель Купріяна, Паши Туманова, Саши и другихъ, развѣ на минуту остановятъ нашу мысль, мы лишь скользимъ по поверхности жизни, не задаваясь вопросомъ, что происходитъ тамъ, въ глубинѣ, гдѣ кроются причины этихъ несчастій. Нуженъ *ужасъ*, чтобы встряхнуть человѣческую толпу, пробудить въ ней полузадушенные человѣческіе инстинкты, чувства взаимной любви и голосъ справедливости. «Ужасъ»—такъ названъ послѣдній разсказъ г. Арцыбашева—потрясаетъ, вскрывая внезапно ложь, насиліе, животную грубость, царящія въ общественныхъ отношеніяхъ, глубоко скрытыя подъ личиной лицемѣрнаго порядка и тихаго благополучія.

Предъ читателемъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ фактовъ, которые рѣдко и то лишь случайно всплываютъ наверхъ и становятся общимъ достояніемъ. Совершено насилье надъ дѣвушкой и, чтобы скрыть его, убійство. Виновники—становой, слѣдователь и докторъ,—случайно съѣхавшіеся по какому-то дѣлу, случайно напиваются, случайно натыкаются на подвернувшуюся дѣвушку и случайно-же совершаютъ преступленіе, которое, быть можетъ, уже не разъ совершалось каждымъ изъ нихъ и развѣ какъ своеобразный эпизодъ мелькало въ ихъ воспоминаніяхъ. Въ данномъ случаѣ дѣло осложнилось, благодаря сопротивленію жертвы и нежданной для нихъ самихъ смерти ея. Они вовсе не отпѣтые злодѣи, а самые обыкновенные русскіе обыватели-чиновники, которыхъ въ условіяхъ нашей обывательщины всякое съ рукъ сходило и безъ шума удавалось хоронить концы въ воду. Они искренно изумлены совершеннымъ и огорчены до глубины души и тѣмъ что надѣлали, и тѣмъ, что изъ того воспослѣдовало. Но главное, что ихъ пугаетъ, это страхъ, страхъ огласки, шума, отвѣтственности. Не само преступленіе терзаетъ и мучитъ, а то, что за это надо отвѣтить. «Минутами казалось доктору, что все это «такъ», ошибка, ошибка поправимая, что все это кончится, пройдетъ, и опять будетъ такъ же хорошо, весело и удобно жить, какъ прежде. Но вдругъ наплывалъ огненный непонятный туманъ: хорошенькая голая женщина, въ черныхъ чулкахъ, съ голубыми подвязками, женщина, которая мгновеніе была только вещью, съ которой дѣлали они, что хотѣли, съ безумнымъ наслажденіемъ, жестокостью и властью, терзая мягкое, сладострастное, жгучее тѣло, вдругъ выплывала изъ тумана пьянаго безумія и забвенія—синимъ холоднымъ трупомъ. И жизнь исчезала, исчезла возможность жизни, будущій день проваливался въ черную дыру безысходнаго страха. Вставали какіе-то карающіе образы, знакомыя лица становились чужими и страшными, подымались надъ головой неизбѣжныя властныя руки, и сердце падало, замирая въ бездну стыда и страха».

Товарищи доктора, слѣдователь и становой, хладнокровнѣе относятся къ случившемуся. Для нихъ весь вопросъ въ томъ, какъ скрыть все, а изворотливый, бывавшій въ передѣлкахъ, становой сейчасъ же находитъ и выходъ. «Я сейчасъ узналъ, что двое мужиковъ видѣли, какъ сторожъ Матвѣй Похвальный выходилъ ночью изъ школы... А? Вотъ и спасеніе!.. Изнасилованія не будетъ, будетъ грабежъ... грабежъ понятнѣе и не такъ громокъ!.. Понимаете?.. Сторожа сбить съ толку не трудно, я берусь»... Дѣло налаживается хорошо, но тутъ-то и сказывается сила ужаса. Молчаливая масса, тоже видавшая всякіе виды, не выдерживаетъ и вмѣшивается. Ее поражаетъ и двойное преступленіе, и его безнаказанность. Впечатлѣніе ужаса растетъ и распространяется. «Еще съ вечера невидимая и неслышимая, ползущая тайно изъ устъ въ уста, пошла во всѣ стороны тяжелая молва о злодѣяніи. Было совсѣмъ тихо, но въ этой мертвой тишинѣ отчаянный крикъ, показалось летѣлъ отъ человѣка къ человѣку, и въ душахъ становилось больно, страшно, и тяжелое, кошмарное, рождалось возмущеніе. Оно таилось въ глубинѣ и какъ-будто уходило все глубже и глубже, но вдругъ неизвѣстно никому, какъ и гдѣ, точно крикнулъ въ толпѣ какой-то паническій голосъ, оно вырвалось наружу, вспыхнуло и покатилось изъ края въ край. На разсвѣтѣ рабочіе на бумагопрядильной фабрикѣ и на ближайшей желѣзной дороги побросали работы и черными кучками поползли черезъ поля въ деревню.—Сами убили да сами и судъ вели,—заговорилъ тяжелый глухой голосъ, и въ его шепотѣ стало наростать что-то огромное, общее грозное, какъ надвигающаяся туча. Оно росло съ сокрушительной силой и стремительной быстротой. И въ своемъ стихійномъ движеніи увлекало за собой все потаенное, задавленное, вѣковую обиду. Казалось, жизнь маленькой замученной женщины, въ дѣтскихъ черныхъ чулкахъ съ наивными голубыми подвязками, воплотила вдругъ въ себя что-то общее, свѣтлое, молодое, милое, безконечно и безнадежно задавленное и убитое. Не хотѣлось вѣрить, не хотѣлось жить, и ноги сами собой шли въ ту сторону, какъ на зовъ погибающаго, голоса сами собой принимали грозное и отчаянное выраженіе»... А дальше подавленіе, усмиреніе, вся обычная житейско-русская обстановка, превосходно выписанная авторомъ, съ заключительнымъ аккордомъ: «Въ сараѣ, при волости, на помостѣ лежали рядами неподвижные мертвые люди и смотрѣли вверхъ остановившимися навсегда бѣлыми глазами; въ которыхъ тускло блестѣлъ вопрошающій и безысходный ужасъ»...

Этотъ прекрасный, на рѣдкость выдержанный разсказъ выдвигаетъ идею ужаса въ ея чистомъ видѣ, въ какомъ въ жизни она не такъ-то часто встрѣчается. Правда, жизнь послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ отчасти пріучила насъ и къ такимъ картинамъ... Но для автора важнѣе, какъ показываетъ нашъ разборъ его книги, обыденная жизнь, гдѣ изъ мелочей слагаются трагическія исторіи, о которыхъ онъ повѣствуетъ съ такимъ талантомъ.

А жизнь сама по себѣ такъ прекрасна. Таковъ его выводъ. Если зло и насиліе торжествуютъ надъ добромъ и радостью, то вовсе не потому, что это неизбѣжно, стихійно, а потому, что мы придаемъ слишкомъ большое значеніе мелочамъ, подчиняемся имъ безъ борьбы и отравляемъ ими источникъ жизни—

нашу свободную, гордую и чистую личность. Въ ней заложены задатки ко всему высокому и прекрасному, и нужно бороться со всѣмъ, что ведетъ къ подавленію, а не къ развитію личности. Не надо компромиссовъ, съ совѣстью, довольно лжи и лицемѣрія, отъ которыхъ мы задыхаемся, не замѣчая, какъ понемногу глохнутъ прекрасные зачатки, вложенные въ насъ природою, и душа засоряется всяческимъ житейскимъ соромъ до того, что уже ничто почти не въ силахъ ее разбудить...

Изъ приведенныхъ многочисленныхъ выдержекъ читатели могутъ убѣдиться, насколько оригинально разрабатываетъ свои всегда значительныя темы авторъ, никогда не довольствуясь поверхностнымъ описаніемъ, а стараясь, какъ истинный художникъ-психологъ, проникнуть въ глубину душевныхъ движеній своихъ героевъ. Его манера напоминаетъ нѣсколько Л. Н. Толстого—тщательностью анализа и углубленностью. Отчасти это сказывается даже во внѣшней формѣ его фразъ, въ видѣ нагроможденности «что» и вводныхъ предложеній, съ цѣлью до мельчайшихъ подробностей выяснить душевный процессъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ остается вездѣ оригиналенъ и самостоятеленъ въ обработкѣ темы и въ постановкѣ вопросовъ. Вліяніе Толстого сказывается скорѣе въ направленіи художественной пытливости г. Арцыбашева, котораго захватываютъ вездѣ важныя, вѣчныя стороны жизни, вопросы не временные, текущіе, злободневные, а всегда способные волновать сердца людей. Даже въ послѣднемъ разсказѣ «Ужасъ», г. Арцыбашевъ выдвигаетъ не злоупотребленіе бюрократической власти, а силу ужаса, его стихійность и общественное значеніе. Сильнѣе чувствуется вліяніе Толстого въ болѣе раннихъ произведеніяхъ г. Арцыбашева, какъ «Паша Тумановъ» и «Кровь», написанныхъ почти одновременно (хотя «Кровь» и была напечатана только въ 1904 г., но въ первой редакціи «Диссонансъ» этотъ разсказъ былъ намъ извѣстенъ одновременно съ «Пашей Тумановымъ» еще весною 1902 г.). Постепенно форма у г. Арцыбашева освобождается отъ пріемовъ Толстого, и въ послѣднихъ произведеніяхъ «Бунтъ», «Жена» и «Ужасъ» это вліяніе почти незамѣтно.

Г. Арцыбашевъ выходитъ на большую дорогу, и читатели въ правѣ ожидать отъ него большого произведенія, въ которомъ онъ дастъ не уголокъ жизни, а широкую картину ея. Для этого у него есть всѣ данныя—выдающійся художественный талантъ, искренняя вдумчивость и свое содержаніе.

А. Б.

АМЕРИКАНСКАЯ БЮРОКРАТІЯ.

I.

На бѣдную русскую бюрократію всѣ шишки валятся. Какъ ни заслужила она свои нареканія, все же и она имѣетъ поводъ быть недовольной, если ее—и ее одну—считаютъ причиной всѣхъ бѣдствій народныхъ. Какъ замѣтилъ авторъ внутренняго обозрѣнія «Вѣстника Европы» существуетъ же бюрократія и въ другихъ государствахъ, и не сопровождается ея существованіе такими печальными послѣдствіями. Впрочемъ, это не совсѣмъ вѣрно. Вездѣ существуютъ «бюро»,—но бюрократія лишь въ нѣкоторыхъ странахъ. Бюрократія—уже по своему филологическому значенію означаетъ не только существованіе администраціи и исполнительныхъ органовъ, но и *власть ихъ*, и хотя чиновный міръ никогда не теряетъ случая воспользоваться властью, если она ему предоставлена, самое предоставленіе этой власти—вина не бюрократіи. Пока существуетъ государственная организація необходимы и исполнительные агенты, и только анархисты могутъ мечтать о совершенномъ уничтоженіи бюрократіи.

Наивно поэтому указывать на уменьшеніе бюрократіи, не только какъ панацею, но даже какъ на палліативъ для общественныхъ язвъ, какъ бы ни необходимо было такое уменьшеніе само по себѣ. Также трудно согласиться со взглядомъ, что одинъ ростъ бюрократія представляетъ уже зло, каковы бы ни были причины этого роста. Въ своей статьѣ «Бюрократическая опасность» (см. «Міръ Божій», май) г. Тотоміанцъ, цитируя г. Беранже, указываетъ на «ужасающій ростъ французской бюрократіи съ 88.000 до 416.000 за пятдесятъ лѣтъ (1846—1896); однако же онъ вынужденъ признать, что большая часть этого роста является лишь нормальнымъ результатомъ расширенія функцій правительства, которыхъ нельзя не признать полезными: школы, - телеграфы и почта. Сущность дѣла поэтому не въ абсолютномъ ростѣ чиновничества, а въ томъ, какое отношеніе этотъ ростъ имѣетъ къ дѣйствительнымъ потребностямъ общества.

Даже самый завзятый индивидуалистъ не можетъ отрицать неизбѣжности расширенія общественныхъ функцій на счетъ функцій индивидуальныхъ. Правда въ Америкѣ существуютъ еще наивные люди, которые (какъ, напр., недавно назначенный министръ флота Беонапарте) безусловно вѣрятъ, что «безплатное образованіе такъ же вредно, какъ безплатное распредѣленіе пищи». Но въ Россіи эту теорію склонны поддерживать такіе союзники, о которыхъ Спенсеръ и не помышлялъ, какъ, напр., сами господа русскіе бюрократы. Злѣйшіе враги русской бюрократіи, люди наиболѣе энергично протестующіе противъ расширенія экономическихъ функцій центральнаго правительства—противоставляютъ ему не чисто индивидуальную дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, а «дѣятельность общества»: здѣсь заключается и дѣятельность земствъ, городовъ и т. д. и т. д., т. е. вообще мѣстнаго самоуправленія.

Люди, съ негодованіемъ отвергающіе предложеніе о государственной службѣ, съ гордостью идутъ на службу городскую, или земскую и обидѣлись бы кличкой «чиновниковъ». Такое отношеніе къ вопросу вполнѣ логично въ Россіи, въ

виду крайней централизаціи *источника власти.* Однако же и въ Россіи начинаетъ появляться терминъ «земская бюрократія»; терминъ, которому въ будущемъ суждено, вѣроятно, пріобрѣсти большую популярность.

Въ Соединенныхъ Штатахъ терминъ «бюрократія» сталъ популяренъ только со времени русской «весны», когда нападки на бюрократію дошли и до Сѣверной Америки. Въ Вашингтонѣ, центрѣ федеральной власти, терминъ этотъ иногда встрѣчался и раньше. Но за предѣлами Вашингтона американскій народъ зналъ лишь «политикановъ» (politicians), иногда украшая его прилагательнымъ «профессіональный», или же «государственнаго служащаго». И въ эту категорію американецъ совершенно на равныхъ условіяхъ включаетъ и служащихъ федеральнаго правительства, и правительства штатовъ и муниципалитетовъ. И американецъ, конечно, совершенно правъ—въ Америкѣ. Ибо источникомъ власти федеральное правительство является не болѣе, чѣмъ правительства штатовъ, первоначальнымъ источникомъ всей власти является народная воля, выраженная при выборахъ. Всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ управленія, или вѣрнѣе всѣхъ получающихъ жалованье изъ казны американецъ раздѣляетъ на два крупныхъ класса: съ одной стороны служащіе по выбору: ихъ онъ называетъ «политиканами», будь это гласный въ думѣ, или сенаторъ въ конгрессѣ; съ другой стороны, служащіе по назначенію, которыхъ онъ называетъ «правительственными служащими» (government employers), при чемъ слово government въ Америкѣ толкуется гораздо шире, чѣмъ въ Россіи: такъ американецъ различаетъ city government, (городское правительство) state government (правительство штата) и national government національное, т.-е. центральное правительство).

Практика политической и общественной жизни въ Америкѣ вполнѣ оправдываютъ такое объединеніе въ одну группу всѣхъ «казенныхъ людей». Во всѣхъ инстанціяхъ дѣйствуютъ тѣ же политическія партіи. Избирается ли президентъ Соединенныхъ Штатовъ, или уѣздный шерифъ, или городской гласный, въ выборахъ принимаютъ участіе также политическія партіи; и что еще болѣе важно, крупнѣйшіе политическіе дѣятели обыкновенно начинали свою политическую карьеру съ мѣстныхъ выборныхъ должностей.

Итакъ, мы въ Америкѣ имѣемъ два самостоятельнымъ класса государственныхъ служащихъ, одинъ изъ которыхъ состоитъ изъ «народныхъ представителей»; второй же составляетъ если хотите «бюрократію». Съ нравственнымъ обликомъ и общественнымъ значеніемъ обѣихъ группъ мы познакомимся ниже. Раньше же попытаемся опредѣлить численный составъ класса государственныхъ служащихъ.

Это далеко не такъ легко, какъ кажется. Мы имѣемъ дѣло не только съ федеральнымъ правительствомъ, но и съ правительствами 50 штатовъ и территорій нѣсколькихъ тысячъ уѣздовъ, сотенъ городовъ, и т. д. и т. д. Правда, что американскіе цензы (т.-е. всеобщія переписи) включаютъ группу government officials, но цензъ включаетъ въ эту группу далеко не всѣхъ находящихся на государственной службѣ. Такъ, человѣкъ съ опредѣленной профессіей записывался въ эту профессію, какъ врачъ, или стенографъ или клеркъ. По-

этому въ эту группу внесены лишь преимущественно болѣе крупнѣе и выборные служащіе; и ихъ оказывается:

въ 1870 г.	47.000
» 1880 »	69.700
» 1890 »	82.600
» 1900 »	90.300

Но это лишь незначительная доля всего числа лицъ на государственной службѣ. Такъ, напр., въ городѣ Вашингтонѣ указано всего 794 государственныхъ officials, а между тѣмъ въ этомъ городѣ въ дѣйствительности имѣется на государственной службѣ около 27.000 человѣкъ.

По даннымъ ценза указанные 90.290 чиновниковъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Національнаго правительства	40.595
Правительства штатовъ	4.345
Правительства уѣздовъ	22.777
Правительства городовъ	22.573
	90.290

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ бюро ценза издало интересную работу: статистику находящихся на государственной службѣ у федеральнаго правительства. Ихъ оказалось въ 1902 г. 271.000 или почти въ 8 разъ больше, чѣмъ показано въ вышеприведенной таблицѣ. Обобщивъ этотъ выводъ, можно бы заключить, что общее число лицъ на государственной службѣ равно приблизительно 700.000. Но на самомъ дѣлѣ эта сумма гораздо ниже дѣйствительной и вотъ почему. Функціи центральнаго правительства очень ограничены: его служащіе или члены администраціи, или канцелярская армія. Единственное крупное дѣло федеральнаго правительства, если не считать арміи,—это почта. Американское центральное правительство не завѣдуетъ ни телеграфомъ, ни телефономъ, не владѣетъ желѣзными дорогами, и школы содержитъ лишь въ столицѣ, да въ новопреобразованныхъ колоніяхъ, и полицію только въ столицѣ. И кого же зачислить въ бюрократію, если на полицейскаго, начинающаго въ Америкѣ съ жалованія къ 60 долларовъ въ мѣсяцъ и доходящаго до 100 долларовъ, т.-е, чуть-ли не оклада русскаго столоначальника. Полицейскихъ насчитывается въ Соединенныхъ Штатахъ 117.000. А учителя народныхъ школъ? За исключеніемъ 7.000 профессоровъ остается еще 440.000 людей педагогической профессіи, и огромное большинство ихъ, несомнѣнно больше $^3/_4$—находятся на общественной или государственной службѣ. Да еще присоедините 15.000 пожарныхъ—и множество людей всякихъ другихъ профессій. Словомъ, мы не ошибемся, если предположимъ, что около милліона человѣкъ въ Соединенныхъ Штатахъ состоятъ на службѣ, и составляетъ, такъ называемую, бюрократію. И это въ странѣ индивидуализма par excellence, гдѣ еще боятся обобществленія такихъ предпріятій, которыя въ Европѣ уже давно перешли въ руки государства. Но политическіе идеалы американцевъ быстро прогрессируютъ. Если бы въ руки государства перешли желѣзныя дороги, то это одно дало бы болѣе

милліона государственныхъ служащихъ. А телефоны, телеграфы, трамваи, и такъ далѣе, и такъ далѣе?

Отъ чего же Соединенные Штаты не принято считать страной, которую заѣли бюрократы? Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо познакомиться съ методами, при помощи которыхъ нейтрализируется «опасность» отъ такой гигантской арміи «казенныхъ людей».

Несомнѣнно, самымъ радикальнымъ средствомъ остается старый принципъ раздѣленія отдѣльныхъ функцій правительства—законодательной отъ административно-исполнительной.

Американская бюрократія лишь исполнительный органъ, и въ формулировкѣ законовъ принимаетъ очень незначительное участіе. Однимъ изъ очевидныхъ результатовъ является то, что «бюрократы» не создали себѣ ложа изъ розъ. Разумна-ли, необходима-ли работа американскаго чиновника, вопросъ котораго мы не станемъ касаться. Но, по крайней мѣрѣ, федеральный чиновникъ работаетъ и работаетъ такъ, какъ и не снится русскому чиновнику. Федеральный законъ требуетъ, чтобы рабочій день канцеляріи длился не менѣе 7 часовъ. До февраля 1904 г. этотъ законъ толковался такъ, что рабочіе часы длились съ 9 ч. утра до 4 ч. пополудни, при чемъ полчаса разрѣшалось на завтракъ. Но когда департаменты вслѣдствіе накопленія работы стали требовать отъ конгресса увеличенія штатовъ, то конгрессъ обратилъ вниманіе, что эти полчаса на завтракъ, сокращая рабочій день до $6^1/_2$ часовъ, являются нарушеніемъ закона. Рабочій день казеннаго человѣка былъ удлиненъ до $4^1/_2$ часовъ пополудни.

И этотъ рабочій день не фикція. Америкой управляетъ не столоначальникъ, а капиталистъ. А капиталистъ и къ государственной службѣ примѣняетъ методы фабрики. Начиная съ самого мелкаго клерка и кончая начальникомъ департамента—американскіе «бюрократы» должны быть въ своихъ мѣстахъ въ 9 часовъ утра, и не могутъ оставить его до 4-го часа пополудни. Не только выполненіе этого правила подлежитъ строгому контролю, но все пропущенное время засчитывается. «Дядя Самъ» сравнительно недурной хозяинъ. Онъ предоставляетъ своимъ наемникамъ 30 каникулярныхъ дней. Но въ эти 30 дней засчитывается всякіе пропущенные полчаса. На случай болѣзни полагается еще добавочный мѣсяцъ, но заявленіе о болѣзни должно сопровождаться свидѣтельствомъ врача. За то, съ другой стороны, департаментъ можетъ въ случаѣ надобности продлить рабочій день до 10 и даже 14 часовъ, безъ добавочнаго вознагражденія и клерки (чиновники) не имѣютъ права протестовать.

Словомъ, условія труда въ казенныхъ учрежденіяхъ едва ли многимъ лучше общихъ американскихъ условій. Для многихъ промысловъ въ Америкѣ, благодаря условіямъ рабочихъ союзовъ установленъ 9 часовой день, находящіеся на государственной службѣ рабочіе трудятся 8 часовъ. Если же рабочій день клерковъ длится 7 часовъ, то не надо забывать, что это по удачной терминологіи Зомбарта, рутинно-умственный трудъ, самый надоѣдливый, изнуряющій трудъ. Приблизительно столько же трудятся въ банкахъ, юридическихъ конторахъ и т. далѣе.

Точно также умѣреннымъ является вознагражденіе за бюрократическій трудъ. Гигантскихъ жалованій, какими пестритъ промышленная коммерческая и финансовая сфера, въ Америкѣ, на государственной службѣ совсѣмъ нѣтъ. Даже президентъ получаетъ всего 50.000 долларовъ, т. е., 40% того, что получаетъ г. Джэмсъ Гайдъ, вице-президентъ страхового общества «Эквитэбль». А уже вице-президентъ довольствуется 10-ю тысячами, а министры всего 8.000 долларами. Вообще характерной особенностью жалованій платимыхъ федеральнымъ правительствомъ, является то, что на верхахъ онъ значительно ниже, а на низахъ нѣсколько выше платы за однородный трудъ въ частныхъ американскихъ предпріятіяхъ. Это видно изъ слѣдующей таблицы, при раз смотрѣніи которой нужно однако принять во вниманіе американскія условія, что плата чернорабочаго колеблется отъ доллара до полутора долларовъ въ день, что мастеровой получаетъ отъ двухъ долларовъ и больше, а члены многихъ рабочихъ союзовъ, какъ, напр., плотники, каменьщики, наборщики до 5 долларовъ въ день.

Жалованье въ годъ.		Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Менѣе 720	долл.	43.714	6.333	50.047
720 долл. . . 840	долл.	12.109	941	13.050
840 » . . . 900	»	8.757	172	8.929
900 » . . . 1.000	»	9.525	1.066	10.591
1.000 » . . . 1.200	»	21.817	1.094	22.911
1.200 » . . . 1.400	»	12.189	1.114	13.303
1.400 » . . . 1.600	»	4.870	400	8.270
1.600 » . . . 1.800	»	2.234	110	2.344
1.800 » . . . 2.000	»	2.030	15	2.045
2.000 » . . . 2.500	»	1.751	—	1.757
2.500 » и больше	»	1.426	—	1.478
Сдѣльная плата	»	979	608	1.587
Безъ жалованья *)	»	12.474	1.465	13.939
Неизвѣстно	»	186	—	188
	Итого	137.061	13.377 **)	150.383

Необходимо однако сознаться, что за тотъ же трудъ клерка, за писаніе на машинѣ и т. д., «Дядя Самъ» платитъ гораздо больше, чѣмъ частныя предпріятія: но это объясняется тѣмъ, что большая часть казенной канцелярской работы носитъ очень элементарный характеръ. Въ то время, какъ клеркъ въ банкѣ или въ страховомъ обществѣ со временемъ, изучивъ работу, берется за болѣе отвѣтственныя обязанности, казенный клеркъ часто 30 лѣтъ подъ рядъ дѣлаетъ туже работу, въ то время, какъ его жалованіе нѣсколько повышается.

Ибо «дойти до степеней извѣстныхъ» американскому чиновнику почти невоз-

*) Заштатные служащіе.

**) Отчетъ разработанъ только относительно 150.383 изъ всего числа 271.169. Изъ остальныхъ 160.786 большинство получаетъ очень мизерныя жалованья. Такъ 80.000 мѣстныхъ почтмейстеровъ получающихъ отъ нѣсколькихъ десятковъ сотенъ въ годъ. Это лавочники и въ то же время почтмейстеры.

можно. За послѣдніе годы министръ почтъ Картелью представляетъ единственный примѣръ мелкаго чиновника, добравшагося до министерскаго кресла, и то потому что Картелью попалъ въ канцелярію президента. Американскому чиновнику положенъ предѣлъ; и въ этомъ самое важное различіе между американской и русской бюрократіей.

Всѣ крупныя должности, вплоть до начальниковъ департаментовъ, пополняются людьми стоящими внѣ бюрократической среды,—извѣстными членами партій, и это, конечно, справедливо относительно всякой страны съ конституціонной и партійной системой управленія. Эти назначенія объясняются двумя соображеніями, изъ которыхъ одно лишь вполнѣ цѣлесообразно. Крупныя мѣста даютъ тонъ, тенденцію административному курсу, и находящейся у власти партіи поэтому необходимо предоставлять эти мѣста своимъ людямъ. Другое сображеніе гораздо болѣе практично: To the victor belongs the spoils—побѣдителю принадлежитъ добыча — принципъ американской практической политики, и крупныя мѣста съ крупными жалованіями поэтому принадлежатъ людямъ заслужившимъ у партіи. Впрочемъ, объ этомъ намъ придется поговорить особо.

Тѣмъ не менѣе «Дядя Самъ» считается въ Америкѣ хорошимъ хозяиномъ, и число ищущихъ казенной службы растетъ не по днямъ, по часамъ. По отчетамъ «коммиссіи по гражданской службѣ» число экзаменовавшихся для поступленія на федеральную государственную службу увеличилось съ 3.542 въ 1884 году до 133,069 въ 1903—1904 году. Несмотря на это, коммиссія чуть ли не ежегодно считаетъ нужнымъ указать въ своемъ докладѣ президенту, что жалованье болѣе образованнымъ служащимъ совершенно недостаточны, что оно настолько ниже платы въ наемномъ коммерческомъ мірѣ, что правительству чрезвычайно трудно получить хорошихъ работниковъ: инженеровъ, архитекторовъ, адвокатовъ и т. д. и т. д. Въ Америкѣ профессіональная интеллигенція не стремится на государственную службу, и ее приходится положительно заманивать разными краснорѣчивыми газетными анонсами. Эта антипатія къ казенной службѣ объясняется не только умѣренностью предлагаемаго вознагражденія, но гораздо больше чрезвычайной ограниченностью возможныхъ горизонтовъ. Даже для недюжинныхъ людей не предвидится въ ней большого ходу, а ординарному труженику только и можно надѣяться добраться до жалованія въ 1.800 долларовъ и на этомъ совершенно застыть. Ни чиновъ, ни орденовъ не обѣщаетъ государственная служба честолюбивому человѣку. Американская бюрократія лишена главнаго преимущества бюрократіи русской—табели о рангахъ. Служащіе (ихъ едва ли справедливо назвать чиновниками) классифицируются по занимаемымъ ими мѣстамъ, и хотя и законъ о государственной службѣ и усматриваетъ систему классовъ, но отличительнымъ признакомъ класса является не абстрактный чинъ или титулъ, а осязательный фактъ — жалованье *). Въ

*) Классъ	А	жалованье	600 долл.	Классъ	I	жалованье	1.200 долл.
„	В	„	720 „	„	II	„	1.400 „
„	С	„	840 „	„	III	„	1.600 „
„	Д	„	900 „	„	IV	„	1.800 „
„	Е	„	1.000 „	„	V	„	2.000 „

этомъ конечно сказывается трезвый, практическій характеръ американца, который дѣйствительно въ «обыденномъ разговорѣ не говоритъ,—клеркъ 2-го класса», а, «a fourteen hundred dollars clerk» «или» «a sixten hundred dollars clerk», т. е., «клеркъ съ жалованіемъ въ 1.400 или 1.600 долларовъ». Практичный американецъ знаетъ, что существенно и что несущественно.

И наконецъ, что еще важнѣе, казенное мѣсто совершенно не даетъ человѣку престижа или власти. Профессіональной интеллигенціи казенное мѣсто совершенно не импонируетъ. Пользующійся успѣхомъ врачъ, адвокатъ, или банкиръ, или коммерсантъ, не гнутъ спину передъ чиновникомъ; напротивъ, чиновникъ, за исключеніемъ развѣ министра, благоговѣетъ передъ человѣкомъ изъ публики; и даже министръ очень и очень внимательно прислушивается къ требованію делегата въ конгрессѣ. Благодаря этимъ соображеніямъ, люди болѣе или менѣе талантливые сторонятся государственной службы, или по крайней мѣрѣ ея низшихъ ступеней; и наврядъ-ли кто изъ-за этого теряетъ, потому что, за немногими исключеніями (какъ напр. работа въ казенныхъ научныхъ учрежденіяхъ), работа административныхъ учрежденій—рутинная работа, требующая лишь посредственныхъ силъ.

Русскій чиновникъ живетъ въ атмосферѣ самопоклоненія. Американскій коллега его, напротивъ,—въ атмосферѣ уваженія къ требованіямъ публики; въ значительной мѣрѣ это объясняется возможностью, что какой нибудь отдѣльный индивидъ изъ публики, самъ по себѣ какъ бы и совершенно незначительный, окажется вліятельнымъ политиканомъ въ своей мѣстности, или близкимъ человѣкомъ къ вліятельному политикану. Какъ бы то ни было— эта атмосфера уваженія къ интересамъ публики—довольно здоровая атмосфера для чиновничества. Это совершенно чуждое русскому человѣку уваженіе къ требованіямъ публики особенно рельефно выступаетъ въ отношеніи къ получаемымъ запросамъ. Небезполезно привести здѣсь нѣсколько характерныхъ примѣровъ.

Гимназистъ въ Чикаго, взявшись подготовиться къ публичному диспуту въ гимназіи на тему: «Слѣдуетъ-ли передать желѣзныя дороги въ руки правительства», незнаетъ гдѣ бы ему достать статистическія данныя о желѣзныхъ дорогахъ всего міра. Ни что же не сумняшеся, онъ пишетъ письмо министру торговли и труда. Письмо переходитъ въ статистическое бюро, и одинъ изъ крупнѣйшихъ чиновниковъ роется цѣлую недѣлю по статистическимъ изданіямъ всего міра, и шлетъ гимназисту пачку таблицъ. Фермеръ хочетъ прочесть у себя въ деревнѣ лекцію о земельномъ кредитѣ,—и идетъ безграмотное письмо министру земледѣлія. И уже нечего говорить, что если дѣлаются запросы, болѣе близко касающіеся дѣятельности бюро,—то всѣ они немедленно удовлетворяются. Со стороны начинаетъ казаться, что любезность казенныхъ учрежденіи простирается уже слишкомъ далеко; и ею злоупотребляютъ крупныя акціонерныя компаніи, которыя могли бы заплатить за доставленіе необходимыхъ свѣдѣній, но предпочитаютъ пользоваться даровой помощью бюро. И поспѣшность и подобострастіе, съ которымъ выполняется всякое безцеремонное требованіе какой нибудь желѣзной дороги, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что именно капиталистъ, а не столоначальникъ, является хозяиномъ положенія.

II.

Однимъ изъ крупныхъ преимуществъ государственной службы передъ частной является несмѣняемость въ первой. Это не абсолютный законъ, но почти универсальное правило въ федеральной службѣ. Современная экономическая жизнь такъ полна риска и опасностей для всѣхъ, кромѣ самыхъ счастливыхъ, что увѣренность въ завтрашнемъ днѣ является притягательной силой. Американскія акціонерныя общества, являющіеся главными потребителями канцелярскаго и вообще письменнаго труда, хотя и оплачиваютъ свои труды лучше, но зато не церемонятся по малѣйшему поводу выбросить служащаго на улицу; и экономическая полезность наемнаго труженника длится не долго. Въ 50 лѣтъ почти невозможно найти новой службы. Федеральное правительство, само не преслѣдующее цѣлей наживы, поэтому можетъ менѣе критически относиться къ пониженію работоспособности наемнаго человѣка. Оно, правда, не стѣсняется понизить жалованье человѣку по мѣрѣ того, какъ повышается его возрастъ, но все же оставляетъ его за канцелярскимъ столомъ, потому что уволить его, значило бы буквально выбросить его на улицу, ибо пенсій американское правительство не даетъ. Какъ это ни странно, это тѣмъ не менѣе фактъ. Правительство мирной республики, распредѣляющее ежегодно 140.000.000 долларовъ на пенсіи среди ветерановъ гражданской войны и даже ихъ вдовъ и дѣтей—это самое правительство даже сента не дастъ старцу, прослужившему сорокъ лѣтъ за канцелярскимъ столомъ, и нажившему за нимъ гемморрой, ревматизмы и слѣпоту, хотя имѣетъ пенсіи для офицеровъ въ отставкѣ. Крупные чиновники не заинтересованы въ пенсіяхъ, потому что они не «профессіональные бюрократы». Для нихъ казенная департаментская служба лишь одинъ инцидентъ въ карьерѣ. Среди мелкихъ пенсіоная система имѣетъ многихъ приверженцевъ, и даже существуетъ организація чиновниковъ, которая стремится провести законъ черезъ конгресъ. Но конгрессъ неоднократно давалъ понимать, что всѣ расходы на такую пенсію должны лечь раскладкой на самихъ чиновниковъ, что государство не намѣрено тратить своихъ суммъ на пенсіи. И въ виду огромнаго числа стариковъ среди чиновничества тяжесть пенсіонной системы угрожаетъ быть слишкомъ великой.

Необходимо отмѣтить, что общественное мнѣніе очень несочувственно относится къ проекту такой пенсіи. Огромная масса, которая смотритъ на вашингтонское чиновничество какъ на счастливцевъ, разсуждаетъ такъ: «Вы уже получаете высшее вознагражденіе, чѣмъ большинство рабочихъ и служащихъ, вы не страдаете отъ безработицы, и ваше мѣсто гарантировано на многіе годы. Вы имѣете поэтому большую возможность сдѣлать сбереженія, чѣмъ народная трудящаясь масса. Почему же именно вы имѣете право на пенсіи предпочтительно передъ остальной трудящейся массой?» Тутъ цѣнна мысль, что государственный чиновникъ не имѣетъ права на какія нибудь спеціальныя привилегіи, но сама постановка вопроса довольно наивна, потому что и народная масса и мелкое чиновничество при дороговизнѣ американской жизни едва ли имѣютъ возможность дѣлать сбереженія.

Пресса и публика, обсуждая этотъ вопросъ, забываютъ одинъ важный фактъ: что рутина государственной службы дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ какой либо другой работѣ, и что вопросъ о призрѣніи старцевъ разрѣшается не посредствомъ сбереженій, а посредствомъ удержанія этихъ старцевъ на ихъ мѣстахъ, много лѣтъ послѣ того, какъ исчезла ихъ трудоспособность.

Отношеніе американскаго народа къ своей бюрократіи, въ значительной степени объясняется молодостью самой бюрократіи. Американская республика правда существуетъ уже около 130 лѣтъ, но современная бюрократія, какъ классъ, всего 20 лѣтъ. Въ первые годы существованія молодой республики государственная служба была въ значительной степени честью. Да и самыя функціи федеральнаго правительства были иногда настолько ограниченны, что число служащихъ было чрезвычайно мало. Къ тридцатымъ годамъ вполнѣ выяснились партійныя грани въ американской политикѣ; и къ тому же времени расцвѣлъ коммерческій духъ въ американской жизни. Президенту Андрю Джаксону (1828—1836 гг.) принадлежитъ фраза «To the victor belongs the spoils» (Побѣдителю принадлежитъ добыча) и проведеніе ея въ практику политической борьбы. Андрю Джаксонъ—убѣжденный демократъ, и еще болѣе убѣжденный «человѣкъ партіи», первый ввелъ массовое увольненіе чиновниковъ и замѣну ихъ своими креатурами. И Джаксонъ далъ тонъ американской политикѣ на 50 лѣтъ, тонъ неизбѣжный, можетъ быть, на извѣстной стадіи народнаго самоуправленія. И результаты этой системы имѣютъ особенный интересъ для русскаго общества въ настоящій моментъ, когда оно собирается вступить на путь парламентаризма и партійной борьбы.

Американская конституція предоставляетъ право всѣхъ назначеній на федеральныя должности президенту. Отъ его личнаго выбора поэтому зависятъ назначенія на крупнѣйшія должности. Но уже къ 30-мъ годамъ, число федеральныхъ должностей, включая, канцелярскую службу, почтмейстеровъ и т. д. и т. д.—было слишкомъ велико, чтобы президентъ могъ заполнить ихъ всѣхъ своими собственными друзьями. Въ выборѣ должностныхъ лицъ поэтому стали принимать участіе другіе вожаки партій, по совѣту которыхъ президентъ дѣлалъ назначеніе. Каждые четыре года, вмѣстѣ съ перемѣной администраціи, сталъ мѣнятся и чуть ли не весь служебный персоналъ. На крупные мѣста назначались тѣ изъ вожаковъ, которые не имѣли выборной должности; на мелкія канцелярскія должности, мелкіе «участковые политиканы» («ward politicians»). Конечно порядочные элементы сторонились службы, которой черезъ четыре года долженъ былъ притти конецъ; сторонились особенно въ виду умѣреннаго жалованія; и вашингтонскіе департаменты и бюро сдѣлались пристанищемъ для всякаго сброда, который неизбѣженъ въ подонкахъ всякой партіи. Съ другой стороны, возможность полученія такой награды за политическія услуги привлекли въ партійную работу совсѣмъ нежелательные элементы. Несомнѣнно, что именно эта возможность мелкихъ назначеній внесла въ американскую политику тотъ вульгарный коммерческій духъ, который поражаетъ посторонняго наблюдателя.

Насколько всякое назначеніе на должность приняло характеръ уплаты за

политическія услуги, видно изъ того, что составъ чиновниковъ мѣнялся каждые четыре года, даже если при выборахъ побѣждала таже партія. Ибо политическая борьба въ Америкѣ не ограничивается борьбою между партіями. Внутри каждой партіи, вѣрнѣе внутри каждой партійной организаціи происходитъ борьба между фракціями, и эта послѣдняя борьба чаще вызывается личными разсчетами, чѣмъ принципіальными соображеніями. Избранный президентъ, губернаторъ или мэръ назначаетъ на всѣ казенныя мѣста не только членовъ своей партіи, но и своей спеціальной фракціи. Въ надеждѣ на такое назначеніе кандидаты работаютъ въ предвыборное время не только за свою партію, но и за своего друга. Съ другой стороны, всякое избранное лицо, имѣющее право назначенія, старается при помощи этихъ тепленькихъ мѣстъ создать крѣпкую группу приверженцевъ, — представляющую политическую силу. Не трудно представить себѣ, сколько личныхъ интригъ происходитъ изъ за раздачи мѣстъ, и за обѣщаніе раздать мѣста въ случаѣ избранія,—за кулисами открытой партійной политической борьбы. Немудрено, что значительная часть населенія Америки, въ особенности менѣе культурная часть, эту переплетающуюся цѣпь личной интриги и считаетъ внутренней политикой. Гдѣ право назначенія абсолютно предоставленно главѣ правительства, какъ, напр., мэру во многихъ городахъ—число назначеній доходитъ до тысячъ (полиція, учителя, пожарные, помимо чисто канцелярскихъ мѣстъ и высшихъ должностей).

Это могущественное оружіе въ рукахъ крупнаго государственнаго дѣятеля, однако, легко можетъ превратиться въ опасный бумерангъ. На каждую имѣющуюся вакансію можетъ оказаться десять претендентовъ, и пріобрѣтая одного друга, должностное лицо пріобрѣтаетъ девять враговъ.

Разочарованный въ своей надеждѣ получить мѣсто, мелкій политиканъ рѣдко переходитъ изъ одной партіи въ другую, но почти неизмѣнно переходитъ изъ одной фракціи въ другую. Поэтому всякій крупный общественный дѣятель имѣетъ на рукахъ очень мудреную задачу, какъ при ограниченномъ числѣ вакансій удовлетворить огромное число предъявленныхъ къ нему требованій. Именно эта дилемма вызвала катастрофу въ Вашингтонѣ двадцать четыре года тому назадъ, когда президентъ Гарфильдъ палъ отъ руки Гито, одного изъ этихъ разочарованныхъ искателей тепленькихъ мѣстъ. Убійства и покушенія на убійство лицъ, стоящихъ у кормилъ правленія—конечно вполнѣ заурядное явленіе, но причина, вызвавшая убійство Гарфильда, является характернымъ симптомомъ особенностей политической жизни Соединенныхъ Штатовъ.

Убійство Гарфильда неудачникомъ бюрократомъ послужило могучимъ memento mori для всякаго крупнаго американскаго политикана и побудило его отказаться отъ значительной доли права назначенія.

Такимъ образомъ, соображенія личной безопасности заставили вліятельныхъ политикановъ согласиться на введеніе системы, которая значительно ограничила ихъ прерогативы въ дѣлѣ распредѣленія казенныхъ мѣстъ; эта система извѣстна подъ именемъ Civil Service System, названіе, впрочемъ, ничего не объясняющее, такъ какъ это только обозначаетъ систему гражданской службы.

Но если этотъ страхъ передъ местью неудачниковъ и оказалъ огромное вліяніе, то агитація за эту систему началась много лѣтъ раньше, такъ какъ настоящая необходимость реформы сдѣлалась очевидной для многихъ. Канцелярская работа не обѣщала лавровъ, и полная невозможность удержать мѣсто больше четырехъ, максимумъ восьми лѣтъ въ федеральной службѣ, или даже всего двухъ лѣтъ въ службѣ штата — отталкивала порядочные элементы отъ бюрократической работы. Въ департаментахъ Вашингтона собирались подонки общества—прихвостни политикановъ, люди убѣжденные, что ихъ мѣсто—награда за прежнія заслуги, и поэтому относившіяся къ своимъ обязанностямъ больше чѣмъ халатно. Въ департаментахъ царствовала распущенность и лѣнь, пренебреженіе къ обязанностямъ и полное отсутствіе дисциплины; какой нибудь канцелярскій чиновникъ относился съ пренебреженіемъ къ требованіямъ начальника, чувствуя за спиной защиту какого нибудь сенатора. Въ департаментахъ также появилась масса женщинъ, обязанныхъ своимъ назначеніемъ не политическимъ заслугамъ, а другимъ, болѣе интимного характера... Съ другой стороны полная невозможность получить казенное мѣсто помимо политическихъ связей возмущала народную массу. Перемѣна была необходима...

Мы не станемъ излагать здѣсь чрезвычайно сложнаго закона о «федеральной казенной службѣ», который къ тому же, многократно измѣнялся и дополнялся. Принципы его сравнительно просты. Государственныя должности распредѣляются не по произвольному выбору, а согласно конкурсному экзамену. Была создана спеціальная коммисія: «Civil S rvice Commissiy» (коммисія по гражданской службѣ), которая всецѣло руководитъ экзаменами и назначеніями. Кандидаты на государственную службу распредѣляются по спискамъ согласно ихъ отмѣткамъ на экзаменѣ, и когда открывается вакансія, то начальнику учрежденія, въ которомъ открылась вакансія—представляются имена трехъ кандидатовъ, стоящихъ во главѣ списка, и назначеніе должно быть дано одному изъ этихъ трехъ. Предполагается, что такимъ образомъ совершенно нейтрализируется вліяніе политическихъ факторовъ при назначеніи. Съ другой стороны, законъ до извѣстной степени гарантируетъ чиновнику его мѣсто, запрещая увольненіе по политическимъ соображеніямъ, и требуя, чтобы увольненіе совершалось лишь по основательнымъ причинамъ. Хотя законъ далеко не совершененъ въ этомъ отношеніи, фактъ тотъ, что увольненія изъ массовыхъ сдѣлались чрезвычайно рѣдкими, и хотя вообще въ «законѣ о гражданской службѣ» имѣется много лазеекъ, въ общемъ онъ представляетъ значительный прогрессъ.

Этотъ переходъ изъ системы политическихъ назначеній къ системѣ «признанія заслугъ» (merit system, какъ иногда обозначается новая система) былъ совершенъ не сразу. Съ англо-саксонской осторожностью система вводилась постепенно и почти незамѣтно, сначала въ одномъ департаментѣ, потомъ въ другомъ, пока не проникла во всѣ министерства. Такъ, по даннымъ спеціальнаго изслѣдованія *) изъ 271.169 казенныхъ мѣстъ, конкурсному экзамену

---

*) Bureau ote Census. Bulleten № 12 Lhe Executive Cill Service of the United States. Washington DC. стр. 9.

подлежало всего 124.133 или немного большее 45%. И даже изъ этого числа 38.264 лицъ удержали свои мѣста, при введеніи новаго законодательства, такъ что получившихъ назначеніе при помощи конкурснаго экзамена, имѣлось въ 1904 году 78.159 человѣкъ или около 29%. Но если вспомнить, что система существуетъ всего съ небольшимъ 20 лѣтъ—успѣхи ея значительны. Помимо этого большинство лицъ внѣ этой конкурсной системы—это мелкіе почтмейстеры въ городишкахъ и деревняхъ (около 75.000 человѣкъ) которые получаютъ крохотное жалованіе, и связываютъ свои почтмейстерскія обязанности съ коммерческою дѣятельностью, такъ какъ казенныя обязанности отнимаютъ часъ, много два времени. Эта работа едва можетъ быть названа государственной службой, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Создавъ постоянный классъ государственныхъ служащихъ, этотъ законъ впервые далъ американской республикѣ бюрократію. Но эта бюрократія чрезвычайно демократическая и смиренная; степень этой смиренности даже трудно себѣ представить русскому человѣку. Ежегодно дѣлаются тысячи назначеній на государственную службу (правда почти исключительно на мелкія должности) на основаніи экзаменовъ. Двери государственной службы поэтому широко открыты для всякаго, кто въ состояніи выдержать конкурсный экзаменъ. Демократическій характеръ системы подчеркивается еще и тѣмъ, что за исключеніемъ профессіональныхъ мѣстъ, требующихъ спеціальной подготовки (ихъ всего 7.000 на 150.000) для участія въ конкурсномъ экзаменѣ не требуются никакихъ дипломовъ и свидѣтельствъ—и доступъ поэтому открытъ всѣмъ получившимъ требуемое общее образованіе. Экзамены, въ общемъ, чрезвычайно не сложные, — такъ какъ проводится принципъ требовать лишь тѣ познанія, которыя практически необходимы при исполненій обязанностей. Поэтому, напр., отъ канцелярскихъ чиновниковъ требуетъ едва ли болѣе хорошей грамотности.

Все это выходитъ на бумагѣ чрезвычайно просто, но въ дѣйствительности проведеніе этихъ простыхъ принциповъ въ жизни сопровождалось большими затрудненіями, встрѣчало почти непреодолимыя препятствія. По мѣрѣ того, какъ распространялось дѣйствіе новой системы на новые департаменты, сенаторы, делегаты въ конгрессѣ и другіе крупные политиканы убѣждались, что быстро уменьшался крупный, ничего не стоившій имъ источникъ благодарности своимъ друзьямъ; и они боролись, и продолжаютъ бороться съ системой. Если же борьба эта остается безъ результатной, то это объясняется тѣмъ, что широкіе слои общества одобрили ее. Борьба эта принимаетъ очень интересную форму, Когда бюджетъ коммиссіи по гражданской службѣ обсуждается въ конгресѣ, то ежегодно почти происходитъ слѣдующее: при предварительномъ обсужденіи бюджета, когда голосованіе не именное, палата совершенно отвергаетъ ассигновку коммиссіи, находя ея дѣятельность вредной. При окончательномъ же голосованіи, которое происходитъ открыто, и при которомъ голосованіе каждаго заносится въ списки—члены конгресса боятся открыто заявить о своемъ антагонизмѣ системы «возданія по заслугамъ» и *единогласно* одобряютъ бюджетъ коммиссіи.

Совершенно однородную промблему пришлось разрѣшать правительствамъ

многихъ штатовъ и даже многихъ муниципалитетамъ. Административныя функціи штата, какъ такового, впрочемъ, очень ограничены. Зато муниципалитеты, несмотря на боязнь американца передъ расширеніемъ хозяйственныхъ предпріятій муниципальной власти, содержатъ огромную армію наемниковъ. Если и не всѣхъ ихъ можно причислить къ бюрократіи, т.-е. къ администраціи въ узкомъ смыслѣ этого слова, то всѣ назначенія представляютъ ту же промблему: попадетъ ли на мѣсто учителя, или учительницы, или даже полицейскаго, лицо компетентное, или же протеже какого нибудь мелкаго политикана гласнаго. Кто,—какъ пишущій эти строки, лѣтъ десять тому назадъ проходилъ мытарства, связанныя съ полученіемъ учительскаго мѣста, при помощи протекціи разныхъ трактирщиковъ—тотъ особенно ясно чувствуетъ преимущества новаго режима.

Въ Нью-Іоркѣ (штатѣ) существуетъ законъ Civil Service съ 1883 года, въ штатѣ Массачузетѣ съ 1884. До сихъ поръ это кажется единственные штаты, введшіе систему для распредѣленія мѣстъ по службѣ. Въ Иллинойсѣ съ 1885 г. и въ Висконсингѣ съ 1895 существуютъ законы о введеніи этой же системы въ городахъ. Помимо этого, въ огромномъ числѣ муниципалитетовъ, (имѣющихъ, какъ мы уже указали гораздо больше казенныхъ мѣстъ, чѣмъ штаты) введены были собственныя муниципальныя системы.

Къ этому числу принадлежатъ города Нью-Іоркъ, Дулутъ, Нью-Орлеансъ, Бостонъ, Вашингтонъ и многіе другіе. Конечно, въ нѣкоторыхъ городахъ или штатахъ законъ этотъ такъ составленъ, что является пустымъ звукомъ; но и въ нихъ и въ большинствѣ другихъ городовъ существуетъ движеніе въ пользу введенія или улучшенія этой системы. Опытъ съ системой этой достаточно выяснилъ, что bona fide законъ, если онъ имѣетъ необходимую форму и достаточно строгъ, не только значительно уменьшаетъ вліяніе политической машины на судьбы муниципалитета, но въ значительной степени улучшаетъ качество служебнаго персонала— и даетъ городу дѣйствительно энергичныхъ и скромныхъ работниковъ, вмѣсто бродягъ, ищущихъ лишь какъ бы поживиться на общественный счетъ.

Система «гражданской службы» существовала въ Соединенныхъ Штатахъ достаточно долго, чтобы оставить замѣтные слѣды на характерѣ американскаго чиновничества, и всего замѣтнѣе это вліяніе въ Вашингтонѣ, этомъ чисто чиновничьемъ городѣ, который при населеніи въ 3.000 человѣкъ имѣетъ почти 30.000 человѣкъ на государственной службѣ. По своему нравственному и умственному облику это—преимущественно копіи съ знаменитаго Акакія Акакіевича — скромные, безгласные, мало чѣмъ отличающіеся, напр., отъ банковыхъ служащихъ — и больше послѣднихъ даже боящіеся возможности потерять мѣсто И кто же сочтетъ бѣднаго Акакія Акакіевича зловреднымъ бюрократомъ, угрожающимъ прогрессу человѣчества. Американскій Акакій Акакіевичъ мечтаетъ о собственномъ домикѣ, съ акромъ земли, на которой онъ могъ бы сажать картошку, какъ его русскій прототипъ мечтаетъ о службѣ. Вліяніе бюрократической среды не прошло, конечно, совсѣмъ безслѣдно и для него. Онъ также вѣритъ въ аккуратность и проволочку, также консервативенъ и

большой патріотъ, рѣдко рѣшающійся высказаться противъ начальства. Къ несчастію вліяніе закона очень слабо, поскольку дѣло касается движенія по службѣ и въ потугахъ получить повышенія, или увеличеніе жалованія—онъ втихомолку занимается «политикой», т.-е., бѣжитъ къ своему конгрессмену или сенатору, если послѣдніе принадлежатъ къ господствующей въ настоящій моментъ партіи, съ тѣмъ, чтобы при помощи ихъ вліянія получить это повышеніе. Этимъ обыкновенно ограничивается его политическая дѣятельность.

Особенностью американской бюрократіи является равноправное положеніе въ ней женщинъ. Это вполнѣ подходитъ къ чисто механическому, неполитическому характеру работы бюрократіи. Женщины по закону получаютъ тѣ же оклады, что и мущины, но фактически, конечно, ихъ на болѣе крупныя должности не назначаютъ, такъ что 1.600 долларовъ обыкновенно являются предѣломъ женскаго жалованья. Какъ видно изъ приведенной въ началѣ статьи таблицы, болѣе 1.600 до 1.800 долл. получаютъ всего 110 женщинъ, и болѣе 1.800 долл. во всемъ Вашингтонѣ всего 17 человѣкъ.

Насколько ординарна и безцвѣтна жизнь американской бюрократіи, видно изъ того, что въ американской литературѣ она совершенно не фигурируетъ. Попробуйте себѣ представить русскую литературу безъ героевъ изъ чиновничества! Но для обличеній американское чиновничества не представляетъ достаточно матеріала, а, вообще, жизнь ея слишкомъ мелка и однообразна. Другое дѣло жизнь «политикановъ», избранниковъ народныхъ и т. д. Они борются за власть, иногда за деньги, рѣдко за общественные идеалы,—но, во всякомъ случаѣ, ихъ жизнь достаточно интересна и живописна, чтобы служить канвой для фантазіи беллетриста.

Чуть ли не первая попытка литературной обработки жизни средняго чиновничества сдѣлана въ одной Вашингтонской газетѣ, ибо Вашингтонъ, городъ чиновничества, par excellence, и здѣсь существуетъ интересъ къ этой темѣ. Въ сущности въ одномъ Нью-Іорскомъ муниципалитетѣ имѣется, вѣроятно, столько же служащихъ, сколько во всемъ Вашингтонѣ на федеральной службѣ,—но въ водоворотѣ Нью-Іорской жизни какихъ нибудь 30—40.000 служащихъ совершенно теряются, а въ Вашингтонѣ мелкое чиновничество задаетъ тонъ. И первый романъ изъ чиновничьей жизни, которымъ зачитывался весь Вашингтонъ—оказался просто ноющей жалобой неудачника, что онъ недобрался до степеней извѣстныхъ, какъ надѣялся, когда поступилъ на государственную службу.

III.

Изъ предыдущихъ страницъ не трудно представить себѣ картину американской бюрократіи,—состоящей изъ смиренныхъ, скромныхъ тружениковъ. Тѣмъ не менѣе и въ американской прессѣ часто встрѣчаются жалобы на не компетентность и подкупность бюрократіи; нерѣдки эти указанія и въ русской печати, въ особенности на столбцахъ охранительныхъ органовъ, которые рады подчеркнуть каждый такой случай продажности, и восклицаютъ: «Вотъ вамъ хваленая Америка, съ ея представительнымъ правленіемъ». И такъ какъ до самаго послѣдняго

времени о грѣхахъ русской бюрократіи нельзя было говорить, а обличать американскихъ «бюрократовъ» не возбранялось, то легко было представить очень мрачную картину американскихъ порядковъ. Не менѣе характерно однородное стремленіе американской охранительной печати подчеркивать крайнюю нечестность и продажность правительственныхъ группъ. Это русскимъ охранителямъ можетъ показаться чрезвычайно страннымъ, такъ какъ они привыкли думать, что защита бюрократіи главная обязанность охранителя.

Это недоразумѣніе очень легко объясняется тѣмъ, что въ каждой странѣ функція охранителя другая, что, конечно, зависитъ отъ экономической стадіи, въ которой находится страна. Въ Россіи эта обязанность — охранять бюрократію, въ Америкѣ — охранять капиталъ отъ поползновеній государственной или общественной власти. Поэтому на каждой проектъ такого общественнаго контроля, если онъ строго слѣдуетъ примѣру европейскихъ странъ, американецъ охранительнаго лагеря, отвѣчаетъ non possumus и «принципомъ»: «Что нѣмцу здорово, то американцу смерть». Этотъ національный новинизммъ, эта аппеляція къ національнымъ особенностямъ, особенно странна въ такомъ этнологическомъ конгломератѣ, который представляетъ «американскій народъ». Въ Германіи, въ Англіи и во всѣхъ почти европейскихъ странахъ возможно введеніе и расширеніе муниципальнаго и національнаго хозяйства, а въ Америкѣ, населенной выходцами изъ этихъ же странъ, всякое предложеніе такого расширенія встрѣчается аргументомъ, «нашимъ чиновникамъ нельзя довѣрять такого дѣла. Они нечестны и неспособны. Наши чиновники хуже чиновниковъ европейскихъ».

Такимъ образомъ оказывается, повидимому, что въ самой демократической странѣ въ мірѣ нравственная испорченность бюрократіи такова, что является непреодолимымъ препятствіемъ къ введенію необходимыхъ реформъ. Естественно, возникаютъ слѣдующіе вопросы, отвѣты на которые имѣютъ практическое значеніе и не для одной Америки.

Справедливо ли это обвиненіе?

Гдѣ причины этой испорченности?

Гдѣ средство борьбы съ ней?

Въ американской бюрократіи бываютъ, несомнѣнно, случаи злоупотребленій и подкупа. Гдѣ можно найти группу въ 100—200 тысячъ человѣкъ, среди которыхъ не оказалось бы нечестныхъ людей? Но аргументъ охранительной американской прессы, противъ разумности предоставленія государственной власти, а слѣдовательно ея органу,—бюрократіи какихъ-нибудь новыхъ экономическихъ функцій—аргументъ этотъ предполагаетъ нѣчто болѣе, чѣмъ простую нечестность; а именно,—онъ громогласно заявляетъ, что въ бюрократической средѣ болѣе продажности, чѣмъ въ частной торгово-промышленной средѣ. Ergo, отсюда, неизбѣженъ выводъ, что на государственную службу поступаютъ худшіе слои общества.

Вопросъ, поэтому, сводится къ методу назначенія на государственную службу, въ которомъ, какъ мы видѣли, въ послѣдніе 15—20 лѣтъ въ федеральной службѣ, по крайней мѣрѣ, введены значительныя улучшенія. По мѣрѣ того,

какъ распространялась Civil Service System, все больше и больше подымался умственный и нравственный уровень служебнаго люда. Злоупотребленія и простыя кражи бываютъ и теперь. Но, какъ не могло не броситься въ глаза всякому читающему американскія газеты, злоупотребленія эти, гораздо болѣе часты въ муниципальномъ, чѣмъ въ національномъ хозяйствѣ, и въ первомъ ограниченія Civicil Service еще очень слабы. Правда, въ послѣдніе годы были раскрыты нѣкоторыя злоупотребленія по подрядамъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, въ вѣдомствѣ государственныхъ земель, и т. д. Но, во-первыхъ, это были все очень мелкія злоупотребленія, въ сравненіи съ тѣми, какія попадаются, хотя бы въ американскихъ акціонерныхъ обществахъ. Во-вторыхъ, чрезвычайно важно обстоятельство, отмѣченное коммиссіей завѣдующей гражданской службы (Civil Service Commissions), что, напримѣръ, въ крупномъ почтовомъ скандалѣ 1903 года, въ которомъ замѣшаны были десятки людей, — не оказалось ни одного человѣка изъ назначенныхъ по конкурсному экзамену, т. е. по личнымъ заслугамъ. Все это были старые «политическіе» служащіе.

Наконецъ, каждое раскрытое злоупотребленіе на государственной службѣ, становится достояніемъ широкой гласности — (какъ оно, конечно, и должно быть) и комментируется, а злоупотребленія въ частныхъ или акціонерныхъ предпріятіяхъ рѣдко когда доходятъ до суда общественнаго мнѣнія. Просимъ читателя не забывать, что мы говоримъ положеніи дѣлъ въ *Соединенныхъ Штатахъ*. Въ Россіи дѣла, можетъ быть, обстоятъ какъ разъ наоборотъ. Разница легко объясняется разницей въ *источникахъ власти* въ обѣихъ странахъ. Пресса, служащая интересамъ не бюрократіи, а капитала— раздуваетъ первыя злоупотребленія, и замалчиваетъ послѣднія. Приведемъ одинъ лишь, характерный примѣръ.

Весной текущаго года обнаружены были возмутительныя злоупотребленія въ американскомъ страховомъ обществѣ «Эквитебль». Полнымъ хозяиномъ этого общества являлся нѣкій Джэмсъ Гайдъ, владѣющій 502 изъ 1.000 акцій общества, — въ которомъ застраховано 600.000 человѣкъ, и которое собрало капиталъ въ 500.000.000 долларовъ. И вотъ г. Гайдъ, выбирающій почти всѣхъ директоровъ, съумѣлъ назначить себѣ жалованіе въ 125.000 долл. въ годъ. Недовольствуясь этимъ, онъ ежегодно заставлялъ общество уплачивать по своимъ счетамъ за балы и поѣздки по 20, 30 тысячъ долларовъ, выдавалъ своимъ личнымъ служащимъ жалованье изъ казначейства страхового общества, перепродавалъ обществу разныя акціи по повышенной цѣнѣ, и заставлялъ общество дѣлать гигантскіе вклады въ банки, въ которыхъ былъ лично заинтересованъ — и пр. и пр. Благодаря ссорѣ Гайда съ президентомъ общества всѣ эти и многіе другіе факты выплыли наружу, горячо обсуждались, и привели къ тому, что публика начала говорить о необходимости государственнаго контроля надъ страховымъ дѣломъ, а болѣе радикальные люди стали доказывать даже цѣлесообразность перехода страхового дѣла въ руки государства, тѣмъ болѣе что возникъ вопросъ, кому принадлежитъ накопившійся въ «Эквитеблѣ», излишекъ въ 80.000.000 долл. застрахованнымъ или акціонерамъ общества.

Одновременно съ этимъ скандаломъ въ Вашингтонѣ открыто было злоупо-

требленіе казенными фондами въ извѣстномъ Смитсоновскомъ Институтѣ. Казначей института, 30 лѣтъ сидѣвшій на своемъ мѣстѣ, и пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ оказался воромъ. Онъ кралъ 15 лѣтъ подъ рядъ, поддѣлывалъ чеки, и книги, и благодаря именно этому довѣрію, кража была открыта лишь теперь. Въ теченіе 15 лѣтъ, казначей успѣлъ присвоить себѣ 45.000 долларовъ.

И вотъ, указывая на этого несчастнаго мелкаго воришку, и какъ бы забывая о гигантскихъ заимствованіяхъ изъ кассы «Эквитебля»—американская пресса завопила: «Вотъ видите, каковы наши чиновники. И имъ хотите вы довѣрить такое крупное дѣло, какъ страхованіе жизни»!

Въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ въ американской литературѣ появилась новая, обличительная тенденція. Сначала она пользовалась лишь матеріаломъ изъ политической жизни, но потомъ перешла и къ изслѣдованію частныхъ торгово-промышленныхъ отношеній. Благодаря этой тенденціи въ литературѣ, получилась яркая картина того обмана, и массовой продажности, которые существуютъ напр., въ акціонерныхъ обществахъ «въ крупныхъ торговыхъ учрежденіяхъ и т. д. и т. д. Миѳъ о честности торгово-промышленныхъ отношеній въ Америкѣ исчезъ. И въ сравненіи съ этимъ классомъ, — новая федеральная бюрократія оказалось «честной».

Менѣе чистой оказывается репутація муниципальнаго управленія. И здѣсь, однако, крупнѣйшія злоупотребленія—какъ, напр., раздача концессій на чрезвычайно невыгодныхъ для города условіяхъ — совершаются не бюрократіей въ узкомъ смыслѣ этого слова, а, такъ наз., «политической машиной», т. е. организаціей внутри партіи, которая умѣетъ въ свои руки захватить власть и надъ партіей и надъ всѣмъ муниципалитетомъ. Но и здѣсь однимъ изъ главныхъ орудій машины является власть ея надъ мелкой сошкой—«бюрократіей». Имѣя въ своихъ рукахъ право назначенія на тысячи мѣстъ (полицейскіе, пожарные, учителя и т. д. и т. д.) и право удаленія со службы, машина дѣлаетъ рабами не только всѣхъ состоящихъ на службѣ, но и всѣхъ, которые хотятъ, даже въ далекомъ будущемъ, попасть на государственную службу. Боязнь вызвать ненависть и месть «машины» заглушаетъ поэтому протесты гражданъ. Съ другой стороны, будучи крайними партизанами, сторонниками машины, служащіе пользуются правомъ мелкихъ злоупотребленій и вымоганій— «Рука руку моетъ».

Такое положеніе вещей существуетъ въ болѣе или менѣе интенсивной формѣ, можетъ быть, во всѣхъ крупныхъ американскихъ городахъ. Но наиболѣе характернымъ въ настоящій моментъ является положеніе дѣлъ въ Филадельфіи. Власть республиканской машины была такъ сильна, что даже учительницей нельзя сдѣлаться безъ ея согласія, и политическія связи родственниковъ цѣнятся больше, чѣмъ педагогическая репутація.

Въ Филадельфіи, весною этого года, разыгралась интересная борьба между «машиной» и населеніемъ города. «Машина» пыталась провести черезъ городскую думу чрезвычайно невыгодный для города контрактъ на доставку газа всему городу на 80 лѣтъ. Убытки для города и населенія отъ этого конт-

ракта вычислялись въ сотни милліоновъ долларовъ. Но почти всѣ гласные думы были рабами «машины». Мэръ оказался на сторонѣ публики, но дума могла провести мѣру и черезъ veto мэра. Тогда мэръ прибѣгнулъ къ слѣдующей радикальной мѣрѣ — онъ уволилъ двухъ людей, занимавшихъ крупныя должности по городскому управленію,—завѣдующаго полиціей и завѣдующаго общественными работами.—Оба эти чиновника были членами «машины». При ихъ помощи «машина» держала въ своихъ рукахъ тысячи назначеній—и съ ихъ увольненіемъ власть ихъ падала. Когда «машина» убѣдилась, что мэръ намѣренъ продолжать свой планъ, и, такимъ образомъ, уничтожить власть машины надъ городскими служащими и надъ распредѣленіемъ городскихъ мѣстъ— «машина» сдалась и контрактъ не былъ заключенъ.

Мы привели эти немногіе примѣры, чтобы отвѣтить на первые два вопроса.

Во первыхъ, испорченность американской бюрократіи значительно преувеличена. Во вторыхъ, причиной продажности и подкупа является методъ подбора общественныхъ и государственныхъ служащихъ и связь «бюрократіи» съ политической организаціей. Мы опять вернулись, слѣдовательно, къ старому положенію что помимо личныхъ свойствъ отдѣльныхъ чиновниковъ — *главной причиной коррупціи бюрократіи является связь ея съ источникомъ власти.*

Отсюда ясно вытекаетъ отвѣтъ на третій вопросъ, какъ бороться съ этой продажностью. Нужно расторгнуть эту связь между бюрократіей и источникомъ власти. Несомнѣнно, что въ самомъ раздѣленіи трехъ функцій правительства, типичномъ для всего американскаго строя, т. е., законодательной, судебной и исполнительной функцій—видно стремленіе къ этой же цѣли. Но авторы конституціи не могли предвидѣть тѣхъ сложныхъ отношеній, какія возникли много лѣтъ спустя. И тотъ пунктъ въ конституціи, который представляетъ президенту право дѣлать всѣ назначенія — крѣпко установилъ эту вредную связь. Подобная же связь находится въ конституціяхъ всѣхъ отдѣльныхъ штатовъ и хартіяхъ отдѣльныхъ городовъ.

Civil service system—единственное пока средство расторгнуть ее. При совершенной системѣ этого рода является возможность служить дѣлу, а не начальнику—странѣ, или муниципалитету, а не партіи или «машинѣ». Такой абсолютно совершенной системы до сихъ поръ нигдѣ еще не существуетъ въ Америкѣ. Политическія связи до сихъ поръ еще очень помогаютъ карабкаться по бюрократической лѣстницѣ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что благодаря лишь этой системѣ появилась возможность государственной службы для людей, не принадлежащихъ къ партіи, или фракціи партіи, находящейся въ силѣ.

Дальнѣйшее разрѣшеніе вопроса, поэтому лишь въ дальнѣйшемъ расширеніи Civil Service System. Обезвреженіе—бюрократа въ уничтоженіи его политической власти. Однако, и въ стремленіи къ этой цѣли можно пойти по ложному пути. Уничтоженію подлежитъ политическая сила бюрократа, какъ бюрократа. Въ чрезмѣрномъ усердіи борцы за civil service дошли до того, что стали уничтожать политическую силу бюрократа, какъ гражданина.

Эта тенденція замѣчается, пока исключительно на федеральной государственной службѣ. Ничто такъ не подчеркиваетъ презрѣнія американскаго политикана къ его бюрократіи, какъ именно эти ограниченія политической самостоятельности бюрократа. Въ стремленіи уничтожить его политическую силу—почти что уничтожили его политическую свободу. Рядомъ циркуляровъ президентъ Рузвельтъ запретилъ чинамъ администраціи участвовать, и въ особенности занимать какія нибудь важныя мѣста въ политическихъ организаціяхъ, запретилъ публичное обсужденіе политическихъ вопросовъ. Изъ всѣхъ политическихъ прерогативъ американскаго гражданина федеральному чиновнику осталась лишь одно—право голоса при выборахъ. И вотъ извѣстный англійскій историкъ и публицистъ Джемсъ Брайсъ, посѣтивъ въ прошломъ году Соединенные Штаты, прочелъ докладъ передъ всемірнымъ конгрессомъ наукъ и искусства въ С.-Луи, причемъ выступилъ въ пользу Civil Service, настаивалъ на полномъ обезвреженіи бюрократіи, и лишеніи бюрократовъ права голоса. При расширеніи экономическихъ функцій государства, неизбѣжномъ даже въ Америкѣ—число государственныхъ и муниципальныхъ наемниковъ быстро растетъ, и учрежденіе класса безголосыхъ государственныхъ рабовъ наврядъ ли является демократической мѣрой.

Да и присматриваясь къ положенію американской бюрократіи, трудно согласиться съ необходимостью такой мѣры. Какъ весь демократическій строй сдѣлалъ невозможной широкую власть бюрократіи, такъ система Civil service, уничтожая послѣднюю связь бюрократіи съ источникомъ власти—совершенно обезвреживаетъ бюрократію, и предупреждаетъ даже какія либо крупныя злоупотребленія, такъ какъ уничтожается всякое основаніе для защиты и покровительства бюрократіи источникомъ власти.

Но все же для бюрократіи остается широкое поле для злоупотребленій въ общественныхъ и національныхъ дѣлахъ. Сами избранники народа въ Соединенныхъ Штатахъ далеко не всегда остаются на высотѣ своего положенія. Но для борьбы съ этими злоупотребленіями американскій народъ имѣетъ въ своихъ рукахъ всѣ необходимыя средства, и если не всѣ эти злоупотребленія уничтожены, то американскій народъ можетъ винить только самаго себя.

Eternal vigilance is the price of liberty. Вѣчное бдѣніе — цѣна свободы,—гласитъ прекрасная американская поговорка. И поскольку американская публика впадаетъ въ политическую неряшливость и беззаботность—она дорого платится за это, ибо коршуны вѣчно ждутъ, не дождутся удобнаго момента. Въ продажности американскихъ «лучшихъ избранныхъ людей»—полезный урокъ для болѣе молодыхъ народовъ, собирающихся вступить на путь демократическаго самоуправленія.

Eternale vigilance — вѣчное бдѣніе, личное гражданское мужество—единственное средство не только завоевать фактическую политическую свободу, но и сохранить ее.

IV.

Да проститъ мнѣ читатель смѣлую попытку примѣнить выводы, вытекающіе изъ предыдущихъ страницъ къ политическимъ вопросамъ русской дѣйствительности, которая, отдаленная тысячами верстъ и 15-ю годами отсутствія, знакома мнѣ лишь по наслышкѣ. Мнѣ кажется однако, что огромная разница въ политическихъ формахъ Соединенныхъ Штатахъ и Россіи въ ближайшемъ будущемъ значительно уменьшится, и въ Россіи должны возникнуть политическіе вопросы, съ которыми сжились уже Соединенные Штаты. Наивно было бы предполагать, что одинъ созывъ собранія избранныхъ представителей совершенно и навсегда покончитъ съ властью бюрократіи. Все русское общество сходится въ убѣжденіи, что, помимо осуществленія представительнаго учрежденія, насущной необходимостью является отвѣтственность бюрократіи, именно передъ этимъ учрежденіемъ. А такая отвѣтственность должна будетъ раньше или позже выразиться въ правѣ назначенія. Министры зависятъ отъ государственной думы — бюрократія зависитъ отъ министровъ — слѣдовательно бюрократія зависитъ отъ государственной думы:—таковъ идеалъ къ которому будетъ стремиться русская политическая мысль.

Осуществленіе этого идеала будетъ грандіозной побѣдой. Однако же бюрократія можетъ, хотя бы и въ нѣсколько измѣненной формѣ пережить и эту побѣду, и будетъ стремиться приспособиться къ новому порядку вещей, прилѣпившись къ одной изъ крупныхъ политическихъ партій, которыя находятся теперь въ процессѣ формованія. Крайнимъ оптимизмомъ было бы предполагать, что русскій парламентъ съ перваго дня своего существованія приметъ радикальную окраску. Уже теперь замѣчается лучшая организація консервативныхъ и умѣренныхъ направленій. Союзъ этихъ организацій правой съ бюрократіей можетъ не только гарантировать существованіе послѣдней, но и въ значительной степени укрѣпить ея власть и силу. Поэтому раньше или позже вопросъ о расторженіи незаконной связи парламентскихъ политическихъ партій съ бюрократіей долженъ будетъ возникнуть и въ Россіи, и принципъ безпартійнаго Civil Service долженъ будетъ одержать верхъ и въ Россіи.

Съ другой стороны, вопросъ о методѣ опредѣленія на государственную и общественную службу долженъ обостриться и по другимъ, болѣе практическимъ соображеніямъ. Какъ ни враждебно настроено русское общество къ высшей бюрократіи, оно сознаетъ, что огромная масса служебнаго люда состоитъ изъ людей, подвергающихся страшной эксплуатаціи. Едва ли можно сомнѣваться, что улучшеніе жалованья мелкимъ чиновникамъ будетъ однимъ изъ первыхъ актовъ русскаго парламента. Съ такимъ увеличеніемъ окладовъ, стремленіе русскаго человѣка на государственную службу еще болѣе увеличится. Теперь русскій человѣкъ такъ сжился съ тѣмъ, что казенныя мѣста раздаются сообразно съ вліяніемъ различныхъ дядюшекъ и тетушекъ въ Петербургѣ, что едва ли какому разночинцу приходитъ въ голову жаловаться на такой «нормальный» порядокъ вещей. Помимо этого значительная часть русской интеллигенціи

принципіально держится въ сторонѣ отъ государственной службы, хотя охотно идетъ на службу къ мѣстнымъ органамъ самоуправленія.

Въ конституціонномъ государствѣ эти традиціонные взгляды и предразсудки не могутъ долго существовать. Съ одной стороны, должно будетъ въ значительной степени исчезнуть предубѣжденіе противъ государственной службы. Съ другой—самый фактъ общественной (земской и т. д.) службы не будетъ считаться актомъ неблагонадежности, какъ таковой. Несомнѣнно, что «карьеристы» устремятся съ увеличенный энергіей и въ общественную, городскую, земскую службу.

Какъ ни прискорбно это, мы должны отмѣтить наше убѣжденіе, что «graft» (какъ американское общество называетъ всякое пользованіе политической властью для личныхъ цѣлей) не составляетъ привиллегіи бюрократіи, а сопровождаетъ и партійный образъ правленія. Однимъ изъ главныхъ проявленій graft'а, и въ то же время однимъ изъ лучшихъ орудій graft'а является замѣненіе бюрократическихъ мѣстъ партизанами. Здѣсь опять таки заблаговременное учрежденіе системы Civil Sevice создаетъ безпартійную бюрократію и откроетъ право государственной службы всякому квалифицированному лицу. Опять таки, только безпартійную и безвредную въ политическомъ отношеніи бюрократію можно будетъ превратить изъ бездѣльниковъ въ работниковъ—и эта метаморфоза сбережетъ обнищавшей Россіи многіе милліоны.

Все это вѣрно относительно не только центральной, но и мѣстной бюрократіи, земской и муниципальной. Употребляя этотъ терминъ, мы не думаемъ непочтительно отзываться о честныхъ идейныхъ труженикахъ, дѣлающихъ въ настоящее время земское и муниципальное дѣло. Но едва ли можно усомниться, что партизанская борьба внесетъ и въ земство и муниципалитеты болѣе практическую струю. Съ расширеніемъ функцій самоуправленія и съ узаконеніемъ партійныхъ организацій, въ мѣстномъ самоуправленіи партійныя страсти будутъ даже болѣе обострены, чѣмъ въ центрѣ. Современныя земскія партіи—основанныя на родствѣ и кумовствѣ,—канутъ въ вѣчность. На ихъ мѣсто появятся партіи, опирающіяся на осязательные классовые, экономическіе интересы. Назначеніе «своихъ людей» на всѣ должности пріобрѣтетъ весьма важное значеніе. Можетъ появиться стремленіе избирать статистиковъ, врачей, агрономовъ не компетентныхъ,—а угодливыхъ. И здѣсь поэтому необходима будетъ бюрократія безпартійная и компетентная, и единственное средство остается та же Civil Service. Наконецъ, только при помощи такой системы возможно будетъ провести въ жизнь право всякаго человѣка на государственную службу.

Можно, конечно, возразить, что всѣ эти соображенія преждевременны. Тѣмъ не менѣе, «человѣкъ предупрежденный есть человѣкъ вооруженный», гласитъ американская поговорка. И познакомившись съ тѣмъ вредомъ, который Америкѣ нанесла партійная бюрократія, и съ тѣми средствами, которыми Америка сумѣла побороть это зло, демократическая Россія сумѣетъ заблаговременно разрѣшить многія досадныя затрудненія.

И. Рубиновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Учрежденіе Государственной Думы. II. Хроника.

Съ томительнымъ и страстнымъ нетерпѣніемъ ожидала Россія опубликованія закона объ учрежденіи государственной думы. Въ напряженномъ стремленіи воплотить въ жизнь глубокій и великій смыслъ этого акта, общественная мысль недооцѣнивала и часто совсѣмъ не взвѣшивала конкретныхъ условій, въ которыхъ вырабатывался законъ, долженствующій явиться основою новаго порядка. Безъ сомнѣнія, многочисленныя резолюціи либерально демократическихъ собраній неоднократно заявляли о необходимыхъ формахъ и гарантіяхъ народнаго представительства. Но... резолюціи оставались резолюціями; демократія и не могла и не обнаруживала склонности опереться на какую либо опредѣленную силу и принять какую либо опредѣленную тактику. Надежды на соглашеніе стараго съ новымъ, на тихое и благополучное разрѣшеніе вѣкового спора неистребимо жили въ либерально-демократической душѣ. Появленіе въ печати предварительныхъ свѣдѣній о законопроектѣ гофмейстера Булыгина въ значительной степени поколебало эти надежды, тѣмъ болѣе, что распространенные слухи говорили о продолжительномъ замедленіи въ обнародованіи закона. Въ этотъ моментъ мучительныхъ сомнѣній либерально-демократическая партія вспомнила, наконецъ,—о народѣ, о необходимости не только его сочувствія, но и содѣйствія во всякой рѣшающей перемѣнѣ въ строѣ народно-государственной жизни. Но и здѣсь пресловутое «обращеніе къ народу» было ослаблено различными недомолвками, дополненіями и оговорками, за которыми скрывалась обычная надежда на компромиссъ, на доброе соглашеніе.

При такомъ оптимистическомъ довѣріи къ «силѣ общественнаго мнѣнія», опубликованное учрежденіе государственной думы оказалось, несмотря на предварительныя извѣстія о содержаніи законопроекта, неожиданностью для либерально-демократической мысли. Первыя статьи нашихъ радикальныхъ газетъ обнаружили только одно: полную растерянность, растерянность настолько сильную, что черезъ нѣсколько дней «Сыну Отечества», получившему, послѣ первыхъ своихъ статей, весьма выразительныя письма въ редакцію, пришлось, для собственнаго спасенія, очень сердито, но, конечно, очень несправедливо обвинить протестантовъ въ непониманіи «цензурнаго» языка. Съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, радикальная пресса старалась доказать, что актъ 6 августа имѣетъ важное политическое значеніе,—словно кто нибудь въ этомъ сомнѣвался! И, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одна газета не могла скрыть разочарованія, ясно показывая, что либерально-демократическіе круги питали вѣру въ возможность появленія чего-то иного.

Колеблющееся настроеніе, однако, не могло долго держаться. Внимательное изученіе русской «конституціи», какъ предлагалъ называть г. Суворинъ законъ о государственной думѣ, усиливало чувство неудовлетворенности даже въ наиболѣе умѣренныхъ представителяхъ либерально-демократическихъ мнѣній. Это чувство неудовлетворенности, принявшее сейчасъ, несомнѣнно, широкіе

размѣры, обусловливается вовсе не цензовою системою выборовъ. Русская буржуазія, какъ и буржуазія европейская, далеко не принадлежитъ къ фанатическимъ сторонникамъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Она охотно примирилась бы съ системою цензоваго представительства. Недаромъ, вліятельный гласный петербургской думы, врачъ Оппенгеймъ, доказывалъ на совѣщаніи петербургскихъ городскихъ гласныхъ, что «главное достоинство положенія именно въ томъ и заключается, что отъ представительства отстраненъ рабочій классъ, а также малоимущіе и населеніе со среднимъ достаткомъ,» и предлагалъ поэтому своимъ товарищамъ «выразить чувства особой радости, овладѣвшей петербургскимъ общественнымъ управленіемъ при ознакомленіи съ положеніемъ» *).

Такихъ гг. Оппенгеймовъ, хорошо пристроившихся у общественнаго пирога, найдется достаточно и за предѣлами Петербурга.

Большее значеніе въ наблюдаемомъ повсюду чувствѣ неудовлетворенности имѣетъ законосовѣщательный характеръ будущей государственной думы. Какіе бы классовые интересы ни защищали имущія группы населенія, эта защита можетъ принести желательные результаты только тогда, когда представительныя учрежденія обладаютъ дѣйствительною властью. Но и эта особенность акта 6 августа не играетъ рѣшающей роли. Либеральная демократія примирилась бы съ законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, какъ съ первымъ шагомъ, разсчитывая при благопріятныхъ условіяхъ и въ удобный моментъ расширить его функціи, сохраняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, его цензовый характеръ.

Главной причиною почти всеобщей неудовлетворенности актомъ 6 августа является, по всѣмъ признакамъ, отсутствіе какихъ-либо гарантій правъ человѣка и гражданина, гарантій, безъ которыхъ даже самая возможность политическихъ выборовъ вызываетъ недоумѣнные вопросы.

Въ московское, напримѣръ, дворянское депутатское собраніе поступило заявленіе отъ Н. А. Андреева, который предлагаетъ дворянскому собранію выяснить рядъ вопросовъ, связанныхъ съ предвыборной общественной дѣятельностью и требующихъ немедленнаго разрѣшенія: 1) имѣютъ ли право избиратели оффиціально группироваться въ политическія партіи; 2) распространяется ли запрещеніе общественнаго обсужденія государственныхъ вопросовъ и на собранія, созванныя въ цѣляхъ производства выборовъ народныхъ представителей; 3) предоставляется ли желающимъ право ознакомленія сельскаго населенія съ сущностью дарованной реформы; 4) не будетъ ли считаться наказуемой раздача избирателямъ текста Высочайшаго манифеста и проч. **).

Эти вопросы возникаютъ тѣмъ болѣе естественно, что, вмѣстѣ съ обнародованіемъ учрежденія государственной думы, отмѣнено дѣйствіе рескрипта 18 февраля, хотя и непризнававшагося администраціей, но бывшаго формальнымъ основаніемъ при устройствѣ собраній для обсужденія вопросовъ объ улучшеніи государственнаго порядка. Между тѣмъ, свобода выборовъ является

*) „Сынъ Отеч.“, 11 августа.

**) „Веч. Почта“, 12 августа.

настоятельною потребностью каждой общественной группы, которая сознаетъ свои интересы. Только свобода агитаціи обезпечиваетъ цѣлесообразный выборъ представителя, только свобода слова, собраній и неприкосновенность личности открываютъ возможность прочныхъ и широкихъ политическихъ группировокъ, способныхъ осуществлять поставленныя задачи.

Но въ переживаемый моментъ такія выраженія, какъ свобода агитаціи, даже звучатъ странно и дико. Усиленная охрана, военное положеніе, дѣйствующія правила о цензурѣ и печати—все это такъ далеко отъ самыхъ минимальныхъ предварительныхъ условій политическихъ выборовъ, что воображеніе отказывается представить картину близкой избирательной кампаніи.

Передъ глазами назойливо рисуется вмѣсто избранія полноправныхъ избирателей, обычное русское зрѣлище: кучка людей, сошедшихся со всевозможными предосторожностями и нервно прислушивающихся къ каждому звонку. Административная практика послѣднихъ дней отнюдь не разсѣиваетъ самыхъ мрачныхъ опасеній.

«Какихъ представителей, — спрашиваютъ «Русск. Вѣдомости»,—можетъ послать въ Думу населеніе, если наканунѣ выборовъ административной высылкѣ подвергается такой извѣстный консервативный дѣятель, какъ професоръ Ярошенко, первый ректоръ новороссійскаго университета по уставу 1884 года, если на другой день по обнародованіи манифеста объ учрежденіи государственной Думы подвергаются аресту въ качествѣ государственныхъ преступниковъ, заслуживающихъ ссылки на каторгу, такіе умѣренные и лояльные люди, какъ профессора Брандтъ, Гордѣенко и Милюковъ или докторъ Святловскій?» *).

Въ то же время земскіе и другіе провинціальные законодатели конфискуютъ рѣчи на Высочайшемъ пріемѣ земской депутаціи и брошюры, дозволенныя цензурой. «Слуги реакціи,—говорилъ Лассаль 43 года тому назадъ,— не краснобаи, какими часто бываютъ слуги народа. Это люди практическіе», и они не останавливаются передъ средствами. Но именно эти люди будутъ проводить выборы. По ст. 23 Учрежденія Госуд. Думы «общій надзоръ за правильнымъ производствомъ выборовъ возлагается подъ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ на губернаторовъ и градоначальниковъ по принадлежности. Имъ предоставляется требовать отъ подлежащихъ мѣстъ и лицъ свѣдѣнія о ходѣ и порядкѣ выборовъ, а равно обозрѣвать выборныя производства и давать указанія къ обезпеченію правильнаго хода выборовъ». Если даже на Западѣ, при высокомъ уровнѣ гражданскаго самосознанія и политической организованности народныхъ массъ, администрація широко пользуется своими полномочіями для ограниченія свободы выборовъ, то, при русскихъ историческихъ и бытовыхъ условіяхъ, выборы легко могутъ обратиться въ безплодную фикцію, тѣмъ болѣе, что «Учрежденіе» не указываетъ никакихъ путей къ устраненію разрозненности и дезорганизованности избирателей.

Законъ не предусматриваетъ никакихъ предварительныхъ собраній для губернскихъ и сельскихъ избирателей. Только для городскихъ избирательныхъ

*) „Русск. Вѣд“, 13 августа, № 217.

собраній особыми правилами устанавливается возможность предвыборной агитаціи, но и то въ самыхъ узкихъ и тѣсныхъ рамкахъ. Ст. 1 «правилъ» предоставляетъ городскимъ избирателямъ «*въ теченіе мѣсяца* до срока, назначеннаго для выборовъ, образовывать для совѣщанія о лицахъ, достойныхъ быть избранными, особыя подготовительныя собранія. О времени и мѣстѣ такихъ собраній избиратели заявляютъ начальнику мѣстной полиціи, который можетъ назначить, для присутствованія въ собраніи, одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ». На этихъ подготовительныхъ собраніяхъ, согласно ст. 2, могутъ присутствовать лишь избиратели даннаго избирательнаго участка. По требованію представителя полиціи собраніе должно быть немедленно закрыто». Но чѣмъ можетъ быть вызвано полицейское требованіе о закрытіи собранія, если даже не говорить о нежелательности самой возможности такихъ требованій? Казалось бы, что здѣсь необходимы самыя ясныя и точныя указанія. Но «правила» не говорятъ объ этомъ ничего и предоставляютъ полный просторъ произволу полицейскихъ чиновъ.

При данныхъ условіяхъ, когда ни свобода слова, ни неприкосновенность личности не обезпечены, политическіе выборы даже для самыхъ умѣренныхъ и лояльныхъ умовъ кажутся, по справедливому замѣчанію «Русск. Вѣдом.», немыслимыми. Опасности политическаго выступленія въ атмосферѣ усиленной охраны, военнаго положенія и черносотенныхъ погромовъ настолько велики, что переводятъ въ число неудовлетворенныхъ государственною думою и тѣхъ, кто съ легкой душой принялъ бы цензовую систему выборовъ и, скрѣпя сердце, временно примирился бы съ законосовѣщательнымъ характеромъ установленнаго представительства. Между тѣмъ, въ чертѣ того заколдованнаго круга, въ которомъ мы, очевидно, находимся, нѣтъ основаній ожидать, что политическая атмосфера сколько-нибудь существенно измѣнится въ теченіе ближайшаго будущаго. Это обостреніе и безъ того острыхъ угловъ сулитъ новыя и чреватыя послѣдствіями комбинаціи общественныхъ силъ.

* * *

Отсутствіе гарантій правъ человѣка и гражданина въ «Учрежденіи Госуд. Думы» является только наиболѣе общедоступнымъ, почти инстинктивно всѣмъ ощущаемымъ недочетомъ новаго законодательнаго акта. Но онъ не отвѣчаетъ и многимъ другимъ пожеланіямъ, формулированнымъ въ послѣднее время представителями различныхъ классовъ россійскаго населенія. Всѣ прогрессивныя, употребляя самое общее выраженіе, партіи высказывались за замѣну бюрократическаго строя народнымъ представительствомъ. Актъ 6 августа ставитъ совершенно иную задачу будущей Думѣ. Въ соображеніяхъ министра внутреннихъ дѣлъ о размѣрахъ имущественнаго ценза г. Булыгинъ съ достаточною опредѣленностью формулировалъ идею, положенную министерствомъ въ основу разработаннаго имъ проэкта. Обсуждая возможныя возраженія относительно несоразмѣрности цензовыхъ нормъ въ различныхъ избирательныхъ разрядахъ и признавая фактическую основательность этихъ возраженій, министръ, однако, замѣчаетъ, что «несоразмѣрность не можетъ имѣть существеннаго значенія уже потому, что задачей предстоящаго преобразованія является не установленіе

представительства населенія, при которомъ должны быть точно соразмѣряемы права отдѣльныхъ владѣльцевъ на участіе въ выборахъ, а избраніе имъ для содѣйствія правительству лучшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ людей».

Эта точка зрѣнія первоначальнаго проекта сохранилась и въ окончательномъ законѣ. Актъ 6-го августа не устанавливаетъ въ Россіи народнаго представительства въ современномъ европейскомъ значеніи этого понятія. Согласно статьѣ 1 Учрежд. Госуд. Думы, она учреждается только для *предварительной* разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній, восходящихъ по силѣ основныхъ законовъ чрезъ государственный совѣтъ къ верховной самодержавной власти. Поэтому Дума не постановляетъ никакихъ рѣшеній; она вырабатываетъ только *заключенія*, которыя поступаютъ, въ обычномъ порядкѣ, на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и оттуда на утвержденіе короны. Такимъ образомъ, Дума облечена только «силою мнѣнія», по старой славянофильской формулѣ, при чемъ законъ тщательно установилъ цѣлый рядъ моментовъ, задерживающихъ вліяніе этой силы. Законопроекты, подлежащіе обсужденію Думы, вносятся въ нее министрами, главноуправляющими отдѣльными частями и государственнымъ секретаремъ. Если законопроектъ одобряется большинствомъ общаго собранія членовъ Думы, то онъ поступаетъ въ Государственный Совѣтъ. Если онъ и тамъ получаетъ одобреніе большинства, то онъ восходитъ на утвержденіе короны, нынѣшнія права которой утверждать мнѣніе большинства или меньшинства остаются въ неприкосновенности. Корона является окончательной инстанціей и въ томъ случаѣ, если Дума, или и Дума и Государственный Совѣтъ вмѣстѣ, отклонятъ законопроектъ, предложенный министрами. Заключеніе Думы не имѣетъ никакой обязательной силы. Предложеніе министра, отклоненное Думой, должно поступить въ Государственный Совѣтъ и пройти всю лѣстницу законодательнаго пути, независимо отъ заключенія выборныхъ участниковъ законодательной работы. Второстепенная роль заключеній Думы въ особенности подчеркивается статьями 52 и 53. Первая гласитъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда Дума, вслѣдствіе неприбытія законнаго числа членовъ не разсмотритъ назначеннаго въ очередь дѣла, то оно назначается къ новому слушанію не позднѣе двухъ недѣль послѣ несостоявшагося засѣданія. Если же въ теченіе этого срока дѣло къ слушанію назначено не будетъ, или засѣданіе Думы вновь не состоится, то министръ или главноуправляющій отдѣльною частью можетъ, если признаетъ необходимымъ, внести дѣло въ Государственный Совѣтъ для разсмотрѣнія его безъ заключенія Думы. 53 ст. предоставляетъ Государственному Совѣту, въ случаѣ замѣченной короною медленности Думы въ разсмотрѣніи внесеннаго въ нее дѣла, назначать срокъ, къ которому должно послѣдовать заключеніе Думы.

Если этотъ срокъ не будетъ выполненъ, то дѣло разсматривается безъ заключенія Думы. Эти гарантіи быстраго движенія правительственныхъ проектовъ составляютъ характерную противоположность той медленности, которая установлена для хода законопроектовъ, внесенныхъ членами Думы. Такое же второстепенное значеніе имѣютъ заключенія Думы при разногласіяхъ съ Государственнымъ Совѣтомъ. Если законопроектъ принятъ Думой и отвергнутъ

Совѣтомъ или, наоборотъ, принятъ Совѣтомъ, но отвергнутъ Думой, то дальнѣйшее направленіе законопроекта зависитъ исключительно отъ Совѣта. Онъ можетъ, если сочтетъ нужнымъ или желательнымъ, попытаться притти къ соглашенію съ Думой путемъ образованія коммиссіи, по выбору общихъ собраній Думы и Совѣта, изъ равнаго числа членовъ отъ обоихъ установленій. Предсѣдателемъ этой коммиссіи является, однако, предсѣдатель Государственнаго Совѣта или предсѣдатель одного изъ его департаментовъ (ст. 50). «Согласительное заключеніе», выработанное въ коммиссіи, вносится сперва въ общее собраніе Государственной Думы, а затѣмъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Если же соглашеніе не будетъ достигнуто, то дѣло возвращается въ общее собраніе Государственнаго Совѣта, заключеніе котораго и восходитъ къ коронѣ (ст. 51).

Только тогда, когда министерское предложеніе, отклоненное большинствомъ двухъ третей общаго собранія Думы, будетъ отклонено и большинствомъ двухъ третей общаго собранія Государственнаго Совѣта, только тогда мнѣніе «палатъ» пріобрѣтаетъ нѣкоторое значеніе: законопроектъ возвращается министру и можетъ быть, послѣ «дополнительнаго соображенія», снова внесенъ на разсмотрѣніе Думы только въ томъ случаѣ, если на это «послѣдуетъ высочайшее соизволеніе» (ст. 49).

Въ еще болѣе безпомощномъ положеніи оказывается Дума въ томъ случаѣ, когда она сама возбуждаетъ законодательные вопросы. Ст. 34, несомнѣнно, предоставляетъ ей права «возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ» постольку, поскольку эти предположенія не касаются основныхъ началъ государственнаго устройства, измѣненіе которыхъ составляетъ неприкосновенное право короны. Но, предоставляя Думѣ возможность законодательнаго почина, актъ 6 августа ставитъ чрезвычайныя затрудненія осуществленію этой возможности. Прежде всего, заявленіе объ измѣненіи дѣйствующаго или объ изданіи новаго закона должны быть подписаны не менѣе, чѣмъ тридцатью членами Думы. Затѣмъ, оно должно быть принято въ отдѣлѣ государственной Думы. Если министръ раздѣляетъ соображенія отдѣла, то онъ даетъ дѣлу движеніе въ законодательномъ порядкѣ (ст. 56); если же онъ не раздѣляетъ мнѣнія о желательности предположенныхъ измѣненій, то проэктъ долженъ быть принятъ большинствомъ двухъ третей членовъ общаго собранія Думы, чтобы быть представленнымъ предсѣдателемъ Думы въ государственный совѣтъ, чрезъ который предположеніе «восходитъ установленнымъ порядкомъ на Высочайшее благовоззрѣніе». Верховная власть или прекращаетъ дѣло или повелѣваетъ дать ему дальнѣйшее движеніе въ законодательномъ порядкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, дѣло передается для разработки подлежащему министру. Никакихъ сроковъ, которые могли бы умѣрить обычную канцелярскую волокиту и бюрократическую медленность, законъ не устанавливаетъ.

Такимъ образомъ, законодательная работа Думы поставлена въ тѣсную зависимость не только отъ государственнаго совѣта, неожиданно получившаго функціи своего рода верхней палаты, но и отъ отдѣльныхъ министровъ, со-

хранившихъ свою независимость и безотвѣтственность и предъ Думой, и предъ государственнымъ совѣтомъ. Окончательною же инстанціею и, слѣдовательно, источникомъ законовъ, является Верховная Власть самодержавнаго государя. Поэтому, никакіе конфликты между выборными членами Думы и правительствомъ теоретически не могутъ имѣть мѣста, пока Дума остается въ установленныхъ правовыхъ рамкахъ. И если, однако, въ законъ 6 августа включена 3 статья, по которой Дума можетъ быть указомъ Императора распущена до истеченія нормальнаго пятилѣтняго срока ея полномочій, то, очевидно, эта статья предусматриваетъ возможность такихъ осложненій, когда Дума обнаружитъ тенденцію въ расширеніи своихъ функцій за предѣлы совѣщательнаго учрежденія.

Въ той же слабой степени, какъ и участіе въ законодательной дѣятельности правительства, Думѣ предоставляется нѣкоторая возможность непосредственно наблюдать за ходомъ управленія и оказывать на него то или другое вліяніе. Стат. 35 даетъ Думѣ право требовать отъ министровъ свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ дѣйствій министровъ и подвѣдомственныхъ имъ учрежденій, которыя являются нарушеніемъ дѣйствующихъ законовъ. Однако, этотъ запросъ долженъ быть подписанъ не менѣе, чѣмъ тридцатью членами Думы и одобренъ большинствомъ ея общаго собранія. Тогда только министры обязаны не далѣе одного мѣсяца со дня передачи имъ запроса дать надлежащія свѣдѣнія и разъясненія или же... извѣстить Думу о причинахъ, по которымъ они отказываются удовлетворить желаніе Думы. Законъ не указываетъ, какія причины отказа могутъ считаться уважительными, но предоставляетъ Думѣ, если она большинствомъ двухъ третей голосовъ общаго собранія не признаетъ удовлетворительными объясненія министровъ, направлять дѣло на высочайшее благовоззрѣніе» (ст. 58—61). Такимъ образомъ, право запроса принадлежитъ не отдѣльнымъ членамъ, и даже не группѣ ихъ, но всему законосовѣщательному учрежденію въ цѣломъ, что, на практикѣ въ виду разнообразія мнѣній и партій, въ виду того, что оппозиція является обыкновенно меньшинствомъ, можетъ повести къ полной невозможности осуществить право надзора за ходомъ управленія. Эта возможность тѣмъ болѣе легка, что законъ не устанавливаетъ обязательныхъ и постоянныхъ сроковъ дѣятельности Думы. Продолжительность ежегодныхъ занятій Думы и сроки ихъ перерыва въ теченіе года опредѣляются, по ст. 4., спеціальными императорскими указами.

Такова консистенція новаго государственнаго установленія. По буквѣ закона, выборная Дума, какъ то было неоднократно заявлено въ правительственныхъ актахъ, нисколько не измѣняетъ государственнаго строя Россійской Имперіи.

* * *

Значеніе законосовѣщательныхъ выборныхъ учрежденій выяснено русскою литературою съ тѣмъ большею обстоятельностью и убѣдительностью, что современная критика могла пользоваться богатымъ опытомъ западноевропейскаго народнаго представительства. Совѣщательныя учрежденія никогда не могли явиться прочными формами государственной жизни, они всегда были только

выраженіемъ переходнаго момента въ исторіи народа, неудачною попыткою стараго режима вмѣстить въ свои рамки потребности новаго общества. Составителямъ закона 6 августа не осталось чуждымъ сознаніе непрочности вырабатываемыхъ нормъ. Совѣтъ министровъ констатировалъ, что «наблюдавшееся ранѣе, но въ размѣрахъ ограниченныхъ, общественное броженіе захватило болѣе широкіе круги населенія. Какъ отразится движеніе это на государственномъ строѣ нашемъ, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ пріемленыхъ правительствомъ мѣропріятій, заранѣе предвидѣть невозможно».

Существуетъ взглядъ, что «судя по опыту государственной жизни странъ западноевропейскихъ, указанное общественное движеніе повлечетъ за собою расширеніе политическихъ правъ населенія и вызоветъ образованіе установленій, при возникновеніи коихъ никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть гарантировано, чтобы они не обратились изъ совѣщательныхъ въ законодательные органы». При такой неустойчивости законосовѣщательныхъ учрежденій, преобразованіе которыхъ составляетъ только вопросъ времени, ихъ составъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія, пріобрѣтаетъ особую важность. Политическіе взгляды выборныхъ въ значительной степени ускорятъ или замедлятъ процессъ дальнѣйшаго развитія и превратятъ новый государственный органъ или въ лишнюю преграду демократическому движенію или въ одну изъ передовыхъ позицій новыхъ силъ. Поэтому, составители «Учрежденія» отнеслись съ особымъ вниманіемъ къ системѣ выборовъ въ Государственную Думу и приложили всѣ усилія, чтобы она обезпечила преобладаніе наиболѣе спокойныхъ и умѣренныхъ элементовъ населенія. Такова, по крайней мѣрѣ, основная идея, которая обрисовывается изъ весьма сложнаго и страдающаго многочисленными принципіальными и техническими недостатками избирательнаго механизма, созданнаго актомъ 6 августа.

Въ настоящее время къ избирательнымъ урнамъ призывается только населеніе 51 губерніи: 50 губерній Европейской Россіи и губерніи Ставропольской. Выборы въ Думу отъ губерній царства польскаго, областей и губерній: сибирскихъ, генералъ-губернаторствъ степного и туркестанскаго и намѣстничества кавказскаго, а также выборы отъ кочевыхъ инородцевъ производятся на основаніи особыхъ правилъ, которыя выработаны впослѣдствіи. Основнымъ избирательнымъ округомъ является губернія. «Учрежденіе» выдѣляетъ въ качествѣ самостоятельныхъ избирательныхъ единицъ только 26 городовъ. Изъ нихъ 6—Баку, Варшава, Иркутскъ, Лодзь, Ташкентъ и Тифлисъ—находятся въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ избирательная система еще должна быть опредѣлена особымъ закономъ, и, слѣдовательно, въ ближайшихъ, по крайней мѣрѣ, выборахъ не могутъ принимать участія; остальные 20 городовъ—Астрахань Вильна, Воронежъ, Екатеринославъ, Казань, Кіевъ, Кишиневъ, Курскъ, Нижній-Новгородъ, Одесса, Орелъ, Рига, Ростовъ на Дону совмѣстно съ Нахичеванью, Самара, Саратовъ, Тула, Харьковъ, Ярославль и обѣ столицы, Москва и Петербургъ, теперь же являются самостоятельными избирательными единицами. Прочіе города входятъ, какъ части, въ губернію. По губерніямъ избраніе членовъ Государственной Думы производится изъ выборщиковъ, изби-

раемыхъ съѣздами: 1) уѣздыхъ землевладѣльцевъ, 2) городскихъ избирателей и 3) уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ. Каждый изъ этихъ съѣздовъ образуется на особыхъ основаніяхъ.

Въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ участвуютъ лица, владѣющія въ уѣздѣ земельною собственностью, обложенною земскими налогами, въ размѣрахъ, указанныхъ особымъ росписаніемъ, по которому необходимый цензъ колеблется по разнымъ губерніямъ отъ 100 до 800 десятинъ. Затѣмъ, въ немъ принимаютъ участіе лица, владѣющія въ уѣздѣ недвижимымъ имуществомъ, не составляющимъ торгово-промышленнаго предпріятія, стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже пятнадцати тысячъ рублей. Въ этотъ же съѣздъ входятъ и уполномоченные отъ священнослужителей, владѣющихъ церковною землею, и отъ владѣльцевъ, земельная собственность которыхъ составляетъ не менѣе одной десятой полнаго ценза даннаго уѣзда, а недвижимое имущество оцѣнивается, по земской оцѣнкѣ, не ниже тысячи пятисотъ рублей. Священнослужители и мелкіе владѣльцы избираютъ уполномоченныхъ на съѣздъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ на предварительныхъ съѣздахъ, при чемъ число уполномоченныхъ опредѣляется количествомъ полныхъ избирательныхъ цензовъ, составляющихся изъ суммы владѣній и имуществъ мелкихъ владѣльцевъ.

Въ съѣздѣ городскихъ избирателей участвуютъ лица, 1) владѣющія въ предѣлахъ городовъ недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ не ниже 1500 рублей, (въ столицахъ—не менѣе 3000 р.), 2) торговымъ предпріятіемъ, оплачиваемымъ промысловымъ налогомъ одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ (въ столицахъ—одного первоаго) или промышленнымъ, оплачивваемымъ налогомъ по одному изъ первыхъ пяти разрядовъ (въ столицахъ—только первыхъ трехъ); 3) лица, владѣющія такими же торговопромышленными предпріятіями въ уѣздѣ; 4) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города или уѣзда основной промысловый налогъ по первому разряду; 5) лица, уплачивающія въ предѣлахъ городскихъ поселеній государственный квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда и выше. Всѣ эти лица вносятся, однако, въ избирательные списки только въ томъ случаѣ, если они владѣли недвижимымъ имуществомъ или торгово-промышленнымъ предпріятіемъ или же уплачивали промысловый налогъ не менѣе одного года, а квартирный налогъ—не менѣе трехъ лѣтъ.

На иныхъ основаніяхъ составляется съѣздъ уполномоченныхъ отъ волостей. Здѣсь наличность избирательныхъ правъ обусловливается только принадлежностью къ крестьянскому сословію, и въ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей участвуютъ выборные отъ волостныхъ сходовъ уѣзда, по два отъ каждаго схода.

Эта система представляетъ комбинацію началъ: сословнаго—для крестьянъ и цензоваго—для всѣхъ остальныхъ гражданъ. Она почти цѣликомъ заимствована изъ земскаго положенія 1864 года. Но если положеніе 1864 года и въ свое время не обезпечивало правильнаго представительства всего населенія, то теперь перенесенное на политическіе выборы, оно тѣмъ менѣе можетъ удовлетворить потребности развившейся страны.

Кто, въ самомъ дѣлѣ, получаетъ права по «Учрежденію» 6 августа?

1) Всѣ лица крестьянскаго сословія;

2) владѣльцы земельной собственности размѣрами отъ 100 до 800 десят. и, съ ограниченіями, владѣльцы земельной собственности отъ 10 до 80 десятинъ.

3) владѣльцы недвижимаго имущества въ городахъ и уѣздахъ, оцѣненнаго не менѣе 3.000 р. въ столицахъ и 1.500 р.—въ остальныхъ городахъ;

4) владѣльцы торгово-промышленныхъ предпріятій, уплачивающіе отъ 50 до 1.500 р. промысловаго налога и

5) лица, уплачивающія квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда, т. е.

	Плата за квартиру.	Квартирный налогъ 10 разряда.
Въ городахъ 1 класса	1.320—1.440 р.	45 р.
» » 2 »	1.000—1.100 »	33 »
» » 3 »	700—800 »	23 »
» » 4 »	500—600 »	16 » 50 к.
» » 5 »	300—400 »	11 »

Въ общемъ, выборная система, установленная закономъ 6 августа, призываетъ къ избирательнымъ урнамъ весьма значительную часть населенія, но какую именно—сейчасъ установить едва-ли возможно за отсутствіемъ точныхъ статистическихъ данныхъ. Безусловно устранена отъ участія въ выборахъ только разночинная интеллигенція, за исключеніемъ отдѣльныхъ представителей этого слоя, которые могутъ попасть въ списки, какъ квартиронаниматели.

Фактически лишенъ избирательнаго права весь рабочій классъ, такъ какъ хотя та часть его, которая принадлежитъ къ крестьянскому сословію, и пользуется de jure избирательными правами, но, въ дѣйствительности, конечно, ни одинъ пролетарій не можетъ оставить заводъ или фабрику, чтобы ѣхать въ часто очень отдаленную деревню для подачи голоса. Этотъ пробѣлъ былъ замѣченъ при выработкѣ закона. Въ совѣтѣ министровъ высказывалось мнѣніе, что среди рабочаго класса Россіи наблюдаются, въ особенности въ послѣднее время, признаки серьезнаго броженія. Если же при исполненіи предначертаній рескрипта 18 февраля фабрично-заводское населеніе окажется изъ дѣйствія его изъятымъ, то съ вѣроятностью можно ожидать обостреніе рабочаго вопроса. Наиболѣе правильною политикою въ этомъ вопросѣ было бы взять рабочее движеніе въ свои руки (подобно тому, какъ это сдѣлано было правительствомъ въ Германіи, удачно его разрѣшившимъ), и не упускать иниціативы по назрѣвшимъ вопросамъ. Вслѣдствіе задержекъ въ развитіи нашего фабрично-заводскаго законодательства, уже неоднократно бывали весьма неудобные примѣры проявленія иниціативы не сверху, какъ бы то слѣдовало, а снизу. Съ учрежденіемъ Государственной Думы положеніе вещей можетъ пріобрѣсти особую окраску. Поэтому вполнѣ благовременнымъ представлялось сообразить, что въ семъ отношеніи для фабрично-заводскаго населенія представилось бы возможнымъ сдѣлать, и разрѣшить сей вопросъ по иниціативѣ правительства, не ожидая поднятія его со стороны.

Это мнѣніе, однако, не восторжествовало, такъ какъ рабочій классъ могъ

получить избирательныя права только при всеобщемъ и равномъ голосованіи, которое было уже рѣшительно отвергнуто. Кромѣ того, очевидно, что мнѣніе о томъ, насколько удачно разрѣшило рабочій вопросъ правительство Германіи, гдѣ съ каждымъ годомъ растетъ рабочая партія революціонной соціалъ-демократіи, является весьма спорнымъ. Отечественные опыты полицейскаго соціализма Зубатова и К° также не дали ожидаемыхъ результатовъ.

По тѣмъ или другимъ причинамъ, — во всякомъ случаѣ, рабочій классъ, политическая активность котораго въ послѣднее время не разъ признавалась и обществомъ и правительствомъ, не получилъ избирательныхъ правъ. Это ограниченіе устранило отъ политическихъ учрежденій значительную часть населенія Россіи. По разсчетамъ А. Е. Лосицкаго *), помѣщеннымъ въ прошлой книжкѣ нашего журнала, число пролетаризированнаго населенія (рабочіе и прислуга) равняется 8.406.440 душамъ, что составляетъ 22 проц. всего взрослаго и самодѣятельнаго населенія Россіи.

Устраненіе около девяти милліоновъ рабочихъ нѣсколько измѣняетъ и картину всеобщаго и равнаго крестьянскаго голосованія, какимъ оно представляется по буквѣ закона, такъ какъ большинство русскихъ рабочихъ принадлежитъ къ крестьянскому сословію. Другую поправку приходится внести для тѣхъ крестьянъ, которые не занимаются земледѣліемъ и, слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ, не могутъ принимать участія въ выборахъ на мѣстѣ своей приписки къ сельскому обществу. Число ихъ трудно опредѣлить, но можно опредѣлить число тѣхъ крестьянъ, которые, по установленнымъ законамъ условіямъ выборовъ, получатъ возможность не пользовать свои политическія права. Это — крестьяне не въ сословномъ, а въ экономическомъ значеніи слова, т. е. земледѣльцы, сидящіе на землѣ. Такихъ крестьянъ, по разсчетамъ г. Лосицкаго, всего около 13 милліоновъ. Но разсчеты г. Лосицкаго сдѣланы для 78 губерній и областей Россіи. Въ 51 же одной губ., привлеченной сейчасъ къ выборамъ, полноправныхъ крестьянъ наберется, вѣроятно, всего около 10 милліоновъ.

Между тѣмъ, наша консервативная печать, восхваляя демократизмъ новой избирательной системы, кричитъ о томъ, что три четверти населенія Россіи получили политическія права въ качествѣ крестьянскаго сословія. Дѣйствительно, крестьянъ въ сословномъ смыслѣ въ Имперіи считается 97 милліоновъ, т. е. до 77 проц. всего населенія. Но, вслѣдствіе комбинаціи имущественнаго и сословнаго ценза, замѣнившей въ законѣ столь популярное требованіе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, большинство крестьянъ по происхожденію фактически лишено избирательныхъ правъ. Вообще, если предположить, что законъ 6 августа привлечетъ къ голосованію около 20 милліоновъ лицъ всѣхъ сословій, то и это будетъ очень щедрымъ разсчетомъ. Говорить же о «трехъ четвертяхъ» населенія можно, только закрывая глаза на дѣйствительность.

Но и эти относительно немногочисленные избиратели ограничены много-

---

*) См. „Міръ Божій“ августъ. Этюды о населеніи Россіи.

численными выборами, при чемъ, крестьянское сословіе оказывается въ наиболѣе невыгодныхъ условіяхъ. «Учрежденіе» Думы устанавливаетъ для крупныхъ землевладѣльцевъ и горожанъ двухстепенные выборы, для мелкихъ землевладѣльцевъ и священнослужителей—трехстепенные и для крестьянъ—четырехстепенные. Надо замѣтить, однако, что первая ступень крестьянской избирательной лѣстницы: волостной сходъ, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ избирательнымъ коллегіямъ остальныхъ сословій. Согласно 71 ст. Полож. о кр. волостной сходъ составляется изъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, замѣщаемыхъ по выбору, и изъ крестьянъ, избираемыхъ отъ каждаго селенія или поселка, къ волости принадлежащаго; по одному отъ каждыхъ 10 дворовъ, какъ пользующихся землею за повинности, такъ и пріобрѣвшихъ участки въ собственность.

По выбору же замѣщаются слѣдующія должности крестьянскаго «самоуправленія»: волостной старшина, сельскіе старосты, помощникъ старшины, сборщики податей и засѣдатели волостного правленія и судьи волостныхъ судовъ. Такимъ образомъ, въ составъ первой избирательной коллегіи входятъ ex officio всѣ представители сельской административной и судебной власти, что, разумѣется, является совершенно ненормальнымъ при полическихъ выборахъ. Затѣмъ и представители селеній являются представителями не людей, а дворовъ, этой неопредѣленной тягловой единицы, поддерживаемой пережитками крѣпостного строя въ нашей деревнѣ. Представительство «двора» легко можетъ повести къ тому, что всѣ новые элементы деревни, созданные ея эволюціей въ послѣдніе годы, будутъ оттѣснены патріархальными «старичками». Эти избиратели, во всякомъ случаѣ, не явятся дѣйствительными выразителями нуждъ и настроеній всей современной деревни. Тѣ же элементы, которые могли бы отвѣтить запросамъ времени, подвергаются большому риску не добраться до вершины четырехстепенныхъ выборовъ. Путемъ двухстепенныхъ, трехстепенныхъ и четырехстепенныхъ выборовъ образуется, наконецъ, рѣшающая избирательная коллегія выборщиковъ въ Государственную Думу—5.826 человѣкъ по губернскимъ округамъ и 1.800 человѣкъ—по 20 городамъ, получившимъ сейчасъ право отдѣльнаго представительства. Эти 7.626 человѣкъ по избирательнымъ разрядамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Крестьяне	2.527	33 проц.
Землевладѣльцы	1.945	26 »
Городскіе избиратели. . . .	3.154	41 »
	7.626	100 проц.

По отдѣльнымъ округамъ это отношеніе мѣняется: въ нѣкоторыхъ число выборщиковъ отъ крестьянъ превышаетъ число выборщиковъ отъ двухъ остальныхъ группъ. Но общая картина послѣдней избирательной коллегіи чрезвычайно поучительна. Сквозь строй сословныхъ и бюрократическихъ предразсудковъ въ избирательную систему 6 августа пробилась и заняла преобладающее мѣсто безсословная буржуазія, отстранивъ пролетаріатъ и оттѣснивъ дворянство, которое въ центральной Россіи до сихъ поръ еще является

представителемъ крупнаго землевладѣнія. Тамъ экономическая структура, несмотря на всѣ преграды, выражается въ правовыхъ надстройкахъ. Интересно сопоставить отношеніе выборщиковъ различныхъ разрядовъ съ отношеніемъ населенія по экономическимъ группамъ. Къ сожалѣнію, точныхъ статистическихъ данныхъ мы привести сейчасъ не можемъ, да ихъ и вообще не имѣется. Но подсчетъ г. Лосицкаго позволяетъ составить слѣдующую таблицу:

	проц. ко всему самодѣятельному населенію.	проц. ко всему числу выборщиковъ.
Крестьяне и землевладѣльцы съ ихъ служащими	55	59
Хозяева и служащіе въ промысловыхъ занятіяхъ . . . . Непромысловыя занятія	23	41
Пролетаріи (рабочіе и прислуга) . . .	22	0

Это сопоставленіе имѣетъ самое приблизительное значеніе. Группы, которыя могъ установить г. Лосицкій на основаніи матеріаловъ всеобщей переписи 1877 года, далеко не совпадаютъ съ избирательными разрядами. Но даже изъ такихъ грубыхъ цифръ ясно обрисовывается зависимость избирательнаго права по закону 6 августа отъ капиталистическаго строя современной Россіи.

Даже своеобразная привиллегія крестьянскихъ выборщиковъ—выбирать предъ участіемъ въ общемъ избирательномъ собраніи округа одного выборщика изъ *своей* среды, привиллегія, благодаря которой изъ 412 членовъ Государственной Думы 51 непремѣнно будутъ принадлежать къ крестьянскому сословію, не измѣняетъ того вывода, что завтра «хозяиномъ жизни» юридически станетъ крупная, средняя и мелкая буржуазія города и деревни, такъ какъ при четырехстепенныхъ выборахъ представителями отъ крестьянъ явятся, несомнѣнно, деревенскіе богатѣи.

Въ этомъ выводѣ заключается весь соціально-политическій смыслъ избирательной системы, установленной закономъ 6 августа. Многочисленные техническіе недостатки этого закона, его неясность и противорѣчія, при всей ихъ важности, въ настоящій моментъ имѣютъ второстепенное значеніе.

* * *

Каково же практическое значеніе даннаго состава избирателей въ дальнѣйшемъ развитіи политическихъ формъ русской жизни? Явятся ли эти избиратели оплотомъ реакціи или они послужатъ ступенью къ народной свободѣ? И какова должна быть позиція передовыхъ группъ населенія въ предстоящей избирательной кампаніи?

Эти вопросы волнуютъ теперь всѣ политически мыслящіе круги населенія. Къ сожалѣнію, печать, по старому, идетъ въ хвостѣ жизни и не можетъ ни отражать наиболѣе важныхъ теченій ни вліять на нихъ. Пока не измѣнились условія, въ которыхъ находится наша политическая литература, всѣ эти вопросы не могутъ быть разсмотрѣны съ необходимою полнотою и ясностью. Мы коснемся ихъ только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Не явится ли данный составъ избирателей оплотомъ реакціи? Этого, по нашему мнѣнію, нѣтъ основаній ожидать. Въ періодъ ликвидаціи многочисленныхъ и разнообразныхъ пережитковъ стараго строя, буржуазія съ ея стремленіемъ къ свободѣ личности и свободѣ капитала, органически неспособна стать оплотомъ сословно-бюрократической реакціи. Кромѣ того, законъ 6-го августа не тронулъ ни одного изъ тѣхъ старыхъ устоевъ, которые тормазили новую жизнь. Какіе бы классовые интересы не преслѣдовала данная соціальная группа, для защиты и охраны интересовъ ей необходимо участіе въ политической власти, гарантированное твердыми правовыми нормами.

Между тѣмъ, Государственная Дума, поставленная въ зависимость отъ бюрократической верхней палаты, не можетъ стать ареной свободной борьбы классовыхъ интересовъ и формою безпрепятственнаго классового господства. Бюрократическая опека не лишилась почвы съ изданіемъ акта 6-го августа и, слѣдовательно, не устранены тѣ причины, дѣйствіе которыхъ побуждало русскую буржуазію становиться въ ряды оппозиціи и даже принимать лозунги, выставленные крайними демократическими группами, какъ, напримѣръ, требованіе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Вынужденная опираться на народъ, буржуазія не могла остановиться на жалкихъ палліативахъ. Необходимость усчитывать народныя массы и сейчасъ не минула для господствующихъ классовъ, поскольку они не удовлетворяются и не могутъ удовлетвориться декоративными преимуществами. Поэтому, въ ближайшемъ будущемъ дальнѣйшее развитіе демократическаго движенія является болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ. Но конечный пунктъ этого развитія представляется весьма неопредѣленнымъ. Предоставленная самой себѣ и облеченная довѣріемъ народа буржуазія всегда возбуждаетъ серьезное опасеніе, что она не выполнитъ императивнаго мандата и создастъ компромиссъ плутократіи съ бюрократіей. Между тѣмъ, широкія массы заинтересованы въ развитіи народнаго движенія до его логическаго конца.

Эти условія опредѣляютъ общее направленіе дѣятельности передовыхъ элементовъ населенія; они не должны передовѣрять своихъ цѣлей привиллегированной группѣ избирателей и передавать имъ иниціативу грядущихъ событій. Поэтому, та тактика уклоненія отъ участія въ выборахъ, тактика бойкота, не можетъ быть признана лозунгомъ, который передовыя группы должны предложить отсталой либеральной массѣ. Бойкотъ разумѣетъ оппозицію пассивную, борьбу со скрещенными на груди руками. Въ разсчеты передовыхъ элементовъ не входитъ устраненіе съ политической сцены наиболѣе активнаго слоя оппозиціи; ихъ политическій лозунгъ долженъ быть не только отрицательнымъ, но и положительнымъ; ихъ задачею является сосредоточеніе въ своихъ рукахъ иниціативы и привлеченіе въ свои ряды послѣдовательныхъ сторонниковъ демократической программы. Наша печать уже отмѣтила, что пора словъ прошла и настаетъ время реализаціи выставленныхъ программъ или, по крайней мѣрѣ, платформъ. Это замѣчаніе вполнѣ вѣрно. Вспоминая многочисленные съѣзды, резолюціи и платформы, мы видимъ, что сказано все, вплоть до извѣстнаго признанія необходимости обращенія къ народу.

Въ настоящій моментъ поочереди стоитъ фактическое осуществленіе поставленныхъ цѣлей. Всякая попытка отступленія, несомнѣнно, будетъ истолкована тѣмъ народомъ, именемъ котораго не клялся только лѣнивый, какъ политическое банкротство колеблющейся партіи, какъ попытка политическаго предательства. Передовые элементы должны призвать либеральную демократію полностью расплатиться по векселямъ, которые она съ такою щедростью давала на многочисленныхъ банкетахъ и съѣздахъ, но расплатиться не пассивнымъ уклоненіемъ, которое одно только ничего не даетъ, но и активнымъ участіемъ въ фактическомъ осуществленіи народныхъ правъ. Такимъ образомъ, довольно людный въ нѣкоторыхъ кругахъ лозунгъ: бойкотъ, прежде всего,—недостаточенъ; онъ не выражаетъ всей совокупности задачъ передовыхъ элементовъ народа, онъ только половина той тактической директивы, которая ставится сцѣпленіемъ обстоятельствъ и другая половина которой требуетъ напряженной активности. Въ активности и сознательности самыхъ широкихъ круговъ населенія заключается единственный выходъ изъ всѣхъ затрудненій переживаемаго момента. Съ этой точки зрѣнія только и можно опредѣлять свою позицію по отношенію къ Думѣ. Мы не можемъ разсматривать новое учрежденіе, какъ нѣчто самоцѣнное. Если «парламентскій кретинизмъ» вообще неумѣстенъ, то тѣмъ болѣе онъ неумѣстенъ по отношенію къ учрежденію, которое не имѣетъ ничего общаго съ парламентомъ.

Н. І.

— Работы особаго совѣщанія по выработкѣ дополнительныхъ правилъ о выборахъ въ государственную Думу отъ губерній Царства Польскаго предполагается закончить съ такимъ разсчетомъ, чтобы выборы въ этихъ губерніяхъ могли быть произведены почти одновременно съ выборами въ остальныхъ частяхъ Имперіи. Во всякомъ случаѣ, члены Думы отъ губерній Царства Польскаго будутъ имѣть возможность участвовать въ первой же сессіи государственной Думы. («Нов. Вр.»).

— Въ нашемъ законодательствѣ до сего времени отсутствовалъ законъ о собраніяхъ. Введеніе положенія о государственной Думѣ вызываетъ необходимость возможно скорѣйшаго восполненія этого пробѣла. Въ виду этого, министръ внутреннихъ дѣлъ поручилъ департаменту полиціи выработать законопроектъ о собраніяхъ. Въ настоящее время, какъ мы слышали, порученіе это закончено. Въ основаніе законопроекта положены законодательства по этому предмету европейскихъ странъ въ той мѣрѣ, въ какой они примѣнимы къ нашей русской жизни. Если проектъ будетъ одобренъ министромъ, онъ получитъ дальнѣйшій ходъ въ законодательномъ порядкѣ.

10-го августа состоялось частное совѣщаніе гласныхъ петербургской думы по вопросу о томъ, какъ надлежитъ городскому общественному управленію отозваться на Высочайшій манифестъ объ учрежденіи Государственной Думы и положеніе о ней.—Гл. Фальборкъ указалъ, что, по его мнѣнію, учрежденіе государственной Думы на началахъ, возвѣщенныхъ положеніемъ, не можетъ считаться удовлетворяющимъ требованіямъ лучшей части русскаго народа, что и нашло себѣ подтвержденіе въ той холодности, которой было встрѣчено обна-

родованіе его. По мнѣнію гласнаго, поэтому пока необходимо воздержаться отъ какихъ бы то ни было манифестацій. Гл. Оппенгеймъ возразилъ на это, что, наоборотъ, главное достоинство положенія именно въ томъ и заключается, что отъ представительства отстраненъ рабочій классъ, а также малоимущіе или населеніе со среднимъ достаткомъ. Необходимо поэтому, по мнѣнію Оппенгейма, довести до свѣдѣнія Государя Императора чувства особой радости, овладѣвшей петербургскимъ общественнымъ управленіемъ при ознакомленіи съ положеніемъ, а также ознаменовать опубликованіе манифеста какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ, напримѣръ, устройствомъ дешевыхъ квартиръ. Гл. профессоръ государственнаго права Дымша, съ своей стороны, считаетъ необходимымъ привѣтствовать обнародованный актъ потому, что дарованіе реформы не стоило русскому народу ни одной жертвы не въ примѣръ Западной Европѣ, гдѣ дарованіе представительнаго правленія обходилось народу въ тысячи жизней. На приведенную же гл. Фальборкомъ историко-статистическую справку по вопросу, поднятому г. Дымшей, послѣдній возразилъ въ томъ смыслѣ, что ее можно и не принимать во вниманіе. Гласные Шнитниковъ и Оппель указали на тѣ свободы и гарантіи личности, которыя необходимы для осуществленія провозглашенной реформы въ полномъ объемѣ. Приблизительно въ этомъ же смыслѣ высказались еще многіе другіе гласные, и окончательное рѣшеніе вопроса рѣшено было предоставить непосредственно городской думѣ.

— С.-Петербургскимъ общественнымъ управленіемъ, по выслушаніи въ засѣданіи 10-го августа Высочайшаго манифеста объ учрежденіи Государственной Думы, принята слѣдующая резолюція, которую постановлено черезъ министра внутреннихъ дѣлъ довести до свѣдѣнія Государя Императора: «С.-Петербургская городская дума, выслушавъ съ чувствомъ искренней радости манифестъ отъ 6-го августа, постановила, привѣтствуя учрежденіе Государственной Думы, какъ актъ величайшей исторической важности и начало новой свѣтлой эпохи въ государственной жизни Россіи, принести Государю Императору вѣрноподданническую свою благодарность, и выражаетъ пожеланіе, чтобы при составленіи правилъ приведенія въ дѣйствіе положенія о Государственной Думѣ были, въ цѣляхъ обезпеченія правильности выборовъ народныхъ представителей, установлены необходимыя для сего условія — неприкосновенность личности, свобода собраній и союзовъ, свобода слова и печати».

— Постановленіе московкой городской думы. «Московская городская дума высоко цѣнитъ законодательный актъ, какъ первый шагъ въ дѣлѣ призыва общественныхъ силъ къ участію въ законодательствѣ и государственномъ управленіи, но выражаетъ свое глубокое убѣжденіе, что воля законодателя, начертанная въ этомъ актѣ, можетъ быть осуществлена лишь при непремѣнномъ условіи немедленнаго дарованія всему безъ исключенія населенію Россіи основныхъ правъ гражданственности: свободы слова и печати, свободы собраній и союзовъ, неприкосновенности личности каждаго. Горячо привѣтствуя выраженную въ Высочайшемъ манифестѣ заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи Государственной Думы и твердо вѣруя, что это усовершенствованіе будетъ основано на всеобщемъ избирательномъ правѣ, дума постановила

поручить городскому головѣ довести до свѣдѣнія Государя Императора ея чувства».

— Курская городская дума, выслушавъ Высочайшій манифестъ объ учрежденіи Государственной Думы, постановила присоединиться къ резолюціи московской думы.

— Одинъ изъ земскихъ дѣятелей, объѣздившій за послѣдніе дни почти всѣ уѣзды Петербургской губерніи, сообщилъ сотруднику «Руси», что несмотря на то, что съ опубликованія положенія о государственной думѣ прошла всего одна недѣля, среди интеллигентнаго населенія уѣздовъ губерніи уже начинаютъ формироваться политическія партіи, вокругъ которыхъ группируются ихъ единомышленники.

По своимъ политическимъ убѣжденіямъ партіи подраздѣляются на консервативную, умѣренно-либеральную и либеральную. Наряду съ этими главными группами есть еще нѣсколько мелкихъ. Но въ настоящее время еще невозможно оцѣнить дѣйствительную силу каждой изъ группъ, даже приблизительно.

Въ общемъ, надо полагать, что избиратели довѣрятъ защиту своихъ интересовъ тѣмъ, отъ кого будутъ ждать болѣе сильной оппозиціи.

— Московскіе земцы о законѣ 6 августа. Сотрудникъ «Русск. Лист.» освѣдомился у Ѳ. А. Головина (предсѣдателя губернской земской управы) и у Н. Ѳ. Рихтера (предсѣдателя московской уѣздной управы) объ ихъ мнѣніи относительно закона о Государственной Думѣ.

Ѳ. А. Головинъ заявилъ:

— Я держусь того взгляда, какого придерживаются и всѣ земцы. Учрежденіе Государственной Думы—безусловно большой шагъ впередъ. Но въ такомъ видѣ, въ какомъ вылилось положеніе о Государственной Думѣ, хорошаго она обѣщаетъ мало. Народное представительство—безъ народа, такъ какъ рабочіе и крестьяне исключены, и первенствующее положеніе въ Думѣ будутъ занимать мелкіе уѣздные торговцы и промышленники, которые, какъ мы знаемъ, не въ состояніи отдать себѣ отчета въ политической жизни Россіи. Что касается интеллигенціи, то она также исключена... Кто же, спрашивается, будетъ засѣдать въ Думѣ?—Лавочники. И это—народные представители!.. Несомнѣнно, что такое положеніе вещей вызоветъ бурю... Пока мы, земцы, молчимъ, потому что все, что мы скажемъ, можетъ послужить поводомъ къ обвиненію насъ въ натравленіи народа. Для обсужденія положенія о Государственной Думѣ мы собираться теперь не будемъ, а подождемъ дальнѣйшихъ событій, которыя уже укажутъ намъ, какъ нужно дѣйствовать, и что вообще необходимо предпринять.

Н. Ѳ. Рихтеръ:

— Я прочелъ два раза положеніе о Думѣ и могу одно только сказать: цѣлая путаница. И руками развелъ.

Въ этомъ народномъ представительствѣ очень мало народнаго, такъ какъ доминирующее положеніе въ Думѣ будутъ занимать горожане уѣздныхъ и мелкихъ городовъ, а, въ сущности говоря, лавочники и трактирщики. Выбор-

щиковъ на Московскую губернію приходится 92 человѣка; изъ нихъ: отъ съѣзда городскихъ избирателей — 63, отъ съѣзда землевладѣльцевъ — 13, отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей—16.

Отъ Московскаго уѣзда съ 250.000 населенія уѣзныхъ выборщиковъ полагается два человѣка.

— Аграрные безпорядки. Графъ А. П. Игнатьевъ сообщилъ сотруднику «Новаго Времени» свое мнѣніе о существѣ аграрныхъ безпорядковъ.

Фактическая сторона этого сообщенія заслуживаетъ вниманія. По словамъ графа крестьянскіе безпорядки въ Херсонской губерніи вызваны политической пропагандой, нашедшей для себя почву въ нѣкоторыхъ особенностяхъ условій крестьянскаго быта въ Херсонской губерніи. Хотя встрѣчаются тамъ и большіе надѣлы (?) до 4,5 дес., и хотя въ среднемъ надѣлы достигаютъ до 3—4 дес.,—гораздо больше, чѣмъ въ средней Россіи,—но прокормиться круглый годъ съ семьей отъ одного урожая невозможно. Къ этому надо добавить и то, что въ Херсонской губерніи насчитывается не мало (около 200 т.) пришлаго населенія «арендаторовъ», вовсе не получившихъ надѣловъ, а также не малое число такъ называемыхъ четвертныхъ надѣловъ.

Въ большинствѣ уѣздовъ нѣтъ ни отхожихъ промысловъ, ни какого-либо кустарнаго производства, фабрично-промышленное производство въ зачаткѣ. Бѣдность родитъ мысль о малоземельи, вызываетъ чисто стихійную жажду земли, которая, не удовлетворяясь, принимаетъ все большіе и большіе размѣры. На обширныя помѣщичьи владѣнія крестьяне смотрятъ какъ на какую-то несправедливость, чѣмъ и объясняется то недоброжелательное отношеніе къ помѣщикамъ, которое приводитъ къ аграрнымъ безпорядкамъ. Характерная особенность еще Херсонской губерніи, представляющей вообще собою какое-то странное mixtum compositum, это общинное землевладѣніе, тогда какъ въ сосѣднихъ Подольской и Кіевской губерніяхъ введено подворное. Почему тамъ введенъ общинный строй, который совершенно не въ духѣ мужика-южанина и въ духѣ только великорусса, остается невыясненнымъ, но на землепользованіи крестьянъ Херсонской губерніи этотъ строй отражается въ особенности тягостно.

Стихійная жажда земли, недовольство бѣдностью создаетъ удобную атмосферу для политической пропаганды. Цѣлыми кипами прокламаціи разбрасываются по избамъ, по дворамъ. Разсказывали, что въ одномъ селѣ въ пасхальную ночь прокламаціи были воткнуты пучками въ телѣги пріѣхавшихъ въ церковь крестьянъ.

Обыкновенно крестьяне нѣсколькихъ деревень, подойдя большой толпой къ помѣщичьему дому,—какъ крестьяне называютъ «громадой»,—предъявляютъ помѣщику болѣе или менѣе одни и тѣ же словесныя, а иногда и письменныя требованія. Требованія, которыя долженъ подписать помѣщикъ, начинаются словомъ: «Навсегда». Крестьяне требуютъ, чтобы прежде всего было отказано отъ работы тѣмъ пришлымъ на заработки крестьянамъ, которые явились изъ другихъ губерній: Подольской и Кіевской.

Затѣмъ крестьяне требуютъ, чтобы заработная плата, обыкновенно 30—40 к.

въ день, была повышена до одного рубля, чтобы помѣщичья земля отдавалась въ аренду только своимъ крестьянамъ по извѣстной цѣнѣ. Далѣе идетъ рядъ чисто хозяйственныхъ требованій, конечно, въ пользу крестьянъ. Не прибѣгая къ какимъ-либо насиліямъ, крестьяне только грозятъ помѣщику и его близкимъ всякими несчастьями, но видъ угрожающей толпы крестьянъ, беззащитность принуждаютъ помѣщика подписывать эти условія, дѣлающія невозможнымъ дальнѣйшее хозяйство помѣщика. Иногда крестьяне заставляли помѣщика удалить немедленно изъ помѣстья всѣхъ служащихъ, и сами начинали пасти помѣщичье стадо, убирать поля, какъ будто все это уже принадлежало крестьянамъ.

Въ Ананьевскомъ уѣздѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней толпа крестьянъ, числомъ до тысячи человѣкъ, разъѣзжала по помѣщичьимъ усадьбамъ, заставляя помѣщиковъ соглашаться на ихъ требованія. Характерно показаніе одного крестьянина, бывшаго въ числѣ «коммиссіи» изъ 29 человѣкъ, руководившихъ этой толпой. На вопросъ, что привело его къ такому движенію, онъ разсказалъ, что агитаторы стали говорить ему, какъ онъ бѣдно живетъ, и только тогда онъ увидалъ свою бѣдность и ему стало жалко самого себя. Толпа эта была разсѣяна только съ прибытіемъ воинской команды.

Агитація ведется, главнымъ образомъ, лицами, имѣющими непосредственное отношеніе къ населенію. Въ числѣ арестованныхъ лицъ есть нѣсколько учителей народныхъ школъ, студентъ, сынъ волостного старшины и даже одинъ австрійскій подданный, пріѣхавшій, по его собственнымъ словамъ, исключительно для революціонной агитаціи въ этомъ краѣ.

— Хотя порядокъ въ Херсонской губерніи и былъ водворенъ настолько, что сборъ хорошаго урожая оказался обезпеченнымъ, но едва ли можно утверждать, чтобы населеніе Херсонской губерніи было вполнѣ спокойно и что аграрное движеніе болѣе тамъ не повторится. Агитація работаетъ и повтореніе происшедшаго возможно.

— Голосъ рабочихъ. «Южн. Сл.» доставлена слѣдующая резолюція рабочихъ кременчугскихъ и крюковскихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, покрытая сотнями подписей: «Принимая во вниманіе, что участившіеся погромы за послѣднее время во многихъ городахъ вызываются темными силами, имѣющими цѣлью разжигать человѣконенавистническія страсти претендующими на возбужденіе національной розни и сѣющими смуту въ средѣ рабочихъ и мирныхъ обывателей, мы, русскіе кременчугскіе рабочіе и рабочіе крюковскихъ ж. д. мастерскихъ, присоединяемся къ заявленію полтавскихъ рабочихъ, помѣщенному въ газетѣ «Южное Слово», и заявляемъ, что мы настойчиво рѣшили всячески противодѣйствовать злымъ умысламъ и затѣямъ подонковъ общества и, стоя на стражѣ своихъ интересовъ, во всякое время будемъ давать отпоръ негодяямъ и не допустимъ ни въ коемъ случаѣ учиненія антиеврейскаго погрома».

— «Слово» сообщаетъ, что во время пріостановки путиловскаго завода, вызвавшей голодъ среди рабочихъ, рабочіе Николь-Маріупольскаго завода прислали собранные ими для поддержки путиловцевъ 512 р. при слѣдующемъ

письмѣ: «Когда русскій рабочій въ борьбѣ со своей тяжкой долей наносилъ ударъ за ударомъ гнетущимъ его темнымъ силамъ, вы, товарищи-путиловцы, всегда были впереди. Когда враги рабочаго класса нападали на насъ вы, товарищи, принимали ихъ первые удары. Въ славной борьбѣ послѣдняго времени ваша самоотверженность всегда служила для насъ святымъ примѣромъ. Темныя силы, которыя гнетутъ насъ рабочихъ и всю Россію, на васъ, какъ на передовыхъ борцовъ, обрушились съ особенной силой. Вѣрьте же, товарищи, что мы вмѣстѣ съ рабочими всей Россіи готовы на упорную борьбу, что всѣ мы, объединившись въ крѣпкую силу, побѣдимъ враговъ рабочаго класса. Примите же отъ насъ, рабочихъ Никополь-Маріупольскаго завода, товарищескую поддержку и братское сочувствіе».

ПО ПОВОДУ.

(Изъ жизни въ провинціи).

Разные случаи съ „направленіемъ".—Проектъ уничтоженія института политической невинности. — Практическіе выводы изъ этого проекта въ Гомелѣ. — Свободный художникъ г. Шараповъ.—Суздальскіе натурщики, курскіе и прибалтійскіе дворяне. — Крѣпостники подъ маской „самой обыкновенной старухи".—Народъ и „направленія".

Вы помните разсказъ Глѣба Успенскаго, какъ обыкновенная, самая обыкновенная старуха «умерла за направленіе?» Гдѣ-то, относительно старухи даже въ потусторонних сферахъ, обнаружилось самое народолюбивое «направленіе» съ самыми искренними намѣреніями. Какая-то въ высшей степени геніальная голова и талантливый организаторъ предпринялъ уже въ этомъ «направленіи» практическіе шаги и чуть ли не заставилъ дѣйствовать по своей волѣ весь бюрократическій механизмъ. Механизмъ подѣйствовалъ,—и самая обыкновенная старуха умерла. Черезъ это самое «направленіе». И въ провинціи теперь все тоже—«умираютъ за направленіе».

Но, какъ извѣстно, теперь въ Россіи не одно народолюбивое направленіе, а масса. Кто для пользы народа точно также стремится овладѣть механизмомъ, не особенно считаясь съ его «маленькими недостатками», а кто—рѣшительно отвергаетъ этотъ механизмъ цѣликомъ. Да и самъ механизмъ нынче одушевленъ своей собственной идеей. Такимъ образомъ, чуждыхъ какому-либо направленію осталось очень мало. Но за то, въ обратной пропорціи, и смертность среди нихъ чрезвычайно усилилась. Стоитъ только обратить вниманіе на множество оффиціально именуемыхъ «любопытными», погибающихъ на улицахъ русскихъ городовъ только потому, что не подозрѣваютъ о новомъ «направленіи», какое приняли улицы и переулки. Черезъ это «направленіе», которое не имѣетъ ничего общаго съ направленіемъ уличныхъ путей сообщенія для удобства прохожихъ, и погибаютъ. Несмотря на усиленныя предупрежденія и приказы губернаторовъ, градоначальниковъ и полицеймейстеровъ не ходить тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, т.-е. по улицамъ, обыватель все же ходитъ, и убѣждается, что, дѣйствительно, «направленіе» улицы теперь не то.

9-го іюля, вечеромъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ происходила мирная манифестація. «Когда манифестанты уже разошлись, сообщаетъ подписчикъ «Юриста», и на улицѣ остались одни мирные граждане, *имѣвшіе желаніе притти поглазѣть* (курс. нашъ), неизвѣстно кѣмъ былъ отданъ приказъ казакамъ разсѣять публику, вслѣдствіе чего масса казаковъ съ крикомъ и гикомъ бросилась на обѣ панели улицы, давя мужчинъ, женщинъ и молодежь лошадьми и нанося страшные удары шашками ни въ чемъ неповиннымъ обывателямъ. Раздались ужасные крики, вопли и стоны отъ боли ударовъ, но скрыться было некуда— всѣ ворота были заперты». 10-го и 11-го продолжалось побоище, при чемъ избіенія въ теченіе этихъ двухъ дней производили уже не казаки, а дикая чернь. Въ собраніи нижегородской думы 12-го іюля, присяжный повѣренный г. Абрамовъ въ поданномъ заявленіи такъ описывалъ видѣнное имъ:

«Я видѣлъ 10-го іюля на Острожной площади, какъ толпа черни набрасывалась на совершенно беззащитныхъ людей.

Я видѣлъ, какъ чернь преслѣдовала въ одной злобѣ людей, въ ужасѣ спасавшихся!

Я видѣлъ десятки кулаковъ и палокъ, опускавшихся на человѣка и превращавшихъ его въ одно мгновеніе въ кусокъ мяса.

Я видѣлъ людей, у которыхъ, вмѣсто лица была сплошная, кровавая безформенная маска, на головѣ зіяли раны.

Я видѣлъ, наконецъ, совсѣмъ бездушныя тѣла». («Рус. Сл.»).

Эти кровавыя сцены полицеймейстеръ, а на основаніи его сообщеній и департаментъ полиціи представляетъ, какъ расправу рабочаго люда надъ возмутившими ихъ демонстрантами. Этой стороны дѣла мы еще ниже коснемся по существу. Сейчасъ же остановимъ вниманіе на «мирныхъ гражданахъ, имѣвшихъ желаніе притти поглазѣть» и превращенныхъ въ демонстрантовъ съ «направленіемъ». Пусть такъ. Но, что можно сказать безопасно, вообще, о всѣхъ, то становится опаснымъ въ частности. Въ числѣ убитыхъ «демонстрантовъ» департаментъ полиціи называетъ и аптекаря Гейнце, который, по словамъ сообщенія, игралъ даже «руководящую роль».

Но оказалось, какъ уже извѣстно читателямъ «Міра Божьяго» *), что умеръ дѣйствительно, несчастный А. К. Гейнце, а не его замѣститель, вождь демонстраціи. Однако, заблужденіе, въ которое неизвѣстно кто ввелъ департаментъ полиціи, очень знаменательно, тѣмъ болѣе, что такая ошибка — не первая **). Оно говоритъ, что привѣтствія по адресу бюрократіи со стороны невольно идущихъ на смерть «за направленіе» слишкомъ часты и утомительны, и что избавиться отъ этого можно, только признавъ всѣхъ виноватыми. «Старухи» упраздняются.

* * *

9—11 іюля въ Н.-Новгорогѣ, 21-ое іюля въ Балашовѣ и 18-ое іюля въ Кишиневѣ,—все дни одного характера. «Возмущенное» населеніе учиняетъ

---

*) См. внутреннюю хронику въ № 8.

**) Другой случай, см. тамъ же.

самосудъ надъ лицами съ «направленіемъ». Такъ, по крайней мѣрѣ, освѣщаютъ событія всѣ, кто имѣетъ на это право или въ достаточной степени пользуются такой прерогативой. Въ Н.-Новгородѣ «судили» демонстрантовъ, въ Балашовѣ—земскій медицинскій персоналъ, оставившій службу, а въ Кишиневѣ—вообще, «чистую публику», выходившую изъ сада и театра. А судьи—кто?

Въ оффиціальныхъ отвѣтахъ на этотъ вопросъ наблюдаются любопытные оттѣнки и своеобразная игра тѣней. Саратовскій губернаторъ г. Столыпинъ говоритъ туманно объ «обывателяхъ города», озлобленныхъ противъ врачей и собравшихся «въ количествѣ 2000 человѣкъ противъ гостиницы, гдѣ происходило совѣщаніе врачей и постороннихъ лицъ». Передовые ряды этой толпы, говорится далѣе въ этомъ оффиціальномъ сообщеніи, держали портретъ Государя и пѣли народный гимнъ. При появленіи губернатора толпа «обѣщалась не прибѣгать къ насилію,—продолжаетъ г. Столыпинъ,—и, казалось, удовлетворилась моимъ обѣщаніемъ переписать находящихся въ гостиницѣ лицъ, а въ случаѣ виновности ихъ возбудить противъ нихъ судебное преслѣдованіе, но когда я лично выводилъ изъ гостиницы врачей, укрывавшихся въ нумерахъ, подвалахъ и на чердакѣ, для препровожденія ихъ подъ конвоемъ казаковъ на вокзалъ желѣзной дороги, нѣкоторыя лица изъ толпы начали бросать въ нихъ камнями, при чемъ я лично получилъ поврежденіе пальца. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось оградить уѣзжавшихъ отъ разошедшейся толпы. Толпа разгромила дома бывшаго частнаго повѣреннаго Феологова и купца Тараксина и избила врачей Шмелева и Невзорова, попавшихся на улицѣ».

Объявляя, что онъ «не потерпитъ» такого самосуда, г. Столыпинъ все же пытается найти объясненія для поведенія толпы. Въ общемъ, объясненія, такъ сказать, смягчающія вину обстоятельства сводятся въ его формулировкѣ къ тому, что, «описанныя въ приведенномъ объявленіи событія были вызваны несомнѣнно оскорбленнымъ, хотя и дикимъ, патріотическимъ чувствомъ, чему отчасти способствовало въ высшей степени безобразное поведеніе публики въ залѣ земскаго собранія». Еще болѣе смягчаетъ вину 2000 обывателей поправка, которую г. Столыпинъ поспѣшилъ опубликовать въ газетахъ. Нужно читать не—«дикимъ патріотическимъ чувствомъ», а—«несомнѣнно оскорбленнымъ патріотическимъ, хотя и дико проявленнымъ, чувствомъ».

«Къ сожалѣнію», и казаки обвиняются въ томъ же. «Къ сожалѣнію, нѣсколько казаковъ, эвакуировавшихъ врачей на вокзалъ, раздраженные безпорядками и угрожающими жестами одного изъ сопровождаемыхъ ими, нанесли имъ нѣсколько ударовъ нагайкой, не имѣвшихъ сколько-нибудь серьезныхъ послѣдствій». Въ сообщеніи, разосланномъ уѣздной земской управой уѣзднымъ гласнымъ, говорится, что «ударамъ нагаекъ подверглись и. д. предводителя дворянства Н. Н. Львовъ, 6 врачей и еще 10—12 другихъ служащихъ. Спасавшіеся отъ толпы врачи Ф. Н. Шмелевъ и В. Д. Невзоровъ были жестоко избиты въ полицейскомъ управленіи пожарными».

Все это вызвано жестомъ одного! Понятно теперь заключеніе управы: «создалось такое положеніе, что управѣ ничего не оставалось дѣлать другого, какъ

прекративъ всякія дѣйствія, запереть зданіе, опечатать его и выѣхать изъ Балашова въ безопасное мѣсто, въ Романовку, впредь до водворенія полнаго порядка и безопасности».

Но не это положеніе безпокоитъ г. Столыпина. Его возмущаетъ то же, что возмущаетъ «обывателей города» и казаковъ. Только со способомъ выраженія чувствъ онъ не согласенъ. А въ слѣдующемъ циркулярѣ отъ 29 іюля онъ еще точнѣе формулируетъ это тактическое разногласіе. «Я требую, гласитъ циркуляръ, чтобы всѣ чины полиціи были проникнуты сознаніемъ, что захватъ власти толпою является насильственнымъ присвоеніемъ себѣ полномочій, принадлежащихъ полиціи и администраціи. Событія въ Балашовѣ были остановлены въ зачаткѣ усиліями полиціи и войскъ, но повторенія ихъ въ предѣлахъ губерніи я не потерплю». Словомъ, соотвѣтственно старой славянофильской формулѣ, саратовскій губернаторъ требуетъ себѣ всю силу власти, а балашовскимъ патріотамъ оставляетъ силу мнѣнія. А единодушіе власти и мнѣнія въ Балашовѣ, дѣйствительно, рѣдкое!

Болѣе скромны въ опредѣленіи числа и качества своихъ идейныхъ товарищей оказались нижегородскія власти. Ихъ составляло, по сообщенію полицеймейстера, не все мужское населеніе города, а только «толпа рабочихъ». Но и въ этой сравнительно небольшой компаніи солидарность полная. Въ самомъ дѣлѣ, что иначе, какъ не трогательное единомысліе, даетъ отвѣты на поставленные г. Шереметевскимъ въ «Рус. Вѣд.» вопросы:

«1) Почему собралась цѣлая «толпа рабочихъ» въ непраздничный день 9 іюля?

2) Почему полицеймейстеръ не успѣлъ записать имена «рабочихъ», кричавшихъ ему, что «они сами справятся»,—записать на предметъ ихъ судебнаго преслѣдованія за угрозы насиліемъ,—не успѣлъ, хотя они угрожали открыто и даже успѣли изложить всѣ основанія для своихъ угрозъ?

3) Почему «неизвѣстныя лица», произведшія безъ всякаго повода нѣсколько выстрѣловъ въ «рабочихъ», не были немедленно арестованы, хотя и полиція, и казаки были уже въ готовности еще наканунѣ?

4) Почему «толпа рабочихъ», «остановленная» 9 іюля и собравшаяся на томъ же мѣстѣ 10, въ этотъ день не была «остановлена», хотя полицеймейстеръ былъ предупрежденъ еще наканунѣ о готовящемся избіеніи самими же «рабочими»?

5) Почему полиція не успѣвала «спасать избиваемыхъ», между тѣмъ какъ «разъяренный народъ» находилъ время и спокойствіе духа для того, чтобы предварительно «обыскать» и потомъ уже приниматься за избіеніе «своихъ жертвъ»?

6) Наконецъ, почему послѣ того, какъ избіеніе уже совершилось и неизвѣстно, гдѣ, кѣмъ и когда оно можетъ снова повториться, такъ увѣренно объявляется, что всякія «попытки къ учиненію насилій будутъ подавлены», между тѣмъ какъ этого не было сдѣлано 10 и 11 іюля, когда полиціи извѣстно было и гдѣ, и когда, и кто вызывался «учинить насиліе»?

Нижегородскія мимозы, тщательно берегущія свое сокровище—политическую

невинность, столь восхитили нашихъ реакціонеровъ, что г. Очевидецъ въ письмѣ къ г. Шарапову такъ оцѣниваетъ событія 9—11 іюля:

«Вотъ оно! Началось, наконецъ, великое народное движеніе, народъ заговорилъ погромче нежели шереметевская депутація. Теперь Царь-Государь наконецъ пойметъ, съ кѣмъ и за кого Его народъ, и не отдастъ насъ евреямъ и ихъ прислужникамъ и наемникамъ. Удивительный поворотъ принимаетъ русская революція, и, если она пойдетъ по этому пути, то значитъ мы съ вами не обманулись въ силахъ русскаго народа и его глубокой самобытности. Замѣтьте, что движеніе это началось именно тамъ, гдѣ 200 лѣтъ назадъ возникла мысль о спасеніи отечества въ головѣ великаго Кузьмы.

«Нижегородское движеніе, Богъ дастъ, положитъ прочное начало своеобразной русской конституціи».

«На приказаніе губернатора оказывать болѣе энергичное содѣйствіе къ защитѣ избиваемыхъ казаки только отжимали немного православный народушко, но нагайками дѣйствовать отказывались, заявляя, что съ измѣнниками Царю такъ и нужно поступать, какъ поступаетъ народъ».

Своеобразнѣй нижегородской конституціи «православнаго народушка» чего ужъ придумать!

* * *

Въ борьбѣ, которая разыгрывается кругомъ, волей-неволей теперь всѣ виноваты. Она всѣхъ втянула. По крайней мѣрѣ, административные органы никого не признаютъ благонадежнымъ. Въ борьбѣ это имѣетъ свои удобства, такъ какъ расширяетъ поле дѣйствія и позволяетъ поменьше стѣсняться. Въ Кременчугѣ, напр., полиція запретила ношеніе палокъ на улицахъ и въ садахъ. Но, кажется, никто еще не достигъ такихъ логическихъ вершинъ въ развитіи этого административнаго благовоззрѣнія, какъ гомельскій полицеймейстеръ Хлѣбниковъ. Вотъ безпримѣрный документъ, расклеенный на улицахъ Гомеля:

«За мое 4-хъ дневное пребываніе было уже два раза покушеніе на мою жизнь чрезъ бросаніе бомбъ. Негодяи, бросившіе бомбы—евреи. Предупреждаю, что *всякаго еврея, принадлежащаго къ отбросамъ еврейскаго общества и называющаго себя демократомъ, на пути моего слѣдованія по городу, будутъ разстрѣливать на разстояніи 50 шаговъ впереди отъ моего экипажа сопровождающіе меня казаки, о чемъ и отдано распоряженіе.* За эти дни въ разъѣзды и патрули изъ многихъ домовъ въ войска посылались выстрѣлы, и при допросѣ домовладѣльцевъ, послѣдніе отнѣкивались тѣмъ, что разъ у нихъ сдана квартира, они за нее не отвѣчаютъ, при повѣркѣ же, оказывалась квартира не занятой. Объявляю, что въ такихъ случаяхъ, *приказъ по гарнизону стрѣлять въ оскорбителей воинскихъ чиновъ, будетъ примѣняться къ дому, независимо кто тамъ живетъ,* а потому гг. домовладѣльцы обязаны строго слѣдить за тѣмъ, чтобы не имѣли туда доступъ крамольники.

Двухкратное покушеніе на мою жизнь не остановитъ меня въ принятіи энергическихъ мѣръ къ подавленію безобразій, и я призываю гомельское обще-

ство къ мирному теченію жизни, памятуя, что даже безвредная толпа людей, препятствующая свободному движенію публики, накажется закономъ.

Послѣднее явленіе замѣчено мною по Румянцевской улицѣ, гдѣ я замѣтилъ группы евреевъ—солидныхъ и по возрасту и по положенію. Противъ этого мною будутъ тоже приняты мѣры».

Нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе этого объявленія проливаетъ дальнѣйшее событіе, разсказанное въ «Сынѣ Отеч.» (№ 147). Когда жители Гомеля отправили къ г. Хлѣбникову депутацію съ просьбой не волновать городъ такими приказами, полицеймейстеръ отвѣтилъ загадочными словами:

— «Если бы у меня была 1000 руб., я уѣхалъ бы отсюда»...

Что-бы ни значили эти слова, любопытенъ пріемъ, употребленный г. Хлѣбниковымъ. Въ духѣ новыхъ вѣяній онъ рѣшительно отказывается принимать свидѣтельства объ обывательской невинности, ибо не такое теперь время. И у него оказался весь городъ заслуживающимъ разстрѣла. Интересно сопоставить Гомель съ Балашовымъ, который оказался сплошь политически невиннымъ по другому административному же приказу. Какая разница въ судьбѣ! Всѣ эти рѣшительные приговоры невольно заставляютъ умъ работать по-гоголевски. Что, ежели бы въ Балашовъ да г. Хлѣбникова, у котораго всѣ виноваты, а въ Гомель—саратовскаго губернатора? Измѣнилась ли бы картина, если одинъ раздѣлываетъ лица подъ враговъ отечества, а другой—подъ спеціально-невинныхъ, распѣвающихъ гимны?

* * *

За оффиціальными художниками — суздальцами слѣдуетъ цѣлая школа учениковъ, пытающихся разрисовать всѣ общественныя сословія и состоянія по казенному трафарету. Съ одной стороны, несомнѣнное стремленіе втянуть всѣхъ въ борьбу, съ другой—желаніе придать всѣмъ же одно обличье,—обѣ эти цѣли какъ-то хитро соединяются въ душѣ рисовальщиковъ. Одинъ изъ нихъ г., Шараповъ, даже затѣялъ намалевать всероссійское полотно на тему «Война или миръ?» Картина должа изображать въ портретахъ все населеніе государства въ двухъ группахъ: одна, на право, за войну, другая, на лѣво, за миръ. По правиламъ суздальской школы, г. Шараповъ приготовилъ два образца для выраженія лицъ той и другой группы. Онъ разослалъ по волостямъ и сельскимъ правленіямъ листки для своего плебисцита съ предложеніемъ высказаться за одинъ изъ двухъ составленныхъ имъ отвѣтовъ. Никакого третьяго не полагается. Вотъ эти шаблоны. Первый: — «На запросъ редакціи нашъ отвѣтъ таковъ: мира не просить. Посредничества не принимать. Контрибуціи не платить. Чести Россіи не унижать. Молить всѣмъ міромъ Бога о побѣдѣ. Принести за Отечество всѣ жертвы. Вести войну до конца. Обезсиливать врага затяжкой и отступленіями, пока прибудетъ силы. Пусть сама Японія проситъ мира—и миръ принять почетный». Второй отвѣтъ:—«Войну кончить. Просить у японцевъ мира. Заплатить имъ контрибуцію. Сдѣлать нужныя уступки». Но даже и съ двумя образцами физіономій свободный художникъ не сумѣлъ справиться. А потому бланку съ отвѣтами онъ предпослалъ воззваніе, доказывающее необходимость войны и пугающее народъ контри-

буціей по сту рублей со двора. Кромѣ того, черновая раздѣлка портретовъ, такъ сказать, этюды производились на мѣстахъ при помощи слѣдующихъ пріемовъ. Въ Славяносербскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., напр., плебисцитъ велся такъ. Предержащая власть собирала сходъ, и обращалась съ такой рѣчью къ крестьянамъ:

— «Подписывайся! Да помните, что, если будетъ миръ, такъ съ каждаго двора царь велѣлъ взять по сто рублей,—платить японцу! Ну, живѣй, подписывайся, запомни, что никогда Россія нехристямъ не поддавалась!

Опѣшившіе мужички, не желая разорять себя, подписывались за войну («Наша жизнь» № 188).

Въ с. Бронницахъ Нижегородской губ. урядникъ ходилъ съ шараповскими листками по дворамъ, «заставляя подписыватся за продолженіе войны».

Такимъ образомъ, по словамъ самого г. Шарапова, получалось, что «изъ цѣлаго *потока* писемъ и заявленій, опредѣлившихъ настроеніе Россіи безусловно за продолженіе войны,—однихъ мірскихъ приговоровъ поступило въ редакцію свыше 400». А 20 іюля въ «Русскомъ Листкѣ» появилась замѣтка:

«Устроенный редакціей журнала «Пахарь», вопросъ о томъ, кто стоитъ за продолженіе войны и кто за прекращеніе ея, далъ поразительные результаты. По 16 іюля 500.000 голосовъ русскихъ, преимущественно крестьянъ, высказалось за продолженіе войны и противъ позорнаго мира; за прекращеніе войны высказалось только 1.000 голосовъ, преимущественно сельскихъ интеллигентовъ».

Корреспонденту «Слова» (см. № 202) г. Шараповъ со скромностью, свойственной великимъ художникомъ, признался, что сообщеніе «Русск. Листк.»—«преувеличеніе».

— «Не 500 тысячъ, а приблизительно около 300 тысячъ голосовъ».

Теперь князь Щербатовъ начисто отдѣлываетъ фигуры. Картина называется, какъ думаютъ «Моск. Вѣд.»—«Документальный ударъ либераламъ». Она будетъ изображать 300 тысячъ головъ съ совершенно одинаковымъ у всѣхъ воинственнымъ выраженіемъ лица. Одна пустая рука рѣшительно протягивается къ алтарю отечества, на которомъ написаны слова изъ шараповскаго листка: «Принести за Отечество всѣ жертвы». Другая судорожно сжимаетъ высовывающуюся изъ кармана сторублевку. Говорятъ, что въ полетѣ творческой фантазіи Шараповъ хотѣлъ всѣмъ фигурамъ придѣлать еще по третьей рукѣ, протянутой къ небу, въ которую провидѣніе опускаетъ субсидіи и наградныя,—это, такъ сказать, для идейности картины. Но, подумавши, оставилъ этотъ придатокъ только себѣ; не дѣлить же полученную имъ субсидію въ 81.000 руб. на 300 тысячъ частей!

Увлеченный успѣхомъ, издатель «Пахаря» и «Русскаго Дѣла» пожелалъ устроить точно такой же плебисцитъ и относительно еврейскаго вопроса. Онъ получилъ болѣе 15.000 подписей за недопущеніе евреевъ въ народное представительство.

Г. Шараповъ, очевидно. любитъ оперировать съ астрономическими числами «300.000», «15.000». Но, какъ всегда, эти громадныя числа портитъ какая-

нибудь маленькая цифра. Напр., всѣ подписи одного заявленія оказались съ необычайными росчерками и походили одна на другую.

— «Не то это мистификація, не то всѣ подписавшіе были одинаково пьяны», откровенно сказалъ бойкій суздалецъ.

Замѣчательно, что натурщики нашего свободнаго художника отлично понимаютъ даже чисто формальную сторону его искусства, его манеру расписывать лица подъ одинъ образецъ. Отъ нихъ не скрылось, что г. Шарапову нужны не ихъ мнѣнія и отвѣты, а только подписи. Вотъ какъ, напр., отвѣтили крестьяне г. Шарапову на его же бланкѣ, однако, минуя заготовленную имъ резолюцію («Сынъ Отеч.» № 127):

«Когда начиналась война съ Японіей, всѣ почти газеты увѣряли насъ, что эта война очень скоро кончится полной побѣдой надъ «япошками».

Рѣчи же о томъ, чтобы спросить мнѣнія нашего, относительно того, воевать ли съ Японіей или нѣтъ—ни одна газета не заводила. Теперь же, когда, вмѣсто обѣщанія полной скорой побѣды надъ японцами, мы видимъ лишь одни пораженія насъ, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, такіе гг., какъ Шараповъ, считаютъ нужнымъ чрезъ наши сельскія власти, которыя, къ слову сказать, выбираются нами не для собиранія взглядовъ, нужныхъ гг. Шараповымъ, спросить насъ, «что намъ дѣлать: воевать до побѣды надъ японцами, въ которой мы стали сомнѣваться, или заключить миръ?». Если г. Шараповъ усиленно желаетъ веденія войны изъ того побужденія, что она принесетъ намъ, крестьянамъ, истинныя блага, то мы просили бы его лучше обратиться ко всѣмъ крупнымъ дворянамъ и землевладѣльцамъ съ воззваніемъ, чтобы они, прежде всего, отвели изъ своихъ многочисленныхъ владѣній достаточное намъ количество земли, взяли бы на свои плечи ту массу налоговъ, которую намъ приходится нести, дали бы возможность намъ учить своихъ дѣтей тамъ, гдѣ они учатъ, а также предложили бы всѣмъ, желающимъ продолженія войны, собрать нужное количество денегъ, какъ на веденіе войны, такъ и на обезпеченіе нашихъ сыновей и братьевъ, которые должны были покинуть свои дома для завоеванія никому изъ насъ ненужной Манчжуріи. Вотъ, въ этомъ-то случаѣ, мы бы видѣли, что г. Шараповъ дѣйствительно радѣетъ о нашемъ крестьянскомъ благѣ».

Слѣдуетъ подпись священника и затѣмъ приписка:

«Мы, нижеподписавшіеся, крестьяне просимъ уважаемую редакцію «Сын. Отеч.» помѣстить вышеозначенную корреспонденцію,—которая написана священникомъ по нашей просьбѣ,—въ вашей газетѣ».

Слѣдуютъ подписи.

* * *

Не знаемъ, почему курскіе дворяне не попали въ картину г. Шарапова. Просились ли они, да мѣста не хватило, или они сами не пожелали фигурировать рядомъ съ простонародьемъ, но фактъ тотъ, что они самостоятельно изобразили ту же группу одинаковаго характера и экспрессіи. Вѣрнѣе—это живая картина: курскіе дворяне, приносящіе, т.-е сулящіе принести на алтарь отечества все свое достояніе, женъ и дѣтей и еще многое другое.

Группа вышла столь величественной, что потрясла друговъ и недруговъ. Несчастныхъ дворянъ стали пытать и щипать: живые они или поддѣльные. Графъ Доррерь, одна изъ нечаянно выдвинувшихся фигуръ, не выдержалъ испытанія и открылъ всю сущность. По разслѣдованіи оказался нарочито сдѣланнымъ для живой картины и вчерашняго происхожденія. Кромѣ того, изъ объясненій несчастнаго фигуранта уже совсѣмъ ясно обнаружилось, что это только «представленіе», игра. И добровольцы-то у нихъ такіе, что отправляются на войну, потому что по обязанностямъ службы имъ *нужно* итти въ дѣйствующую армію. И деньги-то они жертвуютъ не свои, да и тѣ еще не положили на алтарь. Словомъ, графъ окончательно разстроилъ игру. Но злобная и завистливая публика не удовлетворилась этимъ и стала ужъ во всемъ сомнѣваться. Неужели, молъ, всѣ курскіе дворяне скроены по одной мѣркѣ,— что ни лицо, то горитъ желаніемъ сразиться съ врагомъ? И тутъ обнаружилась суздальская подмалевка. Одинъ изъ курскихъ дворянъ, уѣздный предводитель дворянства, разсказалъ сотруднику «Руси» слѣдующую пикантную исторію.

Курскіе дворяне, оказалось, раздѣляются на двѣ партіи, консерваторовъ и либераловъ. Когда консерваторы выстроились на дворянскомъ собраніи въ живописную группу, одинъ изъ либераловъ предложилъ имъ подкрѣпить посылку адреса немедленной, тутъ же въ собраніи, подпиской пожертвованія.

«— Дайте листъ, я подписываю все свое имущество!»—вскричалъ нѣкій консерваторъ, обремененный большой семьей и малымъ имуществомъ.

За нимъ потянулись и другіе. Очевидно, что первый, подавшій примѣръ, «раненый на смерть игралъ, гладіатора смерть представляя». Патріотическій порывъ грозилъ выйти изъ рамокъ суздальской картины. Тогда одинъ «разумный и осторожный» сообразилъ, что, если консерваторы обнищаютъ у либераловъ же состоянія останутся, то послѣдніе заберутъ въ свои руки всю силу. И консерваторскимъ играмъ навсегда конецъ. Это соображеніе сразу охладило пылкихъ актеровъ,—подписка была оставлена.

Гораздо лучше и на болѣе интересныхъ началахъ устроились курляндскіе помѣщики. И въ этихъ доблестныхъ рыцаряхъ проснулся старый, отъ предковъ унаслѣдованный, боевой пылъ. Осѣдлали добрыхъ коней, опустили забрала, мечъ въ руку,—и двинулись массами... на полицейскую службу. Платя дань нашему времени, они стали поражать внутреннихъ враговъ, вмѣсто того, чтобы искать гдѣ то на Дальнемъ Востокѣ невѣрныхъ. За ними устремились изъ своихъ замковъ и лифляндскіе помѣщики. Но бывшій губернаторъ М. А. Пѣшковъ не понялъ одушевляющаго ихъ патріотическаго чувства и каждый разъ отклонялъ ихъ ходатайства. «Dün. Ztg.» увѣряетъ, что новый губернаторъ, «въ виду все обостряющагося аграрнаго движенія», разрѣшилъ имъ вступить на полицейскую службу.

Такимъ образомъ, въ прибалтійскомъ краѣ поднимается крестовый походъ. «Мой капиталъ!»—имя прекрасной дамы, на устахъ у всѣхъ крестоносцевъ и, какъ громъ, поражаетъ полчища невѣрныхъ внутреннихъ враговъ. Вотъ это ужъ не курскіе Мальбруги, собравшіеся въ походъ. Сколько не скоблите

прибалтійскихъ бароновъ, не откроете и слѣда суздальской гриммировки. Они всѣ на одно лицо. Бароны покидаютъ отчій домъ и кроткую, законную Амалью, чтобъ прославить всюду свою даму и проповѣдывать объ ея прелестяхъ при помощи полицейскаго свистка.

— Kapital, lumen coeli! этотъ боевой кличъ, украшенный фіоритурами полицейской трели, перекатывается по всему краю, и бароны серьезно намѣрены вписать своей кровью на своихъ щитахъ — «высокая арендная цѣна и низкая заработная плата».

Вотъ гдѣ, г. Шараповъ, надо было искать хорошей натуры для патріотической картины.

Въ одномъ изъ прошлыхъ обозрѣній мы уже имѣли случай коснуться любопытной переписки подольскихъ помѣщиковъ съ подольскимъ губернаторомъ. Первые по поводу аграрныхъ безпорядковъ кивали на «направленіе», а второй недвусмысленно подчеркивалъ капиталистическій аппетитъ помѣщиковъ. Точно въ такую же позицію «самыхъ обыкновенныхъ старухъ», погибающихъ чрезъ это самое «направленіе», попытался стать и гражданскій истецъ, г. Филатьевъ на судебномъ процессѣ о разгромѣ Долбенкинской экономіи въ Дмитровскомъ уѣздѣ. И, какъ добрый человѣкъ, онъ хотѣлъ «притти на помощь этимъ честнымъ людямъ, случайно оказавшимся на скамьѣ подсудимыхъ» и передѣлать ихъ всѣхъ въ старухъ, которыхъ погубило направленіе постороннихъ людей, «этихъ шахтеровъ», появляющихся періодически въ деревнѣ. Но картина раскрытыхъ на судѣ поразительныхъ экономическихъ отношеній, существовавшихъ между крестьянами и истцомъ, въ корнѣ разрушила всѣ ухищренія съ «направленіемъ», изъ-за котораго претерпѣли и истецъ и отвѣтчики.

Мы приведемъ нѣсколько характерныхъ для этой картины отрывковъ изъ рѣчи защитника, присяжнаго повѣреннаго Н. К. Муравьева («Рус. Вѣд.» № 197), ярко обрисовывающей отношенія между г. Филатьевымъ и крестьянами.

«Болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ въ Долбенкинскую экономію прибылъ тотъ, кто по полнотѣ своихъ полномочій, по независимости своей власти, самъ назвалъ себя передъ вами «не управляющимъ», а «намѣстникомъ Его Высочества». Гораздо раньше учрежденія намѣстничества на Дальнемъ Востокѣ и на Кавказѣ, не гдѣ-нибудь на русской окраинѣ, а въ самомъ сердцѣ Россіи утвердилось намѣстничество, самостоятельное и независимое».

Намѣстникъ сталъ покорять и одолѣвать. Вотъ одна изъ его побѣдъ надъ гнанскимъ обществомъ, которую «съ невозмутимымъ хладнокровіемъ» изобразилъ самъ гражданскій истецъ.

«Цѣлое крестьянское общество, какъ разсказалъ съ удивительной откровенностью этотъ странный свидѣтель своихъ злодѣяній, «споконъ вѣку» сидѣло въ предѣлахъ территоріи намѣстничества. Пріѣхалъ намѣстникъ,—громъ грянулъ надъ гнанцами. «Споконъ вѣку сидѣли на землѣ», но не было на нее документовъ у крестьянъ. И вотъ экономія подступила подъ самыя изгороди. Вспаханы и засѣяны были даже улицы селенія. Началось судьбище, которое проиграли крестьяне. «Пожаръ помогъ» г. Филатьеву покончить съ большей частью деревни. А остатокъ дворовъ былъ выселенъ судебнымъ приставомъ».

«Навсегда устранивши», затѣмъ, «внѣшняго врага» въ лицѣ пытавшагося

было вступиться земскаго начальника, намѣстникъ сталъ развивать свою систему управленія.

«У меня, какъ въ лавочкѣ,—характеризовалъ г. Филатьевъ свою систему.— Дешево я вообще, по принципу, никогда не торговалъ; но зато никого и не неволилъ,—хочешь покупай или арендуй, хочешь—нѣтъ».

«У меня не было года, когда хлѣбъ продавался бы крестьянамъ дешевле 60-ти копѣекъ, а на рынкѣ онъ доходилъ до 48-ми и ниже»,—говорилъ намъ Филатьевъ.

Итакъ, дорогой хлѣбъ и дорогая аренда!».

Особенно пышнымъ цвѣтомъ система проявлялась въ порядкѣ и способѣ штрафованія. Вотъ какую примѣрную картинку рисуетъ защитникъ на основаніи показаній и приказчиковъ экономіи и служившихъ въ ней раньше урядниковъ и сельскихъ старостъ Лобановскаго села.

«Вотъ ѣдетъ крестьянинъ въ экономію купить пудъ хлѣба. Разъѣзжаясь со встрѣчникомъ, онъ проводитъ однимъ колесомъ новую колею по экономической землѣ,—рубль штрафа. За его лошадью бѣжитъ жеребенокъ, онъ забѣжалъ въ зеленя,—штрафа полтинникъ. Съ досады на неудачу выругался крестьянинъ, въѣзжая въ экономію,—штрафа рубль, ибо въ усадьбѣ ругаться воспрещено. Чтобы успокоиться, закурилъ цыгарку неудачникъ, что стоило ему полтинникъ, такъ какъ, хотя и домъ, и контора, и людская, и службы были изъ камня и по качеству постройки походили скорѣе на крѣпость, по утвержденію г. Филатьева, тѣмъ не менѣе за куреніе, хотя бы на улицѣ, курильщики строго преслѣдовались. Тѣмъ временемъ сынишка покупателя, недовольный ворчаніемъ отца, убѣжитъ и полѣзетъ купаться въ рѣчку, но его немедленно усмотритъ самъ управляющій въ подзорную трубу, а отца штрафуетъ за купанье еще на цѣлковый и еще на рубль за то, что сынъ подбѣжалъ къ рѣчкѣ по Долбенкинской территоріи. А тутъ и еще бѣда: не успѣлъ снять шапки передъ вышедшимъ «генераломъ»,—и вотъ послѣдняя рублевка занесена въ лицевой счетъ ошалѣвшаго мужика...

Штрафъ за криво проведенную борозду, за недостаточно глубокую вспашку, за слишкомъ поверхностную бороньбу, за неровный посѣвъ, несвоевременную уборку, за слишкомъ быструю, но и за слишкомъ медленную ѣзду, за побои рабочей лошади, за засѣчку ей глаза, за то, что во время работы прошелся по экономической землѣ и проч., и проч., и проч.».

«По удостовѣренію свидѣтеля помощника исправника Филиппова, на вопросъ о томъ, сколько же переплатили крестьяне въ контору хотя бы за послѣднее время, въ толпѣ раздались голоса: «Я заплатилъ 12 рублей, я—13, я— 18 рублей»... Допросъ свидѣтелей обнаружилъ, что эти жалобы не были преувеличены; крестьяне были рады, если они уносили съ собой, за вычетомъ штрафовъ, половину своего заработка. Если вы примете во вниманіе, что въ пользу государства съ ревизской души сходило податей въ среднемъ рублей по 9 въ годъ, то окажется, что подати, которыми были обложены крестьяне въ пользу Долбенкинскаго намѣстничества, не менѣе чѣмъ вдвое-втрое превышали то, что платили они въ государственную казну»...

Если здѣсь и виновато какое «направленіе», такъ только крѣпостническое.

Иначе, какъ полнымъ господствомъ крѣпостныхъ отношеній въ Долбенкинской экономіи, нельзя объяснить событій въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Защитникъ думаетъ, что такую находку, какъ Долбенкинская экономія надо «долго и очень долго искать по частнымъ владѣльческимъ хозяйствамъ многострадальной Руси». Не такъ долго. Тѣ же порядки царятъ и въ Ананьевскомъ уѣздѣ у г. Я. Эслингера, который на частномъ совѣщаніи крупныхъ землевладѣльцевъ особенно настаивалъ, чтобы просить о введеніи военнаго положенія въ Ананьевскомъ уѣздѣ. То же самое крѣпостное право властвуетъ и въ отношеніяхъ экономіи г. Юрьевича къ крестьянамъ деревни Николаевки Аткарскаго уѣзда. Въ саратовскую губернскую земскую управу доставленъ договоръ между ними. Г. Юрьевичъ предоставляетъ крестьянамъ часть своихъ земель, какъ выгонъ для скота, а взамѣнъ крестьяне должны: «1) посѣять подъ соху съ бороной ярового хлѣба тридцать десятинъ, прополоть этотъ хлѣбъ, сколько разъ потребуетъ контора, затѣмъ скосить, связать въ снопы, положить въ крестцы и перевезти въ экономію, гдѣ сложить въ клади; 2) то же самое ржи 30 десятинъ; 3) вспахать, заборонить, передвоить и опять заборонить пара 30 десятинъ; 4) посѣять подъ соху ржи 30 десятинъ; 5) вспахать жнивья 30 десятинъ. Пашня повсюду должна быть глубокая, не менѣе 8 бороздъ въ сажени; 6) убрать по рѣкамъ десять сотенниковъ травы, т.-е. скосить, просушить, сгрести, сметать ометы и по первому требованію конторы перевезти въ экономическое гумно, гдѣ сложить въ ометы хорошей оправкой; 7) всѣ каналы и валы, имѣющіеся по Николаевской усадьбѣ вокругъ Николаевскаго сада и луговъ до стараго гумна, оправить по первому требованію конторы; 8) въ междупорье сдѣлать новый плетень при экономической усадьбѣ не менѣе 40 саж. въ длину и 2 аршина въ вышину, изъ экономическаго лѣсного матеріала, который крестьяне обязаны перевезти на своихъ подводахъ изъ лѣсной дачи по указанію конторы; 9) нарубить и перевезти 50 саж. дровъ, очищая лѣсъ отъ сучковъ и валежника».

Изъ другихъ яркихъ пунктовъ этого договора (?) приведемъ тотъ, который лучше всего выражаетъ сущность крѣпостническихъ отношеній.

«За всѣ причиненные нами (крестьянами) конторѣ убытки посредствомъ потравы или кражи или неаккуратнаго выполненія кѣмъ либо работъ и несвоевременную явку на работы, мы, крестьяне, отвѣчаемъ штрафомъ по усмотрѣнію конторы, и контора въ правѣ отказать намъ отъ пастбища, не доводя дѣло до суда, на что мы, крестьяне, претендовать не имѣемъ права, а въ случаѣ же дѣло коснется суда, то всѣ судебныя издержки мы, крестьяне, принимаемъ на себя». («Сарат. Лист.»).

Любопытно знать, какое «направленіе» приготовился обвинять г. Юрьевичъ, разъ онъ уже готовитъ себѣ аграрныя волненія?

* *
*

Дѣйствительно ли общественно-политическія идеи такъ чужды многомилліонной массѣ лицъ и состояній, населяющихъ Россію? Дѣйствительно ли массамъ приходится только претендовать за то, что гдѣ-то, внѣ ихъ совершается? Достаточнымъ отвѣтомъ на систематическія поползновенія представить

«направленія» и народъ, взаимодѣйствующими лишь при посредничествѣ административной машины, былъ бы перечень всѣхъ резолюцій и рѣшеній, вынесенныхъ народными собраніями. Но, не поднимая этой горы писанныхъ матеріаловъ, мы приведемъ въ заключеніе нѣсколько чисто этнографическихъ наблюденій, которыя разрушаютъ бюрократическо-помѣщичій предразсудокъ. Мы назвали эти наблюденія этнографическими лишь изъ вкоренившагося почтенія къ властному взгляду, который слишкомъ долго считалъ всѣхъ кошекъ сѣдыми, ибо привыкъ ихъ видѣть ночью. Но это не значитъ, что на самомъ дѣлѣ появилось этнографически новое время, хотя Россія и поражаетъ теперь обиліемъ новыхъ чертъ и оригинальныхъ настроеній. Въ этомъ смыслѣ народныя массы теперь имѣютъ иной вѣсъ, ибо каждая частица народнаго организма тяготѣетъ къ иному центру.

Вотъ, напримѣръ, одно изъ ничѣмъ не выдѣляющихся изъ другихъ подобныхъ, собраній въ г. Устюжнѣ Новгородской губ. Съ первыхъ чиселъ іюля тамъ начались собесѣдованія по общественно-политическимъ вопросамъ. Посѣщаетъ собранія не только мѣстная интеллигенція, но и купечество, мѣщане и сосѣдніе съ городомъ крестьяне. «Сначала рѣдкіе запросы изъ публики, пишетъ корреспондентъ «Руси», мало-по-малу перешли въ довольно оживленныя пренія; замѣчается не только глубокій интересъ къ вопросу, но также и достаточное знакомство съ исторіей развитія представительныхъ учрежденій на Западѣ. Характеренъ въ этомъ отношеніи эпизодъ такого рода. Когда одинъ изъ докладчиковъ, сравнивая земскіе соборы съ генеральными штатами во Франціи, нѣсколько остановился передъ словомъ «генеральные штаты», то это ему было подсказано изъ публики, и голосъ этотъ принадлежалъ крестьянину, по внѣшнему виду нисколько не отличавшемуся отъ обыкновеннаго «сѣраго мужичка». А что сообщаетъ этому наблюденію особенную чистоту, такъ это особенная примѣта мѣста собраній. «Устюженскій уѣздъ, свидѣтельствуетъ корреспондентъ, а также и городъ принадлежатъ къ числу наиболѣе спокойныхъ; у насъ до настоящаго времени не проявляется ни аграрныхъ, ни какихъ-либо противоправительственныхъ волненій и, повидимому, такое настроеніе не должно бы измѣниться, если только мѣстная администрація будетъ и впредь продолжать нынѣшній образъ дѣйствій».

Г. Танъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 208) посвятилъ фельетонъ своимъ впечатлѣніямъ изъ путешествія по Волгѣ. Г. Танъ видѣлъ «много интересныхъ, даже необычайныхъ явленій». И, дѣйствительно, они необычайно для всѣхъ, кто знакомился съ общественнымъ движеніемъ изъ оффиціальныхъ реляцій, въ которыхъ только и мелькали «любопытные».

«Въ городѣ Нижнемъ,—пишетъ г. Танъ,—во время забастовки извозчиковъ, на Нѣмецкой площади каждый день собиралось народное вѣче. Представитель извозчичьяго комитета становился въ серединѣ и, заложивъ полы кафтана за поясъ, произносилъ пламенную рѣчь о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Онъ цитировалъ Четьи-Минеи и Некрасова, какую-то заволжскую Тріодь и «Буревѣстника» Горькаго. Онъ называлъ бюрократію вавилонской блудницей. «Отъ воскрылій ея одежды не останется лоскута на землѣ».

— Все мѣняется, — восклицалъ онъ вдохновенно, — новый свѣтъ, новая заря восходитъ надъ родиной.

И, окончательно наэлектризовавъ толпу, онъ поворачивался ко мнѣ и конфиденціально сообщалъ: «Довольно на сегодня. Я имъ далъ хорошую зажигалку».

Въ Сормовѣ каждый вечеръ собирались митинги рабочихъ, привлекавшіе нѣсколько тысячъ человѣкъ. Они происходили правильно, восемь разъ въ недѣлю, ибо по воскресеньямъ было два митинга,—утренній и вечерній. Приходили мужчины и женщины; старухи приносили съ собой чулки; матери приводили дѣтей. Толпа разсаживалась въ большой кругъ, выбирала предсѣдателя и открывала рѣчи и пренія. Безбоязненно произносились самыя дерзкія слова, провозглашались «крѣпкіе» лозунги, и ничего ужаснаго не происходило». Надо замѣтить, что наблюденія г. Тана не такъ ужъ субъективны, какъ это желали бы представить нѣкоторые органы печати. «Волжскій Листокъ» рисуетъ сормовскія собранія почти тѣми же самыми чертами. Еще любопытная деталь, которую отмѣчаетъ г. Танъ, это повсемѣстное преобладаніе людей типа «голодныхъ къ слову», и, наконецъ, заговорившихъ. Одинъ такой «голодный», нижегородскій извозчикъ, во время бесѣды съ г. Таномъ дѣлалъ какія-то записи въ свою книжку. «Подъ-конецъ я заглянулъ въ книжку моего собесѣдника и увидѣлъ, что онъ записываетъ иностранныя слова и политическіе термины: корпорація, бюрократическій режимъ, автономное управленіе. Для новыхъ идей ему были нужны новыя опредѣленія, и онъ хваталъ ихъ на-лету, какъ ласточка мухъ, не стѣсняясь временемъ и поводомъ».

Очевидно, что «направленіе» возникаетъ гдѣ-то въ глубинахъ народныхъ, а не дѣйствуетъ извнѣ. Но, кромѣ того, г. Танъ видѣлъ многихъ, свободно обращающихся съ «нашими» терминами и «нашими» идеями.

«Юноши въ рубахахъ-косовороткахъ и въ высокихъ сапогахъ, съ руками, одеревенѣвшими отъ мозолей, но съ яснымъ сознательнымъ взглядомъ, дѣлали публичныя признанія, похожія на Аннибаловы клятвы. Цѣлыя села поголовно заявляли о своей принадлежности къ, такъ-называемой, «сознательной партіи». Старики и старухи учились грамотѣ, чтобы читать газеты и сравняться съ дѣтьми. Группы деревенскихъ женщинъ упорно отстаивали свое право на избирательный голосъ.—«Мы тоже не обсѣвки въ чужомъ полѣ,—возражали онѣ на всѣ сомнѣнія.—Чего тутъ бояться?.. Намъ тоже надо права и слободу! А если мужикъ хорошій, то и баба по немъ. Худая баба по худомъ мужѣ. А другая баба умнѣй всякаго мужика»...

Все это видѣлъ г. Танъ, заслужившій извѣстность своими превосходными этнографическими наблюденіями. И въ его воображеніи «необычайныя» явленія дѣйствительно кажутся типами какого-то невиданнаго народа съ неслыханными привычками и взглядами и даже съ особеннымъ «голодомъ» къ слову.

Но изъ его же и другихъ этого же рода сообщеній явствуетъ и другой фактъ, болѣе важный и болѣе глубокій, чѣмъ черты духовной «наружности» необычайнаго народа. Это—несомнѣнное перемѣщеніе центра притяженія въ народной массѣ. Этотъ центръ болѣе или менѣе ужъ опредѣлился, и въ немъ

ясно скрещиваются всѣ «направленія», исходящія изъ всѣхъ частицъ государственнаго тѣла. Съ треніемъ и столкновеніями размѣщается населеніе по разнымъ путямъ, но всѣ эти пути ведутъ въ одинъ Римъ. Народъ идетъ. Онъ знаетъ, куда идетъ, и прокладываетъ нужныя «направленія», какъ бы его ни убѣждали, что онъ безъ всякаго «направленія» и только шатается всюду, какъ «любопытный».

I. Ларскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Опасенія за европейское равновѣсіе.—Свиданіе въ Бьёрке.—Соціалъ-демократическій митингъ въ Берлинѣ.—Отношеніе французскаго общественнаго мнѣнія къ марокскому соглашенію.—Отдѣленіе церкви отъ государства.—Важное значеніе этой реформы.—Борьба съ кабинетомъ Бальфура въ Англіи.—Венгерскій конституціонный кризисъ. — Норвежскій референдумъ. — Переворотъ въ Черногоріи. — Вліяніе духа времени. — Дѣятельность японцевъ въ Китаѣ. — Японское общество мира.—Иностранная печать о Государственной думѣ.

Давно не было такого обилія вопросовъ «высшей политики», обсуждаемыхъ на всѣ лады европейскою печатью, какое замѣчается теперь. Пораженіе Россіи на Дальнемъ Востокѣ, ея внутренняя неурядица и переговоры о мирѣ даютъ богатую пищу газетамъ.

Нѣмецкія газеты видятъ уже непосредственныя послѣдствія ослабленія Россіи: это—усиленіе Англіи и ея «entente cordiale» съ Франціей. Политика Делькассе, исходнымъ пунктомъ которой была изоляція Германіи, основывалась на вѣрѣ въ силу Россіи. Эта вѣра оказалась заблужденіемъ, которое объясняется тѣмъ, что никому въ Европѣ, даже союзницѣ Россіи, не было извѣстно истинное положеніе и то, что зданіе русскаго могущества, такъ импонировавшее Европѣ, стоитъ на сгнившемъ фундаментѣ, такъ что достаточно было одного толчка, чтобы оно развалилось! Такова картина современнаго положенія Россіи, какъ ее рисуетъ европейская печать, но рѣшительно всѣ газеты, служащія выраженіемъ европейскаго общественнаго мнѣнія, признаютъ, что у Россіи хватитъ силъ возвести новую, прочную и даже гораздо болѣе грандіозную постройку, если только она мужественно примется за дѣло и откажется отъ мысли употреблять для этой постройки «старый и никуда негодный матеріалъ». Во французской печати, однако, проскальзываетъ опасеніе, что свиданіе въ Бьёрке приведетъ какъ разъ къ обратнымъ результатамъ — къ задержанію возрожденія Россіи. «Германскій императоръ болѣе импульсивенъ, нежели остороженъ, замѣчаетъ «Humanité», и возможно, что онъ преподалъ такіе совѣты, которые могутъ имѣть роковыя послѣдствія для Россіи. Если это было дѣйствительно такъ, то Вильгельмъ II, поступая подобнымъ образомъ, взялъ на себя очень тяжелую отвѣтственность передъ глазами всего цивилизованнаго міра и Россіи». Но даже въ германской печати не замѣчается особеннаго энтузіазма по поводу свиданія въ Бьёрке и раздаются отдѣльные голоса, что «было бы, пожалуй, лучше, еслибъ этого свиданія не было», такъ какъ подобнаго рода

— Все мѣняется, — восклицалъ онъ вдохновенно, — новый свѣтъ, новая заря восходятъ надъ родиной.

И, окончательно наэлектризовавъ толпу, онъ поворачивался ко мнѣ и конфиденціально сообщалъ: «Довольно на сегодня. Я имъ далъ хорошую зажигалку».

Въ Сормовѣ каждый вечеръ собирались митинги рабочихъ, привлекавшіе нѣсколько тысячъ человѣкъ. Они происходили правильно, восемь разъ въ недѣлю, ибо по воскресеньямъ было два митинга,—утренній и вечерній. Приходили мужчины и женщины; старухи приносили съ собой чулки; матери приводили дѣтей. Толпа разсаживалась въ большой кругъ, выбирала предсѣдателя и открывала рѣчи и пренія. Безбоязненно произносились самыя дерзкія слова, провозглашались «крѣпкіе» лозунги, и ничего ужаснаго не происходило». Надо замѣтить, что наблюденія г. Тана не такъ ужъ субъективны, какъ это желали бы представить нѣкоторые органы печати. «Волжскій Листокъ» рисуетъ сормовскія собранія почти тѣми же самыми чертами. Еще любопытная деталь, которую отмѣчаетъ г. Танъ, это повсемѣстное преобладаніе людей типа «голодныхъ къ слову», и, наконецъ, заговорившихъ. Одинъ такой «голодный», нижегородскій извозчикъ, во время бесѣды съ г. Таномъ дѣлалъ какія-то записи въ свою книжку. «Подъ-конецъ я заглянулъ въ книжку моего собесѣдника и увидѣлъ, что онъ записываетъ иностранныя слова и политическіе термины: корпорація, бюрократическій режимъ, автономное управленіе. Для новыхъ идей ему были нужны новыя опредѣленія, и онъ хваталъ ихъ на-лету, какъ ласточка мухъ, не стѣсняясь временемъ и поводомъ».

Очевидно, что «направленіе» возникаетъ гдѣ-то въ глубинахъ народныхъ, а не дѣйствуетъ извнѣ. Но, кромѣ того, г. Танъ видѣлъ многихъ, свободно обращающихся съ «нашими» терминами и «нашими» идеями.

«Юноши въ рубахахъ-косовороткахъ и въ высокихъ сапогахъ, съ руками, одеревенѣвшими отъ мозолей, но съ яснымъ сознательнымъ взглядомъ, дѣлали публичныя признанія, похожія на Аннибаловы клятвы. Цѣлыя села поголовно заявляли о своей принадлежности къ, такъ-называемой, «сознательной партіи». Старики и старухи учились грамотѣ, чтобы читать газеты и сравняться съ дѣтьми. Группы деревенскихъ женщинъ упорно отстаивали свое право на избирательный голосъ.—«Мы тоже не обсѣвки въ чужомъ полѣ,—возражали онѣ на всѣ сомнѣнія.—Чего тутъ бояться?.. Намъ тоже надо права и слободу! А если мужикъ хорошій, то и баба по немъ. Худая баба по худомъ мужѣ. А другая баба умнѣй всякаго мужика»...

Все это видѣлъ г. Танъ, заслужившій извѣстность своими превосходными этнографическими наблюденіями. И въ его воображеніи «необычайныя» явленія дѣйствительно кажутся типами какого-то невиданнаго народа съ неслыханными привычками и взглядами и даже съ особеннымъ «голодомъ» къ слову.

Но изъ его же и другихъ этого же рода сообщеній явствуетъ и другой фактъ, болѣе важный и болѣе глубокій, чѣмъ черты духовной «наружности» необычайнаго народа. Это—несомнѣнное перемѣщеніе центра притяженія въ народной массѣ. Этотъ центръ болѣе или менѣе ужъ опредѣлился, и въ немъ

ясно скрещиваются всѣ «направленія», исходящія изъ всѣхъ частицъ государственнаго тѣла. Съ треніемъ и столкновеніями размѣщается населеніе по разнымъ путямъ, но всѣ эти пути ведутъ въ одинъ Римъ. Народъ идетъ. Онъ знаетъ, куда идетъ, и прокладываетъ нужныя «направленія», какъ бы его ни убѣждали, что онъ безъ всякаго «направленія» и только шатается всюду, какъ «любопытный».

I. Ларскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Опасенія за европейское равновѣсіе.—Свиданіе въ Бьёрке.—Соціалъ-демократическій митингъ въ Берлинѣ.—Отношеніе французскаго общественнаго мнѣнія къ марокккскому соглашенію.—Отдѣленіе церкви отъ государства.—Важное значеніе этой реформы.—Борьба съ кабинетомъ Бальфура въ Англіи.—Венгерскій конституціонный кризисъ. — Норвежскій референдумъ. — Переворотъ въ Черногоріи. — Вліяніе духа времени. — Дѣятельность японцевъ въ Китаѣ. — Японское общество мира.—Иностранная печать о Государственной думѣ.

Давно не было такого обилія вопросовъ «высшей политики», обсуждаемыхъ на всѣ лады европейскою печатью, какое замѣчается теперь. Пораженіе Россіи на Дальнемъ Востокѣ, ея внутренняя неурядица и переговоры о мирѣ даютъ богатую пищу газетамъ.

Нѣмецкія газеты видятъ уже непосредственныя послѣдствія ослабленія Россіи: это—усиленіе Англіи и ея «entente cordiale» съ Франціей. Политика Делькассе, исходнымъ пунктомъ которой была изоляція Германіи, основывалась на вѣрѣ въ силу Россіи. Эта вѣра оказалась заблужденіемъ, которое объясняется тѣмъ, что никому въ Европѣ, даже союзницѣ Россіи, не было извѣстно истинное положеніе и то, что зданіе русскаго могущества, такъ импонировавшее Европѣ, стоитъ на сгнившемъ фундаментѣ, такъ что достаточно было одного толчка, чтобы оно развалилось! Такова картина современнаго положенія Россіи, какъ ее рисуетъ европейская печать, но рѣшительно всѣ газеты, служащія выраженіемъ европейскаго общественнаго мнѣнія, признаютъ, что у Россіи хватитъ силъ возвести новую, прочную и даже гораздо болѣе грандіозную постройку, если только она мужественно примется за дѣло и откажется отъ мысли употреблять для этой постройки «старый и никуда негодный матеріалъ». Во французской печати, однако, проскальзываетъ опасеніе, что свиданіе въ Бьёрке приведетъ какъ разъ къ обратнымъ результатамъ — къ задержанію возрожденія Россіи. «Германскій императоръ болѣе импульсивенъ, нежели остороженъ, замѣчаетъ «Humanité», и возможно, что онъ преподалъ такіе совѣты, которыя могутъ имѣть роковыя послѣдствія для Россіи. Если это было дѣйствительно такъ, то Вильгельмъ II, поступая подобнымъ образомъ, взялъ на себя очень тяжелую отвѣтственность передъ глазами всего цивилизованнаго міра и Россіи». Но даже въ германской печати не замѣчается особеннаго энтузіазма по поводу свиданія въ Бьёрке и раздаются отдѣльные голоса, что «было бы, пожалуй, лучше, еслибъ этого свиданія не было», такъ какъ подобнаго рода

факты вызываютъ только тревогу общественнаго мнѣнія и порождаютъ недовѣріе, между тѣмъ, какъ Германія, конечно, ничего отъ этого не выигрываетъ. Впрочемъ, германская печать, вообще, обнаруживаетъ тревожное настроеніе въ послѣднее время. Нѣмецкія газеты подняли большой шумъ по поводу извѣстія о намѣреніи англійской эскадры посѣтить Балтійское море. Особенно взволновались аграріи, и органъ ихъ «Deutsche Tageszeitung» даже началъ проповѣдывать европейскую коалицію противъ Англіи. Вся эта полемика указываетъ на чрезвычайную нервозность германскаго общественнаго мнѣнія, легко приходящаго въ возбужденіе по малѣйшему поводу. Само собою разумѣется, что неопредѣленность европейскаго положенія и опасеніе какого нибудь «coup de tête» со стороны германскаго императора, много способствуютъ поддержанію такого напряженнаго состоянія, которое отчасти замѣчается и въ остальной европейской печати.

Собраніе соціалъ демократовъ, на которомъ долженъ былъ говорить Жоресъ, все-таки состоялось, хотя и безъ него. Около восьми тысячъ человѣкъ присутствовали на этомъ собраніи, на которомъ ораторы говорили на тему объ идеѣ мира и солидарности международныхъ реакціонныхъ силъ. Прежде всего была прочитана телеграмма Жореса, выражающая сочувствіе собранію, желающему укрѣпить единеніе нѣмецкаго и французскаго пролетаріата. Совмѣстная работа обоихъ должна обезпечить всеобщій миръ и достиженіе соціальной справедливости и политической свободы. «Насъ не могутъ разъединить шовинистскіе предразсудки, говоритъ Жоресъ, или запрещеніе рѣчей, а тѣмъ болѣе дипломатическія уловки и лесть. Мы вполнѣ солидарны, у насъ одинаковая воля и одинаковыя чувства». Жоресъ указываетъ также на обычную тактику всѣхъ правящихъ классовъ,—стремленіе вызвать расколъ между соціалистами, мѣстными и иностранными. Онъ видитъ въ этомъ косвенное признаніе силы и значенія международнаго соціализма, съ которымъ правительства не могутъ иначе бороться, какъ понявъ разногласія среди соціалистовъ и тѣмъ ослабивъ ихъ.

Соціалъ-демократическій депутатъ Финиръ, въ своей рѣчи, горячо возставалъ противъ «мелочной полицейской политики» германскаго правительства, видя въ этомъ симптомъ слабости и разложенія. «Въ Германіи недостаетъ только казаковъ, — сказалъ онъ,—чтобы доказать силу правительства и искренность его миролюбія: иначе никто, вѣдь, не будетъ вѣрить ему!». Послѣ еще нѣсколькихъ, подобныхъ же нападокъ на тактику Бюлова была принята соотвѣтствующая резолюція, въ которой собраніе даетъ торжественное обѣщаніе всю силу рабочаго движенія направить на сохраненіе мира, какъ необходимаго условія для преобразованія общества, и выражаетъ самое искреннее сердечное сочувствіе русскому пролетаріату и всѣмъ тѣмъ, кто мужественно борется съ произволомъ и, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, прокладываетъ дорогу прогрессу.

Въ такомъ же родѣ говорили и всѣ другіе ораторы, упрекавшіе Германію за то, что она поддерживаетъ темныя реакціонныя силы въ Россіи. Такіе укоры расточаются германскому правительству съ разныхъ сторонъ, (за исклю-

ченіемъ, конечно, всѣхъ отдѣловъ консервативной печати, аграріевъ и т. п.), такъ что оно даже сочло нужнымъ отвѣтить на нихъ въ оффиціозной печати, удостовѣрявшей, что германское правительство придерживается строжайшаго нейтралитета во всѣхъ вопросахъ, касающихся внутренняго положенія дѣлъ въ Россіи и нейтралитетъ этотъ можетъ быть нарушенъ имъ лишь въ томъ случаѣ, если бы дальнѣйшее развитіе событій въ Россіи стало угрожать спокойствію Германіи и германскихъ интересовъ.

Впечатлѣніе, произведенное во Франціи соглашеніемъ относительно Марокко, нельзя назвать безусловно хорошимъ. Правда, нѣкоторыя изъ газетъ хвалятъ искусство Рувье и поздравляютъ его съ успѣхомъ, но другія открыто признаютъ, что соглашеніе было вызвано необходимостью, что оно было неизбѣжнымъ и что Рувье постарался только, какъ говорится, «sauver les apparences». Это настроеніе отразилось и въ палатѣ депутатовъ, гдѣ очень холодно отнеслись къ заявленіямъ Рувье и чтенію относящейся къ марокскому вопросу франко-германской корреспонденціи. Во всякомъ случаѣ, большинство депутатовъ заявили, что они не удовлетворены этими объясненіями, и въ результатѣ получилось множество интерпелляцій.

Въ своей внутренней политикѣ французское правительство было гораздо счастливѣе, чѣмъ во внѣшней. Ему удалось благополучно провести, мимо всѣхъ подводныхъ камней, важный законопроектъ отдѣленія церкви отъ государства, который и былъ вотированъ палатой огромнымъ большинствомъ 108 голосовъ. Теперь законъ этотъ переданъ въ сенатъ, и надѣются, что сенатъ поторопится обсудить его, такъ что съ 1 января 1906 г. уже можно будетъ осуществить эту въ высшей степени важную реформу. Только въ настоящее время вполнѣ выясняется, какое превращеніе произошло во Франціи за послѣднее десятилѣтіе; республика, всеобщее избирательное право, свобода печати и школьная реформа только теперь начинаютъ приносить плоды. Законъ отдѣленія церкви отъ государства явился дѣйствительно лучшею пробой, насколько проченъ переворотъ, совершившійся во Франціи, въ настроеніи умовъ французскаго общества. Не говоря уже о томъ, что сторонники и противники реформы съ самаго начала рѣзко раздѣлились, но даже между сторонниками не было полнаго единогласія относительно формы и содержанія этой важной реформы. Сильная радикальная партія искала въ этой мѣрѣ оружія противъ католической церкви и религіи, умѣренныя же, хотя и выражали внѣшнимъ образомъ свое сочувствіе законопроекту, но подъ рукой старались его измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы его нельзя было принять цѣликомъ, или чтобы изъ него вышло нѣчто въ родѣ конкордата и, слѣдовательно, союзъ между церковью и государствомъ получилъ бы только иную форму. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ парламентской комиссіи предстояла необыкновенно трудная работа, съ которой она, однако, справилась блестящимъ образомъ, что въ особенности надо приписать искусству ея докладчика Бріана.

Клерикальные противники реформы въ данный моментъ обнаруживаютъ нѣкоторую растерянность; они еще не уяснили себѣ, какъ имъ надо отнестись къ свершившемуся факту. Когда осуществленіе реформы было еще далеко, то

они дѣлали видъ, будто нисколько и не боятся и даже скорѣе желаютъ ея осуществленія. Но по мѣрѣ приближенія реформы, они становились все болѣе и болѣе воинственно настроенными и заявляли о своей рѣшимости вести борьбу до послѣдней крайности. Однако, нѣтъ никакого сомнѣнія, что католическая церковь постарается приспособиться къ новому закону и возобновитъ борьбу съ республикой, но уже съ новыми средствами и на новой почвѣ. Во всякомъ случаѣ церковь—открытый врагъ республики и съ этимъ приходится считаться; сторонники законопроекта отдѣленія церкви отъ государства не могли конечно разсчитывать на сочувствіе съ этой стороны и должны были приготовиться къ борьбѣ. Гораздо хуже было поведеніе умѣренныхъ, органы которыхъ «Temps» и «Journal des Debats» вдругъ начали вступаться за матеріальные интересы сельскихъ избирателей, будто бы подвергающіяся опасности вслѣдствіе отдѣленія церкви отъ государства и сопряженной съ этимъ отмѣны бюджета культа. «Humanité» осмѣиваетъ внезапную заботливость о сельскомъ населеніи, проявившуюся теперь въ умѣренной печати; до сихъ поръ она вѣдь не грѣшила этимъ! Сѣтованія ея по поводу обремененія сельскихъ общинъ, вслѣдствіе отмѣны духовнаго бюджета, не имѣютъ серьезныхъ основаній, тѣмъ болѣе, что освободившіеся кредиты будутъ предоставлены общинамъ для облегчеенія тяжести поземельнаго налога, что, впрочемъ, опять-таки оскорбило идеальныя чувства умѣренныхъ, заявившихъ по этому поводу, что правительство «довольно безцеремонно поступаетъ съ интересами сельскихъ выборщиковъ, стремясь ихъ подкупить и расплатиться съ ними посредствомъ того, что отнято у церкви».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что благополучное проведеніе такой важной реформы главнымъ образомъ обязано дѣятельности французской соціалистской партіи и стараніямъ Жореса и Бріана. Французскій соціализмъ теперь не имѣетъ своихъ представителей въ кабинетѣ, какъ во времена Вальдена Руссо, но онъ сталъ гораздо вліятельнѣе и дѣятельнѣе чѣмъ тогда и въ настоящее время представляетъ истинную политическую партію въ парламентѣ, находящуюся подъ руководствомъ опытныхъ вождей. Надо надѣяться, что эта партія проведетъ въ палатѣ депутатовъ и другія соціальныя реформы также удачно, какъ удачно провела законопроектъ отдѣленія церкви отъ государства.

Положеніе англійскаго министерства нисколько не измѣнилось, хотя Бальфуръ продолжаетъ занимать свое президентское кресло, не взирая ни на какія пораженія и на негодованіе оппозиціонной партіи. Министерскія газеты заявляютъ, что лично Бальфуръ, конечно, желалъ бы удалиться послѣ понесеннаго имъ недавно пораженія, но онъ «приноситъ въ жертву собственное достоинство интересамъ страны и остается на своемъ посту». Такъ и надо было ожидать, хотя послѣднее пораженіе, понесенное кабинетомъ, было дѣйствительно жестокое. Засѣданіе палаты общинъ продолжалось всю ночь, до слѣдующаго утра и перебранка между представителями двухъ оппозиціонныхъ лагерей не прекращалась все время. Когда же сдѣлались извѣстны результаты голосованія, то въ палатѣ поднялся невообразимый шумъ. Объединенные ирландцы и радикалы

большинствомъ четырехъ голосовъ нанесли кабинету пораженіе, и въ этотъ моментъ всѣ были убѣждены, что достаточно надоѣвшее всѣмъ правительство Бальфура тотчасъ же объявитъ о своемъ уходѣ. Ирландцы повыскакали на скамьи, начали махать шляпами, носовыми платками и предаваться самымъ неистовымъ изъявленіямъ радости. Либералы помогали имъ въ этомъ и только на передовой скамьѣ оппозиціи, гдѣ сидятъ будущіе члены правительства, парламентское спокойствіе не было нарушено. Шумъ еще больше усилился, когда вышелъ Бальфуръ. Съ обычнымъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, заложивъ руки въ карманы, онъ развалился въ креслѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто весь этотъ шумъ и волненіе нисколько его не касалось. Тогда вождь либераловъ, толстякъ Кэмпбелль Баннерманъ поднялся со своего мѣста и спросилъ Бальфура, не находитъ ли онъ нужнымъ, послѣ своего пораженія, сдѣлать какое-либо сообщеніе палатѣ? Бальфуръ возразилъ на это слегка насмѣшливымъ тономъ: «Палата, вѣроятно, предугадываетъ мой отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ, само собою разумѣется, заключается въ томъ, что я вообще *не могу дать никакого отвѣта*!»

Однако, ни Бальфуръ, ни его сторонники не питаютъ, конечно, ни малѣйшихъ иллюзій насчетъ своего положенія. Кабинетъ потерпѣлъ пораженіе не случайно, не отъ того, что члены правительственнаго большинства опоздали къ голосованію. Въ палатѣ присутствовало 400 членовъ и при томъ голосованіе происходило по одному изъ пунктовъ ирландскаго вопроса, въ которомъ правительство Бальфура имѣетъ нѣкоторыя заслуги, такъ какъ лишь вслѣдствіе молчаливаго согласія бывшій статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ Георгъ Уиндгэмъ могъ выработать такой планъ реорганизаціи ирландскаго управленія, который нѣсколько приближается къ гомрулю. Когда это выплыло наружу, то ультраконсервативные уніонисты, особенно въ самой Ирландіи, пришли въ такую ярость, что Бальфуръ долженъ былъ принести въ жертву Уиндгэма и его политику, чтобы утишить гнѣвъ этихъ членовъ своей партіи. Но, разумѣется, ирландскіе націоналисты не простили ему своего разочарованія и рѣшили отомстить. Они хотѣли воспользоваться новымъ проектомъ распредѣленія избирательныхъ округовъ (Redistribution Bill), внесеннымъ Бальфуромъ, но Бальфуръ, черезъ недѣлю взялъ этотъ проектъ назадъ, что было сюрпризомъ и для его собственной партіи—и, такимъ образомъ, лишилъ ирландскихъ націоналистовъ этой придирки, такъ что они должны были искать другого случая, чтобы нанести ударъ кабинету.

Законопроектъ объ избирательныхъ округахъ дѣйствительно могъ дать поводъ къ жаркому сраженію, такъ какъ его стрѣлы несомнѣнно были обращены противъ Ирландіи, которая, согласно новому распредѣленію, должна была бы потерять двадцать два мѣста. Годъ тому назадъ Редмондъ объявилъ: «Если будетъ сдѣлана какая бы то ни было попытка сократить число нашихъ представителей въ палатѣ общинъ, то борьба, которая должна будетъ возникнуть по этому поводу, подниметъ всю ирландскую расу такъ, какъ этого не бывало и во времена борьбы изъ за гомруля, и самъ гомруль можетъ явиться непосредственнымъ результатомъ этой борьбы. Очевидно, спикеръ палаты

общинъ, съ которымъ Бальфуръ говорилъ о новомъ законѣ, напомнилъ ему объ этой угрозѣ ирландцевъ, такъ какъ Бальфуръ мотивировалъ свой поступокъ (взятіе назадъ билля) именно тѣмъ, что «послѣ своего разговора со спикеромъ, онъ пришелъ къ заключенію о невозможности провести билль въ теченіе этой парламентской сессіи». «Times» дѣлаетъ по этому поводу довольно справедливое замѣчаніе, что первый министръ могъ бы раньше внесенія билля посовѣтоваться объ этомъ со спикеромъ, такъ какъ тогда онъ не поставилъ бы ни себя, ни министерство, вмѣстѣ съ правительственнымъ большинствомъ, въ «смѣшное положеніе». Какъ бы то ни было, но снятіе билля съ очереди избавило министерство отъ непосредственной опасности; тѣмъ не менѣе дни уніонисткаго правительства, простоявшаго десять лѣтъ у кормила правленія, сочтены. Весь вопросъ идетъ только о часѣ его ухода. Бальфуръ не хочетъ, чтобы оппозиція указывала ему, когда онъ долженъ уйти и всѣ старанія оппозиціи разбиваются о его хладнокровіе и упорство. Теперь онъ нашелъ удобную для себя формулу: «Мы (т.-е. кабинетъ) остаемся на своихъ мѣстахъ изъ за патріотическихъ соображеній, вслѣдствіе неустойчивости внѣшняго положенія». Уніонисты желаютъ этимъ дать понять, что въ такой критическій моментъ они не считаютъ возможнымъ довѣрить руководство иностранною политикой государства либеральному правительству и на широкую публику, мало смыслящую въ вопросахъ высшей политики, пожалуй, эти намеки и окажутъ свое дѣйствіе. При томъ же и либеральная партія, вслѣдствіе своихъ внутреннихъ раздоровъ, не въ состояніи свергнуть расшатанное министерство. Невольно думается, какъ бы отдѣлалъ его Гладстонъ, еслибы онъ былъ живъ и стоялъ во главѣ либераловъ! Нынѣшній вождь либеральной партіи Кэмпбелль Баннерманъ довольно-таки неповоротливъ, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ этого слова, и совершенно неповиненъ въ тѣхъ пораженіяхъ, которыя терпятъ уніонисты въ послѣднее время.

Однако, Бальфуръ, чувствуя постоянное колебаніе почвы подъ своими ногами, счелъ все же нужнымъ устроить совѣщаніе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ, кромѣ министровъ, принимали участіе и другіе парламентскіе дѣятели и гдѣ онъ, изложивъ положеніе вещей, указалъ на необходимость большого единенія уніонистской партіи. Вѣроятно, эти слова Бальфура и побудили Чэмберлена высказать на этотъ разъ самую безусловную солидарность съ министерствомъ. Повидимому, обѣ фракціи уніонистской партіи, фракція Бальфура и фракція Чэмберлена, рѣшили сгладить свои разногласія въ фискальномъ вопросѣ, чтобы достигнуть большаго политическаго единенія. Недаромъ Чэмберленъ на праздновапіи вторичной годовщины «Tariff Reform League», которое происходило недавно, сказалъ: «Мы знаемъ, что нашъ успѣхъ всецѣло зависитъ отъ уніонистской партіи, которая должна объединиться на этомъ вопросѣ». Объ этомъ то объединеніи и хлопочетъ теперь Бальфуръ и для этого онъ и созывалъ свое совѣщаніе, такъ какъ теперешнее англійское правительство, какъ и всѣ слабыя правительства, вообще, думаетъ только о томъ, чтобы выиграть время.

Событія, разыгрывающіяся или подготовляющіяся на политической сценѣ Европы, почти совсѣмъ отодвинули на задній планъ венгерскій конституціонный кризисъ. Впрочемъ удивляться тутъ нечему. Современная Венгрія далеко уже не та Венгрія 1849 г., которая боролась за свою независимость и возбуждала къ себѣ сочувствія въ широкихъ кругахъ европейскаго общества. Къ тому же и положеніе въ Венгріи до того запутано, что трудно въ немъ сразу разобраться, да и вопросъ, выдвигаемый на первый планъ оппозиціей—чисто національный вопросъ, касающійся національзаціи войска, вопросъ о командѣ, знаменахъ, значкахъ и т. п. Только однѣ сравнительно незначительныя группы венгерскаго парламента, соціалистическая и демократическая, удѣляютъ столько же вниманія и соціально-политическимъ реформамъ, въ частности же—вопросу о всеобщемъ избирательномъ правѣ, который включенъ въ ихъ программу избирательной реформы. Партія независимости, однако, увлеченная своими національными стремленіями, не придаетъ избирательной реформѣ такого большого значенія и въ этомъ пунктѣ образуется расколъ между двумя крылами оппозиціи, которыми и могло бы воспользоваться правительство, чтобы вызвать еще большее разъединеніе между ними.

Національзація войска и демократизація избирательной системы—вотъ требованія, выставляемыя оппозиціей, но относительно послѣдняго пункта между отдѣльными фракціями оппозиціи не существуетъ полнаго согласія, однако, если надо будетъ выбирать между тѣмъ и другимъ, то правительство скорѣе приметъ реформу избирательной системы, такъ какъ она не затрогиваетъ непосредственно его прерогативъ; національзація же арміи, наоборотъ, наноситъ ущербъ этимъ прерогативамъ и поэтому ничего не будетъ удивительнаго, если правительство скорѣе согласится на существенныя уступки въ первомъ пунктѣ, нежели во второмъ. Страна давно уже не знаетъ политическаго спокойствія; съ 1898 года обструкція оппозиціи то утихала на время, то возобновлялась съ новою силой. Въ 1902 г. два законопроэкта, одинъ, касающійся увеличенія военнаго контингента, другой—цивильнаго листа, послужили предлогомъ къ возобновленію обструкціи и съ тѣхъ поръ кризисъ продолжаетъ непрерывно существовать, мѣняя временами свой характеръ и поддерживаемый различными новыми возникающими вопросами. Въ данный моментъ кризисъ носитъ характеръ борьбы парламентскаго большинства противъ монарха и министерства. Эта борьба настолько уже обострилась, что комитетъ объединенной оппозиціи открыто объявилъ «незаконнымъ» существующее правительство и потребовалъ, чтобы городскія управленія повели съ нимъ еще болѣе энергичную борьбу и безусловно отказывали бы правительству въ своемъ содѣйствіи по взиманію налоговъ. Тѣ чиновники, которые будутъ уволены теперешнимъ правительствомъ за неисполненіе его требованій, будутъ вознаграждены комитетомъ и т. д. Словомъ—это форменная война, изъ которой правительству почти невозможно выйти побѣдителемъ, не поступившись нѣкоторыми своими правами.

Въ настоящее время вырабатывается такая программа, которая могла бы сохранить единеніе оппозиціонныхъ группъ. Трудную задачу выработать такую программу взяли на себя два выдающихся либерала: баронъ Банффи и

графъ Андраши, которые совѣщаются теперь насчетъ образованія новой партіи. Полагаютъ, что такая комбинація дастъ возможность и либеральной партіи, элементы которой и такъ уже вошли въ оппозицію, окончательно слитыя съ нею. Этотъ проэктъ вызвалъ нѣкоторое волненіе въ мадьярскихъ политическихъ кружкахъ, и отношеніе къ нему еще не вполнѣ опредѣлилось, но, во всякомъ случаѣ, онъ указываетъ, что въ либеральной партіи все больше ощущается необходимость реорганизаціи на новыхъ началахъ, такъ какъ иначе ей грозитъ распаденіе. Однако, врядъ ли новая комбинація можетъ спасти ее. Нельзя совмѣстить идею компромисса съ идеей національзаціи венгерской арміи, такъ какъ эта послѣдняя должна привести къ полному отдѣленію Венгріи отъ Австріи; поэтому реорганизованная либеральная партія, имѣющая своимъ принципомъ дуализмъ, а лозунгомъ отдѣленіе церкви отъ государства, можетъ очутиться въ совершенно безвыходномъ положеніи. Съ другой стороны, все сильнѣе обнаруживаются стремленія организовать партійныя отношенія въ Венгріи, не на почвѣ національнаго вопроса, какъ теперь, а выдвинуть на первый планъ общественно-классовые интересы. Въ виду этого вопросъ объ избирательномъ правѣ получаетъ особенное значеніе и въ будущемъ можетъ повести къ окончательному разрыву между крайними демократическими партіями—съ одной стороны и венгерскими либералами—съ другой. Въ данный же моментъ венгерское правительство очень озабочено тѣмъ, какъ ему быть съ непокорными муниципалитетами. Огромное количество венгерскихъ городовъ и комитетовъ, въ томъ числѣ и Буда-Пештъ, порѣшили не вносить никакихъ налоговъ правительству, которое, по ихъ мнѣнію, незаконно правитъ страной и не поставлять ему рекрутъ, даже такихъ, которые сами добровольно записываются въ армію. Правительство объявило такое рѣшеніе муницалитетовъ беззаконнымъ, но въ сущности ограничивается пока только бумажными мѣропріятіями, не рѣшаясь на болѣе энергичныя дѣйствія. Между тѣмъ поступленіе платежей все уменьшается и средства государственной казны изсякааютъ, такъ что необходимость покончить съ такими критическимъ положеніемъ становится яснѣе съ каждымъ днемъ. Разрывъ австровенгерской уніи представляется неизбѣжнымъ, несмотря на всѣ искусственныя мѣры задержать это, но кризисъ затягивается и усложняется. Совсѣмъ иначе совершился разрывъ уній въ другихъ европейскихъ государствахъ, въ Швеціи и Норвегіи, тамъ это не вызвало никакихъ потрясеній, никакого чрезмѣрнаго волненія въ странѣ, и вопросъ рѣшенъ былъ плебисцитомъ. Норвежскій народъ приглашенъ былъ высказать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ и результаты референдума не оставляютъ сомнѣній: за сохраненіе уніи высказались 182 голоса, противъ—362,980! Такое рѣшеніе можно считать почти единодушнымъ, поэтому энтузіазмъ былъ великъ, когда сдѣлались извѣстны результаты голосованія. Это было настоящій національный праздникъ, и народъ дѣйствительно праздновалъ въ этотъ день свою побѣду, проявленіе своей верховной воли въ рѣшеніи судьбы своей страны. По всей вѣроятности и вопросъ о будущей формѣ правленія въ Норвегіи также разрѣшится референдумомъ. По мнѣнію Бьернсона, большинство норвежскаго народа настроено въ пользу республики, между тѣмъ какъ Нансенъ утверждаетъ

противоположное. Но норвежцы, какъ народъ практическій, постараются сдѣлать все, чтобы заручиться поддержкою и сочувствіемъ великихъ европейскихъ державъ; для этого же имъ выгоднѣе быть монархіей и породниться съ одною изъ главныхъ царствующихъ династій, если никто изъ Бернадоттовъ не займетъ норвежскаго трона. Подобныя практическія соображенія, конечно, могутъ сыграть свою роль, въ случаѣ объявленія новаго референдума по вопросу о формѣ правленія.

Въ то время какъ въ разныхъ мѣстахъ Европы возникаютъ и улаживаются международные конфликты, происходятъ свиданія монарховъ и устраиваются разныя дѣла высшей и низшей политики, а народы волнуются и страдаютъ, въ одномъ изъ европейскихъ уголковъ готовятся важныя преобразованія. По словамъ иностранныхъ газетъ, князь Николай Черногорскій намѣревается превратить патріархальную форму правленія въ своей странѣ въ конституціонную. Что побуждаетъ его къ этому неизвѣстно, но такъ какъ трудно допустить, чтобы такое рѣшеніе отказаться отъ абсолютной власти могло возникнуть безъ давленія крайней необходимости, то нѣкоторыя изъ газетъ видятъ причину такой важной уступки въ финансовыхъ бѣдствіяхъ, отъ которыхъ сильно терпитъ страна послѣдніе годы. Возможно, что тутъ дѣйствовали также и опасенія заразительности демократическихъ идей и предусмотрительное желаніе князя добровольно дать странѣ то, что она могла бы потомъ сама потребовать отъ него, спасая этимъ свой престижъ и повышая кредитъ страны путемъ конституціоннаго привлеченія къ дѣятельности всѣхъ ея экономическихъ силъ. Какъ бы то ни было, но въ послѣднемъ номерѣ единственной черногорской газеты, оффиціальнаго органа «Гласъ Черногорца», появилось важное извѣстіе о предстоящемъ введеніи конституціи. Такъ какъ про эту газету утверждаютъ, что ее редактируетъ самъ князь Николай и что всѣ главныя статьи въ ней всегда имъ самимъ написаны, то понятно, что извѣстіе проэктируемой реформы получаетъ особенное значеніе. Газета сообщаетъ, что князь рѣшилъ привлечь свой народъ къ участію въ управленіи посредствомъ народнаго представительства, которое должно быть созвано уже въ декабрѣ. Какъ будутъ происходить выборы—объ этомъ ничего не сказано, но если такая реформа будетъ дѣйствительно введена, то нѣтъ сомнѣнія, что она получитъ характеръ всеобщаго избирательнаго права, такъ какъ населеніе Черногоріи, ни въ соціальномъ, ни въ экономическомъ отношеніи, не представляетъ такихъ разграниченій, которыя могли бы послужить исходною точкой для классовой выборной системы. Поэтому всего вѣроятнѣе, что каждый взрослый человѣкъ въ Черногоріи будетъ пользоваться полными гражданскими правами. Что касается полномочій этого будущаго черногорскаго парламента, то они еще не выяснены и извѣстно только, что этому собранію депутатовъ будетъ предоставлено бюджетное право. Кромѣ того, оффиціальная черногорская газета извѣщаетъ еще объ одной важной реформѣ—новыхъ законахъ о печати. Князь Николай заявляетъ, что конституція должна сопровождаться свободою печати. «Свобода печати, говоритъ онъ, должна быть всеобщей и должна распространяться на всѣ партіи безъ исключенія, не взирая ни на какія политическія и религіозныя разногласія».

Но этого мало: въ своемъ стремленіи къ прогрессу князь Николай не ограничивается только этимъ. Онъ прибавляетъ: «Въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ должна быть предоставлена свобода слова всѣмъ политикамъ и публицистамъ, такъ какъ именно такая свобода служитъ главнымъ двигательнымъ факторомъ нашего времени».

Новый законъ еще не опубликованъ, и содержаніе его никому неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, знаменательно, что старикъ князь, привыкшій къ патріархальнымъ порядкамъ своей страны и къ безусловной власти надъ своими подданными, заговорилъ о необходимости реформъ, объ уступкѣ духу времени. Свобода слова, свобода печати—все это странно звучитъ въ полудикой Черногоріи, и врядъ ли населеніе проникнуто важностью этого шага, иниціативу котораго беретъ на себя князь Николай. Но, превратившись въ конституціонное государство, маленькая Черногорія займетъ соотвѣтствующее мѣсто среди прочихъ европейскихъ державъ, а ея правитель попадетъ въ ряды «великихъ реформаторовъ», смѣло вступающихъ на путь прогресса и не останавливающихся передъ принесеніемъ въ жертву прерогативъ своей власти, если это нужно для преуспѣянія родины.

И съ Дальняго Востока также приходятъ вѣсти о вѣяніи духа прогрессивныхъ реформъ. Даже въ закоснѣломъ Китаѣ заговорили о необходимости преобразованія правительственнаго режима, о конституціи. По словамъ англійскихъ газетъ, среди высокопоставленныхъ китайскихъ чиновниковъ уже начинаетъ укореняться убѣжденіе, что рано или поздно Китаю придется сдѣлать уступку духу времени, и лучше это сдѣлать рано, чѣмъ поздно. Принцъ Цинъ, которому были высказаны эти взгляды, пожелалъ узнать на этотъ счетъ мнѣніе выдающихся провинціальныхъ мандариновъ, которые, однако, высказались противъ непосредственнаго введенія такой важной реформы безъ предварительной политической подготовки къ ней китайскаго народа; что думаетъ объ этомъ центральное правительство—неизвѣстно. Въ Шанхаѣ, однако, уже образовался союзъ бывшихъ китайскихъ студентовъ, который занимается подготовкою необходимыхъ реформъ. Въ одномъ изъ собраній этого союза главный ораторъ энергично выступилъ въ защиту народныхъ правъ и въ бичующей рѣчи нападалъ на подкупность и невѣжество мандариновъ, заявивъ, что единственная надежда страны должна быть возложена на молодежь, учившуюся за границей или въ самомъ Китаѣ, но усвоившую уже себѣ идеи западной цивилизаціи и горячо желающую возрожденія родины.

Нѣтъ сомнѣнія, что японцы усиленно работаютъ надъ этимъ превращеніемъ Китая и стараются утверждать свое вліяніе въ различныхъ областяхъ китайской жизни. Эти старанія ведутъ свое начало не со вчерашняго дня. Еще до войны съ Россіей Японія начала снабжать Китай военными инструкторами, изъ которыхъ три были отправлены въ Ченгту, столицу Сечуана. Что Японія придаетъ огромное значеніе своей наставнической роли въ Китаѣ доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что она до сихъ поръ еще не отозвала изъ Китая ни одного изъ своихъ инструкторовъ, хотя такіе опытные офицеры могли бы быть полезны и ей самой въ теперешнюю войну.

Какъ относительно военныхъ инструкторовъ, такъ и относительно другихъ наставниковъ и профессоровъ, просвѣщающихъ китайцевъ и знакомящихъ ихъ съ западною наукой, Японія далеко опередила европейцевъ. Не говоря уже о томъ, что японскіе профессора обходятся китайцамъ гораздо дешевле всякихъ европейскихъ наставниковъ, на сторонѣ японцевъ находится еще то громадное преимущество, что они не только хорошо знакомы съ литературой, этикетомъ и всѣми слабостями китайскаго народа, но и владѣютъ его языкомъ, на изученіе котораго европейскіе и американскіе учителя должны потратить, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ. Но самое главное все же то, что европейцы не понимаютъ духа китайцевъ, и поэтому, конечно, не они, а только японцы могутъ превратить Китай въ цивилизованное государство.

Въ Японіи, недалеко отъ Кіото, образовалось общество мира. Организаторъ этого общества Іошимура издалъ книгу на аглійскомъ и японскомъ языкахъ, въ которой проповѣдуетъ идею вѣчнаго мира и указываетъ пути къ его достиженію. Въ очень поэтичныхъ выраженіяхъ онъ воспѣваетъ гармонію въ природѣ и убѣждаетъ людей, чтобы они и въ своемъ собственномъ мірѣ установили бы такую же гармонію и перестали бы хватать другъ друга за горло. Далѣе Іошимура проповѣдуетъ идею образованія всемірныхъ штатовъ, по образцу Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ каждая страна сохраняетъ свои особенности, но въ вопросахъ, представляющяхъ общій интересъ, всѣ они соединяются для общаго рѣшенія; для верховныхъ же рѣшеній долженъ быть учрежденъ судъ, на манеръ теперешняго Гаагскаго суда; замѣчательно, что, несмотря на воинственный пылъ японцевъ, на ихъ упорство въ войнѣ и всякія военныя доблести, проповѣдь мира все-таки находитъ достаточно много сторонниковъ въ ихъ странѣ. Особенно ихъ много среди японской учащейся молодежи. Японскіе студенты не идутъ на войну, имъ дается очень длинная отсрочка военной службы, и число учениковъ въ японскихъ высшихъ и среднихъ школахъ, за время войны, не только не уменьшилось, но даже увеличилось, особенно въ торговой школѣ, такъ какъ поступленіе туда освобождаетъ отъ воинской повинности, также какъ и обученіе въ духовныхъ семинаріяхъ и всякое духовное званіе, все это указываетъ, что воинственный духъ не составляетъ принадлежности японскаго характера, и если теперь онъ такъ сильно проявляется въ японскомъ народѣ, то это вызывается особенными причинами и, главнымъ образомъ, мыслью о необходимости завоевать Японіи положеніе въ ряду великихъ державъ и заставить эти послѣднія признать права Японіи занимать это мѣсто.

Европейская печать, интересующаяся всѣмъ, что дѣлается въ Россіи, конечно, не могла обойти молчаніемъ постановленіе о Государственной думѣ. Коментаріи европейскихъ газетъ разныхъ оттѣнковъ сводятся, впрочемъ, къ одному, что въ сущности *ничто не измѣнилось въ Россіи, и ее все-таки отнюдь нельзя причислить къ сонму конституціонныхъ государствъ.* Русскій конституціонализмъ—это псевдоконституціонализмъ, говоритъ напр. «Berliner Tageblatt». Разобравъ въ подробностяхъ новый законодательный актъ,

газета приходитъ къ заключенію, что онъ совершенно не отвѣчаетъ принципамъ дѣйствительнаго народнаго представительства, и существующая въ Россіи автократическая система не измѣняется ни на волосъ. Но при всемъ томъ организація государственной думы является все-таки первымъ шагомъ, за которымъ неминуемо должны послѣдовать и другіе шаги, и парламентскій зародышъ, какой представляетъ изъ себя дума, можетъ рано или поздно превратиться въ дѣйствительно конституціонный парламентъ.

Почти такіе же взгляды на это новое русское учрежденіе высказываютъ и другія газеты. Нѣкоторыя изъ нихъ, однако, предостерегаютъ русское общество отъ возможныхъ иллюзій; какъ ни важенъ этотъ первый шагъ, говорятъ газеты, но онъ можетъ даже обратиться во вредъ государству и послужить только къ укрѣпленію бюрократическаго строя, на что, повидимому, и разсчитываютъ его инициаторы. Вотъ почему, по мнѣнію иностранной печати, особенно важно распространеніе правильныхъ взглядовъ въ обществѣ на этотъ новый продуктъ бюрократической изобрѣтательности, при чемъ необходимо помнить, что такія учрежденія склоны пускать глубокіе корни и очень трудно поддаются какимъ либо кореннымъ преобразованіямъ. Въ своемъ теперешнемъ видѣ государственная дума не можетъ удовлетворять потребностямъ современнаго цивилизованнаго государства,—тѣмъ болѣе, русское общество должно позаботиться о томъ, чтобы она не пустила глубокихъ корней, на которыхъ могла бы оставаться неподвижной до наступленія лучшихъ временъ, и чтобы въ ней самой находились элементы, необходимые для ея преобразованія и развитія. «Мы привѣтствуемъ этотъ актъ,—говорятъ газеты,—все равно былъ-ли онъ добровольный или вынужденный обстоятельствоми,—потому что онъ все же знаменуетъ собою важный поворотъ въ русской исторіи».

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

„Потсдамская опасность".—Англія и мусульманскій міръ.—Національное движеніе въ Аравіи.--Отчего побѣдила Японія?

Англійская печать приписываетъ Германіи разные злостные замыслы и настоятельно совѣтуетъ Англіи не спускать глазъ съ германскаго императора, который, отлично понимая, что Россія была бы не въ состояніи придти на помощь теперь своей союзницѣ Франціи, не прочь воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, чтобы добиться своихъ цѣлей, касающихся мірового господства Германіи. Словомъ, Англія должна быть готовой въ каждый данный моментъ преградить дорогу Вильгельму II и разрушить его планы. Недовѣріе къ Германіи составляетъ доминирующую ноту всѣхъ англійскихъ политическихъ статей въ настоящее время. «National Review» говоритъ, что «Потсдамская опасность» (Potsdam Peril) представляетъ гораздо большую угрозу цивилизованному міру, нежели «желтая опасность» и всякій другой призракъ, порождаемый болѣзненно разстроеннымъ воображеніемъ европейскихъ политиковъ. Но «потсдамская опасность»—это реальная опасность, дѣйствительно

угрожающая спокойствію Европы, и марокксій инцидентъ былъ только первымъ предостереженіемъ. Англія и всякая другая держава должны помнить, что и ихъ чередъ можетъ наступить; поэтому то каждая столица въ Европѣ, отъ Христіаніи до Гааги, отъ Гааги до Мадрида, отъ Мадрида до Будапешта и отъ Будапешта до С.-Петербурга, одинаково заинтересована въ томъ, чтобы наложить узду на честолюбивыя стремленія въ Потсдамѣ.

«Le Prussianisme—voilà l'ennemi»! восклицаетъ «Fortnightly Review». Долгое время Европа находилась во власти заблужденія, заставлявшаго ее вѣрить въ могущество автократической Россіи; долгое время это призрачное могущество давило на западную цивилизацію, служа оплотомъ всѣмъ темнымъ реакціоннымъ силамъ, и надъ Европой тяготѣлъ неизвѣстный «х», такъ какъ ни предугадать дѣйствій автократическаго правительства, ни знать его рессурсовъ, никто не могъ. Теперь иллюзія разрушилась. Грозный призракъ автократическаго могущества разсѣялся, какъ дымъ, но зато встаетъ другой, гораздо болѣе опасный, въ образѣ «Weltpolitik» германскаго императора. Даже Японія, по словамъ англійскаго журнала, начинаетъ опасаться, какъ бы ея побѣды не нарушили настолько международнаго равновѣсія, чтобы доставить главенство Германіи.

«Fortnightly Review», кромѣ того, предостерегаетъ европейскія державы, говоря, что онѣ должны приготовиться къ тому, что имъ придется занять теперь второстепенное положеніе на Дальнемъ Востокѣ. Преобладаніе Японіи, послѣ ея недавней морской побѣды, неминуемо должно будетъ повлечь за собой провозглашеніе новой доктрины Монроё въ восточной Азіи. Подобно Соединеннымъ Штатамъ, взявшимъ подъ свое покровительство все американское полушаріе, чтобы защитить его отъ посягательствъ Европы, Японія окажетъ такую же поддержку азіатскимъ государствамъ, сохранившимъ еще свою независимость, и не допуститъ Европу завладѣть ими. Положеніе Германіи въ Кіаочау въ сущности не подвергается опасности, но она должна отказаться отъ всякихъ видовъ на Шантунгскую провинцію и не пытаться поглотить ее. Новая азіатская доктрина Монроё будетъ столь же непріятна Европѣ, какъ непріятна Южной Америкѣ американская доктрина, но она не угрожаетъ міру, и, въ концѣ концовъ Европейскимъ державамъ придется примириться съ нею и признать ея принципъ въ своихъ отношеніяхъ съ народами Дальняго Востока.

«Міровая политика» великихъ державъ, которой человѣчество обязано четырьмя безнравственными и кровопролитными войнами, по словамъ А. Улара, («La Revue») представляетъ германское изобрѣтеніе. По своему характеру, это одинъ изъ самыхъ опасныхъ видовъ спорта. Чтобы скрыть свои антипатіи и свои завоевательныя стремленія, Германія прикидывается европейскою Сандрильоной и жалуется, что ея усиліямъ, направленнымъ къ естественному развитію, воздвигаются на каждомъ шагу препятствія ея коварными сосѣдями. Все, чего добивается Германія—это «мѣстечка на солнцѣ», между тѣмъ какъ ея соперницы, Англія и Франція, гордо красуются въ своихъ владѣніяхъ. Итакъ: бѣдная Германія и, счастливыя Англія и Франція! Но, въ сущности проблема, встающая передъ Германіей, заключается въ томъ ея убѣжденіи,

что рано или поздно міръ окажется тѣсенъ для двухъ такихъ большихъ державъ, какъ Англія и Германія. Значитъ, одна дугой должна будетъ уступить мѣсто, и Германія твердо увѣрена, что это будетъ Англія, которой придется уступить мѣсто.

Могущество Англіи, отъ Каира до Дели, всецѣло покоится на ея отношеніяхъ къ мусульманскому міру, говоритъ Уларъ, и укрѣпленіе громадной британской имперіи, простирающейся отъ Сахары до Гималаевъ, возможно только въ томъ случаѣ, если Англіи удастся заставить мусульманскій міръ смотрѣть на нее, какъ на своего истиннаго покровителя. Упадокъ могущества турецкаго султана и его вліяніе на мусульманскій міръ вполнѣ отвѣчаетъ интересамъ Англіи, поэтому то Англія и поддерживаетъ тайкомъ всѣ возмущенія и борьбу различныхъ народностей, находящихся подъ турецкомъ игомъ. Возстанія, которыя превращаютъ Аравійскій полуостровъ, въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ, въ арену постоянной борьбы, поддерживаютъ въ Англіи надежду, что рано или поздно, всѣ священные города Ислама освободятся изъ подъ власти султана. Во всякомъ случаѣ, Англія очень старается объ этомъ и интригуетъ въ пользу того, чтобы протекторомъ мусульманскихъ священныхъ городовъ въ Аравіи былъ объявленъ египетскій хедивъ. Если это произойдетъ, то султанъ окончательно потеряетъ свой религіозный авторитетъ и потеряетъ его въ пользу Англіи, которая, разумѣется, будетъ стоять за спиною хедива и руководить имъ. Реализація такой схемы дала бы возможность Англіи спокойно взирать на всѣ махинаціи своей соперницы Германіи, и англійское вліяніе въ Сиріи, Малой Азіи и Месопотаміи вскорѣ разрушило бы всѣ блестящія мечты о славномъ будущемъ германской имперіи и ея планы распространенія коммерческаго преобладанія отъ Ротердама до Персидскаго залива, черезъ Константинополь. Для этого Германіи нужна дружба Турціи и этимъ объясняется дѣйствительная или кажущаяся симпатія, которую показываетъ германскій императоръ султану. Затѣмъ Германіи необходимо обезпечить себѣ положеніе на Средиземномъ морѣ, и для ея міровой политики далеко не безразличенъ вопросъ, какая держава проникнетъ въ Марокко. Мароккская проблема съ германской точки зрѣнія представляетъ такой же интересъ, какъ и турецкая проблема, но въ дѣйствительности тутъ дѣло идетъ не о Марокко, а о томъ, кто будетъ играть руководящую роль въ мірѣ Ислама—Германія или Англія? Планы и мечты этихъ обѣихъ державъ не могутъ быть согласованы—это бросается въ глаза, и Англія энергично борется противъ посягательствъ Германіи на главенство въ мусульманскомъ мірѣ. Германія видитъ, что ея мечты объ этомъ главенствѣ грозятъ разлетѣться въ прахъ, и поэтому она такъ и протестуетъ противъ своего исключенія изъ Марокко, такъ старается помочь своими совѣтами турецкому султану въ аравійскихъ земляхъ и хлопочетъ объ объединеніи мусульманскаго міра. Конечно, Англія должна быть готова къ тому, что Германія возстанетъ противъ ея оккупаціи Ковейта на Персидскомъ заливѣ.

Въ Аравіи, дѣйствительно, наблюдается въ послѣднее время характерное явленіе: образованіе національнаго движенія, центромъ котораго служитъ Малая Азія и организованная только нѣсколько времени тому назадъ національная

арабская партія. Турокъ въ Малой Азіи немного, управленіе ихъ никуда не годится, а злоупотребленія ихъ и притѣсненія мѣстнаго населенія, конечно, должны были породить глубокое недовольство и возмущеніе во всѣхъ слояхъ этого населенія. Логическимъ послѣдствіемъ такого положенія вещей явилось образованіе національной арабской партіи, центральный комитетъ которой адресовалъ недавно воззваніе къ арабамъ и къ иностраннымъ державамъ, заявляя о томъ, что наступилъ моментъ, когда арабы должны сбросить съ себя турецкое иго и основать независимую арабскую имперію, въ составъ которой войдутъ всѣ арабскія страны Азіи, отъ долины Тигра и Евфрата до Суэзскаго канала и отъ Средиземнаго моря до Оманской бухты.

Это національное движеніе въ Аравіи, разумѣется, привлекаетъ вниманіе европейской печати, такъ какъ никто не сомнѣвается, что Турціи трудно будетъ совладать съ ними. Во французскомъ журналѣ «La Revue» высказывается мнѣніе, что Франція должна воспользоваться этимъ моментомъ и обратить свои взоры на Аравію, стараясь, по возможности, возстановить свое вліяніе на берегахъ Средиземнаго моря, иначе повторится исторія съ Египтомъ, гдѣ Франція своей пассивностью сама вынудила Англію къ дѣйствіямъ и доставила ей возможность воспользоваться всѣми выгодами своей политики.

«Отчего побѣдила Японія?» Подъ такимъ заглавіемъ лондонскій научный журналъ «Nature» помѣщаетъ статьи, гдѣ указываетъ роль, которую сыграла европейская наука въ дѣлѣ развитія Японіи. До японско-китайской войны Европа не высказывала особеннаго интереса къ маленькому островному государству и только послѣ этой войны она заинтересовалась «новою Японіею» и съ удивленіемъ замѣтила, что это небольшое государство становится великой державой, благодаря быстрому усвоенію западной цивилизаціи и современной науки. Безъ такого усвоенія, безъ основательнаго знакомства съ современною наукой одного мужества и презрѣнія къ смерти самураевъ,—японской касты воиновъ,—было бы недостаточно, и борьба Японіи съ европейскими державами была бы также безнадежна, какъ безнадежна была борьба дервишей противъ современнаго оружія англичанъ въ Омдурманской битвѣ, гдѣ даже побѣдителей, англійскихъ солдатъ, охватило чувство состраданія къ ихъ удивительно мужественнымъ противникамъ, которые неминуемо должны были пасть жертвами европейской усовершенствованной военной техники. Само собою разумѣется, что и японцы, если бы они сохранили свое первобытное вооруженіе, не могли бы устоять противъ современнаго войска. Но въ томъ то и дѣло, что японцы съ удивительной предусмотрительностью готовились къ войнѣ и ничего не упустили изъ виду. Они, до самыхъ мельчайшихъ подробностей, усвоили себѣ теорію и практику современнаго военнаго искусства. Однако, и этого было бы недостаточно, если бы прогрессъ страны ограничился только одною областью военнаго искусства и не распространился бы планомѣрно на всѣ отрасли народной жизни и, въ особенности на народное образованіе. Руководители японскаго прогресса справедливо считали народное образованіе главнымъ условіемъ осу-

ществленія національнаго идеала. Въ этомъ они видѣли залогъ преуспѣянія страны. И дѣйствительно, въ Японіи нѣтъ неграмотныхъ. Народное образованіе организовано во всей странѣ; высшее получается въ центральныхъ округахъ, а техническое организовано вездѣ, гдѣ это требуется мѣстными условіями. Оба японскихъ университета отвѣчаютъ самоновѣйшимъ требованіямъ науки и могутъ соперничать съ другими подобными же учрежденіями въ какой угодно странѣ. Преобразованіе коснулось всѣхъ отдѣловъ національной жизни, и повсюду она была вновь организована на научныхъ основаніяхъ. Вездѣ можно было видѣть разумное и цѣлесообразное руководство, сознательное отношеніе къ долгу и къ своимъ обязанностямъ, что всецѣло являлось результатомъ національнаго воспитанія и того, что вожди націи были людьми науки и профессіональными дѣятелями, такъ что каждая отрасль знанія и каждая профессія имѣла въ нихъ своего представителя. Это научное развитіе, серьезное обдуманное отношеніе ко всему отразилось на всѣхъ дѣйствіяхъ японцевъ въ теперешней войнѣ. Желѣзныя дороги и суда оказались на высотѣ современныхъ требованій техники и науки, также какъ и всѣ вспомогательныя средства, телеграфы и т. п. Верфи работали превосходно, а въ арсеналахъ и механическихъ мастерскихъ ни разу не обнаружилось недостатка въ военныхъ матеріалахъ, необходимыхъ для поддержанія военныхъ операцій. Все доставлялось своевременно на поле битвы, и японцы необыкновенно умно воспользовались всѣми новѣйшими приспособленіями механической, электрической и химической науки и даже сами усовершенствовали многія европейскія изобрѣтенія.

Отсталая во всѣхъ отношеніяхъ Россія, погрязшая въ тинѣ своихъ бюрократическихъ учрежденій, должна была пасть жертвой передовой страны, доказавшей, что косность и невѣжество должны склонить голову передъ прогрессомъ и разумнымъ пониманіемъ національныхъ задачъ. Урокъ, который можетъ извлечь Европа изъ всего, слѣдующій: ни одна современная нація, заботящаяся о своемъ преуспѣяніи, не должна дозволять личнымъ желаніямъ и взглядамъ руководить національною жизнью, и только широкая организація этой жизни на научныхъ основаніяхъ обезпечиваетъ правильный и разумный прогрессъ и приводитъ къ благосостоянію. Россія понесла наказаніе именно за это игнорированіе всѣхъ разумныхъ началъ въ своей національной жизни, и если тяжелый урокъ не заставитъ ее выйти изъ своего вѣкового оцѣпѣненія, то мѣсто ея, какъ великой державы, будетъ навѣки потеряно.

МИРЪ БЕЗРАДОСТНЫЙ, НО ВСЕ-ЖЕ МИРЪ.

Неожиданно для насъ возникшая война окончилась и неожиданнымъ миромъ. Еще наканунѣ состоявшагося въ Портсмутѣ соглашенія предсказывали разрывъ; японскіе уполномоченные заявляли, что уже уложили свои вещи; статсъ-секретарь Витте, со своей стороны, назначилъ даже день отъѣзда изъ Америки на пароходѣ Ллойда — и вдругъ все перемѣнилось: раздѣлъ Сахалина и отказъ японцевъ отъ контрибуціи уладили все дѣло. Соглашеніе по остальнымъ пунктамъ договора состоялось раньше. Японія, конечно, пріобрѣла многое, пріобрѣла дорогою цѣной, но мы заплатили еще дороже за чисто отрицательные результаты и отрицательными являются и тѣ главнѣйшія уступки, которыя намъ сдѣлали японскіе уполномоченные—*не* требовать контрибуціи и *не* взыскивать съ насъ за возвращаемую намъ часть Сахалина. Условія — выдачи Японіи русскихъ судовъ, интернированныхъ въ нейтральныхъ портахъ, и ограниченія русскихъ военныхъ силъ въ Тихомъ Океанѣ—были явно не пріемлемы съ самаго начала. Газеты сообщили, что извѣстіе о мирѣ не вызвало чувства радости ни въ Японской столицѣ, ни въ Петербургѣ. Въ Японіи, повидимому, значительная партія стояла за продолженіе войны, съ непремѣннымъ условіемъ завершить ее денежнымъ вознагражденіемъ за понесенные убытки. Болѣе сдержанная и, конечно, болѣе дальновидная партія, во главѣ которой называютъ маркиза Ито, къ которой присоединился микадо, поняла, что чрезмѣрныя требованія могутъ вызвать опасность для Японіи не только со стороны Россіи. Полное удовлетвореніе по всѣмъ требованіямъ, которыя предшествовали объявленію войны, и затѣмъ пріобрѣтеніе новыхъ преимуществъ, какъ—окончательная отдача Портъ-Артура, господство въ Кореѣ и въ Манджуріи, Китайская восточная желѣзная дорога, рыбная ловля, лучшая часть Сахалина и т. д.—все это столь значительныя преимущества, которыя, будучи дополнены еще новымъ, выгоднымъ для Японіи торговымъ договоромъ, вносятъ огромный плюсъ въ ея благосостояніе, что требовать бóльшаго, подъ рискомъ возстановить противъ себя другія державы, и прежде всего—лишиться поддержки Америки, было бы, конечно, актомъ, быть можетъ, отважной, но отнюдь не мудрой политики. И благоразуміе требованій одержало верхъ въ Японіи надъ отвагой домогавшихся бóльшаго. Можетъ быть, японцы и не выказываютъ радости по поводу окончанія войны: у нихъ все же должно быть чувство удовлетворенія по поводу достигнутаго. Миръ закрѣпилъ за ними не только нравственную побѣду, но и матеріальныя преимущества. Уравновѣшиваются ли они понесенными утратами и затратами—это раскроется въ близкомъ будущемъ. Да, впрочемъ, этотъ учетъ и ихъ дѣло. А глядя со стороны, нельзя не признать, что они нашли справедливое удовлетвореніе наиболѣе существеннымъ своимъ требованіямъ и выказали большой политическій тактъ, отказавшись отъ притязаній, которыя могли быть сочтены чрезмѣрными.

У насъ также, почти съ самаго начала войны, точнѣе—съ того момента, когда послѣ первыхъ пораженій обнаружилась вся наша неподготовленность,

всѣ наши неурядицы, все наше моральное и матерьяльное безсиліе, образовались въ обществѣ двѣ партіи—сторонниковъ и противниковъ войны. Относительно поводовъ къ войнѣ—вскорѣ перестали спорить. Первоначально тщательно скрываемыя, облеченныя таинственностью концессіи на р. Ялу, мотивы и пріемы, по которымъ мы завладѣли завоеваннымъ японцами у Китая Портъ-Артуромъ, сомнительность нашихъ дипломатическихъ переговоровъ и т. п.—все это постепенно просачивалось въ печать, и общество не хотѣло больше слушать о какой-либо чудовищной винѣ передъ нами японцевъ, которая способна была бы возбудить противъ нея негодованіе, жажду отместки, чувство ненависти. Ничего подобнаго нашимъ шовинистамъ не удалось вызвать въ русскомъ обществѣ. Съ легкомысліемъ, о которомъ имъ самимъ теперь должно быть стыдно вспоминать, они заранѣе кичились легкостью казавшейся имъ неизбѣжной побѣды и задорно глумились надъ «маленькимъ врагомъ», который осмѣлился дерзновенно подняться на великую державу. Успѣхи японцевъ превзошли ожиданія и тѣхъ, которые, съ самаго начала, осуждая эту войну, считали, что, разъ она вспыхнула, ее приходится, конечно, вести, но закончиться она можетъ небольшой побѣдой русскихъ, которые сумѣютъ отразить натискъ японцевъ, и тогда состоится мирное соглашеніе для упорядоченія дальнѣйшихъ отношеній между двумя сосѣдними державами, которымъ всего выгоднѣе быть въ союзѣ. И въ этомъ пришлось разочароваться: пораженіе за пораженіемъ, вопіющія неурядицы, печальныя «недоразумѣнія» на нашей сторонѣ и удивленіе передъ необыкновенной стойкостью, подготовленностью и безумной храбростью «маленькаго врага». Въ храбрости, конечно, наши солдаты не уступали японскимъ, но что значитъ личная храбрость, когда вся организація военнаго дѣла у насъ была воздвигнута на глинянныхъ ногахъ, и огромный колоссъ, лишенный устойчивой опоры, собственной тяжестью давилъ тѣхъ, которые должны были его нести. Въ симптомахъ этого внутренняго краха мнѣнія расходились. Болѣе дальновидные указывали на нихъ еще раньше сдачи Портъ-Артура, и тогда же раздались впервые возгласы о прекращеніи войны. Она обращалась въ какую-то бойню, жестокую, безсмысленную и безцѣльную. Разъ вѣроятія на успѣхъ съ нашей стороны не было, — чѣмъ раньше прекратить кровопролитіе, тѣмъ, казалось, легче отдѣлаемся мы отъ неожиданнаго и тяжелаго урока, на который, по легкомыслію, мы сами напросились. Война вскрыла многія наши общественныя язвы; она просвѣтила многихъ, послужила необыкновенно мощнымъ двигателемъ въ пробужденіи сознанія въ широкихъ слояхъ общества, вызвала на провѣрку наши общественныя силы и подвергла суровому испытанію государственный механизмъ. Выяснился съ полной очевидностью и тотъ фактъ, что въ наши дни правительства одни не могутъ вести войны, при пассивномъ къ ней отношеніи всей народной массы. И разъ потребовалось участье общества и народа, не въ смыслѣ только «пушечнаго мяса», естественно было и требованье сознательнаго отношенія къ тому, на что идешь.

Японская война не вызвала и не могла вызвать сочувствія народныхъ массъ. Въ послѣднее время вопросъ сводился къ учету національнаго само-

любія и къ опредѣленію матерьяльныхъ невыгодъ отъ условій мира, которыя могли дать въ будущемъ слишкомъ большой перевѣсъ непріятелю, усилить его въ такой мѣрѣ, что онъ станетъ для насъ опаснымъ и послѣ заключенія мира. Противники войны указывали на способъ, какъ реагировать на то и на другое: въ дѣлѣ національнаго самолюбія заинтересована вся нація, которая и должна высказаться. Въ вопросѣ условій мира—иное значеніе пріобрѣтаютъ уступки, дѣлаемыя правительствомъ, и заявленія, исходящія отъ уполномоченныхъ отъ всего народа. И если въ Портсмутской конференціи отстояли вопросъ о контрибуціи, то при раздѣлѣ Сахалина обошлись безъ обращенія къ народнымъ представителямъ, созывъ которыхъ, однако, уже былъ объявленъ десятью днями раньше. Возможно, что отвѣтъ націи былъ бы тоже за отдачу части Сахалина, которою японцы владѣли до 1875 года, съ тѣхъ поръ ставшей все-же «пядью земли русской»; но вѣроятно, что и отношеніе японскихъ уполномоченныхъ къ условіямъ мира было бы инымъ, если бы они знали, что думаетъ о нихъ весь русскій народъ, которому они предписываются.

Мы ничего не выгадали отъ затяжки заключенія мира, которое было возможно съ того момента, когда стало вполнѣ яснымъ, что, наперекоръ кичливому заявленію русскаго консула въ Хакодате, считавшаго возможнымъ потопить весь японскій флотъ въ Желтомъ морѣ,—всѣ преимущества на сторонѣ японскаго флота. Мы не можемъ испытывать чувства радости, при сознаніи, что не была избѣгнута цусимская катастрофа, которую свѣдующіе люди предсказывали заранѣе въ томъ или другомъ видѣ. Мы не можемъ ликовать, вспоминая всѣ ужасы мукденскаго пораженія, словно ничему не научили насъ первые неудачные опыты подъ Тюренченомъ, пораженіе подъ Ляояномъ и т. д. Но какія были наши надежды впереди? Брать измoромъ; все тотъ же традиціонный способъ возлагать всѣ упованія не на искусство военачальниковъ, не на умѣнье вести дѣло, не на продуктивныя силы страны, а на ея территоріальное могущество, на численность населенія, на умѣнье русскаго человѣка пассивно умирать. Намъ нужно выйти изъ состоянія такого натуральнаго безразличія и пассивности, и путь къ выходу изъ него теперь намѣченъ; первый шагъ къ нему сдѣланъ, и отъ себя зависитъ сумѣть выдержать съ лучшимъ успѣхомъ испытаніе въ гражданской зрѣлости, къ которому призываетъ нынѣ признанный и у насъ принципъ народнаго представительства, чѣмъ прошлое испытаніе въ злосчастной войнѣ, оставившей по себѣ лишь воспоминанія «безумія и ужаса». Поэтому все-таки хорошо, что она кончилась. Миръ не можетъ возбудить національной радости, но какъ не почувствовать довольства отъ прекращенія всѣхъ жестокостей, которыми отличалась именно настоящая война, разгорѣвшаяся на зарѣ XX вѣка; какъ не вздохнуть свободнѣе, когда знаешь, что не услышишь болѣе обо всѣхъ этихъ фугасахъ, волчьихъ ямахъ, проволочныхъ загражденіяхъ, на которыхъ люди подвергались истязаніямъ, какъ въ тѣ времена, когда еще оффиціально признавались пытки; какъ не опомниться послѣ того освирѣпѣнья, когда люди, какъ передавали очевидцы, доходили до такого состоянія бѣшенства, что душили другъ друга за горло, рвали челюсти, грызлись зубами, какъ звѣри... Человѣка не стало;

жизнь и смерть слились въ одинъ ужасный образъ уничтоженья; «черный всадникъ» пронесся надъ землей и въ вихрѣ *Краснаго смѣха* смялъ всѣ положительные устои жизни, натравливая людей на акты безумной ярости, безъ живой цѣли передъ затуманенными глазами. Очнемся теперь. Миръ все же заключенъ. Пусть наши шовинисты силятся создать идею реванша, по образцу французскихъ Деруледовъ, — эти примѣры врядъ ли кого увлекутъ. Охотниковъ «подраться» всегда можно найти, но, какъ показало у насъ начало войны, эти крикуны склонны скорѣе довольствоваться словесными упражненіями и на пошлую шутку о русскомъ матросѣ, который «откусилъ японцу носъ», получили отвѣтъ, къ сожалѣнію оправдавшійся на дѣлѣ, о томъ, кто же остался съ носомъ. Обернулись противъ нихъ же и плохіе каламбуры относительно адмирала Того. Авось, на будущее это избавитъ насъ отъ такихъ пріемовъ и той пошлой литературы, въ которой принимали участіе и претендующіе на именитость виршеслагатели. И если учитывать пораженіе по тому, кто всего настойчивѣе кричалъ за войну и, какъ витязь Фарлафъ, заранѣе кичился, что—«близокъ ужъ часъ торжества моего», тогда какъ другіе элементы общества взывали къ бóльшей осмотрительности, къ внимательному и уважительному отношенію къ противнику, къ той сдержанности, съ которой культурный грекъ въ «Илліадѣ» умѣлъ, не презирая врага, его не бояться, наконецъ, настойчиво заговорили о необходимости прекратить безцѣльное и пагубное продолженіе войны,—то выходитъ, что пораженіе своимъ «позоромъ» ложится только на зачинщиковъ и крикуновъ за войну. Страна, въ цѣломъ, хотя и вышла съ урономъ изъ войны, но отнынѣ пусть онъ будетъ отнесенъ къ прошлому, а новой, возрождающейся Россіи теперь развязаны руки отъ внѣшнихъ помѣхъ, чтобы всецѣло отдаться внутренней культурной работѣ строительства жизни.

Ѳ. Батюшковъ.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

Отзывы провинціальной печати о законѣ 6-го августа.—„Голосъ Жизни".—Пробуждающіяся силы и пробудившіяся потребности.

I.

На этотъ разъ, прежде чѣмъ перейти къ «очереднымъ дѣламъ»,—къ обзору и обсужденію спеціально-журнальныхъ темъ,—мы сдѣлаемъ маленькую экскурсію въ область провинціальной печати. Мы произведемъ опытъ анкетнаго изслѣдованія общественнаго мнѣнія страны по вопросу объ учрежденіи государственной Думы.

Правда, голосъ страны высказался по данному вопросу, задолго еще до разрѣшенія его правительстомъ, съ достачной ясностью и опредѣленностью. Начиная съ эпохи, такъ называемаго, «весенняго довѣрія», русское общество не уставало заявлять о своемъ отрицательномъ отношеніи къ существующему бюрократическому режиму и о необходимости коренной реформы его.

Указъ 18 февраля, поручавшій совѣту министровъ «разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства», открылъ опредѣленное русло для подобнаго рода заявленій, и населеніе широко воспользовалось предоставленнымъ ему правомъ. «Городскія и земскія собранія, сельскія общества, ученыя и просвѣтительныя учрежденія, частныя лица и союзы частныхъ лицъ, объединенныхъ общностью профессій или взглядовъ, начали—вспоминаетъ «Южное Обозрѣніе»--представлять въ Совѣтъ министровъ свои виды и предположенія. Общественное мнѣніе, ярко выразившееся въ этихъ заявленіяхъ, высказалось за устройство постояннаго учрежденія изъ выборныхъ людей, за предоставленіе ему рѣшающаго голоса, за предоставленіе русскимъ гражданамъ основныхъ правъ личности, свободы совѣсти, слова, собраній, неприкосновенности личности, за организацію выборовъ на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ».

Но всѣ эти многочисленныя и въ тоже время, по основному своему содержанію, поразительно единодушныя заявленія сдѣланы были *до* акта 6 августа, который, хотя и обусловленъ былъ ими, но въ сущности прошелъ мимо нихъ. И вопросы о томъ, нашло ли въ немъ общество отраженіе своего настроенія, готово ли оно помириться съ фактомъ или признаетъ его лишь первымъ этапнымъ пунктомъ въ своемъ освободительномъ движеніи,—всѣ эти вопросы представляютъ сейчасъ немаловажный и при томъ не теоретическій только интересъ.

Нашъ опытъ мы ограничили узкими рамками статей и замѣтокъ, явившихся въ провинціальныхъ газетахъ непосредственно вслѣдъ за обнародованіемъ учрежденія государственной Думы. За этими статьями послѣдуютъ, разумѣется, другія, въ которыхъ новый законъ будетъ подвергнутъ детальному анализу. Но ихъ мы въ нашъ обзоръ не включаемъ, не только потому, что сейчасъ еще этихъ нумеровъ газетъ у насъ недостаточно, но и потому, и даже главнымъ образомъ потому, что намъ казалось интереснѣе и поучительнѣе узнать, каково было впечатлѣніе, произведенное закономъ въ провинціи, чѣмъ разбираться въ оцѣнкахъ критическихъ талантовъ, имѣющихся въ распоряженіи той или другой редакціи.

Само собою разумѣется, наконецъ, что губернскія вѣдомости, равно какъ и частные органы, редактируемые въ полицейскихъ участкахъ, въ нашъ обзоръ не входятъ. Быть можетъ, въ интересахъ полноты обзора мы должны были бы охватить и эти органы провинціальной печати, но—съ другой стороны—ароматъ участковъ не столь благовоненъ, чтобы безъ особой нужды угощать имъ читателей.

Ликующая «осанна», совершенно неожиданно раздавшаяся на столбцахъ одного изъ столичныхъ органовъ печати, не нашла себѣ отклика въ провинціальныхъ газетахъ. Лишь въ очень немногихъ изъ нихъ пришлось намъ выслушать лирическія пѣснопѣнія, при чемъ самую верхнюю ноту, повидимому, взялъ «Бѣлорусскій Вѣстникъ».

«Великій день наступилъ!..

«День Преображенія Господня, 6-го августа 1905 года, золотыми буквами внесется на скрижали русской исторіи, яркими брилліантами засверкаетъ въ русской жизни.

«Какъ удачно выразились «Бирж. Вѣд.», въ день Преображенія Господня совершалось преобразованіе старой Руси въ новое государство.

«Еще наканунѣ съ вечера воцарилось тревожно-выжидательное настроеніе. Сердца всѣхъ людей безъ различія возраста и достоянія бились однимъ желаніемъ, одною надеждою...

«И когда, наконецъ, манифестъ вышелъ, тихая радость засвѣтилась на лицахъ нетерпѣливо ожидающаго народа.

«Онъ получилъ право голоса, получилъ право громко и безбоязненно говорить о своихъ нуждахъ, открыто заявлять о притѣсненіяхъ, обидахъ.

«Отнынѣ конецъ царству мрака, могучій свѣтъ, сдерживаемый доселѣ Злою Ночью, золотою волною хлынулъ изъ-за далекихъ горъ и радостнымъ сіяніемъ озарилъ все кругомъ.

«Конецъ суровой, жестокой зимѣ; миновали ея сумрачные короткіе дни съ блѣдными прорывами недосказаннаго свѣта,—наступила свѣжая, обновляющая весна, тепло, радость несетъ съ собою ея яркій бодрый день!

«...Какъ хорошо поютъ птицы»!..

Замѣтьте—эта послѣдняя фраза принадлежитъ не намъ, а все той же минской газетѣ, которая, такимъ образомъ, воспѣла не только день 6-го августа, но и самое себя.

Впрочемъ, даже и минскія птицы не оставляютъ новаго закона безъ критики, хотя, очевидно, къ этой послѣдней провинціальная цензура относится совершенно иначе, чѣмъ къ хвалебнымъ пѣснопѣніямъ.

Нѣкоторыя газеты совершенно лишены были возможности откликнуться на новый законъ. Такъ, «Харьковскій Листокъ» считаетъ необходимымъ сообщить, что по независящимъ обстоятельствамъ онъ не могъ высказаться по вопросу объ учрежденіи государственной Думы. Въ двухъ послѣднихъ номерахъ не могли быть напечатаны: передовая статья, «Наканунѣ», «Русскій парламентъ и его будущность», «Русская печать о созывѣ народныхъ представителей» и др.

Другія газеты, выражая на своихъ столбцахъ сочувствіе потерпѣвшему собрату, прибавляютъ, что, увы, и онѣ подверглись болѣзни харьковской газеты.

Посвященная закону 6-го августа передовая статья «Сѣвернаго Края» вышла въ перемѣну съ бѣлыми мѣстами, по которымъ даже не обучавшійся въ семинаріи читатель можетъ судить о томъ, насколько и въ самомъ дѣлѣ старая Россія «преобразилась» и вступила въ «новую эру». Въ томъ же номерѣ «Сѣв. Края» «Обзоръ печати», въ которомъ, очевидно, предполагалось дать мѣсто отзывамъ столичныхъ газетъ о новомъ законѣ, очень эффектно весь заполненъ объявленіемъ нѣкоей варшавской фирмы, рекомендующей превосходную краску для волосъ.

Сжатая цензурными тисками газета вслѣдъ за однимъ изъ бѣлыхъ мѣстъ своей передовой статьи, заявляетъ:

«Мы охотно развили бы читателю болѣе подробно и обстоятельно нашъ взглядъ на значеніе государственной Думы и ея вѣроятную роль въ будущемъ, но вѣдь читателю извѣстно, что условія, въ которыхъ находится подцензурная провинціальная печать, намъ этого не позволяютъ. Какъ органу, независимому по своимъ убѣжденіямъ, намъ остается только одно: не присоединять своего голоса къ ликующимъ возгласамъ душевнаго патріотизма однихъ и лицемѣрной восторженности другихъ.

«Но вмѣстѣ съ однимъ изъ лучшихъ органовъ столичной печати мы все же полагаемъ, что «день 6-го августа займетъ свое мѣсто въ ряду этаповъ той преобразовательной эпохи, которую мы переживаемъ».

Сдержанный тонъ «Сѣвернаго Края», одной изъ лучшихъ провинціальныхъ газетъ, типиченъ, вообще, для провинціальной печати въ ея отзывахъ о новомъ законѣ.

«Почти черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ объявленія предстоящаго созыва народныхъ представителей, Россія—говоритъ «Бессарабская Жизнь»—дождалась положенія о государственной Думѣ и о выборахъ въ нее; въ томъ видѣ, въ какомъ мы видимъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшееся Положеніе, оно моглобы быть съ успѣхомъ составлено въ срокъ, значительно меньше, чѣмъ 6 мѣсяцевъ. Если, наконецъ, Положеніе опубликовано, то Россія этимъ обязана исключительно самой себѣ, своей сознательности и непреклонной энергіи. Мы всегда относились скептически къ народному представительству, которое можетъ «дать» бюрократія, но не можемъ отрицать, что положеніе о государственной Думѣ является maximum'омъ того, что она могла дать; дать больше значило-бы для нея подвергнуть себя самоуничтоженію, каковое требованіе отъ нея съ нашей стороны было бы, конечно, наивно».

Въ этомъ же смыслѣ высказывается и только-что цитированная нами газета («Сѣв. Край»), оставляя новый законъ «всецѣло на отвѣтственности нашей бюрократіи», вполнѣ самостоятельно, хотя и «подъ вліяніемъ, такъ называемой, «смуты» и т. п. выработавшей этотъ новый государственный актъ.

Какъ обѣ названныя газеты, такъ и цѣлый рядъ другихъ выдвигаютъ поэтому на первый планъ моральное значеніе новаго закона,—первое отступленіе сплоченной и организованной бюрократической арміи передъ наступательнымъ движеніемъ пробудившагося къ самостоятельной политической жизни населенія страны. Что же касается историческаго значенія акта 6-го августа, то къ его оцѣнкѣ газеты приступаютъ съ большой осторожностью: оно «можетъ быть и велико, и ничтожно—замѣчаетъ тотъ же «Сѣв. Край»—въ зависимости отъ того, какое проявятъ отношеніе къ новому учрежденію различные классы населенія и отдѣльныя общественныя группы».

Но въ какихъ формахъ, какъ могутъ проявить свое отношеніе къ новому учрежденію различные классы и группы населенія? Создаетъ ли новый законъ условія, благопріятствующія самоопредѣленію общественныхъ группъ? Разумѣется, двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ. Газеты вынуждены

констатировать, что актъ 6-го августа не только не создаетъ такихъ условій, но, отмѣняя указъ сенату 18-го февраля, отнимаетъ у населенія даже ту послѣднюю проблематическую возможность совмѣстнаго обсужденія вопросовъ государственнаго благоустройства, которая существовала до его изданія. А вѣдь нельзя игнорировать, что—какъ справедливо замѣчаетъ «Волынь»—между всякимъ народнымъ представительствомъ и правомъ свободы собраній, печати и слова существуетъ тѣсная органическая связь, сознаваемая всѣми культурными народами. «Что дѣлать въ этомъ случаѣ,—спрашиваетъ газета—при отсутствіи свободы слова, печати, собраній, сходокъ»?

И газета «затрудняется сказать, что именно больше содѣйствовало преобладающему въ культурныхъ странахъ «государственному благоустройству и народному благосостоянію»: представительное ли правленіе, или свобода печати, слова, сходокъ и собраній? Намъ кажется, что, по крайней мѣрѣ, если бы могъ быть поставленъ вопросъ о необходимости выбирать между народнымъ представительствомъ безъ свободы выраженія общественнаго мнѣнія, и этой свободой—безъ представительства, то для блага народа предпочтительнѣе остановиться на послѣднемъ».

«Особенно это важно въ Россіи, гдѣ все зло, все горе, все безсилье внѣшнее и внутреннее могло такъ долго скрываться только подъ покровомъ канцелярской тайны и безотвѣтственности бюрократіи. И теперь, когда со старымъ такъ или иначе приходится порвать, пора же, наконецъ, придти къ сознанію истинныхъ причинъ нашей безотрадной дѣйствительности... Пусть «сила мнѣнія», но пусть это будетъ дѣйствительная сила и искреннее, открыто и честно высказываемое мнѣніе»!

И такъ какъ устанавливаемое актомъ 6-го августа народное представительство этому условію совершенно но удовлетворяетъ, то единственно «непререкаемымъ» за этимъ актомъ, по мнѣнію «Волыни», остается лишь введеніе въ жизнь страны новаго и несвойственнаго всѣмъ ея старымъ учрежденіямъ принципа—народнаго представительства. «Этотъ принципъ неминуемо явится могучимъ ферментомъ, который отнынѣ не перестанетъ вліять на всѣ стороны нашей общественности. Вліяніе это будетъ тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ рѣзче отличаются отъ введеннаго въ нашу государственную жизнь новаго начала бродившіе въ организмѣ страны до сихъ поръ нездоровые соки».

Точно также и «Кіевскіе Отклики» не признаютъ за новымъ закономъ значенія, обновляющаго старые устои нашей жизни какими-либо существенно отличными отъ нихъ элементами. Газета полагаетъ, что новая жизнь Россіи начнется лишь тогда, когда раздастся свободный голосъ представителей всего народа, когда для непреложныхъ «указаній жизни» будетъ открытъ свободный и просторный путь...

«Старая Россія медленно умираетъ... Появляются признаки новой жизни. Да здравствуетъ грядущая политическая свобода!..»

«Южный Курьеръ», подвергнувъ критической оцѣнкѣ учрежденіе государственной Думы и установивъ совершенно отрицательное къ ней отношеніе, не

даетъ никакихъ указаній на возможныя съ ея точки зрѣнія перспективы. Такую же позицію заняла и «Самарская газета».

По мнѣнію «Южной Россіи», смыслъ учрежденія представительнаго собранія заключается въ томъ, что такимъ путемъ устраняется «организованное самоуправство». Когда «государство разростается до такой степени, что правительственная власть не въ силахъ регулировать взаимныхъ отношеній между сословіями и классами, то столкновенія изъ экономическихъ и фабрично-заводскихъ конторъ переходятъ на поля и на улицу. Въ такіе моменты единственнымъ средствомъ водворить въ странѣ миръ и тишину, является созданіе почвы для легальнаго примиренія (или временнаго согласованія) интересовъ различныхъ группъ. Создается представительное учрежденіе, гдѣ вопросы практической жизни разрѣшаются путемъ преній и дебатовъ». Въ русскую государственную думу открыть доступъ лишь одной части населенія,—естественно, что столкновенія интересовъ здѣсь происходить не могутъ: на лицо будетъ лишь одна заинтересованная сторона. И разъ это такъ, то «столь же естественно, что для столкновеній, неизбѣжныхъ во всякія времена и у всѣхъ народовъ, останется прежнее поле—нива и улица».

За исключеніемъ трехъ послѣднихъ газетъ, изъ которыхъ двѣ («Южный Курьеръ» и «Самарская газета») просто умалчиваютъ о своихъ видахъ на ближайшее будущее, а послѣдняя смотритъ впередъ съ нескрываемымъ пессимизмомъ, большинство органовъ провинціальной печати возлагаетъ, въ большей или меньшей степени, надежды на предстоящую избирательную кампанію. Основаніемъ для этой надежды, которая у нѣкоторыхъ органовъ печати переходитъ даже въ твердую вѣру, служитъ то приподнятое настроеніе, которое, ни мало не затихая, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ характеризуетъ самыя разнообразныя общественныя группы населенія страны. Но если раньше освободительное движеніе всѣхъ этихъ группъ шло въ различныхъ направленіяхъ, лишь изрѣдка, случайно, перекрещиваясь въ своихъ путяхъ, то теперь для него открывается одно общее широкое русло, по которому оно легко можетъ слиться въ одинъ мощный стремительный потокъ. Правда, условія для перехода общественнаго движенія въ этотъ новый фазисъ крайне неблагопріятны. Наиболѣе сознательные элементы населенія страны, почти вся интеллигенція и весь рабочій классъ, устранены отъ участія въ выборахъ. Крестьянское населеніе, какъ извѣстно, находится подъ непрерывной и властной опекой полиціи и земскихъ начальниковъ. Да и въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ полиціи предоставлены слишкомъ широкія и слишкомъ неопредѣленныя полномочія, въ силу которыхъ полицейскіе чиновники могутъ считать себя чуть ли не руководителями выборовъ. Свобода слова, печати, собраній и сходокъ продолжаетъ оставаться подъ запретомъ и т. д., и т. д. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти наличныя условія до такой степени очевидности не вяжутся съ объявленнымъ самимъ правительствомъ намѣреніемъ призвать къ «совмѣстной законодательной работѣ», на самомъ дѣлѣ, а не фиктивно только «избранныхъ довѣріемъ всего населенія людей», что осуще-

ствленіе этого намѣренія само собою предполагаетъ и устраненіе всѣхъ противодѣйствующихъ ему условій.

И провинціальная пресса съ полнымъ единодушіемъ высказывается въ томъ именно смыслѣ, что выборы, разъ они будутъ произведены, произойдутъ во всякомъ случаѣ, не въ этой атмосферѣ безправія, въ какой сейчасъ находится вся страна. «Мы не ошибаемся,—утверждаетъ «Волынь»,—если выскажемъ надежду, что уже теперь, еще до выборовъ, «жизнь сама укажетъ необходимость» многихъ и многихъ измѣненій въ учрежденіи государственной Думы, измѣненій, направленныхъ въ сторону большаго довѣрія къ общественнымъ силамъ...».

Съ большимъ оптимизмомъ смотритъ на это дѣло «Приазовскій Край». Газета увѣрена, что «правительство будетъ послѣдовательно» и что, разъ уже согласившись ввести въ управленіе страной выборное начало, оно само «обезпечитъ и необходимую широкую свободу выборовъ». Однако, такой благодушный оптимизмъ далеко не раздѣляется большинствомъ провинціальной прессы, близко, на собственномъ горбѣ, познающей логику бюрократическаго режима.

«Манифестъ,—замѣчаютъ по этому же поводу «Кіевскіе Отклики»,—которымъ сопровождается опубликованіе положенія о государственной Думѣ, предусматриваетъ «усовершенствованія учрежденія государственной Думы», «когда жизнь сама укажетъ необходимость тѣхъ измѣненій въ ея учрежденіи, которыя удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному». Но жизнь—понятіе отвлеченное, указанія ея—есть указанія живыхъ людей, указанія самого народа». Такъ пусть же эти живые люди, всѣ, кто любитъ родину, кто можетъ доказать свою жизнеспособность въ эти значительные для будущей Россіи дни, пусть они сольютъ свои усилія въ агитаціонной избирательной работѣ. Игнорируя враждебныя ей условія, необходимо использовать всѣ возможности для того, чтобы будущіе члены государственной Думы явились на мѣсто, если не въ роли полномочныхъ представителей народа, на что, разумѣется, они не имѣютъ никакихъ правъ, то, по крайней мѣрѣ, въ полномъ сознаніи своей огромной отвѣтственности передъ страной».

Такъ или почти такъ высказывается большинство провинціальныхъ газетъ, обращаясь не къ чувству справедливости или логикѣ бюрократіи, а взывая ко всѣмъ живымъ общественнымъ силамъ общества и народа.

Очень опредѣленно въ этомъ смыслѣ высказывается «Уралецъ» въ передовой статьѣ, эпиграфомъ для которой взято извѣстное изрѣченіе: «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое».

Отмѣчая, что «исторіи впервые приходится сталкиваться съ представительствомъ, подобнымъ возвѣщенному манифестомъ; что все «особое законосовѣщательное установленіе»—это чисто русская комиссія надъ комиссіями—построено на началахъ, противоположныхъ высказаннымъ всѣмъ народомъ; что «немедленный созывъ», котораго требовала Россія, состоится только въ январѣ будущаго года; что не рѣшенъ вопросъ о войнѣ и мирѣ и отвергнуто всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе; что государственная Дума не облечена законодательной властью и правомъ привлеченія министровъ къ отвѣтственности; что странѣ и народу не даны гарантіи свободы совѣсти, слова,

печати, сходокъ, собраній, неприкосновенности личности и жилища»,—газета видитъ «въ объявленномъ устройствѣ Думы лишь значеніе положеній о первоначальной ея организаціи».

«Въ данную минуту не будемъ говорить о недостаткахъ проекта, выработаннаго въ тайнѣ и обособленности петербургскихъ канцелярій: слова манифеста: «Мы сохраняемъ всецѣло за собой заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи учрежденія государственной думы и, когда жизнь сама укажетъ необходимость тѣхъ измѣненій въ ея учрежденіи, кои удовлетворили бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному, *не преминемъ* дать по сему предмету соотвѣтственныя въ свое время указанія», даютъ намъ право надѣяться на лучшее будущее.

«Жизнь, будемъ надѣяться, сама выкинетъ все ненужное за бортъ.

«Теперь она требуетъ *дѣла*, требуетъ энергіи, инициативы.

«Путь къ счастью и благосостоянію родины намѣченъ.

«Будемъ его добиваться, будемъ бороться, будемъ отстаивать свои права, свои желанія и, не *удовлетворяясь плодами усердія слугъ стараго* строя, не перестанемъ повторять свои требованія, систематически и безконечное число разъ повторенныя всѣми органами прогрессивной печати, занесшими на свои столбцы настоянія всего общества, всего народа, всей Россіи.

«Повторяемъ, заря гражданской свободы еще впереди, но все-таки она—ближе, чѣмъ когда либо...

«И, привѣтствуя объявленіе знаменательнаго акта, будемъ вѣрить, что единодушными усиліями всѣхъ своихъ сыновъ Россія выйдетъ съ торжествомъ изъ постигшихъ ее нынѣ тяжкихъ испытаній и возродится къ новой лучшей жизни *правового* государства».

Придавая огромное значеніе интенсивной предвыборной агитаціи, усиленно призывая къ ней населеніе, провинціальная пресса очень мало въ общемъ останавливается на вопросѣ о составѣ и роли государственной Думы перваго ближайшаго созыва. Оно и понятно. Вѣдь, если первые выборы пройдутъ съ тѣмъ успѣхомъ, какого можно было бы ждать въ томъ случаѣ, если въ предвыборной агитаціи примутъ участіе всѣ живыя и сознательныя силы страны, то роль Думы перваго созыва опредѣляется сама собой. Она именно явится прежде всего голосомъ той «жизни», отъ которой верховная власть ждетъ «указанія на необходимость измѣненій въ ея (Государственной думы) учрежденіи, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному». Это такая серьезная и настоятельная задача, передъ рѣшеніемъ которой далеко на задній планъ отступаетъ всякая органическая работа, въ какомъ бы направленіи она не совершалась. Въ постановкѣ этой одной задачи сосредоточены всѣ помыслы, всѣ ожиданія и упованія лучшихъ людей страны, которые, ради нея именно, и готовы будутъ отдаться той тяжелой и самоотверженной работѣ, какой потребуетъ отъ нихъ предъизбирательный періодъ.

Поэтому-то самая мысль объ органической работѣ Думы даннаго ея состава естественно пока отстраняется большинствомъ провинціальныхъ газетъ.

«Въ самомъ дѣлѣ,—замѣчаетъ, напримѣръ, «Волынь»,—каково будетъ законодательство о рабочихъ, построенное исключительно на «силѣ мнѣнія»

фабрикантовъ и заводчиковъ, законодательство о ремесленникахъ, созданное потребителями ихъ продуктовъ или тѣми же капиталистами-фабрикантами, общія мѣры о благоустройствѣ городовъ, одобренныя ничтожнымъ въ нихъ классомъ очень достаточныхъ людей и т. д. и т. д. А между тѣмъ за подобными мѣрами нынѣ будетъ нѣкоторый авторитетъ: одобрены самими представителями народа!...»

Ну, а все-таки?... Если выборы не дадутъ тѣхъ результатовъ, какіе на нихъ возлагаются? Если государственная Дума не возьметъ на себя выраженіе «голоса жизни», а займется той органической работой, какая будетъ дана ей петербургскими канцеляріями?

«Южный Курьеръ» отвѣчаетъ на этотъ вопросъ съ категоричностью, не допускающей никакихъ смягченій:

«Въ Государственную Думу,—пишетъ эта газета,—получатъ возможность проникнуть элементы, обладающіе извѣстной недвижимостью, собственники и капиталисты. Существующія городовое и земское положеніе въ настоящее время далеко не соотвѣтствуютъ требованіямъ времени, ибо благодаря выборной системѣ, основанной на имущественномъ цензѣ, превращаются въ чисто классовыя учрежденія. Тѣмъ болѣе будетъ носить этотъ классовый характеръ государственная Дума при значительно повышенномъ имущественномъ цензѣ. Такое положеніе снова устранитъ отъ участія въ жизни страны, даже въ качествѣ только выборщиковъ, почти все городское населеніе, состоящее изъ мелкихъ собственниковъ и рабочій классъ. Проектъ государственной Думы совершенно обходитъ ихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это обстоятельство въ значительной степени должно будетъ отразиться на положеніи многомилліонной рабочей массы. Конечно, ей не будетъ хуже, чѣмъ теперь, но едва ли можно допустить, чтобы Государственная Дума, если даже, въ лучшемъ случаѣ, она составится изъ либерально-буржуазныхъ элементовъ, склонна была удовлетворить даже минимумъ требованій рабочихъ».

Мы думаемъ, что это предсказаніе «Южнаго Курьера» не найдетъ себѣ вѣской опоры въ фактахъ дѣйствительности. Ниже мы укажемъ на опровергающіе или, во всякомъ случаѣ, смягчающіе его аргументы, а пока отмѣтимъ, что и въ хорѣ провинціальной печати черезъ-чуръ мрачная нота этой газеты звучитъ довольно одиноко.

Совершенно противоположный полюсъ въ этомъ вопросѣ, хотя и въ той же мѣрѣ бездоказательно, занимаетъ «Одесскій Листокъ». Эта газета признаетъ, что составъ государственной Думы существеннѣйшимъ образомъ повліяетъ на всю ея политику. «Несомнѣнно, что съ самаго же начала въ Думѣ опредѣлятся партіи, программы, и законодательные акты будутъ носить на себѣ слѣды всѣхъ противорѣчивыхъ интересовъ представляемыхъ общественныхъ группъ. Это выяснится на первыхъ же порахъ, но—утверждаетъ «Одесскій Листокъ»—прежде всего, высокій подъемъ духа, бодрящее сознаніе великой роли въ исторіи Россіи, отвѣтственность за судьбу народа—несомнѣнно подскажутъ представителямъ народнымъ самые радикальные шаги для блага массъ».

Среднюю между этими двумя органами и, какъ намъ кажется, наиболѣе

правильную позицію занимаетъ «Саратовскій Дневникъ», который опредѣляетъ роль государственной Думы не только въ зависимости отъ ея состава, но и отъ степени воздѣйствія на нее общественныхъ силъ, остающихся за стѣнами Думы.

«Общественныя силы, направляющія черезъ государственную думу свои «виды и предположенія», имѣютъ въ ней передъ собою не бюрократическое учрежденіе, а все же собраніе общественныхъ дѣятелей, облеченныхъ довѣріемъ если и не всего народа, то нѣкоторыхъ его слоевъ. Это даетъ уже надежду на то, что здѣсь получатъ «движеніе», по крайней мѣрѣ, тѣ проекты, которые не противорѣчатъ интересамъ либеральной буржуазіи, даже ея лѣваго крыла, если образуется (что зависитъ отъ успѣховъ предвыборной агитаціи) соотвѣтствующее большинство».

И въ самомъ дѣлѣ, говоря о государственной думѣ, никоимъ образомъ нельзя упускать изъ вида тѣ общественные слои, которые не войдутъ въ нее, а останутся за ея стѣнами, «на улицѣ», въ положеніи внимательныхъ наблюдателей и строгихъ, требовательныхъ критиковъ. Здѣсь, «на улицѣ», помимо интеллигенціи, съ ея огромнымъ моральнымъ вліяніемъ, помимо рабочихъ, проявившихъ въ послѣдніе годы стойкую силу сознательности и активности, можетъ оказаться и огромная многомилліонная масса крестьянства, разъ она не будетъ удовлетворена своими представителями, пропущенными въ Думу подъ бдительнымъ «надзоромъ» администраціи чрезъ игольныя уши четырехъ-степенныхъ выборовъ. «Улица» въ такомъ внушительномъ составѣ тѣмъ болѣе будетъ импонировать Думѣ, тѣмъ болѣе властно заставитъ Думу прислушиваться къ своему мнѣнію, что и сама государственная Дума представляетъ не «силу власти», а «силу мнѣнія». И, слѣдовательно, степень фактической силы этого новаго органа будетъ всецѣло опредѣляться степенью чуткости ея къ голосу улицы. Сольетъ она свой голосъ съ голосомъ «улицы», она—сила, съ которой надо считаться; нѣтъ,—и голосъ ея, робкій и одинокій, прозвучитъ въ пустомъ пространствѣ, игнорируемый бюрократіей въ той же мѣрѣ, въ какой онъ будетъ идти въ разрѣзъ съ голосомъ массы населенія, оставшагося за стѣнами государственной думы.

Добытыя нашей анкетой данныя объ отношеніи провинціальной печати къ учрежденію государственной Думы можно резюмировать въ слѣдующихъ положеніяхъ.

При общемъ скептическомъ отношеніи къ государственной Думѣ, какъ къ учрежденію, построенному на отжившихъ сословныхъ началахъ и при томъ искусственно втиснутому въ замкнутую цѣпь бюрократическаго режима, провинціальная печать, въ значительной ея части, придаетъ цѣнность новому закону лишь въ зависимости отъ его потенціальнаго содержанія. Она полагаетъ именно, и полагаетъ, по нашему мнѣнію, совершенно правильно, что практическая цѣнность новаго закона раскроется постольку, поскольку дума перваго избранія сумѣетъ, вопреки формальной обстановкѣ выборовъ, стать въ уровень приподнятому общественному настроенію, впитать его въ себя и съ улицъ и площадей перенести его въ приготовляемое для нея помѣщеніе.

Только при этомъ условіи можно разсчитывать на возстановленіе нормальной жизни въ странѣ, измученной непрекращающейся смутой.

Вотъ почему газеты, съ одной стороны, усиленно приглашаютъ всѣ живыя силы населенія мобилизоваться на почвѣ предвыборной агитаціи, а съ другой,—взываютъ къ логикѣ, съ цѣлью побудить правительство создать для выборовъ необходимую свободную атмосферу.

II.

Москва обогатилась новымъ еженедѣльнымъ журналомъ— «Голосомъ Жизни»

Получивъ два первыхъ номера этого новаго органа, мы естественно прежде всего обратились къ вступительной статьѣ «О «Голосѣ Жизни», полагая что она дастъ намъ болѣе или менѣе ясное представленіе о характерѣ, задачахъ и направленіи новорожденнаго собрата. И вотъ съ первыхъ же строкъ вступительной статьи, торжественныхъ, какъ набатъ Царь-Колокола, и громкозвучныхъ, какъ салютъ изъ Царь-Пушки, насъ обдало специфическимъ ароматомъ «первопрестольной столицы».

«Не случайно—возвѣщаетъ редакторъ журнала—мы приступаемъ именно въ Москвѣ, этомъ древнерусскомъ политическомъ, административномъ и экономическомъ центрѣ Руси, къ изданію «Голоса Жизни».

«Москва, древняя Москва, собрала вокругъ себя могучую Русь, объединила народы, политически дисциплинировала общество, создала сильный и стройный правительственный механизмъ, соединила всѣ нити народнаго труда, внутреннихъ и внѣшнихъ предпріятій...

«Въ Москвѣ, какъ въ горнилѣ, въ искрахъ золота—московскихъ идей, перерабатывались въ «думцевъ» бывшіе удѣльные князья, навсегда простившіеся съ вольными политическими мечтами XVI в., съ золотыми грезами о своемъ тверскомъ, смоленскомъ, ростовскомъ или иномъ прошломъ...

«Въ Москвѣ, и только въ ней, сошлись со всей Русской земли, изо всѣхъ самыхъ отдаленныхъ княжествъ, забытыхъ угловъ ея, многочисленные бояре, разрозненные, обособленные, и образовали плотный общественный классъ, съ громаднымъ политическимъ вліяніемъ...» и т. д. и т. д.

Повѣдавъ на двухъ утомительно-скучныхъ страницахъ о томъ, какъ «среди историческихъ твердынь» складывались въ Москвѣ устои политической жизни Россіи, и посѣтовавъ на Петра I за его попытку лишить «Первопрестольную» ея руководящей роли, редакція съ гордостью заявляетъ, что попытка эта оказалась совершенно безнадежною. «Политическій смыслъ и чутье не погасли въ Москвѣ за эти долгіе годы. Въ ней, въ Москвѣ, соединились и завязались въ громадный узелъ нити завѣтныхъ политическихъ думъ со всей необъятной Россіи. Москва стала политическимъ центромъ и приковываетъ теперь взоръ всей провинціи и столицы Имперіи—Петербурга. Въ Москвѣ собираются представители земствъ, представители городовъ, сельскохозяйственныхъ обществъ, устраиваются съѣзды, къ голосу которыхъ прислушивается вся Россія...».

А что скажетъ редакція—спросимъ мы—если, послѣ извѣстной рѣчи новаго московскаго генералъ-губернатора, организаторы всѣхъ этихъ всероссійскихъ союзовъ и съѣздовъ перенесутъ ихъ засѣданія куда-нибудь въ Гельсингфорсъ, а то и еще подальше отъ «историческихъ твердынь» московской культуры? Сохранитъ ли «Первопрестольная» по прежнему за собою роль пупа или узла «завѣтныхъ думъ Россіи», или эта маленькая случайность должна будетъ окончательно поколебать неизмѣнную преемственность историческихъ судебъ страны?

Но редакторъ не слышитъ нашего вопроса и, какъ глухарь на току, продолжаетъ:

«Изъ Москвы представляются депутаціи Государю и въ пространныхъ рѣчахъ открывается энергичная предвыборная агитація» и т. д.

И вся эта историческая безвкусица имѣетъ цѣлью убѣдить читателя не только въ томъ, что «Голосу Жизни» издревле предначертано издаваться въ Москвѣ, но и въ томъ еще, что неисповѣдимыми судьбами русской исторіи предопредѣлено ему быть органомъ демократическимъ. «Слѣдуя древне-русскимъ завѣтамъ (?), историческимъ идеаламъ Руси, стремившейся къ демократическому всеуравнивающему полновластію, мы—объясняетъ редакція—будемъ особенно заботливо относиться къ нуждамъ трудящихся классовъ, несущихъ на себѣ государственное бремя».

Ознакомившись съ редакціоннымъ professian de foi, мы хотѣли было отложить журналъ въ сторону, чтобы не терять времени. «Пусть читаютъ его труждающіяся московскія просфирни, органомъ которыхъ онъ, несомнѣнно, служитъ,—подумали мы,—а намъ здѣсь дѣлать нечего». По долгу службы, однако, мы стали просматривать и другія статьи журнала. И что же? Журналъ оказался вовсе не такъ ужъ плохъ, какъ это старалась для чего-то внушить редакція въ своей вступительной статьѣ.

Книжки «Голоса Жизни» даютъ довольно разнообразный и, въ общемъ, очень прилично подобранный матеріалъ для чтенія. Въ вышедшихъ двухъ книжкахъ содержаніе разбито на семь отдѣловъ, среди которыхъ есть и «русская» и «заграничная жизнь», и «критическіе очерки» и «художественная литература». Какихъ-либо особо выдающихся по таланту статей мы пока не встрѣтили, но весь тонъ журнала, живой и бодрый, даетъ ему всѣ основанія разсчитывать на успѣхъ въ тѣхъ широкихъ читательскихъ кругахъ, которые ищутъ хорошей популярной книжки, съ откликами на злободневныя темы.

Остановимся на «Очеркѣ».

Очеркъ въ цѣломъ не выдержанъ, но, набросанный довольно бойкими мазками, обращаетъ на себя вниманіе потому уже, что представляетъ рѣдкій у насъ въ послѣдніе годы опытъ политической сатиры.

У рѣки, окруженной односельчанами, ловитъ рыбу «нахлыстомъ, на заморскіе крючки», пріѣхавшій изъ Москвы, на побывку къ роднымъ, дворникъ Игнатъ Прохоровъ.

Игнатъ Прохоровъ прослужилъ въ Москвѣ младшимъ и старшимъ дворни-

комъ 25 лѣтъ. Человѣкъ онъ бывалый, и разсказы его слушаются односельчанами съ огромнымъ вниманіемъ. Сейчасъ, усѣвшись на берегу, онъ ведетъ рѣчь о сложныхъ и разнообразныхъ обязанностяхъ столичнаго дворника, иллюстрируя свой разсказъ отдѣльными эпизодами изъ личной жизни.

«— Да вотъ этта недавно было. Пришли это мы, понятые, съ начальствомъ въ ресторанъ. Политическіе съѣхались. Вошли одинъ за другимъ. Покои, какъ во дворцѣ. Горятъ, какъ жаръ. Въ одномъ покоѣ дверь пріотворена и занавѣска задернута. Начальство остановилось у занавѣски—прислушивается.

«За занавѣской слышно во какъ говорятъ, ровно въ стѣну горохомъ сыплютъ, какъ рѣка льется. Слышно заспорили. То забормочутъ, залопочутъ, какъ глухари, то затараторятъ — не дать не взять варакушки. Одинъ всѣхъ переговорилъ. На его спросы, видно, отвѣтовъ не напаслись, на словахъ—что на гусляхъ, раздѣлалъ. Даже удивительно. За такимъ языкомъ не поспѣть и босикомъ. Вдругъ: каституція, каституція — какъ сорвалось, у всѣхъ заразъ, такъ и брякнулось.

«— Понятые войдите—гритъ начальство.

«И мы всѣ вошли въ покои. Свѣтло, какъ днемъ. Народу видимо-невидимо. Одни за зеленымъ столомъ, другіе передъ нимъ. Какъ вошли мы—всѣ замолчали—словно въ ротъ воды набрали.

«Игнатъ остановился, вытащилъ удочку и сталъ отдѣлять отъ лески запутавшіяся карчи.

«— Тихій ангелъ пролетѣлъ,—вставилъ старикъ съ лысиной.

«— Молчанкой никого не обидишь,—съ ироніей замѣтилъ молодой коренастый сосѣдъ Прохорова.

«— Сошлись кое о чемъ помолчать,—тоненькимъ голоскомъ пропищала золовка Игната, подперевъ голову рукой.

«— Молчокъ—сто рублей,—потирая ладони, брякнулъ сельскій торговецъ.

«— Ни, не спроста они замолчали,—догадался сватъ: видно, умъ копили.

«— Нѣмая бесѣдушка была не долга,—продолжалъ Игнатъ,—скоро слово за словомъ, въ перебой пошло. Одинъ ближе къ дѣлу, а другой про козу бѣлу. Начальство гритъ разойтись, а господа грятъ — не имѣешь никакого полнаго права насъ разгонять. Такъ говорили, говорили. А одинъ изъ господъ—засѣдатель—сидитъ, какъ свѣча горитъ, скажетъ — рублемъ подаритъ. Онъ и гритъ, чье правое дѣло — повыше начальство, молъ, рѣшитъ, а вы составляйте протоколъ. И мы всѣ съ засѣдателемъ и главными коноводчиками пошли въ другой покой составлять протоколъ. Сѣлъ приставъ писать. Вертитъ онъ перомъ, какъ баба вертеномъ, а поглядишь — на бумагѣ чистехонько.

«— Стало быть, языкъ у него сильнѣе пера,—вставилъ старикъ.

«— Приставлялъ онъ, приставлялъ слово къ слову, словно клѣтки городилъ. Знать и къ генеральскому мундиру кузнецъ ума не прикуетъ. Ну, написалъ. Пошли читать господамъ. Читаетъ: вошли мы, молъ, въ покой, въ покоѣ столъ. И покрытъ онъ зеленымъ сукномъ. За сукномъ сидятъ неизвѣстные люди, изъ городовъ. Стало быть опасные. И еще что-то читалъ, а

то—хоть лобъ взрѣшь, не помню., Прочитали всѣ, подписались:—я, начальство и господа.

«— Пра-слово подписалъ?—переспросилъ старикъ съ широкой лысиной.

«— Вѣрно тебѣ говорю: Князь Трубецкой, Князь Панинъ, Князь Долгорукій, Игнатъ Прохоровъ. Сами князья, значитъ, и начальство не гнушалось нами.

«— Эээ .. да—что это?—восклицаетъ Игнатъ Прохоровъ послѣ минутнаго молчанія:—Дѣла почище были! Такія обдѣлывали, что потомъ хватишься за голову и спросишь себя: ты это, Игнатъ, сдѣлалъ аль нѣтъ? Да!»

И дѣйствительно, Игнату есть что вспомнить и поразсказать о своей дѣятельности. Не разъ ему, по порученію полиціи, приходилось производить «негласныя дознанія» о томъ или иномъ изъ своихъ жильцовъ. И онъ понимаетъ, что въ конечномъ счетѣ никто иной, какъ онъ, Игнатъ Прохоровъ, произвелъ своего жильца-профессора въ отвѣтственные редакторы газеты, давъ въ полицію благожелательную оцѣнку его личности; никто иной, какъ онъ, Прохоровъ, и опять по той же причинѣ, произвелъ пріѣзжую съ Урала барышню въ начальницы гимназіи. И вотъ, благодаря ему «зачалась» газета, благодаря ему, открылась новая гимназія.

Возстановляя въ своей памяти эти и другіе эпизоды изъ своей дворницкой дѣятельности, Игнатъ разсказывалъ безъ умолка: «Теперь его остановить было нельзя. Онъ говорилъ уже не однимъ сельчанамъ, а своему проснувшемуся сознанію, своей прояснившейся, разгорѣвшейся душѣ. Въ немъ съ поразительною ясностью вспыхнула и разрослась мысль, что онъ, старшій дворникъ въ Москвѣ, могучая сила, отъ которой зависитъ образованіе, наука, печатное слово, семейная и общественная жизнь, мало того — въ его власти — жизнь тюремъ и арестныхъ домовъ. И теперь, среди природы, когда вся душа отдается покою, онъ чувствовалъ, что его ощущенія сливались, согласно съ многозвучной музыкой природы: онъ дѣлалъ только добро, всѣ эти редакторы, издатели-начальницы гимназій—въ концѣ концовъ зависѣли отъ него, и онъ великодушно отстоялъ ихъ. Радостная пѣсня жаворонка, падая золотистыми трелями разсыпалась въ душѣ его словами: «Игнатъ, ты могучая сила!» Звенящій голосъ малиновки, трескъ кузнечиковъ, жужжанье пчелъ, всплески рѣки—все р епетало въ его сердцѣ ласковыми, прозрачными аккордами: Игнатъ, ты сила, великая сила».

И не въ одномъ только собственнемъ сердцѣ Игната трепещетъ и разростается сознаніе его силы, редижирующей общественную жизнь Россіи. Безславная, къ счастью, закончившаяся, наконецъ, война съ Японіей заставила даже многихъ слѣпорожденныхъ русскихъ людей прозрѣть и увидѣть, какъ Игнаты низшихъ и высшихъ ранговъ, объединенные невѣжествомъ и упоенные властью, вели Россію, при помощи гласныхъ и негласныхъ дознаній, протоколовъ и шиворотовъ, къ культурному и экономическому обнищанью и политической гибели. Національное униженіе, къ которому эта система провела Россію на Дальнемъ Востокѣ, должна положить, наконецъ, предѣлъ полновластью Игнатовъ. Россія проснулась отъ летаргіи безправія и предъявила

искъ къ своимъ опекунамъ. Когда этотъ процессъ закончится, мы предсказывать не беремся, но что онъ закончится въ пользу истца, объ этомъ мы можемъ высказаться съ полной категоричностью. Слишкомъ широко разлилась волна общественнаго протеста, слишкомъ глубоко проникло сознанье нарушенныхъ правъ, чтобы искъ могъ быть взятъ назадъ, чтобы процессъ могъ пріостановиться на полъ-пути.

III.

Къ числу многочисленныхъ свидѣтельствъ несомнѣннаго пробужденія политическаго сознанія въ разныхъ слояхъ русскаго населенія,—свидѣтельствъ, хорошо извѣстныхъ читателямъ газетъ и журналовъ,—пріобщимъ здѣсь и путевыя наблюденія С. Я. Елпатьевскаго, напечатанныя въ послѣдней (іюльской) книжкѣ «Русскаго Богатства» («Безъ образовательнаго ценза»... «Газетъ!!!»).

Г. Елпатьевскій разсказываетъ о своей встрѣчѣ на одной маленькой станціи въ центрѣ Россіи съ маленькимъ желѣзнодорожнымъ служащимъ, у котораго всѣ недочеты его личной и семейной жизни, все горе крестьянской жизни, всѣ несчастья Россіи объединились въ одной общей причинѣ, о которой онъ, какъ маньякъ, не уставалъ повторять при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Не дурно сравнительно устроившійся на желѣзной дорогѣ, онъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ, но... «только что, вотъ, безъ образовательнаго ценза», отсутствіе котораго закрывало передъ нимъ дальнѣйшія служебныя перспективы.

Онъ имѣетъ ясное представленіе о всѣхъ почти петербургскихъ и московскихъ газетахъ, но читать приходится безъ выбора, что попадется случайно подъ руку.

— Нападешь иной разъ и на хорошую газету... — замѣчаетъ отъ: — а только что есть и такія, въ которыхъ совсѣмъ мало образовательнаго ценза...

И при этомъ онъ довольно точно перечисляетъ газеты съ «малымъ образовательнымъ цензомъ».

О братьяхъ своихъ, которые въ матеріальномъ отношеніи устроились лучше его самого, онъ говоритъ, что они «живутъ превосходно», но тутъ же прибавляетъ: «только что безъ образовательнаго цензу! Ходу нѣтъ»...

О собственной своей семьѣ онъ «съ тѣмъ же чувствомъ скромной гордости и съ удовольствіемъ отъ благополучія жизни, которая окружала его, отвѣтилъ:

— Четверо ребятъ... Я на свою супругу жаловаться не могу. Даже прямо нужно сказать — лучше и не надо! Шестнадцать лѣтъ прожили — хотите вѣрьте, хотите нѣтъ — дурного слова промежъ насъ не было сказано. Только что, конечно, — меланхолично добавилъ онъ, — безъ образовательнаго цензу»...

«Мнѣ сдѣлалось очень весело,—разсказываетъ авторъ,—но я степенно и серьезно замѣтилъ, что это дай Богъ всякому, хотя бы и съ образовательнымъ

цензомъ. Стало очевидно, что я не понималъ во всемъ объемѣ его «образовательнаго ценза».

Объемъ этого понятія выяснился изъ дальнѣйшаго разговора. Такъ, разсказывая про деревню, гдѣ «съ земскимъ у насъ теперь склока идетъ», собесѣдникъ г. Елпатьевскаго поясняетъ: «Говорю я имъ на сходѣ — до правительственнаго сената доходить надо,—а они мнѣ: «щея-то у насъ, часть своя, не купленная»... А я знаю, что можно бы,—примѣры были, въ газетахъ читалъ. По моему, въ нее, въ деревню, образовательную цензу подпустить надо»...

— И вотъ, напримѣръ, про жену... Дѣвочка у меня, по четырнадцатому году, старшенькая. Матери помогаетъ, потому трое еще малыши... Ну, кончила земское училище—и все тутъ. А дѣвочка, можно сказать, на удивленіе, такая къ книжкѣ старательная. Даетъ ей телеграфистъ нашъ, но только все книжки легкія, все больше романы, вотъ что къ «Нивѣ» приложены, а такихъ, чтобы, значитъ, съ образовательнымъ цензомъ,—понимать не можетъ. И теперь мать,—зимой вечера длинные, а помочь не можетъ, разъяснить, напримѣръ, кругъ жизни»...

Понятно поэтому, что и пораженія наши на Дальнемъ Востокѣ онъ относитъ все къ той же причинѣ—недостатку образовательнаго ценза.

— Тутъ дѣло короткое... Я такъ, конечно, понимаю, что у насъ образовательнаго цензу мало,—вотъ въ чемъ исторія!.. Взять теперь ихняго унтеръ-офицера? Читаешь въ газетахъ,—въ плѣнъ взяли или мертваго обыскали,—у него и карта, у него и диспозиція и все, что требуется. Скажемъ, перебьютъ офицеровъ,—онъ сейчасъ можетъ команду принять,—онъ тебѣ и понтонъ наведетъ, онъ тебѣ не хуже офицера и въ бой поведетъ... Солдатъ у нихъ—и то всякій свое мѣсто понимаетъ и какая, напримѣръ, диспозиція! А нашего взять, убьютъ офицера—овца овцой!.. Я такъ понимаю,—торопливо заговорилъ онъ,—нѣтъ у тебя образовательнаго цензу — и сиди за печкой, не лѣзь!..— Въ нее, въ Россію, образовательнаго цензу подпустить надо! Тогда дѣйствительно»...

Въ ту же ночь г. Елпатьевскій покинулъ маленькую степную станцію и выѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь по пути его больше всего поразилъ дѣйствительно «жуткій тревожный вопль», хорошо знакомый всѣмъ, ѣздившимъ лѣтомъ по степнымъ дорогамъ:

— Газетъ! Газетъ!

«Я не сразу догадался,—разсказываетъ авторъ,—что то были ремонтные рабочіе, поправлявшіе путь, — мнѣ казалось, что то кричитъ степь, что эти люди сбѣжались оттуда, изъ глубины ея, изъ-за старыхъ могилъ, съ низкихъ балокъ, отъ печальныхъ ракитъ, изъ бѣленькихъ и голубенькихъ домиковъ, такъ печально и безпомощно затерянныхъ въ степи, что она, безмолвная и недвижимая, закричала и бросилась къ намъ,—и было что-то жуткое и напряженное въ этомъ немолчномъ, однотонномъ воплѣ этихъ бѣгущихъ за поѣздомъ людей. Казалось, они догоняютъ насъ, хотятъ остановить бѣшеный курьерскій поѣздъ, и молятъ и требуютъ, чтобы мы отдали, наконецъ, газеты,

которыя читаемъ мы одни и которыя нужны имъ, какъ птицѣ крылья, какъ хлѣбъ голодному. И, очевидно, это жуткое и напряженное чувствовалось не мной однимъ. Я видѣлъ, какъ пассажиры торопливо рылись въ чемоданахъ, въ карманахъ своихъ пальто, разыскивая газеты, какъ торопливо бросали они въ окна и только что купленные, еще не развернутые номера газетъ...

«Я уснулъ подъ утро. Къ намъ приближался Петербургъ съ хмурымъ небомъ,—сѣрый, холодный. Петербургъ, который все не хочетъ расширять «кругъ жизни», не хочетъ давать Россіи образовательнаго ценза, не пускаетъ газетъ въ ту степь»...

Не хочетъ. Не пускаетъ. И много еще силы сопротивляющейся инерціи хранится подъ хмурымъ небомъ холоднаго Петербурга. Недовѣрчиво и даже враждебно прислушивается онъ къ отдаленнымъ еще степнымъ голосамъ, которые, вмѣстѣ съ «газетами» и съ «образовательнымъ цензомъ», предъявляютъ цѣлый рядъ другихъ столь же неотложныхъ требованій. Но голоса не умолкаютъ, они раздаются все громче, все слышнѣе, они все ближе и ближе приближаются къ сѣрой столицѣ. Они скоро заговорятъ въ собственныхъ ея стѣнахъ, потому что, уступая ихъ настойчивости и непоколебимой энергіи, пришлось открыть имъ доступъ сюда. Правда, для ихъ доступа открытъ пока очень узкій проходъ, настолько узкій, что многіе голоса застрянутъ въ проходѣ и не будутъ услышаны тѣми, по адресу которыхъ они раздаются. Но тѣмъ хуже для сѣрой столицы. Очень можетъ быть, что нѣжный рокотъ ручейка слушать пріятнѣе, чѣмъ рѣзкій шумъ широкаго и сильнаго потока. Какъ на чей вкусъ. Но едва ли можно спокойно наслаждаться пѣсенькой ручейка тому, кто очень хорошо освѣдомленъ о его происхожденіи; тому, кто знаетъ, что въ ручеекъ, при помощи искусственныхъ и очень нехитрыхъ загражденій, превращенъ могучій потокъ, готовый каждую минуту прорвать плотину и грознымъ ревомъ заглушить только что звучавшую тихую мелодію.

Вл. Кранихфельдъ.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

1) Эпидемическій цереброспинальный менингитъ. 2) Успѣхи серотерапіи. 3) Различали ли наши историческіе и доисторическіе предки всѣ цвѣта? 4) Элизе Реклю.

Эпидемическій цереброспинальный менингитъ. (Контрактура затылка). Въ этомъ году *эпидемическій цереброспинальный менингитъ* обратилъ на себя вниманіе публики благодаря эпидеміи его въ Германіи, начавшейся еще въ ноябрѣ 1904 г. и достигшей особенной силы въ апрѣлѣ и мартѣ 1905 г. Эпидемическій менингитъ, часто не совсѣмъ правильно называется *контрактурой затылка* по одному изъ признаковъ, почти всегда сопровождающихъ эту болѣзнь; мы говоримъ «почти всегда», такъ какъ признакъ этотъ можетъ и отсутствовать при эпидемическомъ цереброспинальномъ менингитѣ и съ другой стороны можетъ сопровождать различныя другія болѣзни. Собственно слово *менингитъ* значитъ *воспаленіе оболочекъ мозга*, слово *цереброспинальный* означаетъ, что воспаленіе оболочекъ захватываетъ, какъ оболочки головного мозга, такъ и *спинного*; *эпидемическій* прибавлено для отличія его отъ цереброспинальнаго менингита, появляющагося въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ, но не въ видѣ болѣе или менѣе обширной эпидеміи.

Съ достовѣрностью извѣстно, что цереброспинальный менингитъ впервые появился въ Европѣ въ началѣ XIX столѣтія, въ 1805 г. въ Женевѣ и на югѣ Франціи; приблизительно въ тоже время отмѣчаютъ появленіе его и въ Америкѣ *). Начиная съ 1805 г. болѣзнь эта въ видѣ эпидеміи обошла постепенно всѣ страны Европы. Въ Германіи первая небольшая эпидемія была въ 1822 г. затѣмъ въ 1853 г. Въ 1863 г. эпидемія была очень сильной и имѣла болѣе обширное распространеніе; съ этихъ поръ болѣзнь эта въ Германіи стала болѣе частой гостьей, и эпидеміи ея въ южной и средней Германіи появляются почти ежегодно. Отдѣльные же, спорадическіе случаи этой болѣзни наблюдаются и въ Германіи и въ другихъ странахъ во всякое время и въ одной только Пруссіи они даютъ 100—140 смертей ежегодно.

Въ Россію эпидемія цереброспинальнаго менингита впервые проникла въ 1863 г. **)—въ Калужскую губ.—и продержалась до 1868 г., побывала въ

---

*) Впрочемъ, въ старинныхъ работахъ европейскихъ и американскихъ врачей XVIII вѣка встрѣчаются указанія на эпидеміи, которыя съ большой вѣроятностью можно отнести къ эпидемическому цереброспинальному менингиту; таковы, напримѣръ, эпидеміи, бывшія въ Сѣверной Америкѣ въ 1749 и 1792 годахъ.

**) Если не считать широкаго распространенія этой болѣзни въ войскахъ отступавшей изъ Россіи великой арміи Наполеона.

Москвѣ, Петербургѣ, на Кавказѣ, Польшѣ, въ Крыму—Симферополѣ и др. городахъ. Въ 1901 г. эпидемія появилась въ Россіи снова. По оффиціальнымъ даннымъ въ Европейской Россіи и Финляндіи было 82 случая ея, но мы знаемъ, на сколько, вообще, оффиціальныя свѣдѣнія въ Россіи вѣрны, и какъ много случаевъ, по всей вѣроятности, остались не зарегистрованы. Въ 1905 г. эпидемія въ Россіи началась въ Польшѣ (Сосновицы, Лодзь), куда какъ предполагаютъ, была занесена изъ Верхней Силезіи. За первые пять мѣсяцевъ текущаго года извѣстны 157 случаевъ, при чемъ на Финляндію приходится 82 сл., 33 на губерніи Царства Польскаго и 42 распредѣляются между губерніями внутренней полосы Россіи и южными. Эпидемія до сихъ поръ не прекратилась, но нѣтъ еще оффиціальныхъ свѣдѣній о количествѣ жертвъ, которыя были ею поражены.

Въ Соединенныхъ Штатахъ болѣзнь довольно сильно распространена въ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ, Балтиморѣ, Санъ-Луи, въ особенности въ первомъ, гдѣ ежегодно насчитываются сотни смертей отъ нея. Въ послѣднюю эпидемію (1904—1905 г.) во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ погибло отъ нея больше 2856 человѣкъ.

Въ Японіи и въ тропическихъ странахъ, за исключеніемъ Омдурмана (Африка), гдѣ была небольшая эпидемія, цереброспинальнаго менингита не наблюдалось.

Вообще же, эпидемія этой болѣзни по числу жертвъ, уносимыхъ ею, занимаетъ послѣднее мѣсто среди другихъ эпидемій и только въ исключительныхъ случаяхъ жертвы насчитываются не единицами, а сотнями, какъ это, напр., наблюдалось въ эпидемію 1904 — 1905 г. въ Америкѣ, гдѣ насчитывается, какъ мы уже упоминали, 2856 умершихъ по май 1905 г., и въ Германіи (въ эпидемію 1904—1905 г.—2200 умершихъ по май *). Страшенъ же эпидемическій менингитъ тяжестью болѣзни и большимъ процентомъ смертности, который можетъ доходить даже до 80%, въ среднемъ же насчитывается до 40%.

Наичаще эпидеміи менингита развиваются зимой и вначалѣ весны и, повидимому, особенно благопріятнымъ моментомъ для развитія ихъ являются холодъ и недостатокъ солнечнаго свѣта, а слѣдовательно, и суровыя зимы (какъ это было напр. въ 1812 г. во время отступленія французовъ изъ Россіи), особенно благопріятствуютъ имъ. Но иногда бываетъ и такъ, что лѣтомъ, наоборотъ, эпидемія усиливается.

Въ одной и той же мѣстности эпидемія можетъ длиться отъ 2—3 мѣс. до 6 мѣс., а иногда и 2—3 года (въ исключительныхъ случаяхъ до 11 лѣтъ), обыкновенно съ ослабленіемъ въ лѣтніе мѣсяца. Съ одного мѣста на другое эпидемія распространяется медленно и постепенно, главнымъ образомъ при посредствѣ лицъ, прибывающихъ изъ мѣстъ пораженныхъ ею или имѣющихъ сношенія съ ними. Цереброспинальный менингитъ считается болѣзнью зара-

---

*) Въ послѣднюю эпидемію въ Германіи даже въ наиболѣе пораженныхъ мѣстностяхъ (округъ Кёнигсхютте) число заболѣваній не поднималось выше 6 на 1000 человѣкъ жителей.

зительной, но заразительность ея очень слабая. Такъ, въ теченіе настоящей эпидеміи въ Германіи наблюдались очень рѣдко (1 на 1000) въ зараженныхъ мѣстностяхъ такіе дома, въ которыхъ было бы зарегистрировано больше одного заболѣванія; не отмѣчено также ни школьныхъ, ни больничныхъ эпидемій, хотя, конечно, были отдѣльные заболѣванія врачей и лицъ больничнаго персонала.

Заболѣваемость наблюдается, главнымъ образомъ, среди дѣтей и юношей, но заболѣваютъ и взрослые и старики, хотя и въ меньшей мѣрѣ. Въ Нью-Іоркѣ во время эпидеміи 1883 года на 218 смертныхъ случаевъ отъ данной болѣзни 186 приходится на дѣтей до 15 лѣтъ; тоже замѣчено и въ настоящую эпидемію: напр. въ округахъ Оппельнъ на 1824 умершихъ отъ цереброспинальнаго менингита дѣтей (до 15 лѣтъ) приходится всего 213 смертей взрослыхъ. Бѣдность, плохое питаніе, вообще плохія гигіеническія условія, переутомленіе являются предрасполагающими моментами. Замѣчено также, что въ войскахъ заболѣваніе цереброспинальнымъ менингитомъ встрѣчается особенно часто и большею частью среди новобранцевъ, что объясняется переутомленіемъ послѣднихъ вначалѣ службы. Среди солдатъ кавалеристы заболѣваютъ чаще пѣхотинцевъ; фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что и лошади нерѣдко болѣютъ воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ и что съ нихъ болѣзнь эта переносится на человѣка. Есть указанія на то, что и насѣкомыя—блохи, клопы, клещи являются распространителями эпидемическаго менингита.

Болѣзнь большею частью начинается сразу, безъ предвѣстниковъ. Если же эти послѣдніе и наблюдаются, то не имѣютъ ничего характернаго и появляются за 1—2 дня, иногда за нѣсколько часовъ до заболѣванія, выражаясь въ недомоганіи, небольшой головной боли и легкихъ боляхъ въ конечностяхъ и пр. Обыкновенно же заболѣваютъ внезапно, сразу,—совершенно до этого здоровые люди среди обычныхъ своихъ занятій, а дѣти среди игръ. Самыми характерными признаками начала болѣзни являются чрезвычайно сильная головная боль, нерѣдко съ головокруженіемъ, и рвота; затѣмъ появляются боли въ затылкѣ, крестцѣ, конечностяхъ, бредъ. Большею частью съ самаго начала наблюдается лихорадка, которая нерѣдко начинается съ озноба.

Симптомами вполнѣ развившагося эпидемическаго менингита являются частью тяжелыя явленія со стороны головного и спинного мозга, частью мѣстныя явленія, частью, наконецъ, послѣдствія общей инфекціи.

Изъ общихъ мозговыхъ явленій прежде всего и главнымъ образомъ обращаетъ на себя вниманіе — головная боль, по большей части необыкновенно сильная, которая ощущается въ большинствѣ случаевъ во лбу между глазами и въ вискахъ, рѣже въ затылкѣ, но вообще, какъ и всѣ остальные признаки менингита, головная боль часто измѣняется во время болѣзни по своей силѣ и интенсивности и можетъ временами совсѣмъ оставлять больного, или проявляться въ видѣ стрѣляющей боли въ шею и спину, или принимать не острый характеръ, а постоянный, тупой. Острая, сильная головная боль можетъ сопровождаться настолько сильнымъ бредомъ, что больной вскакиваетъ

съ постели, разбиваетъ окружающіе предметы, дерется, но съ прекращеніемъ головной боли, прекращается и бредъ, при чемъ больной ничего не помнитъ о происшедшемъ.

На второй день болѣзни къ головной боли присоединяются боли въ шеѣ и спинѣ, являющіяся слѣдствіемъ заболѣванія—воспаленія оболочекъ спинного мозга. Боли наблюдаются или вдоль всего позвоночника или же преимущественно только въ области крестца, такъ что, если онѣ появляются здѣсь въ началѣ заболѣванія, то ихъ можно принять за ревматическія. Боли въ спинѣ, какъ и въ головѣ, могутъ быть, то постоянными, то перемежающимися, усиливающіяся при движеніяхъ, кашлѣ, при дотрагиваніяхъ.

Довольно характернымъ и наиболѣе постояннымъ признакомъ является повышенная чувствительность кожи къ прикосновенію и къ боли; повышенная чувствительность къ боли замѣчается не только въ кожѣ, но и въ мышцахъ и даже въ костяхъ. Всѣ эти явленія наичаще наблюдаются на нижнихъ конечностяхъ и бываютъ настолько ярко выраженными и мучительными, что достаточно малѣйшаго прикосновенія или сотрясенія кровати, чтобы больной началъ кричать, обороняться, даже во время сильной спячки и безсознательнаго состоянія, когда на зовъ онъ совершенно не отвѣчаетъ. Понятно, что при наличности этихъ явленій, когда къ больному нельзя прикоснуться, уходъ за нимъ чрезвычайно затрудненъ. Описываемый симптомъ встрѣчается очень рѣдко при другихъ болѣзняхъ и зависитъ, какъ отъ повреждения корешковъ спинныхъ нервовъ, главнымъ образомъ, заднихъ, такъ и отъ распространенія воспаленія на самое вещество мозга.

Обыкновенно уже въ первые часы болѣзни замѣчается рефлекторное сведеніе глубокихъ затылочныхъ мышцъ, благодаря чему и происходитъ сведеніе затылка — *контрактура затылка.* Сведеніе затылка очень болѣзненно и является слѣдствіемъ раздраженія чувствительныхъ нервовъ мозговыхъ оболочекъ въ области задней черепной ямки и верхней части шейнаго мозга, а также и вслѣдствіе повышеннаго мозгового давленія. Въ тяжелыхъ случаяхъ сведеніе затылка бываетъ такъ велико, что онъ находится между лопатками, а такъ какъ къ сведенію шейныхъ мышцъ присоединяется и сведеніе спинныхъ мышцъ и мышцъ нижнихъ конечностей, то больной лежитъ только на затылкѣ и на пяткахъ, какъ при столбнякѣ, или на головѣ и крестцѣ, или же на боку. Сведеніе мышцъ бываетъ настолько сильно, что посадить больного невозможно. Причиной сведенія мышцъ спины и конечностей является давленіе выпота (образующагося вслѣдствіе воспаленія оболочекъ спинного мозга) на корешки спинныхъ нервовъ и часто ихъ воспаленіе.

Степень контрактуры затылка въ различныхъ случаяхъ неодинакова и можетъ даже совершенно отсутствовать; въ такихъ случаяхъ, иногда у дѣтей, размѣръ головы увеличивается, головные швы расходятся и роднички выступаютъ. При слабо выраженной контрактурѣ затылка боль каждый разъ усиливается при наклоненіи головы назадъ или впередъ, боковыя же движенія могутъ совершаться часто совершенно свободно.

Надо замѣтить, что контрактура затылка встрѣчается и при другихъ бо-

бѣзняхъ, напр., при туберкулезномъ менингитѣ и при нѣкоторыхъ случаяхъ шейнаго ревматизма.

Въ тяжелыхъ случаяхъ цереброспинальнаго менингита наблюдаются общія судороги; наступленіе ихъ является дурнымъ предсказаніемъ, въ особенности для взрослыхъ.

Въ лицѣ также замѣчается сведеніе лицевыхъ мышцъ, при этомъ получается неподвижное выраженіе лица, которое можетъ смѣниться судорогами ихъ, въ видѣ такъ называемаго «сардоническаго смѣха».

Благодаря тому, что воспаленіе съ оболочекъ мозга переходитъ и на самое вещество мозга, могутъ происходить различнаго рода параличи, потеря рѣчи и пр.

Изъ органовъ чувствъ наиболѣе часто при эпидемическомъ менингитѣ поражаются слухъ и зрѣніе, вслѣдствіе распространенія гнойнаго процесса съ мозговыхъ оболочекъ на слуховой (а оттуда въ среднее ухо и даже внутреннее) и зрительный нервы, при чемъ болѣзнь можетъ ограничиться легкими разстройствами слухового и зрительнаго аппаратовъ или дойти до полной глухоты и слѣпоты.

Со стороны пищеварительныхъ органовъ прежде всего наблюдается рвота, имѣющая центральное происхожденіе и являющаяся слѣдствіемъ раздраженія рвотнаго центра въ мозгу. Нерѣдко рвотой извергаются невѣроятныя количества и нерѣдко при ея упорности она очень сильно подрываетъ питаніе и силы больного и является поэтому дурнымъ предсказаніемъ. Вслѣдствіе же сокращенія мышцъ кишечника является запоръ.

Большое значеніе для опредѣленія болѣзни имѣетъ очень частое появленіе, главнымъ образомъ, на губахъ и, вообще, на лицѣ пузырчатаго лишая, какой наблюдается при воспаленіи легкихъ и маляріи; сыпь эта появляется на 2—3 день болѣзни и развивается, какъ при легкихъ, такъ и при тяжелыхъ случаяхъ ея; при другихъ менингитахъ, иного происхожденія, чѣмъ разсматриваемый нами, она никогда не встрѣчается такъ часто.

Рѣже на кожѣ появляются и другія сыпи, напоминающія скарлатину, корь, крапивницу и пр.

Что касается лихорадки, то въ большинствѣ случаевъ она существуетъ, но бываетъ чрезвычайно неправильна и рѣдко достигаетъ до 40°, хотя нѣкоторыми врачами въ исключительныхъ случаяхъ передъ агоніей было констатировано повышеніе температуры до 43,7°. Но даже въ тяжелыхъ случаяхъ температура можетъ быть даже ниже нормы, или, вообще, невысокая.

Въ крови замѣчается увеличеніе числа бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ.

Продолжительность эпидемическаго цереброспинальнаго менингита, въ среднемъ, длится приблизительно 2—4 недѣли, въ тяжелыхъ случаяхъ смерть можетъ наступить, впрочемъ, въ первую или вторую недѣлю. Но при, такъ называемой, молніеносной формѣ смерть можетъ наступить не только черезъ 1—2 дня, но даже черезъ нѣсколько часовъ (2—3 ч.). Съ другой стороны затяжная форма можетъ продолжаться 1—3 мѣс. и даже 5—6 мѣс. и окончиться или выздоровленіемъ или смертью.

При эпидемическомъ менингитѣ больные рѣдко умираютъ въ сознаніи, обыкновенно же наблюдается передъ смертью глубокая спячка и безсознательное состояніе, которыми смѣняется бывшее до того возбужденіе, бредъ и галлюцинаціи.

При этой болѣзни даже хорошо упитанные люди худѣютъ очень сильно, до состоянія скелета, въ особенности, при тяжелой формѣ. Такое сильное похуданіе объясняется многими причинами—сильными болями, непрерывной рвотой, безсонницей, нерѣдкимъ отвращеніемъ къ пищѣ.

Выздоровленіе отъ эпидемическаго менингита рѣдко бываетъ полное, безъ всякихъ послѣдствій. Большею же частью наступаетъ потеря слуха, затѣмъ зрѣнія на одинъ или оба глаза, умственныя способности ослабляются, иногда до полнаго слабоумія, или развиваются душевныя разстройства, падучая. Нерѣдко также остаются параличи. Всѣ эти послѣдствія наблюдаются, главнымъ образомъ, у дѣтей, у взрослыхъ же болѣзнь чаще, чѣмъ у первыхъ, оканчивается полнымъ выздоровленіемъ.

Больной, перенесшій эпидемическій менингитъ, пріобрѣтаетъ очень сильную къ нему невоспріимчивость; извѣстны всего пять случаевъ двукратнаго заболѣванія имъ.

Эпидемическій цереброспинальный менингитъ—это гнойное воспаленіе мягкихъ оболочекъ, какъ головного, такъ и спинного мозга,—иногда, главнымъ образомъ, перваго, иногда—второго. При чемъ, въ общемъ, распространеніе и степень воспаленія съ одной стороны, и тяжесть болѣзненныхъ явленій—съ другой, идутъ параллельно другъ съ другомъ. Гнойный выпотъ обыкновенно помѣщается между паутинной и мягкой оболочками; вообще, твердая оболочка поражается меньше мягкой.

Въ головномъ мозгу воспаленіе локализируется, какъ на выпуклой поверхности его, такъ и на основаніи мозга. Въ спинномъ же мозгу поражается, главнымъ образомъ, задняя спинная поверхность оболочекъ и его самого, при чемъ очень часто поясничная часть его поражается сильнѣй, чѣмъ остальная часть. Воспаленіе затрагиваетъ не только оболочки мозга, но и самое вещество какъ головного, такъ и спинного мозга, въ рѣдкихъ случаяхъ дѣло доходитъ до образованія въ мозгу большихъ нарывовъ.

Какъ было упомянуто, при заболѣваніи органовъ чувствъ гнойное воспаленіе съ основанія мозга распространяется на среднее и внутреннее ухо и на глаза по лимфатическимъ щелямъ влагалищъ зрительнаго нерва.

Возбудителями описываемой нами болѣзни считаются два вида микробовъ—*пневмококкъ* (возбудитель воспаленія легкихъ) и *менингококкъ*, иначе называемый внутриклѣточнымъ двоекоккомъ воспаленія мозговыхъ оболочекъ.

Пневмококкъ былъ найденъ при эпидемическомъ менингитѣ, какъ осложненномъ воспаленіемъ другихъ, такъ и при менингитѣ безъ воспаленія легкихъ. Во время эпидеміи въ Силезіи пневмококкъ констатированъ въ 16 на каждые 100 случаевъ эпидемическаго менингита и въ 22-хъ на каждые 100 случаевъ спорадическаго.

Менингококкъ менѣе ядовитъ, чѣмъ пневмококкъ, и вызываетъ менингитъ

у мышей и кроликовъ съ большимъ трудомъ, чѣмъ пневмококкъ. Впрыскиваніемъ менингококка въ полость твердой мозговой оболочки козъ, лошадей, собакъ, можно вызвать у нихъ цереброспинальный менингитъ.

Въ Германіи наблюдается самостоятельный эпидемическій цереброспинальный менингитъ у рогатаго скота и лошадей. Послѣднимъ фактомъ, вѣроятно, и объясняется болѣе частое заболѣваніе въ кавалерійскихъ войскахъ.

Менингококки, какъ и пневмококки, обыкновенно встрѣчаются попарно, они имѣютъ характерную приплюснутую форму и прикасаются другъ къ другу широкими поверхностями, какъ кофейныя зерна. Менингококки находятся всегда внутри преимущественно многоядерныхъ гнойныхъ клѣтокъ (лейкоцитовъ). Но надо добавить, что хотя въ большинствѣ случаевъ эпидемическаго менингита менингококковъ и находили въ цереброспинальной жидкости *), но, однако, до сихъ поръ еще окончательно не рѣшенъ вопросъ, является ли онъ единственнымъ и исключительнымъ возбудителемъ этой болѣзни.

Въ самое послѣднее время (въ маѣ и іюнѣ с. г., главнымъ образомъ, благодаря тщательнымъ изслѣдованіямъ г. Вестенхёфеля (29 вскрытій) можно утверждать, что микробы, вызывающіе эпидемическій менингитъ, проникаютъ почти всегда черезъ верхнеглоточное пространство, сфеноидальный синусъ и евстахіеву трубу. Этимъ объясняется, съ одной стороны, болѣе частая заболѣваемость менингитомъ дѣтей, у которыхъ носоглоточное пространство, конечно, чувствительнѣй къ заразѣ, чѣмъ у взрослыхъ; съ другой, и то, что распространителями заразы являются взрослые, такъ какъ они отхаркиваютъ глоточную слизь, чего дѣти не дѣлаютъ,—слизь же, выдѣляемая дѣтьми черезъ носъ, происходитъ изъ передней части носовыхъ впадинъ, и потому не содержитъ менингококковъ.

Менингококкъ особенно часто встрѣчается въ носоглоточной слизи, какъ больныхъ эпидемическимъ менингитомъ, такъ и совершенно здоровыхъ, и потому зараза можетъ распространяться чиханіемъ, кашлемъ, мокротой.

Специфическаго средства противъ эпидемическаго менингита до сихъ поръ нѣтъ. Было испробовано съ нѣкоторымъ успѣхомъ впрыскиваніе противодифтерійной сыворотки, такъ какъ по опытамъ Вольфа сыворотка эта убиваетъ менингококковъ. Довольно хорошее дѣйствіе оказываетъ, такъ назыв., студенистое серебро или иначе наз. мазь Креде, которая втирается въ кожу.

Наркотическія средства употребляются противъ болей и безсонницы, сопровождающихъ эту болѣзнь. Горячія ванны, по мнѣнію многихъ врачей, оказываютъ хорошее дѣйствіе, но Лейденъ возстаетъ противъ употребленія ваннъ, особенно для взрослыхъ, такъ какъ сотрясенія, неизбѣжныя при переносѣ больныхъ (взрослыхъ), вызываютъ у нихъ невыносимыя боли.

Необходимо упомянуть еще о хирургическомъ лѣченіи эпидемическаго менингита, которое, конечно, не можетъ явиться кореннымъ лѣченіемъ, но,

---

*) Лингельсгеймъ, Гафки и Колле констатировали менингоккокъ въ цереброспинальной жидкости умершихъ отъ данной болѣзни въ 163 случаяхъ изъ 300. (т.-е. 54%).

тѣмъ не менѣе, очень облегчаетъ страданія больного. Мы имѣемъ въ виду поясничный проколъ, который дѣлаютъ между 2 остистыми отростками поясничныхъ позвонковъ съ цѣлью выпустить цереброспинальную жидкость (въ количествѣ 30—50 куб, стм., а иногда даже 70—80 стм.) и тѣмъ ослабить давленіе на мозгъ и удалить часть токсиновъ, вырабатываемыхъ возбудителями болѣзни.

Въ теченіе настоящей эпидеміи нѣкоторые врачи начали пользоваться поясничными проколами и для другихъ цѣлей—именно для введенія антисептическихъ веществъ.

Теперь, послѣ работъ Вестенхефеля, многіе настаиваютъ на необходимости во время эпидеміи цереброспинальнаго менингита предохранительнаго режима для носа и горла, состоящаго изъ ихъ обмыванія и пульверизаціи антисептическими веществами; къ этимъ же предохранительнымъ мѣрамъ нужно отнести: изоляцію больныхъ и дизенфекцію бѣлья и предметовъ, на которые могла попасть носоглоточная слизь больныхъ.

Настоящаго, коренного лѣченія цереброспинальнаго менингита можно ожидать только тогда, когда будутъ лучше изучены микроскопическіе возбудители этой страшной болѣзни и будетъ выработанъ методъ предохранительныхъ прививокъ или соотвѣтственнаго сывороточнаго лѣченія.

Успѣхи сывороточнаго лѣченія (серотерапія). Такъ называемыя, *«сыворотки»* отличаются другъ отъ друга употребленіемъ, которое изъ нихъ дѣлается, результатами, которыхъ отъ нихъ ожидаютъ, источниками, откуда ихъ добываютъ, и, наконецъ, способомъ ихъ приготовленія. Сыворотка добывается или кровопусканіемъ непосредственно изъ крови человѣка или животнаго, или же приготовляется искусственно химическимъ путемъ; въ послѣднемъ случаѣ, сыворотка называется искусственной, въ противоположность первой—кровяной естественной.

Наконецъ, третій способъ, наиболѣе употребительный, состоитъ въ томъ, что сыворотку берутъ у больного или выздоравливающаго человѣка, или же у животнаго, нарочно зараженнаго для этого болѣзнетворнымъ началомъ данной болѣзни. Полученная, такимъ путемъ, кровяная сыворотка обладаетъ особыми качествами; качества эти и передаются организму, въ который вводится данная сыворотка. Организмъ, подъ вліяніемъ введенной въ него сывоворотки, испытываетъ измѣненія и пріобрѣтаетъ свойства, подобныя тѣмъ, которыя развиваются подъ вліяніемъ данной болѣзни въ средѣ, откуда взята сыворотка, такимъ образомъ, новая среда, получивъ сыворотку, получаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы свойство уничтожать, предупреждать, защищать и исцѣлять отъ болѣзни, противъ которой сдѣлана прививка.

Вслѣдствіе такихъ свойствъ предохранительная сыворотка возбуждаетъ громадный интересъ не только среди терапевтовъ, но и среди самой широкой публики.

Въ дальнѣйшемъ мы и познакомимъ читателя съ четырьмя наиболѣе изученными сыворотками, съ способами ихъ приготовленія и пріемами лѣченія.

1) *Сыворотка противъ столбняка*; наиболѣе дѣйствительными сыворотками противъ столбняка считаются сыворотки *Ру* и *Вайльяра*. Въ 1887 г. впервые была доказана заразительность столбняка, но долгое время не удавалось получить чистой культуры его микроба.

Выдѣлить бациллу его выпало на долю японскаго ученаго *Китазато*, послѣ чего возможно было произвести на опытѣ всю симптомологію болѣзни.

Болѣзнетворный микробъ столбняка находится только въ ранѣ:—про столбнякъ равно, какъ про дифтеритъ вѣрнѣе сказать, что эти болѣзни вызваны не зараженіемъ, а отравленіемъ.

Процентъ выздоравленія отъ столбняка точно не установленъ; разные авторы даютъ и разныя цифры:—отъ 10% до 56%.

Болѣзнь эта довольно рѣдкая; такъ, въ Парижѣ въ теченіе года умираетъ отъ столбняка отъ 10 до 12 человѣкъ.

Бацилла столбняка отличается не только громадной живучестью и сопротивляемостью своихъ споръ, но и поразительной силою своего токсина *) (химическій составъ его еще неизвѣстенъ).

Чтобъ убить мышь достаточно 0,0001 куб. сант. культуры или 0,000001 кубическихъ сант. токсина, двѣ капли этого токсина (0,1 куб. сант.) убиваютъ здоровую лошадь.

Противостолбняковая сыворотка сохраняется около года и приготовляется (какъ и почти всѣ прочія сыворотки) слѣдующимъ образомъ.

Культура бациллъ столбняка въ говяжьемъ бульонѣ, куда прибавлено 0,5% желатину, ставится на 2, 3 недѣли въ «баню» при температурѣ 37° Ц. Профильтрованныя черезъ пастеровскій фильтръ (фарфоровыя свѣчи) культуры эти и даютъ, какъ мы уже упоминали, сильно ядовитый токсинъ. Для полученія сыворотки употребляютъ лошадиную кровь. Для этой цѣли лошади впрыскиваютъ по 1/2 куб. сантиметра смѣси въ равныхъ количествахъ—токсина и раствора Грама или Люголя, доза эта съ каждымъ днемъ постепенно увеличивается, на 17 день впрыскиваютъ уже 10 куб. сантиметровъ смѣси, состоящей изъ 2/3 токсина и всего 1/3 соотвѣтственнаго іодистаго раствора; количество іодистаго раствора уменьшается до 35 дня, когда лошадь получаетъ 10 куб. сантиметровъ чистаго токсина, такое впрыскиваніе продолжается каждые 2, 3 дня до 72 дня, когда сразу вводятъ 150 куб. сантиметровъ токсина. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого иммунитетъ данной лошади къ токсину столбняка доходитъ до своего максимума, и сыворотка этой лошади можетъ уже примѣняться для лѣчебныхъ цѣлей. Лошади дѣлаютъ кровопусканіе, черезъ день или два отстаивается сыворотка, которую разливаютъ въ баночки по 10 куб. сантиметровъ въ каждой и пускаютъ въ продажу, предварительно продержавъ ихъ нѣсколько дней при температурѣ въ 37° Ц.; образцы, сдѣлавшіяся за это время мутными, конечно, выбрасываются. Въ Германіи къ этой сывороткѣ прибавляютъ 0,5% формалина или карболовой кислоты.

Противостолбняковая сыворотка была впервые приготовлена Берингомъ и

---

*) *Токсинами* называются яды, выдѣляемые болѣзнетворными микробами.

Китазато (1890 г.) Прививка этой сыворотки имѣетъ только предохранительное значеніе, какъ средство лѣчебное она ненадежна. Мечниковъ и др. объясняютъ это тѣмъ, что «токсинъ столбняка дѣйствуетъ сильно на нервную систему, и противоядіе уже не въ силахъ нейтрализировать это вліяніе».

При подозрительной ранѣ, когда можно предполагать зараженіе столбнякомъ, слѣдуетъ возможно ранѣе сдѣлать впрыскиваніе сыворотки. Въ первый разъ впрыскиваютъ 10 кубич. сант.; если же рана велика, то черезъ 8 дней снова производятъ такое же впрыскиваніе; при быстро развивающемся столбнякѣ необходимо сразу, въ одинъ или два пріема, ввести отъ 50 до 100 кубич. сант. сыворотки. Но это лѣченіе не освобождаетъ отъ примѣненія самыхъ энергичныхъ мѣръ обычной терапіи. Прививка сохраняетъ свою силу отъ 15 дней до мѣсяца.

Кальметъ ввелъ въ употребленіе сухую противостолбняковую сыворотку въ видѣ порошка, что представляетъ громадное удобство. Приготовилъ онъ эту сухую сыворотку высушиваніемъ обыкновенной—жидкой въ безвоздушномъ пространствѣ. Про столбнякъ, какъ и про бѣшенство, можно сказать, что новѣйшая терапія предупреждаетъ эту болѣзнь, но не излѣчиваетъ ее.

Нокаръ показалъ, что можно предупредить заболѣваемость столбнякомъ у животныхъ, давая имъ противостолбняковую сыворотку внутрь. Такимъ образомъ, въ рукахъ врачей и ветеринаровъ имѣется средство борьбы съ очагами столбняковъ заразы; препятствуя ея распространенію, они, въ концѣ концовъ искоренять, надо надѣяться, совершенно эту страшную болѣзнь.

2. Сыворотка противъ змѣинаго яда. Несмотря на многочисленныя химическія изслѣдованія змѣиныхъ ядовъ, мы до сихъ поръ не знаемъ ничего положительнаго объ ихъ составѣ; главное дѣйствующее ихъ начало намъ неизвѣстно; предполагаютъ, что оно относится къ группѣ альбуминоидовъ, что это нуклеинъ; нѣкоторыя химическія реакціи змѣиныхъ ядовъ указываютъ на близость ихъ къ діастазамъ и токсинамъ. Степень ядовитости змѣинаго яда зависитъ отъ массы условій; есть даже люди и животныя, на которыхъ змѣиный ядъ совершенно не дѣйствуетъ; сами змѣи не реагируютъ на укусы своихъ сородичей, и нѣтъ никакой возможности отравить змѣю искусственнымъ путемъ. Эта невоспріимчивость къ яду зависитъ, повидимому, отъ присутствія въ крови змѣй и ужей особаго токсина, который нѣкоторые авторы признаютъ за самый ядъ, растворенный въ крови, но работы Кальмета показываютъ, что этотъ токсинъ является особымъ, близкимъ къ діастазу, веществомъ, можетъ быть, только входящимъ въ составъ самаго яда.

Сила и быстрота отравленія змѣинымъ ядомъ измѣняется у одного и того же индивидуума въ зависимости отъ мѣста укуса (то же самое вѣрно и въ отношеніи столбняка и бѣшенства); вообще при всякомъ отравленіи необходимо принимать въ разсчетъ мѣсто раны и путь введенія яда.

Нѣкоторые ученые увѣряютъ, что кровь животнаго, умершаго отъ отравленія, тоже дѣлается ядовитой, другіе же отрицаютъ это, такъ какъ прямые опыты дали имъ отрицательные результаты. Змѣиный ядъ отличается поразительной способностью быстро растворяться. Быстротой этой объясняется без-

успѣшность самыхъ энергичныхъ мѣръ для локализаціи дѣйствія яда (высасываніе, прижиганіе и т. п.); здѣсь нужны другія мѣры.

Многіе путешественники утверждаютъ, что идея иммунизаціи по отношенія къ змѣиному яду далеко не нова, что жители многихъ странъ употребляютъ предохранительныя мѣры противъ укусовъ змѣй.

Чтобы достигнуть иммунизаціи въ данномъ случаѣ прибѣгаютъ къ различнымъ способамъ: то пользуются разведенными токсинами, то вводятъ въ организмъ сначала ничтожныя дозы чистаго яда, но затѣмъ постепенно увеличиваютъ ихъ (способъ Митридата) и такимъ образомъ пріучаютъ организмъ переносить значительныя количества яда.

Чтобы приготовить ослабленные токсины змѣинаго яда, пользуются различными методами, какъ физическими, такъ и химическими.

Послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ сыворотка противъ змѣинаго яда была, наконецъ, приготовлена въ 1894 году одновременно тремя учеными (Phisalix, Bertrand, Calmette). Есть три способа приготовленія этой сыворотки—лучшій изъ нихъ состоитъ въ прививкѣ лошади смѣси змѣинаго яда съ хлорноватистокислымъ натріемъ или кальціемъ. Кальметъ приготовляетъ сыворотку слѣдующимъ образомъ: 1 гр. высушеннаго яда онъ растворяетъ въ 100 куб. сант. дистиллированной воды, нагрѣтой до 78° Ц. и смѣшанной съ опредѣленнымъ количествомъ хлорноватистокислаго кальція. Прививки дѣлаются каждые 4—5 дней; черезъ два мѣсяца лошадь переноситъ безнаказанно дозы яда, способныя убить 110 килогр. кроликовъ; черезъ шесть мѣсяцевъ сыворотка готова для употребленія. Иммунитетъ, который достигается повторными прививками слабыхъ дозъ токсина доходитъ до 8 мѣс.; дѣйствіе же этой сыворотки сохраняется весьма недолго—не болѣе 2—4 дней.

Противоядная сыворотка дѣйствительна противъ яда всѣхъ змѣй и скорпіоновъ; помимо инъекцій необходимо прибѣгать и къ другимъ средствамъ, напримѣръ, для возбужденія жизнедѣятельности больного можно дѣлать легкія растиранія тѣла, слѣдуетъ только избѣгать такихъ возбудителей, какъ кофе, алкоголь и т. п.

Сыворотка эта вполнѣ безвредна, не вызываетъ никакихъ осложненій, состояніе же больного быстро улучшается.

Въ настоящее время этой сывороткой лѣчатъ не только людей, но и домашнихъ животныхъ, укушенныхъ змѣями. Открытіе сыворотки, излѣчивающей отъ укусовъ змѣй имѣетъ громадное значеніе для тропическихъ странъ: въ одной Индіи ежегодно умираетъ отъ укушенія змѣй въ среднемъ до 25.000 людей.

3. Антистрептококковая сыворотка. Стрептококкъ способенъ жить почти въ каждой средѣ—естественной или искусственной, чѣмъ и объясняется его громадное распространеніе.

Впервые антистрептококковая сыворотка была примѣнена при лѣченіи родильной горячки (1895 г.), а затѣмъ и рожи (1895 г.).

Марморекъ для приготовленія этой сыворотки бралъ стрептококкъ человѣка, увеличивалъ его ядовитость, затѣмъ вводилъ его въ организмъ лошади,

постепенно увеличивая дозы, пока не достигалъ полнаго иммунитета; затѣмъ сыворотка этого животнаго употреблялась уже какъ предохранительное и излѣчивающее средство.

Роже (Roger) и Шаринъ (Charrin), примѣнили противоположный методъ и старались посредствомъ нагрѣванія уменьшить ядовитыя ствойства человѣческаго стрептококка. Ослабленный стрептококкъ вспрыскивается мулу, по 50 куб. сант. Послѣ 8, 10 инъекцій животному дѣлается кровопусканіе. Чтобы не ослабить лѣчебныхъ свойствъ крови, инъекціи въ данномъ случаѣ нужно производить еженедѣльно. Сыворотка, приготовленная такимъ образомъ, обладаетъ меньшей силой, чѣмъ приготовленная по первому способу. Лѣчебныя свойства сыворотки незначительны и, во всякомъ случаѣ, гораздо ниже предохранительныхъ. Употреблять ее надо при самомъ началѣ заболѣванія, какъ только есть подозрѣніе зараженія стрептококками. Изъ института Пастера отпускается антистрептококковая сыворотка, высушенная, въ видѣ порошка; онъ оказываетъ хорошее дѣйствіе при зараженіяхъ, причиненныхъ чистыми стрептококками; въ присутствіи другихъ патогенныхъ бактерій вліяніе его менѣе энергично и постоянно.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда болѣзнь вызвана нѣсколькими видами бациллъ, слѣдуетъ примѣнять одновременно различныя соотвѣтственныя антистрептококковыя сыворотки. Такъ, эти сыворотки начинаютъ уже примѣнять къ лѣченію дифтерита, крупа, скарлатины, послѣродовой горячки, и въ самое послѣднее время съ большимъ успѣхомъ была примѣнена сыворотка Марморека къ излѣченію цереброспинальнаго менингита.

4. *Антидифтеритная сыворотка.* Наибольшаго тріумфа, почти полной удачи, серотерапія достигла въ антидифтеритной сывороткѣ; иначе ее наз. сывороткой *Ру*, по имени открывшаго ее ученаго.

Для полученія иммунизаціи въ организмъ лошади вводится токсинъ слѣдующимъ образомъ: въ первый день $^1/_4$ куб. сантим. токсина въ соединеніи съ 0,1 раствора Люголя. На второй день $^1/_2$ куб. с. того же раствора. Такъ продолжается до 8 дня, когда начинаютъ уменьшать количество раствора Люголя. На 17 день вводятъ $^1/_4$ куб. сант. чистаго токсина, а съ 22 дня каждые 2, 3 дня все усиливаютъ вводимыя дозы чистаго токсина; на 50 день эта доза достигаетъ 30 куб. сант., на 72 день—90 куб. с., на 80 день—250 куб. с. Такая иммунизація продолжается 4 мѣсяца; затѣмъ животное отдыхаетъ дней 20 и только послѣ этого отъ лошади начинаютъ брать сыворотку.

Есть и другой способъ, болѣе быстрый.

Дѣйствіе антидифтеритной сыворотки можно сравнить съ дѣйствіемъ противостолбняковой. Она нейтрализуетъ токсинъ, результаты ея дѣйствія бываютъ поразительны—смертность отъ дифтерита понизилась до 15$^0/_0$ и даже до 5$^0/_0$, если не принимать въ разсчетъ трехъ смертныхъ исходовъ, когда сыворотка была введена слишкомъ поздно. Инъекція остается безрезультатной только тогда, если ядъ въ организмѣ уже растворился и вызвалъ параличъ, неправильный пульсъ и задержку дыханія. Своевременно сдѣланныя инъекціи даютъ блестящіе результаты. Дѣйствіе антидифтеритной сыворотки ослабляется, если въ организмѣ больного кромѣ дифтеритныхъ бациллъ находятся стрепто-

кокки, или страфилококки съ бациллой Лефлера. Сыворотка эта обладаетъ и предохранительными свойствами: изъ 12.426 человѣкъ, которымъ была сдѣлана предохранительная дифтеритная прививка, только 53 человѣка были поражены послѣ этого дифтеритомъ. Предохранительная прививка сохраняетъ силу около 3 недѣль.

Въ началѣ болѣзни можно удовольствоваться впрыскиваніемъ 5—10 куб. сантиметр. сыворотки, но если болѣзнь длится нѣсколько дней или принимаетъ опасный оборотъ нужно впрыснуть отъ 10 до 20 куб. сант., не смотря на возрастъ больного; наконецъ, въ очень тяжелыхъ случаяхъ, особенно если дифтеритъ захватилъ глотку и бронхи, нужно идти даже до 50 куб. сант. Употребленіе антидифтеритной сыворотки влечетъ все же за собою нѣкоторыя болѣзненныя проявленія, не имѣющія, впрочемъ, большей опасности. Напр. замѣчается лихорадка, болѣзненная опухоль суставовъ и т. п.

Какъ видитъ читатель, *серотерапія*—еще очень молода, но, несмотря на это, результаты, достигнутые ею, нельзя и въ настоящее время считать незначительными, въ будущемъ же она обѣщаетъ медицинѣ еще болѣе блестящіе тріумфы.

Различали ли наши историческіе и доисторическіе предки всѣ цвѣта? Давно уже ученые филологи обращали вниманіе на тотъ странный фактъ, что языкъ античныхъ авторовъ крайне бѣденъ словами, обозначающими цвѣта. Первый (1877 г.), кто посвятилъ этому вопросу спеціальное изслѣдованіе, былъ д-ръ Магнусъ (Magnus). Онъ пришелъ къ смѣлому выводу, что глазъ доисторическаго человѣка могъ различать только свѣтъ отъ темноты; способность различать цвѣта развивалась у людей медленно и постепенно. Гипотеза Магнуса была подкрѣплена филологическими изысканіями Гейгера и Гладстона. Эти авторы разсуждали слѣдующимъ образомъ. Каждое новое ощущеніе должно, по ихъ мнѣнію, вызывать у человѣка стремленіе выразить его новымъ словомъ; въ литературныхъ памятникахъ остались слѣды этого постепеннаго развитія цвѣтовыхъ ощущеній и параллельнаго ему созданія новыхъ словъ. Упомянутые выше филологи тщательно изучили наиболѣе древніе литературные памятники и нашли, что, дѣйствительно, слова, обозначающія цвѣта, появились у человѣка далеко не всѣ сразу, а въ опредѣленной послѣдовательности. Они установили эту послѣдовательность для нашей европейской цивилизаціи. Такъ, по мнѣнію этихъ ученыхъ, современники Гомера различали только красный и желтый цвѣта; во времена Ксенофонта греки знали уже пурпурный и зеленый цвѣтъ, а Аристотель говоритъ уже о синемъ, но только въ IV вѣкѣ по Р. Х. народныя массы начали различать синій цвѣтъ отъ чернаго.

Столь смѣлое филологическое обобщеніе, конечно, встрѣтило многочисленныя возраженія. Естествоиспытатели, признавая возможность постепеннаго развитія у человѣка органа зрѣнія, утверждали, что эта эволюція требовала гораздо болѣе значительнаго времени и, конечно, не могла произойти въ историческое время. Отсутствіе словъ для выраженія ощущеній еще не доказываетъ отсутствія самихъ ощущеній и наши историческіе предки, конечно, ощущали цвѣ-

товыя различія, но не были въ состояніи анализировать эти ощущенія; эволюція, подмѣченная филологами, была не эволюціей органа зрѣнія человѣка, а эволюціей его умственныхъ способностей.

Изъ того, что Гомеръ упоминаетъ только весьма немногіе цвѣта, нельзя заключить, что онъ не различалъ остальныхъ. Извѣстно, напр., что ни въ одномъ произведеніи Корнелля нѣтъ слова синій, что Ла-Фонтенъ всего только разъ употребилъ слово лазурный, что, наконецъ, во всей французской литературѣ XVII вѣка вы не встрѣтите слова фіолетовый.

Затѣмъ, нужно еще отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ первобытныхъ языкахъ прилагательныя часто измѣняютъ значеніе связаннаго съ ними существительнаго; такъ напр., бретонское слово «glaz» означаетъ въ различныхъ случаяхъ различные цвѣта—синій, зеленый и яблочно-сѣрый. Вѣроятно здѣсь лежитъ объясненіе греческихъ выраженій вродѣ: медово-зеленый, винно-зеленый, жирно-зеленый.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появилась обстоятельная работа молодого врача - офтальмолога — *Кандіотти* *), посвященная интересующему насъ вопросу.

Методъ изслѣдованія этого ученаго, конечно, совершенно иной, чѣмъ изысканія упомянутыхъ выше филологовъ.

Начиная съ доисторическаго человѣка, Кандіотти обращается прежде всего къ тѣмъ матеріальнымъ свидѣтельствамъ, которыя оставили эти столь далекіе отъ насъ предки наши въ различныхъ пещерахъ въ видѣ рисунковъ на стѣнахъ пещеръ и раскрашенныхъ кирпичей. Интересно, что на этихъ первобытныхъ памятникахъ искусства имѣется только красная окраска. Но развѣ можно изъ этого заключить, что пещерные люди не ощущали другихъ цвѣтовъ; не объясняется ли это просто тѣмъ, что они не умѣли приготовлять другой краски, или тѣмъ, что красная краска оказалась болѣе крѣпкой и только одна и сохранилась втеченіе тысячелѣтій, отдѣляющихъ насъ отъ пещернаго человѣка.

Въ болѣе близкую къ намъ эпоху—въ микенскихъ памятникахъ, въ цвѣтныхъ фризахъ ассирійскихъ дворцовъ, въ египетскихъ фрескахъ—всюду встрѣчаются уже всѣ основные цвѣта и многія комбинаціи ихъ. Всѣ эти памятники на много вѣковъ старше Иліады и Одиссеи и уже по одному этому нужно отвергнуть гипотезу Магнуса и Гладстона. Филологи утверждали, что Виргилій смѣшивалъ фіолетовый цвѣтъ съ чернымъ и грозовыя тучи называлъ синими, но въ одной рукописи (Virgile du Vatican), вѣроятно, современной Виргилію, имѣются цвѣтныя иллюстраціи къ произведеніямъ знаменитаго поэта, и эти иллюстраціи передаютъ цвѣтовые эффекты совершенно правильно.

Кандіоти подвергъ также изслѣдованію языкъ многихъ теперешнихъ дикихъ народовъ, культура которыхъ не выше культуры доисторическаго пещернаго человѣка. Оказалось, что даже они знаютъ основные цвѣта, а нѣкоторые изъ нихъ способны отличать даже тонкіе цвѣтные оттѣнки, — но всѣ они крайне

*) *Candiotti*. La notion des couleurs et la linguistique (Thèse de Bordeaux. 1—1905).

затрудняются выразить свои ощущенія, имъ не хватаетъ для этого словъ и часто они должны прибѣгать къ описательнымъ выраженіямъ и къ сравненіямъ, чтобы выразить свою мысль.

Большую часть своей работы авторъ посвящаетъ изученію французской литературы. Во всѣхъ средневѣковыхъ литературныхъ произведеніяхъ онъ нашелъ слова, соотвѣтствующія основнымъ цвѣтамъ. Не мудрено, что въ эту эпоху грубой борьбы, когда писатели были или простыми лѣтописцами событій, или же предавались сатирѣ и поученію, не встрѣчено въ ихъ произведеніяхъ словъ, которыя передавали бы цвѣтовыя ощущенія болѣе тонкихъ оттѣнковъ.

Въ эпоху возрожденія французскіе писатели начинаютъ вглядываться въ природу и пытаются ее изобразить, но на каждомъ шагу имъ не достаетъ словъ и они принуждены выковывать новыя, чтобы передать свои ощущенія. Но за ренессансомъ идетъ XVII вѣкъ, когда писатели удаляются отъ природы и рисуютъ только человѣческія страсти; отсюда понятна крайняя бѣдность ихъ языка для выраженія цвѣтовыхъ ощущеній; но все же современники Людовика XIV имѣли для этого значительный запасъ словъ: для доказательства достаточно раскрыть первое изданіе Словаря французской академіи (1694 г.). Противъ такого направленія литературы возстала философская мысль XVIII вѣка. Поэты и прозаики начинаютъ наблюдать природу, чувствовать и любить ее. За нѣсколько искусственными описаніями аббата Делиля и Бюффона слѣдуютъ сантиментальныя картины Руссо, Шенье и Бернардэна де-Сенъ-Пьера и съ тѣхъ поръ дальнѣйшее развитіе французской литературы и смѣна различныхъ школъ — романтиковъ, реалистовъ, импрессіонистовъ—все болѣе и болѣе обогащаютъ французскій языкъ словами и выраженіями для передачи все болѣе и болѣе тонкихъ цвѣтовыхъ ощущеній.

Странная судьба этого вопроса. Филологи въ чисто филологической эволюціи языка, связанной съ различными историческими и соціологическими воздѣйствіями, увидѣли эволюцію физіологическую, развитіе человѣческаго органа зрѣнія, и естествоиспытателямъ пришлось доказывать, что подобныя экскурсіи въ области естествознанія совершенно неосновательны и что филологи напрасно отказались отъ своего оружія.

---

† **Жанъ-Жакъ Элизе Реклю** (некрологъ). Нѣсколько недѣль назадъ умеръ извѣстный географъ, писатель-художникъ, всемірно знаменитый ученый *Элизе Реклю*. Сынъ протестанскаго пастора онъ родился 1820 году въ департаментѣ Жиронды. Первоначальное образованіе свое Реклю получилъ въ Рейнской Пруссіи, а высшее на протестантскомъ факультетѣ въ Монтобанѣ, и въ Берлинскомъ университетѣ, гдѣ лекціи географа Карла Риттера произвели сильное впечатлѣніе на молодого человѣка и оказали вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу. Э. Реклю явился во Франціи представителемъ школы Риттера. Государственный переворотъ 2 декабря 1851 года принудилъ молодого ученаго покинуть Францію. Слѣдующіе пять лѣтъ онъ провелъ въ путешествіяхъ, по-

бывалъ въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Центральной Америкѣ, и въ Колумбіи; очерки своихъ путевыхъ впечатлѣній онъ посылалъ въ «Revue des Deux Mondes» и въ «Le Tour du Monde».

Во время франко-прусской войны 1870 и 1871 года, ему снова пришлось принять участіе въ политической дѣятельности: онъ напечаталъ воззваніе противъ правительства, а во время осады Парижа, былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ международной ассоціаціи рабочихъ; въ апрѣлѣ онъ былъ арестованъ и присужденъ къ изгнанію. Реклю отправился въ Италію, а затѣмъ поселился въ Швейцаріи, въ Кларанѣ. Здѣсь онъ провелъ 20 лѣтъ въ непрерывной научно-литературной работѣ. Реклю былъ въ постояныхъ близкихъ сношеніяхъ, съ русскими эмигрантами и многіе изъ нихъ были его ближайшими сотрудниками при составленіи знаменитой «Geographie universelle»; во Франціи его вмѣстѣ съ Кропоткинымъ считали главой анархистовъ. Онъ былъ вѣренъ своимъ воззрѣніямъ и въ своей личной жизни; французовъ, напримѣръ, страшно возмущалъ тотъ фактъ, что онъ выдалъ свою дочь замужъ за анархиста, при чемъ не былъ совершенъ не только церковный, но даже и гражданскій бракъ.

Въ 1892 году Реклю былъ приглашенъ читать лекціи по землевѣдѣнію въ Брюссельскомъ свободномъ университетѣ. Въ томъ же году онъ получаетъ большую золотую медаль отъ Парижскаго Географическаго общества. Среди его литературныхъ работъ первое мѣсто занимаетъ «Nouvelle géographie universelle; la terre et les hommes». Строго научное, это произведеніе написано прекраснымъ литературнымъ языкомъ, особенно хороши послѣдніе тома.—Хорошо и ясно изложена его физическая географія «La terre» (Земля). Физическая географія представлена здѣсь, какъ физіологія земного шара. «Жизнь земли, по словамъ Реклю, какъ и всякая другая жизнь представляетъ изъ себя непрерывное бытіе, постоянный круговоротъ атомовъ, переходящихъ изъ одного организма въ другой. На какое состояніе земли ни посмотришь, она всегда хороша въ своемъ бытіи, и смѣна явленій на ней совершается въ поразительной взаимной гармоніи и по непреложнымъ міровымъ законамъ».

Въ послѣдніе годы своей жизни Реклю мечталъ, между прочимъ, объ устройствѣ гигантскаго глобуса, но мечтѣ этой не суждено было исполниться.

Изъ другихъ работъ знаменитаго географа, укажемъ на: «Histoire d'une montagne» (Исторія горы), «Histoire d'un ruisseau» (Исторія ручья), «Atlas globulaire par Elisée Reclus», «L'Extrême-Orient» и мн. др.

В. Аг.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Сентябрь. 1905 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы. — Публицистика. — Соціологія и политическая экономія.—Философія.—Естествознаніе и педагогика.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

С. А. Ан-скій, „Разсказы" *А. В. Переводчикова*, „Стихотворенья".

С. А. Ан-скій. Разсказы. Т. I. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. Въ числѣ бытописателей еврейскаго народа г. Ан-скій долженъ занять видное мѣсто, какъ по подкупающей правдѣ своихъ разсказовъ, такъ и по художественной простотѣ и реальности. Онъ нигдѣ не выдумываетъ, не стремится тронуть васъ или поразить ужасомъ описываемыхъ страданій, онъ рисуетъ ихъ только такими, каковы они сами въ дѣйствительности, и этого вполнѣ достаточно для его цѣли. Онъ ни мало не смущается изображеніемъ отрицательныхъ типовъ еврейства — эксплуататоровъ, ханжей, гешефмахеровъ на ряду съ бѣдной массой, забитой въ тѣсныя узилища черты осѣдлости. Онъ объективенъ, простъ и правдивъ, а картина, получающаяся подъ его перомъ, говоритъ сильнѣе всякихъ страстныхъ рѣчей въ защиту евреевъ. По времени онъ не принадлежитъ къ числу молодыхъ писателей, какъ гг. Юшкевичъ, Айзманъ, Наживинъ и др. Первый разсказъ въ настоящей книгѣ помѣченъ 81-мъ годомъ, почти четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, и многое измѣнилось въ мірѣ, но картины г. Ан-скаго не теряютъ и теперь своего значенія, давая возможность поглубже проникнуть въ жизнь гонимаго народа, познакомиться съ хорошими и дурными его представителями, съ своеобразнымъ міровоззрѣніемъ, обычаями и нуждами. Въ «Пасынкахъ» авторъ разсказываетъ заурядную исторію изъ жизни еврейской бѣдноты, гдѣ много поразительнаго, и комичнаго, и трагическаго, въ общемъ жестокую исторію, какими полна жизнь. «Въ кабакѣ»,—лучшемъ изъ очерковъ этой книги,—предъ читателемъ проходитъ рядъ типичныхъ завсегдатаевъ изъ міра отверженцевъ, со дна общества, изображенныхъ съ правдой и силой, не уступающими изображеніямъ г. Горькаго, только безъ романтической окраски послѣдняго, которая въ 80-хъ годахъ, когда появился этотъ разсказъ, была чужда русской литературѣ. «Мендель-турокъ» это одинъ изъ любопытнѣйшихъ типовъ еврейства, талмудистъ, для котораго вся премудрость въ Талмудѣ. Наконецъ, «Въ еврейской семьѣ» авторъ знакомитъ насъ съ внутреннимъ бытомъ обычной заурядной еврейской семьи средняго достатка, и въ русской литературѣ по еврейскому вопросу этотъ мастерски написанный очеркъ, право, лучшее, что намъ доводилось читать. Безъ трогательной лирики г. Айзмана, безъ потрясающаго трагизма г. Юшкевича, авторъ сумѣлъ дать превосходную жанровую картину, въ которой каждое лицо очерчено съ неподражаемой живостью, затаеннымъ юморомъ и теплотой.

Но г. Ан-скій описываетъ не однихъ евреевъ. Въ трехъ разсказахъ, отличающихся тѣми же достоинствами, что и предыдущіе, онъ даетъ яркія и

простыя по письму картинки изъ жизни русской деревни. «Торги»—лучшій изъ нихъ, и изображенные въ немъ типы деревни, семь кулаковъ, превосходно выписаны. Вообще, пріемы письма г. Ан-скаго сближаютъ его съ г. Успенскимъ: таже правдивость и какой то скрытый юморъ, благодаря которому получается впечатлѣніе особой теплоты и жизненности, что намъ больше всего нравится въ очеркахъ г. Ан-скаго. Благодаря этой особенности его таланта, и евреи, и русскіе удивительно сближаются въ его изображеніи. Это не двѣ разныхъ породы людей, а люди съ общими имъ всѣмъ человѣческими достоинствами и недостатками, съ тѣми естественными отличіями, какія свойственны каждой народности въ силу бытовыхъ, религіозныхъ, расовыхг и историческихъ условій, въ какихъ они живутъ, страдаютъ и радуются, что сближаетъ ихъ съ читателемъ гораздо болѣе, чѣмъ страстныя и подчасъ слишкомъ бьющія по нервамъ писанія новѣйшихъ писателей, изображающихъ еврейство. Въ этомъ отношеній г. Ан-скій занимаетъ вполнѣ свое мѣсто и не можетъ быть сравниваемъ ни съ однимъ изъ молодыхъ писателей—евреевъ, давшихъ столько сильныхъ и яркихъ картинъ изъ жизни еврейскаго народа. Въ немъ есть что-то примиряющее и прощающее. Всѣ люди и всѣ страдаютъ и радуются по своему. Надо это понять и простить, а остальное все приложится *А. Б.*

А. В. Переводчикова. Стихотворенія. Саратовъ. 1905 г. Цѣна 50 коп. Постоянная сотрудница многихъ провинціальныхъ, главнымъ образомъ, приволжскихъ газетъ, г-жа Переводчикова выступаетъ передъ читателями уже не съ первымъ сборникомъ своихъ стихотвореній. Характеръ ея музы опредѣлился давно, и ждать чего-либо новаго, что могло бы измѣнить ея оцѣнку, нѣтъ никакихъ основаній.

Очень симпатичная по своимъ нравственнымъ качествамъ и общественнымъ настроеніямъ, муза г-жи Переводчиковой не отличается ни оригинальностью, ни красотою формъ, ни силою размаха своихъ крыльевъ. Мы даже сильно сомнѣваемся, умѣетъ ли она вообще летать, небожительница ли она, или простая смертная, только въ робкихъ мечтахъ своихъ рѣшающаяся чуть-чуть приподниматься надъ прозой жизни?

Мнѣ міръ разсчета тѣсенъ,
Ума холодный міръ,
Лечу въ предѣлы пѣсенъ,
Мечты и стройныхъ лиръ,
Къ богамъ, въ надзвѣздной дали,
Къ безбрежной вышинѣ...
Увы! земли печали
И тамъ все слышны мнѣ...

Это авторское признаніе убѣждаетъ насъ въ томъ, что полеты музы г-жи Переводчиковой дѣйствительно не очень высоки, и что наши сомнѣнія насчетъ ея божественнаго происхожденія законны.

Робкій, подражательный и часто невыдержанный стихъ, отсутствіе яркихъ образовъ, неопредѣленность мысли,—вотъ чѣмъ характеризуется сборникъ стихотвореній со стороны формы. Содержаніемъ пѣсенъ служитъ, главнымъ образомъ, горе нужды, порывы къ «свѣту», при чемъ бѣдная вдова, сельскій учитель, голодный крестьянинъ—пахарь являются наиболѣе излюбленными героями г-жи Переводчиковой. Чувствуется вліяніе Некрасова, памяти котораго, кстати, авторъ посвящаетъ особое стихотвореніе. Но какъ все это блѣдно, какъ далеко отъ образца! Вспомните, напримѣръ, удивительное по силѣ выраженія стихотвореніе Некрасова: «Душно! безъ счастья и воли ночь безконечно темна!» И вотъ въ какой досадливо-неудачной копіи повторяетъ г-жа Переводчикова этотъ чудный оригиналъ:

Душно; мгла стоитъ кругомъ,
Тучи все идутъ чернѣе...

Пусть бы грянулъ дальній (?) громъ,
Пусть бы дождь пошелъ сильнѣе.
Лучше мигъ наставшихъ бѣдъ,
Чѣмъ тоска и ожиданье;
Въ нихъ безсилья шаткій слѣдъ,
Въ нихъ гнетущее страданье...

Нашъ добрый совѣтъ автору—не собирать разбрасываемыхъ по газетамъ стихотвореній въ сборники, которые такъ невыгодно подчеркиваютъ отсутствіе поэзіи тамъ, гдѣ ея нѣтъ. *Вл. Кр.*

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики.—*Скартаццини.* „Данте“.

А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ Т. II, выпускъ I. Спб. 1905. Стр. 357. Цѣна 1 р. 75 к. Въ предисловіи къ I тому «Литературныхъ характеристикъ» (Спб. 1903 г.) проф. Бороздинъ заявилъ, что «обстоятельная, строго-научная исторія нашей литературы XIX вѣка пока составляетъ задачу, можетъ быть, не особеннаго близкаго будущаго. Для такой работы,—говорится дальше,—мы не обладаемъ еще достаточнымъ количествомъ матеріала, такъ какъ многіе источники хранятся въ недоступныхъ оффиціальныхъ и частныхъ архивахъ, прямо являются секретомъ для изслѣдователей; кромѣ того, требуется много частныхъ подготовительныхъ работъ, потому что безъ систематическаго обзора исторіи журналистики, безъ обстоятельнаго выясненія иноземныхъ вліяній, безъ изученія той обстановки, въ которой приходилось дѣйствовать нашимъ писателямъ, всякіе общіе выводы будутъ только гадательными; наконецъ, чуть ли не самымъ важнымъ препятствіемъ для составленія исторіи русской литературы истекшаго вѣка слѣдуетъ считать невозможность объективнаго отношенія къ ея явленіямъ послѣднихъ десятилѣтій».

Вмѣсто полной исторіи русской литературы XIX вѣка, проф. Бороздинъ предлагаетъ обширный сборникъ «литературныхъ характеристикъ», посвященныхъ наиболѣе выдающимся литературнымъ дѣятелямъ прошлаго вѣка, начиная съ Карамзина и кончая г. Леонидомъ Андреевымъ. Въ первомъ томѣ говорится о Карамзинѣ, Жуковскомъ, Крыловѣ, Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ, Рылѣевѣ, Бестужевѣ, Полевомъ, Лермонтовѣ, Гоголѣ, Дельвигѣ, Языковѣ и Баратынскомъ. Въ первомъ выпускѣ II тома, кромѣ крупныхъ статей: «Бѣлинскій и послѣдующее развитіе русской критики» и «Семья Аксаковыхъ», помѣщены небольшія статьи о Герценѣ, Грановскомъ, Кавелинѣ, Иванѣ Кирѣевскомъ, Хомяковѣ, Юріи Самаринѣ и Ник. Данилевскомъ. Уже въ этомъ перечисленіи именъ можно указать нѣкоторые пробѣлы; напримѣръ, есть Дельвигъ и Н. Данилевскій, а нѣтъ Батюшкова, Кольцова и Чаадаева. Несравненно болѣе важнымъ недостаткомъ книги проф. Бороздина является неполнота большей части его литературныхъ характеристикъ. Такъ, въ статьѣ о Карамзинѣ говорится только о его «литературныхъ и общественныхъ взглядахъ», Бестужевъ-Марлинскій охарактеризованъ только, какъ литературный критикъ, въ статьѣ о Гоголѣ разбираются одни его взгляды на творчество; въ статьяхъ о Герценѣ, Кавелинѣ и Самаринѣ излагается исключительно ихъ отношеніе къ крестьянскому вопросу, о К. Аксаковѣ сообщаются одни его политическіе взгляды, и то насколько они выразились въ «Запискѣ о внутреннемъ состояніи Россіи», о Хомяковѣ мы узнаемъ только его взгляды на отношеніе Россіи къ Западу. Цѣльныхъ очерковъ, знакомящихъ, хотя и кратко, съ жизнью и всею литературною дѣятельностью даннаго писателя, въ книгѣ проф. Бороздина очень немного. Самый подробный и обширный изъ нихъ посвященъ Ивану Аксакову

(стр. 189—290). Заслуживаетъ вниманія и очеркъ жизни и литературной дѣятельности Чернышевскаго, вставленный въ статью о развитіи русской критики. Даже въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, которыя были намѣчены для нѣкоторыхъ очерковъ, проф. Бороздинъ не всегда использовалъ весь имѣющійся матеріалъ, напримѣръ, въ статьѣ «Герценъ и крестьянскій вопросъ» и особенно въ статьѣ «Самаринъ и освобожденіе крестьянъ». Изъ многочисленныхъ трудовъ Самарина по крестьянскому вопросу въ этой статьѣ излагается одна только его записка «О крѣпостномъ состояніи».

Авторъ «литературныхъ характеристикъ» не склоненъ придавать имъ особаго значенія. «Можетъ быть,—говоритъ онъ въ предисловіи къ I тому,—въ этой книгѣ найдетъ для себя кое-что и спеціалистъ, для читателя же не спеціалиста мои «характеристики», можетъ быть, послужатъ пособіемъ къ тому, чтобы разобраться въ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ нашего литературнаго развитія». Дѣйствительно, спеціалистъ очень немного извлечетъ изъ этихъ очерковъ, составленныхъ на основаніи печатнаго матеріала и очень часто ограничивающихся изложеніемъ тѣхъ или иныхъ взглядовъ писателя. Нѣкоторые очерки почти сплошь составлены изъ цитатъ. Такъ, въ статьѣ о Хомяковѣ изъ тринадцати страницъ проф. Бороздину принадлежитъ всего полторы страницы. Спеціалистъ, конечно, предпочтетъ знакомиться съ интересующими его взглядами того или другого писателя на основаніи его сочиненій, но для обыкновеннаго читателя умѣлый подборъ цитатъ изъ малочитаемыхъ и не всегда доступныхъ сочиненій представляетъ несомнѣнную цѣнность.

Особое мѣсто въ книгѣ проф. Бороздина занимаетъ небольшая замѣтка «И. С. Аксаковъ и петербургскіе студенты восьмидесятыхъ годовъ». Здѣсь приведено очень цѣнное письмо Аксакова, гдѣ говорится о взаимныхъ отношеніяхъ «народниковъ» и славянофиловъ. По мнѣнію Аксакова, народники «раздѣляются отъ славянофиловъ цѣлою бездною. Славянофильство не мыслится внѣ религіозной почвы, внѣ христіанскаго идеала. «Народники» стоятъ на почвѣ позитивизма, сворачивая то въ матеріализмъ, то въ какой-то особаго рода нелѣпый мистицизмъ. Они путаютъ страшно и скорѣе готовы, будутъ, я думаю, отречься и отъ русской народности, чѣмъ признать ее, какъ она есть, съ ея духовною, неразлучною съ вѣрою во Христа, субстанціей!.. Овладѣвая всѣмъ тѣмъ, что внесло славянофильство въ общественное сознаніе въ теченіе 40 лѣтъ, эти господа стараются вылущить изъ славянофильства, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ души народной самую сущность, божественную сущность. Пустите ихъ въ народъ—они, привлекая къ себѣ сочувствіе народное казистою заботою объ его матеріальныхъ интересахъ, будутъ стремиться въ то же время, такъ сказать, обезбожить народъ, т.-е. подорвать самый основной нервъ духа, самую ту силу, о которой живъ народъ и безъ которой немыслимо никакое плодотворное, нравственное рѣшеніе самихъ соціальныхъ задачъ» (с. 294). Письмо это, несомнѣнно, имѣетъ цѣнное историческое значеніе.

С. Ашевскій.

I. Скартаццини. Данте. Переводъ О. А. Введенской. Подъ редакціей и со вступительной статьей проф. Спб. Высшихъ Женскихъ Курсовъ Д. К. Петрова. (Изданіе общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на Спб. Высшихъ Женскихъ Курсахъ).—1905 г.—Цѣна 1 руб. 20 коп. Имя Скартаццини, одно изъ крупнѣйшихъ современныхъ изслѣдователей Данте, автора такихъ трудовъ, какъ знаменитая Enciclopedia Dantesca и большой комментаріи къ Божественной Комедіи *), достаточно давно извѣстно даже русскому читателю, что-бы служить ручательствомъ за научную цѣнность не-

---

*) Ему-же принадлежатъ: „Abhandlungen über Dante Alighieri“. Frankf., 1880. „Dante in Germania“. Mil., 1883. „Dantehandbuch“. Leipz., 1892 и др. (См.: F. X. Kraus. „Dante“, библіографію).

большой книги, переведенной въ настоящее время на русскій языкъ. Задача послѣдней, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи—«въ краткомъ очеркѣ познакомить общество съ жизнью и литературною дѣятельностью великаго поэта». Насколько такая задача даже для Скартаццини должна была явиться сложною и трудною—можетъ себѣ представить всякій, кому приходилось имѣть дѣло съ твореніями Данте; кто хоть разъ заглянулъ въ этотъ грандіозный міръ, ошеломляющій своимъ неисчерпаемымъ богатствомъ каждаго, впервые подходящаго къ нему. Геній, стоявшій на рубежѣ двухъ великихъ эпохъ въ духовной исторіи человѣчества и воплотившій въ своемъ творчествѣ всѣ сокровища духа отживавшей эпохи и всѣ животворящія начала эпохи грядущей, всѣ итоги прошлаго и всѣ залоги будущаго; геній, который кристализировалъ въ своихъ произведеніяхъ все, чѣмъ жилъ современный ему міръ съ его религіей, наукой, политикой, искусствомъ, съ его соціальными и историческими условіями, и присоединилъ къ этому другой необозримый міръ собственнаго духа—духа великаго поэта и великаго страдальца, строгаго мыслителя и пылкаго гражданина, и гордаго, страстнаго, любящаго, высоко нравственнаго и чистаго *человѣка*... Вотъ что такое Данте, и о чемъ приходится говорить автору, стремящемуся познакомить своихъ читателей съ творцомъ безсмертной эпопеи міра и человѣка. Поскольку это возможно въ небольшомъ трудѣ—это дѣлаетъ Скартаццини, излагая въ рядѣ сжатыхъ, краткихъ главъ исторію развитія творчества Данте и попутно разсказывая его біографію въ связи съ историческими и культурными условіями среды.

Что появленіе на русскомъ языкѣ подобнаго сочиненія о Данте въ высшей степени желательно, это съ полнымъ правомъ указываетъ Д. К. Петровъ въ своей вступительной статьѣ. Напрасно только онъ смягчаетъ выраженія и настаиваетъ на «несомнѣнномъ интересѣ» русскаго читателя, по крайней мѣрѣ, къ Божественной Комедіи. Русскій читатель, за единичными исключеніями, Данте не знаетъ; и Божественной Комедіи не знаетъ такъ-же, какъ и всего остальнаго. И въ этомъ онъ лишь отчасти виноватъ. Научная литература о Данте въ Россіи отличается крайнею бѣдностью, чтобы не сказать болѣе. Сколько-нибудь капитальныхъ *русскихъ* трудовъ о Данте не существуетъ; изъ капитальныхъ иностранныхъ трудовъ переведены только принадлежащіе Симондсу и Вегеле, о недостаточности которыхъ вполнѣ основательно говоритъ и Д. К. Петровъ. Объ руку съ недостаткомъ научныхъ сочиненій идетъ отсутствіе вполнѣ удовлетворительныхъ русскихъ переводовъ Данте. Полныхъ переводовъ Vita Nuova, Convivio, трактатовъ, лирическихъ стихотвореній—до сихъ поръ нѣтъ. *Дѣйствительно хорошаго* перевода Божественной Комедіи тоже нѣтъ,—обстоятельство, въ которомъ нужно же, наконецъ, сознаться, хотя-бы потому, что имъ оправдывается отчасти нерадивость русскихъ читателей въ знакомствѣ съ великою поэмою. Давно пора было бы откровенно заявить, что считающійся лучшимъ переводъ—Мина (исполненный, однако, съ французскаго перевода) при многихъ достоинствахъ страдаетъ и существенными недостатками: неудобочитаемостью, въ виду неуклюжей архаичности формы почти на всемъ протяженіи поэмы. Эта неудобочитаемость особенно дѣйствуетъ на неподготовленнаго читателя, на котораго наводитъ утомленіе и равнодушіе. Конечно, приходится и поневолѣ на него ссылаться, но жаль дѣлается вчужѣ читателя, приступающаго впервые къ изученію Божественной Комедіи и, вмѣсто могучихъ, звучныхъ и плавныхъ терцинъ Алигіери—принужденнаго почти все время имѣть дѣло съ неповоротливымъ, громоздкимъ стихомъ, утомляющимъ архаизмами и непривычнымъ словоупотребленіемъ *).

*) Для читателя, знающаго нѣмецкій языкъ, въ настоящее время лучше всего знакомиться съ Божественной Комедіей по нѣмецкимъ переводамъ, среди которыхъ есть дѣйствительно прекрасные, приближающіеся къ совершенству подлинника. Можно указать хотя-бы переводы Похгаммера, Шлегеля и др.

Въ виду всего сказаннаго является необходимымъ, говоря о книгѣ Скартаццини, подчеркнуть одно обстоятельство, недостаточно выдвигаемое Д. К. Петровымъ: эта книга, несмотря на небольшой объемъ и доступную форму, пригодна *не для всякаго*; она требуетъ предварительныхъ знаній объ эпохѣ и культурной средѣ Данте *) и безусловно предполагаетъ знанія его произведеній, такъ какъ длинныхъ цитатъ и пересказовъ Скартаццини избѣгаетъ. Главное неудобство для неподготовленнаго читателя заключается въ томъ, что Скартаццини, въ цѣломъ рядѣ спорныхъ вопросовъ современной дантологіи, высказываетъ рѣзко и опредѣленно собственное мнѣніе, иногда не приводя даже существующихъ противъ него аргументовъ. Ни объемъ, ни планъ работы не позволяли ему поступать иначе, но для читателя, незнакомаго съ вопросомъ, нѣтъ возможности разобраться въ спорности или, тѣмъ паче, въ ошибочности тѣхъ или другихъ положеній. Таковы, напримѣръ, мнѣнія Скартаццини о личности donna pietosa (s. 61 подлинника, Ausg, Berlin., 1896), о причинахъ незаконченности Convivio (s. 94) о самомъ характерѣ Данте (ss. 95, 171), объ эволюціи его духовной физіономіи и др. Во всѣхъ этихъ вопросахъ неподготовленному читателю приходится довольствоваться собственнымъ критическимъ даромъ или слѣпо подчиниться авторитетному—но, во всякомъ случаѣ, не рѣшающему—голосу Скартаццини. На это затрудненіе обращаетъ вниманіе и Д. К. Петровъ, хотя едва-ли можно одобрить дѣлаемые имъ на этомъ основаніи (незначительные, впрочемъ) пропуски на стр. 31 и 200. Оговорки въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ были-бы желательнѣе. Умѣстны были бы и указанія на новѣйшую литературу о Данте и восполненіе недочетовъ Скартаццини.

Книга переведена хорошо. Мѣстами только замѣтна нѣкоторая натянутость въ формѣ и излишняя многорѣчивость.

То-же слѣдуетъ сказать и о вступительной статьѣ проф. Петрова, не претендующей на особую глубину или оригинальность, но написанной содержательно и живо. Мѣстами она, пожалуй, заслуживаетъ упрека въ излишней живости—граничащей съ хаотичностью и съ нѣсколько удивляющею читателя беззаботностью по отношенію къ сложнымъ вопросамъ современной науки о Данте. Но этотъ упрекъ примѣнимъ лишь къ отдѣльнымъ страницамъ. Въ общемъ, статья имѣетъ безспорную цѣнность и свидѣтельствуютъ о горячемъ воодушевленіи автора по отношенію къ его задачѣ: знакомству русскаго общества съ Данте.

Книга издана довольно изящно и снабжена хорошимъ снимкомъ съ фрески Джотто (послѣ реставраціи 1840 г.). *С.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

С. М. Житковъ. „Когда Россія побѣдитъ Японію“?

С. М. Житковъ. Когда Россія побѣдитъ Японію? СПБ. 1905 г. «Каждому времени свой мужъ потребенъ», говоритъ Щедринъ, и наше странное причудливое время выдвинуло на разныхъ поприщахъ жизни въ числѣ другихъ «мужей»

*) Въ частности знакомство съ исторіей и культурой *Флоренціи въ эпоху Данте*, русскій читатель можетъ получить—кромѣ общихъ сочиненій—изъ замѣчательнаго труда проф. И. М. Гревса, печатающагося въ настоящее время въ видѣ ряда статей въ журналѣ „Научное Слово“ и озаглавленнаго „Очерки флорентійской культуры“. Пока напечатаны еще только первыя главы, интересныя съ научной точки зрѣнія и мѣстами полныя истинной прелести съ точки зрѣнія художественной.

Поприщина. «Я, С. М. Житковъ, есть одно изъ тѣхъ великихъ существъ, которыхъ Провидѣніе удостоило своей безграничной милости съ цѣлью дать не только моей возлюбленной родинѣ, но всему міру въ физической, матеріальной области, великолѣпное и непреходящее. Необходимость появленія генія въ Россіи въ настоящую минуту мнѣ представляется по такимъ соображеніямъ. Проявленіе геніальной мысли за послѣднія двѣсти лѣтъ мнѣ представляется, какъ колебаніе маятника. Въ первыя сто лѣтъ движеніе было вверхъ, а въ послѣдующія сто лѣтъ оно идетъ обратно. Впередъ было таково: Петръ I Великій—Фридрихъ-Великій—Наполеонъ. На Наполеонѣ переломъ и начинается обратное движеніе маятника: Наполеонъ—Бисмаркъ—Я. Изъ этого видно, что и по времени, и по мѣсту непремѣнно въ Россіи долженъ явиться геній. Почему же таковымъ геніемъ долженъ быть я, С. М. Житковъ, которымъ изобрѣтена формула денежнаго обращенія?» Потому, отвѣчаетъ авторъ, что «мѣсто, время и видъ дѣйствія совершенно опредѣляютъ появленіе моей геніальной формулы, въ которой геніально проявляется мысль финансовая». Для большей внушительности книга открывается тремя портретами: на верху портретъ дѣйствительнаго статст. сов. С. М. Житкова, внизу — Моисея и Наполеона.

Что это? Шутка или проявленіе безумія, mania grandiosa? Приложенъ, между прочимъ, въ концѣ книги списокъ трудовъ инженера путей сообщенія С. М. Житкова, какъ то: «Правила составленія смѣтъ по вѣд. путей сообщ.». «Біографіи инжен. пут. сообщ.» и т. п. Нѣкоторыя выдержали даже второе изданіе.

Прочитавъ эту странную брошюру, видишь, что у автора здравыя мысли перемежаются безумными скачками и самыми нелѣпыми утвержденіями, образчики которыхъ мы выписали выше. «Геніальная» мысль его заключается въ томъ, что для побѣды надъ Японіей надо закрыть вывозъ изъ Россіи, а ввозить все. Дѣло въ томъ, что наша финансовая политика, со временъ Вышнеградскаго, руководствуется невѣрнымъ и безсмысленнымъ положеніемъ: «сами не будемъ ѣсть, а будемъ вывозить». Превышеніе вывоза надъ ввозомъ считалось и считается нашими государственными финансистами самымъ важнымъ въ финансовой политики, чѣмъ министры финансовъ всегда хвастали и хвастаютъ въ своихъ годовыхъ смѣтахъ и отчетахъ. Результатомъ явилось полное обнищаніе государства, доведеннаго до такой слабости, что какая-нибудь ничтожная Японія можетъ насъ бить. Отсюда выводъ: надо дѣйствовать обратно, ничего не вывозить, а все ввозить, или, какъ категорически вѣщаетъ авторъ: «необходимо безотлагательно воспретить отпускъ изъ Россіи рѣшительно всѣхъ продуктовъ, безъ всякихъ исключеній, рѣшительно всего, что можетъ быть вывезено, что можетъ быть вывезено или отпущено, и чѣмъ могутъ воспользоваться наши противники».

Какъ видимъ, изъ вѣрнаго положенія о несостоятельности нашей государственной финансовой политики авторъ путемъ безумнаго скачка пришелъ къ дикой мысли о закрытіи всякаго вывоза. Авторъ упустилъ одно только изъ виду, что если мы прекратимъ вывозъ, то къ намъ прекратится и ввозъ, ибо даромъ ничего не даютъ. Но его геніальность выше подобныхъ мелочныхъ соображеній, ибо онъ думаетъ, что войну можно вести и «бумажными безпроцентными деньгами, выпуская ихъ милліарды». Что бумажекъ можно дѣлать, сколько угодно, это мы давно знаемъ. Но увы! даже «процентныя бумажки» наши и то плохо принимаютъ, а что-же будетъ съ безпроцентными? А для чего же «геніальная формула» С. М. Житкова?—гордо отвѣчаетъ авторъ и продолжаетъ: «Я изобрѣлъ формулу, примѣняя которую на практикѣ, государство, для удовлетворенія своихъ нуждъ, можетъ выпускать безграничное количество безпроцентныхъ мѣновыхъ знаковъ (кредитныхъ билетовъ), сохраняя ихъ равноцѣнность съ золотомъ». Вотъ онъ философскій камень, котораго

такъ тщетно искали алхимики! Но зачѣмъ тогда и вывозъ прекращать? Лишняя только забота. Въ брошюрѣ причудливо перемѣшаны вѣрныя хотя, и общеизвѣстныя, азбучныя истины—о просвѣщеніи, о связи общаго развитія страны съ постановкой военнаго дѣла, и проч.—съ курьезными выходками о геніальности автора, о новой безвывозной политикѣ, объ уничтоженіи Японіи косвеннымъ повышеніемъ цѣнъ на всѣ продукты. Читая эту курьезную брошюру, невольно все время видишь образъ злополучнаго Поприщина, витающій въ пространствѣ. Да, геніальный былъ писатель Гоголь!.. *А. Б.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Экономическое ученіе Маркса".—*А. Миклашевскій.* „Стачки и соціальный вопросъ".—*А. Б. Скаржинскій.* „Забастовки и рабочія сотоварищества".—*В. Н. Кологаевъ.* „Забастовки и заработная плата".

Экономическое ученіе К. Маркса въ изложеніи Карла Каутскаго. Книгоиздательство «Молотъ». Одесса. 1905. Цѣна 75 коп. Въ началѣ главной цѣлью этого труда, говоритъ Каутскій въ одномъ изъ предисловій къ нѣмецкому изданію, было облегчить изученіе ученія Маркса для «говорящей понѣмецки части пролетаріата». Затѣмъ, какъ показалъ опытъ и успѣхъ его книги, это сочиненіе сдѣлалось необходимымъ руководствомъ для пролетаріата, говорящаго и на другихъ языкахъ. Можетъ быть, въ виду указанной цѣли, нарочитой популяризаціи «капитала» Маркса, книга Каутскаго до сихъ поръ была у насъ подъ запретомъ, и только теперь увидѣла «легальный» свѣтъ. Догадка эта имѣетъ основаніе въ томъ фактѣ, что самъ «Капиталъ» давно обращается среди русскихъ читателей.

Но послѣднее обстоятельство далеко не исключало настоятельной потребности въ появленіи «экономическаго ученія К. Маркса въ изложеніи Карла Каутскаго». У насъ, среди, такъ называемой, широкой публики, много говорятъ о Марксѣ, много спорятъ о Марксѣ, разбиваютъ, исправляютъ и дополняютъ Маркса, но многіе ли читали «Капиталъ», а изъ тѣхъ, кто читалъ, многіе ли понимаютъ эту великую книгу? Были у насъ «марксята», клянущіеся именемъ невѣдомаго бога—Маркса, затѣмъ появились и бернштейніанцы, разрушители Маркса, о которыхъ намъ вспоминается злое, но въ значительной части—мѣткое выраженіе, что это «всѣ не читавшіе Маркса». И, какъ бы вѣнчающая всю эту массу читателей фигура, въ нашей памяти встаетъ фигура одного юркаго оратора изъ столичныхъ собраній, который, побивая Маркса Бернштейномъ, тутъ же признался, что и Бернштейна то не читалъ!.. Правда, онъ не имѣлъ успѣха.

Нельзя не признать, что «Капиталъ»—труденъ для пониманія. Но причина этого, какъ справедливо говоритъ Каутскій, лежитъ не въ самомъ сочиненіи, которое написано удивительно *яснымъ* языкомъ и такъ *популярно*, какъ, можетъ быть, никакая другая книга, а опять-таки въ томъ же самомъ читателѣ. «Капиталъ» предполагаетъ въ читателѣ знаніе историческихъ фактовъ. Его самыя общія теоретическія положенія имѣютъ корни въ опредѣленной исторической почвѣ, которая все же остается скрытой отъ читателя. Отъ этого то зависитъ двоякій эффектъ, производимый «Капиталомъ». Съ одной стороны, на поверхностный и неподготовленный умъ онъ производитъ впечатлѣніе чрезвычайно отвлеченной системы экономическихъ понятій и категорій, развивающихся *логически* или даже при помощи мистической діалектики. Съ другой стороны, всякій, не упускающій изъ виду всей полноты исторической обстановки, видитъ въ «Капиталѣ» *органически* растущую систему обще-

ственныхъ отношеній. Все увеличивающееся съ теченіемъ исторіи усложненіе соціальной жизни, съ ея плотью и кровью, соотвѣтственно все полнѣе и яснѣе выражается въ органическомъ обогащеніи системы Маркса, въ болѣе полномъ раскрытіи ея законовъ. Въ этомъ смыслѣ «Капиталъ» можно назвать глубоко-художественнымъ произведеніемъ и, дѣйствительно, стройность и гармонія всѣхъ его частей, жизнь, одушевляющая всѣ его самыя отвлеченныя формулы, даютъ не забываемое впечатлѣніе красоты, перла художественнаго творенія.

Дать руководящую нить изученію «Капитала» Маркса,—эта задача Каутскаго, такимъ образомъ, претворяется въ самыхъ существенныхъ чертахъ въ необходимость очевиднѣе связать каждое положеніе экономическаго ученія Маркса съ соотвѣтствующей исторической обстановкой. Уже отсюда становится понятнымъ, что его популяризація «Капитала» не есть фотографія, повторяющая оригиналъ въ уменьшенномъ масштабѣ. «Изложеніе» Каутскаго — это его собственная картина, достоинства которой давно оцѣнены пролетаріатомъ всѣхъ странъ. И въ Россіи, несмотря на «независящія обстоятельства», книга Каутскаго уже достаточно времени извѣстна, чтобы распространяться здѣсь объ ея характерѣ и значеніи.

Къ нашему удивленію, въ русскомъ переводѣ почему то выброшено нѣсколько заключительныхъ строкъ оригинала, хотя онѣ не заключаютъ ничего «такого», сравнительно со всѣмъ изложеніемъ. Въ нихъ идетъ рѣчь только о немногихъ, самыхъ общихъ выводахъ, какіе сами собою напрашиваются у мало-мальски внимательнаго читателя, о томъ единственномъ пути, на которомъ можетъ осуществляться прогрессъ общества. Все это формулы объ обобществленіи производства и пр.,—выраженія опять-таки всѣмъ извѣстныя, и не было никакой разумной необходимости устранять ихъ изъ русскаго перевода.

Л. Б.

Проф. А. Н. Миклашевскій. Стачки и соціальный вопросъ. Право стачекъ. Спб. 1905. Ц. 30 к. Небывалое до сихъ поръ развитіе стачекъ нашло свое отраженіе и въ русской литературѣ. По причинамъ, о которыхъ распространяться едва ли нужно, свободно высказаться могла лишь одна сторона, но, увы, одной свободы слишкомъ мало для того, чтобы создать что-нибудь достойное вниманія. Правда, книжечка проф. Миклашевскаго, представляющая оттискъ его статьи въ «Вѣст. Пр.» является пріятнымъ исключеніемъ.

Проф. Миклашевскій даетъ сравнительный очеркъ законодательствъ о стачкахъ европейскихъ государствъ и только мимоходомъ, въ послѣдней главѣ, касается вопросъ о примирительныхъ учрежденіяхъ.

Заключенія, къ которымъ приходитъ проф. Миклашевскій, формулированы имъ самимъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Право стачекъ въ частно-капиталистической системѣ должно быть предоставлено договаривающимся сторонамъ, какъ необходимое средство для законной защиты своихъ интересовъ. Всякія уголовныя наказанія за стачки во всѣхъ отрасляхъ промышленности и общественнаго служенія не согласуются съ этимъ неотъемлемымъ правомъ защиты своихъ интересовъ путемъ обдуманныхъ и солидарныхъ дѣйствій.

2. Всякое лицо, участвующее въ стачкѣ, должно отвѣчать въ порядкѣ уголовномъ только за такія дѣйствія, которыя могутъ быть вмѣнены ему въ вину и вызываютъ наказаніе, если совершеніе ихъ преступно и для единичнаго лица. Уголовное уложеніе не должно давать никакихъ неопредѣленныхъ формулъ, могущихъ служить основаніемъ для истолкованія нарушеній свободы труда и промысла ко вреду рабочаго сословія, какъ наиболѣе слабой стороны въ правовой борьбѣ труда и капитала.

3. Имущественная отвѣтственность рабочихъ союзовъ, принимающихъ участіе въ стачкахъ, не согласуется съ правомъ стачекъ.

4. Стачка не должна разсматриваться, какъ прекращеніе договора, безъ предувѣдомленія въ установленный срокъ, со стороны предпринимателей или рабочихъ, объ окончательномъ желаніи прекратить этотъ наличный договоръ.

5. Право стачекъ получаетъ полное и нормальное осуществленіе лишь при полной легализаціи рабочихъ союзовъ, какъ временныхъ и постоянныхъ организацій, для защиты своихъ интересовъ.

Ко времени появленія статьи, автору была еще, къ сожалѣнію, неизвѣстна записка нашего Министерства Финансовъ и законопроектъ, «объ измѣненіи карательныхъ статей закона, касающихся стачекъ и досрочнаго расторженія договора найма», внесенный въ коммиссію Коковцова и уже появляющійся въ третьей передѣлкѣ. Критика этого законопроекта была бы здѣсь очень на мѣстѣ, равно какъ и отвѣтъ (положенія 3 и 4 автора) на связанныя съ нимъ вожделѣнія гг. русскихъ предпринимателей. *В. Ш.*

Л. Б. Скаржинскій (членъ постоян. бюро междунар. съѣзд. соціальн. страх. и парижск. социологич. общ.). Забастовки и рабочія сотоварищества. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к. Книга г. Скаржинскаго представляетъ объемистое «изслѣдованіе» въ цѣлыхъ 400 стр. Все поражаетъ въ этой книгѣ, и прежде всего внѣшность: шрифтъ, какимъ печатаютъ букварм, еще болѣе крупныя и жирныя названія главъ и параграфовъ, очень громкія и заманчивыя, но, увы, далеко несоотвѣтствующія содержанію; масса опечатокъ, невѣроятное количество никому ненужныхъ иностранныхъ словъ, написанныхъ русскими буквами, какъ напр.: геверкшафты, гевербегерихты, бейзицендеры и т. п., наконецъ, невѣроятный языкъ. Никто не вправѣ требовать, чтобы г. Скаржинскій писалъ классическимъ языкомъ, но все же можно бы поискать какую-нибудь дружескую редакторскую руку, раньше чѣмъ выпускать въ свѣтъ книгу. Каждая глава снабжена многочисленными ссылками на литературу; но просматривая источники г. Скаржинскаго, удивляешься не столько ихъ бѣдности, сколько односторонности: о какой бы странѣ (кромѣ Германіи) ни писалъ авторъ, онъ пользуется почти исключительно французскими работами, и изъ французскихъ выбираетъ типичныхъ буржуазныхъ писателей, какъ Leroy-Beaulieu, de-Seilhac, Mabilleau и др.; и всѣхъ ихъ г. Скаржинскій производитъ въ знаменитости: «извѣстный проф. Мабильо», «извѣстный экономистъ Надо», «знаменитый парижскій проф. Шейсонъ» и т. д.

Но и помимо подбора литературы симпатіи автора проявляются на каждой страницѣ. «Знаменитый» Леонъ-де-Сейльякъ пишетъ, что «главной основой правильныхъ и мирныхъ отношеній между рабочими и работодателями прежнихъ временъ были непосредственныя отношенія между рабочими и работодателями»; современныя условія производства порвали эти «патріархальныя связи, а потому, думаетъ г. Скаржинскій, «найти способъ сближеніе рабочаго съ работодателемъ и работодателя съ рабочимъ, среди современныхъ условій труда, должно было, кажется, быть задачей всѣхъ мѣропріятій, клонящихся къ умиротворенію внутреннихъ отношеній промышленнаго міра» (стр. 19). И потому авторъ съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ всякій разъ проникновеніе въ рабочую среду идеи классового антагонизма; говоря о развитіи въ Германіи Гиршъ-Дункеровскихъ товариществъ, авторъ прибавляетъ: «къ сожалѣнію, одновременно начали возникать и соціалъ-демократическіе рабочіе союзы, такъ называемые «геверкшафты», основанные по иниціативѣ Фритше и Швейцера»; «къ сожалѣнію, соціалистическія ученія слишкомъ глубоко пронизали эти синдикальныя палаты», читаемъ мы на стр. 84, и многія новооткрытыя палаты труда примкнули къ соціалистическимъ союзамъ. Пришлось опять вернуться къ репрессивнымъ мѣрамъ и закрытію только что открытыхъ синдикальныхъ палатъ. Понятны будутъ и симпатіи автора къ итальянскому рабочему, въ характеристикѣ—увы, давно уже устарѣвшей—«извѣстнаго» Мабильо:

«Во Франціи, писалъ Мабильо, рабочее движеніе преслѣдовало не только соціальные, но и политическія цѣли... Итальянскій же рабочій стремится къ достиженію совершенно иныхъ задачъ: онъ не ищетъ политическаго вліянія, не стремится къ побѣдѣ надъ другими классами, даже не ищетъ равновѣсія между трудомъ и капиталомъ: ему нужно только имѣть возможность существовать». Это ли не идеалъ, съ точки зрѣнія котораго парижская коммуна—это «ужасы владычества безсовѣстныхъ субъектовъ, не стѣснявшихся, для собственной выгоды, пользоваться услугами подонковъ общества»!

Однако, пора оставить автора съ его симпатіями и перейти къ тому, что можетъ дать книга. Къ сожалѣнію, очень немного. Для каждой страны авторъ даетъ исторію рабочаго законодательства или исторію рабочаго движенія,—какъ придется,—изложеніе законодательства о рабочихъ союзахъ—сотовариществахъ, по терминологіи автора—и «примирительныхъ установленіяхъ». Въ историческихъ очеркахъ читатель сталъ бы напрасно искать какой-либо связи событій: это случайный наборъ фактовъ и датъ, представляющій совершенно безполезный балластъ книги; какъ пишетъ авторъ исторію, лучшимъ примѣромъ можетъ служить глава о Россіи, о которой мы скажемъ ниже. Очерки современнаго положенія законодательства могутъ быть полезны развѣ только переводами отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ: остальное все страдаетъ какой-то недодѣланностью и торопливымъ наваливаніемъ одного на другое: статистики союзовъ на статистику стачекъ, отдѣльныхъ законовъ на описанія дѣятельности отдѣльныхъ учрежденій и союзовъ и т. д.

Россіи посвящено 150 стр., т.-е., болѣе трети книги: это сплошь перепечатка разныхъ указовъ, манифестовъ, объявленій с.-петербургскаго градоначальника, разныхъ записокъ фабрикантовъ, описаніе событій 9 января, въ передачѣ «Новаго Времени», законопроэктовъ министерства финансовъ (почему-то—о страхованіи, а не о стачкахъ и союзахъ) и т. п. Все это матеріалъ, конечно, очень любопытный, а главное, очень объемистый и дешевый для автора, правда: покупатель платитъ за книгу 2 р. 50 к. Перепечатки склеены нѣсколькими словами автора, устанавливающими связь между событіями по методу «въ огородѣ бузина». Послѣ описанія событій 9-го января, перепечатки объявленія спб. генералъ-губернатора, заявленія петербургскихъ фабрикантовъ, авторъ безъ передышки повѣствуетъ: «однимъ изъ послѣдствій подавленія войсками рабочихъ демонстрацій было сильное возбужденіе населенія столицы противъ военныхъ, проявившееся даже въ нападеніяхъ противъ военныхъ. Вслѣдъ за этимъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» появилась телеграмма Латинскаго агентства, руководимаго...» и т. д. «Съ цѣлью успокоить населеніе, свой голосъ подалъ и Святѣйшій Синодъ, объявивъ слѣдующее воззваніе»—(слѣдуетъ текстъ онаго), затѣмъ пріемъ рабочихъ въ Царскомъ Селѣ и рѣчь Государя, потомъ пріемъ рабочихъ экспедиціи государственныхъ бумагъ и... «вслѣдъ за этими событіями, Россія была встревожена вѣстью о трагической кончинѣ В. К. Сергѣя Александровича, убитаго среди памятниковъ древняго Кремля бомбой анархиста 4 февраля въ 3 ч. дня. Разрушительное дѣйствіе бомбы было столь ужасно»... и т. д. И сейчасъ же послѣ этого описанія слѣдуетъ: «еще до этого несчастья, для разсмотрѣнія быта рабочихъ условій было объявлено слѣдующее оффиціальное сообщеніе» — и новыя перепечатки и т. д. и т. д. Таковы историческіе таланты г. Скаржинскаго... *В. Рыжовъ.*

В. П. Колобаевъ. Забастовки и заработная плата. Харьковъ. 1905 г. Ц. 10 коп. На 32 маленькихъ страничкахъ (это самая симпатичная сторона произведенія г. Колобаева) авторъ хочетъ убѣдить рабочихъ во вредѣ стачекъ. «Ни для кого не тайна, начинаетъ авторъ, что забастовки происходятъ подъ вліяніемъ небольшой части рабочихъ», сильныхъ своей сплоченностью и привлекающихъ къ себѣ массу «глубоко засѣвшей въ нихъ увѣренностью въ

томъ, что только дѣйствуя сплоченно, дружно, не отступая ни на шагъ въ борьбѣ съ капиталомъ, они смогутъ, наконецъ, улучшить свое матеріальное положеніе» (5). А кому бы этого не хотѣлось? «Улучшить экономическій бытъ всей совокупности рабочихъ—вотъ цѣль, ради которой устраиваются забастовки, для достиженія которой сплоченное меньшинство не жалѣетъ своихъ силъ, не щадитъ своего благополучія. Нельзя не отнестись съ глубокимъ уваженіемъ къ такимъ стремленіямъ», льетъ крокодиловы слезы г. Колобаевъ: «Ставить такія цѣли и отдаваться беззавѣтно достиженію ихъ могутъ только дѣйствительно хорошіе люди. И можно только искренно пожалѣть, что на долю такихъ людей выпадаетъ такъ много огорченій и неудачъ. Но мы лишь тогда поймемъ весь трагизмъ положенія этихъ лицъ, когда убѣдимся, что всѣ тѣ усилія, всѣ тѣ страданія, всѣ тѣ жертвы, которыя были принесены ими ради достиженія этой цѣли, были напрасны»...

Почему—авторъ доказываетъ толкованіемъ «законовъ» «политической экономіи» (ковычки у автора): «слѣдовало бы всегда помнить, что измѣнить то, что наукою признано за «законъ» невозможно; всякая серьезная попытка въ этомъ направленіи окажется не только безрезультатной, но даже можетъ быть жестоко наказанной».

Остается, слѣдовательно, ознакомиться съ «законами».

Рабочіе требуютъ увеличенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня; послѣднее равносильно тоже увеличенію заработной платы, ибо утвержденіе, что «отъ сокращенія рабочаго дня успѣшность труда рабочихъ поднимется»—«еще не доказано, его нельзя принять какъ безспорное», какъ «законъ». Изъ какихъ же источниковъ можетъ быть удовлетворено требованіе объ увеличеніи заработной платы?—ихъ четыре. 1) Капиталъ, вложенный въ производство; но взять часть капитала, значитъ сократить производство, а это значитъ выгнать на улицу часть рабочихъ; получится, вмѣсто улучшенія положенія рабочихъ, какой-то Тришкинъ кафтанъ. 2) Заемъ?—Но занять можно тоже лишь чей-нибудь капиталъ, который могъ бы быть вложенъ въ производство, т.-е., опять гдѣ-то сократить чье-то производство и обидѣть чьихъ-то рабочихъ. 3) Повысить цѣну на товаръ и взять съ потребителя?—это можно; но потребители станутъ меньше покупать, слѣдовательно, опять сократится чье-то производство и т. д. Остается 4)—Прибыль предпринимателя. Но кто, дерзкій, рѣшится посягнуть на прибыль. Прибыль «обусловливаетъ человѣчеству возможность размножаться, улучшать матеріальную сторону существованія и удовлетворять духовные запросы» (20). «Если бы капиталъ, будучи употребленъ въ производствѣ не возросталъ... то для прироста населенія не оказалось бы необходимыхъ средствъ къ существованію и человѣчество не могло бы ни шагу двинуться впередъ по пути культурнаго развитія». Кто же рѣшится посягнуть на будущее человѣчества? Можетъ быть, можно не отнимать ужъ всей прибыли, а взять нѣкоторую толику?—Можно, конечно, отвѣчаетъ авторъ, но какой цѣной?—Цѣной сокращенія силы возрастанія капитала, ergo—производства, ergo—лишеніемъ работы другихъ рабочихъ... Вѣдь, если бы рабочіе, получивъ прибавку, не растратили ее непроизводительно, на какое-то потребленіе, а «сберегли и употребили какъ капиталъ въ производство, эта прибавка не причинила бы вреда другимъ рабочимъ, не оставила бы ихъ безъ работы и безъ заработка», а «капиталъ возросъ бы на всю ея величину и по прошествіи нѣкотораго времени вернулся бы съ прибылью и на эту часть» (25), вѣдь, «кому будетъ принадлежать капиталъ, предпринимателю или рабочему—для производства рѣшительно безразлично» (33). Предприниматели хоть сейчасъ готовы помѣняться мѣстами со своими рабочими! Но, вѣдь, эти неразумныя существа, рабочіе, едва ли согласятся прекратить разговоры объ увеличеніи заработной платы и болѣе полномъ удовлетвореніи

«личныхъ потребностей». И нашъ авторъ видитъ себя вынужденнымъ указать хоть какой-нибудь выходъ голодной арміи современныхъ вандаловъ. «Путь этотъ указанъ той же наукой, которая такъ безжалостно разбиваетъ ихъ надежды достигнуть желаемаго путемъ забастовокъ», это давно забытый покойникъ—фондъ заработной платы. Въ какомъ отношеніи стоитъ онъ къ капиталу и различнымъ составнымъ частямъ его, авторъ не говоритъ: «Фондъ—есть ничто иное, какъ часть всего капитала», и его авторъ отдаетъ на разграбленіе, но съ условіемъ. «Фондъ, предназначенный на выдачу заработной платы» растетъ вмѣстѣ съ капиталомъ. А развѣ рабочіе не могутъ ускорить возрастанія капитала, а слѣдовательно, и фонда?—спрашиваетъ авторъ.—«Конечно, могутъ, отвѣчаетъ онъ: и на это имъ слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе»,—путемъ обращенія въ производство (прибавка къ платѣ),—рецептъ чего приведенъ нами выше, въ подлинныхъ словахъ автора. А второе средство—сдержать приростъ населенія... «развѣ рабочіе не могутъ сдерживать его?» (33).

Вотъ и все. И читать пріятно, и научно все. И главное—ни отъ одного вывода не отвертишься: вездѣ «политическая экономія»—вездѣ «законы»...

В. Ш.

ФИЛОСОФІЯ.

И. Ѳоминъ. „Введеніе въ исторію философіи".—*Ф. Іодль.* Л. Фейербахъ, его жизнь и ученіе.

И. И. Ѳоминъ, Введеніе въ исторію философіи. Популярно-философскіе очерки. Съ приложеніемъ указателя книгъ по всѣмъ отдѣламъ философіи, имѣющихся на русскомъ языкѣ, а также и списка философско-литературныхъ указателей. Москва. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к. Всѣ существующія на русскомъ языкѣ «введенія» въ философію, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, по мнѣнію автора помѣченной на заглавіи книги, отличаются крупными недостатками, и поэтому недостигаютъ той цѣли, для которой они предназначались. Большинство изъ нихъ, какъ напр., работы Паульсена, Роджерса и др., представляютъ собою не введенія въ философію вообще, а введенія въ опредѣленныя философіи, почему и являются скорѣе самими философіями, чѣмъ введеніями въ нихъ. Другія изъ нихъ, какъ напр., прекрасные и объективные труды Вундта и Кюльпе, правда, избѣгаютъ, увѣряетъ авторъ, указаннаго недостатка, но къ сожалѣнію, мало пригодны для неподготовленнаго русскаго читателя, и, во всякомъ случаѣ, предполагаютъ и при томъ болѣе или менѣе основательное знакомство съ исторіею философіи. Дать такое «введеніе въ философію», которое, избѣгнувъ перваго недостатка, вмѣстѣ съ тѣмъ было бы доступно для русскаго читателя, и составляетъ назначеніе книжки Ѳомина.

Что касается популярности и доступности, то автору удалось болѣе или менѣе, иногда, впрочемъ, въ ущербъ существу дѣла, достигнуть намѣченной цѣли. Этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать относительно выполненія имъ второй задачи. На пути, выбранномъ имъ для выясненія понятія философіи, при посредствѣ обзора того, что понималось подъ философіею мыслителями различныхъ племенъ и народовъ, самое бóльшее можно установить, что обычно понимаютъ подъ философіею, а не то что правильно слѣдуетъ подъ нею понимать. Поэтому, также и г. Ѳоминъ въ своемъ введеніи въ исторію философіи вводитъ на дѣлѣ читателя не въ философію вообще, а въ философію, какъ ее обычно, съ его точки зрѣнія, понимаютъ, т.-е. вѣрнѣе, какъ онъ самъ ее понимаетъ, словомъ, въ свою философію, или, даже точнѣе, въ фи-

лософію Вундта, Кюльпе и др., такъ называемыхъ эмпирическихъ метафизиковъ. Философія, по мнѣнію представителей этого направленія, въ частности и нашего автора, сравнительно съ другими науками является лишь болѣе общею наукою, обобщающей не факты дѣйствительности, какъ это дѣлаютъ спеціальныя науки, а тѣ обобщенія, къ которымъ приходятъ онѣ. Она, какъ и послѣднія, покоится въ концѣ концовъ на опытѣ, и при томъ, такъ какъ всякое научное обобщеніе—гипотетично, она—самая гипотетичная изъ всѣхъ, по преимуществу гипотетичная наука. Для занимающихся такою недостовѣрною наукою нѣкоторымъ утѣшеніемъ, по мнѣнію эмпирическаго метафизика, можетъ служить то, что и все знаніе наше недостовѣрно и гипотетично. Мы не будемъ далѣе развивать, а также вдаваться въ критику этого направленія въ современной философіи. Не раздѣляя съ г. Ѳоминымъ пессимистическаго убѣжденія, будто русскій читатель, интересующійся философіею, на столько мало подготовленъ, что не будетъ въ состояніи самъ осилить «введеній» Вундта, Кюльпе и др., мы не осмѣливаемся рекомендовать его книжку для ознакомленія съ указаннымъ направленіемъ въ философіи, а предлагаемъ читателю обратиться къ самимъ трудамъ Вундта, Кюльпе и др., гдѣ онъ найдетъ эмпирико-метафизическое направленіе, безъ сомнѣнія, яснѣе и строже проведеннымъ.

Истинно-цѣннымъ въ книжкѣ является приложенный въ концѣ указатель философской литературы на русскомъ языкѣ. *N. N.*

Библіотека философовъ. XI. Л. Фейербахъ. Его жизнь и ученіе. Фр. Іодля, профессора вѣнскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Максимовой. Съ портретомъ. 1905 года. Людвигъ Фейербахъ, изложенію ученія котораго посвящена разбираемая нами книжка Іодля, представляетъ собою глубоко интересную личность въ исторіи новой философіи. Значеніе его, однако, до сихъ поръ остается не вполнѣ выясненнымъ. Нѣкоторые изъ мыслителей считаютъ его посредствующимъ звеномъ между Гегелемъ, съ одной стороны, и Марксомъ-Энгельсомъ, съ другой. Онъ, утверждаютъ они, своею блестящею критикою Гегеля подготовилъ почву для матеріализма Маркса и Энгельса, представляющаго собою не что иное, какъ перевернутую на голову философію Гегеля. Другіе же, и къ нимъ относятся сами основатели матеріалистическаго пониманія исторіи—наоборотъ, полагаютъ, что онъ «не справился критически съ Гегелемъ, а просто отбросилъ его въ сторону какъ нѣчто ненужное, самъ же, въ противоположность энциклопедическому богатству системы Гегеля, не создалъ ничего положительнаго, кромѣ вздутой религіи любви и тощей безсильной морали». Однако, какъ бы велики ни были разногласія этихъ приговоровъ надъ Фейербахомъ, все же въ основѣ ихъ лежитъ общее убѣжденіе, что Фейербаха можно понять лишь исходя изъ Гегеля, что самые важные его философскіе взгляды возникли въ качествѣ антитезы къ философіи Гегеля. На этой же почвѣ стоитъ и Іодль. Подобно тому, говоритъ онъ, какъ нельзя понять Ньютона безъ Коперника, Галилея и Кеплера, Спинозу—безъ Декарта, Шеллинга—безъ Фихте, такъ точно невозможно осмыслить Фейербаха и мотивы его философской работы мысли, не принимая во вниманіе системы Гегеля, представляющей собою заключительное слово умозрительно-идеалистическаго развитія Кантовской философіи въ первыя десятилѣтія XIX столѣтія. Эта система, по его мнѣнію, и является тѣмъ основнымъ растворомъ, въ которомъ образовался чистый кристаллъ Фейербаховской философіи. Вполнѣ соглашаясь, далѣе, съ мыслителями перваго рода въ томъ, что Фейербахъ своею блестящею критикою Гегелевской философіи окончательно низвергнулъ умозрительно-идеалистическое направленіе, что онъ создалъ почву для новаго дѣйствительно жизненнаго теченія въ философіи, Іодль, въ противовѣсъ этимъ мыслителямъ, полагаетъ, что на вспаханной Фейербахомъ почвѣ долженъ расцвѣсти не

матеріализмъ, въ духѣ Маркса-Энгельса, а позитивизмъ и натурализмъ. По его мнѣнію, «самая краткая и мѣткая характеристика историческаго положенія Фейербаха заключается въ утвержденіи, что онъ произвелъ такой же переворотъ въ философіи Гегеля, какъ Коперникъ въ астрономіи Птоломея; то, что раньше было центромъ вселенной, абсолютный духъ, отодвинулось теперь въ качествѣ простой проекціи на периферію; природа же, которая являлась у Гегеля самоотчужденіемъ духа, становится центральнымъ понятіемъ, носительницею жизни». Исходя изъ такого взгляда, авторъ и посвящаетъ первую часть своей книги изложенію, съ одной стороны, фейербаховской критики Гегеля, съ другой,—основъ его новой философіи. Во второй же части своего сочиненія онъ излагаетъ философію религіи Фейербаха, наиболѣе законченную и систематизированную часть его воззрѣній.

Однако, несмотря на обѣщаніе Іодля дать изложеніе разрушительной фейербаховской критики, ниспровергнувшей гегелевскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ, всю умозрительно-идеалистическую философію, читатель тщетно сталъ бы искать такого изложенія въ произведеніи нашего автора. Правда, въ главѣ I: «Исходный пунктъ фейербаховской философіи» онъ отыщетъ краткій обзоръ критическихъ по отношенію къ Гегелевской системѣ возраженій Фейербаха, однако, едва ли онъ согласится признать ихъ за обѣщанную авторомъ разрушительную критику. Собранныя изъ разныхъ, относящихся къ разнымъ годамъ сочиненій Фейербаха, эти возраженія, помимо того, что они часто покоятся на различныхъ, даже противоположныхъ точкахъ зрѣнія, или совершенно не попадаютъ въ цѣль, или же являются простымъ голословнымъ отрицаніемъ взглядовъ противника,—при томъ даже такимъ, которое не вытекало изъ основныхъ воззрѣній Фейербаха, а вызвано лишь временными обстоятельствами. Такою же тщетною окажется надежда читателя получить изъ книжки Іодля ясное понятіе о новой философіи, воздвигнутой философомъ-отшельникомъ. Хотя Іодль и толкуетъ пространно о фейербаховскомъ сенсуализмѣ, антропологизмѣ и натурализмѣ, но онъ даетъ эти хотя нѣсколько опредѣленныя характеристики ученію Фейербаха, лишь затѣмъ, чтобы, спустя нѣсколько страницъ дальше, путемъ ограниченій ихъ снова все ввергнуть въ неопредѣленность. Фейербахъ—сенсуалистъ, но онъ, утверждаетъ авторъ, «прямо объявляетъ недоразумѣніемъ такой взглядъ, когда чувственное, требуемое методологіею, въ качествѣ дополненія къ логическому, понимается такъ, какъ будто бы оно было непосредственно даннымъ, лежащимъ на ладони, само собою понятнымъ. Напротивъ: люди видятъ вещи сперва такими, какими онѣ имъ являются, а не такими, каковы онѣ есть на самомъ дѣлѣ» (32). Фейербахъ—антропологистъ, но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и натуралистъ, что, конечно, исключаетъ всякій антропологизмъ или антропоцентризмъ.—Эта неспособность Іодля дать полный и ясный очеркъ основныхъ философскихъ взглядовъ излагаемаго имъ писателя проистекаетъ изъ неправильнаго пониманія имъ послѣдняго: его πρῶτον ψεῦδος заключается въ убѣжденіи, что основныя воззрѣнія Фейербаха возникли въ качествѣ антитезы къ философіи Гегеля и что его значеніе состоитъ въ ниспроверженіи умозрительно-идеалистической философіи. Между тѣмъ, внимательное изученіе основныхъ религіозно-философскихъ сочиненій Фейербаха, представляющихъ собою главное наслѣдство, полученное нами отъ него, наоборотъ, открываетъ намъ, что основной стимулъ его философіи, главнымъ образомъ—въ критикѣ теологіи, какъ ученія о трансцендентномъ Богѣ, и затѣмъ трансцендентной философіи, въ частности Гегелевской, лишь постольку, поскольку Фейербахъ понималъ послѣднюю, какъ трансцендентную. Принимая во вниманіе этотъ фактъ, мы легко можемъ далѣе убѣдиться, что Фейербахъ отнюдь не является разрушителемъ идеалистической философіи. Наоборотъ, его значеніе въ области исторіи философіи по существу состоитъ въ прове-

деніи основныхъ идеалистическихъ взглядовъ въ области религіи, въ попыткѣ выполнить ту задачу, которая осталась еще невыполненной, но уже намѣченной Гегелемъ, и надъ которой одновременно съ нимъ трудился Штрауссъ.

N. N.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПЕДАГОГИКА.

К. Келлеръ. Жизнь моря.—*Вахтеровъ*, „Небесныя свѣтила"—*Ауэрбахъ*, „Царица міра"—*Кименталь*, „Какъ слѣдуетъ учиться?"

Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Сочиненіе проф. К. Келлера. Переводъ съ нѣмецкаго, съ разрѣшенія автора, П. Ю. Шмидта. Изданіе 2-ое, съ дополненіями и добавленіемъ новой отдѣльной части. «Жизнь русскихъ морей». Съ 10 хромолитографированными таблицами, 6 отдѣльными гравюрами и 334 рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ. Изданіе А. Ф. Девріена. 1905 г.

Первое изданіе русскаго перевода названнаго труда, проф. Келлера несмотря на значительную цѣну его (7 руб. 50 коп.) разошлось въ теченіе шести лѣтъ въ большомъ числѣ экземпляровъ,—что издатель, хорошо знакомый съ не очень напряженной дѣятельностью русскаго книжнаго рынка, вѣрно считаетъ показателемъ «успѣха» книги, побудившаго его выпустить теперь второе изданіе. Въ этомъ послѣднемъ, «Жизнь моря», говоритъ издатель въ своемъ обращеніи къ публикѣ, является столь же полной и многосторонней *картиной животнаго и растительнаго міра* всѣхъ областей моря, какъ и въ первомъ, и настолько же доступной пониманію *каждаго образованнаго читателя*, хотя бы и не обладающаго спеціальной подготовкой. Переводчикъ только дополнилъ и расширилъ эту картину въ двухъ направленіяхъ: онъ внесъ въ нее наиболѣе важныя пріобрѣтенія, сдѣланныя наукой за время, истекшее съ выхода перваго изданія, и значительно расширилъ *данныя, касающіяся русскихъ морей*. Тогда какъ въ первомъ изданіи свѣдѣнія о жизни русскихъ морей, были разсѣяны въ видѣ мелкихъ дополненій въ текстѣ, теперь онъ далъ характеристику *жизни русскихъ морей* въ видѣ пространнаго и связнаго очерка, выдѣленнаго въ самостоятельную часть книги. Къ этимъ строкамъ издателя, съ которыми мы соглашаемся вполнѣ послѣ сравненія между собою стараго и новаго изданій, нечего прибавить, со стороны общей оцѣнки книги, тѣмъ болѣе, что первое изданіе уже было разсмотрѣно въ свое время на страницахъ этого журнала; но мы должны остановиться возможно внимательно на той части второго изданія, которая составляетъ его особенность сравнительно съ первымъ, а именно на пятой части «Жизнь русскихъ морей». Она интересна, независимо отъ тѣхъ достоинствъ ея, о которыхъ говоримъ ниже, еще и потому, что составляетъ первую попытку научно-популярнаго изложенія вопроса, которому посвящена. Эта часть (довольно обширная, около ста страницъ) состоитъ изъ 4-хъ главъ: 1) Историческій очеркъ изслѣдованія русскихъ морей.—2) Природа и жизнь сѣверныхъ морей.—3) Природа и жизнь южныхъ морей и 4) Природа и жизнь восточныхъ морей.

Въ первой главѣ авторъ говоритъ, между прочимъ, что интересъ къ морю въ Россіи началъ пробуждаться лишь недавно:—«ранѣе у насъ, какъ въ государствѣ по преимуществу континентальномъ, мало кто интересовался соленой стихіей, это отражалось и на научныхъ изслѣдованіяхъ нашихъ русскихъ морей;—изученіе ихъ, хотя и было начато давно, носило характеръ случайности, производилось несистематично и съ ничтожными средствами; лишь за послѣднее десятилѣтіе морскія изслѣдованія въ Россіи стали предприниматься

въ болѣе широкихъ размѣрахъ и приняли серьезный характеръ». Уже въ силу этого авторъ не можетъ предложить читателямъ полной естественной исторіи русскихъ морей и пытается «лишь дать самую общую характеристику физической природы и распредѣленія фауны каждаго изъ нашихъ морей». Но эта характеристика, замѣтимъ мы, въ высокой степени интересна и рельефна. Въ первой главѣ читатель найдетъ краткій очеркъ исторіи научнаго изслѣдованія нашихъ морей,—отъ такъ называемой «первой сѣверной или Беринговой экспедиціи», снаряженной по почину великаго преобразователя Россіи Императора Петра I, незадолго до его кончины, и плававшей около 5 лѣтъ» (1725—1729), до экспедиціи 1904 года, снаряженной въ Каспійское море по почину Императорскаго Русскаго Общества рыболовства и рыбоводства; а также и краткую характеристику дѣятельности Севастопольской и Мурманской біологическихъ станцій.

Во второй главѣ, послѣ общаго обзора природы и жизни сѣверныхъ морей, авторъ высказываетъ слѣдующее весьма интересное замѣчаніе: «Мы можемъ прослѣдить на нашихъ сѣверныхъ моряхъ, шагъ за шагомъ, вліяніе пониженія температуръ и солености на составъ и жизнь животнаго населенія моря. Въ этомъ лежитъ главнѣйшій научный интересъ, представляемый нашими сѣверными морями. Въ то же время моря эти обильны жизнью, воды ихъ населены многими промысловыми животными, которыя до настоящаго времени эксплоатируются человѣкомъ далеко не въ полной мѣрѣ,—эти богатства моря составляютъ огромный капиталъ, за счетъ котораго можетъ существовать многочисленное промысловое населеніе и въ этомъ—крупное экономическое значеніе нашихъ сѣверныхъ морей».

Относительно южныхъ морей (глава 2-я)—Чернаго, Каспійскаго и Аральскаго—авторъ говоритъ, что «они представляютъ изъ себя три совершенно между собою изолированныхъ бассейна, которые имѣютъ, тѣмъ не менѣе, много общаго, какъ по своей природѣ, такъ и въ особенности по своему происхожденію, почему вполнѣ естественно соединить ихъ въ одну группу и разсматривать совмѣстно». Выводъ изъ такого разсмотрѣнія можетъ быть резюмированъ такъ: «Въ современной фаунѣ нашихъ южныхъ морей мы видимъ много отзвуковъ далекаго прошлаго, много намековъ на грандіозные геологическіе процессы, на смѣну фаунъ и вытѣсненіе одной фауны другою. Моря эти представляютъ глубокій интересъ и съ другой точки зрѣнія—именно, со стороны измѣненія формъ и организаціи животныхъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій изоляція и опрѣсненія. Мы имѣемъ въ нашихъ южныхъ моряхъ какъ бы результаты грандіознаго опыта, произведеннаго самой природой, съ цѣлью показать намъ на дѣлѣ измѣнчивость животныхъ формъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Въ этомъ направленіи открывается еще обширное поле для наблюденій и изслѣдованій, такъ какъ вопросы эти пока едва затронуты».

Въ обзорѣ природы и жизни восточныхъ нашихъ морей (глава 3)—Берингова, Охотскаго и Японскаго—авторъ находитъ, что и эти три моря имѣютъ между собою много общаго и по своей природѣ, и по своей фаунѣ. Здѣсь, по мнѣнію его, «мы находимъ въ высшей степени разнообразныя и оригинальныя физическія условія и, несмотря на арктическій характеръ природы,—обиліе жизни. Особый интересъ представляетъ Японское море, благодаря смѣшенію въ немъ двухъ рѣзко различающихся по составу и характеру фаунъ — субъарктической и субтропической. Наконецъ, лишь въ нашихъ восточныхъ моряхъ мы находимъ глубоководную область, по всей вѣроятности, не лишенную жизни и скрывающую въ своихъ нѣдрахъ, надо думать, не мало оригинальныхъ и замѣчательныхъ животныхъ формъ. Такимъ образомъ будущимъ изслѣдователямъ восточныхъ водъ открывается обширное поле, которое, безъ сомнѣнія, принесетъ обильную научную (и промысловую) жатву».

Переходя къ общему заключенію, мы съ удовольствіемъ высказываемъ убѣжденіе, что пятая часть разсматриваемаго труда дѣлаетъ его особенно цѣннымъ для русскаго читателя. Она читается съ неослабѣвающимъ интересомъ, который вызывается не только общедоступностью изложенія, но, главнымъ образомъ, умѣніемъ автора подготовить читателей къ значенію тѣхъ широкихъ обобщеній, которыя дѣлаетъ онъ по заключеніи каждаго ряда однородныхъ статей. Что касается внѣшней стороны изданія, то она, какъ и въ большинствѣ изданій г. Девріена, можетъ удовлетворить даже требовательнаго библіофила.

Н. П. А.

Небесныя свѣтила. Составилъ В. П. Вахтеровъ. 2-е изданіе; цѣна 30 коп. Спб. 1905 г. (Въ 1-мъ изданіи ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія и безплатныя народныя библіотеки и для учебныхъ народныхъ чтеній). Книжка эта принадлежитъ къ серіи, носящей названіе «Библіотека Юнаго Читателя»; составитель ея— авторъ нѣсколькихъ весьма распространенныхъ трудовъ по предмету начальнаго обученія и популяризаціи знаній, справился со своей задачей, говоря вообще, весьма удачно. Можно даже сказать, что излагаемыя имъ свѣдѣнія популяризованы такъ ясно, какъ рѣдко кому удается. Въ то-же время надо замѣтить, однако, что при чтеніи книги получается впечатлѣніе, какъ будто авторъ разсчитывалъ болѣе на читателя «изъ народа», чѣмъ на «Юнаго Читателя». Объ этомъ свидѣтельствуютъ, какъ пріемы изложенія, вообще, такъ и отдѣльныя выраженія въ частности,—въ родѣ «высчиталъ», вмѣсто «вычислилъ»; «померъ», вмѣсто «умеръ» и т. п. Такая «поддѣлка» подъ народный языкъ, по нашему мнѣнію, не необходима: народъ отлично понимаетъ чистый литературный языкъ, какъ то доказываетъ распространенность въ его средѣ нѣкоторыхъ сочиненій графа Л. Толстого и Вл. Короленко. Кстати сказать, составитель, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже и цитируетъ этихъ авторовъ— перваго, когда говоритъ о значеніи солнечной теплоты (стран. 25-я), а второго—въ статьѣ о солнечныхъ затменіяхъ (стран. 37-я).

Къ достоинствамъ книжки надо отнести и то, что каждая глава ея снабжена удачно подобраннымъ эпиграфомъ, заимствованнымъ изъ того или другого поэтическаго произведенія... Мы не сомнѣваемся, что книжка дождется и третьяго изданія, и именно потому позволяемъ себѣ указать на нѣкоторыя частности, которыя желали бы видѣть исправленными въ немъ, и думаемъ, что ознакомившись съ этими частностями, читатели присоединятся къ такому нашему пожеланію.

Статья на страницѣ 50-й книги озаглавлена словами: «*Громадная полосатая планета*». Читатель, конечно, можетъ догадаться, что дѣло идетъ о планетѣ «Юпитеръ», на поверхности котораго всегда видны полосы, называемыя «поясами» Юпитера. Но ихъ совсѣмъ не такъ много, чтобы оправдывался по отношенію эпитетъ «полосатая», который ей и не присвоенъ въ научной терминологіи.

Затѣмъ, въ статьѣ «Планета съ кольцами», т. е. Сатурнъ,—авторъ, послѣ описанія этого тѣла солнечной системы, переходитъ, какъ бы продолжая изложеніе, къ свѣдѣніямъ о землѣ и тѣмъ ставитъ читателя въ нѣкоторое недоумѣніе: эти свѣдѣнія несомнѣнно были бы болѣе «на мѣстѣ» въ началѣ слѣдующей статьи, озаглавленной «*Какъ астрономы изучали землю и небо*».

Эта послѣдняя статья отличается особенно удачнымъ изложеніемъ, — за исключеніемъ только заключительныхъ строкъ ея, которыя являются совсѣмъ неожиданнымъ «диссонансомъ». Судите сами, читатель: «Когда появляется великій человѣкъ, у него всегда бываетъ много завистниковъ. И Коперника называли дуракомъ. Говорили, что онъ желаетъ прослыть умникомъ, и для этого

только и выдумалъ свое ученіе. Это ученіе называли почему-то опаснымъ, глупымъ и вреднымъ. Говорили, что за это Коперника слѣдовало бы высѣчь. Если бы Коперникъ былъ живъ, ему пришлось бы пострадать за свое ученіе, но онъ умеръ раньше, чѣмъ міръ узналъ его ученіе». Если бы вся книга была написана такимъ «фальшивымъ» (мы не можемъ иначе выразиться) языкомъ, то, разумѣется, мы не сказали бы о ней того, что сказано въ первыхъ строкахъ нашей рецензіи; но, къ счастью, приведенная сейчасъ выдержка является рѣзкимъ исключеніемъ изъ всего текста разсматриваемаго труда, и при томъ не только по изложенію, но и по содержанію. Излишне доказывать здѣсь, что ученіе Коперника было преслѣдуемо совсѣмъ не изъ зависти къ автору его, и что систему его называли «опасной» не «почему-то», а совершенно по опредѣленнымъ причинамъ: она подрывала авторитетъ духовенства, которое тогда монополизировало науку, вообще, а науку о міросозданіи въ особенности.

Укажемъ еще на слѣдующіе замѣченные нами досадные недосмотры автора (стран. 75-я): «ученые высчитали, что до луны отъ насъ 35 тысячъ верстъ» (вмѣсто 350 тысячъ верстъ). Съ луною составителю вообще не повезло, такъ какъ на страницѣ 41-ой, говоря объ огненныхъ выступахъ на солнцѣ, онъ замѣчаетъ, что они достигаютъ иногда длины до полмилліона верстъ. Это вдвое больше, чѣмъ отъ насъ до луны»... Слово «вдвое», конечно, здѣсь невѣрно. Нельзя не пожалѣть также, что составитель книжки въ строкахъ о величинѣ поверхности луны и объ объемѣ ея не дѣлаетъ прямого сравненія съ такими же элементами нашей планеты, хотя по отношенію къ солнцу онъ прибѣгаетъ къ такому сравненію.

Наконецъ, на страницѣ 145-й составитель замѣчаетъ, что солнце «несется къ созвѣздію (группѣ звѣздъ) Геркулеса», тогда какъ послѣднія изслѣдованія, какъ извѣстно, заставляютъ заключить, что точка небеснаго свода, къ которой въ данный моментъ направлено движеніе солнца, лежитъ въ общемъ направленіи отъ насъ созвѣздія Лиры и, можетъ быть, близко къ самой яркой звѣздѣ его—Вега.

Послѣ перечисленныхъ замѣчаній, спѣшимъ повторить еще разъ, что приведенные недостатки, которые легко могутъ быть устранены въ слѣдующемъ изданіи, не мѣшаютъ намъ назвать трудъ г. В. П. Вахтерова заслуживающимъ возможно большаго распространенія въ средѣ малоподготовленныхъ, но любознательныхъ читателей. *Н. П. А.*

F. Auerbach. проф. Іенскаго университета. Царица міра и ея тѣнь. Общедоступное изложеніе основаній ученія объ энергіи и энтропіи. Перев. съ нѣмецкаго. (VIII+55 стр.). Ц. 50 к. Одесса. 1905. Изд. Mathesis. Давно намъ не приходилось читать столь увлекательно и ясно написанной научнопопулярной брошюры. Царица міра—это энергія, тѣнь ея—энтропія. Нѣтъ въ философіи физики болѣе глубокихъ и въ тоже время болѣе трудно усваиваемыхъ понятій, какъ энергія и особенно—энтропія; они трудны даже и для строго научнаго изложенія, и тѣмъ удивительнѣе искусство проф. Ауэрбаха, сумѣвшаго въ краткой брошюрѣ выяснить для самой широкой публики сущность и значеніе этихъ двухъ основныхъ принциповъ современной физики. Трудно даже учесть всю громадную полезность такихъ популяризацій уже по одному тому, что они способствуютъ болѣе экономной тратѣ человѣческой мысли. Только тогда, говоритъ извѣстный французскій физикъ Ш. Гильомъ въ предисловіи къ французскому переводу этой брошюры, «когда начало сохраненія энергіи станетъ обыденнымъ, его полезность пріобрѣтетъ полную силу; когда всякій подмастерье въ наукѣ будетъ работать имъ съ полной увѣренностью, именно тогда оно и окажется особенно плодотворнымъ, оно предохра-

нитъ тогда даже начинающихъ отъ безплодныхъ изслѣдованій отдѣльныхъ случаевъ, такъ какъ общее начало сможетъ дать, такъ сказать, механически и съ совершенной очевидностью то рѣшеніе, котораго они ищутъ».

Особенно оригинальны по методу доказательствъ и блестящи по изложенію тѣ мѣста брошюры Ауэрбаха, гдѣ онъ выясняетъ «реальность» энергіи, которую совершенно также, какъ и вещество, мы можемъ покупать и продавать, накоплять и расточать и даже... воровать.

Еще труднѣе для популярнаго изложенія понятіе объ энтропіи; до того, какъ мы прочли статью проф. Ауэрбаха, намъ, по крайней мѣрѣ, казалось, что это понятіе не поддается такому изложенію. И съ этой трудной задачей авторъ справился самымъ блестящимъ образомъ: даже неподготовленный читатель получитъ ясное представленіе объ энтропіи, какъ міровой тенденціи къ выравниванію, проявляющейся повсюду въ природѣ съ неумолимой силой, тенденціи, благодаря которой и вращеніе земли вокругъ солнца должно прекратиться также, какъ и колебанія маятника или біеніе сердца. Разсѣяніе міровой энергіи ежесекундно возростаетъ, а интенсивность ея уменьшается. «Что упало—то пропало, не воротишь, что ушло»—разсѣянной энергіи въ громадномъ большинствѣ случаевъ нельзя уже собрать снова, если же это иногда и удается, то только относительно части ея. Степень этого разсѣянія энергіи и зовется *энтропіей*. Энтропія въ общемъ непрерывно возрастаетъ, энергія «обезцѣнивается», несмотря на то, что количество энергіи остается во вселенной неизмѣннымъ. Процессъ превращенія одного вида энергіи въ другую непрерывенъ: «природа непрерывно производитъ мѣновыя сдѣлки; но къ несчастію, она всегда при этомъ страдаетъ, получая каждый разъ въ обмѣнъ все меньшую цѣнность и такимъ образомъ постоянно бѣднѣетъ». Различныя формы энергіи неодинаковы по своей цѣнности, «между ними существуетъ какъ бы извѣстная табель о рангахъ», наукой до сихъ поръ детально еще не установленная, но во всякомъ случаѣ можно утверждать, что «на нижнемъ концѣ этого ряда стоитъ теплота; тепловая энергія наименѣе поддается обращенію».

Непріятнымъ побочнымъ продуктомъ всѣхъ процессовъ природы является теплота низкаго напряженія, которая въ большинствѣ случаевъ не способна уже къ концентраціи. Все въ природѣ стремится къ разсѣянію, выравниванію и обезцѣниванію. Вселенная обречена смерти.

Авторъ утѣшаетъ человѣчество только тѣмъ, что смерть эта и торжество энтропіи еще безконечно далеки, такъ какъ чѣмъ дальше идетъ процессъ выравниванія, тѣмъ онъ течетъ медленнѣе, ибо различія становятся мельче... «И безконечное время мы можемъ еще пользоваться благословеніями царицы міра, не смущаясь ея постоянно удлиняющейся тѣнью». *В. Агафоновъ.*

Викторъ Кименталь. Какъ слѣдуетъ учиться? (Посвящается всѣмъ стремящимся къ самообразованію). Спб. 1905. 64 стр. Ц. 50 к. 2 изданіе. Мы не стали бы останавливаться на этой книжкѣ, если авторъ не предупредилъ насъ, что она печатается 2 изданіямъ. Значитъ, нашлись же легковѣрные, которые раскупили первое. Намъ жаль русскаго читателя, «стремящагося къ самообразованію», и мы считаемъ своимъ долгомъ предупредить его, что въ макулатурѣ, преподносимой г. Кименталемъ «абитуріентамъ среднихъ учебныхъ заведеній и студентамъ—высшихъ», конечно, нельзя найти ничего, кромѣ оригинальныхъ совѣтовъ, взятыхъ изъ старыхъ прописей и изъ учительскихъ нашихъ гимназій: «Не пропускайте дня безъ работы; избѣгайте посторонней помощи въ своихъ занятіяхъ; труднѣе всего вначалѣ—быть терпѣливымъ и работать не торопясь; взявшись за работу, старайтесь ее выполнить, какъ можно лучше; сидите правильно и бодро (sic!); давайте работу только доброкачественную; безъ картъ, вообще, не слѣдуетъ изучать географію» и т. п.

Перлы педагогической мудрости, которымъ позавидовалъ бы самъ Кузьма Прутковъ.

Таковы же экскурсіи автора и въ область психологіи. «Когда знаніе (!) понято, глубокомысленно изрекаетъ г. Кименталь, необходимо его укрѣпить въ памяти, иначе оно быстро исчезаетъ. Это достигается повтореніемъ его».

«Нѣтъ вы подумайте!», несомнѣнно сказалъ бы толстый помѣщикъ изъ «Вишневаго сада», умилившись мудрости г. Кименталя.

Еще большій восторгъ Чеховскаго помѣщика вызвалъ бы авторъ мнемоническими правилами.

Города Голландіи:

Амстердамъ, Гарлемъ, Сардамъ,
Гага, Лейденъ, Роттердамъ.

Нѣтъ, вы подумайте!

Напрасно только авторъ думаетъ, что «абитуріенты среднихъ учебныхъ заведеній» не дошли до этихъ географическихъ стишковъ своимъ умомъ,—они могли бы сообщить ему еще нѣсколько поскладнѣе и позабавнѣе.

Энциклопедистъ авторъ не довольствуется совѣтами, а сообщаетъ своимъ читателямъ и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ жизни великихъ людей, напр., хотя бы то, что «Дарвинъ—великій философъ, преобразовавшій науку—отличался тяжелымъ умомъ и слабой памятью...»

Нѣтъ, вы подумайте!

Одно подвергло насъ въ глубочайшее удивленіе, почему это оригинальное и столь полезное для россійскаго юношества произведеніе г. Кименталя не одобрено нашимъ просвѣщеннымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Упоминаніе о Дарвинѣ, конечно, могло бы внушить нѣкоторыя подозрѣнія о недостаточной устойчивости міровоззрѣнія автора, если бы его полная благонадежность не била ключомъ изъ каждой строчки. Развѣ не разсѣетъ окончательно сомнѣнія начальства хотя бы слѣдующее размышленіе автора о значеміи самовнушенія. «Приходится, напр., учить (!) вамъ такой предметъ, пользы знанія котораго вы не видите. Разсуждайте такъ—знаніе этого предмета школа считаетъ обязательнымъ, слѣдовательно, уклониться отъ изученія его нельзя. Зачѣмъ же мучить себя каждой разъ, приступая къ занятію этимъ предметомъ, думами, что приходится напрасно тратить время, заполняя этотъ ненужный на вашъ взглядъ, противный предметъ. Занимаясь дѣломъ неохотно, съ отвращеніемъ, вы непремѣнно дѣлаете его плохо, значитъ, въ классѣ вамъ часто приходится слышать непріятныя замѣчанія учителя, получать дурныя отмѣтки... Не значитъ ли это походить на упрямаго осла, который не хочетъ везти тележку: его бьютъ, мучатъ и все же, въ концѣ концовъ, онъ везетъ таки ее...» Неуже ли этотъ оселъ не уравновѣситъ въ глазахъ ученаго комитета Народнаго Просвѣщенія Дарвина?!

Положительно будетъ большой несправедливостью, если на третьемъ изданіи «сочиненія» г. Кименталя изъ Новоржева не будетъ красоваться «одобрено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія».

В. Агафоновъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го іюля по 15-е августа 1905 г.).

Байронъ. Изд Брокгаузъ-Ефронъ «Библіотека великихъ писателей» подъ редакціей С. А. Венгерова. Т. II. Спб. 1905.

Борисъ Халатовъ. Стихъ и душа. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Софія Благодушная. Какъ онъ пошелъ въ народъ. Т. II. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Ѳ. Поступаевъ. Пѣсни рабочей жизни. Изд. Донской Рѣчи. № 95. Ростова н/Д. 1904. Ц. 10 к.

Ив. Колотовкинъ. За горами и другіе разсказы. Екатеринбургъ. 1905. Ц. 65 к.

М. Суріо. Лицейскій сторожъ. Изд. Библ. «Друга дѣтей». Москва. 1905. Ц. 25 к.; въ папкѣ 35 коп.

А. Т. Грабина. Нови писни Беранже. Кіевъ. 1905. Ц. 20 коп.

Путешествіе по Сахарѣ (по Брему). Изд. Горбунова-Посадова. Москва. 1905. Ц. 10 коп.

Воздушные путешественники. Изд. Горбунова-Посадова. Москва. 1905. Ц. 15 к.

В. Муйжель. Въ непогоду. Изд. М .Орѣхова. «Новая Библіотека». Спб. 1905. Ц. 5 к.

А. Р. Крандіевская. Дочь народа. Изд. М. Орѣхова. «Новая Библіотека». Спб. 1905. Ц. 5 коп.

Густавъ Флоберъ. Юліанъ Милостивый. Изд. 2-е. В. Губинскаго. 1899. Ц. 10 коп.

Его-же. Простое сердце. Изд. тоже. Ц. 10 к.

Его-же. Иродіада. Изд. тоже, 2 е. Ц. 10 к.

Н. К. Михайловскій. Послѣдняя сочиненія. Т. II. Изд. ред. журн. «Русское Богатство». Спб. 1905. Ц. 1 руб. 50 коп.

Историческія письма. Изд. ред. журн. «Русское Богатство». Спб. 1905. Ц. 1 р.

Б. Эфруси. Очерки по политической экономіи. Изд. ред. журн. «Русское Богатство». Спб. 1905. Ц. 1 р.

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в. Т. I. Декабристы. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 5 р.

Учебникъ зоологіи и сравнительной анатоміи для высшихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Н. А. Холодковскій. Изд. Девріена. Спб. 1905. Ц. 5 р 50 к.

Жуки Россіи и Западной Европы вып. II. Изд. Девріена. Спб. 1905. Ц. за 10 вып. 18 р. по подпискѣ.

А. Ѳ. Кони. Судебныя рѣчи. Изд. 4-е значительно дополненное. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Н. Лазаревскій. Отвѣтственность за убытки, причиненные должностными лицами. Спб. 1905. Ц. 4 р. 50 коп.

В. Ю. Скалонъ. По земскимъ вопросамъ. 1) Въ переходное время (1880 — 1882). Изд. «Общественной пользы». Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 коп.

А. Ф. Волковъ. Секретаріаты рабочихъ и палаты труда въ западной Европѣ. Спб. 1905.

А. Колонтай. Къ вопросу о классовой борьбѣ. Изд. «Библ. Маріи Малыхъ», № 51. Спб. 1905. Ц. 10 коп.

В. Водовозовъ. Пропорціональные выборы или представительство меньшинства. Изд. «Библ. Маріи Малыхъ». № 45. Спб. 1905. Ц. 10 коп.

Проф. А. Н. Миклашевскій. Стачки и соціальный вопросъ. Право стачекъ. Спб. 1905. Ц. 30 коп.

Ст. Струмилинъ. Богатство и трудъ. Популярно-научный очеркъ. Изд. «Библ. Общественной пользы». Спб. 1905. Ц. 40 коп.

М. Я. Герценштейнъ. Аграрный вопросъ. Изд. «Библ. Общественной пользы». Спб. 1905. Ц. 50 коп.

Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Изд. М-ва Финансовъ отд. промышленности. Спб. 1905.

Н. П. Дружининъ. Очерки крестьянской общественной жизни. Изд. книж. склада «Право». Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 коп.

Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть вторая, выпускъ 2-й (Удѣльная Русь). Изд. Шамова. Москва. 1905. Ц. 1 р.

Фридрихъ Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Изд. «Библ. Общественной пользы». Спб. 1905. Ц. 1 р.

А. Н. Бахъ. Экономическіе очерки. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 15 коп.

В. Беджготъ. Государственный строй Англіи. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1905. Ц. 1 р. 60 коп.

Ѳ. Ѳ. Крыштофовичъ. Американскія письма. Изд. журн. «Наука и жизнь». Спб. 1905. Ц. 35 коп.

Домашній лѣчебникъ, подъ редакціей проф. Н. П. Гундобина. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1905.

М. Сабинина. Жизнь растенія. Изд. О. Поповой «Изъ жизни природы и человѣка». Спб. 1905. Ц, 20 коп.

Хуго Ванденбергъ. Историческое развитіе Японіи. (отъ основанія государства до Цусимскаго боя). Спб. 1905. Ц. 30 к.

Эмиль Розеновъ. Томасъ Мюнцеръ. Изд. «Библ. Маріи Малыхъ». № 52. Спб. 1905. Ц. 10 коп.

Н. С. Филитисъ. Подвижныя игры въ школѣ и дома. Москва. 1905. Ц. 10 коп.

Вильямъ Ривсъ. Политическія права женщинъ въ Австраліи. Изд. «Библ. Маріи Малыхъ». № 46. Спб. 1905. Ц. 10 к.

С. Г. Сватиковъ. Созывъ народныхъ представителей. Изд. «Донской Рѣчи». Ростовъ н/Д. 1905. Ц. 10 коп.

Н. А. Крюковъ. Чѣмъ живетъ и на чемъ зиждется «Сельское хозяйство». Изд. Сытина. Москва. 1905. Ц. 15 коп.

М. М. Лютовъ. Жизнь и труды Гиббона. Изд. 2-е. Спб. 1900. Ц. 75 коп.

С. А. Меликсъ-Саркисянъ. Хлопковое дѣло въ Ферганской области. Москва. 1904.

Уставъ союза для борьбы съ дѣтской смертностью въ Россіи. Спб. 1905.

Народныя представители составилъ Г. Шершеневичъ. Изд. Каз. Юрид. Об-ва. Казань. 1905. Ц. 5 коп.

И. С. Штейнгауеръ. Земля и небо. Общедоступныя бесѣды о мірозданіи. Изд. Карбасникова. Спб. 1905. Ц. 15 коп.

Лордъ Маколей. О гражданскихъ правахъ евреевъ. Изд. Юровскаго. Спб. 1905. Ц. 15 коп.

Что сдѣлали сельско-хозяйственные союзы на западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ. Составилъ А. Смирновъ. Изд. Горбунова-Посадова. Москва. 1904. Ц. 15 к.

Изданія книгоиздательства «Буревѣстникъ». Одесса. 1905.

1) К. Каутскій. Классовые интересы. Ц. 8 коп.
2) М. Шиппель. Профессіональные союзы рабочихъ. Ц. 15 коп.
3) Ф. Лассаль. О сущности конституціи. Изд. 2-е. Ц. 6 коп.
4) Ф. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и въ Германіи. Ц. 15 коп.
5) Л. Аксельродъ. (Ортодоксъ). О проблемахъ идеализма. Ц. 15 коп.
6) А. Арну. Мертвецы коммуны. Ц. 4 к.
7) Ж. Гэдъ. Коллективизмъ. Ц, 6 коп.
8) В. Либкнехтъ. Воспоминанія о Марксѣ. Ц. 20 коп.
9) В. Враке. Долой соціалдемократовъ. Ц. 8 коп.
10) К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. О коммунизмѣ. Ц. 20 коп.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Lebendige Kräfte» von Eyth Max (*Springer*) *4 M.* (*Живыя силы*). Изображенные авторомъ характеры въ его очеркахъ взяты изъ дѣйствительной жизни. Это «живыя силы», въ которыхъ сосредоточивается умственная дѣятельность народа и которыя проявляются также въ его технической дѣятельности. Особенно интересенъ очеркъ, озаглавленный «Фараонъ въ вѣкѣ пара», въ которомъ изображенъ Измаилъ Паша и его дѣятельность въ Египтѣ, и другіе очерки, относящіеся къ Египту: «Вода въ старомъ и новомъ Египтѣ», «Математика пирамиды Хеопса», а также статья о философіи изобрѣтеній.

(Kritische Blätter).

«Lectures on the Relation between Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century», by A. V. Dicey (*Macmillan*) *10 s* (*Лекціи объ отношеніяхъ между закономъ и общественнымъ мнѣніемъ Англіи въ XIX вѣкѣ*). Эта исторія и анализъ различныхъ теченій общественнаго мнѣнія, оказывавшихъ болѣе или менѣе непосредственное вліяніе па законодательство и политическія доктрины въ Англіи съ 1800 года. Авторъ указываетъ, насколько все англійское законодательство складывалось подъ вліяніемъ «закона, образующаго общественное мнѣніе» страны, такъ что существованіе нѣкоторыхъ законовъ можетъ быть только объяснено могущественнымъ воздѣйствіемъ на парламентъ общественнаго мнѣнія. Авторъ различаетъ три главныхъ теченія, вліявшихъ на общественное мнѣніе: первое — это періодъ стариннаго торіизма, съ 1800 до 1830 г.: второе—періодъ Бентамизма или индивидуализма и третье—періодъ коллективизма, который длится до сихъ поръ.

(Times).

«Discours Parlementaires», Jean Jaurès, Tome premier. (*Ed Conély et Co*) (*Парламентскія рѣчи*). Въ своемъ предисловіи къ этому собранію политическихъ рѣчей, произнесенныхъ съ 1886 по 1894 г. Жоресъ разсказываетъ о своемъ вступленіи въ парламентскую жизнь и описываетъ существовавшее тогда отношеніе между соціализмомъ и радикализмомъ. Рѣчи Жореса являются важными документами, для характеристики современной исторіи Франціи, политическихъ теченій и взаимоотношеній партій.

(Journal des Débats).

«Der Antisemitismus des Altertums in seiner Entstehung und Entwicklung», von Felix Stahelin. (*A. F. Lendorff*) (*Антисемитизмъ въ древности, его происхожденіе и развитіе*). Чрезвычайно интересное историческое изслѣдованіе происхожденія и развитія антисемитизма въ древнія времена, причемъ авторъ, опредѣляя причины антисемитизма, высказываетъ мнѣніе, что христіанство не виновно въ теперешнемъ антисемитизмѣ и что антисемитизмъ является лишь пережиткомъ языческаго инстинкта, языческой расовой ненависти.

(Frankfurt. Zeit.).

«Les idées Socialistes en France de 1815 à 1848, par G. Isambert (*Félix Alcan*). (*Соціалистическія идеи во Франціи съ 1815 по 1848 г.*). Авторъ изучаетъ всѣ соціалистическія теоріи, возникшія въ первой половинѣ XIX вѣка, и, придерживаясь хронологическаго порядка, излагаетъ взгляды различныхъ оригинальныхъ мыслителей, изслѣдуетъ ихъ систему. Избѣгая какой бы то ни было полемики, авторъ не выходитъ изъ рамокъ историческаго изслѣдованія, что придаетъ особенную цѣнность его книгѣ, которая даетъ полную и безпристрастную картину одного изъ важнѣйшихъ общественныхъ движеній нашего времени.

(Temps).

«Die Teilung der Erde», von Ioh. Barolin. Zweite Auflage (*E. Pierson*). (*Раздѣленіе земли*). Авторъ предлагаетъ основать прочный миръ посредствомъ раздѣленія земнаго шара на десять великихъ сферъ экономическаго вліянія, при чемъ эти сферы вліянія должны быть предоставлены державамъ на основаніи извѣстныхъ принциповъ, которые авторъ формулируетъ и опредѣляетъ весьма остроумнымъ образомъ. Несмотря на химеричность идей, автора, книга его читается съ большимъ интересомъ.

(Journal des Débats).

«Études sur la sélection chèz l'homme», par le D-r Paul Jacoby. Paris (*Alca*

10 fr. (*(Естественный подборъ у человѣка*). Въ этой книгѣ авторъ, извѣстный психіатръ, излагаетъ результаты своихъ наблюденій надъ естественнымъ подборомъ и его отношеніемъ къ наслѣдственности у человѣка. Книга раздѣляется на двѣ части: въ первой авторъ разсматриваетъ вліяніе власти. Власть, для своего осуществленія, требуетъ расходованія нервной силы и отъ этого происходятъ различныя физіологическіе недостатки и пороки, жертвами которыя становятся властители и члены ихъ семейства. У нихъ обнаруживаются всѣ признаки дегенерацін и авторъ это доказываетъ медицинскою исторіей семьи Октавія, начиная съ Юлія Цезаря до дочери Нерона Клавдіи Августы, а также наблюденіями надъ царствующими династіями Испаніи, Италіи, Португаліи, Франціи и Англіи. Во второй части онъ говоритъ о такомъ же роковомъ дѣйствіи таланта; потомки великихъ людей обыкновенно слабы, безсильны, какъ въ умственномъ, такъ и физическомъ отношеніи и раса этихъ людей, вообще, осуждена на вымираніе. Авторъ подтверждаетъ свои выводы массою фактовъ, основанныхъ на историческихъ документахъ и тщательно сгруппированныхъ.

(Polybiblion).

«Les Jeux des enfants, étude sur l'imagination créatrice chez l'enfant», par Frédéric Gueyrat. (*Alcan*) *2 fs 50* (*Игры дътей; изслъдованіе творческаго воображенія у ребенка*). Авторъ разсматриваетъ игры дѣтей, какъ одну изъ стадій развитія творческой силы воображенія и говоритъ, что въ основаніе игръ заложены инстинкты, удовлетворенія которыхъ ребенокъ ищетъ въ игрѣ. Кромѣ того, на игры оказываетъ вліяніе наслѣдственность, и большую роль играетъ въ нихъ подражаніе. Затѣмъ авторъ переходитъ къ изслѣдованію воспитательнаго вліянія игръ и посвящаетъ отдѣльную главу игрѣ въ куклы, въ которой дѣвочки удовлетворяютъ свой инстинктъ материнства.

(Polybiblion).

«Les Drames de l'Histoire», *par M. le comte Fleury.—Mesdames de France pendant l'émigration. — Madame Lavalette.— Gaspard Hausir.—*(*Hachette*) *fr. 50.* (*Драмы исторіи*). Чрезвычайно интересная книга, авторъ которой, строго придерживаясь историческихъ документовъ, разсказываетъ драматическіе эпизоды изъ жизни нѣкоторыхъ историческихъ личностей, напр. бѣгство Лаваллетта, избѣжавшаго смертной казни лишь благодаря героическому самоотверженію его жены и т. д.

(Revue des deux Mondes).

«La Morale scientifique, essai sur les applications morales des sciences sociologiques» par Albert Boyet (*Alcan*) *2 fr. 50.* (*Научная нравственность*). Эта книга представляетъ опытъ примѣненія соціологическихъ наукъ въ области нравственности. Авторъ хочетъ поставить нравственность на научныя основанія и освободить ее отъ всякаго рода религіозныхъ и метафизическихъ предразсудковъ.

(Polybiblion).

«L'Evolution de la matière» par le D-r Gustave Le Bon (*Flammarion*) *Bibliothèque de Philosophie scientifique. 3 fr. 50.* (*Эволюція матеріи*). Философія заинтересована не менѣе физики въ результатахъ открытій катодныхъ лучей и радія. Эти открытія произвели переворотъ въ господствующихъ идеяхъ относительно строенія матеріи, и даже основы механики подверглись глубокимъ измѣненіямъ. Въ этой книгѣ авторъ подробно изслѣдуетъ этотъ важный переворотъ въ наукѣ, въ которомъ онъ самъ участвовалъ своими изысканіями. Между прочимъ, авторъ первый высказалъ предположеніе, что свойства радія распространяются на всѣ тѣла въ природѣ.

(Revue des dex Mondes).

«Réligions et sociétés», *par Théodore Reinach, A. Pucch, Raoul Allier, Anatole Leroy Beaulieu, baron Carra de Vaux et Hippolyte Dreyfus* (*Alcan*) *6 fr.* (*Религіи и общества*). Это собраніе лекцій. прочитанныхъ авторомъ въ École des Hautes Études Sociales, по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ религій и обществъ, эволюцій религіозныхъ идей и религіознаго прогресса, заключающагося въ послѣдовательномъ исчезновеніи различныхъ религій. Кромѣ того, въ книгѣ заключаются интересныя монографіи разныхъ религіозныхъ движеній.

(Journal des Débats).

«Le Socialisme fédéral», *par Noel Delens.* (*Stock*) *6 fr.* (*Федеральный соціализмъ*). Авторъ считаетъ химеричной надежды завоевать по частямъ ту власть, которую держитъ въ своихъ рукахъ буржуазное общество, но въ тоже время онъ находитъ тактику Мильерана и Жореса лучшей для подготовленія окончательнаго торжества соціализма, это послѣднее поведетъ къ обранію новаго общества, которое авторъ описываетъ въ главныхъ чертахъ.

(Polybiblion).

«Socialisme et libéralisme», *reflexions sur le mouvement politique et l'éducation morale, pai C. Bouglé. Paris* (*Cornély*) *1 fr. 50. Соціализмъ и либирализмъ*). Хорошо извѣстный французскій профессоръ соціальной философіи собралъ въ этой книгѣ свои лекціи, прочитанныя имъ о политическомъ движеніи и нравственномъ воспитаніи и о роли воспитателя въ отношенія

религій, соціализма и патріотизма. Въ этихъ лекціяхъ онъ доказываетъ, что низшіе классы терпѣли и терпятъ слишкомъ много несправедливости, и поэтому общество должно вознаградить ихъ за это, не требуя ничего взамѣнъ. Въ этомъ авторъ видитъ главную задачу общества въ настоящее время. Затѣмъ авторъ устанавливаетъ извѣстныя правила, которыми долженъ руководствоваться воспитатель юношества, проникнутый республиканскими убѣжденіями и искренно преданный своему дѣлу.
(Journal des Débats).

«*La morale des religions*», *par I. L. de Lanessan* (*Alcan*). (*Нравственное ученіе религій*). Авторъ изучаетъ нравственное ученіе древнихъ арійскихъ народовъ, греческаго и римскаго античнаго міра, христіанства и Ислама и приходитъ къ заключенію, что нравственность народовъ совершенно независима отъ религій, и иногда только религія портитъ ее. Вообще, ни религія, ни философія не въ состояніи побѣдить природу, и на это указываютъ результаты всякаго рода нравственныхъ предписаній, которые часто, вслѣдствіе преувеличеній и насилія природы, приносятъ болѣе вреда, нежели пользы.
Journal des Débats)·

«*Ouvriers et patrons*», *par Eugène Fournière* (*Fasquelle*). (*Рабочіе и хозяева*). Авторъ доказываетъ, что существующее рабочее законодательство вызвано экономическою необходимостью, явившейся какъ результатъ преобразованный соціальной среды подъ вліяніемъ научныхъ открытій и примѣненія ихъ къ промышленности. Теорія профессіональнаго риска, о которой въ прошломъ не имѣли понятія, образовалась сама собой и породила необходимость обезпеченія жизни и здоровья рабочихъ, результатомъ чего явились санитарные законы и др. Но пробѣлы рабочаго законодательства еще очень велики и требуютъ своего пополненія, что и составляетъ главную задачу современной эпохи.
(La Revue).

«*Les Causeries du Grand Père*» *par Frédéric Passy* (*Firmin Didot*) 1 *fr.* *50*. (*Бесѣды дѣдушки*). Этотъ маленькій томикъ заключаетъ въ себѣ курсъ политической экономіи, изложенный авторомъ въ бесѣдахъ съ внуками, которымъ онъ объясняетъ, что такое собственность, въ чемъ заключаются роль и значеніе ассоціацій, денегъ, корпорацій, свободы торговли, и какъ надо относиться къ роскоши и экономіи. Все это авторъ освѣщаетъ примѣрами и приправляетъ остроумными замѣчаніями, анекдотами и т. д., что дѣлаетъ книгу занимательной для чтенія.
(La Revue).

«*Buch berühmter Kaufleute, Männer von Tatkraft und Unternehmungsgeist in ihrem Lebensgange geschildlrt von Wilhelm Berdrow* (*Otto Spamer*) *7 m. 50*. (*Книга знаменитыхъ купцовъ*). Въ этой книгѣ авторъ описываетъ жизнь цѣлаго ряда такихъ дѣятелей, которые, обладая громадною энергіей и предпріимчивостью, оказывали вліяніе на политическое и экономическое развитіе своей страны, начиная со временъ эпохи возрожденія вплоть до современной эпохи, при чемъ послѣдняя глава книги посвящена Сесилю Родсу и его дѣятельности въ Южной Африкѣ. Вмѣстѣ съ біографическими очерками отдѣльныхъ личностей, авторъ рисуетъ и ту обстановку и эпоху, въ которой они жили и дѣйствовали. Но онъ говоритъ не только о прошломъ, а затрогиваетъ также вопросы, касающіеся настоящаго въ исторіи отдѣльныхъ личностей даетъ картину роста и развитія промышленности и капитала.
(Kritische Blätter.).

«*Geschlecht und Charakter*», *von Otto Weininger. Einer principielle Untersuchung* (*Braumüller*) 5 *m.* (*Полъ и характеръ*). Авторъ разсматриваетъ чисто съ этической точки зрѣнія соціальную проблему положенія женщины въ общественной совмѣстной жизни, при чемъ онъ отказываетъ женщинѣ въ логикѣ и нравственности и доказываетъ, что у нея не существуетъ собственнаго я. Книга представляетъ философское сочиненіе, цѣнное во многихъ отношеніяхъ, но явно направленное противъ идеи уравненія правъ женщинъ.
(Berl. Tag.).

«*Mutterschaft und Mütter*», *von Adele Crepaz. Kulturgeschichtl. Studien*. (*Wigand*) *6 m.* (*Материнство и матери*). Въ отдѣльныхъ частяхъ этой книги, представляющей настоящій гимнъ материнству, собранъ богатый матеріалъ, касающійся положенія этого вопроса у дикихъ и культурныхъ народовъ. Съ этой точки зрѣнія книга эта представляетъ соціально научный интересъ.
(Frankfurt. Zeit.).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова**. Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ**.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042637255

